

**Труды и материалы
Международного научного симпозиума
«Славянские языки и культуры в современном мире»**

**Новые явления
в славянском словообразовании:
система и функционирование**

Доклады XI Международной научной конференции
Комиссии по славянскому словообразованию
при Международном комитете славистов

Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова,
филологический факультет, 24–26 марта 2009 года

Москва, Макс Пресс, 2010

Рецензенты

доктор филологических наук, профессор *Е. В. Клобуков*
доктор филологических наук, доцент *С. И. Иорданиди*

Сборник научных докладов XI Международной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов дает уникальную возможность сравнить активные словообразовательные процессы в большинстве современных славянских языков. В статьях сборника анализируются новые явления в словообразовании, процесс активного заимствования из английского языка и адаптации заимствованной лексики к славянским языковым системам, роль аналогии в словопроизводстве, деривационный потенциал иностранных и русских корней, усиление роли словосложения разных типов, влияние словообразовательных инноваций на типологические характеристики славянских языков, игровая и окказиональная деривация и другие вопросы.

Для аспирантов, преподавателей, а также широкого круга русистов и славистов, интересующихся словообразованием и активными процессами в русском и других славянских языках.

**Новые явления
в славянском словообразовании:
система и функционирование**

Доклады XI Международной научной конференции
Комиссии по славянскому словообразованию
при Международном комитете славистов

Ответственный редактор
Е. В. Петрухина

Москва, Макс Пресс, 2010

Содержание

Содержание	5
Предисловие	9

I. Новые явления в славянском словообразовании с точки зрения словообразовательной теории

<i>Е. С. Кубрякова (Москва)</i>	
Роль аналогии в порождении новых производных слов	14
<i>И. С. Улуханов (Москва)</i>	
Неология и заимствования	25
<i>А. А. Лукашанец (Минск)</i>	
Языковой пуризм как фактор развития словообразовательной системы (на примере белорусского языка)	37
<i>Б. Тошович (Грац)</i>	
Процессы дивергенции в современном словообразовании сербского, хорватского и бошняцкого языков	50
<i>К. Waszakowa (Warszawa)</i>	
Innowacje słowotwórcze jako rezultaty integracji pojęciowej (w świetle modelu dynamicznego opartego na uzusie językowym)	64
<i>Н. Ф. Клименко (Киев)</i>	
Словообразовательные средства интеллектуализации современного украинского языка	76
<i>Ю. Балтова (София)</i>	
О словообразовательной и лексической интерпретации некоторых интернационализмов в славянских языках	90

<i>Ц. Аврамова (София)</i> О некоторых (новых) явлениях в славянском словообразовании с типологической точки зрения	100
<i>Г. П. Нецименко (Москва)</i> Тенденция языковой экономии как фактор динамики литературной нормы	116
<i>О. П. Ермакова (Калуга)</i> Деривационно связанные значения корней (проблемы изучения)	135
<i>В. Н. Виноградова (Москва)</i> Поэтическое словообразование как фактор появления инноваций в языке	142
<i>Р. Драгичевич (Белград)</i> Словообразовательные инновации с точки зрения исследования деривационных гнезд сербского языка	148
<i>Р. Беленчикова (Магдебург)</i> Парадигматические отношения производных слов и их представление в двуязычном словаре (на материале глаголов с префиксом <i>об-</i>)	163
<i>A. Nagórko (Berlin)</i> Motywacja słowotwórcza a ikoniczność	175
<i>А. В. Никитевич (Гродно)</i> К сопоставлению словообразовательных подсистем близкородственных языков	187
<i>Н. Д. Голев (Кемерово)</i> Поисковые системы Интернета как лингвистический источник (на примере решения некоторых теоретических и прикладных вопросов русского словообразования)	197

**II. Типология новых явлений и тенденции изменений
в славянском словообразовании**

<i>Е. А. Земская (Москва), З. Рудник-Карватова (Варшава)</i> Новые явления в словообразовании русского и польского языков на рубеже XX–XXI веков	212
<i>Г. А. Николаев (Казань)</i> Активные процессы в русском словообразовании (на рубеже XX–XXI веков)	220
<i>Є. А. Карпіловська (Київ)</i> Семантико-прагматична диференціація словотворчих ресурсів української мови: своє і засвоєне	228
<i>В. Радева (София)</i> Словообразовательные инновации в славянских языках, обусловленные иноязычной лексикой	245
<i>I. Bozděchová (Praha)</i> Internacionalizační tendence a typ češtiny	257
<i>Е. И. Коряковцева (Москва – Седльце)</i> Инновации в словообразовании русских, польских и чешских nomina abstracta	270
<i>Л. В. Рацибурская (Нижний Новгород)</i> Словообразовательные инновации как отражение социальных изменений в современной России	287
<i>Н. Е. Ананьева (Москва)</i> Новая отонимическая лексика в современных славянских языках	301
<i>К. Kleszczowa (Katowice)</i> Błąd z perspektywy dynamiki języka	317
<i>Б. Б. Ђорџић (Београд)</i> Универбизација у српском језику на фону хомонимије	326

<i>N. Janočková (Bratislava)</i> Lexikálne inovácie vyvolané gramatickými, štruktúrnymi a pragmatickými činiteľmi (na materiáli prefixálnych slovies)	337
<i>I. Stramljič Breznik (Maribor)</i> Besedotvorne lastnosti slovenskih okazionalizmov	352
<i>M. A. Кронгауз (Москва)</i> Игровой механизм образования слов	364
<i>B. B. Химик (Санкт-Петербург)</i> Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования	376
<i>H. B. Лебедева (Кемерово)</i> Экспериментальное исследование производного слова: соотношение выводимости как словообразовательного признака и узуальности как лексического признака	390
<i>J. Sierociuk (Poznań)</i> Rozwój słowotwórstwa gwarowego na tle słowotwórstwa języka ogólnego (zarys problematyki)	400
<i>E. Г. Лукашанец (Минск)</i> Системность социолектного словообразования: остранение как основа двуполюсности деривационной системы аргю	412
<i>E. B. Петрухина (Москва)</i> Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке	424

Предисловие

Данная книга представляет доклады, прочитанные на XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов «Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование». Конференция проходила в рамках Международного научного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире» на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 24–26 марта 2009 г. (при поддержке Оргкомитета симпозиума и РГНФ).

В докладах анализировались новые явления в славянском словообразовании — с точки зрения как теории, так и сопоставительной типологии деривационных систем славянских языков. Это соответствует тематике двух частей данного сборника, хотя такое разделение достаточно условно: все статьи содержат и описание конкретного языкового материала, и его теоретическое, а также типологическое осмысление. В связи с проанализированным славянским языковым материалом в сборнике рассматривается целый ряд теоретических вопросов, важных для развития науки о словообразовании, в частности новые функции словообразования, роль аналогии в словопроизводстве, разграничение потенциальных и узуральных дериватов, возможность появления новых структурных элементов, влияние словообразовательных инноваций на типологические характеристики славянских языков и др.

Социально-политические факторы в конце XX — начале XXI вв. вызвали сходные изменения в славянских языках и определили, в частности, их сближение в области словообразования. «Внутриславянское объединение» (И. Онхайзер) происходит прежде всего на основе интернационализации лексики, активного заимствования слов из английского языка и их приспособления к лексическим и словообразовательным системам славянских языков. Соответственно в настоящее время, помимо собственно номинативной, компрессивной, конструктивной, экспрессивной и стилистической функций словообразования (по Е. А. Земской), а также дискурсивной и системно-ориентирующей (по Е. С. Кубряковой), развивается адаптирующая функция словообразовательных

типов и моделей, направленная на освоение заимствованной лексики словообразовательными системами славянских языков. Большую роль в этих процессах играет образование новых слов по аналогии с уже существующими в системе языка словообразовательными типами, моделями и единицами (см. статью Е. С. Кубряковой о механизмах аналогии). Адаптирующая функция словообразования развивается по мере нарастания потока заимствований. Изменения в соотношении исконной и заимствованной лексики в русском языке в разные периоды XX и XXI вв. рассматриваются в статье И. С. Улуханова, в украинском языке — в статье Е. А. Карпиловской, а также и Н. Ф. Клименко, которая проанализировала пути проникновения заимствований в различные сферы украинского языка.

Словообразовательные системы некоторых славянских языков характеризуются особыми процессами, связанными с государственной языковой политикой. Эти процессы, в частности «отталкивание» от близкородственных языков при словопроизводстве, анализируются в статьях А. А. Лукашанца и Б. Тошовича, посвященных проблемам языкового пурризма и дивергенции как факторов развития словообразовательных систем белорусского, а также сербского, хорватского и некоторых других литературных славянских языков. А. В. Никитевич сопоставляет словообразовательные системы русского и белорусского языков в рамках «деривационно связанных фактов».

В статьях данного сборника обсуждается также целый ряд других вопросов, важных для изучения развития славянских словообразовательных систем. Отмечается активизация в польском языке таких моделей, как *biurokratura* (*biurokracja* и *nomenklatura*), которые К. Вашакова анализирует на основе когнитивных механизмов деривации. А. Нагурко в сопоставительном аспекте исследует метафорически мотивированные способы номинации. Проблемы лексикографической презентации модификационных производных (на материале глаголов с префиксом *об-*) представлены в статье Р. Беленчиковой. В. Н. Виноградова анализирует влияние поэтического словотворчества на появление инноваций в русском языке. О. П. Ермакова вводит понятие деривационно связанных значений корней, типа *-глагол-*, *-вьюк-* / *-вьюч-* в таких производных, как *разглагольствовать*, *навьючить*. В статье Р. Драгичевич сербская система деривационных гнезд рассматривается с точки зрения закономерностей появления новых единиц, заполняющих лакуны в системе. Н. Д. Голев демонстрирует возможности использования статистических данных Интернета при исследовании словообразовательного процесса в динамике.

Для всех славянских языков характерны активизация образования сложных имен (композитивов) и утверждение новых моделей, нетипичных для традиционного славянского словообразования, функциональная трансформация заимствованных лексических единиц или их частей в словообразовательные форманты, комбинация иностранных и исконных элементов, включение заимствованной лексики в славянские словообразовательные типы и категории, увеличение продуктивности уже имеющих в славянских языках формантов иноязычного происхождения и т. п. Анализ и систематизация данных явлений в разных славянских языках, а также их осмысление с типологической точки зрения представлены в статьях Ц. Аврамовой, Ю. Балтовой, И. Боздоховой, Е. А. Земской и З. Рудник-Карватовой, В. Радевой, Н. Яночковой и др.

Мощным рычагом развития словообразования в славянских языках является языковая экономия, проанализированная Г. П. Нещименко как фактор динамики литературной нормы, и в частности универбация, которая в связи с омонимией рассматривается также Б. Чоричем (на материале сербского языка). Проявлением тенденции к языковой экономии в славянских языках выступает и отыменное образование имен на *-изация* с процессуальным значением (статья Е. И. Коряковцевой). Среди активных процессов в русском словообразовании Г. А. Николаев отмечает возрастание роли конфиксации. К. Клещова анализирует роль ошибок в изучении деривационных тенденций развития языка. Влияние социально-экономических факторов на русское словообразование рассматривает Л. В. Рацибурская.

В славянском словообразовании наблюдается также активизация эмоционально-прагматической и игровой функций неузального словообразования, расцвет языковой игры как результат ослабления нормативных правил образования и употребления языковых единиц в речи. В статьях М. А. Кронгауза, И. Страмлич-Брезник, В. В. Химики анализируется возрастание роли эмоционально-прагматической и игровой функций неузального словообразования. Закономерности образования в славянских языках неологизмов на материале отонимической лексики рассматривает Н. Е. Ананьева. Н. Б. Лебедева изучает потенциал словообразовательных моделей на основе лингвистического эксперимента. Статьи Е. Сероцюка и Е. Г. Лукашанец посвящены словообразованию в нелитературных подсистемах славянских языков — в диалектах и жаргонах.

Исследованный в статьях данного сборника славянский языковой материал свидетельствует о том, что, несмотря на большие потенциальные возможности славянского словопроизводства и всплеск неузального словообразования в последние два десятилетия, удельный вес про-

изводных слов с исконными корнями в потоке неологизмов во многих славянских языках уменьшается, а число лексических заимствований растет. При этом словообразовательные системы активно пополняются новыми производными и целыми деривационными гнездами на базе иноязычных неологизмов. Словообразовательный потенциал заимствованных и русских корней, соотношение узальной и потенциальной лексики в русском языке анализируются в завершающей сборник статье Е. В. Петрухиной.

В XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов смогли принять участие не только члены комиссии из 11 стран Европы, но также русисты и слависты из многих университетов России. Международная конференция «Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование» и публикация на основе ее докладов данного сборника статьями стали возможны благодаря финансовой и организационной поддержке Оргкомитета симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире» и финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 09–04–4109 г).

Авторы выражают признательность и благодарность декану филологического факультета профессору М. Л. Ремневой за поддержку и помощь на всех этапах организации и проведения конференции, а также подготовки ее материалов к печати.

С благодарностью отмечаю, что в редактирование статей большой вклад внес Д. К. Поляков.

Информацию о составе и деятельности Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов можно найти на сайте Комиссии <http://ksl.mks.ap.siedlce.pl>.

Е. В. Петрухина

**Новые явления в славянском
словообразовании с точки зрения
словообразовательной теории**

Е. С. Кубрякова (Москва)

Роль аналогии в порождении новых производных слов

Обращение к аналогии уже имеет в моих работах некоторую историю. Толчком к ее изучению послужили мои первые опыты по разработке темы «Лингвистика текста и словообразование». Тогда мне показалось интересным проанализировать случаи одновременного появления в тексте нескольких однокоренных производных слов, представляющих собой словообразовательную пару либо более развернутую словообразовательную корреляцию. При наблюдениях за подобными случаями выявилась реальная возможность описать конкретные обстоятельства их появления в одном и том же тексте, а также уточнить семантику формирующихся здесь новых производных слов, охарактеризовать условия и следствия их порождения в пределах одного и того же текста. Процедуры такого анализа были названы мной синхронной реконструкцией словообразовательного акта [Кубрякова 1976а]. По мере расширения самого корпуса собранных мной текстов и уточнения зафиксированных в них результатов определенных словообразовательных актов, нетождественных по своей природе, пришлось пересмотреть отношения словообразования с синтаксисом и попытаться опровергнуть господствующий в то время в генеративной (трансформационной) грамматике тезис о синтаксической обусловленности порождения новых производных и сложных слов. Поддерживая идею о том, что многие словообразовательные процессы могут быть, действительно, представлены как процессы перехода суждения об обозначаемом в его **имя** ([Кубрякова 1976а], [Кубрякова 1976б]), я одновременно стремилась доказать на реальных примерах, что отнюдь не все словообразовательные акты протекают именно таким образом и что по крайней мере известная их часть протекает не на синтаксической основе.

Доказательства этой точки зрения я видела в том, что во многих конкретных случаях порождение производных слов происходило **по аналогии** с уже существовавшими в системе языка разными единицами, начиная с отдельного лексического образца и кончая такими объединениями производных единиц, как словообразовательная корреляция,

словообразовательный ряд или даже словообразовательная парадигма. Поскольку на Международном конгрессе лингвистов в Вене (1977 год) мной были впервые продемонстрированы отрезки текстов, подтверждающие приемлемость указанной точки зрения (а это были тексты, свидетельствующие об аналогическом **выравнивании** с ориентацией этого процесса на **разные образцы**), такие тексты послужили для меня основанием выделить в них разные **типы аналогии**, см. [Kubrjakova 1977], [Kubrjakova 1978]. Не могу не отметить, что в последующие годы результаты этих исследований были подтверждены на материале детской речи (см. работы А. М. Шахнаровича и его последователей, а также докторскую диссертацию С. Н. Цейтлин).

Наконец, спустя десятилетие была опубликована моя обобщающая работа «Размышления об аналогии», где была рассмотрена новая проблематика, связанная с вопросом об отношении аналогии к творческому началу в речемыслительной деятельности человека, и было описано ее место в двух **прямо противоположных** процессах — в процессах, протекающих в соответствии с некими правилами и полностью подчиненных действию этих правил, с одной стороны, и в процессах, преобразующих действия этих правил, — с другой. В этой же статье содержалось и определение аналогии как важнейшего механизма речевой деятельности, с помощью которого «могут создаваться новые единицы... и переименоваться, переключаться старые» [Кубрякова 1987]. «В основе аналогии, — утверждала я тогда, — лежит образование одной формы по типу и подобию другой или других, а значит, и мысленное обобщение путей образования определенных форм в виде известного правила» [Кубрякова 1987: 45]. Это определение я использую и сегодня, когда моей целью оказывается попытка **развить**, а не только повторить главный вывод тогдашних размышлений об аналогии: «...аналогия всегда действует как мощный фактор развития и функционирования языка, позволяя говорящим легко переходить от серии имеющихся форм к их логическому продолжению и повторению» [Кубрякова 1987: 45].

Таким образом, обращение к проблематике, неоднократно привлекавшей мое внимание и прежде, вызвано как ее несомненной важностью для теории словообразования, так и возникновением возможности рассмотреть ее с новых позиций и в новом ракурсе. Для меня сегодня не вызывает сомнения тот факт, что само явление аналогии в большой степени недооценено, причем не только в рамках словообразования, но и по его роли в функционировании всей системы языка вообще. Об этом свидетельствует, в частности, как относительно небольшое число исследований, посвященных аналогии, так и редкое упоминание

о ней в специальной литературе и тем более — ее анализ. В этой связи небезынтересно упомянуть о том, что, например, в обстоятельной статье И. С. Улуханова об образовании слов по конкретному образцу [Улуханов 1998] термин «аналогия» вообще не используется, тот же упрек касается и его монографии [Улуханов 2005], посвященной проблемам мотивации и мотивированности производных слов.

В то же время, как мы постараемся показать в настоящем сообщении, рассмотрение аналогии обязательно при определении ключевых понятий теории словообразования, к которым относятся понятия специфики моделирования в сфере словообразования, мотивированности (и мотивации), границ синхронного словообразования, а также проблема выделения малых словообразовательных моделей.

Перед тем как перейти к освещению перечисленных вопросов в их связи с аналогией, остановимся еще раз на возможной интерпретации данного понятия с современной (и в первую очередь — с когнитивно-дискурсивной) точки зрения, напомнив о том, что в прекрасной работе Г. Йелитте [Jelitte 2000] уже дан обзор литературы по данной проблематике до 2000 г. Не могу не отметить также, что итогом рассмотрения аналогии в работе Г. Йелитте является понимание её как фактора, который играет упорядочивающую роль в образовании **регулярных форм** языка, а также способствует толкованию «исторически и синхронно ориентированных языковых феноменов» с несомненным уклоном именно в сторону первых [Jelitte 2000: 81–82].

Согласно самому общему определению, аналогия — это «сходство в каком-н. отношении между явлениями, предметами, понятиями» [Ожегов 1978: 27]. На наш взгляд, однако, эта дефиниция неполна, так как не содержит указания на использование этого термина в его метонимическом значении как источника или **причины** создания новых языковых форм под ее влиянием, а следовательно, и **условия** возникновения одной / одних языковых форм под воздействием других. Аналогия, таким образом, создает условия **повторения** форм, понимаемых как сходные в каком-либо отношении. Но именно в таком расширительном смысле аналогию можно трактовать и как лежащую в основе множества **мыслительных, ментальных** процессов, т. е. в качестве **особых механизмов** всей деятельности с информацией в сознании человека. И хотя такое рассмотрение аналогии явно выходит за пределы данной статьи, оно имеет прямое и непосредственное отношение к тому, что здесь утверждается относительно **действия** по аналогии и в словообразовании.

Иначе говоря, мы полагаем, что в основе большинства ментальных актов, обобщаемых далее под названием мышления, лежит именно ана-

логия, т. е. следование некоторому знакомому по предыдущей практике взаимодействия человека со средой **образцу**. Чтобы совершить действие по аналогии, в сознании человека уже должен существовать некий план, некая программа или схема выхода из проблемной ситуации, повторение которой уже и раньше приносило свои плодотворные результаты. В таком случае действие по аналогии — по крайней мере с когнитивной точки зрения — должно расцениваться как определенная **ментальная операция**, предполагающая сличение, или соотнесение актуально существующего положения дел со сходным положением дел в прошлом. Это и позволяет охарактеризовать **механизм** действия по аналогии как повтор схемы, программы, модели и т. п., принимаемых за своеобразный эталон поведения человека, по образцу и подобию с которым они осмысляются. Весьма показательным оказывается в этой связи факт перечисления аналогии в одном ряду с метафорой, метонимией и прочими механизмами, характеризующими **концептуальную интеграцию** и формирование того интегрированного целого, что получает в теории взаимодействия нескольких ментальных пространств название «сплава» или «слияния» — «бленда» (blend), ср., например, [Gentner 1983], [Fauconnier, Turner 1996: 116–117] и др.¹

За такой ментальной операцией, как аналогия, нетрудно усмотреть и то, что считалось по традиции подведением определенного явления или предмета под некое **правило** и что уже в рамках когнитивной науки стало изучаться скорее в виде аргумента в пользу **включения** / **подключения** указанного явления или предмета в соответствующую **категорию**. Как правильно подчеркивает Т. Гивон, категория и правило — это, по сути дела, одно и то же понятие; это группа единиц, между которыми с необходимостью присутствуют логические ассоциации; это единицы, отвечающие известным критериям их объединения в единое целое, и т. д. [Givon 2002: 35]. Но ведь в качестве данного критерия могут выступать либо критерий **тождества** объединяемых сущностей, т. е. полного их равенства, либо критерий **сходства**, т. е. подобия лишь в некотором отношении, подобия в каком-то смысле **условного**.

В принципе, можно считать, что на этом различии строится противопоставление разных типов категорий (языка): построенные на тождественных членах «своей» категории, эти последние считаются категориями классического (аристотелевского) типа, построенные же на сходных членах категории могут принадлежать либо прототипическим категориям (как известно, ориентирующимся на прототип), либо категориям, члены которых оказываются связанными так называемым «фамильным

¹ Об отличии традиционного понимания аналогии от нового ее видения в процессе организации интегрированного пространства см. также [Coulson 1996: 73–74].

сходством». Совершенно очевидно, что эта классификация может быть распространена и на **словообразовательные** категории и что в самом общем виде указанная дифференциация предполагает разные возможности пополнения (расширения границ) категории. Если категория, раздвигая свои границы, включает в свой состав **однотипные** новообразования, характеризующиеся тождеством соотношения в них структуры и семантики, она может рассматриваться как категория классического типа. Таковы обычно самые продуктивные словообразовательные категории с регулярно воспроизводимыми по аналогии чертами каждого из ее членов. Если же при развитии категории новообразования обнаруживают в своей семантике и/или структуре незначительные отклонения от принятых образцов, речь идет, скорее всего, о прототипической категории. Наконец, при действии аналогии по лексическому образцу новообразования могут считаться включающимися в категории «фамильного сходства».

Из сказанного следуют выводы, важные для понимания роли аналогии в разных процессах словообразования, и прежде всего вывод о том, что само аналогическое выравнивание создаваемых новых форм происходит при ориентации на **разные образцы**. Таким образом, несмотря на тот факт, что в основе **всех** процессов словообразования мы усматриваем аналогию, т. е. действия по аналогии, мы должны соотносить разные словообразовательные категории с **разными типами аналогии** как таковой.

Итак, в итоге наших теоретических рассуждений мы должны признать, что в основе всего процесса моделирования новых единиц в словообразовании (как, впрочем, и в морфологии) лежит именно аналогия, опирающаяся, как и во множестве других ментальных процессов, на понятие ассоциативного связывания двух и более единиц, осмысляемых как сходные или тождественные. Более того. Вся область словообразования — это область аналогического выравнивания указанных единиц, а то, что определяется как отдельная словообразовательная модель, может интерпретироваться как формула повторения особого (конкретного) образца в результате ее распространения на то или иное число случаев. Вместе с тем, поскольку сами образцы подобного распространения не тождественны, различие в типах аналогии приводит к возможности противопоставления и разных словообразовательных процессов, и разных словообразовательных моделей, и, наконец, даже разных **результатов** тех и других в разных словообразовательных актах по их прагматической приемлемости / неприемлемости.

Приведем примеры, подтверждающие эти теоретические заключения на конкретном материале: материале неологизмов, главным образом но-

вообразований, построенных по определенному лексическому образцу или же образцам. Начнем с противопоставления категорий по классическому типу и по принципу наличия в них признаков фамилного сходства и остановимся первоначально на характеристике самой категории «классического» типа как наиболее распространенного типа самых продуктивных и самых регулярных словообразовательных категорий. Интересно отметить, что именно эти категории объявляются построенными по определенной модели.

Так, рассматривая случай образования такого слова, как *родителехульство* (в письмах А. П. Чехова), и указывая на то, что «особенность образования этого окказионализма состоит в наличии конкретного слова-образца (*богохульство*)», И. С. Улуханов подчеркивает далее: «Этим и только этим его образование отличается от образования новых слов типа *осовременить* и мн. др., возникших не по конкретному образцу, а **по модели** (выделено мной — *Е. К.*): для *осовременить* это модель «о + основа прилагательного», представленная в языке многими словами — *облагородить, обогатить, оголеть, оздоровить, округлить, усложнить, освежить*» [Улуханов 1998: 40]. Приводя этот пример в качестве иллюстрации словообразовательной категории классического типа, я бы хотела возразить И. С. Улуханову, противопоставляющему случаи многократного использования образца его однократному использованию и рассматривающему только первые в качестве лежащих в основе особой модели. Ведь и пару *богохульство* — *родителехульство* тоже можно считать организованной по особой модели! Но безусловное отличие одного случая от другого, в принципе правильно расцененное И. С. Улухановым как некая оппозиция окказионализма и «нормативного» образования, держится все же **не только** на **числе** образований, рассматриваемых как созданные по аналогии.

Чтобы доказать это, приведем еще один пример — неологизм *оцивилизывывать*, встреченный нами в тексте статьи Э. Тополя о гастарбайтерах, где он пишет о последних как о людях «с потребительским отношением», которые якобы «привозят в страну массу отрицательного». Э. Тополь объясняет это тем, что у них «нет цели *оцивилизывывать* пространство вокруг себя» (Аргументы и факты. 4 февраля 2009). При всем том, что данное слово пополняет ряд *осовременить* и означает по своей семантике то, что свойственно данной модели (т. е. ‘превратить пространство вокруг себя в нечто цивилизованное’), оно ясно показывает, что при интерпретации всего неологизма в целом важным оказывается далеко не только то, по какому образцу (регулярному или же уникальному) оно создано, но и то, какую ситуацию оно описывает и как она воспринимается говорящими. Ясно, что случай типа *богохульство* — *родителехульство*

и *оцивилизировывать* (для которых конкретный образец в тексте вообще не назван) могут быть сближены скорее по признаку их стилистической маркированности; в этом смысле они являются прежде всего окказионализмами, однодневками, однако не по способу их моделирования, а по конечному его результату.

Для противопоставления окказионализмов и «обычных» неологизмов критерием может вследствие этого служить не только число образцов, с которыми их связывают определенные ассоциации, но и их прагматическая значимость — возможность представить соответствующие новообразования в качестве подходящих для называния определенных ситуаций. Нельзя, однако, не подчеркнуть важность указанного различия для практической лексикографии, решаемого не только в зависимости от того, **сколько** случаев употребления новообразования необходимо для его включения в словарь, но и от того, каков коэффициент его прагматической релевантности (в частности, от того, насколько оно действительно служит целям выделения и описания нового явления, объекта или процесса). При решении этого вопроса хотелось бы также принять во внимание и **интенции** создателей новых слов. Так, А. П. Чехов, по-видимому, и не ставил своей целью сделать свой окказионализм общеупотребительным словом и создал стилистически маркированную единицу для одноразового, а в какой-то мере и уникального использования, тогда как автор *осовременить* мог и вообще не догадываться об отсутствии этого слова в словаре общеупотребительной лексики. Соответственно этой точке зрения я бы не советовала включать в подобный словарь и такой окказионализм, как *оцивилизировывать*.

Но вернемся к категориям, построенным на основании фамильного сходства, и приведем конкретный пример словообразовательного ряда, по типу аналогии «помещающегося» где-то между аналогией по отдельному лексическому образцу и аналогией по более протяженному словообразовательному ряду.

Между прочим, приводимый ниже пример свидетельствует и о том, что не все новообразования входят в группу окказионализмов: они стилистически не маркированы и мало отличаются — если вообще отличаются — от обычных мотивированных единиц языка. Но обратимся к самому примеру: речь идет об упомянутом в небольшой заметке «застраивании территории, бывшей долгое время промзоной, которая должна быть преобразована в *технопарк*». Тут же это понятие разъясняется: «Всего же *технопарк* будет состоять из 30 зданий и займет 32 гектара» (Аргументы и факты. 21 января 2009). Хотя и без предварительного указания на лексический образец, слово *технопарк* легко ассоциируется с *авто-*

парком и *аквапарком* и совпадает с ними по значению ‘территория, занятая чем-то, указанным мотивирующей основой’. Сравним другой текст: «По соседству с Красногорским лесопарком управляющая компания холдинга... строит новый микрорайон комфорт-класса „Изумрудные холмы”», который завершается словами: «В дальнейшем в новом микрорайоне появятся также... крупный строительно-развлекательный центр, а также водный парк, *лугопарк* и открытые спортивные площадки» (Аргументы и факты. 20 декабря 2008). Ясно, что *лугопарк* построен по аналогии с названным ранее в тексте *лесопарком* и что компонент *-парк* мыслится и здесь как определенная территория, что и свидетельствует как будто бы об их принадлежности к тому же ряду, что и *техно-*, и *автопарк*. И все же более последовательное рассмотрение их семантики демонстрирует скорее, что имеющиеся в тексте сложные слова *комфорт-класс* и эпитет *развлекательный* позволяют сделать предположение, что по своим конкретным значениям *технопарк* и *автопарк*, с одной стороны, и *лесопарк* и *лугопарк*, с другой — **расходятся**. В первом случае имеется в виду ‘совокупность транспортных или технических средств’ (ср. [Ожегов 1978: 451]), во втором — ‘место для отдыха, развлечения’, в то время как *аквапарк* — промежуточное звено между ними. Таким образом, перед нами словообразовательный ряд, построенный попарно, а значит, и по принципу фамильного сходства.

Этот же пример может служить доказательством целесообразности выделения неких малых словообразовательных рядов, противопоставляемых по **числу** своих членов более протяженным рядам. К таким малым моделям можно причислить, например, и ряд производных слов на *-навт*. Ср. текст — тоже без упоминания конкретного образца построения интересующего нас слова: «А как же документальный фильм о вскрытии тела “*НЛОнавта*” в США после аварии в 1947 году “летающей тарелки” в местечке Рокуэлл?» (Аргументы и факты. 20 декабря 2008). В том же тексте значение слова *НЛОнавт* разъясняется в примечании через синонимичное сочетание «пилоты инопланетных кораблей» и это же существо именуется «пилотом НЛО-кораблей». В итоге ряд типа *космонавт* и *аэронавт* пополняется еще одним словом (ср. также шутивное *алконавт*), но все же остается в ряду «малых моделей».

Ср. также созданные по образцу с *киноманией* *обамаманию* в тексте «Мир охвачен обамаманией» (без указания на его конкретный образец; Аргументы и факты. 21 января 2009) или же *небоскребоманию* в репортаже телевизионного канала «Россия» 18 марта 2009 года («Столица охвачена *небоскребоманией*»), где речь идет о предполагаемой застройке Москвы новыми небоскребами.

Совершенно очевидно, что в перечисленных примерах — вне зависимости от имеющегося в тексте упоминания лексического образца или его отсутствия — новые дериваты воспринимаются как **понятные**, а потому и **мотивированные**. Нельзя при этом не обратить внимания на то, что мотивированность новообразования достигается за счет **формирующей** части этих производных (ср. *-навт*, *-мания* и пр.). В этом смысле мы не можем согласиться с И. С. Улухановым, когда он в упомянутой выше статье пишет: «Слово, являющееся образцом для нового слова, не может рассматриваться как мотивирующее» [Улуханов 1998: 140]. Фактически, однако, понимание семантики новообразования базируется на ассоциативной связи этой единицы с другой в сознании говорящих. Иными словами, достаточным для правильной интерпретации слова оказывается наличие в голове **мысленного** образца, имплицитного словом, построенным с ним по аналогии. Таким образом, если определять мотивированность единицы **обоснованностью** его значения его внутренней формой, и, конечно же, семантической прозрачностью всех частей и/или структуры (модели) производного, то помещение новообразования в уже существующий словообразовательный ряд (даже и производимое мысленно) служит сигналом его мотивированности.

Конечно, в какой-то части анализируемых случаев мотивированность новообразования контекстно или ситуативно обусловлена. Ср., например, легкую угадываемость мотивов обозначения в следующих дериватах в предложениях типа *Он рос абсолютнейшим «кинофреником»* (Г. Волчек о своем сыне; Аргументы и факты. 17 декабря 2008) или *А еще есть «газоскреб»* (о высотном здании, которое Газпром, несмотря ни на что, собирается построить в Санкт-Петербурге, см. Аргументы и факты. 17 декабря 2008 и пр. Несмотря на сложность когнитивной структуры знания, стоящей за соответствующим новообразованием, а следовательно, и необходимость домыслить ее реальное содержание (на это, кстати говоря, указывает и заключение новообразований в кавычки), создатели соответствующих текстов в СМИ явно рассчитывают на их понимание рядовыми читателями.

Рассмотрим в заключение нашего сообщения вопрос о границах синхронного словообразования. В тексте статьи указывается, например, что «В некоторых регионах на 1 января скопились остатки дорогостоящих препаратов на 11 млрд. рублей», а через абзац читаем: «по программе “*дорогостоя*” (т. е. программе, предусматривающей дорогую стоимость некоторых лекарств — *Е. К.*) лекарствами должны быть обеспечены все больные с определенными болезнями» (Аргументы и факты. 4 марта 2009). Несмотря на тот факт, что корреляция «дорогостоящих

препаратов» и «программы дорогостоя» делает новообразование синхронно релевантным и мотивированным, а также несмотря на наличие в современном языке слов типа *домострой* и *долгострой*, возникает вопрос о допустимости причисления самой модели на *-стой* к входящим в современную систему русского словообразования.

То же самое можно, казалось бы, отметить и относительно новообразования *«неотмирность»* со значением 'не от мира сего' (Аргументы и факты. 11 марта 2009) — о современниках М. Мусоргского, которых якобы характеризовали такие свойства, как утонченность, высокие идеалы и т. п. Уникальность таких новообразований делает, на наш взгляд, сомнительной саму возможность говорить о четких границах синхронной системы — во всяком случае, примеры, подобные приведенным выше, свидетельствуют скорее об их размытости.

Подведем некоторые итоги. Аналогия, безусловно, играет ведущую роль во всех процессах словообразования, притом как в истории языков, так и в синхронии. Бесспорным является и факт недооценки ее роли как в мыслительной деятельности человека, так и в организации языковых явлений, что особенно ярко проявляется на уровнях морфологии и словообразования. Без понимания аналогии и ее разных типов не может быть по достоинству оценен и определен и ряд связанных с нею ключевых понятий теории словообразования. Множество новообразований, фиксируемых в русском языке буквально ежедневно, возникает в результате действия механизма аналогии: среди них заметное место занимают и новообразования, созданные путем аналогии по конкретным лексическим образцам. Они-то и стали главным объектом анализа в настоящем сообщении. Одновременно с их анализом мы хотели привлечь внимание дериватологов к тем важным проблемам теории словообразования, с решением которых, по нашему мнению, неизбежно связано и рассмотрение того небольшого фрагмента описания системы русского словообразования, которое, характеризуя этот небольшой его фрагмент, все же дает, как кажется, представление о невероятной сложности ее адекватного описания как цели, к достижению которой мы все — по мере сил — стремимся.

Литература

- Кубрякова Е. С.* Текст и синхронная реконструкция словообразовательного акта // Лингвистика текста (Научные труды МГПИИЯ. Вып. 103). М., 1976[а].
- Кубрякова Е. С.* Производное как особая единица системы языка // Теория языка. Англистика. Кельтология / Отв. ред. М. П. Алексеев. М., 1976[б].
- Кубрякова Е. С.* Размышления об аналогии // Сущность, развитие и функции язы-

- ка. М., 1987.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1978.
- Улханов И. С.* Трансаффиксация и образование слов по конкретному образцу // Исследования по славянским языкам. № 3. Сеул, 1998.
- Улханов И. С.* Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М., 2005.
- Coulson S. Menendez Brothers Virus: Blended Spaces and Internet Humor // Conceptual Structure, Discourse and Language / Ed. by A. Goldberg. San Diego, 1996.*
- Fauconnier G., Turner M.* Blending as a Central Process of Grammar // Conceptual Structure, Discourse and Language / Ed. by A. Goldberg. San Diego, 1996.
- Gentner D.* Structure — mapping: A theoretical frame for analogy // *Cognitive Science*. 1983. Vol. 7.
- Givon T.* Bio-Linguistics: The Santa-Barbara Lectures. Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Jelitte H.* Понятие аналогии в морфологии и словообразовании // *Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem — interdisziplinär als Forschungsgegenstand*. Innsbruck, 2000.
- Kubryakova E.* On the theory of word-formation // XII Internationaler Linguistenkongreß: Kurzfassungen. Wien, 1977.
- Kubryakova E.* On the theory of word-formation // Proceedings of the Twelfth International Congress of Linguists, Vienna 1977. Innsbruck, 1978.

И. С. Улуханов (Москва)

Неология и заимствования

Проблема заимствований, как известно, всегда активно обсуждалась в языкознании, но преимущественно в лексикологическом, а не (если говорить по крайней мере о русистике) в словообразовательном аспекте. Поэтому тема «Соотношение своего и заимствованного» является весьма актуальной.

В данной статье я хотел бы кратко остановиться на некоторых лексикологических и словообразовательных проблемах заимствования, используя недостаточно изученные с этих точек зрения источники — новые словари иностранных слов, словари новых слов и «Статистический словарь языка русской газеты (1990-е годы). Т. 1» А. Я. Шайкевича, В. М. Андрищенко и Н. А. Ребецкой [Шайкевич 2008]. При этом я надеюсь, что смогу продемонстрировать некоторые возможности исследования новой заимствованной лексики (в соотношении с исконной). Что касается получения серьезных результатов и фундаментальных выводов, то это может быть достигнуто лишь в результате достаточно длительной работы с введением материала самых последних лет и, естественно, с применением вычислительной техники.

1. Начну с некоторых лексикологических проблем неологии, связанных с темой «Соотношение своего и заимствованного».

Главная задача, которая, на мой взгляд, стоит перед исследователями в рамках этой проблемы — это создание корпуса заимствованных слов последних десятилетий и изучение этого корпуса с самых различных точек зрения. Ниже я попытаюсь обсудить некоторые, как мне кажется, недостаточно использованные возможности этого изучения.

Прежде всего остановлюсь на простом, естественно возникающем, но, насколько мне известно, не изученном вопросе — каково соотношение исконной и заимствованной новой лексики и как меняется это соотношение в разные периоды. Изучать эти вопросы можно по словарям новых слов. Задача облегчается тем, что для заимствованных слов в этих словарях дается иноязычный источник. Именно слова, для которых в словарях новых слов указан иноязычный источник, я и рассматривал в качестве заимствований при подсчетах, результаты которых излагаются ниже.

[Новые слова... 70-х годов]: заимствованные $\approx 3,1\text{--}3,4\%$ (174 слова); исконные $\approx 5200\text{--}5300$; общее количество слов ≈ 5500 ;

[Новые слова... 80-х годов]: заимствованные $\approx 4,9\text{--}5\%$ (307 слов), исконные ≈ 5800 ; общее количество слов ≈ 6100 ;

[Новое в русской лексике-79]: заимствованные $\approx 2\%$ (47 слов), исконные ≈ 2450 ; общее количество слов ≈ 2500 ;

[Новое в русской лексике-94]: заимствованные $\approx 3,5\%$ (93 слова); исконные ≈ 2600 ; общее количество слов ≈ 2700 .

Как видим, с годами доля заимствованных слов в новообразованиях, судя по словарям новых слов, увеличивается. Конечно, приведенные данные нуждаются в проверке на большем материале. Незначительный процент заимствованных новообразований, полученный на небольшом использованном материале, не должен создавать впечатления незначительной роли заимствований в современном русском языке.

О большой роли заимствований говорит не только субъективное ощущение общественного беспокойства, но и объективные данные, касающиеся их употребления.

Рассмотрим эти данные на материале заимствований, извлеченных из приведенных выше словарей новых слов, а также новых заимствований, содержащихся в [Комлев 1995], [Захаренко 2003], [Крысин 2007].

Ниже приведен не претендующий на полноту список из 243 новых заимствований, расположенных по частотности употребления. Частотность определялась по [Шайкевич 2008]. Почти для каждого слова, как и в [Шайкевич 2008], указаны три характеристики: первая цифра — это частотность в корпусе из 15 млн. употреблений в нескольких газетах, преимущественно 1997 г.; вторая — частотность в корпусе из 35 млн. употреблений в «Независимой газете» за 1996–2000 г.; третья — частотность в корпусе из 1,5 млн. словоупотреблений в заголовках из нескольких газет 1991–1993 гг. В приведенном ниже списке слова расположены по второй цифре — как основанной на наибольшем корпусе. Эта цифра выделена в списке жирным шрифтом. В редких случаях при слове указаны две цифры или одна. Это означает его отсутствие в первом или третьем корпусе; во втором корпусе представлены все приведенные слова.

Заимствования, отсутствующие в [Шайкевич 2008] (см. последнюю группу в списке), имеют частотность ниже 13, поскольку «Слова русского языка <...> включаются в словарь, начиная с частоты 13» [Шайкевич 2008: II].

Частотность новых заимствований

Более 500: рейтинг (1261–4144–169), саммит (840–4055–302), приватизация (2156–3956–591), номинация (357–1472–17), Интернет (749–1319–113), имидж (523–1256–59), компьютер (1341–1151–130), холдинг (273–1122–32), презентация (529–1041–69), брифинг (321–848–20), менеджер (535–785–41), диаспора (165–769–34), консенсус (119–717–36), лот (347–680–3), тендер (574–655–50), сериал (461–602–20), инаугурация (36–517–50).

500–100: диссидент (216–477–81), сайт (64–468–10), ОПЕК (28–462–54), дефолт (456–38), грант (190–438–16), респондент (230–424–1), терминал (249–422–13), пресс-релиз (139–379–2), мониторинг (123–376–11), менеджмент (165–371–9), киллер (474–349–62), лобби (116–335–19), видео (225–302–28), бартер (134–280–46), харизма (71–266–3), инсталляция (64–259–4), хит (273–257–14), моджахед (33–256–55), индексация (117–255–33), дилер (211–246–7), аудитор в значении ‘лицо, проверяющее финансовую деятельность компании, учреждения’ (140–214–20), коллапс (39–214–14), ваучер (133–200–234), маргинал (33–190–12), маркетинг (121–190–4), холокост (56–189–19), дискурс (58–187–2), компакт-диск (111–186–5), триллер (136–185–16), имиджмейкер (62–184–10), ноу-хау (94–184–12), брокер (102–182–25), Буккер (108–178–34), клип (152–178–7), профицит (162–5), бестселлер (100–158–18), Гринпис (49–154–43), Моссад (61–143–24), алгоритм (24–137), инновация (26–137–6), перформанс (23–136–3), массмедиа (57–126–2), ксенофобия (23–105), ксерокс (57–103–10), хакер (51–102–19).

Менее 100: аура (45–97–2), пиар (2–96–10), ретро (43–96–17), баксы (118–92–7), слоган (38–91–1), диджей (79–83–2), кутюрье (93–80–15), экстрасенс (60–76–27), мейнстрим (16–73–2), кибуцник (3–69–1), интифада (14–68–10), субкультура (24–67–2), пейджер (58–66–7), анимация (24–65–5), файл (39–65–1), бикини (5–63–1), шоумен (48–59–10), аэробус (31–58–12), драйв (15–56–2), миллениум (4–56–8), дайджест (14–54–6), плей-офф (60–54–4), фьючерс (13–53–8), андерграунд (12–50–8), тинейджер (79–50–8), эскапада (17–49), нонконформизм (8–48–3), панк (37–47–11), секьюрити (92–45–2), дискета (28–41–1), сои (23–41–21), чип (31–41–4), блокбастер (28–40–2), прайм-тайм (26–40), бутик (76–38), диггер (12–38–7), лайф (11–38–2), люстрация (9–38–4), рокер (57–37–15), эвтаназия (10–37–4), лейбл (81–36), сабвей (39–36–3), армрестлинг (34–35–5), дистрибьютор (38–35–1), банкомат (89–34–6), икебана (28–34–2), кейс (56–34–4), принтер (37–34–3), шопинг (29–34–2), биатлон (30–32–4), хоспис (39–32–10), памперсы (28–31–2), бойфренд (17–30–1), фан-клуб (59–

30–3), *папарацци* (129–29–13), *гамбургер* (33–28–6), *дисплей* (40–28–5), *топ-модель* (70–28–2), *консалтинг* (25–27–1), *йогурт* (27–26–3), *ноутбук* (21–26–2), *регтайм* (13–26–2), *стингер* (6–26–4), *шалом* (7–25–2), *бренд* (32–24–1), *бит* (13–23–3), *дежа-вю* (4–22–2), *микروпроцессор* (23–22–2), *модем* (37–22–3), *батут* (15–21–2), *зонг* (4–21), *нюсмейкер* (7–21–1), *провайдер* (34–21), *гастарбайтер* (18–19–5), *макияж* (61–19–3), *байкер* (15–18–4), *клипмейкер* (18–18–1), *контрас* (8–18–4), *нон-стоп* (12–17–4), *путана* (37–17–4), *скотч* (16–17), *шахид* (17), *бренди* (16–16), *скин-хэд* (8–16), *джакузи* (10–15), *диск-жокей* (7–15–2), *кампус* (2–15), *мачо* (7–15–1), *промоутер* (30–15–2), *рецессия* (15–1), *кикбоксинг* (15–14–7), *фитнес* (4–14), *промоушен* (30–13), *чат* (10–13), *зомби* (26–12–21), *кастинг* (15–12), *дезодорант* (15–10–1), *овертайм* (20–5).

Слова, отсутствующие в [Шайкевич 2008]: *ай-кью, акрибия, аксель, баггинг, байт, барбекю, бассет, биг-мак, боди-арт, брейк, брейк-данс, броузер, буферизация, вахабизм, виндсерфинг, гёрлфренд, гострайтер, грильбар, грин, грогги, декатлон, денотат, детант, джекпот, джойстик, дианетика, диглоссия, имплантат, интерфейс, камасутра, картридж, квилт, кетчуп, киборг, копирайт, ксенизм, культуризм, курсор, леггинсы, макраме, мамалыга, мануал, марафет, могул, модератор, онлайн, офлайн, пазл, пентхауз, пиджин, ПИН-код, пирсинг, плеймейкер, портфолио, прайслист, препринт, ремейк, репринт, роуминг, скейтборд, смарт-карта, смокнуть, спикать, степлер, татуаж, телетекст, ток-шоу, томагавк, топлес, травести, фазенда, файтер, фаст-фуд, фишбургер, фрейм, френд, фристайл, футзал, фэнтези, фэр плей, хэт-трик, шайнинг.*

Частотность употребления заимствований отражает степень усвоенности слова в лексической системе русского языка, степень его узуальности.

2. С этой точки зрения представленная в современных текстах новая (недавно заимствованная) иноязычная по происхождению лексика может быть разделена на три группы. Выделение этих групп важно и с точки зрения современной лексикографической практики: 1) слова, усвоенные современным русским языком и поэтому уже отраженные или претендующие на отражение в новых издающихся толковых словарях современного русского языка; 2) слова (ксенизмы), употребляющиеся иногда в современных текстах, но не закрепившиеся (или еще не закрепившиеся) в русском языке; они, как кажется, должны фиксироваться только в словарях иностранных слов или только в словарях новых слов; 3) слова-однодневки, своего рода заимствования — окказионализмы, которые вообще не подлежат лексикографической фиксации.

Каждая из этих групп заслуживает специального описания. Остановимся лишь на их некоторых особенностях.

Естественно, что группы отличаются друг от друга по частотности слов, хотя деление новых заимствований по частотности (например, на группы, представленные в приведенном списке) не вполне совпадает с делением их на названные группы. Вместе с тем, как и следовало ожидать, процент усвоенных слов понижается с понижением частоты слов. Так, в группе с частотностью более 500 имеются только узуальные слова (их 17), и все они зафиксированы в новейшем из толковых словарей русского языка [Толковый словарь 2007]. Из 45 слов с частотностью 500–100 десять (т. е. 22,2 %) в нем отсутствуют. Четыре из них (*ОПЕК*, *Буккер*, *Гринпис*, *Моссад*), по-видимому, и не должны быть представлены в этом словаре, поскольку в нем не фиксируются имена собственные, а пять отсутствующих нарицательных слов (*пресс-релиз*, *инсталляция*, *инновация*, *профицит*, *перформанс* и *массмедиа*) являются, как кажется, узуальными и должны быть включены в толковые словари. Из 98 слов с частотностью менее 100, но больше 13 [Толковый словарь 2007] отсутствуют 53 (т. е. более 50 %), а из слов с частотностью менее 13 (т. е. слов, отсутствующих в [Шайкевич 2008]) в [Толковый словарь 2007] отсутствует более 80% (67 слов из 82). Некоторые из этих слов (*слоган*, *тинейджер*, *люстрация*, *бойфренд*, *гёрлфренд*, *гастарбайтер*, *папарацци*, *топ-модель*, *провайдер*, *скинхед*, *джакузи*, *рецессия*, *фитнес*, *чат*, *кастинг*, *байт*, *вахабизм*, *копирайт*, *ПИН-код*, *роуминг*, *ток-шоу* и др.) также могли бы рассматриваться как узуальные. Конечно, многие из этих слов связаны с определенными жанрами или профессиональными сферами, но их достаточная известность и употребительность позволяет считать их узуальными.

Продолжая рассмотрение особенностей выделенных выше трех групп (узуальные слова, ксенизмы и однодневки), отметим, что функционирование многих новых заимствований в языке отличается своеобразием: частотность их употребления в разные эпохи может меняться в зависимости от разных причин или оставаться неизменной.

Обратимся к некоторым узуальным новым заимствованиям. Многие из них заслуживают описания с историко-лексикологической точки зрения. Очерки по истории этих слов представляли бы собой пример описания динамики в синхронии и показали бы степень связанности истории слов с общественными и иными внешними событиями.

Если обратиться, например, к истории наиболее частотных в нашем списке новых заимствований, то обнаружатся существенные различия в их функционировании: *рейтинг* функционирует более или менее равномерно, а *приватизация* скорее всего меняет свою частотность в разные исторические периоды. Слово *рейтинг* не зафиксировано ни в одном

толковом словаре русского языка, данные которых отражены в [Сводный словарь 1991], за исключением Словаря новых слов 70-х годов [Новые слова... 70-х годов].

Слово *приватизация*, в отличие от *рейтинг*, характеризуется неравномерностью употребления — по данным [Сводный словарь 1991], оно также не зафиксировано ни в одном из «классических» толковых словарей русского языка. Его первая лексикографическая фиксация — седьмое издание Словаря иностранных слов [Словарь иностранных слов 1979]. Ясно, что пик его употребительности приходится на конец 80-х — начало 90-х годов; из толковых словарей (в гнезде *приватизировать*) оно впервые фиксируется, по-видимому, как и *рейтинг*, в [Ожегов 1992]. Интересно, что первая фиксация слова *приватизация*, отмеченная в Национальном корпусе русского языка, относится к 1937–1938 гг. Его употребил (а возможно, и образовал от слова *приватный*) М. М. Бахтин в работе «Формы времени и хронотопа в романе». Из контекста ясно, что речь идет об индивидуальном становлении частной (приватной) жизни человека: *На античной почве мы и в области автобиографии находим только начало процесса приватизации человека и его жизни.*

Постепенно увеличивалась частотность одного из наиболее употребительных заимствований — *компьютер* (1151 употребление по [Шайкевич 2008]). Самая «старая» цитата этого слова в Национальном корпусе русского языка относится к 1968–1969 гг. и свидетельствует о его недостаточной известности, поскольку содержит пояснение: *При великом множестве людей на Земле все это стало возможным лишь после изобретения компьютеров — счетных машин.* (И. А. Ефремов. Час быка. 1968–1969). В толковом словаре слово появилось в начале 80-х годов — во втором издании [Словарь русского языка 1981–1984] в 4-х томах; в первом издании этого словаря (1957–1961), так же как и в более ранних толковых словарях, слово отсутствует.

Частота употребления новых заимствований может колебаться весьма резко.

Слово *ваучер* стало активно употребляться с середины 1992 г.; ср.: *Ваше слово, товарищ ваучер* (Московские новости. 26 июня 1992). Оно стало излюбленным предметом упражнений в словотворчестве, и это один из показателей его распространенности и актуальности. Если словосочетание *ваучеризация всей страны* повторялось в прессе многократно (ср. также: *Взирая на всю эту свару с поднебесной своей вышины, Мудрый молвит, что счастье есть Вау...черизация нашей страны.* Вечерняя Москва. 19 ноября 1992), то все остальные приведенные ниже однокоренные слова — индивидуальные образования.

Вот несколько примеров: «**Вау!** — **Чер**» — сейчас самое модное приветствие в компании артистов. Кроме того, так называют лучших друзей — верных приватизационных псов. «**Ваучер!** Ко мне!» — действительно звучно и в духе времени. Любимых, а также обаятельных девушек и кошек соответственно величают «**мяучерами**». За ними следуют «**изаучеры**» — рабыни — сеньориты с влажными, чуть раскосыми глазами. «**Коняучеры**» важно переминаются с ноги на ногу и беспокойно прядают ушами у артистических гримерок (Вечерняя Москва. 19 ноября 1992); **Ваучерный** звон (Аргументы и факты. 1992. № 38, 39); **Ваучера** на хуторе близ Диканьки (ТВ. 19 января 1993); **Дорогие товаучеры** (ТВ. 31 декабря 1992) и т. п. Сейчас о ваучерах говорят редко.

Если частотность одних заимствований убывает (*детант*), то у других она может возрасти. Например, по данным [Шайкевич 2008], частотность слова *пиар* по годам изменялась следующим образом: 1996 — 0, 1997 — 0, 1998 — 1, 1999 — 4, 2000 — 4; слова *Интернет*: 1996 — 115, 1997 — 172, 1998 — 162, 1999 — 337, 2000 — 537.

В современных текстах, по-видимому, возросла частотность слов, связанных с кризисом: *рецессия*, *секвестр*, *дефляция* и др.

Наблюдения над микроизменениями в микродиакронии новых заимствований можно было бы продолжить, но целесообразнее перейти к некоторым другим свойствам узуальных новых заимствований.

В частности, показателем их усвоенности наряду с частотностью употребления является стилистическая нейтральность. Таковы (все стилистические характеристики даются по [Толковый словарь 2007]) наиболее частотные слова: *рейтинг* (4144), *приватизация* (3956), *Интернет* (1319), *компьютер* (1151), *холдинг* (1122), *презентация* (1041), *лот* (680), *тендер* (655), *сериал* (602), а также *грант* (438), *киллер* (349), *лобби* (335), *видео* (302), *моджахед* (256), *ваучер* (200), *маргинал* (190), *холокост* (189), *триллер* (185), *ноу-хау* (184), *брокер* (182), *клип* (178), *алгоритм* (137), *ксерокс* (103), *хакер* (102), *аура* (97), *пиар* (96), *ретро* (96), *диджей* (83), *кутюрье* (80), *экстрасенс* (76), *референт* (67), *пейджер* (66), *файл* (65), *бикини* (63), *шоумен* (59), *аэробус* (58), *дайджест* (54), *рокер* (37), *банкомат* (34), *икебана* (34), *принтер* (34), *биатлон* (32), *хоспис* (32), *памперсы* (31), *гамбургер* (28), *консалтинг* (27), *йогурт* (26), *ноутбук* (26), *бренд* (24), *батут* (21), *макияж* (19), *скотч* (17), *кикбоксинг* (14), *зомби* (12), *дезодорант* (10), *картридж* (0), *кетчуп* (0), *макраме* (0), *мамалыга* (0), *томагавк* (0).

Среди новых узуальных заимствований довольно много слов с пометой «спец.» (*менеджер*, *консенсус*, *инаугурация*, *дефолт*, *респондент*, *терминал*, *мониторинг*, *бартер*, *индексация*, *дилер*, *аудитор*, *коллапс*, *маркетинг*, *ксенофобия*, *дисплей*, *бит*, *модем*) и почти нет слов с пометами

«офиц.» (*брифинг*), «книжн.» (*номинация, имидж, диаспора, диссидент, харизма*), «разг.» (*хит, пиар, путана*) и «прост.» (*баксы, марафет*).

Другой показатель усвоенности — наличие нескольких производных — имеют сравнительно немногие новые заимствования: *лобби* — *лоббизм, лоббировать, лоббист, лоббистский* и др., *пиар* — *пиарить, пиарщик, пиаровский*, многочисленные образования типа *интернет-кафе, интернет-клуб, интернет-опрос, интернет-сайт*; ср. также приведенные выше образования с корнем *ваучер*. В основном новые заимствования не имеют производных (*консенсус, сайт, дефолт, киллер, моджахед*) или имеют одно производное (чаще всего прилагательные с суффиксами *-н-, -ов-, -ск-*: *рейтинговый, компьютерный, диссидентский, бартерный, харизматичный, хитовый*).

Рассмотрев с разных точек зрения (частотности, стилистических свойств, времени вхождения и особенностей дальнейшего употребления) наиболее частотную группу слов, обратимся ко второй из названных выше групп заимствований — ксенизмам. Ксенизмом, надо полагать, является, например, само слово *ксенизм*, которое определяется как «лингвистический варваризм, заимствованное, но не ассимилированное слово или выражение, бытующее в каком-либо языке» [Комлев 1995: 64–65]. Оно, по нашим данным, зафиксировано только в новейших словарях иностранных слов [Комлев 1995], [Захаренко 2003]. Из числа новых заимствований, приведенных в частотном списке, ксенизмами можно было бы считать отсутствующие в толковых словарях, но имеющиеся в словарях иностранных слов существительные *мейнстрим, интифада, секьюрити, лейбл, сабвей, шопинг, регтайм, ньюсмейкер, контраст, спичрайтер*. Не исключено, что часть этих слов расширит свою употребительность и войдет в толковые словари, т. е. приобретет свойства узуальных; так это произошло, например, со словом *саммит*, не зафиксированном ни в одном из толковых словарей, данные которых отражены в [Сводный словарь 1991], но имеющемся, например, в [Толковый словарь 2007]. В настоящее время это достаточно частотное слово (840–4055–302) по [Шайкевич 2008], по-видимому, более употребительно, чем использовавшиеся ранее сочетания *встреча в верхах, встреча глав государств* и т. д.

Наконец, среди иностранных слов, употребляющихся в современной речи, есть и слова-однодневки, которые не следует включать ни в толковые словари, ни в словари иностранных слов. Эти слова употребляются иногда, по-видимому, просто в рекламных целях. Авторы подобной рекламы не замечают, что нередко их тексты перерастают то ли в карикатуру, то ли в пародию. Вот одна из таких реклам: «Диско интернэшнл центр» предлагает: *молодежный иллюстрированный журнал «Эмси Дабл ю си»*

и попсовое приложение «Ди Джей Микс» — нон-стоп из шлягеров «Макси Фо Ди Джей» — сборник для ног; «Инстро» — композиция для рэпа и пробы вокала; «Тайм Фо лавэс» — медленные композиции (Семь дней. 1991. № 14). Как видим, в текстах массовой информации находят отражение жаргоны социальных групп, для которых характерны заимствования, иногда, как во всякой стилизации, в гротескно-преувеличенном виде: *Намного интереснее было смотреть с балкона на зал. Там всю дорогу творился неистовый слэм, пого, крэш и примкнувший к ним стейдж-дайвин* — все то молодежное безобразие, которое мы наблюдали на редко-эфирных импортных клипах артистов стиля «хардкор» (Московский комсомолец. 12 июля 1996); *Ветераны хэви-металла отчаянно трясли поредевшим хаером* (Московский комсомолец. 12 июля 1996). В статье о хиппи: *Сейчас для хиппарей промоушин довольно много значит; А если денег на пиво нет, будешь аскаать у прохожих; был такой флэт, квартира ...пока старые не помрут и ты не станешь самым олдovým* (Московский комсомолец. 5 марта 1996).

Явно изменило чувство «соразмерности и сообразности» и тем работникам телевидения, которые перенасыщают англицизмами названия телепрограмм: «Брейн-ринг», «Парадиз-коктейль», «Телемикст», «Стартинейджер», «Пресс-экспресс», «Шейп-шоу» и прочие шоу, «Рокс-галактика», «Кинохитпарад», «Поп-магазин», «Хит-конвейер» и т. п.

Рекламным целям служит передача латиницей различных наименований (главным образом коммерческих структур), например: *Одним из спонсоров праздника* (газеты «Вечерняя Москва» — И. У.) *станет корпорационно-коммерческая структура нового типа со своими производствами, банками и страховым обществом. — «Victor» является генеральным спонсором московской футбольной команды «Локомотив» и хоккейного клуба «Химик» из подмосковного Воскресенска, — говорит президент корпорации Виктор Дрожжин* (Вечерняя Москва. 19 мая 1992); *Директор фирмы «Moroz Records» Александр Морозов* (Вечерний клуб. 28 апреля 1994).

Вкрапления иноязычных слов нередки в жаргонах и в подделках под жаргон (чаще всего под молодежный): *была уплачена кругленькая сумма в «грингах»* (Вечерняя Москва. 7 декабря 1992); *становишься уверенной в себе, своем фрэнде роллере и чуть ли не в самом черте* (Во! — молодежное приложение к «Вечерней Москве». 1992. № 3); *Популярными и всеоюзно-обожаемыми на ровном месте не становятся. Значит есть в ней* (Веронике Кастро — И. У.) *некий шайнинг* (Новый взгляд. 1993. № 10). В жаргонах и подделках под них от иностранных корней могут образовываться и слова с помощью русских словообразовательных

элементов: «*Смокнуть у вас, ребята, не найдется?*» — *Спикаем!* (Вечерняя Москва. 7 декабря 1992).

3. Рассмотрение семантики новых заимствований показывает, что среди них практически нет машиностроительных, химических, строительных, транспортных, сельскохозяйственных и т. п. терминов, а преобладают слова, относящиеся к электронике, информатике, вычислительной технике (*компьютер, Интернет, модем, онлайн, оффлайн, пентий, ПИН-код, чат* и др.), политике и экономике (*приватизация, бартер, ваучер, дефолт, маркетинг, оффшор, тендер, холдинг, брифинг, менеджер, диаспора, инаугурация* и др.). Указанные две группы включают наиболее частотные слова, а спортивные и музыкальные термины (реже — другие термины искусства), хотя и многочисленны, но характеризуются меньшей частотностью. Большая часть новых иноязычных спортивных и особенно музыкальных терминов не может считаться узувальной и в толковых словарях отсутствует (спортивные: *айкидо, байкеры, скейтборд, сноуборт, софтбол, футзал* и др., музыкальные: *брад-рок, бич-бит, джаз-рок, рэп, техно-рок* и др.).

4. Говоря о соотношении своего и заимствованного в современном русском языке, нельзя не учитывать роль заимствованных морфем.

Рассматривая заимствованные суффиксы, прежде всего обращают внимание на новый суффикс *-гейт*, выделившийся, как известно, из слова *Уотергейт* со значением 'разоблаченное дело скандального характера, имеющее отношение к тому, что названо исходной основой'. О заимствовании нового суффикса свидетельствует появление таких слов-однодневок, как *российгейт, рашидовгейт, АНТ'гейт* и др.: *Я, увя, не удивлюсь, узнав о некоем «российгейте» на манер известного «Уотергейта»* (Правда. 7 февраля 1992); *Следствие по делу АНТ'а. Действующие лица АНТ'гейта* (Московские новости. 27 декабря 1991); *Все свои грехи, проблемы, провалы, недочеты... падение жизненного уровня, «уотергейт», «рашидовгейт»...* (А. Боровик. Как я был солдатом армии США // Огонек. 1988. № 47).

По-видимому, заимствование суффиксов, вычленяемых из иностранных слов, в современном языке осуществляется не очень активно; помимо общеизвестного *-гейт*, можно привести суффикс *-голик*: *трудоголик*, ставшее узувальным, окказ. *рекламоголик*; суффикс стилистической модификации *-озус*, ср. окказ. *студиозус*.

Русский язык богат заимствованными приставками (*анти-, де-, дис-, супер-* и т. п.); в современном языке появилась, видимо, новая отрицательная приставка *нон-*. Наиболее употребительными словами с этой приставкой являются *нонконформизм, нонконформист* и *нонконформистский*, но в словарях новых слов русского языка зафиксированы

нонфигуративный (*нонфигуративное искусство*) — «распространенное в западноевропейском и американском искусствознании обозначение абстрактного искусства, отвергающего изображение мира в формах самой действительности»: *Его* (Э. Домановского) «Женщина с корзиной» (1964), а также большое панно... по манере приближаются к **нонфигуративному** искусству. Они занимают как бы промежуточное место между станковой живописью и предметами декоративного искусства (Искусство. 1974. № 1) [Новые слова... 70-х годов], *нонперсона* — «не личность; человек, не признаваемый обществом»: *За фасадом успеха — бездна, и падающий становится «нон-персоной», не существующей для общества, а значит — нередко и для самого себя, перестает быть личностью* (Известия. 10 октября 1980).

Неизмеримо более активно, чем заимствование суффиксов и префиксов, происходит заимствование компонентов сложных слов — в особенности первых: *аудио-, видео-, евро-, интернет-* (*интернет-опрос, интернет-версия, интернет-технология* и др.), *медиа-, нарко-, секс-, топ-* (*топ-модель, топ-менеджер, топ-лот*) и др.

Таким образом, к давно освоенным иноязычным морфемам в современную эпоху присоединяются новые заимствованные морфемы.

В связи с этим актуализируется проблема закономерностей сочетаемости исконных и заимствованных морфем (см. об этом [Улуханов 2007]).

Тема «Неология и заимствования» не исчерпывается, конечно, тем, что изложено в данной статье. Я стремился лишь обратить внимание на необходимость более интенсивного перехода от инвентаризации новой заимствованной лексики (хотя и этим, естественно, следует продолжать заниматься) к ее анализу с разных точек зрения.

Литература

- Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М., 2003.
- Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов. М., 1995.
- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2007.
- Новое в русской лексике: Словарные материалы-79. М., 1982.
- Новое в русской лексике: Словарные материалы-94. М., 2006.
- Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М., 1984.
- Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. М., 1997.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Сводный словарь современной русской лексики. Т. I, II. М., 1991.

Словарь иностранных слов. М., 1979.

Словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1981–1984.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.

Улуханов И. С. Валентность заимствованных морфем // *Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина.* М., 2007.

Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка русской газеты (1990-е годы). Т. I. М., 2008.

А. А. Лукашанец (Минск)

**Языковой пуризм как фактор развития
словообразовательной системы
(на примере белорусского языка)**

По-видимому, никто не станет оспаривать тот факт, что пуризм является своеобразным регулятором между двумя основными путями пополнения и развития словарного состава любого естественного языка: заимствованием и использованием внутренних номинативных возможностей языка, в частности словообразования. Поэтому можно говорить о том, что именно пуризм как стремление к поддержанию и сохранению национального своеобразия языка в различные периоды может становиться определяющим фактором развития словарного состава и, следовательно, национальной системы словообразования, ограничивающим или, наоборот, стимулирующим номинативные возможности национального языка. В определенных условиях пуризм становится основным механизмом нормативного регулирования и сдерживания иноязычного, в том числе близкородственного влияния.

В настоящее время для славянских языков пуризм является актуальной проблемой и находит проявление в тенденции к национализации, которая в различной степени затрагивает их лексические и словообразовательные системы и вместе с тенденцией к интернационализации определяет их современное развитие.

Как представляется, есть все основания говорить о двух аспектах (двух проявлениях) языкового пуризма на современном этапе развития славянских языков.

Первый аспект обусловлен, условно говоря, особенностями славянско-неславянского языкового взаимодействия и взаимовлияния. Он находит свое выражение, по крайней мере, в стремлении к разумному сдерживанию англоязычных заимствований. Этот пуристический аспект проявления тенденции к национализации в той или иной степени свойственен всем славянским языкам и является своеобразной реакцией на интенсивное пополнение их словарного состава новыми заимствованиями. Иными словами, названный аспект языкового пуризма (тенденции к национализации) актуален для всех славянских языков на современном этапе их су-

ществования и в определенном смысле противостоит тенденции к интернационализации [Комрагасја 2003].

Второй аспект современного славянского языкового пуризма находится в сфере внутриславянского (межславянского) языкового взаимодействия и имеет характер межязыкового отталкивания. Степень его актуализированности и специфика проявления в каждом из славянских языков зависит от многих факторов, среди которых в первую очередь следует назвать характер языковой ситуации (однойязычие, близкородственное двуязычие и многоязычие), место данного национального языка в коммуникативном пространстве социума, контактность или дистантность славянского языкового взаимодействия и отталкивания и т. д.

Таким образом, по степени актуализации и общественной значимости в конце XX — начале XXI в., во-первых, выделяются славянские языки, для которых данный аспект национализации (внутриславянского языкового пуризма) неактуален (например, русский, польский, чешский языки), и языки, для которых он становится весьма важным и даже определяющим (например, белорусский, украинский, македонский). Во-вторых, можно констатировать, что для одних языков пуристическая тенденция к отталкиванию связана с контактным взаимодействием (например, белорусский язык по отношению к русскому), а для других — с дистантным (например, болгарский язык по отношению к русскому). Наконец, в-третьих, можно говорить о ситуациях одностороннего (например, белорусский язык от русского) и взаимного (например, сербский и хорватский языки) отталкивания славянских языков¹.

В свете отмеченного особый интерес представляет белорусский язык, в развитии которого на современном этапе специфически преломляются основные направления и тенденции развития славянских языков. Уникальность белорусского языка и языковой ситуации в Беларуси проявляется прежде всего в том, что белорусский язык является сегодня единственным славянским языком, который даже на своей этнической территории функционирует и развивается исключительно в условиях близкородственного двуязычия и является одним из двух государственных языков.

¹ Следует отметить, что общие тенденции и особенности современного славянского языкового развития зачастую порождают весьма неоднозначное отношение и противоречивые оценки со стороны носителей как одного, так и различных (взаимодействующих в плане языкового сближения или отталкивания) славянских языков. Примером может служить белорусский опыт, когда в конце XX века белорусскоязычное общество (в том числе и специалисты) достаточно отчетливо разделилось на две группы (традиционалистов и реформаторов) относительно путей развития белорусского языка именно с точки зрения обсуждаемой здесь пуристической проблемы отталкивания от русского языка.

Это обусловлено особенностями его исторического развития, которые оказали существенное влияние на развитие его системы и на особенности национально-языкового пуризма в процессе формирования литературных норм как на протяжении всего XX столетия, так и в настоящее время.

Во-первых, белорусский язык — это язык с длительной, но прерванной литературно-письменной традицией. Именно прерывание этой традиции обусловило народно-разговорную, а не книжную основу нового белорусского литературного языка, который не мог опереться на старобелорусский письменный язык.

Во-вторых, новый литературно-письменный белорусский язык формировался исключительно в условиях двуязычия и даже многоязычия, т. е. на фоне доминирования в официальных сферах общения других близкородственных славянских языков (русского и отчасти польского), что предопределило давление систем этих языков на белорусское нормотворчество, в том числе и в сфере словообразования. Это связано с тем, что формирование литературных норм языка на фоне других близкородственных языков, имеющих более длительную письменную традицию и фактически доминирующих в официальных сферах, обуславливает специфическое отношение к отбору языковых средств национального языка в качестве литературного стандарта. В данном случае на выработку и закрепление литературных норм очень сильно влияет языковой пуризм, который, с одной стороны, способствует усилению национального своеобразия данного языка, но, с другой стороны, значительно ограничивает возможности использования всего богатства национального языка, в том числе и словообразовательных средств.

Таким образом, отмеченные выше обстоятельства сделали проблему пуризма как межязыкового отталкивания актуальной для развития системы белорусского языка, в том числе и в сфере словообразования, на протяжении всего XX столетия ([Лукашанец 2003], [Лукашанец 2008]). При этом пики «пуристического нигилизма» приходятся на периоды наибольшего внимания к проблемам национального языка в жизни белорусского общества и находятся в рамках межславянского взаимодействия — это 1920-е годы и конец прошлого столетия, т. е. периоды, когда общественный интерес к белорусскому языку значительно возрастал и делались серьезные шаги по его внедрению в различные коммуникативные сферы. Белорусский языковой пуризм имеет характер отталкивания от русского и польского языков в 1920-е годы и только от русского в конце столетия.

Белорусский языковой пуризм начала XX столетия. Особенности русского и польского языкового влияния (в том числе и на словообразовательном уровне) на письменную белорусскоязычную практику начала

XX века хорошо иллюстрируют лексикографические источники. Весьма показательным в этом отношении является [Слоўнік мовы 2003], в котором представлена лексика первого периодического белорусскоязычного издания начала XX века — газеты “Наша Ніва”. См., например, субстантивную лексику на букву Д²: *дабраволец, дабрадзеі (dabradziej, дабродзей, добрадзей), дабрадзеіство, дабрата, дабрачыннасць, дабро (dabro, dobro), дабыванне (дабываньне), дабытак (dabytak), давер’е (dawierje), dawod, давольства, дагавор (dahawor), дагадка, dadatak, даёнка, дажынкi, дазваленне (дазваленьне, дазволеньне), дазнанне (дазнаньне), дазорчы, даініца (даініца), даклад (dakład, dokład), дакладчык (dakładczyk), дакука, дакумент (дакумэнт, докумэнт, dakument), далеч, далечыня, далікацтво, даліна (далина, dalina), даліначка, далонь (долонь), даль, дамавіна (datawina), дамавінка, дамаганне, даток, дамоўка ‘гроб’, данесенне, данос (danos), danosik, даносніцтва, даносчык, данціст, дань, дапамога, дапоўніваньне, дапрос, дапэша, дар, дарагавізна, дарагоўля (darahoula), дарадчык, даражыня (darażynia), дармаед, дарога (daro-ha), дарожка (darożka) ‘сцежка’, dorożnik ‘путешественник, странник’, даросласць, дарэмнік, дарэмнічынка ‘даровщина’, даска (daska), dasočka, dastawa ‘доставка, обеспечение’, дастатак ‘обеспеченность’, дастаўка (dastaўka), дастоенства ‘уважение к себе’, датка ‘милостыня’, даўжнік (dawčnik), даўжыня (dawčzynia), даўціпы ‘шутки’, даход (dachod), дахоўка ‘черепица’, дачка (dačka, дочка), дачушка (dačuška), дваццатка, дваранін (дваранин), дваранства, двойка, двор (dwor), dwornik, дворня, двузлотка (dwuzłotka), двутленак (двутленэк, двутлёнэк) ‘углекислый газ’, джала, džuta ‘чума’, джэрэла ‘дупло’, dzwon, dziewa, dziewańka, дзевачка, дзевятнік, дзедзіна (дзедзізна) ‘наследственное родовое владение’, дзедзінец, dziedzič, дзедка, dzieżka, дзекабр (dziekabr), дзела (dzela, дзело) ‘дело, занятие’, дзелопроіздзіцель (dzielopraizwadziciel, dzieloproizwodziel), dzielanka ‘вырубленный участок леса’, дзеничык, дзень (dzień), депутат, дзерава (дзерэва), дзеравіна, дзерван, дзержэва ‘государство’, дзiesiąтак (dziesiątak, дзiesiąток), дзiesiąтка, dziesiątnik, дзiesiąцілецьце, дзiesiąціна (дзiesiąціна, dziesiącina), дзiesiąцікi, дзетачка, дзетка (dzetka), дзеўка (dzieўka), dzieўča, дзеўчаткі (дзеўчаткі), дзеўчына (dzieўčyna), dzieўčyпа, dzieўčyпка, дзецюк, дзецючок, дзея, дзеяцель, дзеяч, дзёгаць (dziohać), дзёрен, дзіва (дзіва, dziwa, дзіво, дзіво), дзіваваньне, дзівота, dziżka ‘дежка’, дзік, дзікасьць (дзікасьць), дзіра (дзіра), дзірачка дзірван (dzirwan, дзерван, дырван), дзірка (дзірка, dzirka), дзіскант, дзіў (dziў) ‘что-то необычное’, дзіця (дзіця, dzicia, дзіцё, дзіцё, dzicio), dzicianio,*

² Приводятся все варианты слов, встречающиеся на страницах этого издания, в том числе и графические.

дзіцятка (дзицятка, *dziciatka*, *dziciatko*), *дзіч* (дзичь, *dzič*), *дзічка*, *дзічына*, *дзьверы* (*dźwiery*), *дзюб*, *дзюпло*, *дзявоцтва* и т. д.

Приведенные примеры иллюстрируют степень представленности в белорусскоязычной письменной стихии элементов как русского, так и польского языков, что определяет особенности формирования литературных норм белорусского языка на данном этапе. Именно в этот период происходит интенсивный отбор различных народно-разговорных языковых средств (в том числе и словообразовательных) в качестве общелитературного стандарта, сопровождающийся одновременным влиянием русского и польского языков. Ср.: «...важным источником пополнения словарного состава явилось прямое заимствование необходимых номинативных средств из соседних языков. Наиболее значительное влияние на молодой белорусский литературный язык оказывал русский язык, откуда брались преимущественно книжные слова, которые не имели соответствий в белорусских говорах и с трудом подвергались калькированию. Среди таких заимствований слова самой разнообразной семантики и различных лексико-грамматических классов: *абажур*, *аб'ём*, *абшчына*, *адстаўка*, *апавясціць*, *аружжа*, *архіў*, *атчот*, *дакладчык*, *кروапраціце*, *маскарад*, *метад*, *наследственнасць*, *нігілізм*, *падрадчык*, *параход*, *правіцельства*, *прыказчык*, *раўнапраўе*, *самааналіз*, *самалёт*, *сіяніст*, *сацыял-дэмакрат*, *сорт*, *удзельны*, *украпленне*, *фрукт*, *шчатаводства*, *эвалюцыя*, *юнкер*, *юхт*, *яўка*, *яўны* и др.

О масштабности и глубине этого влияния в начале XX в. может свидетельствовать хотя бы тот факт, что заимствовались часто не отдельные слова, а целые группы слов, созданные по одной словообразовательной модели, напр., *абвініцель*, *вучыцель*, *збавіцель*, *дзвігацель*, *заваявацель*, *настаяцель*, *папячыцель*, *прадсядацель*, *следавацель*, *чытацель* и др.» [Лексікалогія 1994: 94–95].

«Значительным в начале XX в. было и влияние польского языка. Полонизмы в белорусский литературный язык по-прежнему проникали из народных говоров, из переводных и оригинальных произведений тех писателей, которые были воспитаны на польских культурных традициях; многие слова сознательно брались из польского языка деятелями возрождения для называния новых реалий и понятий: *адмова*, *выданне*, *выдаткі*, *высілкі*, *еднасць*, *кватэра*, *мэбля*, *мэта*, *натаваць*, *тлустасць*, *ягомасць*. Из польского, как и из русского языка проникали целые ряды слов, образованные по одной модели, напр., *друкарня*, *капальня*, *кнігарня*, *майстэрня*, *малатарня*, *сячкарня* и др.» [Лексікалогія 1994: 95].

Таким образом, в начале XX века влияние русского и польского языков на формирование лексического состава белорусского литературного

языка было одновременным и происходило в рамках движения извне внутрь системы (прямое заимствование), а также от периферии к центру (когда соответствующие мотивированные единицы были уже известны народным говорам). В отношении словообразования подобное влияние русского и польского языков часто способствовало становлению в белорусском языке общих для всех трех языков словообразовательных типов или повышению их продуктивности. Ср., например: бел. *друкарня, чытальня, умывальня, капальня, кнігарня, майстэрня, малатарня, сячкарня, пяркарня, такарня* и др.; польск. *drukarnia, kopalnia, ksegarńia, sieczkarnia*; русск. *умывальня, давальня, чытальня, прядильня, гладильня, моельня, кочегарня, токарня, поварня, пекарня*; бел. *абвініцель, вучыцель, збавіцель, дзвігацель, заваявацель, настаяцель, папачыцель, прадсядацель, следавацель, чытацель*; русск. *повелитель, мыслитель, хранитель, строитель, даритель, усмиритель, властитель, устроитель, расхититель*; польск. *grabiciel, weściciel, zbawiciel, nauczyciel, usynowiciel, wodziciel, nagrodziciel, niszczyciel, ksztydziciel*. Очевидно, что русское и польское языковое влияние на белорусский язык в целом можно рассматривать как положительное, поскольку оно содействовало ускоренному формированию лексического состава нового белорусского литературного языка, системы его словообразовательных средств. Правда, следует отметить, что многие заимствования из русского и польского языков не закрепились в системе белорусского литературного языка (*абвініцель, заваявацель, вучыцель, атчот, правіцельства, дзвігацель, прадсядацель, чытацель* и др.) и были вытеснены другими номинациями, также преимущественно мотивированными (*абвінаваўца, заваёўнік, настаўнік, справаздача, урад, рухавік, старшыня, чытач*).

Парадокс этого взаимного влияния на формирование словарного состава белорусского языка в этот период заключается в том, что фактически собственные языковые средства (в том числе и словообразовательные), полученные в наследие от общеславянского языкового единства и активно используемые в старобелорусской письменной практике, вследствие специфики актуальной языковой ситуации получают статус заимствований. Так, например, словообразовательные форманты общеславянского происхождения *-цель* и *-льн(я)* в такой же степени имеют право считаться «белорусскими», а не только «русскими» и «польскими». Однако именно специфика межъязыкового славянского взаимодействия и широкое использование мотивированных единиц с названными формантами в близкородственных русском и польском языках обеспечили многим белорусским лексическим единицам статус заимствований. Например, *вучыцель* в белорусском языке начала XX в. считается русским заимствованием,

хотя широко известны и активно употребляются в качестве единственных номинаций собственно белорусские лексические единицы *вучыць, вучэнне, вучыцца, вучань* и т. д. То же самое касается и многих производных единиц с формантом *-льн(я)*, которым приписывается статус полонизмов. Ср. «полонизмы» *капальня, кнігарня, малатарня*, хотя белорусскому национальному (и литературному!) языку хорошо известны общеславянские *капаць, кніга, малаціць, малацьба, малацьбіт* и др.

Совершенно очевидно, что в 20-е годы прошлого столетия, когда белорусский язык получил права официального языка и стал широко внедряться во все сферы общения, прежде всего в сферу образования, обострилась проблема его национального своеобразия. Именно в эти годы в истории нового белорусского литературно-письменного языка отчетливо сформировалась пуристическая тенденция к манифестации собственных (отличных от соседних близкородственных русского и польского языков) средств. Названная тенденция находит свое выражение в:

а) сознательной «ревизии» номинативных средств национального (белорусского) языка;

б) выведении из активного употребления общей с русским и польским языками лексики (движение от центра к периферии и за пределы системы);

в) введении в употребление региональной лексики и ее нормативном закреплении в качестве литературного стандарта (движение от периферии к центру);

г) активном словотворчестве и развитии словообразовательных способов и типов, в особенности способствующих увеличению национально маркированной производной лексики, например, образование сложных слов.

Ср. в Белорусско-русском словаре М. Байкова и С. Некрашевича [Байкоў, Некрашэвіч 1926]: *абвестка* ‘аб’ява’ (русск. *объявление, повестка, афиша*), *абвесьнік* ‘паведамляльнік’ (русск. *осведомитель, информатор, бюллетень*), *абвінавальнік* ‘абвінаваўца’ (русск. *обвинитель*), *абаснова* ‘абгрунтаванне’ (русск. *обоснование*), *абвадненьне* ‘арашэнне’ (русск. *орошение*), *абвадняльні* ‘арашальны’ (русск. *оросительный*), *абвадняць* ‘арашаць’ (русск. *орошать*), *абвяшчэньне* ‘аб’ява’ (русск. *объявление, оповещение, извещение*), *абіральнік* ‘выбаршчык’ (русск. *избиратель*), *абраханьне* ‘падлік, падсумоўванне’ (русск. *подсчитывание, обсчитывание*), *абіцьце* ‘абой’ (русск. *обои*), *адноска* ‘спасылка’ (русск. *ссылка*), *аддыханьне* ‘адпачынак’ (русск. *отдохновение*), *адпачываньне* ‘адпачынак’ (русск. *отдохновение*), *адпачынак* (русск. *отдых, каникулы*), *адсотак* ‘працэнт’ (русск. *процент*), *адсоткавы* ‘працэнтны’ (русск.

процентный), адукаваньне ‘адукацыя’ (русск. образование), адукацыя (русск. образование), адумysłовец ‘спецыяліст’ (русск. спецыяліст), адумysłовы ‘спецыяльны’ (русск. спецыяльны), аматар (русск. любітель), аматарскі (русск. любіТЕЛЬскі), апавядальнік (русск. павеСтвоватеЛь, расказчык), апавядач ‘апавядальнік’ (русск. павеСтвоватеЛь, расказчык), апекавальнік ‘апякун’ и апякун (русск. попечитеЛь, опекун), адрываК ‘урываК’ (русск. отрывок), арыштоўня ‘арыштанцкая’ (русск. арестантская), атласавы ‘атласны’ (русск. атласны), бабскі ‘жаночы’ (русск. женскі), багнет ‘штык’ (русск. штык), баранабык ‘аўцабык’ (русск. овцебык), болесна ‘балюча’ (русск. больно), болесць ‘боль’ (русск. боль), болесны ‘балючы’ (русск. болезненный), боль (русск. боль), бунтаўнік ‘бунтаўшчык’ (русск. бунтовчык, бунтарь), бусловы ‘бусліны’ (русск. аистовый), ваганьнямер ‘сейсмометр’ (русск. сейсмометр), водаправоднік ‘водаправодчык’ (русск. водопроводчик), важня (русск. помещеНие для взвешивания), вазоўня (русск. помещеНие для повозок), валчаньне ‘барацьба’ (русск. драка, борьба), варункі ‘умовы’ (русск. условия), ветрагоннік ‘прапелер’ (русск. пропеллер), відоўня ‘зала для глядачоў’ (русск. зрительный зал), вісельня ‘шыбеніца’ (русск. виселица), войскавод ‘палкаводзец’ (русск. полководец), вораК ‘мяшок’ (русск. мешок), востраслуп ‘абеліск’ (русск. обелиск), выклад ‘выкладанне’ (русск. изложение, экспозиция), выкупка ‘выкуп’ (русск. выкуп), вынятка ‘зноска, цытата’ (русск. выноска, цитата), вынятковы ‘выключны’ (русск. исключительный), вясковец (русск. сельскі, деревенскі житеЛь, селянин), вясковы (русск. сельскі, деревенскі), вясьняк ‘вясковец’ (русск. сельскі, деревенскі житеЛь), вясьнякі ‘вясковы’ (русск. деревенскі), вясьнячка ‘вяскоўка’ (русск. крестьянка), галяр ‘парыкмахер’ (русск. парикмахер, брадобрей), галярня ‘парыкмахерская’ (русск. парикмахерская, цирюльня), ганьбичесель ‘ганьбавальнік’ (русск. порицатеЛь), зброя (русск. оружие), звычайвасць ‘маральнасць’ (русск. моральность), звычайёвы ‘маральны’ (русск. моральный), кавальня ‘кузня’ (русск. кузница), картопля ‘бульба’ (русск. картофель), каўзель ‘каток’ (русск. каток), аб’ясняць ‘тлумачыць’ (русск. объяснять), агранічаны ‘абмежаваны’ (русск. ограниченный), агранічваць ‘абмяжоўваць’ (русск. ограничивать). Эти процессы затронули и сферу беларускай научной терминологии, что нашло свое выражение в активной замене интернациональной лексики собственными новообразованиями: Сравн., например: *бязладнасць* ‘хаатычнасьць’ [Байкоў, Некрашэвіч 1926]³, *бяспамяцьце* ‘забвенне, амнезія’, *ваганьнямер* ‘сейсмометр’, *верхаваньне* ‘кульмінацыя’, *далёказрочны* ‘дальназоркі’, *далягляд* ‘перспектыва’, *дванаццацісьценнік* ‘дванаццаціграннік, дадэкаэдр’, *двуістотнасць*

³ См. также [Беларуская навуковая тэрмінолёгія 1922–1924].

‘дуалізм’, *залюдненасьць* ‘населенасць’, *запал* ‘энтузіязм’, *запаленец* ‘энтузіяст’, *іглак* ‘дзікабраз’, *іншасказ* ‘іншасказанне, алегорыя’, *іскрак* ‘калчадан’, *казальнік* ‘прапаведнік’, *казальніца* ‘трыбуна’, *казаньне* ‘пропаведзь’, *камядрук* ‘літаграфія’, *камядрукаваць* ‘літаграфавачь’, *камядрукарня* ‘літаграфія’, *каморнік* ‘землямер’, *камуністы* ‘камуніст’, *камэдыянчык* ‘камедыянт’, *кантаслуп* ‘прызма’, *канцавоьсе* ‘плюс’, *карабельнік* ‘карабельшчык’, *карнасьць* ‘дысцыпліна’, *кнігапіс* ‘бібліяграфія’, *кніжніца* ‘бібліятэка’, *краіна* ‘вобласць, правінцыя’, *краінавы* ‘правінцыйны’, *красьленьне* ‘чарчэнне’, *краявід* ‘ландшафт’, *кругавыраз* ‘сектар’, *кругадрэз* ‘сегмент’ и др.

Как можно видеть даже из приведенных примеров, белорусское словотворчество в 1920-е годы было направлено главным образом на увеличение в словарном составе языка собственно белорусской лексики. Общая тенденция избавления от лексики, совпадающей с русской (и отчасти польской), находится главным образом в рамках близкородственного (межславянского) языкового отталкивания и не обусловлена непосредственно ограничением употребления заимствованной лексики вообще, но ведет одновременно и к уменьшению заимствованной интернациональной терминологической лексики (что связано с пуристическим неприятием заимствований). Тем не менее, последовательное избавление от интернациональной лексики (в частности, научной терминологии) вызвано прежде всего отталкиванием от близкородственных русского и польского языков.

Белорусский языковой пуризм конца XX столетия имеет в принципе те же проявления, что и в 1920-е годы. Он обусловлен в первую очередь существующей языковой ситуацией и направлен на манифестацию специфических особенностей белорусского языка, отличающих его прежде всего от русского языка. Поэтому он является своеобразной реакцией на предыдущий период отчетливой интернационализации и русификации белорусской лексики, интенсивно пополнявшейся непосредственными заимствованиями из русского языка, словообразовательными кальками, а также интернациональной лексикой в русскоязычном оформлении [Комрагасја 2003].

Современная пуристическая тенденция к национализации в современном белорусском языке также в значительной степени направлена на ревизию существующих языковых средств. При этом главным критерием для этой ревизии становится степень сходства или отличия от соответствующих единиц русского языка. Последнее обусловило возвращение в активное употребление значительного количества лексических единиц, в том числе и мотивированных, которые находились на периферии языковой системы, ряда заимствований, которые также отвечают «требовани-

ям» национально-языкового пуризма, если отличаются от соответствующих русских номинативных единиц. С этим связана, в частности, так называемая смена ориентиров с востока на запад [Шакун 1997] и включение в языковую практику значительного числа полонизмов. Например: *выстава* вместо *выстаўка* (ср. русск. *выставка*), *улётка* вместо *лістоўка* (русск. *листовка*), *імпрэза* вместо *мерапрыемства* (русск. *мероприятие*), *наклад* вместо *тыраж* (русск. *тираж*) и т. д.

В сфере словообразования названная тенденция проявляется главным образом в:

- а) конкуренции синонимичных словообразовательных типов;
- б) нормативной переоценке мотивированных лексических единиц;
- в) активизации некоторых словообразовательных типов;
- г) возвращении с периферии устаревших единиц;
- д) активном словотворчестве.

Так, в последние десятилетия в устной и письменной белорусской речи получили распространение многочисленные лексические единицы, заменяющие те, которые перестали удовлетворять, по мнению некоторых носителей белорусского языка, современным требованиям пуристического характера [Садоўскі 2001]. Здесь достаточно широко представлена мотивированная лексика самых различных тематических групп. Например, имена существительные, называющие лиц: *бубнач* (вместо *барабанічык*, ср. русск. *барabanчик*), *мысляр* (вместо *мысліцель*, русск. *мыслитель*), *амбасадар* (вместо *пасол*, русск. *посол*; *амбасада* — *амбасадар*), *заступнік* (вместо *наместнік*, ср. русск. *наместник* с иной семантикой), *страйковец* (вместо *забастоўчык*, русск. *забастовщик*), *міліцыянт* (вместо *міліцыянер*, русск. *милиционер*), *наведнік* (вместо *наведвальнік*), *адпачывальнік* (вместо *адпачываючы*, русск. *отдыхающий*), *шараговец* (вместо *радавы*, русск. *рядовой*), *гуманітар* (вместо *гуманітарый*, русск. *гуманитарий*), *парлямантар* (вместо *парламентарый*, русск. *парламентарий*), *рэфармат* (вместо *рэфарматар*, русск. *реформатор*), *лейбарыста* (вместо *лейбарыст*, русск. *лейборист*), *рэзервіста* (вместо *рэзервіст*, русск. *резервист*), *наступант* (вместо *наступаючы*, русск. *наступающий*), *лётнік*, (вместо *лётчык*, русск. *летчик*), *пікетовец* (вместо *пікетчык*, русск. *пикетчик*), *выступовец* и *выступанец* (вместо *выступаючы*, русск. *выступающий*), *выбарца* и *выбіральнік* (вместо *выбарчык*, русск. *выборщик*, *избиратель*);

имена существительные с предметным значением: *асобнік / паасобнік* (вместо *экземпляр*, ср. русск. *экземпляр*), *вітальня* (вместо *прыхожая*, *гасціная*, русск. *прихожая*, *гостиная*), *летнік* (вместо *лагер*, русск. *лагерь*), *лецішча* (вместо *дача*, русск. *дача*), *вучэльня* (вместо *вучылішча*, русск. *училище*), *напой* (вместо *напітак*, русск. *напиток*);

абстрактные имена существительные: *крыза* (вместо *крызіс*, русск. *кризис*), *тэза* (вместо *тэзіс*, русск. *тезис*), *выправа* (вместо *выпраўка*, русск. *выправка*), *лекаванне* (вместо *лячэнне*, русск. *лечение*), *размінанне* (вместо *размінка*, русск. *разминка*), *выстава* (вместо *выстаўка*, русск. *выставка*), *адсотка* (вместо *сотка*, русск. *сотка*), *большыня* (вместо *большасць*), *пераслед* (вместо *праследаванне*, русск. *преследование*), *аповяд* и *аповед* (вместо *апаবাদанне*), *каментар* (вместо *каментарый*, русск. *комментарий*);

различные имена прилагательные: *медычны* (вместо *медыцынскі*, русск. *медицинский*), *нармалёвы* (вместо *нармальны*, русск. *нормальный*), *цэнтралёвы* (вместо *цэнтральны*, русск. *центральный*), *рынкавы* (вместо *рыначны*, русск. *рыночный*), *вечаровы* (вместо *вячэрні*, русск. *вечерний*), *біблейны* (вместо *біблейскі*, русск. *библейский*), *італійскі* (вместо *італьянскі*, русск. *итальянский*) и многие другие.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что с пуристической тенденцией к национализации в белорусском словообразовании последних лет в первую очередь связано:

а) образование новых мотивированных единиц (*балетніца* ‘балерына’, *пляцак* ‘рукзак’, *далькажык* и *гутарык* ‘мабільны тэлефон’ *сеціва* ‘інтэрнет’ и т. д.);

б) возвращение в активное употребление лексики органиченного использования, в том числе и иноязычной, если она отвечает требованию отличия от соответствующих русских наименований (*аповяд*, *мысляр*, *лётнік*, *рэзервіста*, *амбасадар*, *міліцыянт*; *вечаровы*, *спартовы*). За очень непродолжительный период в активный словарь белорусского языка возвратились целые гнезда устаревшей лексики, заменившие лексические единицы, употреблявшиеся ранее как единственные нормативные. Например: *мытня* — *мытны*, *мытнік*, вместо *таможня* — *таможанны*, *таможаннік*. Ср. русск.: *таможня* — *таможенный*, *таможенник*.

Таким образом, спецификой современного этапа пуристической национализации в белорусском языке является следующее.

1. Он пришел не на смену процессу интернационализации, а стал фактически второй, параллельной интернационализации тенденцией. В настоящее время словарный состав белорусского языка очень интенсивно пополняется современными англоязычными заимствованиями [Уласевіч, Даўгулевіч 2009].

2. Являясь в определенной степени нейтральным по отношению к современным англоязычным заимствованиям, он, однако, направлен на нормативную переоценку лексических (в том числе и словообразовательных) инноваций предыдущего периода.

3. Он носит односторонний характер отталкивания от русского языка. Многие мотивированные единицы белорусского языка, совпадающие с соответствующими русским лексемами, часто заменяются отчетливыми иноязычными единицами, в частности полонизмами, если те отвечают требованиям отталкивания от русского языка: *выстава* вместо *выстаўка*, *міліцыянт* — вместо *міліцыянер*.

4. Белорусский языковой пуризм конца XX века совпадает с актуализацией второго параллельного альтернативного варианта литературно-письменного языка («тарашкевицы»), ориентированного на нормы 20-х годов прошлого столетия и языковую практику белорусского зарубежья. Фактически белорусский пуризм этого периода приобретает характер последовательной замены одной системы норм другой. При этом предпочтение отдается той, которая в большей степени отстоит от русского языка.

Можно, таким образом, утверждать что современный белорусский языковой пуризм связан главным образом с конкуренцией двух вариантов белорусского литературно-письменного языка, но обусловлен именно отталкиванием от русского языка, доминирующего в коммуникативном пространстве белорусов.

Каким же в свете всего сказанного должен быть ответ на вопрос, положительное или отрицательное явление — пуризм в языках, которые развиваются и функционируют в тесном соседстве с другими близкородственными языками? Как представляется, этот ответ не может быть однозначным. Языковой пуризм как естественная тенденция современного развития белорусского языка — явление достаточно сложное и противоречивое, и его последствия также разнообразны.

С одной стороны, пуризм как противостояние заимствованиям вообще стимулирует активизацию собственных ресурсов языка, в том числе и словообразовательных, но в определенной мере сужает его деривационную базу и не способствует принципу языковой экономии.

С другой стороны, пуризм как отталкивание от системы близкородственного языка активизирует внутриязыковое словотворчество, однако имеет избирательный характер и в определенной степени ограничивает номинативные возможности системы национального языка в целом.

Бесспорным является то, что современный белорусский языковой пуризм обусловлен и отчасти оправдан особенностями языковой ситуации, находится главным образом в сфере близкородственного межславянского отталкивания, направлен на сохранение и усиление национальной специфики белорусского языка и служит стимулом для развития его внутренних номинативных возможностей.

Літэратура

- Байкоў М., Некрашэвіч С.* Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1926.
- Беларуская навуковая тэрміналогія. Вып. I–VI / Вып. I. Элементарная матэматыка. Вып. II. Практыка і тэорыя літаратурнага мастацтва. Вып. III. Геаграфічныя і космографічныя тэрміны і назвы нябесных цел. Вып. IV. Тэрміналогія лёгікі і псыхолёгіі. Вып. V. Геолёгія, мінэралёгія, крышталёграфія. Вып. VI. Ботаніка агульная і спецыяльная. Менск, 1922–1924.
- Лексікалогія сучаснай беларускай мовы. Мінск, 1994.
- Лукашанец А. А.* Сучасныя працэсы ў словаўтварэнні беларускай мовы: Да праблемы міжмоўнага збліжэння і адштурхоўвання // Культуралогія. Фалькларыстыка. XIII Міжнародны з’езд славістаў (Любляна, 2003): Даклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2003.
- Лукашанец А. А.* Міжславянскае моўнае ўзаемадзеянне і дынаміка літаратурнай нормы (беларуская мова паміж рускай і польскай) // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. XIV Міжнародны з’езд славістаў (Охрыд, 2008): Даклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2008.
- Садоўскі П.* Інавацыі 90-х гадоў у мове беларускіх недзяржаўных выданняў // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый». Мінск, 2001.
- Слоўнік мовы «Нашай нівы» (1906–1915). В 5 т. Т. 1: А–Д. Мінск, 2003.
- Уласевіч В. І., Даўгулевіч Н. М.* Слоўнік новых слоў беларускай мовы. Мінск, 2009.
- Шакун Л. М.* Моўныя арыенціры і словаўтваральны працэс // Беларусь паміж Усходам і Захадам. Ч. 2. Мінск, 1997.
- Компарэцыя systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja. Red. nauk. I. Ohnheiser Opole, 2003.

Б. Тошович (Грац)

Процессы дивергенции в современном словообразовании сербского, хорватского и бошняцкого языков

В первой части работы предлагается модель для изучения дивергенции, во второй объясняются термины, относящиеся к дивергенции близкородственных славянских литературных языков (СЛЯ), а в третьей представлены модели словообразовательной дивергенции сербского (Sr), хорватского (Hr) и бошняцкого (Bs) языков.

1. Славянские языки образуют пять корреляционных систем, в которых происходят процессы дивергенции: интракорреляционал, интеркорреляционал, супракорреляционал, суперкорреляционал и экстракорреляционал.

Интракорреляционал представляет собой сеть отношений внутри одного языка, влияющих на межъязыковую дивергенцию (например, изменения внутри русского языка, воздействующие на увеличение расстояния между ним и польским). Как видно, данная корреляционная система состоит из отношений в рамках только одного языка. В анализе дивергенции предметом исследования являются (а) динамические процессы, влияющие на увеличение расстояния по отношению к другим языкам и приводящие к (не)восприятию нововведений носителями определенного языка, к усилению или ослаблению понимания носителями других славянских языков, т. е. к повышению или понижению порога узнавания и понимания. Например, интракорреляционными единицами являются слова, заимствованные в штокавский хорватский язык из кайкавского и чакавского диалекта (кайкавизмы и чакавизмы).

Интеркорреляционал образуют отношения очень близких языков, языки с очень высоким порогом понимания, какими в частности являются (а) бошняцкий (Bs), хорватский (Hr), черногорский (Mo), сербский (Sr); (б) болгарский (Bg) и македонский (Mk); (в) чешский (Cs) и словацкий (Sk). Наше исследование отношений в первой группе [Tošović 2008] свидетельствует о том, что процесс дивергенции усилился после распада бывшей Югославии, что повлияло на увеличение расстояния между Bs, Hr и Sr. Этому особенно способствовали радикальные пуристические тенденции

в некоторых из них и обострение общественных процессов (усиление национализма и шовинизма, развязывание военных конфликтов и т. п.) и психологические факторы (например, ненависть к другим народам и их языкам). Целью данной части исследования является не только изучение вопроса дивергенции отдельных славянских литературных языков (СЛЯ) внутри каждого интеркорреляционала, но и вопрос межгрупповой дивергенции (скажем, является ли она более сильной между Hг и Sг, чем между Bг и Mк или Cs и Sk). На словообразовательном уровне в отношении Bs, Hг, Mo и Sг интеркорреляционными феноменами являются т. н. сербизмы (слова в хорватском или бошняцком языках, которые считаются (типично) сербскими, например, *gledalac* 'зритель'), кроатизмы (слова в сербском или бошняцком языках, которые считаются /типично/ хорватскими, например, *gledatelj* 'зритель') и бошнякизмы (слова в сербском или хорватском языках, которые считаются (типично) бошняцкими, например, *sabahaša* 'утренний кофе'). Некоторые хорватские языковеды (в первую очередь Иво Шкарич) используют название «кроатизмы» даже на интракорреляционном уровне, считая таковыми слова в Hг, которые являются собственно хорватскими. В хорватском словообразовании двух последних десятилетий доминируют борьба с «сербизмами» и стремление вытеснить их из всех сфер употребления. Бошняцкое словообразование ориентировано на поиски моделей и форм, которые бы подтвердили необходимость выделения бошняцкого как особого языка и которые бы указали на его своеобразие по отношению к сербскому и хорватскому. Так как на деривационном уровне последнее удастся не так легко, как, например, в лексическом плане (трудно, скажем, иметь или создать исключительно бошняцкий суффикс или префикс), такие попытки заканчиваются, как правило, выбором из двух существующих словообразовательных моделей — сербской или хорватской (типичным примером является явное предпочтение хорватского суффикса *-ira(ti)* сербскому суффиксу *-isa(ti)* в глаголах типа *informirati — informisati*). Бошняцкие языковые пособия (в первую очередь орфографические и грамматические) чаще всего ориентированы на хорватский язык. В определенных случаях это проявляется настолько сильно, что некоторые видные боснийские языковеды начали говорить о чрезмерной кроатизации бошняцкого языка, которая противоречит его «духу».

В состав интракорреляционала не входят заимствования из супракорреляционных языков (в данном случае словенизмы, болгаризмы, македонизмы), суперкорреляционных языков (например, русизмы или богемизмы) и экстракорреляционных языков (скажем, англицизмы / американизмы или германизмы).

Супракорреляционал состоит из отношений территориально близких СЛЯ (восточнославянских, западнославянских, южнославянских). В его состав входит А-супракорреляционал, к которому относятся белорусский (Be), русский (Ru) и украинский (Uk) языки, В-супракорреляционал с чешским (Cs), польским (Pl), словацким (Sk) и серболужицким (Ls) языками в своем составе, и С-супракорреляционал, охватывающий болгарский (Bg), Bs, Hг, македонский (Mk), черногорский (Mo), словенский (Sl) и Sr. Цель исследования супракорреляционала — определение дивергенции между языками, входящими в состав каждого супракорреляционала в отдельности (например, дивергенция между Ls, Pl, Sk и Cs), а также определение дивергенции между языками, принадлежащими к различным супракорреляционалам (здесь ставится вопрос, является ли дивергенция более сильной между языками А-, В- или С-супракорреляционала, например, Bg, Mk ↔ Cs, Sk, Cs, Pl ↔ Ru, Uk, Be, Ru ↔ Mk, Sl). Что касается С-супракорреляционала, то на словообразовательном уровне он охватывает сербизмы и кроатизмы в Bg и Mk, словенизмы в Bs, Hг, Mo и Sr, македонизмы в Bs, Hг, Mo и Sr. За рамками супракорреляционала находятся интеркорреляционные дериваты / заимствования (сербизмы, кроатизмы, бошнякизмы в Ru, Pl и т. д.), суперкорреляционные образования (русизмы или полонизмы в Bs, Hг, Sr и т. д.) и экстракорреляционные влияния (например, англицизмы в СЛЯ).

Суперкорреляционал охватывает языки, относящиеся к территориально различным славянским группам (например, к восточнославянским и южнославянским типа Ru ↔ Bg). Дивергенция может быть восточно-западнославянской: а) Be, Ru, Uk; б) Ls, Pl, Sk, Cs; восточно-южнославянской: а) Be, Ru, Uk; б) Bg, Bs, Hг, Mk, Mo, Sr; западно-южнославянской: а) Cs, Ls, Pl, Sk; б) Bg, Bs, Hг, Mk, Mo, Sr. Суперкорреляционными словообразовательными единицами являются дериваты, заимствования и прочие образования из других славянских языков, относящихся к территориально различным группам. Когда речь идет о Bs, Hг, Mo и Sr, суперкоррелятами являются, например, русизмы, богемизмы, полонизмы¹. Одной из проблем является вопрос, насколько интеркорреляционные изменения влияют на суперкорреляционную дивергенцию. Здесь целесообразно рассмотреть гипотезу о том, что увеличение интеркорреляционной дивергенции может влиять на характер дивергенции суперкорреляционной. Интересным является вопрос о том, тяготеют ли некоторые процессы в Hг, направленные на сознательное удаление

¹ Например, в хорватском языке богемизмами считаются *dojam* 'впечатление', *časopis* 'журнал', *kisik* 'кислород', *kopačka* 'футбольный сапог', *pisanka* 'тетрадь', *pištolj* 'пистолет', *povod* 'повод', *spis* 'акт', *uloga* 'роль', *vodik* 'водород' [Bohemizam 2007].

от Sr (= увеличение интеркорреляционной дивергенции), к приближению Hg и Ru (= сокращение супракорреляционного расстояния).

Экстракорреляционал образуют соотношения СЛЯ с неславянскими языками (например, английским или немецким). Здесь в центре внимания находятся связи между инославянскими языками и славянскими интракорреляционными (например, Bs, Hg, Mo и Sr), супракорреляционными (например, Cs, Ls, Pl, Sk) и суперкорреляционными языками (например, Sl и Uk, Pl и Be, Mk и Cs)². Цель данной части исследования — ответить на вопрос, насколько отношения между славянскими и неславянскими языками влияют на дивергенцию между СЛЯ. На словообразовательном уровне экстракоррелянтами являются заимствования, иностранные слова из неславянских языков, кальки и т. п. Для Bs, Hg, Mo и Sr самыми важными единицами такого типа являются англицизмы / американизмы, германизмы, романизмы, ориентализмы и унгаризмы. Так как экстракорреляционал не отягощен проблемой генетической идентичности или сходства (которые в интеркорреляционале одна сторона использует в целях конвергенции, а другая выдвигает дивергенцию, что вызывает сложное и довольно опасное противостояние в системе), отношения являются менее напряженными и не подвергаются взаимной фрустрации на «родственной» основе.

Хорватский язык пуристически настроен, и любые заимствования в нем не приветствуются, в то время как сербский язык отличается «интернационализмом» [Ivić 1999]. Существует явно выраженный языковой интернационализм на востоке («сербский вариант») и пуризм на западе («хорватский вариант») — [Radovanović 1998: 61].

В сербском языке нет жестких ограничений в образовании дериватов от иностранных слов, хотя некоторые лингвисты проявляют более осторожное, даже враждебное отношение к словам, созданным

² В соответствии с предложенной моделью можно выделить интракорреляционные, интеркорреляционные, супракорреляционные, суперкорреляционные и экстракорреляционные языки. Интракорреляционными являются те языки, в которых находят, наблюдают и рассматривают изменения, влияющие на характер отношения к другим СЛЯ. Одним из таких процессов является расслоение языка на территориальные варианты, что, например, в настоящее время происходит с Sr, Hg и Bs. Об интеркорреляционности можно говорить, если определенный язык принадлежит к группе очень близких языков, к языкам, основанным на одной и той же диалектной основе (напр. Bs, Hg, Mo, Sr, базирующиеся на штокавском диалекте). Супракорреляционными являются языки, которые занимают одно компактное пространство. Суперкорреляционные языки, наоборот, территориально разбросаны. Экстракорреляционным является неславянский язык, который вступает в связь со славянским.

по чужим моделям. На экстралингвистическом уровне сербское словообразование довольно либерально и толерантно. Хотя и в сербских изданиях все чаще и громче звучат голоса о засорении языка иностранными словами, жесткие меры против этого, тем не менее, пока отсутствуют. В сербском словообразовании не наблюдается тенденций сознательного отмежевания от хорватского и бошняцкого. Сербская дивергенция проявляется прежде всего в стремлении не использовать то, что является типичным для хорватского языка (т. н. кроатизмы). В сербском языкознании существуют различные позиции, связанные с влиянием экстракорреляционных языков. С одной стороны, существуют идеи противостоять наплыву иностранных слов и выражений, которые вытесняют «совсем хорошие» исконно сербские слова [Šipka 2006: 172]. С другой стороны, публикуются целые книги, отрицающие (ненужное) использование иностранных слов (см. [Medić 2000], [Medić 2004]).

Хорватское словообразование находится под сильным давлением общезыкового пуризма и ориентации на создание новых слов от исконно хорватских, что иногда делается во что бы то ни стало. В хорватском языкознании, в частности в словообразовании сейчас идет острая широкомасштабная борьба с заимствованиями и с новообразованиями, произведенными по иностранным моделям. В этой борьбе особенно активно участвуют некоторые видные и влиятельные языковеды, включая дериватологов (в первую очередь Степан Бабич). Желания главных представителей хорватского пуризма тут иногда сталкиваются с речевой практикой, которая не всегда принимает то, что ей навязывается. В то время как в интеркорреляционном дивергентная стандартизация является рестриктивной по отношению к тому, что приходит из других двух стандартов (прежде всего во взаимодействии хорватского и сербского языков), в экстракорреляционном рестриктивные меры принимаются только по отношению к словам из генетически далеких языков. Так, главный «удар» хорватские защитники языка наносят по «ореинтализмам», т. е. тюркским словам [Babić 2004: 19]. Раньше это особенно проявлялось по отношению к немецкому языку³. Степан Бабич считает, что надо задуматься, «как противостоять сильной атаке англицизмов, как сделать густой фильтр для них, потому что многие не видят опасности в том, чтобы хорватский язык рас-

³ «Подданные Австрийской империи с 1527 по 1918 гг., мы жили вместе с немецким языком, и не только жили – во многих аспектах (юридическом, политическом, военном, экономическом и т. д.) мы были ему подчинены. И за эти 400 лет в наш язык, а точнее, в диалекты и разговорную речь, что и понятно, вошло около четырех-пяти тысяч германизмов. Непонятно, однако, почему в таких обстоятельствах наш литературный язык заимствовал не более сорока германизмов» [Babić 2004: 207].

творился в английском, и если такой опасности действительно нет, существует опасность превратить его в плохой хорватский, в *anglokrobotski* язык» [Babić 2004: 209].

Доказательство самобытности и своеобразия бошняцкого языка усматривают в ориентализмах (восточных элементах, тюркизмах).

Существуют тенденции, ведущие к двойной интер- и экстракорреляции, в частности, к интердивергентной стандартизации (отталкивание хорватского от сербского) и экстраконвергентной стандартизации (притяжение английского языка как противостояние сербскому). К такому случаю относится предложение использовать в хорватском языке как можно больше английских слов, чтобы создать максимальное расстояние между хорватским и сербским, удалиться от Востока и приблизиться к Западу⁴.

На основании изложенного можно прийти к выводу, что дивергенция может быть интракорреляционной (подразумевающая увеличение расстояния между различными периодами или вариантами одного и того же языка), интеркорреляционной (дивергенция между очень близкими СЛЯ), супракорреляционной (дивергенция между территориально близкими СЛЯ), суперкорреляционной (дивергенция между территориально различными СЛЯ), экстракорреляционной (дивергенция между СЛЯ, обусловленная их различным отношением к неславянским языкам).

Для толкования словообразовательной межъязыковой дивергенции необходимо использовать четыре понятия. Во-первых, языковое явление или единицу, вызывающую дивергенцию или увеличивающую расстояние между исследуемыми языками (ИЯ), мы будем называть дивергемой. Во-вторых, дивергенция является своеобразным сплавом трех отношений — тождества, различия и сходства. Языковую единицу, выражающую тождество или указывающую на него, назовем идентемой. В данном случае это формант или словообразовательная единица с одинаковой формой и/или идентичным значением, и/или равномерной частотой употребления (например, слово *godina* 'год', суффикс *-izam* (*kapitalizam* 'капитализм', *fašizam* 'фашизм'), приставка *pro-* (*pročitati* 'прочитать', *protumačiti* 'разъяснить', *progovoriti* 'произнести, заговорить'). Носителя сходства в язы-

⁴ «Однажды на неформальном праздновании 30-летия Школы журналистов (поколение-68) мы вернулись к давним редакционным разговорам, остановившись, конечно, на нашей любимой теме – на хорватском языке. Один коллега, когда-то работавший в рубрике «RTV-gadar», настаивал, что из хорватского языка следует устранить не только сербизмы, но и все прочее, делающее его похожим на сербский, и что в хорватский язык необходимо вводить выражения из английского – тем самым отдаляя его от Востока и как можно сильнее приближая к Западу» [Pavičić 2001: 334]

ке назовем симилемой. Это формант или словообразовательная единица с похожей формой и/или близким значением, и/или подобной частотой употребления (например, в паре *takođe* — *također* ‘тоже — также’, причем первое слово является типичным для сербского, второе — для хорватского). Дифферемой является формант или словообразовательная единица с различной формой и/или другим значением, и/или с неодинаковой частотой употребления в ИЯ. Например, различную форму имеют прилагательные *lični* (преимущественно в Sr) и *osobni* (преимущественно в Hg) в значении ‘лично’, различное значение — *brijač* (в Sr ‘бритва’, в Hg ‘парикмахер’), а различную частотность при одинаковом звучании и значении — *hiljada* ‘тысяча’ (чаще в Sr, чем в Hg).

В межславянской дивергенции тождество, сходство и различие переплетаются с формой и значением. Поэтому существуют дивергенция формальная (когда языки удаляются друг от друга только словообразовательной формой) и семантическая (когда словообразовательное значение увеличивает расстояние между языками). Так как словообразовательные средства и единицы могут создавать межязыковую дивергенцию не только соотношением формы и значения, но и частотностью употребления, здесь надо ввести еще одно понятие — квантитему, под которой мы подразумеваем словообразовательную единицу, создающую дивергенцию только своей частотностью. Таким образом, словообразовательная дивергенция — это сплав формальных, семантических и частотных характеристик в разных пропорциях.

2. Межязыковая словообразовательная дивергенция рассматривается в данной работе на материале 200 самых частотных слов параллельного Гралис-корпуса, созданного в 1996 году в Университете г. Грац и охватывающего в настоящее время (на 22 февраля 2009) 1 367 752 словоупотреблений в сербском корпусе, 1 384 602 в хорватском и 513 042 в бошняцком. Выбор для анализа самых частотных слов продиктован в частности тем, что 200 самых частотных слов покрывают около 38 % всего корпуса. Такой выбор преследовал цель определить, как и в чем проявляется дивергенция в самой активной части лексики. В первых 200 словах отсутствуют заимствования, иностранные слова, кальки, сложные слова, универбы, экспрессивно окрашенная лексика, окказионализмы, архаизмы, историзмы, диалектизмы, жаргонизмы, имена-аббревиатуры, сокращения и пр., что во многом сужает пространство для развития данного процесса.

Так как словообразовательная дивергенция проявляется во всех славянских корреляционных системах, этот вопрос является очень широким, комплексным и сложным. Поэтому мы проанализировали лишь

дивергенцию в А-интеркорреляционном, охватывающем Sr, Hr, Bs и Mo. Но и в этом случае нам пришлось провести дополнительное ограничение и исключить из исследования черногорский язык (Mo), так как он получил официальный статус совсем недавно (в 2007 г.), и нормативные пособия (общепринятая грамматика, правила правописания и словарь) пока отсутствуют, из-за чего его невозможно рассматривать равноправно с Sr, Hr и Bs.

3. На основе проведенного анализа 200 самых частотных слов из трехязычного Галис-корпуса (сербско-хорватско-бошняцкого) и с учетом соотношения формы, значения и частотности употребления можно выделить пять моделей межъязыковой дивергенции между Bs, Hr и Sr на словообразовательном уровне.

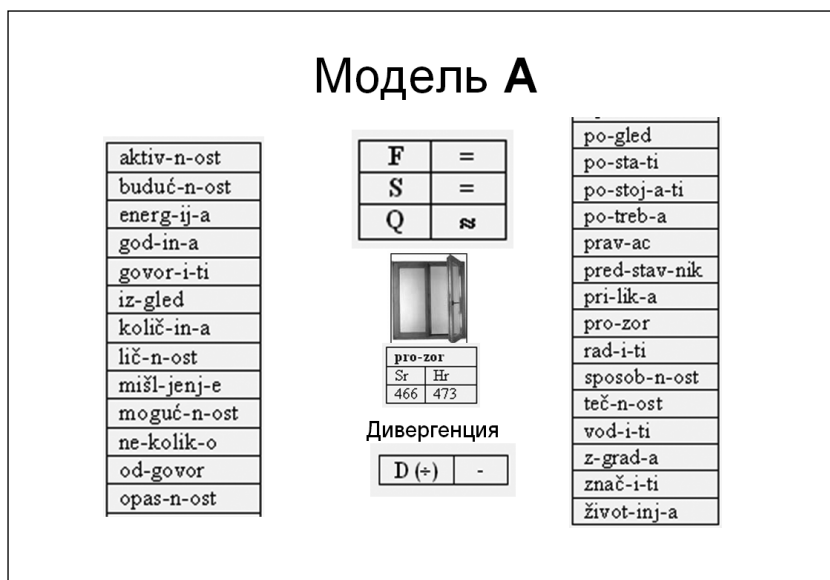
Модели

№	Модель	Форма (F)	Значение (S)	Частота (Q)
1	A	=	=	≈
2	B	=	=	≠
3	C	≠	=	
4	D	≈	=	≠
5	E	=	≠	

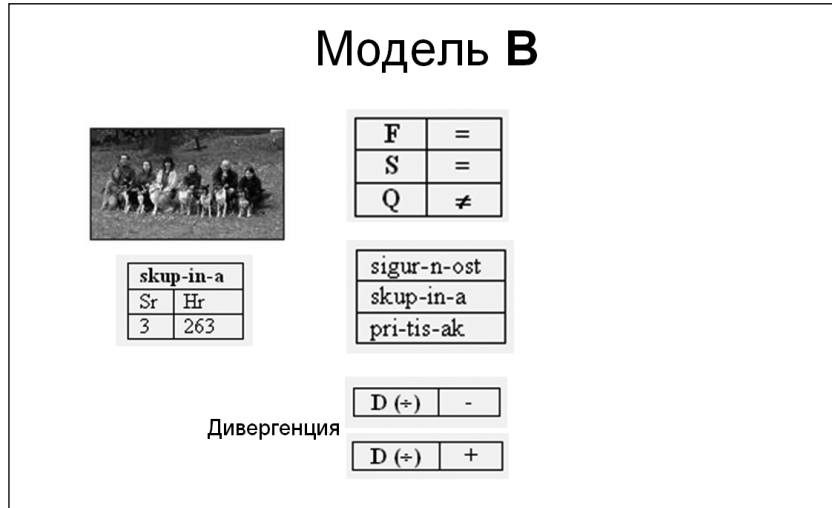
Дивергема – D (÷)

Модель А включает в себя производные слова, имеющие одинаковую форму, идентичное значение и почти совпадающую частоту употребления. Такая лексика является преобладающей в списке 200 самых частотных слов. Сюда относятся, например, *prozor* 'окно', *aktivnost* 'деятельность', *budućnost* 'будущее', *energija* 'энергия', *godina* 'год', *govoriti* 'говорить', *izgled* 'вид, форма, выражение', *količina* 'количество', *ličnost* 'личность', *mišljenje* 'мнение', *moгуćnost* 'возможность', *nekoliko* 'несколько', *odgovor* 'ответ', *opasnost* 'опасность', *pogled* 'взгляд', *postati* 'стать', *postojati* 'существовать', *potreba* 'необходимость', *pravac* 'направление', *predstavnik* 'представитель', *prilika* 'возможность', *raditi* 'работать, делать', *sposobnost* 'способность', *tečnost* 'жидкость', *voditi*

‘вести / водить’, *zgrada* ‘здание’, *značiti* ‘значить’, *životinja* ‘животное’. Они являются формальными и семантическими идентемами и частотными симилемами. Так как данные слова обладают формальной, семантической идентичностью, а также почти совпадают по частотности употребления, их нельзя отнести к дивергемам. К этой модели относятся и некоторые форманты типа *-lic(a)*: *bušilica* ‘буровой инструмент, дрель’, *radilica* ‘шатуn’, *kosilica* ‘косилка’, *-ost* (*radost* ‘радость’, *mladost* ‘молодость’, *starost* ‘старость’).

Модель **В** охватывает производные слова, характеризующиеся одинаковой формой и значением, но различной частотой употребления. Они представляют собой формальные и семантические идентемы и частотные симилемы. В эту модель входит, например, лексема *skupina* ‘группа’, которая дифференцирует ИЯ только степенью использования (в Sr — 3 словоупотребления, в Hr — 263), а также *pritisak* ‘давление’, *sigurnost* ‘надежность, безопасность’. Единицы данной модели можно считать дивергемами лишь в том случае, если разрыв в частоте их употребления увеличивается. К форманту с такой моделью относится глагольный суффикс *-isa(ti)*, преобладающий в Sr, и *-ira(ti)*, преобладающий в Hr (ср. *informisati* — *informirati* ‘информировать’).

Модель С включает производные слова, имеющие различную форму и идентичное значение, причем частотность не является релевантной. Данные лексемы являются формальными дифферемами и семантически идентемами. Такой пример образует пара *ogledalo* — *zrcalo* ‘зеркало’, причем первая лексема является типично сербской, а вторая — типично хорватской. Данная модель включает и слова типа *muzika* — *glazba* ‘музыка’, *porodica* — *obitelj* ‘семья’, *pažnja* — *pozornost* ‘внимание’, *partija* — *stranka* ‘партия’, *utisak* — *dojam* ‘впечатление’ (первый член пары является типично сербским, второй — типично хорватским). Так как под дивергенцией мы подразумеваем только случаи увеличения расстояния между языками, подобные слова могут стать дивергемами только на количественном уровне. В данной ситуации они являются не дивергемами, а дифферемами. К этой модели относятся и форманты типа адъективного суффикса *-n(i)* — *jezički* в Sr, *jezični* в Hr.

Модель С

ogledalo – zrcalo

Дивергенция

D (+)	-
D (+)	+

F	≠
S	=
Q	/

graz-b-a
o-bi-telj
o-gled-a-l-o
po-rod-ic-a
po-zor-n-ost
stran-k-a
u-tis-ak
zrza-l-o

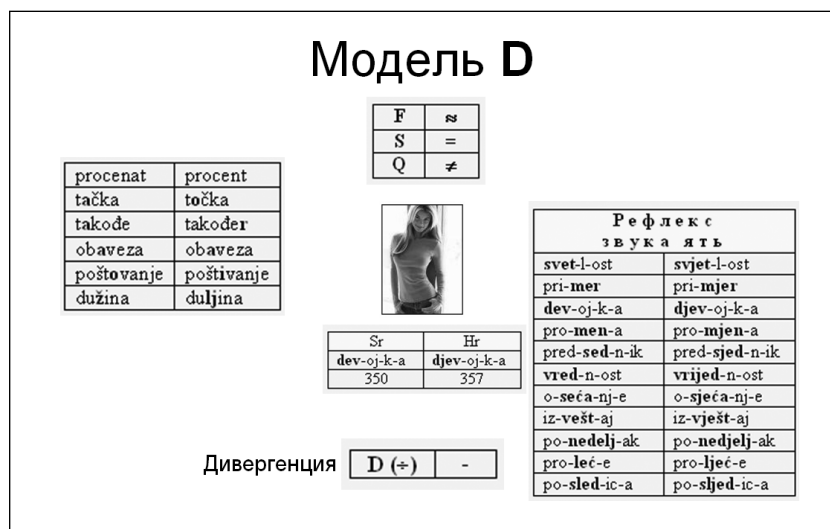
januar	siječanj
februar	veljača
mart	ožujak
april	travanj
maj	lipanj
juni	svibanj
juli	srpanj
avgust	kolovoz
septembar	rujan
oktobar	listopad
novembar	studenti
decembar	prosinac

К данному типу принадлежат пары с сербскими интернациональными и собственно хорватскими (производными) названиями месяцев: *januar* — *siječanj* ‘январь’, *februar* — *veljača* ‘февраль’, *mart* — *ožujak* ‘март’, *april* — *travanj* ‘апрель’, *maj* — *svibanj* ‘май’, *juni* — *lipanj* ‘июнь’, *juli* — *srpanj* ‘июль’, *avgust* — *kolovoz* ‘август’⁵, *septembar* — *rujan* ‘сентябрь’, *oktobar* — *listopad* ‘октябрь’, *novembar* — *studeni* ‘ноябрь’, *decembar* — *prosinac* ‘декабрь’.

В состав модели **D** входят производные слова с похожей формой, одинаковым значением и различной частотой употребления. Такие лексемы являются формальными симилемами, семантическими идентемами и частотными дифферемами. Сюда, в первую очередь, относятся слова с рефлексом звука «ять» типа *devojka* — *djevojka* ‘девушка’, *svetlost* — *svjetlost* ‘свет’, *primer* — *primjer* ‘пример’, *promena* — *promjena* ‘изменение’, *predsednik* — *predsjednik* ‘председатель’, *vrednost* — *vrijednost* ‘ценность, стоимость’, *osećanje* — *osjećanje* ‘чувство, ощущение’, *izveštaj* — *izvještaj* ‘отчет’, *ponedeljak* — *ponedjeljak* ‘понедельник’, *proleće* — *proljeće* ‘весна’, *posledica* — *posljedica* ‘последствие’, причем первая лексема в паре является типично сербской в сербских экавских диалектах, а вторая типично сербской в сербских иекавских диалектах и в хорватском языке. Так как такие формы не могут быть больше или меньше экавскими / иекавскими, вряд ли их можно отнести к дивергемам. Их даже нельзя считать

⁵ В [Halilović 1996] нормирована форма *august*.

межъязыковыми дифферамами, так как сербский язык является одновременно экавским и иекавским. Тот факт, что речь идет об изменении в корне, снимает деривационную значимость парных экавизмов и иекавизмов.

В эту группу входят лексемы типа *tačka* — *točka* ‘точка’, *takođe* — *također* ‘также, тоже’, *obaveza* — *obaveza* ‘обязательство’, *poštovanje* — *poštivanje* ‘уважение’, *dužina* — *duljina* ‘длина’. Среди слов с такой моделью представлены существительные с факультативным *a* типа *procent* — *procentat* ‘процент’, *dijalekt* — *dijalekat* ‘диалект’, *projekt* — *projekat* ‘проект’, *perfekt* — *perfekat* ‘перфект, прошедшее время’ (первые являются типичными для Hr, вторые — для Sr).

В рамках модели **E** находятся производные слова с одинаковой формой, различным значением и нерелевантной частотностью употребления. Подобные единицы относятся к формальным идентемам и семантическим дифферамам. Это, например, лексема *odojčce*, которая в сербском языке обычно имеет значение ‘грудной ребенок, младенец’, а в хорватском ‘жареный ягненок’⁶. Так как ее форму или значение нельзя менять для того, чтобы усилить дивергенцию между Sr и Hr, она (форма) может быть дифферемой лишь на количественном уровне. К этой модели принадлежат и слова типа *brijač* ‘бритва’ (Sr) — ‘парикмахер’ (Hr), *veljača* ‘время перехода зимы в весну’ (Sr) — ‘февраль’ (Hr).

⁶ Ср.: *Tkalčević osim juhe nije ništa jeo, nego je čekaio na odojčce* (Korpus hrvatskoga jezika).

Модель E

F	=
S	≠
Q	/

Слово	Sr	Hr
brij-ač	'бритва'	'парикмахер'
velj-ač-a	время перехода зимы в весну	'февраль'
o-doј-če	'грудной ребенок, младенец'	'жареный ягненок'

Pravilna ishrana odoјčeta ima veliki

<http://tbn2.google.com/images?q=tbn:FurKPW6JslIBD>

Planirana je i mala fešta nakon ...

<http://tbn1.google.com/images?q=tbn:UCQBckoVria0ZM>
[M.http://www.topvita.info/slike/A090502_1_1.jpg](http://www.topvita.info/slike/A090502_1_1.jpg) <http://i482.photobucket.com/albums/r189/nirko1/dodjce.jpg>

Дивергенция D (+) -

4. На основе проведенного анализа мы пришли к следующим выводам: (1) словообразовательная дивергенция Bs, Hr и Sr проявляется слабо или никак не проявляется в большинстве слов, относящихся к двумстам самым частотным; (2) даже в расширенном списке, охватывающем 2 000 самых употребляемых слов, нет ни одного форманта, который можно соотнести только с Sr, Hr или Bs; (3) различия, вызывающие дивергенцию, касаются в большинстве случаев частотности употребления.

Сокращения

Be — белорусский язык, Bg — болгарский язык, Bs — бошняцкий / боснийский язык, Cs — чешский язык, De — немецкий язык, Hr — хорватский язык, Mk — македонский язык, Mo — черногорский язык, Pl — польский язык, Ru — русский язык, Sk — словацкий язык, Sl — словенский язык, So — серболужицкий язык, Sr — сербский язык, Uk — украинский язык, ИЯ — исследуемые языки, СЛЯ — славянские литературные языки

Литература

Babić S. Hrvanija hrvatskoga: Hrvatski u koštacu sa srpskim i u klinču sa engleskim. Zagreb, 2004.

Bohemizam // Internetska enciklopedija Wikipedija. 4. svibnja 2007. — <http://hr.wikipedia.org/wiki/Bohemizam>.

- Halilović S.* Pravopis bosanskoga jezika. Sarajevo, 1996.
- Ivić P.* Jezičko planiranje u Srbiji danas // *Jezik danas*. 1999. № 9.
- Medić M.* Najezda stranih reči na srpski jezik. Beograd, 2000.
- Medić M.* Obmane i zablude branitelja stanih riječi. Ruma, 2004.
- Pavičić J.* Ispod jezika: komentari o jeziku i Hrvatima. Zagreb, 2001.
- Radovanović M.* Planiranje jezika i jezička politika: principi i tendencije (na primeru srpsko-hrvatske relacije) // *Jazykovedný časopis*. 1998. Č. 1–2.
- Šipka M.* Jezik i politika: sociolingvističke analize. Beograd, 2006.
- Tošović B.* Phonetisch-phonologische Unterschiede zwischen dem Bosnischen / Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen // *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen / Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen* / Hg. B. Tošović. Wien; Münster; Berlin, 2008.

Корпусы

Gralis-Korpus: <http://www-gewi.uni-graz.at/cocoon/gralis>.

Korpus hrvatskoga jezika: <http://riznica.ihj.hr/>.

K. Waszakowa (Warszawa)

**Innowacje słowotwórcze jako
rezultaty integracji pojęciowej
(w świetle modelu dynamicznego opartego
na uzusie językowym)**

1. Wstęp

U podstaw intensywnie dziś rozwijanej semantyki kognitywnej leży przekonanie, że struktury językowe należy ujmować w połączeniu z ogólniejszymi właściwościami psychicznymi (np. z percepcją, pamięcią) — na nich bowiem zasadzają się procesy mentalne znajdujące wyraz w systemie językowym oraz w jego użyciu. Chodzi o bardzo ogólne, fundamentalne zjawiska psychologiczne, takie jak: zdolność do abstrahowania, utrwalania, porównywania oraz integrowania (scalania) ze sobą prostych struktur w celu otrzymania struktur złożonych¹. Taka postawa badawcza wynika z przekonania, że język jest częścią mechanizmu poznawczego człowieka, więc tym samym trzeba (i można) opisywać go jako jeden z elementów psychologicznej organizacji ludzkiego poznania, w ścisłym powiązaniu z emocjami, uczuciami, przyjmowanym systemem wartości — ogólniej: kulturą².

W niniejszej pracy, która stanowi kolejne ogniwo w prowadzonych przeze mnie rozważaniach na temat zjawisk słowotwórczych w tekście³, nawiązuję do modelu dynamicznego opartego na uzusie językowym (*usage-based model*) Ronalda Langackera [Langacker 1988], [Langacker 2003] oraz teorii integracji pojęciowej (*conceptual blending theory*) Gillesa Fauconniera i Marka Turnera [Fauconnier, Turner 2002] po to, aby zbadać, jak można wzbogacić interpretację tekstowych derywatów słowotwórczych. Na wybranych przykładach omawiam:

---

¹ Zjawiskom tym R. Langacker przypisuje kluczową rolę w języku; leżą one u podstaw złożonych procesów mentalnych, których «ślady» są widoczne w strukturach językowych [Langacker 2003: 33–37].

² Poglądy tego typu znajdziemy w pracach kognitywistów amerykańskich: Ch. Fillmore’a, G. Lakoffa i R. Langackera. Pod pewnym względem podobne podejście do języka reprezentował znany polski językoznawca, W. Doroszewski – uważał on, że mechanizm poznawczy człowieka ma podłoże biologiczne.

³ Por. np. prace: [Waszakowa 2003], [Waszakowa 2007a], [Waszakowa 2007b].

a) ważną rolę, a nawet niezbędność kontekstu oraz wiedzy o świecie w docieraniu do znaczeń nowych wyrażeń okazjonalnych oraz odkrywaniu ich więzi z jednostkami motywującymi;

b) mechanizmy powstawania innowacyjnych struktur słotwórczych w wyniku scalenia się dwóch przestrzeni mentalnych.

2. Innowacje słotwórcze w świetle modelu dynamicznego opartego na uzusie językowym

Semantyka kognitywna, która szuka odpowiedzi na pytanie, w jaki sposób rzeczywistość jest konceptualizowana przez użytkowników języka, w centrum uwagi stawia problem: jak konstruowane są pojęcia, a w konsekwencji — jak tworzone / rozumiane są odpowiadające im wyrażenia językowe. Wskazanie, w jaki sposób umysł poznający (nadawca / odbiorca) ujmuje rzeczywistość (dotychczas nie nazwaną lub interpretowaną na nowo), to jeden z podstawowych celów kognitywnego opisu innowacji językowych.

Nowe struktury słotwórcze powstają zwykle w określonym tekście — tworzy je mówiący (konceptualizator), korzystając z dostępnych środków oferowanych przez system.

Mówiąc o *dynamice użycia językowego*, Langacker ma na uwadze to, że użytkownik, dysponując inwentarzem systemowych środków językowych, w oparciu o posiadaną kompetencję językową tworzy / interpretuje wypowiedź (tekst)⁴. To, co różni ujęcie kognitywne od wcześniej proponowanych analiz derywatów tekstowych, to uwzględniany w opisach językoznawczych zakres owej kompetencji. Według kognitywistów osiągnięcie pełnej kompetencji językowej wymaga od użytkownika języka zdobycia ogromnej wiedzy o dostępnych mu zasobach języka, na które oprócz samych jednostek językowych «składają się również takie czynniki, jak pamięć, planowanie, umiejętność rozwiązywania problemów, wiedza ogólna, cele krótko i długoterminowe, jak również zdolność do rozpoznania fizycznego, społecznego, kulturowego i językowego kontekstu» [Langacker 2003: 42–43].

W interpretacji R. Langackera wykorzystanie tych wszystkich elementów następuje w tzw. *zdarzeniu mownym* (ang. *speech event*)⁵, które oznacza

⁴ Należy zaznaczyć za autorem, że nie jest tu ważne, kto jest użytkownikiem: nadawca czy odbiorca, jako że «obaj muszą ustalić jakąś więź pomiędzy systemem językowym a wypadkiem użycia językowego, który jest tego systemu domniemanym przejawem». Myśl tę autor motywuje tak: «Odbiorca musi interpretować wypadek użycia jako zamierzoną realizację konkretnych struktur językowych. Nadawca musi dokonać selekcji struktur językowych zdolnych do przywołania pożądanego skontekstualizowanego znaczenia, a następnie musi zadbać o to, aby dane użycie zostało rzeczywiście zinterpretowane» [Langacker 2003: 43].

⁵ Inne jego określenie to *wypadek użycia językowego* (ang. *usage event*).

«połączenie wokalizacji, ze wszystkimi jej szczegółami, z konceptualizacją reprezentującą jej pełne i skontekstualizowane znaczenie» [Langacker 2003: 43]⁶.

Jednym z zagadnień rozpatrywanych w tej perspektywie jest kwestia rozbieżności między wartością kompozycjonalną (dotyczy ona stopnia, w jakim dane wyrażenie zbliża się do przewidywalnego rezultatu integracji konkretnych struktur składowych zgodnie z jakimś schematem konstrukcyjnym) użytej jednostki a jej wartością kontekstualną. Dotykamy tu centralnego problemu semantyki leksykalnej: modyfikowania znaczeń leksykalnych w tekstach, ogólniej — relacji między znaczeniem słownikowym jednostki a jej znaczeniem tekstowym. Semantyka kognitywna pozwala widzieć owe zjawiska w nowym naświetleniu. Chodzi o ukazanie różnorodnych czynników istotnych w procesie tworzenia / interpretowania tekstu. W perspektywie słowotwórczej oznacza to wskazanie, w jakim stopniu przy wyjaśnianiu konstrukcyjnego charakteru struktur słowotwórczych nie można ograniczyć się do czynników systemowych, lecz trzeba wyjść poza granice języka.

3. Rola kontekstu i wiedzy o świecie w ujawnianiu nowych tekstowych znaczeń derywatów słowotwórczych

W przywołanym tu modelu dynamicznym Langackera kontekst pełni rolę klucza do odczytywania konceptualizacji w tym sensie, że struktura pojęciowa jest ujmowana dynamicznie: znaczenie pojęcia wyłania się w jego użyciu, w kontekście. Tekst ukazuje sposób użycia jednostek językowych, tak skonwencjonalizowanych, jak i utworzonych doraźnie⁷. Co więcej, wykorzystanie danej struktury w tekście nie jest bynajmniej przypadkowe: służy wyrażeniu określonej intencji nadawcy, którą odbiorca ma za zadanie odczytać⁸.

Wprowadzając nową strukturę słowotwórczą, rozmówcy zwykle dointerpretowują kontekstualnie, do czego ją odnoszą; w przypadku szczególnym, gdy nie różni się ona od już istniejącego leksemu, bywa, że ujawniają jej wzorzec kompozycjonalny, np. taki jak 'coś, co jest jakieś'. Por. przykładowy kontekst, w którym pojawiły się okazjonalizmy *używki*, *rozbiórka*:

⁶ Jak widać, jest to opis językowo-pojęciowy: łączący zjawiska powierzchniowe (tekstowe) z pozajęzykowymi.

⁷ Ważna rola w tak ukierunkowanych badaniach tekstowych przypada danym korpusowym; w przypadku struktur kreatywnych mogą one być pomocne nie tyle przy poszukiwaniu samych derywatów, ile sprawdzaniu ich kontekstów i weryfikacji ich stopnia osadzenia w języku, ich okazjonalności.

⁸ Należy zgodzić się z Langackerem, gdy twierdzi, że «pełne znaczenie kontekstualne jest w stanie rozpoznać tylko ludzki użytkownik języka» [Langacker 2003: 57].

Używki lepsze od kradzionych [śródtytuł];

Otwarcie rynku dla używanych aut z Zachodu sprawiło, że kradzieże na części stały się po prostu nieopłacalne. Po co ryzykować, skoro starą Astrę «do rozbiórki» można kupić za 2000 euro? (Gazeta Wyborcza. 39 / 2008)

Obie innowacje mają znaczenie kontekstowe. W języku ogólnym słowem *używki* określa się ‘produkty spożywcze, zwykle bez wartości odżywczej, działające pobudzająco na organizm ludzki’ [Inny słownik 2000]. W podanym cytacie rzeczownik ten jest doraźnie utworzoną strukturą słowotwórczą, rezultatem uniwerbizacji. Ale nie tylko czynnik ekonomii językowej zdecydował o jego wystąpieniu w tekście; równie istotny wydaje się inny powód: chęć zwrócenia uwagi odbiorcy (poprzez zderzenie nowej treści ze znanym znaczeniem kodowym) na informację przekazywaną w wypowiedzi — sam śródtytuł nie jest bowiem zrozumiały w wystarczającym stopniu. Zaproponowana przez konceptualizatora nominacja (odnosząca się do aut, a nie do produktów spożywczych) dopiero w kontekście całej wypowiedzi staje się czytelna, a być może nawet dla niektórych odbiorców zabawna (chyba zgodnie z intencjami nadawcy).

W drugim przykładzie innowacyjność wynika stąd, że wyrażenie *do rozbiórki* używane jest zasadniczo w odniesieniu do budowli — jego podstawą słowotwórczą jest czasownik *rozebrać / rozbierać* w znaczeniu ‘zlikwidować (np. budowlę, konstrukcję), usuwając kolejno poszczególne jej części’. Z kolei podane w cytacie wyrażenie *do rozbiórki* jest motywowane przez ten sam czasownik, ale w innym, ogólniejszym znaczeniu ‘rozkładać coś na części’.

Jak widać, z pomocą kontekstu innowacyjność obu tych struktur daje się scharakteryzować w ramach języka jako systemu.

Kontekst pozwala też dotrzeć do procesów metaforycznego rozszerzania kategorii, leżących u podstaw okazjonalnego wyrażenia *dzięciolowanie*, ale znaczenia jego w pełni nie wyjaśnia, por.

*Stąd kosztowne przerabianie mieszkań, żmudne **dzięciolowanie** w betonie, żeby jakoś mieszkać po swojemu, żeby czuć się u siebie, a nie jak w domu noclegowym* (Gazeta Wyborcza. 36 / 1991).

O kompozycyjności innowacji słowotwórczej *dzięciolować* (*dzięciolowanie*) świadczy dający się wyeksplikować w jej parafrazie słowotwórczej związek semantyczny z wyrazem *dzięciół*: ‘remontując mieszkanie, wydawać odgłosy podobne do stukania dzięciola w drzewo’. Aby wykazać motywację metafory, na jakiej zasadza się semantyczny związek tego derywatu z jego podstawą słowotwórczą *dzięciół*, należy uzupełnić dokonany powyżej opis formalny o posiadaną przez użytkownika wiedzę o świecie. Chodzi o zrekonstruowanie i przeanalizowanie dwu domen kognitywnych, z których jedna jest źródłowa: ‘dzięciół; jego zachowanie («praca»)', a druga ‘domowe prace re-

montowe' — docelowa⁹. Obie są semantycznie złożone: domena 'dzięcioła' oprócz cech takich, jak 'wygląd, środowisko, w jakim żyje, rodzaj pożywienia i sposób, w jaki je zdobywa' obejmuje też cechy: 'robienie dziur', 'wydawanie przez niego charakterystycznych — słyszalnych nawet z dużej odległości — odgłosów, powstających podczas miarowego, dość szybkiego stukania dziobem w twardą korę drzewa'.

Z kolei w domenie 'domowe prace remontowe' znajdują się m.in. następujące elementy: 'samodzielne wykonywanie remontu mieszkania, długotrwałe, mozolne, żmudne, a także 'miarowe, powtarzalne stukanie młotkiem w ścianę (przy robieniu w niej dziur) powodujące rozchodzenie się dźwięków po całym mieszkaniu i bloku'. Cechy te decydują o negatywnym wartościowaniu właściwym omawianej formacji.

Odtworzenie obu ram interpretacyjnych (domen kognitywnych) i ich jednoczesne przywołanie w świadomości odbiorcy powoduje podświetlenie cech uwidaczniających pewne analogie między ramami, a pozostawienie w tle tych elementów, które wzajemnego podobieństwa nie wykazują (np. celu czy czasu wykonywania tych czynności). Głównym wspólnym elementem metaforycznego skojarzenia jest zatem sposób wykonywania owej czynności i rodzaj towarzyszących jej dźwięków. W czasowniku *dzięciołować* zawarta jest konceptualizacja: 'ktoś sam remontuje mieszkanie (rzemieślniczym sposobem); robi to długo, posługując się prostymi narzędziami, m. in. młotkiem — odgłosy przeprowadzanego remontu to pojedyncze stukania (np. w ścianę), przypominające te, jakie słychać, gdy dzięcioł stuk w korę drzewa'. Ze względu na specyficzne warunki akustyczne panujące zarówno w pustym, remontowanym domu, jak i w lesie, dźwięki wydawane podczas stukania młotkiem / dziobem rozchodzą się echem po dużej przestrzeni.

Dopiero przeprowadzenie analizy ściśle odwołującej się do posiadanej przez odbiorcę wiedzy o rzeczywistości, jak również wspierającej tę wiedzę kontekstu słownego omawianego neologizmu, umożliwi odnalezienie elementów motywujących metaforyczne przeniesienie pewnych elementów domeny źródłowej: 'dzięcioła' na docelową: 'remont mieszkania'. W obu domenach wyprofilowana została czynność agensa, pod pewnymi względami uznana za podobną. Odczytanie przenośnego sensu derywatu *dzięciołować* prowadzi odbiorcę do właściwego, czyli zgodnego z intencjami nadawcy, zrozumienia znaczenia.

Tego typu rozszerzenia metaforyczne leżą u podstaw wielu obrazowych innowacji o skondensowanej strukturze semantycznej.

⁹ Domena źródłowa jest «bazą kształtującą inną domenę», zaś domena docelowa «ukształtowaną przez inną domenę» [Langacker 1995: 164].

Zobaczmy jeszcze jeden przykład. Neologizm *delfinować* bez kontekstu nie niesie żadnych szczególnych treści; owszem, wykazuje związek formalny i znaczeniowy z rzeczownikiem *delfin*. W kontekście, w jakim został użyty: *Przy 265 km/h samolot zaczął «delfinować», leciał raz w dół, raz w górę* (Express Wieczorny 199 / 1986) przywołany został obraz wyskakującego z wody delfina i ponownie zanurzającego się w niej. Na domenę źródłową ‘delfina’ składają się m.in. takie elementy, jak: ‘jego wygląd (sinoszary kolor, opływowy kształt, małe płetwy, ogon), środowisko, w jakim żyje, sposób poruszania się w wodzie, umiejętność wynurzania się, wykonywania płynnych skoków nad powierzchnią wody; wydawanie przez delfina specyficznych dźwięków; przypisywana mu inteligencja’. Z kolei domenę docelową stanowi pojęcie ‘samolotu’, w którym wyprofilowane zostały cechy takie: ‘płynny, powtarzalny w swoim schemacie ruchu’, ‘opływowy kształt, skrzydła, ogon’.

Metaforyczne rozszerzenie kategorii zasada się tu na podobieństwie ruchów wykonywanych przez agensów przywołanych sytuacji: opisywany samolot leci na przemian — w górę i w dół, czym przypomina wyskakującego ponad wodę i ponownie zanurzającego się w niej delfina. Obie czynności cechuje pewna płynność i powtarzalność ruchów: w górę, potem w dół, znowu w górę i w dół itd. Tak jak delfin pływa w ogromnych i pozornie nieograniczonych przestrzeniach, tak i samolot, lecąc wysoko nad ziemią, może poruszać się swobodnie w przestrzeni powietrznej. W dalszym planie porównania obu ram znajduje się także podobieństwo wyglądu — kształtu samolotu i delfina: opływowy kształt agensów, skrzydła samolotu i płetwy delfina, ogon. Elementy te nie stanowią podstawowej motywacji metafory zawartej w neologizmie *delfinować*, wspierają ją jednak i pomagają odbiorcy w jej właściwym odczytaniu.

O szczególnej roli kontekstu możemy mówić w odniesieniu do klasy bardzo produktywnych przymiotników relacyjnych z sufiksem *-owy*, których znaczenia słowotwórcze są bardzo ogólne, podczas gdy kontekstowe — bardzo bogate treściowo. Spośród wielu tego typu przymiotników podam jeden: *kominowy*, por. *kominowe zarobki*, *ustawa kominowa*. W objaśnianiu procesów leżących u podstaw przesunięć semantycznych, w wyniku których powstało nowe znaczenie, kontekst może pełnić tylko rolę «naprowadzającą».

Podstawą innowacji *kominowy* jest wyrażenie *komin* w znaczeniu metaforycznym odnoszącym się do czarnego słupka wystającego tak jak komin na dachu lub wolnostojący ponad inne elementy w wykresach statystycznych. Wyrażenie *ustawa kominowa* dotyczy likwidowania tzw. *kominów placowych* — to drugie wyrażenie oznacza ‘czyjeś dochody znacznie wyższe od przecięt-

nych'. Por. też *kominowe zarobki* 'wyjątkowo wysokie (o wiele wyższe niż przeciętne) dochody, zarobki', *kominiarz* 'pracownik osiągający najwyższe dochody'; którego zarobki są znacznie wyższe od przeciętnych'.

W celu lepszego zrozumienia mechanizmów, które przyczyniły się do powstania innowacji *kominowy*, nie odnotowanej jak dotąd w słownikach polszczyzny, odwołam się do koncepcji integracji pojęciowej (*conceptual blending theory*) Fauconniera i Turnera [Fauconnier, Turner 2002], w której jest mowa o procesach stapiania (scalania) przestrzeni mentalnych, określanych jako *procesy amalgamacji (blending)*¹⁰.

4. Innowacje słotwórcze jako rezultaty integracji pojęciowej

Operację konceptualnej integracji, w wyniku której w użyciu języka dochodzi do powstania (z dwu lub więcej pojęć) odrębnej konstrukcji na poziomie kognitywnym, nie redukowanej do jej komponentów, badacze wiążą z dwiema podstawowymi właściwościami umysłu ludzkiego: a) zdolnością do porównywania oraz b) zdolnością do łączenia struktur. Na nich opierają się złożone procesy mentalne, m. in. takie jak kompozycja, selekcja, uzupełnianie. Amalgamaty powstają na poziomie pojęciowym, który, choć jest różny od samej struktury języka, jest silnie z nią związany.

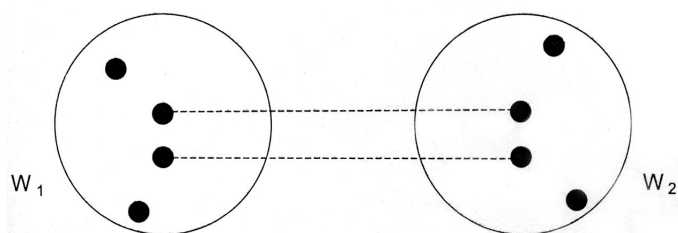
Wyrażenia językowe w tym ujęciu mają nie tyle stałe znaczenie, ile pewien potencjał znaczenia (*meaning potential*), który w ramach danego dyskursu — w określonym kontekście aktualizuje się w postaci konkretnego sensu w miarę jak dyskurs się rozwija. Przestrzenie mentalne «tworzą konceptualizacje on-line dzięki wskazówkom, które stanowią użyte wyrażenia językowe oraz kontekst»¹¹ [Fauconnier, Turner 2002: 40–50].

Przestrzenie mentalne są rozumiane jako «konceptualne pakiety (packets), które podczas myślenia i mówienia konstruujemy dla celów doraźnego (local) rozumienia sytuacji oraz działania» [Fauconnier, Turner 2002: 40]. Przestrzenie te łączą się ze sobą na zasadzie tzw. rzutowania międzyprzestrzennego elementów (*cross-space mapping of elements*), w wyniku czego odpowiadające sobie elementy z obydwu przestrzeni na wejściu W_1 i W_2 (*in put spaces*) zostają ze sobą mentalnie powiązane — por. rys. 1¹²:

¹⁰ Teorię tę przybliżyła polskiemu czytelnikowi znakomite studium Agnieszki Libury «Amalgamaty kognitywne. Powstanie i rozwój koncepcji integracji pojęciowej» (Libura 2007). Również z tego źródła czerpałam inspiracje, pisząc niniejszą pracę.

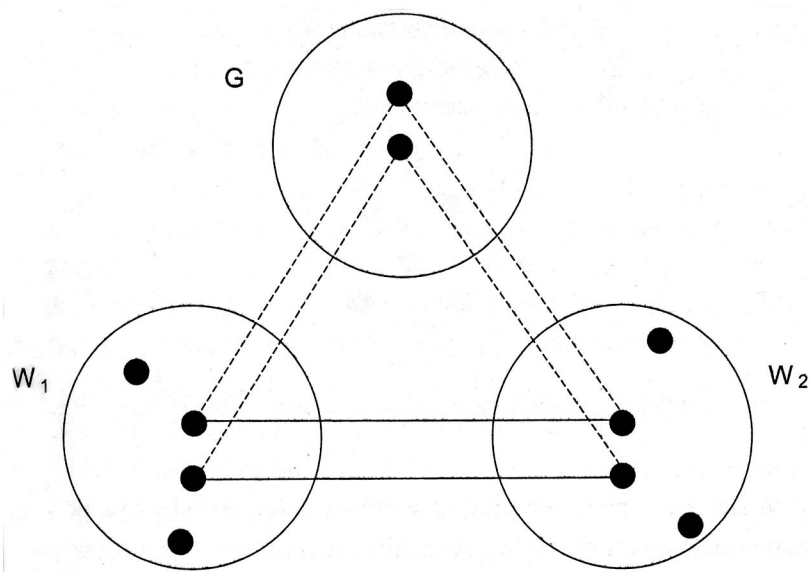
¹¹ Podobnie jak Langacker, Fauconnier i Turner wyrażają przekonanie, iż każde użycie języka naturalnego wiąże się z odmiennymi i oryginalnymi konstrukcjami na poziomie kognitywnym.

¹² Poniższe trzy rysunki przejmuję bezpośrednio z pracy Libury (2007: 29–30). Wydają się czytelniejsze niż te, które podają Fauconnier i Turner (2002: 41–43)

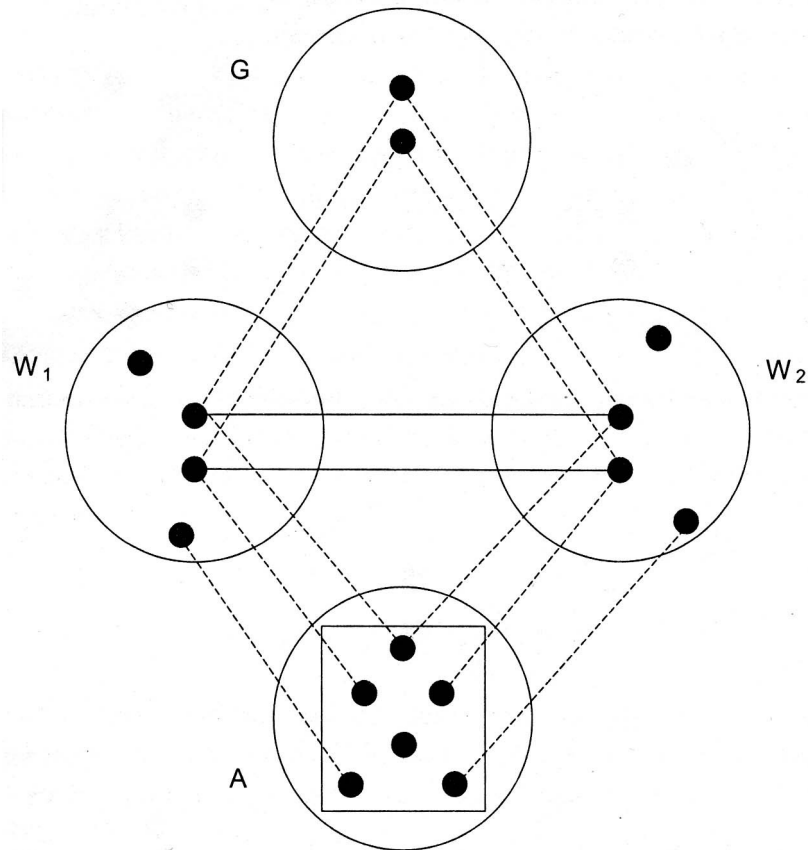
Rys. 1. Dobór i łączenie elementów przestrzeni wyjściowych (według Fauconniera i Turnera)

Na obie te przestrzenie nakłada się trzecia przestrzeń (o większym stopniu ogólności), tzw. *przestrzeń generyczna* G (*generic space*), zawierająca elementy wspólne dla obu przestrzeni na wejściu (ale żadnej z nich nie odwzorowująca w pełni). Odwzorowanie między przestrzenią generyczną a przestrzeniami wyjściowymi autorzy przedstawiają za pomocą następującego schematu — por. rys. 2:

Rys. 2. Odwzorowanie między przestrzenią generyczną a przestrzeniami wyjściowymi (według Fauconniera i Turnera)

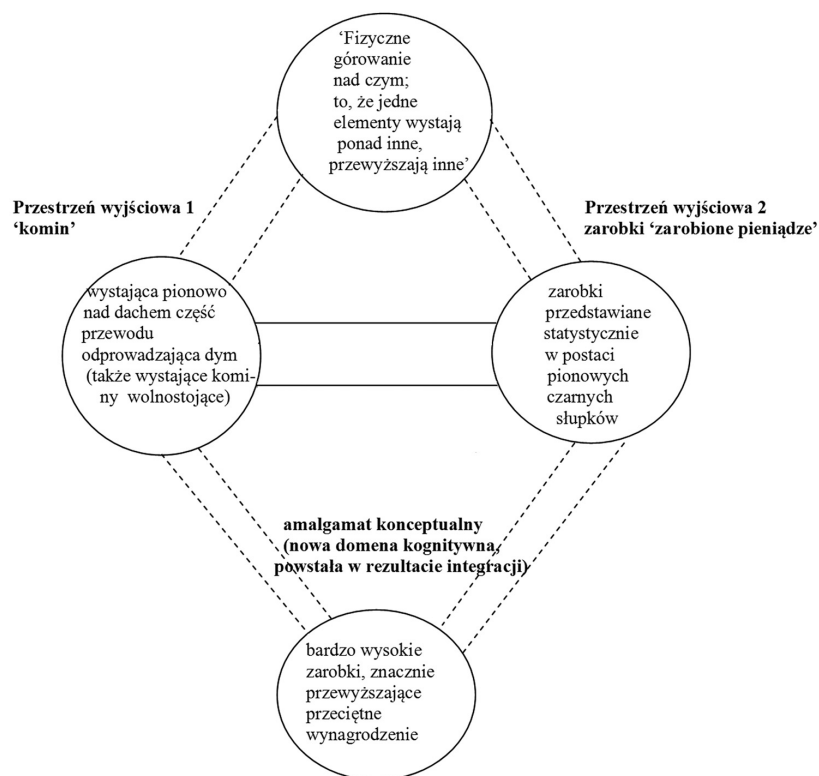
Wybrane fragmenty struktury trzech przestrzeni, a przede wszystkim te podstruktury, które zostały wyróżnione dzięki odwzorowaniom, w selektywny sposób zostają przeniesione do czwartej przestrzeni — amalgamatu (A) i tam stopione w nową całość. W rezultacie owego stopienia (integracji) dwóch (lub więcej) przestrzeni mentalnych w amalgamacie wyłania się nowa struktura pojęciowa, której nie było w poprzednich przestrzeniach. — por. rys. 3.

Rys. 3. Stapianie struktur wyjściowych w amalgamacie [Fauconnier, Turner 2002: 46]

W przypadku wspomnianej innowacji *kominowy*, występującej w połączeniu *kominowe zarobki*, amalgamat taki wyglądałby następująco — por. rys. 4:

Rys. 4. Stopień (integracja) struktur wyjściowych w amalgamacie metaforycznym *kominowe zarobki*.

W amalgamacie metaforycznym *kominowe zarobki* mieszczą się tylko niektóre elementy występujące w przestrzeniach mentalnych na wejściu: 'komin i jego usytuowanie w przestrzeni' oraz 'zarobki przedstawiane statystycznie w postaci pionowych czarnych słupków'. Wyrażenie to odnosi się do nowej domeny kognitywnej, jaka wyłania się w rezultacie procesu integracji (stapiania). Do tego samego amalgamatu konceptualnego przymiotnik *kominowy* odnosi się w skondensowanym połączeniu *ustawa kominowa* — jest to ustawa 'mająca na celu likwidację kominowych zarobków, tzw. kominów płacowych'.

5. Uwagi końcowe

Teoria amalgamatów Fauconniera i Turnera pozwala od strony semantycznej przyrzeć się również słowotwórczym procesom kontaminacji, w wyniku których powstają innowacje formalnie nieregularne, przypadkowe, «nie respektujące» reguł fonologicznych ani morfologicznych, w rodzaju *biurokratura* (*biurokracja* i *nomenklatura*), *glokalizacja* (*globalizacja* i *lokalny*), *hackpospolita* (*hacker* i *rzeczpospolita*), *haktywista* (*hacker* i *aktywista*), *nautykwariat* (*nautyka* i *antykwariat*).

O przykłady tego typu kontaminacji, czasami fonologicznie bardzo zróżnicowanych, nie jest trudno. Zjawiska te były przedmiotem zainteresowania językoznawców; badano je przede wszystkim w aspekcie formalnym: jako szczególny (inny niż seryjne *composita*) rodzaj połączeń dwóch jednostek językowych tworzonych w tekstach, zwykle w celach zwiększenia ich ekspresywności.

W nowatorski sposób struktury tego typu analizuje Susan Kemmer [Kemmer 2003]. Odwołując się do teorii Fauconniera i Turnera, opisuje je jako amalgamaty powstałe w wyniku integracji dwóch przestrzeni mentalnych (zawierających odnośne domeny kognitywne), do których odsyłają części leksemów tworzących dany zrost. Wśród analizowanych przez nią przykładów znajduje się seria okazjonalizmów tekstowych, jakie pojawiły się w języku angielskim w końcu lat 90., utworzonych na bazie słowa *litterati* ‘intelektualna elita’. Są to m. in. *glitterati* o znaczeniu ‘intelektualna, brylująca na salonach elita’ (od *litterati* i *glitter* ‘połysk’), *culturati* ‘elita kultury i sztuki’, *designerati* ‘elita artystów-projektodawców’¹³.

Bywa, że tak powstałe struktury seryjne dają początek nowym schematom, wedle których tworzone są kolejne innowacje; wyłaniają się też nowe segmenty (jak np. ów segment *-erati*) — te z czasem poprzez zwielokrotnione powielanie uzyskują status członu słowotwórczego (formantu /członu złożenia) o wyrazistym znaczeniu. Jako przykłady można podać nowe segmenty: *-holik* (*workaholik* ← *work* i *alcoholic*), *-mat* (*bankomat* ← *bank* i *automat*), *globoszima* ← *globalny* i *Hiroszima*.

Na koniec warto jeszcze odpowiedzieć na pytanie: co jest przeciwieństwem integracji pojęciowej? Wydaje się, że różnego typu procesy dezintegracji, rozdzielania, porcjowania przestrzeni mentalnej, czemu w planie językowym odpowiada polaryzacja znaczeń wyrażen. Ogląd i interpretacja tego typu innowacji tekstowych w paradygmacie lingwistyki kognitywnej to temat, który niewątpliwie warto podjąć.

¹³ Przykłady z pracy Susan Kemmer szczegółowo omawia Henryk Kardela — por. [Kardela 2006].

Literatura

- Fauconnier G., Turner M.* The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York, 2002.
- Inny słownik języka polskiego PWN / Red. M. Bańko. Warszawa, 2000.
- Kardela H.* (Nie)podobieństwo w morfologii: amalgamaty kognitywne // Kognitywistyka. 2. Podobieństwo / Red. H. Kardela, Z. Muszyński, M. Rajewski. Lublin, 2006.
- Kemmer S.* Schemas and lexical blends // Motivation in Language / Eds. H. Cuyckens, Th. Berg, R. Dirven, K.-U. Panther. Amsterdam, 2003.
- Langacker R.* A usage-based model // Topics in Cognitive Linguistics / Ed. B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam, 1988.
- Langacker R. W.* Wykłady z gramatyki kognitywnej / Red. H. Kardela. Lublin, 1995.
- Langacker R. W.* Model dynamiczny oparty na uzusie językowym // Akwizycja języka w świetle językoznawstwa kognitywnego / Red. E. Dąbrowska, W. Kubiński. Kraków, 2003.
- Libura A.* Amalgamaty kognitywne: Powstanie i rozwój koncepcji integracji pojęciowej // Amalgamaty kognitywne w sztuce / Red. A. Libura. Kraków, 2007.
- Waszakowa K.* Kognitywne aspekty tworzenia nowych derywatów słowotwórczych (na przykładzie języka polskiego) // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Waszakowa K.* Derywaty słowotwórcze w tekście // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. LXIII. Kraków, 2007[a].
- Waszakowa K.* Dynamika zjawisk słowotwórczych w teście // Z polskich studiów slawistycznych. Seria XI. Językoznawstwo: Prace na XIV Międzynarodowy Kongres Slawistów w Ochrydzie 2008 / Red. tomu Z. Rudnik-Karwatowa. Warszawa, 2007[b].

Кристина Вашакова

**Словообразовательные инновации
как результат интеграции понятий
(в зеркале динамической модели языкового узуса)**

В работе рассматриваются некоторые аспекты динамической модели, базирующейся на теории языкового узуса Р. Лангакера, а также теории понятийных амальгам Г. Фоконньера и М. Тернера при описании текстовых словообразовательных инноваций. На ряде примеров автор статьи доказывает важность и необходимость контекста, а также фоновых знаний об окружающем мире для восприятия значений неологизмов и их мотивационных связей. Вскрываются механизмы образования инновационных словообразовательных структур в результате воссоединения двух ментальных пространств.

Н. Ф. Клименко (Киев)

Словообразовательные средства интеллектуализации современного украинского языка

Члены Пражского лингвистического кружка в 1929 году среди тенденций дальнейшего развития языков мира назвали интеллектуализацию литературных языков [Тезисы 1967]. Справедливость их тезиса подтверждена исследованиями фактов многих языков — ср., например, [Hogeskú 1989]. Во время глобализации эта тенденция становится еще активнее. Она проявляется в увеличении числа слов с абстрактными значениями, именующих действия, состояния, процессы, качества, в ускоренных темпах пополнения словарного состава языков интернационализмами, заимствованными словами, многие из которых называют единицы, объединяемые категорией отвлеченности, в процессах терминологизации и детерминологизации, росте удельного веса композитов и юкстапозитов, а также в продуктивности многих словообразовательных средств (основ, аффиксов), специализирующихся на выражении этой категории.

В 60-е — 70-е годы прошлого века лексикон восточнославянских языков активно пополняется за счет номинализации многих глаголов. Исследователи русского языка ([Русская грамматика 1980], [Улуханов 1996], [Земская 2000], [Голанова 1991: 102–131]) отмечают рост лексики, называющей абстрактные действия, процессы, состояния, наличие немногих продуктивных типов, оформляющих эти существительные: на *-ни(е)* (и его варианты), *-к(а)*, *-ировани(е)*, нулевой суффикс, *-аці(я)*, *-ств(о)*, употребительность таких слов во всех функциональных стилях литературного языка и в то же время незначительную продуктивность суффиксов *-от(а)*, *-аж*, *-еж*, *-ок* при выражении категории отвлеченности. Во всех функциональных стилях украинского языка в 1970-е (ср. выводы: [Родніна 1979: 68–78], [Русанівський 1971], [Юрчук 1975: 12–20]) и 1980-е годы [Клименко 1984: 152–164] наблюдается активность образования имен абстрактных действий, процессов и состояний, продуктивность немногих словообразовательных типов на *-ни(я)*, *-j(а)*, нулевой суффикс, *-к(а)*, *-аці(я)*, стойкая непродуктивность исконных *-тв(а)*, *-неч(а)*, *-няв(а)*, *-язнь*, *-ш* и др., а также заимствованных суффиксов *-ад(а)* / *-іад(а)*, *-аж*, *-ур(а)*.

Пополнение лексикона современного украинского языка последних трех десятилетий многими наименованиями абстрактных действий, процессов, состояний свидетельствует об изменении функциональной нагрузки словообразовательных средств, их реализации, а также их характеристик как малопродуктивных и непродуктивных. Среди неологизмов научно-технического стиля и средств массовой информации в категории отвлеченности (в украинской грамматической традиции — категории грамматической предметности) наибольший удельный вес сохраняют слова словообразовательного типа на *-нн(я)* со всеми его алломорфами: *акціонування, алмазорізання, алмазобетонорізання, бетонорізання, відтермінування, ендопротезування, паркування, паркетощліфування, секвестрування*.

Образование названий производственных и социальных процессов сегодня все интенсивнее оформляется по словообразовательному типу на *-ація/-изація/-ізація*: *глобалізація, доктринізація, інституціоналізація, кислотизація*. Они встречаются среди общественно-политических: *маргіналізація, партизація, політизація*; экономических: *доларизація, тінізація*; культурологических: *берегинізація, міфологізація*; а также профессиональных терминов: *євангелізація, ісламізація*. Продуктивность суффикса *-изація / -ізація* в современном украинском языке проявляется в его способности сочетаться со все большим количеством мотивирующих основ по нескольким семантическим схемам. В одних случаях их мотиватором являются глаголы, производные от существительных, называющих машины: *комп'ютер — комп'ютеризувати — комп'ютеризація*; лица: *космополіт — космополітизувати — космополітизація, манкурт — манкуртизувати — манкуртизація, фермер — фермеризувати — фермеризація*; собирательные понятия: *комуна — комунізувати — комунізація, мафія — мафізувати — мафізація*; вещества: *наркотик — наркотизувати — наркотизація*. В таких случаях они подчеркивают расширение сферы действия машин, вовлечение в определенные процессы все большего числа лиц. В других случаях их мотивируют прилагательные, и тогда семантические отношения между производящими основами и формантом *-изація* оформляются по схеме «уподоблять тому, что названо относительным прилагательным»: *американський — американізувати — американізація, демократичний — демократизувати — демократизація, кримінальний — криміналізувати — криміналізація, легітимний — легітимізувати — легітимізація, мінімальний — мінімалізувати — мінімалізація, приватний — приватизувати — приватизація*.

Во всех этих случаях существительные, реализующие категорию грамматической предметности, образуются вследствие трансформации

номинализации. Они являются результатом синтаксической деривации и обусловлены необходимостью синтаксического преобразования производящего в составе высказывания, занимающего определенное место в структуре связного текста, измеряемой в терминах ремо-тематических отношений. И. Р. Выхованец характеризует причины появления анализируемых синтаксических дериватов следующим образом: «Если предикатное слово при актуальном членении предложения передвигается из позиции ремы в позицию темы, происходит конденсация высказывания и одновременно образование отпредикатного (преимущественно отглагольного и отадекативного) существительного. То, что было целью сообщения в предыдущем высказывании, закономерно становится данным, известным в следующем. Преобразования, связанные с перемещением компонента — сказуемого в позицию подлежащего, ведут к преобразованию этого компонента в отпредикатное существительное» [Выхованец, Городенська 2004: 102]. У последнего нивелируются исходные глагольные и адъективные категории и появляются грамматические категории существительного. На современном этапе развития украинского языка наблюдается усиление процессов номинализации глаголов, которые были активны в нем и в 60-е — 80-е годы XX в. Сейчас более четко определяется другой процесс — образование существительных, называющих абстрактное действие и состояние, без мотивации их глаголами. Подобные производные появляются по аналогии, по словообразовательной модели оформления имен отвлеченного действия. При этом имплицитно они сохраняют те же семантические схемы соотношения: существительное или прилагательное → процесс с характерными признаками мотиватора со значениями ‘превращать в то, что названо производящей основой’: *робити суверенним — суверенізація, робити соборним — соборнізація, робити радикальним — радикалізація, робити регіональним — регіоналізація; робити тіньовим — тінізація (тіньовізація)*; ‘уподоблять чему-либо’: *латиноамериканський — латиноамериканізація*; ‘распространять что-либо’: *траст — трастовізація*, ‘увеличивать число’: *клан — кланізація, люмпен — люмпенізація, наркоман — наркоманізація* (ср. *распространять наркотик — наркотізація*), *олігарх — олігархізація, технократ — технократізація*. Среди мотиваторов этого типа преобладают заимствованные слова, реже в роли производящих выступают исконные существительные: *гривня — гривенізація, співдружність — співдружнізація, громадянин — громадянізація*.

Такие существительные широко представлены в различных терминосистемах: *бартер — бартерізація, валюта — валютізація, доллар — доларізація, екологія — екологізація, футбол — футболізація*

(общества), *університет* — *університетизація* (превращение многих институтов в университеты без обязательных атрибутов классических университетов), *більшовизація*, *доктринізація*, *маргиналізація*. Среди них своим прагматическим (чаще всего отрицательным) ореолом выделяются существительные, мотивированные онимами и называющие общественные процессы: *афганізація*, *африканізація*, *балканізація*, *білорусизація*, *ірландизація*, *ісландизація*, *кучмізація*, *лукашенкізація*, *макдональдизація*, *піночетизація*, *сербізація*, *суркісизація*, *фінляндизація*, *чорнобілізація*, *югославізація* (Более подробно о них см. [Стишов 2003], [Клименко 2008]). Усиливается конкуренция между суффиксами *-ння* и *-изація*. Все чаще встречаются параллельные образования с ними, имеющие то же значение абстрактного действия. При этом действует приписываемое нормой правило преимущественного употребления слов с исконным суффиксом: *зомбі* — *зомбізація*, *зомбувати* — *зомбування*; *інтегрувати* — *інтегрування*, *інтеграція*; *реінтегрувати* — *реінтегрування*, *реінтеграція*; *приватизувати* — *приватизування*, *приватизація*; *реприватизувати* — *реприватизування*, *реприватизація*; *інвестувати* — *інвестування*, *інвестиція*; *реінвестувати* — *реінвестування*, *реінвестиція* и др. Эти типы все больше вытесняют из категории наименований абстрактного действия производные с суффиксом *-к(а)*. Во многих случаях происходит замена их производными с суффиксом *-ування*: *дресировка* — *дресирування*, *шліфовка* — *шліфування*, *обробка* (тексту) — *оброблення* и *опрацювання*.

Снизилась продуктивность образования отглагольных существительных абстрактного действия с нулевым суффиксом: *суперфініш* — *суперфінішування*. Следовательно, наблюдается не только увеличение продуктивности словообразовательного типа на *-ння* в оформлении существительных этой категории, расширение круга сочетающихся с ним новых основ, но и вытеснение им других типов с суффиксами *-к(а)*, нулевым, *-изація*. Возможно, этому способствует отсутствие структурных и семантических ограничений на сочетаемость *-нн(я)* с глагольными основами. Это усиливает его способность к конкуренции с другими исконными суффиксами (нулевым, *-к(а)*, а также заимствованным *-ація*, *-изація*: *конкуренція* — *конкурування*, *спонсоризація* — *спонсорування*, *структуризація* — *структурування*). Неологизмы последних лет свидетельствуют о развитии продуктивности тех суффиксов, которые еще в семидесятые годы исследователи отнесли к непродуктивным заимствованным единицам: *-іад(а)*: *алкоголіада*, *дияволіада*, *жебракіада*, *комітетіада*, *кучміада*, *олігархіада*, *московіада*, *спікеріада*, *-ур(а)*: *диригентура*, *опонентура*.

Многие названия абстрактных действий и процессов с суффиксами *-ація / -изація*, в отличие от немногих производных с суффиксами *-ання / -ування, -ення*, нулевым (*антимарення, гіперзростання, постперебудова, супервикид, суперфініш = суперфінішування*), вовлечены в сферу именной префиксации. Последняя, по наблюдению исследователей славянских языков ([Земская 2000], [Waszakowa 2003], [Клименко 2008: 77–89]), становится все более продуктивным способом образования отыменных производных, большинство из которых — сочетания заимствованных слов с заимствованными интернациональными префиксами. Среди них наибольшую активность в образовании абстрактных действий проявляет префикс *де-* со значением «лишение того, что названо производящей основой»: *дебактеризація, дейонізація, декомерціалізація, декомунізація, деміфологізація, деленізація, департизація, деполітизація, депровінціалізація, деперсоналізація, десталінізація, детабуїзація*. Антонимичный ему префикс *ре-* со значением «обновление того, что указано производящей основой», среди неологизмов встречается редко: *реінформатизація, ремодельовання (міокарда), реновація, реприватизація, ресоціалізація*.

Незначительная продуктивность в образовании существительных абстрактных действий, процессов, состояний свойственна заимствованным префиксам *анти-* (*антидемпінг, антиреклама, антиурбанізація*) *гіпер-* (*гіперінфляція, гіперурбанізація, гіперкаліємія*), *пост-* (*постмодернізація* (ср. *депостмодернізація*), *постнавантажєння* (на сердце), *постполімеризація*), *супер-* (*суперакція, супермарафон, суперприватизація, супертурнір*). Некоторые заимствованные префиксы сочетаются с исконными украинскими словами со значением абстрактного действия: *антивибори, антимарення, гіперзростання, контролодування, супербій, супергра*. Наименования-неологизмы этой категории образуются с помощью исконных префиксов: *знецорінєння, післядія, післяплата, розколгосплення, роздержавлення, розмитнення, унезалеження*. Лишь немногие из них в последние годы стали продуктивными. Это, например, префикс *недо-* со значением неполноты, незавершенности действия. Чаще всего он используется для образования имен, производных от исконных существительных: *недогодівля, недовимолот, недорозвиток*. Многие из них образуются по аналогии: *недоважок, недовал, недожин, недокіс, недокорм, недолив, недомел, недомір, недомолот, недорід, недосип, недосів*. В единичных случаях *недо-* присоединяется к заимствованным, но уже усвоенным украинским языком существительным: *недоратифікація, недофінансування*.

Стал продуктивным в образовании названий абстрактных действий, процессов префикс *не-*, выражающий значение противоположности,

отрицания. Он встречается в составе существительных с нулевым суффиксом (*невихід, ненапад, неучасть*), на *-а* (*невплата*), *-і* (*неплатежі*), а также *-енн(я)*, *-анн(я)* (*недодонесення, неповернення, непідтримання, нерозповсюдження*). В единичных случаях префикс *не-* присоединяется к заимствованным существительным (*нератифікація*). Свою продуктивность в немногих неологизмах подтверждает префиксоид *напів-*: *напівжиття, напівмарафон, напівпрогулянка*. В отраслевых терминосистемах распространена именная префиксация с использованием морфем *не-*, *анти-*, *пере-*. В физической, химической, языковедческой и других терминосистемах префикс *не-* активен в образовании прилагательных и причастий: *невербальний, невідмінюваний, негубний, непередикативний, нерівноскладовий, неконкурентноспроможний, неізотропний, неквантовий, ненульовий* [Кочерга, Мейнарович 2000], *анти-* — прилагательных и существительных, называющих частицы, вещества: *античастинки, антибаріони, антинейтрон, антигіперон, антикварки, антинейтрино, антиядра, антидейтерій, антигелій* [Вакуленко 2008]. Реже они встречаются в названиях действий и процессов (*антиоперація*) отвлеченного качества (*антимагнетизм, нерозрізнюваність*). Префікс *пере-* зафиксирован в наименованиях процессов: *перекристалізація (= рекристалізація) перевипромінювання*.

Неологизмы, обозначающие отвлеченные качества, в современном украинском языке формируют достаточно большую группу слов. Они образуются также по небольшому набору словообразовательных типов. Эти существительные мотивированы прилагательными и оформлены суффиксами *-ість*, *-изм*, *-ств(о)*, демонстрирующими различную продуктивность. Наиболее продуктивен из них суффикс *-ість*. Он встречается в составе простых слов: *бездуховність, валідність, громадянськість, заангажованість, кон'юнктурність, корумпованість, легітимність, мафіозність, місійність, рейтинговість, ринковість, суржикуватість, укоріненість, усвідомленість, шароварність*. Среди них появились слова с собирательным значением: *азійськість, вселенськість, елітарність, європейськість, польськість, плейбойськість, селянськість, радянськість, українськість*. Композиты с этим суффиксом образуются присоединением к простым словам на *-ість* первых основ, выражающих либо степень проявления признака, либо его специализацию, ср.: *екологічність — високоекологічність, законослухняність, кислотостійкість, макрогомогенність, медпродуктивність* (пчел), *природосвідомість, самозахищеність, самоідентичність, самоцінність, високоліквідність, малодослідженість, малоабезпеченість, менишwartість, наркозалежність, енергозалежність, правозахищеність, радіояскравість, україноментальність, фо-*

топружність, в'язкопружність. Лишь немногие из них мотивированы сложными прилагательными, образованными от композитных существительных: *гідрофільність, гідрофобність, медіатипність, міфологічність, вседозволеність, різновекторність*. Два композита содержат в своем составе аббревиатуры: *держаморальність, компартбільшість* (День. 27.04.2005).

Продуктивность свойственна также интернациональному суффиксу *-изм / -ізм*. В том случае, когда он образует названия социальных тенденций, направлений, течений, производные с ним преимущественно не имеют отрицательной оценки: *консюмеризм, комізм, лінгвіцизм, мазохізм, масовізм, техніцизм, харизматизм, фундаменталізм*. Слова, производные от антропонимов с суффиксом *-изм / -ізм*, обладают, как правило, отрицательным прагматическим ореолом: *брежневізм, горбачовізм, кравчукізм, кучмунізм, лукашизм*. Исключением являются названия религиозных или философских учений, политических течений: *кришнаїзм, сквородизм, тетчеризм*. Слова, образованные с помощью префиксов, являются оценочными: *нефемінізм, надрадикалізм, неконкурентноздатність, посткомунізм, постмодернізм, постсоціалізм, постсталінізм, посттоталітаризм*. Чаще всего оценочный компонент свойственен также композитам с первыми основами *нео-, псевдо-, секс-*: *необільшовизм, неокомунізм, неомарксизм, неосоціалізм, неосталінізм, псевдосоціалізм, секстуризм*. Исключением из этого правила являются *лінгвотуризм, радіоцентризм*. Эти примеры свидетельствуют о сближении книжной лексики с разговорной, эмоционально окрашенной лексикой и об использовании для ее образования заимствованных суффиксов.

Исконные суффиксы *-щин(а), -ств(о)* встречаются в немногих неологизмах отвлеченного качества. Сочетаясь с мотиваторами-антропонимами, суффикс *-щин(а)* отрицательно характеризует деятельность лица, политику: *брежневщина, жириновщина, зюганищина, лазаренківщина*. Таковую же окраску он придает некоторым общим словам: *неошароварщина, отаманищина, радянщина*. Суффикс *-ств(о)* малопродуктивен в этой категории слов, как и в словах абстрактного действия. Он употребляется преимущественно в составе простых слов. Некоторые из них мотивированы именами собственными: *європейство, євразійство, кравчуківство, лукашенківство, сквородинство*. Некоторые называют качество: *арійство, люмпенство, мамлюківство, манкуртство*. Немногие указывают на способ поведения (чаще всего в их составе суффикс *-ництв(о)*): *нападництво, незалежництво, позадництво*) или постоянные занятия лиц: *іміджмейкерство, контрактерство, кучмопрем'єрство, менеджерство, спікерство, спонсорство, хакерство, човникарство*. Этот суффикс ис-

пользуется в окказиональных композитах: *мискоборство, словоборство, фольклорофілство*.

Следовательно, в категории отвлеченного качества функционируют два продуктивных типа. Один из них — с суффиксом *-ість*, второй — с интернациональным суффиксом *-изм / -ізм*. Другие типы с суффиксами *-щин(а), -ств(о), -ництв(о)* — малопродуктивны. Суффикс *-оц(і)*, например, засвидетельствован в одном неологизме: *PR-хитроці*. Это позволяет сделать вывод об активизации в категории отвлеченного качества лишь некоторых суффиксов и дальнейшей пассивизации многих морфем, выражающих ее в современном украинском языке: *-оц(і), -от(а), -изн(а), -j(а), -інь, -яв(а), -об(а)* и др. Такую же тенденцию мы наблюдаем и в области префиксации [Клименко 2008: 79–87]. Некоторые исконные префиксы, выражающие высокую степень проявления признака, теряют свою продуктивность. Это свойственно префиксу *за-*. Префикс *над-* сохранил ее, но уступает свои позиции интернациональной морфеме *super-*, особенно в области адъективного словопроизводства. И суффикс *-изм*, и префикс *super-* отдают предпочтение сочетаниям с заимствованными основами, хотя встречаются также в гибридных словах, т. е. уже являются словообразовательным средством украинского языка.

Интенсивное пополнение словарного запаса украинского языка абстрактной лексикой, принадлежащей категории грамматической предметности, в последние годы свидетельствует не только о дальнейшей интеллектуализации языка, но и о сближении этого процесса с интернационализацией его словарного фонда, обогащении его новой интернациональной лексикой, а также об активизации интернациональных словообразовательных средств [Waszakowa 2003]. Развитие категории грамматической предметности вызывает дальнейшую специализацию немногих словообразовательных типов, по образцу которых образуются новые принадлежащие ей слова, что способствует словопроизводству по аналогии, росту регулярности типов и грамматикализации словообразовательных средств. Неологизмы первого десятилетия XXI века, отобранные по материалам журнала «Критика» за 2006 год, подтверждают жизнеспособность и продуктивность словообразовательного типа существительных на *-нн(я)*. Наименования абстрактных действий, процессов и состояний, являющиеся простыми словами, оформлены преимущественно с помощью этого суффикса: *винародовлення, масовізування, медитизування, меморизування* (коллективного сознания), *одержавлення, переокреслення* (границ), *приакцентування* (модерных компонентов), *пласкішання* (социума), *релятизування* (каких бы то ни было стандартов), *угаразднення* (общества). Немногие из них являются композитами: *етнозбереження*,

культуротворення, себездійснення, телезомбування, символізування (безальтернативности). Среди таких названий действий и процессов одно существительное с суффиксом *-j(a)*: *знебуття* (поэтическое). Наблюдается пополнение класса неосемантизмов, образованных метафорическим способом. К ряду слов от глагола *мити* типа *відмивання грошей* (финанс.) присоединилось наименование *промивання мізків*, называющее процесс идеологического «оболванивания» людей (ср. *люди з промитими мізками*). Несколько слов-названий абстрактного действия содержат суффикс *-аці(я)*: *реоптація, ритуалізація і церемонізація* (текущей политики), *фрагментаризація*.

Наименования отвлеченного качества пополнились словами: *без'язикість, безплідність, проминальність* (цыган), *інішність, кінематографічність, малодіяльність, піарактивність* (премьера), *радянськість* (постсоветского общества), *спрофанованість*. Сложные слова-названия абстрактных действий и процессов позволяют говорить о проявлении в языке «отраженной» продуктивности словообразовательных типов простых слов. В композитах-неологизмах часто используются уже известные в языке отглагольные существительные-названия абстрактных действий с суффиксами *-ни(я)*, нулевым, *-ництво(о)*. Их образование мотивировано не словосочетаниями, а существительными, т. е. происходит по образцу готовых лексем, содержащих в своем составе первые или вторые слова со значением действия, а также уточняющие их основы, указывающие на объекты или инструменты этого действия: *-будівництво (державобудівництво — державобудування, націє будівництво)*, *-звернення (радіозвернення, телезвернення)*, *-привітання (радіопривітання, телепривітання)*, *-борство (духоборство, словоборство)*, *-перевезення (автоперевезення, вантажоперевезення, меблеперевезення, автовантажомеблеперевезення)*, *-становлення (націєстановлення, світостановлення)*. Многие из них образуют многочисленные ряды производных: *громадянотворення, державотворення, етнодержавотворення, корупцієтворення, міфотворення, націєтворення, грамототворення, святотворення, угодотворення, українотворення*.

Часто по образцу готовых лексем образуются новые слова с использованием заимствованных компонентов, в роли которых выступают слова или основы, ср. греч. *терапія* и укр. *лікування*. В словарях современного украинского языка композитов с основой *-терапія* наподобие *алюмотерапія, бальнеотерапія, вітамінотерапія, геліотерапія, гіпнотерапія, дієтотерапія, кліматотерапія, органотерапія, психотерапія, радіотерапія, рентгенотерапія, термотерапія, фаготерапія, фармакотерапія, фітотерапія, хіміотерапія* в три раза

больше, чем с основой *-лікування*: *грязелікування*, *кумисолікування*, *паролікування*, *сонцелікування* [Словник 1970–1980]. Большинство из них содержит интернациональные основы. Лишь некоторые единицы являются эквивалентными по значению производными: *електротерапія* = *електролікування*, *радіотерапія* = *радіолікування*. В словарях последних двух десятилетий список первых пополнен несколькими десятками неологизмов: *антибіотикотерапія*, *аромо-* / *ароматотерапія*, *голкорефлексотерапія*, *дельфінотерапія*, *зоотерапія*, *кріотерапія*, *лінгвотерапія*, *музикотерапія*, *німотерапія*, *працетерапія*, *словотерапія*, *шокотерапія* и др., вторых — единичными существительными (*фитобальнеолікування*).

Образцом для создания неологизмов последних лет являются также слова с компонентами *-манія* — со значением преувеличенного интереса к чему-либо (*агентоманія*, *балетоманія*, *декретоманія*, *довбушоманія*, *йогоманія*, *кармелюкоманія*, *лялькоманія*, *піроманія*, *роксоланоманія*) — и *-фобія* — со значением преувеличенной боязни чего-либо (*гемофобія*, *гідрофобія*, *гіпсофобія*, *лазерофобія*, *начальствофобія*, *радіофобія*, *чоботофобія*, *штигунофобія*) или непримиримого отношения к чему-либо (*гомофобія*, *русофобія*). Неологизмы сохраняют стойкое количественное соотношение рядов слов с этими двумя основами по сравнению с лексикой семидесятых годов, зафиксированной толковым словарем украинского языка [Словник 1970–1980], где преобладают слова с компонентом *-манія*: *англоманія*, *бібліоманія*, *гігантоманія*, *графоманія*, *декалькоманія*, *еротоманія*, *ефіроманія*, *мегаломанія*, *мономанія*, *наркоманія* на фоне единичных образований с *-фобія* (*фотофобія*).

Многие заимствованные слова, обозначающие действия, деятельность, становятся в языке тематическими центрами, объединяющими многочисленные членимые производные, которые, в свою очередь, уточняют вершинное слово либо по объекту действия, либо по той или иной разновидности деятельности. Число таких центров, иначе, одноименных по теме блоков-гнезд, постоянно растет в языке. Примером их может быть гнездо от существительного *бізнес* (наименования экономической, предпринимательской и другой деятельности), в котором среди других производных представлены названия действий: *бізнес-екскурс*, *бізнес-захоплення*, *бізнес-семінар*, *бізнес-нарада*, а также *автобізнес*, *агробізнес*, *відеобізнес*, *євробізнес*, *нафтобізнес*.

Значительное лексическое наполнение характерно для гнезда от *шоу* (яркое представление): *байкшоу*, *детектившоу*, *догшоу*, *жартшоу*, *капітанишоу*, *концертшоу*, а также *авіашоу*, *артшоу*, *грандшоу*, *токшоу*, *шоупродовження*, *шоупередача*. Многие из таких гнезд с вершинными

піар, лізинг, фітнес, секс подробно описаны в монографии «Динамические процессы в современном украинском лексиконе» [Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008]. Образование таких центров-гнезд подтверждает формирование новых тематических групп слов, отображающих реалии современной жизни лексическими и словообразовательными средствами. При этом сроки освоения заимствованного материала сокращаются, происходит вовлечение таких слов и основ в процессы словообразования, осознание членимости иноязычных единиц, а также лексикализации многих основ типа *-гейт, поп-, рок-, ретро-, порно-, техно-* и др.

Об интеллектуализации украинского литературного языка свидетельствует явление детерминологизации. Начиная с шестидесятых годов прошлого века в нем появляется все больше слов и словосочетаний, утративших в общелитературном языке часть своих терминологических значений и сохраняющих лишь образ, след термина, идею его самого общего значения. Таковы *ваучер, гамма-ніж, ген, дивіденд, інтерфейс, картридж, колонізація, ксерокс, реабілітація* (мед.), *сервер, сертифікат, томограф, вірусна* и *вірусно-бактеріальна інфекція*. В последние десятилетия поток детерминологизованной лексики увеличился. Этому в значительной степени способствуют реклама, средства массовой информации. Сначала термин появляется в этих жанрах публицистического стиля либо параллельно с калькой, либо с переводом, либо с толкованием, либо с перифрастическим описанием, либо в контексте иного, уже усвоенного языком термина. Далее, с увеличением его употребительности в разных стилях растут шансы превращения термина в детерминологизованную единицу.

Активным способом детерминологизации лексики является эквивалентный перевод термина, облегчающий понимание его значения и создающий возможности его более широкого употребления в дальнейшем. Перевод слова-термина может быть словом или словосочетанием: *аудит — ревізія, білінгвізм — двомовність, бодігард — особистий охоронець, веб-рідер — читач (книголюб) інтернетівських текстів, веб-клієнт — користувач інтернету*. Распространенным средством введения в широкий обиход термина с последующей его детерминологизацией является толкование в контексте его употребления. Так, в статье об успешном оперативном лечении грыж употреблен термин «*операції з герніопластики*» с разъяснением «так называют современные хирургические вмешательства при лечении грыжи». В другой статье речь идет о *фунготерапии* — лечебном направлении, в основе которого знания врачей-целителей Японии и Китая о целебной силе грибов. В современном украинском языке стадию детерминологизации давно прошел тер-

мин *імунітет*, понимаемый как невосприимчивость человека и животного к возбудителям инфекционных болезней и ядов. Даже дети младшего школьного возраста, повторяя слова взрослых, говорят: «У нього сильний *імунітет*», т. е. есть что-то, что защищает ребенка от болезней. Носители литературного языка давно воспринимают как связанные по смыслу понятия *імунізація* и *вакцинація*, которые способствуют искусственному созданию у человека иммунитета к инфекционным заболеваниям. С шестидесятых годов XX века известен термин *інтерферон* — белковое вещество, вырабатываемое млекопитающими и птицами в ответ на заражение их вирусами. *Інтерферон* как лечебное средство воссоздан человеком, и его используют как неспецифический фактор противовирусного иммунитета. Недавно в аптеках появился *анаферон* в рекламном тексте: «*анаферон* — средство для избежания детского гриппа, *анаферон* — особенный *імунномодулятор* с противовирусным действием, способствующий *імунореабілітації* детей». В этом же тексте есть утверждение о том, что «мед — главный *імунномодулятор*», т. е. вещество, положительно влияющее на иммунитет человека.

Прижившийся в нашем повседневном обиходе *банкомат* — устройство, позволяющее получать зарплату и другие деньги, активизировал целые пучки детерминированных словосочетаний: *універсальна телекомунікаційна картка, пластикова картка, платіжна картка, дисконтна картка, кредитна картка*. Детерминировалась аббревиатура *ПІН* — *персональний ідентифікаційний номер* — и производные от нее *ПІН-код, ПІН-клавіатура*. Носители языка уже не воспринимают существительное *активація* «переход молекул из неактивного состояния в состояние с энергией» только как химический термин. Они понимают его метафорическое значение в словосочетании *автоматична активація пластикової картки*, т. е. переход к использованию карточки от пассивного состояния обладания ею к активным действиям с ней. Частичной детерминологизации способствует описание значений терминов: *аквабайк* — *водний мотоцикл*, *апоневроз* — *растяжение*, *армрестлінг* — укр. калька *рукоборство*, описательное толкование «вид спортивной борьбы, состоящей в преодолении сопротивления руки соперника с помощью своей руки»; *веб-райтер* — литератор, пишущий произведения для Интернета.

Примером лексем, детерминологизации которых способствует родственное слово, может быть ожившее в публицистике существительное *профіцит*. До недавнего времени его знали лишь специалисты, по употребительности оно намного уступало существительному *дефіцит*. Многие годы часто употреблялись словосочетания *дефіцит бюджету, дефіцит*

товарів, дефіцит здоров'я. Тепер в газетах, економічних журнальних обзорах все чаще зустрічається слово *профіцит*, т. е. перевищення в державному бюджеті доходів над расходами. Економічний кризис, захлестнувши Європу і Америку, активизував використання слова *рецесія*, яке пояснюється як відступлення назад, як макропадіння економічних показників. В цьому асоціативному ряду є і давно знайома носителям мови лексема *процесія* як просування вперед, урочисте багатоденне свято.

Список основ, подібних розглянутому, в сучасній українській мові охоплює все більше кількість одиниць (подробнее см. [Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008]). С однієї сторони, це свідчить про те, що процеси засвоєння запозичених одиниць в мові супроводжуються поповненням словника термінологічної лексики, а з іншої — про те, що термінологізація мови тісно пов'язана з процесом її інтелектуалізації, частинкою якого є в свою чергу детермінологізація одиниць, більш глибоке входження цієї лексики в систему загальнолітературної мови. Аналіз мовних фактів підтверджує тезис, що міграція термінів з науково-технічного, публіцистичного стилю в побутову мову створює умови для їх детермінологізації і підвищення інтелектуалізації літературної мови.

Література

- Вакулєнко М. О., Вакулєнко О. В.* Тлумачний словник з фізики. Київ, 2008.
- Вихованець І. Р., Городенська К. Г.* Теоретична морфологія української мови. Київ, 2004.
- Голанова Е. И.* Словообразовательные средства, выражающие категорию отвлеченности в разных типах речи // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект: Морфология. Словообразование / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1991.
- Земская Е. А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык в конце XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е. А. Земской. Изд. 2. М., 2000.
- Клименко Н. Ф.* Назви абстрактної дії // Словотворча семантика і структура складних слів у сучасній українській мові. Київ, 1984.
- Клименко Н. Ф.* Диференційні та інтеграційні процеси в лексиці і словотворенні сучасної української мови // Динаміка і стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов: Зб. темат. блоку на XIV Міжнар. з'їзді славістів (Охрид, Македонія). Київ, 2008.
- Клименко Н. Ф., Карпіловська Є. А., Кислюк Л. П.* Динамічні процеси в сучасній українській мові. Київ, 2008.

- Кочерга О., Мейнарович С.* Українсько-англійський словник природничих термінів з префіксом **не-**. Київ, 2000.
- Родніна Л. О.* Суфіксальний словотвір іменників у сучасній українській мові // Словотвір сучасної української літературної мови. Київ, 1979.
- Русанівський В. М.* Структура українського дієслова. Київ, 1971.
- Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
- Словник української мови. В 11 т. Київ, 1970–1980.
- Стушов О. А.* Українська лексика кінця ХХ століття (на матеріалі мови засобів масової інформації). Київ, 2003.
- Сучасний словник іншомовних слів / Укл. О. І. Скопненко і Т. В. Цимбалюк. Київ, 2006.
- Тезиси Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Улханов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Юрчук Л. А.* Про лексикографічне відображення віддієслівних іменників на **-ння**, **-ття** // Мовознавство. 1975. № 2.
- Horecký J., Buzássyová K., Bosák J.* Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava, 1989.
- Waszakowa K.* Przejawy tendencji do internacjonalizacji w systemach słowotwórczych języków zachodniosłowiańskich // Komparacja systemów i funkcjonowania języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.

Ю. Балтова (София)

О словообразовательной и лексической интерпретации некоторых интернационализмов¹ в славянских языках

1.0. Процессы развития лексических и словообразовательных систем славянских языков с конца XX и первого десятилетия XXI вв. отличаются особенностью, которую можно определить как проявление нового этапа общеславянской интеграции или, говоря словами Ингеборг Онхайзер, как «внутриславянское объединение» [Ohnheiser 2003: 334].

1.1. В богатой лингвистической литературе, которая анализирует и описывает процессы развития словообразования в славянских языках, формулируется вывод, что главной причиной появления этой особенности является тенденция к интернационализации², при которой славянские языки — как все вместе, так и каждый в отдельности, — воспринимают, адаптируют и закрепляют в своих системах черты иностранных языков, преимущественно английского.

Как известно, проявления интернационализации в лексических и словообразовательных системах славянских языков определяются:

— способами адаптации и распознавания лексических единиц, заимствованных из иностранных языков;

— обогащением словарного состава заимствованиями-неологизмами, функционирующими в языке-источнике или возникшими в языках-реципиентах как оторванные сегменты композита (ср. болг. *радио, кино, фото, видео, баскет*; русск. *радио, кино*; польск. *wideo, rock*);

— функциональной трансформацией частей заимствованных лексических единиц в словообразовательные морфемы (ср. *-гейт / -gate, -фен / -фан / -fan, -мен / -ман / -tan* и др.) во всех славянских языках;

¹ Интернационализмами мы считаем все иностранные единицы, словосочетания и словообразовательные средства, которые встречаются в большей части или во всех славянских языках.

² О тенденциях в современных славянских языках см. [Гутшмидт 1998: 15–26]. Интернационализация считается в славистике одной из ведущих тенденций развития.

— усилением продуктивности генетически иноязычных аффиксальных формантов, которые до недавнего времени находились на периферии поля словообразовательных средств;

— ускоренным расширением именной префиксации, чему сопутствует обогащение инвентаря префиксов новыми неславянскими элементами;

— активизацией образования композитов и утверждением новых моделей, не типичных для традиционного славянского словообразования;

— увеличением числа аппозитивных словосочетаний как единиц номинации и др.

1.2. Мы являемся свидетелями накопления огромного корпуса словообразовательных и лексических инноваций, который очевидным образом подтверждает процессы универсализации, характерные для славянских языковых систем сегодня. И мы не можем не согласиться с высказанным Е. А. Земской мнением, которое, хотя и касается только русского языка, применимо и к другим славянским: «Издаваемая регулярно серия словарей новых слов и значений служит документированным свидетельством того, как, за счет каких ресурсов развивается словарный состав русского языка» [Земская 1992: 40]. Словари неологизмов — документы, содержащие корпуса словообразовательных и лексических *инноваций*.

1.3. В то же время, несмотря на универсальный характер процессов развития славянских языков, интерпретация конкретных фактов в лингвистических работах и в словарях неологизмов нередко носит различный, а подчас и противоречивый характер. Поэтому перед лингвистами — дериватологами и лексикологами — сегодня стоит задача не только описать, как реализуются потребности в новых наименованиях, главным образом на уровне слова, но и разработать ясные, по возможности единые критерии, которые бы позволили классифицировать словообразовательные и лексические инновации, и систематизировать их, не допуская непоследовательностей или противоречий. На этой основе необходимо разрабатывать и правила лексикографического отражения инновационных фактов и явлений. Лексикография — это та лингвистическая область, которая, как известно, играет важную роль кодификатора и нормативного регулятора³.

2.0. Нарастающая роль композитообразования как способа номинации, утверждение под влиянием иностранных языков новых моделей создания сложных слов во всех славянских языках — типичное проявление словообразовательной и лексической интеграции. Именно в случае ком-

³ На вопрос о нормирующей и кодифицирующей роли лексикографии обращает внимание также Р. Беленчикова в статье «Вопросы лексикографической кодификации англицизмов (на материале русского языка)» [Belentschikow 2009].

позитообразования, как показывают неологические и орфографические словари, а также отдельные исследования, наиболее очевидны различия в теоретическом объяснении и толковании языковых единиц, входящих в состав композитов, и их структурных элементов. Некоторые лингвисты считают, например, *контра-* и *супер-* частями сложных слов, а другие — префиксальными морфемами, *видео-*, *порно-*, *радио-*, *кино-*, *секс-* — сокращенными части полнозначных единиц, как и *теле-*, *авто-*, *мото-*, *эко-*, *евро-*; другие называют их первыми компонентами в составе сложных имен существительных; что *интернет* в сочетании *интернет време* в болгарском языке является неизменяемым прилагательным в составе свободного словосочетания (как и *маркетинг* в *маркетинг директор*), но в *интернетклуб* это первая часть сложного имени существительного; *топ-* является или первой частью в сложных словах, или полупрефиксом. Число подобных примеров можно свободно умножить.

Вышеизложенное позволяет сформулировать два основных дискуссионных вопроса:

— следует ли считать языковые конструкции, компоненты которых по форме соотносимы с именами существительными, сложными словами (композиатами) или словосочетаниями (устойчивыми / свободными);

— можно ли считать, что в современных славянских языках существуют и «раздельные слова»?

К первому вопросу относятся и подвопросы:

— являются ли сложными словами аппозитивные сочетания с неделимой смысловой структурой, типа русск. *летчик-истребитель*, *юбка-брюки*, болг. *пола-панталон* и т. п.;

— являются ли «аналитическими прилагательными» препозитивные сегменты типа болг. *эко-*, *евро-*, *авто-*, *спец-* и т. п., если согласиться с определением М. В. Панова, что «прилагательные, которые не согласуются — это аналитические прилагательные» [Панов 1971: 250];

— являются ли композитами т. н. «сложносокращенные» слова (ср. болг. *екоминистър*, *спецчасти*, *еврозона* и т. п.)?

Убедительный и аргументированный ответ на все эти вопросы может быть дан, если при анализе языковых единиц разграничивать форму, функцию и значение и если согласиться с тем, что формальный уровень языка развивается относительно автономно, а абсолютное взаимное соответствие между формой и значением, между поверхностной и семантической структурой производных слов отсутствует.

3.0. Композитообразование в славянских языках и в наши дни сохраняет свою специфику — быть частью существующих способов номинации. «В славянских языках — подчеркивает, например, И. Онхайзер, —

словосложение сводится к номинативной функции словообразования, славянским композитам не свойственна функция речевой конденсации» [Ohnheiser 2003: 334]. Таким образом, процессы создания сложных слов отличаются от тех, которые характеризуют, например, германские (английский, немецкий, скандинавские) языки, где, как указывает также О. Д. Мешков, «образование сложных слов <...> служит для синтаксического удобства, а не для цели номинации» [Мешков 1981: 16].

3.1. Композиты — это однословные языковые единицы номинации, в состав которых входит не менее двух полнозначных основ (корней), связанных в общий комплекс по определенному образцу (модели) с помощью соединительной морфемы (ср. болг. *бензиновоз, рекламодател, картоноцител, хросторез, риболовец*; русск. *фуражемешалка, креветколов, снегозахватчик, газоочистка, дачевладелец, уткоферма* [Земская 1992] и др.) или через непосредственное склеивание обоих компонентов (ср. болг. *бизнесклуб, скиписта, гострежисьор, фитнесуреди, кафемашина, голфигрище*; русск. *джип-сафари, бизнес-класс, видеوماгазин, шоу-бизнес*; польск. *bizneskobieta, biznesplan, popgwiazda, ski-cross, wideobar* и др.).

3.1.1. В ономаσιологическом плане композиты обозначают одно понятие, и их значение, как у всех производных слов, не является суммой значений их составляющих. Оно формируется на основе их словообразовательного значения вместе со всеми коннотациями. Композиты как названия одного понятия сравнимы с устойчивыми (атрибутивными и аппозитивными) словосочетаниями и отличаются от свободных синтаксических словосочетаний, которые не воспроизводятся, а создаются в речи (ср. болг. *голфигрище* — *игрище за голф* и *ново голфигрище*).

3.1.2. В структурном плане композиты представляют собой неделимое целое и характеризуются постоянной последовательностью (порядком) компонентов. Согласно первому структурному признаку, как и в каждой однословной единице, между компонентами «не может быть включена другая последовательность того же уровня» [Гак 1990: 465], т. е. другое слово. В качестве примера, подтверждающего этот тезис, можно указать клитики в болгарском языке. Ср.: *В моя имейладрес няма никаква промяна.* — *В имейладреса ми няма никаква промяна.* — **В имейл ми адреса няма никаква промяна; В моята електронна поща се получица две писма от Москва.* — *В електронната ми поща се получица две писма от Москва.*

Постоянная последовательность компонентов означает, что их перестановка (инверсия) приведет к изменению смысла наименования или делает его бессмысленным, ср.: *фитнесуреди* — **уредифитнес*, но *уреди за фитнес*; *голфигрище* — **игрищеголф*, но *игрище за голф*.

Сложное слово, как и любое слово, имеет одно главное ударение, ср.: болг. *картоносѝтел*, *птицефѝрма*, *кафѝемашина*, *бѝзнесдама*, *видеоклуб*; рус. *дачевладѝлец*, *газоочѝстка*, *джипсафѝри*, *шоу-бѝзнес* и др.

3.1.3. В морфологическом плане композиты являются цельнооформленными комплексами, которые открывают позицию для добавления флексийных морфем только с одной стороны — после второго компонента. Первый компонент морфологически неизменяем (с нейтрализованной позицией флексии) и у композитов, образованных с соединительной морфемой, и в новых образованиях без нее. Ср. следующие композиты:

риб-о-лѝв-ец-ѐ → *риб-о-лѝв-ѝ-и* → *риб-о-лѝв-ец-ѝт-ѐ*;

рѝк-нев-ец-ѐ → *рѝк-нев-ѝ-и* → *рѝк-нев-ец-ѝт-ѐ*;

бѝзнес-среѝц-а → *бѝзнес-среѝц-и* → *бизнес-среѝц-и-те*;

видео-шкаф-ѐ → *видео-шкаф-ове* → *видео-шкаф-ѝт-ѐ*;

аппозитивные словосочетания:

*летѝц=изтреб-ител-ѐ*⁴ → *лет-ѝ-и=изтреб-ител-и* → *летец-ѝт=изтреб-ител-ѐ*;

пол-а=панталон-ѐ → *пол-и=панталон-ѐ* → *пол-и-те=панталон-ѐ*.

Примеры из текстов: ***Риболовците*** излязоха в открито море; ***В концѝрта ѝце участват едни от най-известните рокнеѝци***; ***Бизнессреѝцата ѝце се проведе в края на седмицата***; ***Паднаха цените на видеошкаф-вете***; ***Започна парадѝт на летѝците-изтребители***; ***Полата-панталон не е модна през този сезон***.

В аппозитивных сочетаниях позиции для флексии могут открывать оба компонента (ср. болг. *летец-изтребител*) или только один (первый), когда другой при этом остается неизменяемым (ср. болг. *пола-панталон*).

На морфологическую целостность сложных слов еще в 60-е годы прошлого века обратил внимание Г. Марчанд, который определяет их, опираясь на отношения в синтагме: «Образование новых слов происходит путем объединения языковых элементов на базе отношений *определяющее / определяемое*, что составляет синтагму. Когда на такой базе происходит объединение двух или более основ в морфологическое целое, мы можем говорить о сложном слове» [Marchand 1969: 11].

4.0. В современной лингвистике существуют два (противоположных) взгляда на сущность двусоставных субстантивных конструкций. Это отражается и в лексикографической практике.

Большая часть лингвистов определяет языковые комплексы типа болг. *бизнесдама*, *баскеттурнир*, *рокневец*, *попзвезда*, *фитнесуреди*, *скисьстезания*, *гострежисьор*, *радиошкаф* и т. п. как композиты и считает их производными словами.

⁴ Знаком = в данном случае обозначается дефис.

Другая группа лингвистов, пренебрегая морфологической целостностью таких комплексов, считает их сочетаниями, причем «свободными», составленными из неизменяемых («аналитических») прилагательных и существительных. Они обосновывают свое мнение тем фактом, что такая модель существует в языке-источнике (ср. болг. *роксъбитие* < англ. *rock event*, болг. *видеоманиак* < англ. *video maniak*, болг. *рокмузика* < англ. *rock music* и др.)⁵. Аргументы в пользу того, что такие комплексы не являются сложными словами, ищут в отсутствии соединительной морфемы *-o-*, в наличии ударения каждого компонента, т. е. двух ударений, в исключительной продуктивности модели и в славянских языках, в возможной координации типа *рок и поп-звезда*⁶ и др. (см. [Вачкова, Вачков 1998: 98–99]). Выводы, к которым приходят, заключаются в том, что эти свободные сочетания создают условия для нарастания аналитических черт в славянских языковых системах — так как увеличивается число неизменяемых прилагательных.

Принятие второго тезиса означает признание того, что конструкции указанного типа не являются однословными номинативными единицами: они не воспроизводятся, а каждый раз создаются в речи. Как свободные словосочетания, они не находят отражения в лексикографии (в словниках — в виде заглавных слов). Но если новообразованные неизменяемые прилагательные уже стали языковым фактом, то они должны отражаться в словарях в отдельных статьях. Пока, насколько мне известно, такой практики не существует, за исключением чешского словаря неологизмов, где слову *video*, например, посвящены три словарные статьи: в них этот элемент выступает как существительное, как неизменяемое прилагательное и как первая составная часть сложных слов [Nová slova v češtině 1998]. Использование языковых единиц, например, *рок*, *джаз* и др. как предикативов (ср. болг. *Този клуб е рок, а не джаз*) не доказывает, что в позиции первых составных частей сложных слов они также являются неизменяемыми прилагательными. Первые компоненты рассматриваемых композитов, по форме соотносясь с именами существительными, по функции являются атрибутивами (ср. русск. *джип-сафари* — *сафари на джипах*, болг. *голфигрище* — *игрище за голф* и др.). Нет основания

⁵ Особое внимание следует обратить на роль калькирования в адаптации и принятии единиц и моделей иностранных языков. О калькировании в современном болгарском языке см. [Благоева 2005].

⁶ Такая координация встречается и в композитах, образованных по традиционным моделям с частотными первыми составными частями типа *водо-*, *въздухо-*, ср. *водо-* и *въздухонепроницаеми клетки*. Следует ли из этого, что компоненты *водо-* и *въздухо-* являются неизменяемыми («аналитическими») прилагательными?

считать, что первые компоненты болгарских композитов *душибатерия*, *сокмашина*, *кафемашина* и др. — неизменяемые (аналитические) прилагательные. Они мотивированы субстантивными наименованиями, которые в составе сложного слова имеют атрибутивную функцию. Это хорошо видно в аналитических номинациях с тем же значением: *батерия за души*, *машина за (правене на) сок*, *машина за кафе* и т. д. Следовательно, здесь мы наблюдаем типичный случай, когда одна и та же форма выполняет различные функции. Двусоставные субстантивные конструкции как композитные единицы номинации известны болгарскому языку давно [Балтова 1985: 81–113], но сегодня, как и в остальных славянских языках, они быстро увеличивают свое число под влиянием главным образом английского языка.

Препозиция субстантивной основы, утрата ею грамматической парадигмы определяют атрибутивную функцию первого компонента. Это хорошо видно в дефинициях композитных единиц, ср. русск. *рок-певец* — ‘лицо (певец), который исполняет рок’; *фитнес-клуб* — ‘место (клуб), где проводятся занятия по фитнесу’, *бизнес-план* — ‘нечто (план) связанное с бизнесом’; болг. *скиписта* — ‘место (лыжня) для катания на лыжах’ и т. д.

Различная интерпретация двусоставных субстантивных комплексов рассматриваемого типа оказывает влияние и на их написание. Если принять, что это композитные номинативные единицы, согласно славянской орфографической традиции, оба компонента должны писаться слитно или полуслитно (через дефис). Нет лингвистических оснований, допускающих их раздельное написание. Оно могло бы означать, что эти единицы считаются словосочетаниями, а не отдельными самостоятельными лексемами со статусом слов. На письменную практику, которая, по мнению некоторых авторов, может использоваться как существенный критерий при составлении правил правописания, в большинстве случаев повлиял язык-источник, а также и неуставленные нормы — см. [Нов правописен речник 2002: 43–61]. Поэтому сегодняшней задачей лингвистических организаций, всех, занимающихся проблемами языковой культуры, является разработка таких правил, которые бы объективно и реально отражали языковые факты. Это тем более важно, так как «орфография имеет особое социальное значение» и «затрагивает интересы всего общества» [Иванова 1990: 351]. Она обеспечивает в нем грамотность и высокий уровень культуры.

С вопросом о композитообразовании и толковании первых составных частей сложных слов связано объяснение сути и функции структурных элементов типа *авто-* / *auto-*, *эко-* / *эко-* / *эко-*, *евро-* / *euro-*, *спец-* / *spec-*, *инфо-* / *info-*, *теле-* / *tele-*, *фолк-* / *folk-* и др., которые в наши дни харак-

теризуются исключительной продуктивностью в славянских языках. Некоторые из этих элементов встречаются и в английском языке. В лингвистической литературе они рассматриваются или как «сокращенные части» (см., например, [Земская 1992]), или как первые части композита, ср. [Waszakowa 2005]. Как первые части композита они характеризуются и в лексикографических трудах, ср. [Пернишка, Благоева, Колковска 2002], [Nová slova v češtině 1998] и др. По форме структурные элементы указанного типа являются морфемами, соотносимыми с частями (но не всегда с корнями) полнозначных имен прилагательных, представляющих компоненты в атрибутивных синтаксических названиях. По значению они аналогичны значению имени прилагательного и реализуют его только в комплексе с именем существительным (ср. болг. *теленела* — *телевизионна новела*, *телемост* — *телевизионен мост*, *екокатастрофа* — *екологична катастрофа*, *евродепутат* — *европейски /Европейски союз/ депутат*, *спецчасти* — *специални части* и др.; та же соотносимость существует и в польских лексических единицах, ср. *telecentrum*, *tele-clip*, *euromost*, *europrojekt*, *ekolodówka*, *specoddział* и др.). Беспрепятственно «склеивающиеся» с именами существительными, они приближаются к префиксальным словообразовательным морфемам, отличаясь от них единственно своей более конкретной лексической семантикой. С точки зрения словообразования скорее можно согласиться с тем, что в этих случаях представлены «префиксоидные» морфемы. Это и не первые части сложных слов, поскольку образованные ими единицы не являются композитами. Процесс возникновения лексических единиц, в структуре которых участвуют морфемы указанного типа, и их семантическая соотносимость с атрибутивными наименованиями могут рассматриваться как транспонирование аналитической формы (словосочетания) в однословную единицу номинации. По своей сути этот процесс близок к универбизации.

6.0. Рассмотренные в докладе вопросы подтверждают мнение о том, что одной из доминирующих тенденций развития современных славянских языков является расширение полисинтетизма. В них намного больше новых однословных номинативных единиц, чем аналитических наименований. Мы не можем не согласиться с мнением К. Гутшмидта, что «определение типологических тенденций требует выяснения системно-структурного статуса немалого числа словообразовательных моделей и новообразованных наименований» [Гутшмидт 2003: 354].

В заключение хотелось бы привести мнение Е. С. Кубряковой, которое, будучи высказано десятилетия тому назад, и сегодня вполне актуально. «Хотя слово является не единственной формой создания и функционирования наименования, — пишет она, — а словообразование —

не единственным средством пополнения языка новыми названиями, область однословных мотивированных наименований как возникающих в ходе словообразовательного акта и связанных с применением формальной операции, остается важнейшей частью ономазиологии» [Кубрякова 1977: 250].

Литература

- Балтова Ю.* Двусъставни субстантивни конструкции в съвременния български книжовен език // Известия на Института за български език. Кн. XXVI. София, 1985.
- Благодеева Д.* Аспекти на калкирането в най-новия период от развитието на българския език. София, 2005.
- Вачкова К., Вачков В.* Словообразуване и аналитизъм. Типологична обусловеност на някои словообразователни процеси в съвременния български език // Славянска филология. Т. 22 (Доклади за XII Международен конгрес на славистите Краков 1998). София, 1998.
- Гак В. Г.* Слово // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Гутимидт К.* Общие тенденции и специфические формы их реализации в современных славянских языках // Jazykovedný časopis. 1998. Č. 1–2.
- Гутимидт К.* Типологични тенденции. // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / Ped. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. 1992.
- Иванова В. Ф.* Орфография // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Коряковцева Е. И.* О словообразовательной компресии (на материале русского и польского языков) // Функциональные аспекты словаутварення: Доклады IX Международной научной конференции Камисії па славянскому словаутваренню пры Міжнародным камітэце славістаў / Нав. рэд. А. А. Лукашанец. Мінск, 2006.
- Кубрякова Е. С.* Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований / Под ред. Б. А. Серебренникова и А. А. Уфимцевой. М., 1977.
- Мешков О. Д.* О речевых композитах в современном английском языке // Иностранный язык в школе. 1981. № 2.
- Нов правописен речник на българския език. София, 2002.
- Панов М. В.* Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К семидесятилетию А. А. Реформатского. М., 1971.
- Пернишка Е., Благодеева Д., Колковска С.* Речник на новите думи и значения в българския език. София, 2001.

- Belentschikow R.* Вопросы лексикографической кодификации англицизмов // Прzejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich / Red. E. Koriakowcewa. Siedlce, 2009.
- Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Marchand H.* The categories and types of present-day English word-formation: a synchronic-diachronic approach. Wiesbaden, 1969.
- Nová slova v češtině: Slovník neologizmů. D. 1. Praha, 1998.
- Ohnheiser I.* Системно-структурные тенденции // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Waszakowa K.* Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa, 2005.

Ц. Аврамова (София)

О некоторых (новых) явлениях в славянском словообразовании с типологической точки зрения

1.0. В *типологических исследованиях* на уровень словообразования (который зачастую не отделяется от морфологического) обращают внимание в связи с использованием тех или иных способов и средств образования слов, т. е. с точки зрения техники образования слов. В *словообразовательных исследованиях* славянских языков типологическая сторона явлений затрагивается спорадически. Более отчетливый интерес к словообразованию с типологической точки зрения в славистике наблюдается во второй половине и особенно в последней четверти XX в. — см., напр. [Земская 1968], [Gazda 1990], [Земская, Ермакова, Рудник-Карват 1998], [Zemskaja, Ermakova, Rudnik-Karwatowa 1999] и др. Определяются типологические тенденции ([Гутшмидт 1998a], [Гутшмидт 1998б]), использующиеся как *tertium comparationis* отдельных исследований ([Комрагасја 2003], [Аврамова 2003]).

1.1. По мнению исследователей, в течение рассматриваемого периода в словообразовании славянских языков наиболее сильно проявляются *тенденции к агглютинации, аналитизму и полисинтетизму*. Конкретные проявления этих тенденций, однако, часто находят в одних и тех же явлениях; иными словами, одним и тем же явлениям приписывается различный типологический характер. Наиболее проблематичный момент связан с пониманием понятия аналитизма и его проекцией на словообразовательный уровень.

2.0. Еще в конце 60-х годов XX века Е. А. Земская отметила, что в словообразовательной системе русского языка в XX веке наблюдается «рост агглютинативных черт в семантике и структуре производного слова». Агглютинация в семантике производного слова, по мнению автора, проявляется в «устранении многозначности словообразовательных морфем и тем самым в увеличении числа морфем, характеризующихся всегда одним и тем же значением» [РЯиСО-3 1968: 9–10]. Показателями агглютинации в структуре слова являются свободное «склеивание» морфем, ослабление чередования на морфемном шве, возрастание роли интерфиксов, более широкое использование наложения морфем — «явление, совмещающее в себе черты агглютинации и фузии: при наложении морфемы сохраняют неизменным свой

фонемный состав и линейную выделяемость, хотя определенная их часть является двуфункциональной, а это уже не типично для агглютинативных морфем» [РЯиСО–3 1968: 10–12]. Признаки агглютинации в русском языке, на которые первой обратила внимание Е. А. Земская, исследователи фиксируют и в других славянских языках (см., например, [Gazda 1990], [Земская, Ермакова, Рудник-Карват 1998], [Zemskaja, Ermakova, Rudnik-Karwatowa 1999], [Аврамова 2003], [Gutschmidt 2003]), а тенденция к увеличению агглютинативных черт считается одной из главных типологических тенденций в славянском словообразовании второй половины XX века.

2.1. Наряду с агглютинацией, важной тенденцией в словообразовании славянских языков в рассматриваемый период считается тенденция к аналитизму. Как указывает К. Гутшмидт, в «славянском языкознании чаще всего работают с дихотомией „синтетизм — аналитизм“». При этом обыкновенно считается, что существует глобальная тенденция перехода от синтетизма к аналитизму и что это тенденция усиливается в последние пятьдесят лет и в славянских языках» [Gutschmidt 2003: 341].

3.0. Однако сам К. Гутшмидт, как и другие авторы, справедливо подчеркивает, что при поиске проявлений аналитизма следует принимать во внимание, что сама его дефиниция не является однозначной. По мнению болгарского лингвиста В. Гешева, «понятие аналитизма часто используется как обозначение какого-то полуопределенного, едва ли не интуитивно ощущаемого качества конкретных исторических состояний отдельных языков, на практике с не уточненным до конца объемом. Одновременно ищут способы превратить его в термин, ограничить и строго определить, тем более что ему следовало бы служить единицей меры, образцом для измерения при формировании понятия развития в сторону аналитизма...» [Гешев 1990: 293].

3.1. Целью настоящей работы не является обзор трактовок аналитизма. Из многочисленных мнений по данному вопросу нас интересуют лишь те, которые имеют влияние на *словообразовательные* исследования. Такое влияние оказывает понимание аналитизма в узком смысле, как, например, «беспадежность», т. е. отсутствие падежной системы имен, а отсюда «определение движения к аналитизму как процесса замены падежных форм предлогами» [Гешев 1990: 293] и увеличения количества несклоняемых лексических единиц. Существенное значение для словообразования имеет тезис об оформлении т. н. аналитических прилагательных¹ как «нового разряда слов», «особой части речи» [РЯиСО–2 1968:

¹ Называемые также «аналитические определители», «несклоняемые определители» [РЯиСО–2 1968: 110], «аналиты» [Панов 1971] и даже «прилагательные морфемы» [РЯиСО–2 1968: 120].

105, 110], который был выдвинут в 60-е годы XX в. М. В. Пановым. Этот тезис важен для словообразования, поскольку к группе аналитических прилагательных ученый отнес и первые части некоторых сложных слов, а также некоторые префиксы. С течением времени тезис М. В. Панова был принят рядом исследователей не только русского, но и других славянских языков. Итак, наиболее частым проявлением аналитизма в словообразовании считается создание сложных слов, первые части которых являются «аналитическими прилагательными» (см. 4.1.1.2.).

3.2. Очень часто (преимущественно по отношению к структуре производных слов) аналитизм связывается с агглютинацией, и оба явления рассматриваются в рамках одной общей тенденции ([Gazda 1990], [Земская, Ермакова, Рудник-Карват 1998], [Zemskaja, Ermakova, Rudnik-Karwatowa 1999], [Аврамова 2003]). Так, например, в работе [Земская, Ермакова, Рудник-Карват 1998: 307] указывается, что активность именной префиксации (с заимствованными префиксами) «благоприятствует усилению черт аналитизма. На границе основы и префикса отсутствуют чередования, префикс нередко несет на себе побочное ударение <...>, после префикса возможна легкая пауза, морфемный шов чист и прозрачен». Однако перечисленные черты, по мнению тех же авторов, присущи и агглютинации. Следовательно, из цитированного текста следует, что определенные агглютинативные черты способствуют развитию аналитизма, или, иными словами, аналитизм понимается как более общее понятие по отношению к агглютинации.

Подчеркивая, что аналитизм и агглютинативные черты *в структуре производного слова* «идут бок о бок», в другом месте, однако, Е. А. Земская разграничивает эти два явления — аналитизм и агглютинацию. Именную префиксацию (с заимствованными префиксами) она характеризует как (только) агглютинативную черту, а проявлением аналитизма в лексике считает количественное нарастание и активное употребление двух классов несклоняемых имен: аналитических прилагательных и аббревиатур [Земская 2001].

3.2.1. Под влиянием некоторых цитированных выше публикаций в наших более ранних исследованиях мы также соглашались с тем, что «аналитизм на структурном уровне — как способ спайки между элементами — осуществляется посредством агглютинации» [Аврамова 2003: 140–141]. Тесная связь между агглютинацией и аналитизмом видна и при констатации общей «тенденции к аналитизму с увеличением агглютинативных черт», которая была определена нами как ведущая типологическая тенденция в болгарском и чешском субстантивном словообразовании конца XX века.

4.0. Вернемся к тезису об аналитических прилагательных как наиболее яркому проявлению аналитизма в словообразовании. К группе «аналитических прилагательных» М. В. Панов относит достаточно разнородные явления: как неизменяемые лексические единицы типа *беж, бордо, электрик, хаки, нетто* и др., так и т. н. «несклоняемые определители» [РЯиСО–2 1968: 110] *проф-, гос-, парт-, сов-, соц-* и др., а также компоненты типа *аэро-, авто-, био-, гео-, гелио-, гидро-, кино-, микро-, радио-, теле-, электро-, энерго-; хлебо-, лесо-, нефте-; пресс-, программа-, эрзац-* и др., даже *чудо-* (*чудо-молот*), *горе-* (*горе-изобретатель*) и др. ([РЯиСО–2 1968: 110, 124], [Панов 1971]). В программной статье «Об аналитических прилагательных» [Панов 1971] ученый формулирует в общем 19 групп «аналитических прилагательных», из которых, однако, лишь первая не вызывает у нас возражений. Позволим себе процитировать мнение И. Левонтиной: «Тут и неизменяемые слова типа *беж, люкс, коми* (например, *коми писатель*), и первые части сложных слов типа *суперприз, экс-президент, киносценарий, электроприборы* и образований типа *чудо-печка*, и другие типы единиц» [Левонтина 2005].

4.1. Мы не ставим перед собой задачу комментировать все 19 групп «аналитических прилагательных». Из них нас интересуют только те, которые в других исследованиях характеризуются как компоненты сложных, в том числе т. н. сложносокращенных слов или префиксы (*экс-, супер-, ультра-* и др.). Ключевой же вопрос заключается в том, *как сами авторы, использующие термин «аналитические прилагательные», определяют их грамматический статус.*

4.1.1. Среди исследователей бытуют два противоположных мнения (которые зачастую даже смешиваются): аналитические прилагательные являются (1) отдельными словами, и (2) составными частями сложных слов.

4.1.1.1. Сначала рассмотрим первое мнение. В цитированной статье [Панов 1971] (см. также [РЯиСО–2 1968]) М. В. Панов настаивает на том, что аналитические прилагательные следует считать уже не первыми составными частями сложных слов или приставками (хотя по происхождению они являются таковыми), а отдельными словами. Принятие такой точки зрения означает, что объектом словообразования должны быть только производные (мотивированные) аналитические прилагательные. В таком случае перед исследователем бы стояла задача установить способ (способы) их образования, их словообразовательное значение, то, в какие словообразовательные категории, типы и модели они включаются. Однако до сих пор мы не встречали дериватолога, который бы рассматривал аналитические прилагательные именно в этом аспекте. Что касается словообразовательного способа, то, придерживаясь мнения М. В. Панова, его можно

определить единственно как конверсию (существительных, префиксов, предлогов) в (аналитические) прилагательные. Конверсия изначально считается аналитическим способом образования слов, ввиду чего некоторые языковеды связывают ее с тенденцией к аналитизму (см. 5.3.).

4.1.1.2. Другое мнение, которое заключается в том, что аналитические прилагательные являются компонентами сложных слов, более распространено. Так, например, Е. А. Земская в книге «Словообразование как деятельность» рассматривает аналитические прилагательные (*авиа-, авто-, био-, вело-, кино-, радио-, рок-, фото-, энерго-; гос-, пром-, спец-, проф-* и др.) как «сложносокращенные слова, состоящие из сокращенной части и целого слова», хотя, по ее мнению, «...подобные единицы являются скорее словосочетаниями, чем словами» [Земская 1992: 54, 59]. Если они действительно являются словосочетаниями, то их следовало бы писать отдельно от определяемых ими слов. Но и в исследованиях Земской, и в трудах других авторов аналитические прилагательные пишутся слитно с определяемыми существительными (и прилагательными)², или через дефис, ср., например, русск. *видеомагазин, брейк-мода, ретро-шлягер, шоп-тур, бизнес-клуб, топ-фильм, мастер-класс, порнолавка, комбанк, академотпуск, литстаж*; польск. *wideoklub, pornosklep, infolinia, specustawa, ekosystem, technoklimatologia, telepajęczarz*³. В русском языке так пишутся прилагательные не только в препозиции (*дог-шоу, ток-шоу*), но и в постпозиции (*кофеварка-экспресс*). В польском языке аналитические прилагательные в препозиции пишутся как слитно, так и раздельно: *wideofilm / wideo film*. Иначе обстоит дело, когда они находятся в постпозиции — тогда они пишутся только раздельно, ср. *film porno, klub disko, kamera wideo, usługi wideo* и др. Нам представляется, что данные единицы по сути являются именами прилагательными, только если они находятся в постпозиции; в том случае, если они в препозиции, *ничто другое* (кроме — в некоторых случаях — орфографии, ср. *wideofilm* и *wideo film*) не отличает их от первых компонентов композитов.

В большинстве словообразовательных исследований ([Русская грамматика 1980], [Gazda 1990], [Bozděchová 1994], [Gutschmidt 2002], [Gutschmidt 2003], [Waszakowa 2003], [Waszakowa 2005], [Аврамова 2003] и др.) единицы рассматриваемого типа однозначно определяются как сложные (и как сложносокращенные) слова. Некоторые примеры, приводимые в [Земская, Ермакова, Рудник-Карват 1998], [Zemskaja, Ermakova, Rudnik-Karwatowa 1999] — *комбанк, академотпуск, литстаж, specustawa* и др.,

² Имена прилагательные не являются объектом настоящего исследования.

³ Примеры из [Земская, Ермакова, Рудник-Карват 1998], [Zemskaja, Ermakova, Rudnik-Karwatowa 1999], [Земская 2001]. Здесь и далее орфография цитированных источников сохраняется.

охарактеризованы в цитированных статьях как сложносокращенные слова, другие — как сложные слова, содержащие заимствованные элементы. Остальные формации названы в общем виде «единицами», т. е. не отнесены к разряду сложных слов или словосочетаний.

4.1.2. Если принять, что такие формации, как *видеомагазин*, *бизнес-клуб* и т. п. являются сложными словами, то возникает вопрос, уместно ли определять компоненты, входящие в их состав (*видео-*, *бизнес-* и т. п.), как прилагательные. Согласно традиционной грамматике, имя прилагательное — это часть речи, а не часть слова. В таком случае следовало бы говорить о *компонентах, выполняющих атрибутивную функцию*, а не об именах прилагательных (или компонентах, выполняющих функцию прилагательных). Эта функция, однако, не является приоритетом единственно имени прилагательного как части речи — атрибутивную функцию имеют и первые составные части некоторых сложных существительных, «образованных посредством сращения двух свободно функционирующих в языке субстантивных лексем, семантические структуры которых допускают их объединение в одно номинативное целое со статусом слова. В качестве первого компонента одно существительное нейтрализует свои грамматические признаки и, превращаясь в неизменяемую часть, транспонируется в атрибут, т. е. начинает выполнять новую функцию» [Балтова 1985: 90]. Аtribuтивную функцию выполняют также и части некоторых типов изафетных конструкций, построенных из двух имен существительных (см. об этом [Аврамова, Осенова 2003], [Байрамова 1982], [Костомаров 1996]).

5.0. Итак, отдельными словами (прилагательными) или частями сложных слов являются элементы типа *видео(-)*, *бизнес(-)* и т. п.? Соответственно, словосочетаниями или сложными словами являются образуемые ими формации?

5.1. «Бессмысленно определять понятие аналитизма, не определяя (условно) понятие слова как формальной языковой единицы» — пишет В. Гешев [Гешев 1990: 297]. В нашем случае это означает дефиницию понятия «сложное слово (compositum)» по отношению к словосочетанию.

5.2. Мы уже указали, что М. В. Панов рассматривает аналитические прилагательные как отдельные слова. Следовательно, конструкции, которые они формируют, следовало бы принимать за *словосочетания* аналитического прилагательного и имени существительного — мнение, которое в теории разделяет и Е. А. Земская⁴. Основанием того, чтобы таким единицам, как *гос-*, *проф-*, *рок-*, *фото-* и др., был приписан статус самостоятельных лексем, является их атрибутивная функция и высокая со-

⁴ На практике, однако, как мы убедились, Е. А. Земская рассматривает эти прилагательные в рамках сложносокращенных слов.

четаемость как с существительными, так и с именами прилагательными ([РЯиСО–2 1968], [Земская 1992]). Однако, как мы подчеркнули, атрибутивную функцию выполняют не только имена прилагательные как часть речи. Что касается высокой сочетаемости, то она не исключена и у некоторых компонентов, которые в русском языкознании традиционно определяют как приставки. Так, например, в цитированном выше труде «Словообразование как деятельность» Е. А. Земская обращает внимание на активность и высокую сочетаемость некоторых именных приставок (*сверх-, супер-, анти-, не-* и др.) со словами различных частей речи [Земская 1992: 77–80]. Значит ли это, что данные приставки также следует причислить к аналитическим прилагательным?

5.3. Некоторые болгарские лингвисты [Вачкова, Вачков 1998] также считают, что конструкции типа *бар-дама, бизнесвстреча, видеозапись, джаз-музыкант, поп-концерт, сексробиня, фолкпевица*, даже *сумоборец* в болгарском языке являются свободными словосочетаниями прилагательных и существительных (независимо от того, что в использованных источниках они пишутся слитно или через дефис). По мнению К. Вачковой и В. Вачкова, первым компонентом является неизменяемое прилагательное, полученное посредством конверсии из заимствованного существительного — явление, «особенно характерное для языков с развитым аналитизмом, таких, как английский... Вот почему вышеуказанные примеры соответствуют английским словосочетаниям типа «прилагательное + существительное», напр. *роксбитие — rock event, видеоманиак — video maniac, рокмузыка — rock music*» [Вачкова, Вачков 1998: 98].

5.3.1. Аргументы, приводимые авторами, однако, весьма неубедительны. К выдвинутым в предыдущих наших публикациях (см. [Аврамова, Осенова 2003]) контраргументам мы прибавим еще один, связанный с конверсией. Проблема заключается в том, что не только в синтетических славянских языках, но даже и в традиционно считающемся аналитическим болгарском языке, конверсия является наиболее слабо представленным словообразовательным способом. Это касается особенно конверсии в узком смысле (истинная конверсия), которая выражается в переходе определенного слова от одной части речи в другую *без какого-либо изменения формы* [Mlúvnice 1986: 201]. В чешском языке, выделяющемся своей флективностью даже среди славянских языков, этот тип конверсии представлен весьма ограниченно, преимущественно при образовании предлогов из наречий, частиц из союзов и др. На «аналитический» болгарский язык в большой степени распространяются примеры, приведенные в отношении чешского. Не следует пренебрегать фактом, что болгарский язык является согласовательным по отношению к именной системе

[Гешев 1990], и этим он схож с синтетическими языками. О подлинной конверсии в болгарском языке можно говорить в очень ограниченном числе случаев (например, при транспозиции наречий из прилагательных, при субстантивации прилагательных и действительных причастий, при возможной адъективации имен существительных). Мы считаем, что подобная ситуация наблюдается и в других славянских языках⁵.

5.3.2. Также мы разделяем мнение⁶, что конверсия — это скорее диахронное, нежели синхронное явление: изменение частеречного статуса определенной лексемы и, более того, осознание и восприятие этой перемены языковым коллективом требует довольно длительного периода времени. Все это дает нам основание сомневаться в столь широком использовании конверсии в словообразовании болгарского и других славянских языков в последние несколько десятилетий.

6.0. Мы исходим из следующих критериев сложных слов, принятых в болгарском языкознании.

1) Сложное слово образовано как минимум из двух корней ([Георгиева 1967: 161], [Грамматика 1983: 32]).

2) Хотя бы один из компонентов сложного слова утрачивает свою грамматическую характеристику и не может изменяться по числам или употребляться с артиклем в рамках целого ([Балтова 1971: 201], [Правописен речник 1983: 43], [Нов правописен речник 2002: 43]).

3) Части сложного слова не могут меняться местами; между ними не может быть вставлена другая часть без нарушения смысла целого ([Георгиева 1967: 161], [Балтова 1971: 201]). Это также означает, что ни одна из частей не может иметь при себе пояснения [Балтова 1971].

4) Оба компонента, независимо от своих значений, в рамках целого обозначают одно новое понятие [Балтова 1971: 201].

5) Между двумя компонентами существуют отношения координации или субординации ([Правописен речник 1983: 43], [Нов правописен речник 2002: 43], [Грамматика 1983: 75–76, 159–160]).

6) Сложные слова имеют одно главное ударение ([Правописен речник 1983: 42], [Балтова 1985: 201], [Нов правописен речник 2002: 43]).

7) К указанным критериям добавим принцип, сформулированный немецким болгаристом и славистом К. Гутшмидтом и поддержанный некоторыми

⁵ Вместо конверсии в польской академической грамматике [Gramatyka 1998] используется термин «парадигматическая деривация», а в русской [Русская грамматика 1980] – термин «нулевая суффиксация», которая по сути является типом парадигматической деривации. Безаффиксальную деривацию чешская академическая грамматика [Mluvnice 1986: 200] относит к конверсии *в широком смысле*.

⁶ Высказано Ю. Балтовой в устной беседе.

болгарскими лингвистами [Балтова 2004]. Он относится к ряду клитик и тесно связан с третьим критерием. По мнению К. Гутшмидта, формации типа болг. *поп-звезда*, *рок-състав*, *екиън-филм* не являются синтаксическими сочетаниями прилагательного и существительного, поскольку это «бы привело к ревизии правил дистрибуции клитик», ср. указанные автором примеры: *известният състав*, *известният им състав*, *рок-съставът*, *рок-съставът им*, *тонфилмът*, *тонфилмът им*, *ключодържателят им* [Gutschmidt 2003: 351]⁷. Автор считает, что подобные формации не только в болгарском, но и в других славянских языках (например, русск. *авиабилет*, *автовокзал*, *дискотека*, *лесопроductы* и др.), являются композитами⁸.

6.1. Исходя из вышеперечисленных критериев, мы приходим к выводу, что нет оснований не принимать рассматриваемые К. Вачковой и В. Вачковым конструкции в болгарском языке за сложные слова (композиты). Установление грамматического статуса подобных конструкций в остальных славянских языках следует проводить прежде всего в рамках каждой национальной лингвистики. С нашей точки зрения, однако, образования, указанные Е. А. Земской, О. П. Ермаковой и З. Рудник-Карватовой, как и другие подобные формации в славянских языках, также являются сложными словами (композитами). Не случайно, как мы уже указали, большинство авторов рассматривает их именно так.

7.0. Мы разделяем композиты исследуемого типа на две группы. Первая включает единицы, содержащие две (или более) полнозначные основы, которые существуют и как отдельные слова. Производящие основы связываются между собой непосредственно, без соединительной гласной, причем в процессе сложения не наступает никаких формальных изменений (например, альтернации, слияния морфов и др.). Эти слова образованы посредством чистой композиции, без сопутствующей аффиксации. Такими являются, например, болг. *рокклуб*, *джазконцерт*, *бизнессреща*, *ретромузика*, русск. *бизнес-сообщество*, *интернет-проект*, *киносериал*, польск. *autoprzewóz*, *wideootwarzacz*, чеш. *autobotička*, *videofanoušek*, *sexnoviny* и др.

7.1. Вторая группа охватывает композиты, составленные из одной полнозначной основы, которая может функционировать как самостоятельное

⁷ Впрочем, ряд клитик (и место членной морфемы) является аргументом также и против рассмотрения подобных конструкций в болгарском языке как сочетаний двух имен существительных (речь идет об одном из типов словосочетаний), сравн. невозможные: **планина човекът ни*, **злато жената ти* и *рокконцертът им*, *техностилът ти*.

⁸ К композитам К. Гутшмидт относит и конструкции типа болг. *US-президент*, *БСП-лидер*; русск. *web-страница*; хорв. *tv-dvoboj* и т. п., которые, по нашему мнению, требуют более глубокого анализа в специальном исследовании и поэтому здесь не будут комментироваться.

слово, и первой или второй части — аффиксоида, который не функционирует самостоятельно, например, болг. *биовино*, *еврообединение*, *екопалто*, *наркосборище*, *досиегейт*, *чалгатека*; русск. *автодорога*, *биокарта*; польск. *biozabieg*, *ekorozwój*, *euromoda*, *telekopiarka*, *osamagate*, чешск. *ekozboží*, *euroměna*⁹, *narkostát*, *aférogate*, *vinotéka*.

7.1.1. Проблематика, связанная с аффиксоидами и производными единицами, которые они составляют, подробно рассмотрена нами в монографии «Словообразовательные тенденции имен существительных в болгарском и чешском языках в конце XX века» [Аврамова 2003], поэтому здесь мы представим свою позицию по этому вопросу в наиболее общем виде. Исходя из исследований [Martincová, Savický 1987], [Gazda 1990] и др.¹⁰, мы считаем, что аффиксоиды являются морфемно неопределенными компонентами, которые не могут быть окончательно причислены ни к корням, ни к аффиксам, а по форме, функции и значению находятся между ними. В зависимости от своей позиции по отношению к полнозначному компоненту в производном слове аффиксоиды делятся на препозитивные (префиксоиды и радикасоиды) и постпозитивные (суффиксоиды, например, болг. *-гейт*, *-лог*, *-ман*, *-тека*, *-холик*, *-холизъм* и др.). Граница между префиксоидами и радикасоидами в научной литературе не дефинирована точно. В качестве основного критерия их разграничения мы приняли оппозиции *предметное // непередметное*, *конкретное // абстрактное* значение. Радикасоиды (*авио-*, *био-*, *диско-*, *евро-*, *крими-*, *теле-* и др.) выражают предметное значение (в широком смысле), но намного более обобщенно по сравнению с истинными корнями. Префиксоиды (*анти-*, *вице-*, *макро-*, *мини-*, *супер-*, *топ-* и др.), в свою очередь, не имеют предметного значения, а выражают отношения (локативные, темпоральные, оценочные, количественные, противопоставления, иерархические), параметры (степень признака) и др. В этом они схожи с префиксами, которые также не имеют предметного значения.

7.1.2. Некоторые чешские дериватологи считают, что словообразование с участием аффиксоидов не может быть причислено ни к чистой деривации (префиксации или суффиксации), ни к чистой композиции ([Martincová, Savický 1987: 125], [Gazda 1990] и др.) и даже пытаются определить новые способы словообразования: *суффиксоидация* или *композиция суффиксоидного типа* (например, *dietologie*, *beatlemánie*), *пре-*

⁹ В цитированных примерах компонент *евро-* / *euro-* в значении 'европейский' рассматривается нами как омонимичный существительному *евро* / *euro* 'валюта Европейского союза'.

¹⁰ Наиболее полная библиография по этому вопросу представлена в [Аврамова 2003].

фиксоидация или *префиксоидная деривация* (*pseudomorálka*) и *композиция префиксоидного типа* (*autodráha, fotobuňka*)¹¹ [Gazda 1990: 112–113]. Все же большинство чешских дериватологов относит существительные, содержащие аффиксоиды, к сложным словам ([Martincová, Savický 1987], [Gazda 1990], [Janovec, Rangelova 2005] и др.), а именно к т. н. «аффиксоидным сложным словам» (*ařixoidální složeniny*) [Martincová, Savický 1987]. *Под аффиксоидными композитами мы понимаем композиты, составленные с участием радикасоидов и суффиксоидов. Производные слова, содержащие префиксоиды, мы причисляем к дериватам.*

7.1.3. Образование существительных, составленных из радикасоида и суффиксоида (болг. *телеман, видеоман*, болг. и чешск. *еврофил / eurofil*, чешск. *gratofil* и др.), показывает переходный характер обеих их составных частей. В отличие от корней, радикасоиды не могут связываться непосредственно с истинными суффиксами, а суффиксоиды не могут связываться с префиксами так же, как и невозможно непосредственное связывания префикса и суффикса. С другой стороны, радикасоиды и суффиксоиды могут связываться непосредственно с корнями или друг с другом, и этим они похожи на истинные корни.

7.2. Мы считаем, что оба типа композитов в болгарском языке (чистые композиты и композиты, содержащие аффиксоиды) должны писаться слитно (в определенных случаях через дефис), независимо от того, что, согласно последним правилам правописания [Нов правописен речник 2002], в некоторых случаях допускается и раздельное написание¹².

¹¹ По нашему мнению, в последнем случае речь идет о композиции с участием радикасоидов.

¹² Так, согласно словарю, композиты, составленные из двух и более основ, которые функционируют и как самостоятельные слова, могут писаться как слитно, так и раздельно, причем предпочтение отдается раздельному написанию, т. е. устраняется возможность дефисного написания (кроме случаев, когда «в качестве подчиненной основы использовано название буквы или сама буква», например, *алфа-стабилизатор, гама-лъч* и др.) [Нов правописен речник 2002: 45]. Но основания, ввиду которых допускается двойное написание композитов одного и того же типа, не являются лингвистическими: так, под влиянием традиции, некоторые композиты следовало бы писать слитно (*вакуумпарат, голлиния, концертмайстор, тонрежисьор, шабофицер* и др.), а под влиянием «ясно выраженной тенденции» в «письменной практике» – раздельно (*бизнес отношения, гей списание, дроб сарма, интернет страница, ски състезание, фитнес център, шкембе чорба* и др.). Из примеров видно, что раздельно, по мнению авторов словаря, следует писать не только новые, но и издавна существующие в болгарском языке композиты, которые до недавнего времени «по традиции» писались через дефис (*дроб-сарма, ски-състезание, шкембе-чорба*).

8.0. Вероятно, под влиянием мнения, что аналитизм выражается в нарастании неизменяемых лексических единиц, аналитическими способами словообразования признают те, «при которых внешняя форма используемых отдельных именных единиц не изменяется» [Мурдаров 1983: 10]. Таким, помимо конверсии, в большой степени считается префиксация, а также чистая композиция и композиция с аффиксоидами, поскольку при них не наступают формальные изменения компонентов, участвующих в образовании композитов.

8.1. Эта точка зрения, ставшая основой наших более ранних исследований [Аврамова 2003], была бы вполне приемлемой, если рассматривать аналитизм на уровне слова, в частности сложного слова (композиита). Как мы видели, такое мнение встречается в работах ряда исследователей — см. [Gazda 1990], [Земская, Ермакова, Рудник-Карват 1998], [Zemskaja, Ermakova, Rudnik-Karwatowa 1999]. Подобное понимание, однако, размывает границы между аналитизмом и агглютинацией, которая, как мы показали, не случайно часто считается одним из проявлений аналитизма в структуре производного слова. «Мнение, что аналитизм является распределением значения между морфемам, а не между словами, <...> приравнивает аналитизм и синтетизм к агглютинативности и флективности. Это сливает понятия, расширяет их объем и, следовательно, уменьшает силу их применимости как инструмента для более точного анализа языковой действительности. Более целесообразно (и более распространено) рассматривать аналитизм как свойство слов, а не морфем. <...> Очевидно, что как бы мы ни рассматривали аналитизм, одно значение выражается синтетически в рамках слова <...> и аналитически вне его рамок, но с его участием — посредством его сочетания с другими словами, служебными или нет, в определенной линейной последовательности или без нее» [Гешев 1990: 297].

8.2. Это означает, что аналитизм нельзя искать на словообразовательном уровне. Именно такую позицию занимает К. Гутшмидт. Исходя из типологической концепции Вл. Скалички, к аналитическим (в терминологии Скалички — «изолирующим») чертам языка К. Гутшмидт относит образование аналитических несвободных (лексикализованных) наименований, которые по сути относятся не к словообразованию (морфологическое словообразование — *Ц. А.*), а к более широкой области номинации. «Следовательно, тенденция к аналитизму имеет конечным результатом исчезновение морфологического словообразования (деривация и словосложение)» [Gutschmidt 2002]. Тогда к проявлениям аналитизма в области номинации следует отнести только «причисление полных слов без связи», например болг. *ръководител одити, дрехи втора*

употреба, русск. *коми язык*, а также и связывание полнзначных слов посредством предлогов (болг. *структури на властта*) или через падежные формы (русс. *дом отдыха*) — см. [Gutschmidt 2002], [Gutschmidt 2003: 343].

8.3. Соглашаясь с В. Скаличкой, К. Гутшмидт рассматривает образование композитов как полисинтетическую черту. Из представленных в работе [Gutschmidt 2003] примеров становится ясно, что автор имеет в виду *все* типы композитов: оформленные как по «традиционной модели», с соединительной гласной, так и без соединительной гласной; как полученные посредством чистой композиции, так и образованные смешанными способами, включая и композиты аффиксоидного типа.

8.4. Если под полисинтетизмом понимать связывание корней, то нет оснований не принять утверждение, что композитообразование является полисинтетической чертой. Когда в образовании сложных слов участвуют и другие элементы (аффиксы, интерфиксы, флексия и др.), существует смешение полисинтетических с агглютинативными и/или флективными чертами. Это очень хорошо показано в цитированном выше исследовании К. Гутшмидта [Gutschmidt 2003]. В нем автор очерчивает основные флективные, интрофлективные, агглютинативные, аналитические (изолирующие) и полисинтетические черты в словообразовании славянских языков конца XX века.

8.5. Под влиянием этого исследования и других публикаций (например, [Гешев 1990]) мы переосмыслили свое мнение об аналитизме, выраженное в монографии [Аврамова 2003]. Соглашаясь с тем, что аналитизм проявляется на уровне не отдельного слова, а сочетании слов, мы разделяем позицию К. Гутшмидта, что тенденция к аналитизму относится не к морфологическому словообразованию, а к более широкой области номинации. Мы принимаем выводы автора и о продолжающемся доминировании аффиксации как агглютинативной черты в славянском словообразовании, а также о нарастании роли композитообразования как проявления полисинтетизма.

8.6. С этой точки зрения создание композитов, содержащих аффиксоиды¹³, является, по нашему мнению, как полисинтетической, так и агглютинативной чертой: полисинтетизм — связывание корней, аффиксация — агглютинативная черта, а аффиксоиды — элементы, которые не могут быть причислены ни к корням, ни к аффиксам, т. е. занимают промежуточную позицию по отношению к обоим типам морфем.

9.0. В заключение мы солидаризируемся с лингвистами ([Гешев 1990], [Gutschmidt 2003]), которые скептически относятся к тезису о суще-

¹³ Имеются в виду радикалоиды и суффиксоиды.

ствовании глобальной тенденции перехода от синтетизма к аналитизму (предполагающей, что аналитическими могут быть только бывшие флективные языки). Как было указано, объем понятия аналитизма и, соответственно, аналитических черт, не уточнен (обзор трактовок аналитизма см., например, в [Гешев 1990]). Мы согласны с В. Гешевым, что аналитизм следует рассматривать как свойство слов, а не морфем. С этой точки зрения образование композитов посредством чистой композиции — черта не аналитизма, а полисинтетизма. Композитообразование с участием радикалоидов и суффиксоидов может считаться проявлением и полисинтетизма, и агглютинации.

Литература

- Аврамова Ц.* Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век. София, 2003.
- Аврамова Ц., Осенова П.* Отново по въпроса за границата между сложна дума и словосъчетание (през призмата на най-новата българска лексика) // Български език. 2003. № 1.
- Байрамова М.* Рец. на: A.Grannes. Loan Compounds in Bulgarian Reflecting the Turkish Indefinite Izafet-Construction. Oslo — Bergen — Troms, Universitetforlaget, 1980. 56 стр. // Съпоставително езикознание. 1982. № 4.
- Балтова Ю.* За границата между сложна дума и словосъчетание // Български език. 1971. № 2–3.
- Балтова Ю.* Двусъставни субстантивни конструкции в съвременния български книжовен език // Известия на Института за български език. Кн. XXVI. София, 1985.
- Балтова Ю.* Сложните съществителни имена (composita) и съвременните тенденции в славянските лексикални системи // Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka. 7. medzinárodná konferencia. Komisia pre výskum slovtvorby slovanských jazykov pri Medzinárodnom komitáte slávistov. Bratislava 27.9.–1.10.2004. (В печати).
- Вачкова К., Вачков В.* Словообразуване и аналитизъм. Типологична обусловеност на някои словообразователни процеси в съвременния български език // Славянска филология. Т. 22 (Доклади за XII международен конгрес на славистите. Краков, 1998). София, 1998.
- Георгиева Е.* Сложни съществителни в съвременния български книжовен език (с оглед предимно към по-нови образци) // Известия на Института за български език. Кн. XIII. София, 1967.
- Гешев В.* Аналитизъм, безпадежност, изолация, деграматикализация // Български език. 1990. № 4.
- Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология / Гл. ред.

- Ст. Стоянов. София, 1983.
- Гутимидт К.* Понятието тенденция в Пражката лингвистична школа и неговото значение за синхронното изучаване на славянските езици // *Slavica Pragensia ad tempora nostra: Konference ke 150. výročí založení stolice slovanské filologie na Karlově univerzitě*. D. 1. Praha, 1998[a].
- Гутимидт К.* Общие тенденции и специфические формы их реализации в современных славянских языках // *Jazykovedný časopis*. 1998[б]. Č. 1–2.
- Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Земская Е. А.* Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века. Часть 4 // Интернет-портал «Грамота.ру». 05.02.2001. — http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_55.
- Земская Е. А., Ермакова О. П., Рудник-Карват З.* Активные процессы в словообразовании современных славянских языков (на материале русского и польского языков) // *Славянские языковедение. XII Международный съезд славистов (Краков, 1998): Доклады российской делегации* / Отв. ред. О. Н. Трубаев. М., 1998.
- Костомаров В. Г.* «Изафет» в русском синтаксисе словосочетания? // *Словарь. Грамматика. Текст* / Отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. М., 1996.
- Левонтина И.* Непорядок слов: О влиянии рекламы на грамматику // Интернет-портал «Стенгазета.net». 12 октября 2005. — <http://www.stengazeta.net/article.html?article=521>.
- Мурдаров В.* Съвременни словообразователни процеси. София, 1983.
- Нов правописен речник на българския език. София, 2002.
- Панов М. В.* Об аналитических прилагательных // *Фонетика. Фонология. Грамматика: К семидесятилетию А. А. Реформатского*. М., 1971.
- Правописен речник на съвременния български книжовен език. София, 1983.
- Русская грамматика Т. I–II.* / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
- Русский язык и советское общество. Т. 2. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Т. 3. Словообразование современного русского литературного языка* / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.
- Bozděchová I.* Tvoření slov skládáním. Praha, 1994.
- Gazda J.* Integrace cizojazyčných prvků v slovní zásobě současné ruštiny a češtiny: na materiálu substantivních neologismů: Disertační práce. Brno, 1990.
- Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Wyd. 2, zmienione* / Red. R. Grzegorzczkova, R. Laskowski, H. Wróbl. Warszawa, 1998.
- Gutschmidt K.* Типологически тенденции в областта на българското словообразуване. Рукопись. (Раздел «Номинация / Словообразование» в рамках проекта «Komparacja systemowa i funkcjonalna języków słowiańskich 1945–1995»).
- Gutschmidt K.* Типологични тенденции // *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja* / Red. nauk.

- I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Janovec L., Rangelova A.* Suffixoidy a suffixoidní lexémy u substantivních kompozit // Neologizmy v dnešní češtině. Praha, 2005.
- Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Martincová O., Savický N.* Hybridní slova a některé obecné otázky neologie // Slovo a slovesnost. 1987. Č. 2.
- Mluvnice češtiny. D. 1. Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov. Praha, 1986.
- Waszakowa K.* Przejawy tendencji do internacjonalizacji w systemach słowotwórczych języków zachodniosłowiańskich // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Waszakowa K.* Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa, 2005.
- Zemskaja E. A., Ermakova O. P., Rudnik-Karwatowa Z.* Tendencje rozwojowe w słowotwórstwie języka polskiego i rosyjskiego końca XX stulecia // Slavia. 1999. Č. 1.

Г. П. Нецименко (Москва)

Тенденция языковой экономии как фактор динамики литературной нормы

Термин «языковая экономия», довольно часто встречающийся в современной лингвистической литературе, вошел в научный обиход вслед за трудом А. Мартине «Основы общей лингвистики» ([Martinet 1960], [Мартине 1963]). По мнению ученого, возникновение этого феномена, являющегося «движущей силой языковых изменений», обусловлено наличием постоянного противоречия между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия (ср. [Мартине 1963: 532–533]).

К сожалению, некоторые ученые, пользующиеся этим термином, фокусируют свое внимание лишь на мотивационной (не вполне бесспорной, на наш взгляд) части концепции Мартине («стремление человека свести к минимуму свои умственные и физические усилия»). По этой причине они несколько упрощенно понимают суть феномена языковой экономии, рассматривая его лишь как механическое сокращение вербальной материи¹. На деле структурная редукция — это всего лишь «верхушка айсберга», доступная зрительному восприятию. В действительности данная процедура сопровождается важной лексико-грамматической и семантико-стилистической трансформацией (изменением частеречной принадлежности, сгущением, компрессацией передаваемой информации и пр.).

В качестве классического примера проявления тенденции языковой экономии обычно приводятся так называемые *универбы*, т. е. компактные одно-

¹ Так, один из славистов, рекомендуя для употребления в славянских языках гибридные обозначения типа *бизнес-форум*, *бизнес-школа*, *бизнес-вестник*, *бизнес-дама*, *бизнес-корреспонденция*, *бизнес-партия* и пр., мотивировал это тем, что они, с одной стороны, широко используются в английском языке; с другой, *функционально удобны, так как коротки, а значит, соответствуют тенденции к языковой экономии* (выделено нами — Г. Н.), выразительны и однозначны, широко способны сочетаться с различного рода отечественными языковыми средствами. Автор этого высказывания даже упрекает языковедов в том, что, противясь широкому внедрению подобных структур в славянские языки, они-де напрасно «морочат себе голову над их формальными странностями, не поддающимися общепринятой классификации» (выходные данные этой работы не приводятся, так как она известна нам лишь в рукописи).

словные номинации, соотносимые с адекватными, менее компактными, описательными, мультивербальными обозначениями; ср. русск. *нейтралка* < *нейтральная полоса*; *обменка* / *обменник* < *обменный пункт*; *многократка* < *многократная виза*; *однократка* < *однократная виза*; *противоугонка* < *противоугонное средство*; *альтернативка* < *альтернативная служба*; чешск. *jazykovka* < *jazyková škola*; *kazeták* < *kazetový magnetofon*; *panelák* < *panelový dům* и т. д. В этих и других подобных случаях действительно происходит сокращение вербальной материи, однако информация, содержащаяся в «усекаемой» части описательной номинации, не исчезает, а инкорпорируется в новую номинацию в несколько трансформированном виде, причем она может либо смещаться на *глубинный* уровень, либо выходить на более *высокую* ступень абстракции, манифестируемую субстантивным суффиксальным формантом — к этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Примером сокращения вербальной материи могут служить и факты произвольного усечения структуры производящего слова, отмечаемые при образовании сленговых обозначений, в детской речи и т. п., ср. чешск. *učitelka* > *uča*, *učka*; *matematika* > *matika*; *profesor* > *prófa*; *gymnázium* > *gympl*; *zmrzlina* > *zmrzka*; *resuscitační oddělení* > *resu*; *počítač* > *poč*; русск. *компроат* > *компрá*; *заявление* > *заява*; *объявление* > *объява*; *учительница* > *училка*; *ветеринар* > *вет*; *мерседес* > *мерс*; *университет* > *универ*; *отмывание* (денег) > *отмыв*; *абитуриент* > *абиту́ра* и мн. др. Впрочем, и здесь структурная трансформация сопровождается появлением дополнительных смысловых новаций — в частности, переосмысливается стилистическая принадлежность слова, возникает специфическая экспрессивная окрашенность и т. д.

Так или иначе, сводить суть языковой экономии лишь к формальной процедуре сокращения вербальной материи было бы ошибочно. В противном случае порождаемый текст, очевидно, мог бы состоять из одних аббревиатур и условных обозначений, для расшифровки которых понадобились бы, впрочем, вербальные пояснения², практически сводящие на нет эффективность сокращения языковой материи.

² Ср. русск. *сработало СБУ – самодельное взрывное устройство* (Новая газета. 2002); *ПОРТОС – это странноватая молодежная организация, в дословной расшифровке: «Поэтизированное объединение разработки теории общенародного счастья»* (Новая газета. 2002); *...пытаются убедить власть и общество дать согласие на ввоз в Россию отработанного ядерного топлива (ОЯТ)* (Новая газета. 2001); *Я-то считаю, что у нас сейчас нет творческой элиты. Есть элиточка, элитеночка, жалкая и беспринципная. Принадлежащая к партии КВД – Куда ветер дует* (из интервью актрисы М. Мироновой – Известия. 1994); чешск. *Současná krize je podle odborového předáka krizí neoliberálních koncepcí v hospodářství. V této souvislosti kritizoval Národní ekonomickou radu vlády (NERV), kterou podle něj tvoří «mnozí z těch, kdo neoliberální koncepty prosazovali»* (Aktuálně.cz. 2009) и мн. др.

Примером языковой экономии является и семантическое словообразование, позволяющее передать новую информацию без чрезмерного разрастания языковой материи, т. е. путем повторного использования уже существующих языковых знаков³. В связи с тем, что данный феномен достаточно хорошо описан и исследован, мы ограничимся лишь несколькими примерами, сопровождая их небольшим комментарием; ср.: *вертушка* ‘непоседливое существо, обычно о женщине’ / ‘вертолет’ / ‘телефон правительственной связи’; *сотка* ‘сотая часть гектара’ / ‘сотовый телефон’ (неологизм); *сделка* ‘сдельная оплата за труд’ / ‘деловая договоренность, соглашение’ и др. Ср. также чешское *ekoložka*, которое одновременно может обозначать и женщину-эколога, и билет на экологически чистый вид транспорта, т. е. билет для проезда на метро, трамвае, троллейбусе, но не на автобусе, который загрязняет окружающую среду [NSČ]. Приведем ниже некоторые контексты: *rok 1998 byl velmi úspěšný pro českou dceru Andersen Consulting* (Euro. 1999); *Как «дочка» Газпрома чуть не породнилась с дочкой индонезийского штиона* (подзаголовок очерка — Новая газета. 2002) и др.

Ограниченность объема статьи заставляет нас привести лишь небольшую выборку из имеющегося в нашем распоряжении материала, иллюстрирующего значимость тенденции языковой экономии.

За прошедшие со времени публикации труда А. Мартине годы (точной отсчета является французское издание 1960 г.) был накоплен большой фактический материал, позволяющий не только рассмотреть идею учебного в новом ракурсе, но и по достоинству оценить значимость тенденции языковой экономии для развития системных закономерностей языка, в том числе и для эволюции литературной нормы.

Проблема языковой экономии по всей своей сути является *комплексной и многоаспектной*, вбирающей в себя целый набор важных теоретических и практических задач. Признавая ее значимость, нельзя, однако, не учитывать и того, что действует она не «в одиночку», а в тесной взаимосвязи с другой тенденцией, находящейся с ней в диалектическом противоречии. Мы имеем в виду *противонаправленную* тенденцию *языкового варьирования*, стимулирующую разрастание вербальной материи, в том числе за счет увеличения количества *изофункциональных* языковых средств; ср. чешск. *jazzista, jazzman; internetér, interneták, internetista*; также *letuška, stewardka, palubní průvodčí* и др.; русск. *рекламист, рекламник, рекламищик; вертолет, вертушка; перестроечник, перестройщик; рэкетир, рэкетёр, рэкетист; интернетчик, интернетист* и т. д.

³ См. по этому поводу [Karcevskij 1929].

Способность к варьированию является универсальным свойством языковой материи, обусловленным действием как внутренних, т. е. имманентных закономерностей языковой системы, так и экстралингвистических факторов, в частности социальной природой языка, его функционированием в качестве коммуникативного средства в рамках определенного, достаточно пестрого по своему составу социума.

Для тенденции языковой экономии наличие изофункциональных номинаций является в известном смысле питательной средой. В ходе их селекции происходит обновление, «санация» вербальной материи⁴, устраняются избыточные, дублирующие, в том числе и устаревающие изофункциональные наименования и деривационные средства. Тем самым тенденция вариативности, в сущности, подготавливает почву для возникновения языковой экономии. Противоборство обеих тенденций позволяет не только удерживать вербальную материю в состоянии равновесия, в ходе его создаются предпосылки для ее оптимального функционирования и развития, для установления столь необходимого баланса между номинационными и информационно-коммуникативными потребностями социума.

* * *

Тенденция языковой экономии отличается широтой диапазона действия, включающего как разные уровни языковой системы, так и разные части речи (существительные, прилагательные, наречия, глаголы). Особый интерес представляет изучение влияния данной тенденции на закономерности функционирования и развития номинационной и словообразовательной систем славянских языков, их внутреннее структурирование и динамику, причем объектом наблюдения могут служить деривационные единицы разного уровня обобщения, включая и словообразовательные категории. В связи со сказанным большую ценность представляют результаты сопоставительного изучения славянских языков, использующих в своей номинационной практике богатейший, во многом уникальный словообразовательный потенциал.

Следует также иметь в виду, что тенденция языковой экономии относится к числу лингвистических феноменов, развертывающихся *во времени*. Это значит, что для выявления результатов ее действия необходи-

⁴ Так, например, из варьирующихся обозначений журналистов *новостник* / *новостийщик*, а также *информационник* / *информационщик* чаще употребляются *новостник* и *информационщик*; соответственно в паре *пиаровец* / *пиарщик* более высокую частотность имеет *пиарщик*; среди конкурирующих дериватов *spiklenkyně* и *spiklenka*; *oblíbenka* и *oblíbenkyně* более употребительными являются *spiklenka* и *oblíbenka*.

мо определенное временное пространство, величина которого зависит от степени динамичности исследуемого фрагмента языковой системы. Так, если предметом рассмотрения являются языковые процессы с *замедленной* динамикой, для достижения поставленной цели оказывается необходимым подключение данных *диахронного* изучения, т. е. сопоставления сменяющих друг друга синхронных срезов. И, напротив, при *активной* динамике вербального материала фиксируемые сдвиги и изменения становятся очевидными в рамках *одного и того же* хронологического среза, т. е. речь идет о проявлениях *синхронной* динамики.

Проведенные исследования полностью подтверждают правильность тезиса о *неравномерности* темпа развития как отдельных языков (в том числе и близкородственных), так и разных уровней системы одного и того же языка [Нецименко 1983].

Основным инструментом реализации тенденции языковой экономии является *конкуренция*, в ходе которой осуществляется селекция изофункциональных номинаций, устраняются номинации избыточные.

Поскольку появление изофункциональных номинаций обуславливается, как отмечалось выше, действием тенденции варьирования языковой материи, можно утверждать, что и предпосылки к возникновению конкурентных отношений зарождаются в ее же недрах [Нецименко 1986]. Иными словами, феномен языковой конкуренции возникает на стыке двух важнейших тенденций: варьирования языковой материи и языковой экономии.

О возникновении конкурентной ситуации можно говорить тогда, когда в некоторых точках языковой системы появляются, причем в рамках одного и того же синхронного среза, более или менее множественные очаги скопления изофункциональных средств. Отличаясь по своему внешнему оформлению (манифестация форманта), они идентичны в семантическом и стилистическом отношении, т. е. могут заменять друг друга в тексте без ущерба для содержащейся в нем смысловой и стилистической информации.

Рассматривая подобные очаги скопления дублетов через призму тенденции языковой экономии, не трудно прийти к выводу о том, что сам факт их существования — явление избыточное. И действительно, манифестирующие их номинации или же деривационные средства в конечном итоге либо вытесняются из употребления, либо разграничиваются по сфере своего использования. Ср. по этому поводу высказывания Б. Трнки и Ш. Балли: «В языке не могут существовать две различные формы, имеющие одну и ту же функцию. Две древнечешские формы *řeka* и *řeka*, обозначающие ту же самую реалию ('река'), не могут сохраняться в языке одновремен-

но, одна из двух должна исчезнуть. Когда одна и та же идея или же отношение с тем же самым смысловым и аффективным содержанием передавались по фонетическим соображениям или же вследствие диалектного различия двумя вариантами, действовала тенденция употребления каждого варианта с оттенком. В противном случае один вариант должен был исчезнуть» [Trnka 1964: 71]; «Две заменяющие формы <...> должны представлять, помимо тождества значений, полную разнородность означающих и абсолютное тождество функций. Редко случается, чтобы эти условия удовлетворялись одновременно» [Балли 1961: 198].

Факт аккумуляции в тех или иных точках системы изофункциональных номинаций, как правило, сигнализирует возникновение в языковой системе очагов напряжения и повышенной динамичности. В силу этого их тщательная локализация, каталогизация и по возможности эксплицитная интерпретация имеет большую прогностическую ценность. Именно конкуренция, приводящая к размежеванию дублетов, позволяет смягчить или даже устранить возникающую напряженность в системе.

В ходе многолетнего изучения феномена конкуренции ([Нещименко 1960], [Нещименко 1968], [Нещименко 1980], [Нещименко, Гайдукова 1994], [Нещименко 1999] и т. д.) мы имели возможность убедиться в исключительной важности этого явления для понимания специфики функционирования языковой материи, характера и темпа ее изменения. Можно лишь удивляться тому, что оно до сих пор изучено недостаточно и фрагментарно. Причину этого можно усматривать в трудности обнаружения случаев конкуренции, в отсутствии разработанной методики разграничения варьирующихся обозначений, которая бы позволяла достоверно установить, имеем ли мы дело с дублетами или же с синонимами, зафиксированными в рамках одного и того же синхронного среза.

Необходимым условием для возникновения словообразовательной конкуренции является сосуществование в едином временном пространстве идентичных в семантическом и стилистическом отношениях производных, соотносимых с одной и той же производящей основой и отличающихся друг от друга только видом форманта. Нарушение этих условий незамедлительно влечет за собой прекращение конкуренции.

Для того чтобы зафиксировать факты конкуренции и проследить направление этого процесса, необходим большой языковой материал, извлекаемый не только из словарей, но и непосредственно из текстов. Так, при рассмотрении конкуренции суффиксов $-\text{Ø}k(a)$ / $-kyn(\dot{e})$ / $-yn(\dot{e})$ в литературном чешском языке нами было обследовано 160 случаев конкуренции феминативов, из них в 127 была зафиксирована сильная позиция суффикса $-\text{Ø}k(a)$, в 10 – $-kyn(\dot{e})$ или же $-yn(\dot{e})$; в 23 – исход борь-

бы остался неясен [Нецименко 1960]. У суффиксов *-Øk-* и *-ik-* (nomina deminutiva м. р.) было проанализировано 245 случаев конкуренции данных формантов, из которых в 122 более конкурентоспособным оказался суффикс *-Øk-*, в 78 в более сильной позиции оказался *-ik-*, в 45 — процесс остался незавершенным [Нецименко 1980].

Конкуренция — явление, возникающее в рамках одного и того же *синхронного* среза, в определенном смысле это *сиюминутное* состояние, которое в скором времени завершается размежеванием дублетов. В связи с этим для исследователя чрезвычайно важно «поймать» момент сосуществования дублетов. Следует, однако, учитывать, что, оставаясь в рамках синхронного рассмотрения, мы можем лишь «нащупать» направленность *синхронной динамики*. Получить достоверную информацию о том, какой из хронологически совмещенных конкурентов имеет наибольшую перспективу выживания, включения в состав литературной нормы, весьма трудно.

Приведем некоторые примеры словообразовательных гнезд, включающих в современном чешском языке конкурирующие феминные номинации: *dramaturg – dramaturgyně, dramaturžka* [ASCS], *dramaturg – dramaturgyně, řidč. dramaturžka* [SSJČ]; *dramaturgyně nebo dramaturžka* [Pravidla 1957]; *dramaturgyně i dramaturžka* [Pravidla 1993]; *chirurg – chirurgyně, chirurgžka* [ASCS]; *chirurg – chirurgžka, chirurgyně* [SSJČ]; *chirurg – chirurgžka i chirurgyně* [Pravidla 1993] (опрос носителей языка также показал предпочтительность *chirurgžka*); *chirurg – chirurgyně nebo chirurgžka* [Pravidla 1957]; ср. в контексте: *s lékařkou-chirurgyní jsme se seznámili* (Vlasta. 1972. Письмо читателя); *Už moje prababička byla první lékařkou v Gruzii, a dokonce chirurgžkou.* (Vlasta. 1972. Интервью, речь собеседника).

На ранних этапах существования литературного языка, когда его норма еще не вполне стабилизировалась, кодификация обычно не имеет строго регламентирующего характера, она допускает более широкий набор изофункциональных вариантов, т. е. применяется как бы метод «проб и ошибок» (это отчетливо прослеживается в словаре Й. Юнгмана). Так, в чешском языке XIX, отчасти также XX в. феминативы от nomina agentis на *-tel* могли образовываться путем присоединения конкурирующих суффиксов *-ka* и *-kyně*; ср. *obyvatel – obyvatelka, obyvatelkyně, spisovatel – spisovatelka, spisovatelkyně; učitel – učitelka, učitelkyně* (ср. контекст XIX в.: *najaly se učitelkyně i učitelové*. В. Němcová. Báchorky); *vychovatel – vychovatelka, vychovatelkyně* и пр. Позднее дериваты с *-kyně* практически полностью вышли из употребления. В современном чешском языке данные лексемы практически не регистрируются словарями либо приводятся с ограничительными пометами. Ср. *ctitel: ctitelka, ctitelkyně* [J]; *ctitelka,*

†*ctitelkyně* [PS]; *ctitelka*, *poněkud zastaralé ctitelkyně* [SSJČ]; *obyvatel*: *obyvatelka*, *obyvatelkyně* [J]; *obyvatelka*, †*obyvatelkyně* [PS]; *obyvatelka* [SSJČ]; *překladatel*: *překladatelka*, *překladatelkyně* [J]; *překladatelka*, *překladatelkyně [PS]; *překladatelka* [SSJČ]; *spisovatel*: *spisovatelka*, *spisovatelkyně* [J]; *spisovatelka*, †*spisovatelkyně* [PS], [SSJČ]; *učitel*: *učitelka*, *učitelkyně* [J]; *učitelka*, †*učitelkyně* [PS], [SSJČ]; *vychovatel*: *vychovatelka*, *vychovatelkyně* [J]; *vychovatelka*, †*vychovatelkyně* [PS], [SSJČ].

Таким образом, для установления результатов конкурентной борьбы целесообразно привлекать данные *диахронного* сопоставления сменяющихся друг друга *синхронных* срезов. При этом прослеживается закономерность: чем выше частотность употребления тех или иных слов, тем быстрее протекает поляризация формантов по степени их продуктивности ([Нещименко 1960], [Dokulil 1962]), тем быстрее отсеиваются дериваты с менее жизнеспособными суффиксами.

В связи со сказанным возникает вопрос о направленности кодификационной деятельности, а именно: должен ли кодификатор намеренно ускорять ход конкуренции, производя целенаправленную селекцию дублетов и, следовательно, сознательно *вмешиваться* в языковое развитие. Или же, напротив, ему следует занять выжидательную позицию, позицию стороннего наблюдателя. Именно эту проблему ставит в своей статье Д. Буттлер [Buttlerová 1979: 37–38], являвшаяся сторонницей активного вмешательства лингвиста в языковую футурологию, языковую «инженерию». По ее мнению, необходимо планомерно направлять функционирование литературного языка, принимая во внимание актуальные потребности общества. Как нам представляется, ориентация лишь на «потребности общества» в этом случае вряд ли должна играть решающую роль. Успешность лингвистического прогнозирования во многом зависит от детального изучения внутриязыковых закономерностей и традиций употребления, привлечения данных не только синхронии, но и диахронии. Усатривая взаимосвязь между языковой динамикой и вариантностью языковой материи, чешский ученый Вл. Барнет справедливо отмечал, что *диахронная* вариантность проявляется в вытеснении одного языкового явления другим, в то время как *синхронная* предполагает изучение конкуренции сосуществующих языковых явлений [Barnet 1981: 123].

Тенденция языковой экономии оказывает влияние и на внутреннее структурирование словообразовательных категорий. Так, исследование словообразовательной категории деминутивных существительных позволило прийти к выводу о том, что строение ее суффиксального центра регулируется действием двух основных правил, в основе которых также находится тенденция языковой экономии. Мы имеем в виду правило

достаточности, регулирующее *состав инвентаря* формантов, и правила *избыточности*, регулирующего *эволюцию инвентаря* формантов [Нецименко 1980].

В результате действия «правила достаточности» в состав центрального ядра данной категории входят форманты, дистрибутивные параметры которых оптимально соответствуют типовым контактными зонам производящих лексем. В соответствии с этим центральное место в системе занимают два форманта с вокальным и консонантным зачином, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции. Взятые в совокупности, они обеспечивают возможные комбинаторные ситуации⁵.

Правило *избыточности* регулирует *эволюцию* состава формантов, относящихся к центру деминутивной деривационной системы. Согласно этому правилу, из состава суффиксального центра в ходе конкуренции вытесняются форманты-«дублиеры», комбинаторика которых совпадает с комбинаторикой более продуктивных суффиксов. Мы имеем в виду отношения, сложившиеся между суффиксами *-Øk-* и *-Øc-*, имеющими идентичные дистрибутивные параметры: оба они принадлежат к одному и тому же типу консонантных суффиксов. В результате прошедшей конкуренции суффикс *-Øc-* в деминутивной словообразовательной категории «узурпировал» деминутивное словопроизводство у существительных мужского рода (89%), очень сильны его позиции в женском роде. У существительных среднего рода он несколько уступает суффиксу *-i(i)čØk-*. У деминутивов женского рода суффикс *-ičØk-* вытеснил *-ic(e)*, имевший сходную дистрибуцию.

В ходе исторической эволюции данной словообразовательной категории изначально *трехформантный* центр стал *двухформантным*, т. е. более компактным, не утратив при этом ни своей дистрибутивной самодостаточности, ни способности к обновлению. Выявленные закономерности формирования центра впоследствии были полностью подтверждены на материале семи суффиксальных словообразовательных категорий (*nomina agentis*, *nomina actoris*, *nomina attributiva*, *nomina loci*, *nomina mota*, *nomina deminutiva et meliorativa*, *nomina essendi*) в чешском, русском, болгарском, сербохорватском, отчасти также в польском и словацком языках [Нецименко 1983], [Нецименко, Гайдукова 1994].

Явление конкуренции может наблюдаться и на более высоких уровнях деривационной системы, в частности на уровне способа словообразования. На протяжении XIX и XX вв. в чешском литературном языке префиксальный способ образования прилагательных со значением осла-

⁵ Нельзя не отметить, что в чешском языке данная словообразовательная категория имеет практически не лимитируемый состав производящих основ.

бленного признака был постепенно вытеснен способом префиксально-суффиксальным. Причем в словарях XIX в. префиксальные дериваты еще можно встретить; ср. *přístary*; *přihluchý*; *náměkký*; *nášedivý* [J] и пр. ('слегка глухой, глуховатый' и пр.). Позднее они приводятся лишь изредка и, как правило, с ограничительными пометами: **nateplý* [PS], [SSJČ]; **nášikmý* [PS], [SSJČ]. Конкуренция префиксально-суффиксальных и префиксальных дериватов в истории чешского литературного языка завершилась полным угасанием словообразовательной активности последних. В результате прошедшей конкуренции прилагательные указанной семантики в современном чешском литературном языке образуются главным образом посредством сложной, окаймляющей, префиксально-суффиксальной морфемы (*pobledlý*, *narůžovělý*, *nafialovělý*) или же в определенных ситуациях (цветовые обозначения) с помощью суффикса *-av-*: *bělavý*, *červenavý* и пр. В остальных славянских языках для этой цели используются в основном суффиксы [Нещименко 1968].

* * *

В заключительной части статьи остановимся на проявлениях *синхронной динамики* при реализации тенденции языковой экономии. В этой связи могут быть выделены следующие типы номинаций (некоторые из них рассматривались выше):

— номинации с *явно* выраженной семантической конденсацией (универбы), *сопровождаемой* соответствующей структурной модификацией;

— номинации с *латентной* семантической конденсацией, *не сопровождаемой* структурной модификацией (например, факты полисемии, т. е. повторного использования одного и того же знака для передачи иного значения), но выявляемой с помощью контекста; ср. русск. *челнок* 'рабочий орган ткацкого станка' // 'торговец, индивидуально ездящий, снующий, как челнок, туда-сюда, за покупкой товаров для их последующей реализации', и пр.);

— номинации с различного рода усечениями структуры слова (включая замену способа словообразования, использование аббревиатур, смену первоначального суффикса на более короткий и пр.), *не сопровождаемые* семантической конденсацией (ср. стилистически сниженные, экспрессивные, сленговые и прочие обозначения (примеры приводились выше)).

Для большинства славянских (а отчасти и неславянских) языков суффиксальная универбизация является высокопродуктивным семантико-словообразовательным приемом. Приоритетное право в разработке и систематизации явлений семантической конденсации и — опосредованно — языковой экономии, несомненно, принадлежит А. В. Исачен-

ко (ср. [Isačenko 1956], [Isačenko 1958], [Исаченко 1958]), увидевшему в универбизации средство решения диалектического противоречия между двучленностью исходного обозначения и единством его семантического содержания.

Приток большого количества универбов в современный литературный узус и, в частности, в язык СМИ во многом объясняется возрастающим влиянием разговорного языка, в котором данная словообразовательная процедура применяется чрезвычайно широко. Не менее важны и информационно-коммуникативные стимулы, так как использование компактных по своей структуре универбов позволяет увеличить информационную емкость каналов коммуникативной связи. Легкая «вживляемость» универбов в литературный узус, их очевидная органичность имеют и свое лингвистическое обоснование: их образование соответствует закономерностям славянской словообразовательной системы. Дело в том, что они *типологически* сходны с исконными суффиксальными дериватами, причем в основе тех и других находится, в сущности, идентичная словопроизводственная схема. Неслучайно поэтому столь нелегко провести четкую грань между универбами и «классическими» суффиксальными дериватами⁶.

Как «классические» суффиксальные дериваты, так и универбы представляют собой «свернутые» структуры. У универбов, однако, словопроизводственная взаимосвязь с исходным мультивербом отмечается в одном и том же временном пространстве, т. е. в *синхронии*, что наглядно подтверждается контекстом; ср. русск. *бивалютка* и *бивалютная корзина* (Русская служба новостей. 2009); *скандал с миноритарными акционерами*. *Обиженные миноритарщики высказывались дипломатично* (Новая газета. 2002); *Инцидент по поводу беспилотника, сбитого в Грузии. Сбитый беспилотный самолет...* (Эхо Москвы. 2008. Новости); чешск. *Neziskové organizace. Neziskovky se provozování této služby ujali jako první* (Lidové noviny. 2001); ср. также в текстах разных изданий, в том числе и в Интернете: *kandidátní listina* и *kandidátka*; *realitní kancelář* и *realitka*; *primární volby* и *primárky*; *cestovní kancelář* и *cestovka*; *realitní kancelář* и *realitka*; *akciová společnost* и *akciovka*; *atomová elektrárna* и *atomovka* и др. Приведем выборочно контексты из электронных

⁶ Например, русское *страховка* может интерпретироваться и как универб (по отношению к *страховой полис*), и как суффиксальный дериват, соотносимый со *страховать*. Примечательна адаптация этого слова в речи служащего чешского консульства: *strachovkář* ‘лицо, продающее страховые полисы у здания консульства’. Аналогом лексем *страховка*, *страхование* в чешском языке является *pojištění*, например, *zdravotní pojištění* и пр.

версий изданий: (в заголовке) *Spartě hrozí disciplinárka, pokud nasadí Kadlece*; (в тексте статьи) *Sparta Praha se podle ředitele reprezentačního úseku fotbalového svazu vystavuje hrozbě disciplinárního řízení* (Lidovky. cz. 2009); (в заголовке) *Lidé se chtějí realitce vyhnout, potvrzují makléři*; (в тексте статьи) *Přestože portál bezrealitky.cz nabízí koncentrovanou nabídku prodejů a pronájmů bez využití služeb realitní kanceláře, tak docela bezplatné všechny služby serveru nejsou*.

Суть деривационного механизма, используемого, например, при образовании суффиксального универба типа *беспилотник*, заключается в усечении *определяемой* лексемы *самолет* (при сохранении большинства ее грамматических показателей⁷) и замене ее на соответствующую словообразовательную морфему с идентифицирующей функцией — суффикс *-ник(Ø)*. Определяющий компонент *беспилотный*, функционирующий в качестве производящей основы универба, является ономаσιологическим *признаком*, вбирающим в себя концентрированное лексическое значение; деривационный формант, выступая в роли ономаσιологической *базы*, идентифицирует принадлежность производной лексемы к определенному понятийному классу (ср. [Dokulil 1962: 29–49]).

У «классических» суффиксальных производных процедура свертывания как бы скрыта от глаз, относится к *диахронии*, ее фазы *разведены* во времени, соответственно, определяемый компонент манифестируется не лексемой, а конструктом, служебной единицей (суффиксом). Практически любой дериват генетически восходит к описательной, чаще всего бинарной, конструкции или же может быть интерпретирован с ее помощью ([Rozwadowski 1904], [Łoś 1910]); ср. русск. *учитель* = *тот, кто учит*; *певец* = *тот, кто поет*; *лжец* = *тот, кто лжет*; *учительница* = *та, кто учит* // *та, которая является учителем*; польск. *śpiewak* = *ten, kto śpiewa*; чешск. *zpěvák* = *ten, kdo zpívá* и т. д. Подобные синтагматические соответствия во многом стали основой логико-синтаксической теории В. Дорошевского и его последователей, намного опередившей теорию падежной грамматики.

⁷ Универбизации может сопутствовать изменение грамматических показателей (рода, числа и пр.): русск. *маршрутное такси* – *маршрутка*; *неучтенные доходы* – *неучтенка*; *противоугонное средство* – *противоугонка*; *горючесмазочные материалы* – *горючка*; чешск. *pedagogická vysoká škola* – *pedák*; *sametová revoluce* – *sameťák*; *slepé střevo* – *slepák*. Введение на радиостанции «Русская служба новостей» постоянной интерактивной рубрики «Пробки на дорогах» наглядно иллюстрирует использование универбов от названий московских улиц, причем как в речи водителей, так и журналистов, ведущих передачи, ср.: *Минка* – *Минское шоссе*; *Ленинградка* – *Ленинградский проспект*; *Дорогомилровка* – *Дорогомилковская улица* и пр.

Наличие у универбов разговорного «шлейфа» воспринимается многими исследователями как препятствие для их использования в литературном узусе. Это отчасти справедливо. Так, мультивербы чаще встречаются в нейтральной авторской речи, в заголовках статей, в официальных названиях и пр., универбы — в речи диалогической, более непринужденной: *...Хозяйка, это не по моей части, у вас стиралка течет — и принялся чинить стиральную машину* (Новая газета. 2001).

Нельзя, однако, не учитывать, что за последние десятилетия вербальный стандарт публичной речи, равно как и действующие кодификационные предписания значительно изменились в направлении «массовизации», «усреднения» [Нецименко 2001]. Это, несомненно, способствует усилению притока элементов разговорной речи, в том числе и универбов.

Вхождение универбов в литературный узус, а главное, их последующее освоение в нем происходит постепенно. Вначале они включаются в текст в сопровождении разъясняющей развернутой номинации, как бы выводящей их «в свет» («номинация-поводырь»); ср.: *Сашка брал немца в танкетке, находящейся в нейтральной полосе. Очень важно, чтобы зритель представлял протяженность нейтралки* (Литературная газета. 1984); *В июне прошлого года решили пугнуть тех, кто занижал усредненную величину таможенных платежей. Ввели в аэропортах обязательный осмотр всего груза, если «усредненка» меньше \$2 за кг* (Новая газета. 1999) и пр.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении обширного материала позволяет сделать несколько выводов о характере функционирования универбов в современном литературном узусе:

- универбы имеют довольно высокую частотность употребления;
- возрастание частотности предопределяет ускоренную адаптацию универбов, нейтрализацию их стилистической маркированности («олитературивание»), что отчетливо проявляется во включении их в репрезентативные фрагменты текста, например, в заголовки статей (хотя нельзя не учитывать и намеренного эпатажа некоторых заголовков) и пр.;
- факт активного «втягивания» универбов в литературный узус отмечают практически все исследователи, изучавшие данный феномен;
- в сферу универбизованного словопроизводства активно вовлекаются новые лексические пласты, в том числе и заимствования;
- сфера использования универбов весьма широка: они отмечаются в речевом стандарте устной, письменной (ныне в основном электронной) публицистики, в том числе и в Интернете. При этом универбы встречаются не только в речи персонажей, но и в авторской речи, которая в стилистическом отношении является более корректной и нейтральной.

Как уже отмечалось ранее, основная причина столь легкой адаптируемости универбизованных номинаций состоит в органичности их включения в систему суффиксального словопроизводства славянских языков.

* * *

Для большей наглядности и достоверности выводов выборочно приведем ниже иллюстративный материал:

А. Включение универбов в текст статей, в том числе и заголовков. Отметим также, что универбы могут воспроизводиться как с маркирующими кавычками, так и без них:

— *гуманитарная помощь* — *гуманитарка*: (заголовок) *Таможня воюет с гуманитаркой?* — (подзаголовок) *...немецкую гуманитарную помощь, предназначенную московским больницам...* — (текст) *...«гуманитарки» оказалось на 35 кг больше* (Московский комсомолец. 1999);

— *альтернативная [гражданская] служба* — *альтернативка*: (заголовок) *Альтернативка — в Страсбурге* — (текст) *В связи с принятием нового закона об альтернативной гражданской службе...* (Новая газета. 2002);

— *realitní kancelář* — *realitka*: (заголовок) *Riziko krachu realitek je vyšší, lidé musí být opatrní* — (подзаголовок) *Lidé nechtějí platit realitkám, domy prodávají sami* — (текст) *Bez ohledu na to, jak velké plakáty má vaše realitní kancelář, chtějte vědět, co se stane s vaší zálohou; Ochota využít služeb prověřené realitky však roste spolu se složitostí úkonu, který je potřeba s nemovitostí provést* (Aktuálně.cz. 2009). Примечательно название сервера *bezrealitky.cz*, появившееся во время финансового кризиса: *Právě z nechuti platit realitní kanceláři provizi těžší server bezrealitky.cz; ...uvedl ředitel bezrealitky.cz Jakub Havrlant*. Ср. также использование обеих номинаций: *Portál bezrealitky.cz nabízí koncentrovanou nabídku prodeje a pronájmu bez využití služeb realitní kanceláře*. Входящий в название сервера универб имеет стертую стилистическую маркированность. Прочное положение занимают описательные номинации в официальных названиях *Asociace realitních kanceláří České republiky; Asociace českých cestovních kanceláří a agentur*;

— *cestovní kancelář* — *cestovka*: (заголовок) *Cestovky ruší zájezdy do Mexika, 1000 lidí neodletí* — (информация) *Praha. Cestovní kancelář Exim Tours ruší kvůli epidemii prasečí chřipky v Mexiku nejbližší odlety do mexického Cancúnu* (Aktuálně.cz. 2009). В имевшихся у нас текстах интернет-изданий мультиверб *cestovní kancelář* встречался чаще, чем универб *cestovka*, однако в очерке, опубликованном в газете «Право», *cestovní kancelář* фиксируется только в 2 случаях, в том числе 1 раз в подзаго-

ловке; во всех остальных случаях употребляется только *cestovka* (6 раз), что соответствует и нашим наблюдениям (Právo. 20.04.2009);

— *uhelný vůz* — *uhlák*: (заголовок) *Netěsné uhláky* — (текст) ...*ani jeden z našich uhláků, nově zaváděné řady uhelných vozů*... (Rudé právo. 1982);

— *závodní jídelna* — *závodka*: (заголовок) *Populární závodka* — (текст) *jsou i vyhlášené závodní jídelny* (Vlasta. 1985). Ср. также универбы, обозначающие инструменты (оба примера взяты из Лексикографического архива Института чешского языка): *Používám k tomu rozvodku nebo rozváděcí kleště* (J. Simonides. Lexikon domácího kutila. 1976); *...kleště kombinované neboli kombinačky*. (Jar. Stoklasa, Ed. Moravec. Ideální manžel. 1986) и пр.

Б. Частотность употребления универбов — к исследованию привлекались статьи, в тексте которых использовались эквивалентные универбы и мультивербы (приводимые цифры, разумеется, имеют относительную, а не абсолютную значимость):

русск. *канатная дорога* — 3 раза // «*канатка*» — 6 раз, во всех случаях универб закавычен (Новые Известия. 2000. Статья); *гуманитарная помощь* — 7 раз // *гуманитарка* — 5 раз (Новая газета. 1999. Статья); *Повременная оплата телефонных переговоров* — 4 раза // «*повременка*» — 30 раз, всегда в кавычках (Новая газета. 2000. Очерк); *мобильный телефон* — 1 раз // *мобильник* — 5 раз (Новая газета. 2000. Очерк); *минеральная вода* — 4 раза // *минералка* — 5 раз (Известия. 1989. Очерк); *пожизненно осужденный* — 2 раза // *пожизненник* — 3 раза (Московский комсомолец. 1999. Заметка); *нефтяная промышленность* — 2 раза // *нефтянка* — 2 раза (Новая газета. 2001. Очерк); *нейтральная полоса* — 1 раз // *нейтралка* — 3 раза (Литературная газета. 1984. Рассказ); чешск. *primární volby* — 3 раза // *primárky* — 5 раз, в том числе и в заголовке (Предвыборная газета новой партии «Strana svobodných občanů», www.svobodni.cz. 2009); *kandidátní listina* — в текстах встречается эпизодически // *kandidátka* — абсолютное преобладание в текстах разных интернет-изданий за 2009 г.; ср. также интернет-версию газеты «Право»: *sestavování kandidátek pro předčasné volby* (www.pravo.cz. 20.04.2009). Обратное соотношение частотности отмечается в случаях *realitní kancelář* — 11 раз // *realitka* — 4 раза (Aktuálně.cz. 2009). Нельзя не заметить, что универб и описательная номинация в литературном тексте постепенно начинают функционировать как вариативные обозначения.

В целом разрыв в фреквенции между мультивербом и адекватным универбом является незначительным, в отдельных случаях универбы по своей частотности даже превосходят описательную номинацию. По наблюдениям Я. Босака [Bosák 1987: 234], с возрастанием продуктивности и фреквенции универбов они все чаще переходят в разряд нейтральных

номинаций (*dychovka* — *dychová hudba*, *minerálka* — *minerální voda*, *nástěnky* — *nástěnné noviny*, *šatovka* — *šatová látka*). Возрастание частотности универбов является симптомом их постепенного перехода в разряд стилистически нейтральных обозначений. Сообразно этому меняется и их словообразовательная интерпретация: они начинают восприниматься как суффиксальные производные. Ср. производное от *офшорка* (*офшорная зона*) *офшорец*: **Офшорец** *Абрамович и другие офшорцы* (Русская служба новостей. 2009). Адаптации сопутствовало и изменение правописания: *офшорка* > *офшорка*.

В числе адаптированных универбов можно назвать чешск. *cestovka*, *digitálka*, *jazykovka*, *metrák*, *nákladák*, *obývánk*, *panelák*, *punčocháče*, *příjímačky*, *průmyslovka*, *semitšák*, *státnice*, *tiskovka*; русск. *коммуналка*, *маршрутка*, *многоэтажка*, *незавершенка*, *обменник* / *обменка*, *офшорка*, *противоуголка*, *пятиэтажка*, *попутка*, *районка*, *теневик*, *хрущевка*, *электричка* и др.

Адаптация зачастую сопровождается развертыванием деривационной цепочки: *panelový dům* > *panelák* > *panelákový* // *panelácký* > *panelákové*. Ср. также русск. *подросли цены на панельки* ‘квартиры в панельных домах’ (Эхо Москвы. 2003). Сюда же примыкает русск. *маршрутное такси* > *маршрутка* > *маршрутчик*, *маршруточный* и т. д.

Приведем контексты: *panelákové králikárny* (Reflex. 1990); *Ministr Svoboda požadoval, aby peníze mohli využívat na zateplování i majitelé panelákových domů* (Aktuálně.cz. 2009); *v panelácké minipředsíni* (Vlasta. 1985); *v zajetí panelů, panelákově myslíme* (Tvorba. 1988);

наступил маршруточный бум, и в коридорах городской Думы, в кого из депутатов и чиновников ни плюнь, обязательно попадешь в хозяина маршруток (Новая газета. 2001); *Они сами себя вполне нейтрально называют маршрутиками* (Московский комсомолец. 1988).

Нельзя не отметить наличие у универбов полисемии, т. е. одновременного соотношения с несколькими исходными словосочетаниями; ср. *Часть зеленой массы и початков осталась. А между тем верхние слои зеленки пересохли* (речь идет о кукурузе — Г. Н.); *...остатки вооруженных групп, считавших своим оплотом зеленую зону. Эпицентр операции переместился в «зеленку»* (Правда. 1987); универб *francouzák* может иметь значение ‘французский коньяк’, ср. *Za tu službičku jsem dostal francouzáka* (Haló Sobota. 1982) и ‘французский ключ’. Универб *наружка* может соотноситься с мультивербами ‘наружная реклама’ и ‘наружное наблюдение’; соответственно *подземка* — с ‘подземный транспорт (метро)’ и ‘подземная реклама’: *После дефолта 1998 года ощутило упали все: телереклама и «наружка» подешевели в среднем на 80 процентов.*

Только «**подземка**» крепко стояла на ногах. Кто же стоит за атакой на московскую **подземную рекламу**? (Новая газета. 2002). Примечательно, что в отличие от мультиверба *подземный транспорт*, соотносящегося с универбом *подземка*, подобное не происходит (во всяком случае, не происходило до сих пор) со словосочетанием *подземный переход*, для которого нет адекватного универба. По верному наблюдению А. Едлички, в образовании универбов существует избирательность: это допустимо лишь для определенных типов исходных словосочетаний. Так, *minerálka* соотносится лишь с *minerální voda*, а отнюдь не с *minerální barva*, *minerální paliva*, *minerální olej*, *minerální lih* [Jedlička 1981: 116]. Думается, что здесь играет роль частотность употребления словосочетания.

Данное обстоятельство является дополнительным аргументом в пользу того, что одновременное наличие параллельных значений у одной и той же лексемы или словообразовательного форманта отнюдь не препятствует его продуктивности, как склонны считать многие лингвисты. При семантической интерпретации универбов большим подспорьем является контекст, знание конситуации, использование невербальных компенсаторов, что особенно характерно для разговорной речи, откуда, собственно, эти образования и пришли. Впоследствии словопроизводительная схема, характерная для образования универбов, стала «тиражироваться» уже в литературном языке.

В заключение отметим, что проведенный нами анализ большого языкового материала позволяет убедиться в том, что тенденция языковой экономии является мощным фактором языкового развития. Она не только активизирует действующие закономерности, но и выявляет новые, до сих пор еще полностью не реализовавшиеся возможности.

Данная тенденция служит важнейшим средством для поддержания необходимого баланса между существующими номинационными потребностями и возможностями выразительного языкового ряда, для оптимального и рационального использования языковых знаков в условиях стремительного увеличения информационного потока, а также возрастания скорости его прохождения по каналам коммуникативной связи.

Литература

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1961.
Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // *Slavia*. 1958. Č. 3.
Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.

- Нещименко Г. П.* Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. XIX. М., 1960.
- Нещименко Г. П.* : История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII–XX вв. (Прилагательное). М., 1968
- Нещименко Г. П.* Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII — середина XX вв.). Praha, 1980.
- Нещименко Г. П.* О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками / Под ред. В. Грабье и А. Г. Широковой. М., 1983.
- Нещименко Г. П.* Словообразовательная вариантность в контексте проблемы «центр — периферия» деривационной системы // Typy opisów gramatycznych języka: Materiały polsko-czeskiej sesji naukowej. Jabłonna 16–17. XI.1983. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1986.
- Нещименко Г. П.* Словообразовательная конкуренция как фактор динамики литературной нормы // Проблемы славянской диахронической социолингвистики: Динамика литературно-языковой нормы. М., 1999.
- Нещименко Г. П.* Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1.
- Нещименко Г. П.* Языковая экономия как импульс динамики номинационной системы (на материале восточно- и западнославянских языков) // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Нещименко Г. П., Гайдюкова Ю. Ю.* К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков / Отв. ред. Г. П. Нещименко. М., 1994.
- Barnet V.* Synchronní dynamika spisovného jazyka // Jazykovedný časopis. 1981. Č. 2.
- Bosák J.* O vymedzení univerbizácie // Slovenská reč. 1987. Č. 4.
- Buttlerová D.* Některé problémy polské normativní politiky // Aktuální otázky jazykové kultury v socialistické společnosti. Praha, 1979.
- Buzássyová K., Bosák J.* Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny // Obsah a forma v slovnej zásobe. Bratislava, 1989.
- Dokulil M.* Tvoření slov v češtině 1: Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
- Isačenko A. V.* O některých zákonitostech v oblasti pojmenování // Sborník vysoké školy pedagogické v Olomouci. Jazyk a literatura. III. Praha, 1956.
- Isačenko A. V.* Obecné zákonitosti a národní specifičnost ve vývoji slovní zásoby slovanských jazyků // K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků. Praha, 1958.

- Jedlička A.* Univerbizace a multiverbizace v pojmenovacích strukturách // *Slavica Pragensia XI*. Praha, 1969.
- Jedlička A.* Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1974.
- Jedlička A.* Конфронтационе напомене о такозваној универбизацији и мултивербизацији // XX Научни састанак слависта у Вукове дане 11. Београд; Вршац; Тршић, 1981.
- Karcevskij S.* Du dualisme asymetrique du signe linguistique // *Travaux du cercle linguistique de Prague. I*. Praha, 1929.
- Loś J.* Stosunek zdania do innych typów morfologicznych. Kraków, 1910.
- Něščimenko G. P.* Словообразование разговорного языка в свете тенденций языковой экономии (на материале русского и чешского языков) // *Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem — interdisziplinär als Forschungsgegenstand*. Innsbruck, 2000.
- Martinet A.* *Éléments de linguistique générale*. Paris, 1960.
- Pravidla českého pravopisu. Praha, 1957.
- Pravidla českého pravopisu: Školní vydání. Praha, 1993.
- Rozwadowski J.* *Wortbildung und Wortbedeutung. Eine Untersuchung ihrer Grundsätze*. Heidelberg, 1904.
- Trnka B.* *Méthode de Comparaison Analytique et Grammaire Comparée Historique* // *A Prague School Reader in Linguistics*. Bloomington, 1964.

Сокращения

- ASCS – Akademický slovník cizích slov. D. I–II. Praha, 1995.
- J – *Jungmann J.* Slovník česko-německý. D. I–5. Praha, 1835–1839.
- NSČ — Nová slova v češtině: Slovník neologizmů. Praha, 1998.
- PS – Příruční slovník jazyka českého. D. I–IX. Praha, 1937–1957.
- SSJČ — Slovník spisovného jazyka českého. D. I–IV. Praha, 1960–1971.

О. П. Ермакова (Калуга)

Деривационно связанные значения корней (проблемы изучения)

Явление связанности корней (по Г. О. Винокуру — связанных основ [Винокур 1959: 435]) упоминается в работах по словообразованию с середины XX века, но до настоящего времени недостаточно изучено. Внимание исследователей было обращено преимущественно на словообразовательные форманты и в меньшей степени на типологию корней, в особенности связанных.

Среди связанных корней, на наш взгляд, можно выделить два типа:

1) корни, не имеющие жизни отдельного слова, существующие только в окружении словообразовательных аффиксов: *-бав-* / *-бавл'* (*прибавить*, *добавление*), *-вык-* / *-выч-* (*отвыкнуть*, *привычка*) и т. п.;

2) корни с деривационно связанными значениями.

В так называемых классических случаях связанной оказывается морфема как совокупность всех морфов вместе с присущим ей значением. Корень при этом не имеет статуса слова, у него нет самостоятельной жизни.

Другой тип связанности корня принципиально отличается от первого: деривационно связанным является лишь значение корня, который вне деривационного окружения живет полноценной жизнью слова, но с другим значением (или значениями).

Примером могут быть корни *-глагол-* (*разглагольствовать* 'много говорить'), *-вьюк-* / *-вьюч* (*навьючить* 'нагрузить') и многие другие.

О том, как можно определить значения связанных корней («основ»), писал в той же работе Г. О. Винокур:

«Приведу теперь еще несколько примеров связанных основ. Такого рода основу мы находим, например, в словарных цепях: *комедия* — *комик* — *комический*, *трагедия* — *трагик* — *трагический*, где выделяются общие основы *ком-* и *траг-*. Значение этих основ будет представлять собой, очевидно, остаток от вычитания значений суффиксов *-едий-*, *-ик-*, *-ический* из значений соответствующих слов» [Винокур 1959: 437].

Очевидно, так же можно определить и значения, которые обнаруживаются у корней лишь в деривационном окружении.

Явление это аналогично фразеологически связанным значениям слова. Так, значение ‘очень сильный’ у слова *собачий* проявляется лишь в сочетании со словом *холод*, вычленяется из этого сочетания и вне его слово *собачий* с таким значением не живет. Точно так же корень *вьюк-* со значением ‘груз’ (любой) вычленяется из глагола *навьючить* и только в нем и живет.

Изучение таких корней, как нам представляется, может пролить свет на некоторые явления словообразования и лексической семантики.

Корни с деривационно связанными значениями неоднородны в разных отношениях.

1. Это могут быть архаические значения, «законсервированные» в структуре производного слова: ‘речь’ в корне *-глагол-* (*разглагольствовать*); ‘толк’ в корне *-путь-* (*беспутный*); *-вон’-* ‘запах’ (в словах *зловоние* и *благовоние*), а не современное значение ‘дурной, отвратительный запах’; *праздн-* ‘ничем или никем не занятый, порожний’ (в слове *упразднить*); *-муж-* ‘мужчина, человек в зрелом возрасте’ (*возмужать*); *-болван-* ‘грубо обтесанный обрубок дерева’ (*оболванить* ‘плохо или слишком коротко постричь’), *-стерв-* ‘ярость, свирепость’ (*остервенеть*), из древнерусского языка *стервьныи* ‘плотоядный’ (иначе — ‘хищный, зверский’ — О. Е.) [Срезневский 1906: 587]. Усматривать в этом корне современное значение слова *стерва* (‘подлый, гадкий человек’) было бы довольно странно: *остервенеть* значит ‘прийти в ярость’, да и синонимия *остервенеть* — *озвереть* — *осатанеть* поддерживает деривационно связанное значение корня.

2. Другой тип деривационно связанных значений корней — значения, возникшие в слове, в окружении словообразовательных аффиксов на основе различных семантических процессов.

1) Значения, относящиеся к их свободным производящим как переносные, прежде всего метафорические значения, к прямым: ср. значение ‘твердый’, ‘несгибаемый’ (физически) у корня *-дуб-* (*задубеть* — *руки задубели*). В свободном употреблении слово *дуб* имеет другую метафору — ‘тупой’ (о человеке). Ср. также *-дерев-* с тем же значением (*одеревенеть*). При этом слово *дерево* не имеет в русском литературном языке метафорического значения. В сравнении *тупой как дерево* слово *дерево* не имеет значения метафоры. Синонимия деривационно связанных значений корней *-дуб-* и *-дерев-* представляет нетипичную для языка картину: гипоним и гипероним редко приобретают синонимичные значения, хотя встречаются — *волк* и *зверь* — ‘злбный человек’.

Аналогичные явления наблюдаются и в других корнях, значения которых опираются на коннотации, отличные от коннотаций, породивших

свободно функционирующие метафоры. Так, корень *-камен'*- (*окаменеть*) реализует коннотацию неподвижности, а не твердости, свойственную ему в свободном употреблении. Ср. *Она — камень, кремь. Сердце — не камень. Вы, сударь, камень, сударь, лед* (А. Грибоедов. Горе от ума). Но *окаменеть* — 'стать неподвижным'.

В слове *съежиться* корень *-еж-* обнаруживает связь со способностью ежа сворачиваться, стягиваться, в то время как распространенная коннотация 'колючесть' отражается в некоторых других словах (например, *еж* 'оборонительное заграждение с колючей проволокой') и в производном слове *ежевика*. Корень *-чугун-* реализует коннотации 'тяжелый', 'темный' в слове *чугунеть* 'становиться тяжелым, темным (как чугун)': *Еремей пил молча... и все гуще срастались у него брови, все темнел, все чугунил* (Е. Замятин. Письменно).

Слово *чугун* с метафорическим значением не отмечено.

Умаслить (кого) — 'упросить, склонить к чему-нибудь лестью, лаской'. *Умаслить бабушку*. Соответственно деривационно связанное значение корня *-масл-* — 'лесть, ласка'. Ср. синонимичные глаголы *уластить, улестить* 'склонить к чему-то лаской, лестью', корни которых свободные.

Наблюдения показывают, что так же, как в лексической системе языка, внутри слова коннотации могут опираться на реальные свойства предмета (*чугун, еж*) и на признаки, приписанные предмету на основе различных ассоциаций, синонимов по денотату, гиперо-гипонимических отношений (*масло, дуб, дерево* и др.).

2) В целом ряде случаев деривационно связанные значения относятся к свободным как метонимические.

Метонимические значения по отношению к свободным прямым, на наш взгляд, можно отметить в корнях *-труб-* 'трезвон', 'толки' (*раструбить*). Модель: орудие → действие, им производимое. Аналогично — *-руль-* в *зарулить* 'заехать, зайти куда-нибудь'. В корне *-базар-* — значение 'траты' (*разбазарить*). Модель: место действия → действие. Ср. иное значение слова *базар* — 'разговор' в современном жаргоне. *Без базара* — 'без разговоров', 'не о чем говорить'. *-Мозг-* — 'мысли'. Модель: орган → его работа (*обмозговать*). В корне *стакан* (шутл. разг. *остаканиться* 'выпить спиртного') — значение 'спиртное, алкоголь'. Модель: вместилище → содержимое. В свободном употреблении *стакан* не имеет такого значения, в отличие, например, от разг. *бутылка*.

Значения корней в словах *пропесочить* 'резко раскритиковать', *проветилировать* 'обсудить, выяснить' соответствуют модели «средство действия → действие», «орудие действия → действие».

3) Внутри деривационного окружения корни нередко получают расширенное значение: ср. уже приведенный корень *-вьюк-* / *-вьюч-* со значением 'груз' (навьючить на себя можно и сумку, и чемодан и т. п.). В свободном употреблении слово *вьюк* обозначает упакованную поклажу, перевозимую на спинах животных. Расширение значения можно отметить также у корней *-гнезд-* 'место' (*угнездиться* 'расположиться где-то'), *-помад-* 'разная косметика' в *напомадиться*, *-молот-* 'любое орудие' (*размолотить*), *-двор-* 'место' (*водворить* — *выдворить*), *сало* — 'жир' (*засалить(ся)* 'пропитать(ся) чем-то жирным', 'загрязнить(ся)'). Аналогично — *замаслить(ся)*.

В некоторых случаях, подобно слову, в разных сочетаниях реализующему разные значения, один и тот же корень может в сочетании с разными словообразовательными формантами иметь два различных деривационно связанных значения. Так, у корня *-масл-* в *замаслить(ся)* можно отметить расширенное, до уровня гиперонима, значение, а в составе слова *умаслить* — метафорическое.

4) Деривационно связанный корень может приобретать значение символа определенного положения, состояния: *-золот-* → 'богатство' — в *озолотить* ('сделать богатым').

5) Отметим также корни, имеющие в составе производного или членимого слова приращенный смысловой компонент, чаще всего с характеризующим или ограничительным значением. Это наблюдается в большом количестве слов с фразеологичной семантикой типа *ославить*, где корень имеет приращение 'дурной' (*ославить* значит 'распустить о ком-нибудь дурную нехорошую славу'), корень *-чувств-* в глаголе *сочувствовать* имеет приращение 'горестный' (*сочувствовать* значит 'сопереживать горестные чувства') и т. д. [Ермакова 1984: 28–29].

Каждая из выделенных групп не обязательно противопоставлена другим. Так, корни с устаревшими значениями тоже могут быть по отношению к свободным корням метафорическими, расширенными или включать дополнительный смысловой компонент — ср. *путь* с приращением компонента 'правильный' (*беспутный*, *непутевый*). Значение корня *-болван-* в глаголе *оболванить* предстает скорее как прямое по отношению к современному оценочному, очевидно, метафорическому. Что касается корня *-вон'-* (*благовоние*, *зловоние*), то свободное значение по отношению к деривационно связанному оказывается конденсированным — включает компонент 'дурной', 'отвратительный'.

В некоторых случаях при отчетливом выделении корня его значение можно определить лишь приблизительно, как некоторую долю участия в значении целого. Например, глагол *раздраконить* 'разгромить кого-то

или что-то', 'жестоко раскритиковать' позволяет, на мой взгляд, приписать корню *-дракон-* значение 'резкость, жестокость'. Хотя возможно, «тот самый дракон» осознается в слове не всеми носителями языка.

Подчеркну, что я не стремлюсь устанавливать производность всех слов с деривационно связанными значениями. Важно отметить, что мы часто неоправданно, на мой взгляд, расширяем сферу опрошения, выделяя в качестве новых корней еще членимые слова.

Так, некоторые из приведенных в этой статье слов в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова рассматриваются как исходные слова гнезда: *водворить* и *выдворить*, *ежевика*, *задубеть* (хотя *задеревенеть* в гнезде *дерево*), *молотить*, *путевый*, *путем*, *путный*, *упразднить* и др. (о типах синхронной производности см. [Ермакова, Земская 1991:106–115]).

В данном случае для анализа значения корня важнее членимость, хотя большинство анализируемых слов, на мой взгляд, производно.

Нетрудно заметить, что корни с деривационно связанными значениями встречаются преимущественно в составе глаголов, в окружении приставок и суффиксов, характерных для глагольного словообразования и, подобно словесному контексту, высвечивающих значения корня. Корни же преимущественно именные, то есть им соответствует свободно употребляемые существительные, реже прилагательные (ср.: *дуб*, *двор*, *праздн-*).

Таким образом, даже предварительное изучение этого явления отчетливо показывает изоморфизм между семантическими процессами внутри слова, где контекстом для корня является лишь его аффиксальное окружение, и в лексической системе языка, где слова живут в разных контекстах — широких и узких, в словосочетаниях и более сложных текстах.

Внутри слова корень живет той же жизнью, что и слово «на воле», но нередко реализует семантические компоненты, потенциально заложенные в слове, но еще не проявившиеся в свободном употреблении.

Корни с деривационно связанными значениями обуславливают синонимические связи слов с однотипной словообразовательной структурой: *задубеть* — *задеревенеть*, *окаменеть* — *остолбенеть*, *оседлать* — *охомутать* (не лошадь), *бескостный* — *бесхребетный* и т. д. Вне деривационного окружения (в свободном употреблении) сейчас слова *дуб* и *дерево*, *камень* и *столб*, *седло* и *хомут*, *кость* и *хребет* и т. д. — не синонимы. Ср. также синонимии *очертенеть*, *осточертеть* 'сильно надоесть'. И хотя в обоих случаях в корнях присутствует *черт*, вряд ли можно считать синонимами *черт* и *сто чертей*. В то же время, поскольку оба глагола, оче-

видно, представляют собой свернутую конструкцию со сравнительным оборотом *надоесть как черт* (или *сто чертей*), то для интенсификации действия безразлично — *один черт, сто* или *тысяча* — это лишь выражение высокой степени чего-либо.

Приведу некоторые примеры синонимов такого типа.

Плыли и плыли (по морю — О. Е.). *Странное ощущение: вода казалась очень теплой, а тело вопреки логике задубело от холода...*

— *А теперь вперед!.. работать ногами...*

— *Ты же говорил, беречь силы, — напомнил Слава.*

— *А теперь разгоните кровь, чтоб окончательно не задеревенеть.*

(Л. Соболева. Море остывших желаний).

И тогда раздалась выстрелы: толпа гостей окаменела (А. Толстой. Восемнадцатый год).

Савельич сплеснул руками и остолбенел (А. Пушкин. Капитанская дочка).

Осточертло все до горечи (А. Гайдар. Школа).

Что ты можешь сказать человеку, ежели ему жизнь осточертела (М. Горький. Супруги Орловы).

Глаголы *оседлат* и *охомутат* синонимичны в переносных значениях. Ср. примеры из словаря В. Даля:

Кто кого оседлает, тот на том и ездит; Он его совсем охомутал, покорила рабски.

При этом у слова *хомут* в свободном употреблении есть другое переносное значение ‘обуза’, а у слова *седло* переносного значения нет вообще. Но и седло, и хомут — части лошадиной упряжи и объединяются в нашем сознании как средства подчинения, порабощения лошади, что и определяет их общие коннотации.

Некоторые деривационно связанные значения корней не вполне укладываются в эту систему отношений. Но в основном отношения значений свободных и деривационно связанных значений корней повторяют отношения в лексической системе языка.

Явление это, как показывает материал, свойственно прежде всего разговорной речи, но характерно также для просторечия и жаргона.

Автор этой работы вполне допускает упрек в неточности толкования значений корней. Я не исключаю и того, что ряд исследователей может не считать приведенные слова членимыми, однако мне это представляется именно так, как я попыталась показать.

Литература

- Винокур Г. О.* Заметки о русском словообразовании // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка, Т. I–IV. [Со второго издания]. Т. II. М., 1955.
- Ермакова О. П.* О корнях с деривационно связанными значениями // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1975.
- Ермакова О. П.* Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.
- Ермакова О. П., Земская Е. А.* К уточнению отношений синхронной производности // Russian Linguistics. 1991. № 3.
- Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Труды И. И. Срезневского. Т. 3. Вып. II. СПб., 1906.
- Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ. Изд. 2. Т. I–IV. СПб., 1867.
- Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1985.

В. Н. Виноградова (Москва)

Поэтическое словообразование как фактор появления инноваций в языке

Каких бы уровней языка мы ни касались, мы должны констатировать, что наибольшие изменения в последнее время произошли в стилистике — в употреблении языка в его разных функциональных разновидностях и жанрах. Это относится и к словообразованию — новообразования в нем состоят не в появлении в языке новых словообразовательных типов (хотя и это явление не исключено), а в развитии старых типов и способов образования новых слов в новых жанрах и разновидностях речи. При этом могут меняться их функциональная и стилистическая значимость, текстовые функции, степень экспрессивности, что влияет и на степень продуктивности тех или иных словообразовательных типов. Если подобные изменения в использовании разговорно-просторечных и книжных типов не раз были предметом описания, то возможности взаимовлияния поэтического словообразования и общелитературных подсистем словообразования изучены гораздо меньше, хотя оно, несомненно, существует и является одним из движущих факторов развития словообразования вообще.

В отношении стилистики словообразования, как и других ярусов и элементов языка, справедлива мысль о том, что «...огромное значение художественной литературы в развитии стилистики общенародного языка несомненно» [Виноградов 1952: 141].

Язык художественной литературы как «искусства слова» противостоит стилевой системе общенародного языка (ср. тенденцию к острашению, обновлению, очуждению средств языка в поэтической речи). Однако элементы художественности свойственны и сферам бытовой коммуникации. Установка на эстетически значимое творчество возможна и в разговорной речи, и в газетно-публицистической, реже — в научной речи. На этом пути нередко используются средства поэтического словообразования. Укажем на некоторые возможности такого использования.

1. По-видимому, продуктивность слов определенной словообразовательной структуры как средств того или иного стиля в поэтической речи популярных поэтов может способствовать повышению продуктивности того или иного словообразовательного типа или средства в общем язы-

ке. Так, современные Игорю Северянину критики писали: «Есть слова, которые ассоциируются с творчеством какого-нибудь определенного писателя. Особенно, конечно, это относится к неологизмам, к словам, избранным самим писателем. Достаточно услышать слова «окалошиться» или «осупружиться» (а я в литературной среде слышал их не так редко), чтобы на память пришел И. Северянин» [Виноградов 1972: 421]: *Чтоб ножки не промокли, их надо **окалошить***. Ср.: *обответить, обрильянтить, обукетить, овеерить, огрязить* у него же.

Этот тип является высокопродуктивным в разных стилях речи, в том числе в разговорной речи, что не мешает считать отдельные образования принадлежностью поэтической речи. Многие окказионализмы И. Северянина отражают тенденции разговорной речи. (Вероятно, в какой-то мере они даже могут служить источником знаний о разговорной речи того периода). Современники расходились в оценке происхождения некоторых из таких образований — являются ли они авторскими или «подслушаны», ср.: *накорзинив рыжики и грузди; обэстоненный рыбак; велосипедит почтальон; ногами мы **пикниковали**; мне стало скучно в **иностранах**; Зачем? **Беззачемно!** Мне сердце пьянит беспричинность; Не было б того, что есть теперь — **повсюдного содома***. Особенно знаменитыми стали несколько образований, кроме *окалошить: изыски (Пора популяризовать **изыски**), грандиоз (ведь это же **грандиоз**), бездарь*. Безаффиксные имена качества (*наив, серьез, интим, негатив, позитив, криминал, эксклюзив, креатив, официоз*) пользуются всё большей продуктивностью и в современной публицистической и разговорно-интеллигентской речи, обозначая также иногда явления и людей, наделенных каким-либо качеством: ***официоз** длился каких-нибудь 15 минут (ТВ); это был 35-тонный **уникал*** (о колоколе, радио).

Адъективация субстантивированных прилагательных, фамилий (у И. Северянина: *какой **шампанский, игристый экстаз, сонм крученых бурлюков***) также довольно продуктивна в настоящее время: ***достоевский репертуар, корчная задача*** (ТВ).

2. Следует отметить, что в общелитературную речь переходят чаще всего наиболее частотные и наиболее экспрессивные поэтические новообразования. Так, в шестидесятые годы получили широкое распространение отадъективные образования с суффиксом *-инк(а)*.

Такие образования соответствуют отвлеченным существительным на *-ость, -ство*, но «выражают соответствующие значения с оттенком уменьшительности и в то же время представляют их как бы в своеобразно „материализованном“ виде» [Шмелев 1963: 112]. Считалось, что мода на такие образования возникла после опубликования сказа П. Бажова

«Живинка в деле» (это слово скоро стало обыгрываться: *В женихе главное — живинка в деле!* З. Паперный. Геня и Сеня), хотя окказиональное использование можно отметить и раньше: ср. в рифмуемом приложении в стихотворении Василия Каменского «Жить чудесно» (1909): *Взгляни на кроткие слезинки / Детей цветов / Ты эти слезы назови: Росинки-радостинки!* Есть подобные образования и у И. Северянина: *И вот в давно обычном что-то ново, Какая-то остринка в нем своя* (1927); *этой милой девушке с легкою недужинкой* (1928).

Большую роль в поэтическом становлении имен качества на *-инк(а)* также, видимо, сыграла метафорическая мотивация, ср. у И. Анненского в стихотворении «Одуванчики» (1909):

*По холмику зыбучему
Две звездочки зажглись.
Мохнатые, шафранные
Звездинки из цветов...*

Образования с суф. *-инк(а)* получили большое распространение в авторской художественной речи, а затем и в некоторых газетно-публицистических жанрах — очерке, литературной или театральной рецензии и т. п., допускающих использование художественных средств: *ветерок, напоенный... полынной горчинкой* (С. Антонов); *Глаза улыбочивые, с прищуринкой* (В. Конюшев); *хмыкнул с угрюминкой* (В. Тендряков); *Но глаза у него свежие, без мутинки сна* (Ю. Нагибин); *в уголках губ спрятана иронинка* (В. Аграновский); *со злинкой крикнул* (В. Богомолов); *голос низкий, с хрипинкой* (Ю. Скоп); *был не чист, а с какой-то лиялой, лисьей рыжинкой* (Ю. Скоп); *В маленьких умных глазах его мерцала веселинка* (В. Шукшин); *народ со своей какой-то затаенной, серьезной глубинкой в душе* (В. Шукшин); *Я интересуюсь: что болит?.. «Общая слабость, вам не понять». Где же мне понять... Не слабость у неё там никакая, а слабинка* (В. Распутин); *Она оказалась неназойливой женициной, без нарочитой цыганской нахалинки* (Е. Носов); *запах... дыма со сладковатой тухлинкой* (Е. Носов); *Шурка вздохнул с печалинкой* (Б. Машук); *девка с бесинкой* (В. Тендряков); *послышался голос с приятной напевинкой* (Е. Носов); *легкий с холодинкой ветерок* (М. Соболев); *уходит из глаз хитринка и лукавинка* (Г. Семенов); *Лесик — с нежной гнусавинкой сказал Юра* (Л. Якименко); *старик с аристократической картавинкой* (Б. Полевой); *узкие, с раскосинкой, глаза* (В. Сухачев); *я с фальшивой бодрей, с какой-то юродинкой зябко потирал руки, изображая сирого и бесприютного* (Е. Носов).

Значение небольшой степени признака иногда подчеркивается и использованием в качестве мотивирующих прилагательных с суф. *-оват(ый)*: с младенческой *мутноватинкой* глаз (В. Тендряков); юношеской *розоватинкой* губ (Л. Якименко).

Дань моде, хоть и в разной степени, отдали очень многие писатели и поэты. Например, у Е. Евтушенко отмечены: *завидинка, несгибинка, пошлинка, хорошинка, шершавинка, мохнатинка, чудинка, грузинка, негдешинка, шалавинка, подлинка, безуминка, усталинка* [Петриченко 1980: 156].

Слишком широкое распространение какой-либо словообразовательной модели в поэтической речи очень быстро делает ее штампом и вызывает отталкивание: *В последние годы многие очеркисты начали вроде бы стесняться своего жанра, начали всякий раз «тянуть на рассказ», прибегать к услугам беллетристики, стародавних «смешинок» и «лукавинок»* (Новый мир. 1968. № 3).

Однако эта модель, утратившая к настоящему времени свою тесную связь с экспрессивной окраской «поэтичности» и стилистическую прикреплённость, довольно часто используется для номинации небольшой степени признака: *слова не без горчинки* (разг.), *есть в ней какая-то остринка* (Т. Толстая, ТВ).

3. Примером типа, возникшего в лоне поэзии, можно, вероятно, считать такие образования последнего времени, как бессуффиксные сложные имена с прилагательным в качестве первой основы, ср.: *быстросуп, Быстрокредит* (банк), *Новоарбат*.

В поэзии начала XX века этот новый тип возник как специфически поэтический — у разных поэтов культивировались образования типа *желтосерп* И. Анненского (о луне); ср. с *белорозой* в *блондных волосах*; *Лес печалел в белосне*; *алогубы-цветики*; *Ты, единенье, — златосила* (И. Северянин).

4. В общелитературный язык переходят и некоторые словообразовательные типы, сложившиеся в поэзии на основе метафор и сравнений — они постепенно отделяются от породившего их номинативного типа, ср. такую цепочку, как наименования незрелых детенышей, затем учеников, затем (метафорически) обозначения по сходству, как *зверята — поварята — глазята* (*Стали черными, ослепли золотые глазята подсолнухов*. В. Хлебников, 1921); ср. *Жалко маленьких сугробят*. (А. Вознесенский); *И было слышно, как журчат, сбегаясь к рыжему Амуру, десятки рыжих амурчат* (Е. Евтушенко). В газетных текстах появились наименования второй степени со значением 'ученики-последователи', ср. *чубайсята*; *Жена А. И. Солженицына сказала в интервью, что она рожала солженият, маленьких Солженицыных*. Видимо, здесь имелись в виду 'дети + последователи'.

5. Повторение слов определенной структуры часто сначала носит цитатный характер, а затем позволяет говорить о появлении новой словообразовательной модели. Так, после приписываемого Пушкину *и юхельбекерно и тошно*, у В. Высоцкого встречаем *Нам бермудно на душе*. У Т. Кибирова: *Пусть бенкендорфно здесь и тошно*.

Наречия такой структуры, вероятно, повлияли и на рождение модели, включающей окачество и «онаречивание» именных основ: *Все будет кока-кола* (реклама); *Куросиво жить не запретишь* (С. Каратов. За дам-с).

6. В начале XX века И. Анненский писал: «Растет словарь. Слова получают новые оттенки, и в этом отношении погоня за новым и необычным часто приносит добрые плоды. Создаются новые слова и уже не сложением, а взаимопроникновением старых. Вспомните хотя бы слово Лафорга *violur-té* (из *violer* и *volupté* — нечто вроде „карамазовщины“)» [Анненский 1987: 430]. Для И. Анненского такое «взаимопроникновение старых» слов было, по всей очевидности, новым приемом в поэзии (до этого времени этот прием встречался лишь в каламбурах, в эпистолярной и иронической прозе).

Широкое распространение контаминация и паронимическая аттракция, как известно, нашла у В. Хлебникова: ср. *словля* (*слова* и *ловля*), *прошлецы* (*прошлое* и *пошлецы*), *поец* (*боец* и *петь*). Ср. также: *осенебри*, *человолки*, *чингизхамство* А. Вознесенского, *хиппичоночка* Е. Евтушенко.

Затем возникает такое собственное название, как «Поэтория» Р. Щедрина — произведение для хора, оркестра и голоса поэта А. Вознесенского, оценочное *апофегей* (апофеоз + апогей) Ю. Полякова. И затем — «взрыв» публицистических наименований типа *хрущобы*, *дерьмократия*, *демократура*, *прихватизация*, *стерилизм* (*стерильный* и *реализм*).

Появились произведения, целиком построенные на контаминациях разного рода — например, в книге Сергея Каратова «За дам-с» представлены многочисленные виды иронических контаминаций: *Пролеткольт*, *Кускомиздат*, *видеозакусь*, *Мельподмена*, *им пичмент подавай*, *книга — настоящий майнкайф* и т. п.

Надо сказать, что в поэзии прием контаминации остается достаточно популярным, однако часто выглядит самодовлеющим — будучи лишен такой функции, как выражение иронии, он выглядит как фрагмент «искусства для искусства» или даже как нечто, сближающееся или сочетающееся с заумью, см. примеры в [Николина 2004: 92].

Итак, поэтическое словообразование и исходит из недр языка (высасывая из него все соки, по известному выражению Бахтина), и вносит значительный вклад в его развитие, возвращая ему языковые средства в обновленном и преображенном виде и делая возможным выражение все более сложных и тонких значений, оценок и смыслов.

Литература

- Анненский И.* Что такое поэзия? // Анненский И. Избранное. М., 1987.
- Виноградов В. В.* [Рец. на кн.:] А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6.
- Виноградов И. А.* Вопросы марксистской поэтики. М., 1972.
- Николина Н.* Современное поэтическое словотворчество // Поэтика исканий, или Поиск поэтики: Материалы международной конференции-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии». М., 2004.
- Петриченко М. А.* Из наблюдений над окказиональными образованиями в творчестве Е. А. Евтушенко // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. II. Ташкент, 1980.
- Шмелев Д. Н.* Об одном случае активной аналогии в современном русском языке // Развитие современного русского языка. М., 1963.

Р. Драгичевич (Белград)

Словообразовательные инновации с точки зрения исследования деривационных гнезд сербского языка

Цели работы. У данной работы — две цели. Во-первых, представить «Семантико-деривационный словарь сербского языка»¹, а во-вторых, раскрыть тему, заданную московским научным симпозиумом, — новые явления в словообразовании. Здесь не будут представлены все новые словообразовательные явления в сербском языке — в фокусе нашего исследования находятся только те инновации, которые можно обнаружить при анализе деривационных гнезд в «Семантико-деривационном словаре».

Семантико-деривационный словарь сербского языка. В Сербии интерес к изучению деривационных гнезд возрос после публикации в г. Нови-Сад «Семантико-деривационного словаря сербского языка», первый том которого вышел в 2003 г., а второй — в 2006 г. Концепция словаря сформулирована профессором филологического факультета Белградского университета, Даринкой Гортан-Премк². В первом томе обработаны 85 деривационных гнезд, связанных с частями тела человека; во втором томе представлены 123 гнезда, связанных с внутренними органами и тканями человеческого тела, с психофизиологическими состояниями и действиями, а также с психофизическими особенностями и степенями родства человека.

Концепция словаря является оригинальной и во многом отличается от «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова ([Тихонов 1985], далее СТ). Объем СДР значительно объема СТ — в последнем обработано 12 621 гнездо. СДР связан лишь с одной тематической группой мотивированных лексем — соотносящихся с человеком. Необходимо отметить, что эта лексическая группа является наиболее продуктивной в сербском и, возможно, во всех других языках, а потому деривационные гнезда этих лексем наиболее богаты и представительны.

¹ [Гортан-Премк, Васић, Недельков 2003], [Гортан-Премк, Васић, Драгићевић 2006]. Далее по тексту — СДР.

² Редакторы первого тома СДР — д. ф. н. Даринка Гортан-Премк, д. ф. н. Вера Васић и д. ф. н. Лиляна Недельков. Редакторы второго тома — д. ф. н. Даринка Гортан-Премк, д. ф. н. Вера Васић и д. ф. н. Райна Драгичевич.

В СДР даются толкования значений мотивирующего слова и всех его дериватов. Основным источником материала и толкований лексем для СДР стал шеститомный «Словарь сербскохорватского литературного языка» Матицы сербской («*Речник српскохрватскога књижевног језика*» *Матице српске*). Благодаря таким типам толкований в названии СДР вынесено определение *семантический*, что является одной из причин, по которой этот деривационный словарь может считаться концептуально новым. Представленные в словаре значения дериватов формируют гораздо более полную картину деривационных процессов. Укажем некоторые из преимуществ СДР.

1) Уже при беглом просмотре словаря виден статус деривата в лексической системе. Дериват, у которого больше значений, представляет собой базовую, лежащую в основе (и, возможно, более частотную) лексическую единицу по сравнению с дериватом, у которого меньше значений.

2) Обзор значений дериватов дает возможность классифицировать мотивирующие слова не только в соответствии с тем, много или мало у них дериватов, но и в соответствии с тем, много или мало значений имеют их дериваты. В лексической системе статус тех производящих слов, дериваты которых имеют много значений, обязательно более основополагающий, нежели у тех, дериваты которых имеют мало значений.

3) Приведенные значения мотивирующего слова и деривата позволяют проверить отношения между значениями этих единиц — например, базируются ли значения деривата на основном, либо на метафорическом или метонимическом значении мотивирующего слова. С помощью толкования для того или иного деривата можно определить и производящее слово. Так, например, толкования некоторых значений существительного *звонар* указывают на его прямое происхождение от существительного *звоно* ('колокол, звонок'), но в то же время отдельные его определения указывают на то, что у этого существительного есть значения, появившиеся от глагола *звонити*. Д. Гортан-Премк объясняет такие случаи как две омоформные словообразовательные модели и два отдельных действия семантико-морфологического варьирования, результаты которых сливаются в одной лексеме³.

В отличие от СТ, в СДР приводится этимология мотивирующих слов и дериватов, несмотря на то, что деривационные гнезда задаются в соответствии с синхронными критериями. Этимология в данном случае позволяет пользователям словаря установить, присутствуют ли возможные несоответствия между этимологическими и словообразовательными кри-

³ О деривационных гнездах лексемы *звоно* в сербском и македонском языкам см. [Гортан-Премк, Миркуловска 2002].

териями введения отдельных дериватов в определенное деривационное гнездо. Об одном из таких случаев читаем в послесловии к СДР: «В деривационном гнезде, в состав которого входит глагол *мрети*, корневая морфема появляется в разных формах (одна из которых праславянского происхождения, а другие — сербскохорватского): *мре-* (*мрети* — ‘умирать, гибнуть’), *мр-* (*смрт* — ‘смерть’), *-мор* (*помор* — ‘мор, резня’; *одмор* — ‘отдых’), *мрл-* (*умрли* — ‘умерший’), *мрт-* (*мртав* — ‘мертвый’), *-мир-* (*умирати* — ‘умирать’), *-мар-* (*замарати* — ‘утомлять’), *мрцв-* (*мрцварити* — ‘избивать, рубить на куски, мучить, терзаться’), *мрц-* (*мрцина* — ‘падаль’), *мрш-* (*мршавити* — ‘худеть’). Следовательно (с точки зрения этимологии), все лексемы с этими лексическими морфемами необходимо включить в одно деривационное гнездо. Тем не менее (с точки зрения синхронии) можно установить семантическое раздвоение лексем с лексическими морфемами *мрцв-* (*мрцварити*), *мрц-* (*мрцина*), *мрш-* (*мршавити*), и на этом основании лексемы с данными корневыми морфемами можно исключить из деривационного гнезда глагола *мрети*» [Гортан-Премк, Васић, Драгићевич 2006: 764–765].

Словообразовательные отношения внутри деривационного гнезда более наглядно представлены в СТ, где они продемонстрированы и при помощи графики, однако более точно эти отношения показаны в СДР. Здесь перед каждой словарной статьей дан индекс, обозначающий семантическое и деривационное положение данной лексемы внутри гнезда. Индекс мотивирующего слова — 0, дериваты первого уровня проиндексированы цифрой 1, второго уровня — цифрой 2 и т. д. Порядковый номер деривата обозначен числовым индексом. Префиксальные дериваты обозначены символом ПР, префиксально-суффиксальные — ПРС, сложные слова — С. В таблице после каждого гнезда дано количество дериватов, а также их классификация по частям речи, по типу словообразования и по уровню деривации. Статистически эти данные обработаны с высокой точностью и доступны для анализа и различных исследований.

Особый интерес и пользу представляют примечания к СДР — здесь нашли отражение все сомнения авторов, а также предложены иные возможные подходы к сегментированию дериватов. Данные в примечаниях являются настоящим кладом как нерешенных проблем в словообразовании, так и путей их решения.

Функции словообразования с точки зрения исследования деривационных гнезд. 1. *Имя существительное как наиболее частый результат словообразовательных процессов.* От представления «Семантико-деривационного словаря сербского языка» до новых явлений в словообразовании мы дойдем путем анализа основных функций словообразо-

вания с опорой на структуру деривационного гнезда. Этот анализ позволил нам сделать два важных вывода. Первый вывод заключается в том, что при словообразовании в сербском языке чаще всего появляются существительные, а второй — словообразовательными процессами руководит стремление к системности, т. е. аналогия. Эти выводы — а особенно первый — нам предстоит проверить на более обширном материале, поскольку он не согласуется с традиционной в сербистике точкой зрения на природу словообразования.

Знаменитый сербский лингвист А. Белич, чьи взгляды оказали огромное влияние на поколения сербских лингвистов, писал: «Все указывает на то, что большинство суффиксов в нашем языке имело структурное значение — т. е. с их помощью обозначалась новая часть речи, в которую перешло слово из другой части речи, изменив при этом, разумеется, свою функцию» [Белић 1949: 51]. Такого подхода к словообразованию придерживались и наиболее выдающиеся ученики А. Белича, и потому на сегодняшний день в грамматике сербского языка для старшекласников, которой пользуются во всей Сербии, деривация объясняется с приведением мотивирующих слов из различных частей речи и их дериватов, также относящихся к разным частям речи: «От мотивирующего существительного *лист* при помощи суффиксов получаем существительное *листић*, глагол *листати*, прилагательное *лисни*. От мотивирующего прилагательного *црн* при помощи суффиксов получаем существительное *црнац*, глаголы *црнети* и *црнити*, прилагательное *црнаст*» и т. д. [Станойчич, Попович 2005: 131–132]. Несмотря на то, что в учебнике для старших классов проф. Ж. Станойчич открыто не повторяет положение А. Белича, способ изложения материала отчетливо указывает на идею, что суффиксы прибавляются к словообразовательной основе мотивирующих слов для получения мотивированных слов, относящихся к различным частям речи. Это доказывает и тот факт, что проф. Станойчич на своих лекциях по словообразованию излагал эту идею многим поколениям студентов отделения сербского языка филологического факультета Белградского университета.

Однако статистические данные, приведенные в конце второго тома СДР, недвусмысленно указывают на то, что при помощи словообразования создается больше всего — и со значительным перевесом — именно существительных, причем от всех частей речи, включая и имена существительные. Данные демонстрируют, что от 75 мотивирующих имен существительных образуются 2 838 существительных, 1 530 прилагательных, 393 наречия и 863 глагола. От 15 мотивирующих прилагательных происходят 565 существительных, 306 прилагательных, 120 наре-

чий и 248 глаголов. А 31 мотивирующий глагол формирует 1 232 существительных, 489 прилагательных, 185 наречий, 624 глагола, 1 предлог и 1 междометие.

75 мотивирующих имен существительных	Имена существительные	Имена прилагательные	Наречия	Глаголы	Всего
Кол-во дериватов	2 838	1 530	393	863	5 624
%	50,46 %	27,20 %	6,98 %	15,34 %	

15 мотивирующих имен прилагательных	Имена существительные	Имена прилагательные	Наречия	Глаголы	Всего
Кол-во дериватов	565	306	120	248	1 239
%	45,6 %	24,6 %	9,68 %	20,01 %	

31 мотивирующий глагол	Имена существительные	Имена прилагательные	Наречия	Глаголы	Всего
Кол-во дериватов	1 232	489	185	624	2 530
%	48,69 %	19,32 %	7,31 %	24,66 %	

На основании представленных данных мы делаем вывод (который необходимо проверить на материале более широком, нежели анализ деривационных гнезд), что среди дериватов, возможно, больше всего имен существительных, и, следовательно, всеобщий анализ словообразовательных инноваций нужно начинать именно с этой части речи⁴.

2. *Тенденция к системности.* Вторым важным отличием словообразования, отмечаемым при анализе деривационных гнезд, является стрем-

⁴ О различных функциях словообразования см. работы, опубликованные в сборнике [Функциональные аспекты 2006], а особенно — статьи Е. С. Кубряковой и И. С. Улуханова. Е. С. Кубрякова выделяет следующие функции: компрессия, универбизация, экспрессия и т. д.

ление к системности. Об этом писали и другие авторы, не принимавшие, однако, во внимание деривационные гнезда. Об аналогии в словообразовательных процессах можно говорить с разных позиций и разными способами. Так, например, В. Н. Немченко [Немченко 1984: 143–149] представляет организацию словообразования следующим образом: крупнейшими словообразовательными единицами являются *словообразовательные типы*. Их формируют дериваты, относящиеся к одной части речи: тип существительных, тип глаголов, тип прилагательных и т. д. Внутри класса по критерию способа словообразования дериваты подразделяются на *словообразовательные разряды*. Так, например, в класс существительных входят существительные, полученные путем суффиксации, префиксации, префиксально-суффиксальным способом и т. п. Словообразовательные разряды дифференцируются в соответствии со *словообразовательными категориями*. Последние устанавливаются в зависимости от характера мотивирующих (производящих) слов — например, десубстантивные, девербативные, деадъективные существительные. Внутри словообразовательных категорий находятся особые *словообразовательные ряды*. Они формируются в соответствии с лежащими в их основе словообразовательными морфемами (в первую очередь, суффиксами и префиксами). Словообразовательные ряды могут подразделяться по лексическому значению или подзначению деривата. Так возникают *словообразовательные группы* и *словообразовательные подгруппы*.

Тем не менее Д. Гортан-Премк при анализе деривационных гнезд лексем в СДР отмечает определенные словообразовательно-грамматические направления развития деривационных гнезд и пишет, что «именная словообразовательная основа чаще всего индицирует, производит адъективные дериваты (относительные и качественные прилагательные), а те, в свою очередь, — номинативные (атрибутивные и деадъективные существительные) и адвербативные дериваты. Таким образом мы получаем: *грех* > *грешан* > *грешник*, *грешница*, *грешност*, *грешно*, — и вновь с возможным повтором модели *грешник* > *грешнички*, -а, -о > *грешнички*, или же ряды типа следующего с лексемой *зуб* > *зубар* > *зубарев*, *зубарка*, *зубарски*, *зубарство*» [Гортан-Премк 2001].

Кроме того, анализ деривационных гнезд дает возможность проверить семантический потенциал простых слов, а также установить семантико-словообразовательную системность внутри гнезда. Большинство мотивирующих слов входит в определенные тематические группы, которые, в свою очередь, могут делиться на подгруппы. Компоненты тематических групп, как правило, развивают деривационные гнезда системно. Так, например, в современном сербском языке большинство прилагательных

со значением характерных особенностей человека производят: 1) существительное, означающее характерную особенность; 2) существительное со значением мужчины-носителя характерной особенности; 3) существительное со значением женщины-носителя характерной особенности; 4) глагол со значением обретения или интенсификации характерной особенности; 5) прилагательное-дублет; 6) прилагательное субъективной оценки; 7) наречие [Драгићевић 2001]. Наряду с указанными, в данной системе присутствуют дериваты, относящиеся к другим частям речи — как правило, к именам существительным.

Дериваты прилагательного *глуп*, возникшие путем суффиксации:

Значения деривата	Дериваты прилагательного <i>глуп</i>
Характерная особенность	глупост, глупоћа
Nomina attributiva, m.	глупак, глупан, глупоња
Nomina attributiva, f.	глупара, глупача
Глагол	глупети, глуповати
Прилагательное-дублет	глупав
Прилагательное субъективной оценки	глупкав
Наречие	глупо

В сербском языке у существительных со значением частей тела очень богатый деривационный потенциал. Они могут производить дериваты со следующими значениями: 1) носитель характерной особенности; 2) исполнитель действия; 3) характерная особенность; 4) профессия; 5) часть гардероба; 6) предмет; 7) место; 8) явление; 9) фитоним; 10) зооним; 11) анатомический термин; 12) объект партикуляризации; 13) термин из других областей науки; 14) существительное субъективной оценки.

Так, например, из богатого деривационного гнезда существительного *глава* выделим следующие дериваты, полученные при суффиксации: nomina attributiva: *главаши*; nomina agentis: *главар*, *главарица*, *главничар*; характерная особенность: *главатост*; nomina actionis: *главарство*; предмет: *главчина*; явление: *главарина*; фитонимы: *главатац*, *главница*, *главња*, *главочика*; зооним: *главатица*; объект партикуляризации: *главнина*, *главница*; геологический термин: *главутац*; существительные субъективной оценки: *главетина*, *главић*, *главица*, *главичина*, *главичица*, *главњица*, *главура*, *главурина*, *главурда*, *главусина*, *главуча*, *главуца*, *главуша*, *главче*.

Анализ структуры деривационного гнезда лексем, входящих в одну тематическую группу, показывает также, что не у всех членов данной тематической группы деривационные гнезда идентичны. Из указанных че-

тырнадцати типов значений дериватов существительных у некоторых лексем, обозначающих части тела, меньше, а у других больше типов — одни, например, охватывают двенадцать типов, в то время как другие — восемь. У существительного *глава*, например, нет дериватов со значением части гардероба и места, которые в то же время есть у других существительных из этой тематической группы. Значение части гардероба развивают, к примеру, дериваты существительных *врат* — *вратник*, *грудь* — *грудьняк*, *нога* — *ногавица*, *рука* — *рукав*, *рукавица* и т. д. Значение места есть у дериватов следующих существительных: *нога* — *ножиште*, *око* — *очиште*, *очница*, *зуб* — *зубиште*, *брада* — *брадиште*, *кожа* — *кожара*, *кожарница* и др.

Различные словообразовательные модели, помимо сказанного, различаются по продуктивности. Существительные, обозначающие части тела, чаще всего создают суффиксальным способом существительные субъективной оценки, причем почти каждый член этой группы имеет несколько дериватов с таким значением. С другой стороны, некоторые из словообразовательных моделей весьма непродуктивны. Например, в этой тематической группе мало членов, от которых производятся дериваты, развивающие значение объекта партикуляризации: *главнина* и *главница* означают 'наибольшая часть', *шачица* развивает в том числе и значение 'мало', а *зубатка* имеет значение 'количество сена, которое может поместиться во рту у коня'. Немногочисленны дериваты, от которых производятся существительные со значением места или профессии.

Подведем итоги. Лексемы какого-либо языка, как правило, распределены по определенным тематическим группам. Члены конкретной тематической группы развивают некоторое число словообразовательных моделей или типов. Одни члены тематической группы используют определенные словообразовательные модели, другие члены — иные модели, но есть и такие, которые пользуются большинством или даже всеми типами. Так возникают деривационные системы, в которых многие места заполнены, но остаются и лакуны.

	Словообразовательная модель 1	Словообразовательная модель 2	Словообразовательная модель 3	Словообразовательная модель 4
Лексема А	х	х		х
Лексема Б		х		
Лексема В	х		х	
Лексема Г		х		х

Мы полагаем, что лексический фонд чаще всего расширяется за счет дериватов, заполняющих лакуны в словообразовательных системах. Этот процесс доминирует, хотя носители языка зачастую его не замечают. И они, и ученые выделяют и описывают окказионализмы, а также абсолютно новые, несистемные словообразовательные модели как наиболее яркие и бросающиеся в глаза. Тем не менее таких инноваций относительно немного, и они, соответственно, менее значимы. Заполнение лакун в деривационных системах — процесс незаметный и в формальном и в семантическом аспекте. В формальном аспекте — поскольку используются уже существующие словообразовательные модели (причем продуктивные); в семантическом — так как задействованы мотивирующие слова того же семантического типа, которые уже использовались в данной словообразовательной модели. Так, например, ничего особенного не произойдет, если вскоре появится существительное **врататост* со значением ‘примечательная особенность того, у кого широкая или длинная шея’, поскольку уже существуют *главатост, зубатост, глатост, кошчатост* и т. п. Точно так же существительное **рукоња* смогло бы быстро войти в систему и дополнить собой группу существительных, обозначающих носителей некой особой приметы, как, скажем, уже существующие *вратоња, главоња, носоња, брадоња, ушоња* и др. Поскольку в языке есть существительные *ножиште, очиште, зубиште, брадиште*, обозначающие место, можно легко представить появление пока еще незарегистрированных существительных **грудите, *носиште, *прстиште* и т. п.

Такие слова Е. А. Земская [Земская 1973: 217–227] (и многие другие лингвисты) называет *потенциальными словами*. Это слова, которые появляются при соединении высокопродуктивных морфем с широким кругом словообразовательных основ [Земская 1973: 217]. Следовательно, потенциальные слова в данном языке возникают по наиболее продуктивным словообразовательным моделям. В качестве примеров из русского языка Е. А. Земская приводит существительные с префиксами *анти-, не-*, глаголы с префиксами *за-, од-, до-*, затем существительные с суффиксами *-тель, -ость, -ище*. Возможности соединения этих префиксов или суффиксов с различными словообразовательными основами безграничны. Е. А. Земская отмечает, что невозможно определить время появления этих слов. Они существуют «тайно», будучи заключены в словообразовательных возможностях языка, но в действительности могут и не появиться, если в них нет необходимости. Невозможно определить, являются ли они новыми словами или уже существовали в языке. Возможно, существительные **грудите, *носиште, *прстиште* уже присутствуют в сербском языке, хотя и не отмечены в словарях, а может быть,

что они никогда и не появятся. В связи с семантикой потенциальных слов важно отметить (по Земской), что они являются полностью мотивированными, т. е. их значение представляет собой сумму значений составляющих их словообразовательных компонентов.

По причине указанных особенностей потенциальных слов носителям языка нелегко отличить реальное слово от потенциального, и они не могут охарактеризовать потенциальные слова как такие, за счет которых лексическая система языка обогащается наиболее продуктивно⁵.

Возникает вопрос, как изучать потенциальные слова в конкретном языке. Если слово отмечено, можно ли считать его потенциальным? Если некая лексема отмечена много раз, а также зарегистрирована в дескриптивных словарях данного языка, то она относится к реальным словам. Если же она фиксировалась редко, то это может быть окказионализм или потенциальное слово. Мы полностью принимаем объяснение Е. А. Земской, согласно которому окказионализмы и потенциальные слова являются антиподами [Земская 1973: 238]⁶. Потенциальные слова появляются в результате активизации наиболее продуктивных словообразовательных моделей и потому не воспринимаются как новые слова. Окказионализмы же возникают в результате активизации абсолютно непродуктивных моделей, оттого они и воспринимаются как новые слова;

⁵ Во время дискуссии после одноименного доклада Е. А. Карпиловская задала мне интересный вопрос: какая из 14 указанных категорий значений дериватов существительных, обозначающих части тела, быстрее других заполняется новыми дериватами. Это могут быть, например, существительные, обозначающие место или же характерную особенность? Ответ на этот вопрос труден. Каждая лакуна в системе имеет одинаковые шансы оказаться заполненной, и в каждой пустой ячейке уже присутствует потенциальное слово — как языковая возможность, которая может получить или не получить развитие. Все же вероятнее всего, что в силу действия закона аналогии оперативнее заполняются лакуны в подсистемах, в которых отмечено наибольшее количество реализовавшихся элементов. Так, например, почти у всех существительных, обозначающих части тела, есть дериват в категории *nomina attributiva*. Разумно ожидать, что вскоре и те существительные, которые обозначают часть тела, но не имеют деривата с таким значением, разовьют его. С другой стороны, в этой тематической группе мало существительных, у которых есть дериват в категории *nomina loci*. Возможно, это означает, что существительным этой тематической группы, не имеющим деривата со значением места, будет труднее (в течение более длительного времени) обрести его.

⁶ Важно отметить, что существуют и другие мнения. Во время заседания Комиссии по словообразованию (24–26 марта 2009 г., Москва) И. С. Улуханов устно изложил свою позицию, согласно которой он не признает различия между потенциальными словами и окказионализмами.

кроме того, зачастую им присуща экспрессивность. Таким образом, лексема может оставаться потенциальной, несмотря на то, что уже отмечена в языке, например, в языке писателей. Если писатель использует лексему, не зафиксированную в словарях и возникшую по некой продуктивной словообразовательной модели, то такая лексема относится к потенциальным словам.

Язык отдельных писателей характеризуется частым употреблением потенциальных слов. Й. Ерквич отмечает, как сербский писатель Бошко Петрович был склонен к созданию новых слов по существующим словообразовательным моделям. Он отмечает множество таких слов типа *безљуђе*, *окужуј*, *полакост*, *предмисао*, *предреч*, *узалуђе*, *оглаварен*, *сненобудан*, *сненовидан*, *тешикорук*, *празносеседети*, *хоћкати се*, *птицолико* [Јерковић 1985]. Ученый констатирует, что Бошко Петрович, «как некогда Вук Караджич, сделал так, что многие слова, для которых у нас не было подтверждений в лексикографических пособиях, звучали понятно и близко» [Јерковић 1985: 134]. В той же статье говорится и следующее: «Мы попытались — но безуспешно — заменить отдельные лексемы словами с тем же значением (согласно словарным толкованиям). Каждый раз писательская мысль проигрывала в большей или меньшей степени своему семантическому компоненту. В первую очередь терялась стилистическая ценность, поскольку в каждом слове есть нечто, что принадлежит только ему — эмоциональный ли, экспрессивный ли или некий иной колорит, неважно какой» [Јерковић 1985: 141–142]. Использование потенциального слова, действительно, может быть мотивировано необходимостью экспрессивной выразительности. Но не обязательно. Можно даже предположить, что потенциальные слова чаще всего используются потому, что для обозначения некоего понятия отсутствует подходящее слово. Однако оспаривать стремление к экспрессивности нет необходимости.

К интересным выводам о статусе потенциальных слов можно подойти при помощи анализа анкеты, проведенной А. Милановичем [Милановић, у штампи] во время научной конференции, посвященной творчеству сербского поэта Милосава Тешича. Один из сборников его поэзии назван «Бубњалица у пчелињаку». Существительное *бубњалица* не отмечено в словарях современного сербского языка. Однако каждому носителю сербского языка знакомо значение мотивирующего глагола *бубњати* («бить в барабан», но одновременно и «бубнить»). Нам знаком как суффикс, так и весьма продуктивная словообразовательная модель — глагол, обозначающий действие, и предмет, которым выполняется действие, выраженные глаголом. В языке зарегистрированы существительные: *дува-*

лица, стругалица, жвакалица, зујалица, прскалица, гњечилица, летелица и т. д. Легко предположить, что *бубњалица* могла бы представлять собою некий предмет, которым производится *бубнение. В анкете двенадцать знаменитых сербских литературных критиков отвечали на вопрос, является ли *бубњалица* неологизмом. Пять из них ответили «да», шесть — «нет», а одна анкета осталась незаполненной.

Носители языка (в особенности образованные и профессионально занимающиеся языком) без труда могут идентифицировать большинство неологизмов. Однако распознать неологизмы, являющиеся потенциальными словами, они очевидно не могут. Именно поэтому критики в той анкете не сошлись во мнении. Таким образом, потенциальные слова входят в язык незаметно, и этот вид неологизмов носители языка часто не замечают.

От двенадцати участников анкеты требовалось указать первое однокоренное слово с существительным *бубњалица*, которое заканчивается на *-лица*. Оказалось, что анкетированные ответили на этот вопрос множеством потенциальных слов, многие из которых не отмечены в словарях современного сербского языка, например: *букалица, дрмалица, зврзалица, трепеталица, тутњалица, чангртилица, чукалица* и т. д. Так возникла тематически связанная группа потенциальных лексем.

Из этого можно сделать вывод, что одно потенциальное слово с легкостью «пробуждает» другое — что также является важным для представления об основных способах расширения словаря.

При анализе способов возникновения неологизмов в сербском языке сербские лингвисты установили также много новых словообразовательных моделей, открывающих новые источники потенциальных слов.

Дж. Оташевич определил несколько продуктивных моделей появления новых слов в сербском языке: адъективизация деепричастий на *-ћи*, детерминологизация, терминологизация, генерализация, универбизация, *nomina feminativa*, сокращения, новые деривационные модели, отрицание и множественное число материальных существительных. Только в случае адъективизации деепричастий на *-ћи* ученый выделяет примеры появления потенциальных слов: *надлазећа* (технолозија), *надирући* (страх), *алтернирајући* (зацени), *деградиралући* (кич), *ескалирајућа* (револуција) и т. д. [Оташевић 2008: 97]. Однако потенциальные слова у Оташевича присутствуют и в других категориях, например:

— **универбизация:** цртани филм — *цртић*, љубавни филм / роман — *љубић*, криминалистички филм / роман — *кримић*; културни радник — *културњак*, позоришни уметник — *позоришњак*, ликовни уметник — *ликовњак*; бензински мотор — *бензинац*, даљински управљач —

даљинац, дигитални часовник — *дигиталац*, компатибилни компјутер — *компатибилац*, високотонски звучник — *високотонац* и т. д.;

— **nomina feminativa:** *архитектица*, *водителџица*, *доцентџица*, *кустосица*, *ванземаљка*, *билдерка*, *гастарбајтерка*, *герилка*, *дизајнерка*, *конгресменка*, *ватерполисткиња*, *видовњакиња*, *дисиденткиња*, *пешакиња* и т. д.;

— **негација:** *несрбин*, *нерус*, *немуслиман*, *нефилолог*, *неинжењер*, *некњижевник* и т. д.⁷.

Б. Чорич [Ћорић 2008] и М. Радович-Тешич [Радовић-Тешић 2008] пишућ о модели с високој продуктивношћу појављених нових речи с суфиксом *-ијада*: *гитарџијада*, *роштиљџијада*, *машињџијада*, *пекаријада* и т. д.

Все указани модели јављају се у српском језику веома продуктивно, несмотрј на их новизну, и ова продуктивност (по Е. А. Земској) обезбеђује појављених потенцијалних речи. Кроме тога, указани модели обједињује и то, што мотивишуће речи односе се к једној тематској групи — тако же, како и нове деривате улазе у једну тематску групу (у више или мање широком разумињу).

Интересно још и то, што инокда лингвисти, набљудајући за развојем некеј словообразователне модели, предсказују појављених нових речи — тако же, како и ми упоминули о могућем настанку одвојених речи у српском језику, на пример, **грудите*, **носиите*, **прстиите*, **вратост*, **рукоња*. На пример, у 2003 г. Р. Бугарски обратио пажњу на експанзију суфикса *-њак* у српском младежном жаргону и, соотвјетствено, предположио, што мобилни телефон добије у младежи назив *мобилњак*. Његово предсказание не оправдало се, што потврђује тачку глједания Е. А. Земској, согласно којој некеј речи из потенцијалних речи никогда не стану реалним.

Выводы. Анализ деривационних гнезд лексема, свјазаних с човеком, у современим српском језику показује, што дериватима свих делова речи чаше всего јављају се сушествоителне, а деривационне гнезда развијају се системно, како Периодическа система Д. И. Менделеева. Ово позволяје нам предположити, што највише число нових речи долази при запољнении лакуна у систему. Речи, запољњујуће лакуне, представљају собом потенцијалне лексеми. Ово те речи, за которих трудно одредити, јављају ли они новим или же они још сушествовали у језику, и потому носители језика не воспримају их како неологизми.

⁷ Е. А. Земская у качестве примера потенцијалних речи у руском језику такође приводит лексеми с продуктивним префиксом *анти-* [Земская 1973: 220–222].

Литература

- Белић А.* Савремени српскохрватски књижевни језик. II д. Наука о грађењу речи. Београд, 1949.
- Бугарски Р.* Жаргон. Београд, 2003.
- Гортан-Премк Д.* Полисемија и организација лексичког система. Београд, 2001.
- Гортан-Премк Д.* Семантичко-деривациони речник српског језика // Језик данас. 2001. № 13.
- Гортан-Премк Д.* Речник деривационих гнезда као основа за упоредно испитивање лексичких система словенских језика // 33 Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2001.
- Гортан-Премк Д., Миркуловска М.* Српско-македонски семантичко-деривациони речник // 34 Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2002.
- Гортан-Премк Д., Васић В., Недељков Љ.* Семантичко-деривациони речник. Свеска 1. Човек — делови тела. Нови Сад, 2003.
- Гортан-Премк Д., Васић В., Драгићевић Р.* Семантичко-деривациони речник. Свеска 2. Човек — унутрашњи органи и ткива, психофизиолошка стања и радње, психофизичке особине, сродство. Нови Сад, 2006.
- Драгићевић Р.* Придеви са значењем људских особина у савременом српском језику: Творбена и семантичка анализа. Београд, 2001.
- Земская Е. А.* Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.
- Јерковић Ј.* Лексичка слојевитост *Певача* Бошка Петровића // Књижевност и језик. 1985. № 3–4.
- Милановић А.* Оказионализми и потенцијалне речи у поезији Милосава Тешића. У штампи.
- Немченко В. Н.* Современный русский язык: Словообразование. М., 1984.
- Оташевић Ђ.* Нове речи и значења у српском језику. Београд, 2008.
- Радовић-Тешић М.* Структура актуелних неологизама у српском језику // Научни састанак слависта у Вукове дане. 37/1. Београд, 2008.
- Станојчић Ж., Поповић Љ.* Граматика српског језика: Уџбеник за I, II, III и IV разред средње школе. 10 издање. Београд, 2005.
- Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1985.
- Функционалните аспекти словаутварення: Доклади IX Миѓнардной науковатай канферэнцыи Камісіі па славянскаму словаутваренню пры Миѓнардным камітэце славистаў / Нав. ред. А. А. Лукашанец. Мінск, 2006.
- Ђорић Б.* Творба именица у српском језику (одабрание теме). Београд, 2008.

Творбене иновације из угла испитивања деривационих гнезда у српском језику

Група српских семантичара и дериватолога је, након дугог интересовања за проучавање системских процеса у лексичком систему српског језика и творбеног потенцијала простих речи, израдила *Семантичко-деривациони речник српског језика*. Први том је објављен 2003. године, а други 2005. године. Након тога је уследило детаљније испитивање деривационих гнезда лексема које се одnose на човека — делове тела, органе, психофизиолошка стања и радње и психофизичке особине.

Показало се да највише деривата и највише значења у српском језику имају лексеме које означавају делове човековог тела. Лексема *глава*, на пример, има око 400 деривата у српском језику, а *рука* око 300. Тако се још једном потврдила антропоцентрична природа језика. Осим тога, потврдило се и то да лексика која је у вези са човеком и његовим окружењем спада у базичну лексику која чини основни лексички фонд српског језика (вероватно и многих других језика). Овај резултат даје основа за даљу систематизацију лексике на основу богатства деривационих гнезда. Што је лексема богатија дериватима — базичнија је у лексичком фонду.

Лексеме из исте тематске групе имају исти или врло сличан творбени потенцијал. Тако се, на пример, показало да скоро сви придеви који означавају људске особине у српском језику граде именицу са значењем особине, именицу са значењем мушког носиоца особине, именицу са значењем женског носиоца особине, придев субјективне оцене, прилог и глагол који означава настајање или интензификацију особине. Уочавање оваквих правилности омогућава нам откривање празних места у деривационом систему неких простих лексема, а то значи и у лексичком систему уопште. Из овога закључујемо да настанак неких деривата може да се предвиди и да се очекује у језику и да нису баш све нове речи у језику непредвидљиве. У реферату ће се изнети такви примери, али и они који показују да се нека ишчекивања могу изјаловити. Предвидљиви деривати много се лакше уклапају у лексички систем и не праве потресе у њему у односу на непредвидљиве деривате, који се теже уклапају и често доводе до промене значења неких већ постојећих лексема или промене њихове употребе.

Анализа деривационих гнезда указује и на нове формалне процесе у деривацији. Једна од тенденција у савременом српском језику јесте увећавање броја именица са префиксима, што је до сада недовољно искоришћен потенцијал у српском језику, јер се, уобичајено, само глаголи богате префиксима.

Велике су могућности и користи од испитивања деривационих гнезда, а циљ овог рада јесте указивање на неке од њих.

Р. Беленчикова (Магдебург)

Парадигматические отношения производных слов и их представление в двуязычном словаре (на материале глаголов с префиксом *об-*)

1. Вступление

Парадигматические отношения производных слов (далее — ПО) не раз были предметом дискуссий на заседаниях Комиссии по славянскому словообразованию. По критерию лексической семантики можно различать три группы ПО: а) ПО, независимые от производности и словообразовательной структуры лексем (лексические синонимы, антонимы, омонимы и т. д.); б) ПО, которые лежат в основе комплексных единиц словообразования (словообразовательной парадигмы, словообразовательного типа и словообразовательной категории); в) ПО, связанные со словообразовательной структурой данных лексем. Это, например, словообразовательная синонимия (*скворечник — скворечня, открывалка — открывашка*), словообразовательная антонимия различных подтипов (*женат — неженат; вложить — выложить, обналичить — обезналичить*), конверсивные отношения (*учитель — ученик*) и другие типы ПО, присущие однокоренным лексемам одного лексико-семантического поля. ПО, представленные в группах б) и в), составляют часть всех эпидигматических отношений. Напомню, что этим термином Д. Н. Шмелев обозначил все ПО в словообразовательной системе [Шмелев 1971].

Далее ПО будут освещаться на примере глаголов с префиксальным морфом *об-*. В данной статье этот объект исследований обсуждается в прикладных целях: ПО оказываются важными не только с точки зрения собственно словообразования, но и с точки зрения лексикографа, который должен учесть ПО заголовочных слов при составлении одно- и двуязычных толковых словарей. В данном случае этот вопрос заинтересовал меня в связи с работой над многотомным Русско-немецким словарем (РНС), рассчитанным на 250 тысяч заголовочных слов и выборочно включающем просторечные слова, жаргонизмы, устаревшую лексику и неологизмы. Выявление ПО в таком неоднородном словнике ставит перед составителем словаря определенные вопросы, решение которых необходимо

для практических лексикографических задач: ПО должны отразиться в лексикографической микроструктуре, прежде всего, в семантизации заголовочного слова внутри словарной статьи и при подборе эквивалента, и в лексикографической макроструктуре, в данном случае — в отсылочной системе.

2. Статус префиксального морфа *об-*

Вопрос о статусе префиксального морфа *об-* является спорным: он считается либо алломорфом одного префикса *о-* / *об-* / *обо-* (например, [Черепанов 2004: 232–243]), либо самостоятельным префиксом (ср., например, [Русская грамматика 1980]). М. А. Кронгауз в результате обширного анализа постулировал «существование в современном русском языке двух глагольных приставок с полным совпадением набора алломорфов, но несовпадением их значимости» [Кронгауз 1998: 147], а именно:

1) *об-* как главный алломорф (например, *оббежать* с вариантом *обежать* в позиции «свободного варьирования») с обязательными, фонетически обусловленными алломорфами:

о- перед /б/ и /п/ (*об-плыть* > *оплыть*, *об-ползти* > *оползти*);

обо- как алломорф перед группой согласных (*обирать* — *обобратить*, *обить* — *обобью*);

2) *о-* как главный алломорф (*офранцузиться*) и алломорфы:

об- как алломорф в позиции «полусвободного» варьирования» перед сонорными (*орумыниться* — *обрумыниться*) и /в/ (*овенгериться* — *обвенгериться*) и как обязательный, фонетически обусловленный алломорф перед гласными (*обамериканиваться*, *обазиатиться*, *обангличаниваться*), см. подробно [Кронгауз 1998: 146];

обо- как алломорф «перед скоплением согласных, первым из которых идет сонорный» (*о-лгать* > *оболгать*, *о-ржать* > *оборжать* кого-н.), причем «на подозрении оказываются и другие скопления, особенно в коротких (трехзвучных) основах: *обогнуть* (но *огибать*), *обознаться* и некоторые другие» [Кронгауз 1998: 147].

Разумеется, что для различения этих случаев необходим анализ их словообразовательного и лексического значения. Поэтому обратимся к словообразовательным типам с названными префиксами.

3. Словообразовательные типы с префиксальными морфами *об-* и *о-*

3.1. По данным [Русская грамматика 1980], специфическими для префикса *об-* являются следующие словообразовательные значения, реализующиеся в префиксальных и префиксально-постфиксальных словообразовательных типах:

1) «причинить ущерб кому-н. (иногда — обмануть кого-н.) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» [Русская грамматика 1980: 363], например, *обвесить* ([БТС], [МАС], *обделить* (1); под влиянием словообразовательного значения данного префиксального типа образуются и отыменные глаголы, ср. жаргонизм *облажать* «обмануть, подвести, опозорить» [БТС];

2) «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, превзойти другого исполнителя данного действия» [Русская грамматика 1980: 363], например, *обыграть*, *обстрелять*.

3) Далее, префикс *об-* участвует в префиксально-постфиксальном словообразовании глаголов со значением «неумеренно-интенсивно осуществить действие» [Черепанов 2004: 240], например, *обкушаться*, *облопаться*, *обхохотаться*, *объестся*, *опиться*, *обревется* «проплакать много и долго; нареветься» [БТС] и разговорные неологизмы типа *обовратиться* [Новое в русской лексике-88], *обрыдаться* [РНСНС], *обсудачиться* [РНСНС], см. ниже п. 5.

4) Из указанного в работе М. А. Кронгауза распределения алломорфов можно сделать вывод, что префиксом *об-* выражается и значение «переместить(ся) вокруг чего-н.», например, *обкатить*, *облезть*, *оплыть*, *обвезти*, *обкатить*, *обнести*, ср. [Черепанов 2004: 232–233].

3.2. Все остальные значения, выделенные авторами [Русская грамматика 1980] и другими исследователями для префиксального морфа *об-*, выражаются также и морфом *о-*.

В [Русская грамматика 1980: 363] называются 4 словообразовательных значения, которые характерны для отглагольного словообразования при помощи префиксов *об-* и *о-*, а именно: «действие, названное мотивирующим глаголом»:

1) «направить вокруг чего-н., на все стороны чего-н.», например, *о-: окутать*, *об-: обрызгать*, *обвалить* (*обвалить котлету в толченых сухарях*), *обкатать*, *обмаслить*, *обжимать*, *обволочь*, *обворовать*, *опилить*;

2) «направить мимо предмета, находящегося на пути движения» (по данным Грамматики, типы непродуктивные), например, *об-: оплыть*, *оползти*, *обскакать*, *обо-: обогнуть*;

3) «распространить <...> на много объектов (или на много мест в пределах одного объекта)», например, *о-: обéгать*, *опросить*, *объехать* (с алломорфом *об-* перед начальным гласным) ‘проехать по многим местам чего-л.’;

4) «совершить (довести до результата)»: *обеспокоить*, *очистить*, *окрепнуть*; *обменять*, *обвенчать*, *обучить*.

Далее, префиксы *об-* и *о-* выступают в отыменных (префиксально-суффиксальных и префиксально-суффиксально-постфиксальных) типах

(здесь приводятся только примеры с *об-*). В первую очередь следует называть продуктивные типы со значениями:

1) «наделить тем, что названо мотивирующим существительным»: *обвоицить, обдернуть* и словообразовательный синоним *обдерновать*;

2) «наделить признаками того или превратить в того (то), что названо мотивирующим существительным» [Русская грамматика 1980: 376], ср. такие примеры, как *обвалютить* [ВТС], *обналичить, обневестить* [РНСНС].

В рамках данной статьи представлены не все словообразовательные значения, в которых участвуют префиксы (префиксальные морфы) *о-* и *об-*, подробнее см. [Черепанов 2004: 231-243].

Семантическое разграничение префиксов в их отношении к некоторым словообразовательным типам составляет трудности. Как пишет М. А. Кронгауз, «сохранилась еще очень сильная связь между этими приставками. В частности, часть значений у них просто совпадает», что объясняется тем, что «некогда единая морфема с несколькими вариантами формы фактически расщепилась на две морфемы, которые противопоставлены друг другу и по форме, и по содержанию. Эти морфемы имеют разные значения и разную сочетаемость с простыми глаголами, которую нельзя объяснить никаким фонетическим распределением. <...> мы имеем дело с живым процессом расщепления приставки и находимся в его середине» [Кронгауз 1998: 139]. Отмечается, однако, тенденция «к использованию *об-* для образования неологизмов, а также в разговорной речи и просторечии» [Кронгауз 1998: 139].

4. Парадигматические отношения глаголов с префиксальными морфами *о-* и *об-*

Рассмотрим сначала однокоренные глаголы, различающиеся только префиксальными морфами, причем в толковых словарях (МАС, БАС) делается отсылка от глагола с морфом *об-* к глаголу с морфом *о-*.

1) По названным выше критериям, описанным в работе М. А. Кронгауза, можно выявить варианты слов с алломорфами одного префикса (ср. позицию «свободного варьирования» в вариантах *оббежать* — *обежать*, *обползти* — *оползти*). При этом речь идет скорее об орфографических, а не о фонетических вариантах. Остальные глаголы должны считаться различными лексемами.

2) «Русская грамматика» указывает на возможность словообразовательной синонимии однокоренных глаголов с данными приставками. Словообразовательные синонимы определяются здесь синхронно как однокоренные слова с различными словообразовательными формантами,

выражающие одно и то же лексическое значение [Русская грамматика 1980: 868].

В немногих случаях глаголы данного рода стилистически и семантически не дифференцируются, а представлены в словарях как абсолютные синонимы с названными префиксами, например: *оклевать* 'клея, общипать со всех сторон' [МАС] — *обклевать* (ср. [БАС], [МАС], [БТС] и др.), *обкорнать* «Прост. <...> 1. <...> То же, что окорнать...» - *окорнать* «Прост. Коротко, неровно обрезать» [МАС]. Можно предполагать, что в просторечии в однокоренных глаголах семантические различия между обоими префиксами стираются.

3) Большое количество словообразовательных синонимов с префиксом *об-* в словарях представлены как частичные синонимы, которые стилистически маркированы. В этих парах глагол с префиксом *об-* чаще всего характеризуется как *разговорный*, ср., например, в [МАС]: *обёгать* — *оббёгать*, *обежать* — *оббежать*, *обрызгать* — *оббрызгать*, *окатить* — *обкатить*, *окопать* (в значении 'вскопать землю вокруг чего-л.') — *обкопать*, *огородить* — *обгородить*, *окромсать* — *обкромсать*, *окрутиться* — *обкрутиться*, *окутать* — *обкутать*, *окрасить* — *обкрасить*, *обить* — *оббить*. В то же время соответствующие постфиксальные производные образуются только с префиксом *об-* и также носят разговорную окраску, ср. *оббиться* [МАС] (*штукатурка оббилась*), *обкраситься* [БАС].

Другие синонимы с префиксом *об-* в [МАС] характеризуются как *просторечные*, т. е. как отклонения от лексической и словообразовательной нормы (ср. *огибать* — *обгибать* прост., *оглядеть* — *обглядеть* прост., *огородить* — *обгородить* прост., *огородиться* — *обгородиться* прост., *одурачить* разг. — *обдурачить* прост., *окоротить* разг. — *обкоротить* прост.). Некоторые глаголы на *об-*, охарактеризованные в [МАС] как *просторечные*, в [БТС] отмечены как *разговорные*, например, *обгородить*, *обгородиться*. В таких случаях отражается общая тенденция colloquialization русского языка и ее учет современной лексикографией.

4) Как отмечает М. А. Кронгауз [Кронгауз 1998: 147] относительно глаголов *окопать* — *обкопать* и *обледенеть* — *оледенеть*, «их синонимичность — следствие не совсем точного описания». Возможно, что семантический анализ на основе большого количества контекстных употреблений позволял бы перенести часть глагольных «пар» из группы синонимов в группу паронимов, т. е. слов, близких по звучанию при (полном или частичном) семантическом различии. В узком смысле, это «однокоренные слова, относящиеся к одной части речи, семантическая соотнесенность которых обусловлена общим корнем, точнее - общим в сопоставляемых словах значением одного и того же корня или общей производящей основой»

[Бельчиков, Панношева 1994: 5]. В качестве примера сравним глагол *обгладить* в его первом лексико-семантическом варианте и глагол *огладить*:

обгладить «...перех. <...> 1. Проведя несколько раз чем-л. по поверхности чего-л., сделать ее гладкой, ровной. <...> 2. Разг. Выгладить все нужное для кого-л. *Обстирать и обгладить всех*» [МАС];

огладить «...перех. <...> Провести рукой, погладить кругом или со всех сторон (обычно для выражения ласки). <...> // Погладить животное с целью успокоить. <...> // Провести по чему-л. рукой, приглаживая» [МАС].

5) В связи с этим следует упомянуть и факт многозначности глагола вследствие различных значений одного и того же префикса и множественностью словообразовательной структуры производного глагола, которая может быть связана и с различиями валентности его лексико-семантических вариантов, ср. для данного выше примера:

обгладить (1): что-н.; от прилагательного «гладкий» (об-глад-ить) ‘наделить свойством, которое названо мотивирующим словом’;

обгладить (2): кого-н.; от глагола «гладить» (об-гладить) ‘распространить действие <...> на много объектов’.

В других случаях полисемия префиксального глагола является результатом лексико-семантических процессов (например, расширения, сужения или переноса значения).

Так, глагол *обкурить*, по данным МАС, является словообразовательным синонимом к *окурить* только в своем первом значении (МАС дает отсылку к *окурить*: ‘обдать дымом с какой-л. целью’), ср. другие значения *обкурить*: 2) кого-н./что-н. (чем-н) [МАС] «обычно в форме прич. страд. прои. закоптить, пропитать табачным дымом»); 3) (разг.) что-н. [МАС] «куря, приспособить, сделать более удобным для курения (трубку, мундштук)» (1–3 ср. также [БАС], [БТС]); 4) (в жаргоне наркоманов) кого-н. «дать кому-н. наркотики», ср. адъективированное причастие *обкуренный* [Новое в русской лексике-88].

Можно полагать, что способность префиксальных лексем с морфом *об-* к семантической деривации подтверждает семантическую самостоятельность данного префикса.

6) Значительная группа глаголов с префиксом *об-* (или их лексико-семантических вариантов) не имеет однокоренных синонимов на *о-*, что подтверждает гипотезу существования в современном языке двух префиксов, например, *обвалить*, *обгнуть* разг., *обгореть*.

Различные ПО между однокоренными словами с данными префиксальными морфами подтверждают вышеприведенное высказывание М. А. Кронгауза: «мы имеем дело с живым процессом расщепления приставки и находимся в его середине» [Кронгауз 1998: 139].

5. Парадигматические отношения глаголов с префиксом *об-* в рамках словообразовательных категорий

Некоторые префиксальные типы с префиксом *об-* входят в словообразовательные категории (СК). При этом я исхожу из узкого понимания СК и считаю критериями их выделения общее словообразовательное значение, общность производящей части речи и общий способ словообразования производных слов, принадлежащих к одной и той же СК.

Так, словообразовательное значение «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, превзойти другого исполнителя данного действия» выражается не только префиксом *об-* (см. выше *обыграть*, *обстрелять*): «Русская грамматика» указывает на синонимичность этого типа «высокопродуктивному типу с преф. *пере-*» и называет для данного типа такие примеры, как *переиграть* разг. ‘превзойти в игре’, *переспорить*, *перекричать* и др. [Русская грамматика 1980: 366], что позволяет отнести оба типа к одной и той же СК.

Далее, словообразовательное значение префикса *об-* в составе конфикса¹ близко сатуративному способу глагольного действия, ср. перифразы для глаголов как *обреветься* ‘проплакать много и долго; нареветься’ [БТС] и разговорные неологизмы типа *обовратиться* ‘изолгаться’ [Новое в русской лексике-88], *обрыдаться* [РНСНС], *обсудачиться* [РНСНС]. О наличии данного значения в глаголе с конфиксом *об-...-ся* свидетельствуют и контексты с параллельным употреблением сатуративного глагола с конфиксом *на-...-ся*, типа *Насмотришься американского кино и обзавидуешься* (Московский комсомолец. 10.12.97; см. [РНСНС]).

Сатуративный способ глагольного действия принадлежит к тем СК русского языка, которые не имеют категориального соответствия в немецком словообразовании. В русско-немецком словаре в функции словарных эквивалентов русских глаголов подбираются немецкие лексемы с близким значением или перифразы. В идеальном случае заголовочные слова или лексико-семантические варианты определенных словообразовательных категорий должны переводиться стереотипными перифразами. Это иллюстрируется примером сатуративного глагола *на-...-ся* из РНС²:

набегаться <-аюсь, -аешься, *pf. saturativ*> (*ugs.*) **1.** sich muede gelaufen haben, sich ordentlich ausgelaufen haben. **2.** sich die Beine nach etwas abgelaufen haben.

¹ Конфикс в данной работе определяется как формант префиксально суффиксального словообразования.

² В приведенных здесь и ниже примерах из РНС по техническим причинам опускаются места ударения (частично), грамматические сведения и сведения об особенностях произношения.

Таковыми же стереотипными перифразами на немецком языке передаются и глаголы той же СК с префиксом *об-*. Для наглядности, приведу однокоренной глагол *оббегаться* из рукописи РНС (слово еще не зафиксировано лексикографически, но поисковые машины в Интернете свидетельствуют о реальном употреблении этого глагола в разговорной речи):

оббегаться <...> (*ugs.*) *der Reihe nach absuchen nach jmdm./etw.: sich müde laufen*; я оббегалась по магазинам *ich habe viele Läden abgeklappert*.

В перифразе для глагола *оббегаться* передается значение сатуративности и семантическая специфика префикса *об-*. В двуязычном словаре это, однако, не всегда удается. Отмечу, что в связи с семантической спецификой префиксов синонимия смешанных словообразовательных типов может оспариваться — эта проблематика выходит за рамки данной статьи.

6. Отражение ПО заголовочных слов в лексикографической микроструктуре и макроструктуре

В словарях русского языка (включая двуязычные словари с русским как исходным) ПО производных глаголов должны учитываться в лексикографической микроструктуре, т. е. в семантизации заголовочного слова внутри словарной статьи и в пометах, а также в лексикографической макроструктуре, в данном случае — в отсылочной системе.

6.1. Отсылочная система словаря

В случаях словообразовательной синонимии следует делать отсылку — не только в целях словарной экономии, но и для того, чтобы отобразить системные отношения. При этом желательно придерживаться единого направления отсылок. Так, при наличии словообразовательных синонимов на *об-* и *о-* в одном и том же словаре отсылка обычно ведется от заголовочного слова на *об-* к слову на *о-*, например, от *обклевать* к глаголу *оклевать*, ср. БАС, МАС, БТС и др.

При этом указанная мною проблема статуса морфа *об-* не играет роли для макроструктуры словаря: оба глагола выступают как самостоятельные заголовочные слова. Однако в менее обширных словарях типа МАС, БТС скорее представлен глагол на *о-*, чем его синоним на *об-*, ср., например, *оковать* (1) ‘обить каким-л. металлом’ [МАС] — *обковать* (только [БАС]). Очевидно, что при отборе заголовочных слов авторы руководствовались предполагаемой меньшей употребительностью синонимов на *об-*. РНС придерживается этого принципа отсылки, ср. глагол *остукать*, который приводится и в БАС, и в МАС, и *обстукать* (только [БАС]):

остукать <...> (*ipf* остукивать) (*ugs.*) что-н. *beklopfen, abklopfen*; остукивать молотком *abhämmern*. — **обстукать** <...> *syn.* остукать

Встречаются случаи, когда словообразовательная синонимия усложняется фонетической вариантностью, например, в заголовочных словах *остругать* ([БАС], [БТС], [МАС]) и *острогать*, причем вариант с корневым гласным у отмечен как разговорный.

Чтобы облегчить пользователю поиск, в МАС, помимо синонима, дается перифраза:

острогать <...> (*несов.* острогивать) Строгая, сделать гладким; *обстрогать*.

обстрогать <...> (*несов.* обстрогивать) Строгая, сделать гладким; *острогать*.

обстругать <...> (*несов.* обстругивать) Разг. То же, что обстрогать.

остругать <...> (*несов.* остругивать) Разг. То же, что острогать.

В МАС в правой стороне словарной статьи размещены и перифраза, и отсылка на другое заголовочное слово; можно полагать, что тем самым подчеркивается идея словообразовательных вариантов.

По строгой лексикографической концепции, которая осуществляется в частности и в РНС, такое совмещение способов семантизации заголовочного слова недопустимо; в правой стороне словарной статьи в РНС дается либо отсылка к другому заголовочному слову, либо только немецкоязычное соответствие (это эквивалент или перифраза, или эквивалент с перифразой). В данном случае одна отсылка ведет от разговорного варианта на у к нейтральному на о, т. е. от *обстругать* к нейтральному *обстрогать*:

обстрогать <...> (*ipf* обстрогивать) что-н. (ringsherum) abhobeln, behobeln; обстрогать доску ein Brett abhobeln/glatt hobeln.

обстругать <...> (*ipf* обстругивать) (*ugs.*) *svw.* обстрогать.

Учитывая системность образования синонимов, отсылка должна была бы вести от *обстругать* к синониму с той же приставкой, т. е. пользователь может найти *обстругать* только через две ступени поиска:

остругать <...> (*ipf* остругивать) (*ugs.*) *svw.* острогать.

острогать <...> (*несов.* острогивать) (*ugs.*) *svw.* обстрогать.

В данном случае по причине большей частотности синонима на об- было предложено другое направление отсылки (от *обстругать* к *обстрогать*):

обстругать <...> (*ipf* острогивать) *svw.* обстрогать.

Таким образом, пользователю нужен только один шаг поиска, и он сразу доходит до наиболее употребительного синонима. С другой стороны, такие «ступенчатые отсылки» встречаются и в РНС, например, отсылка от несовершенного вида к совершенному виду:

обстругивать <...> *s.* обстругать.

обстругать <...> (*ipf* обстругивать) (*ugs.*) *svw.* обстрогать.

острагивать <...> (*selten*) *s.* острогать.

острогать <...> (*ipf* острагивать) (*ugs.*) *svw.* обстрогать.

обстрогать <...> (*ipf* обстрагивать) что-н. (*ringsherum*) *abhobeln*, *behobeln*; обстрогать доску *ein Brett abhobeln/glatt hobeln*.

В итоге можно говорить о конкурирующих факторах, которые в случаях вариативности или словообразовательной синонимии определяют направление отсылок в толковых словарях: это словообразовательная системность, удобство пользования словарем, а также маркированность и частотность употребления синонимов или вариантов.

В РНС словообразовательная системность учитывается, в частности, в отсылочной системе видовых пар и «троек», а также при указании производящих слов для заголовочных слов, принадлежащих к словообразовательным типам синтаксической деривации и модификации, даже если эти производные малоупотребительны, ср. помету «редко» (*selten*):

острагивание <...> (*selten*) *Abstr. zu* острагивать.

Словообразовательная системность наиболее изучена, в то время как частотность определима пока только в ограниченной степени: по нашему опыту, новые электронные корпуса (Национальный корпус русского языка, *Integrum* и др.) пока невозможно использовать для такого большого массива лексики, как словарь РНС. Это остается будущей задачей лексикографии.

6.2. Омонимия и полисемия

На макроструктуре словаря сказывается характеристика заголовочных слов по критерию омонимии или полисемии. Лексические омонимы должны составлять отдельные леммы и, соответственно, они представлены в различных словарных статьях.

По А. Н. Тихонову [Тихонов 1985: 33], в словообразовании различают: «1) омонимы, возникшие на базе лексических омонимов» (*топить* I — *топление* I /печей/, *топить* II — *топление* II /сала/), «2) омонимы, созданные на базе однокоренных слов» (*молоко* — *молочник* I /сосуд/, *молочник* II /лицо/) и «3) омонимы, образованные на базе созвучных, но не омонимичных и не однокоренных слов, основы которых совпадают, когда они участвуют в словообразовании» (*метель* — *метельный* I, *метла* — *метельный* II). Некоторые лингвисты ограничивают понятие словообразовательной омонимии второй группой случаев (подробно см. [Аврамова 2005]). Производные этой группы в большинстве словарей трактуются как многозначные заголовочные слова, обладающие мотивирующим признаком как совместным семантическим компонентом, ср. *молочник*, *молочница* в МАС и БТС.

Словообразовательные омонимы первой и третьей группы обычно рассматриваются и как лексические омонимы и образуют отдельные словарные статьи.

При этом распределение лексических омонимов на различные леммы проводится и по отношению к производным словам, включая отсылочные. Так, в РНС как омонимы трактуются глаголы ¹обваливать (*несов. к* обвалить) и ²обваливать (*несов. к* обвалять), а также производные от них абстрактные существительные, ср.:

обвалить <...> (*ipf* обваливать) что-н. **1.** umwerfen, umstoßen, umstürzen. **2.** eindämmen, eindeichen.

¹обваливать <...> *s.* обвалить.

¹обваливание <...> *Abstr. zu* ¹обваливать.

обвалять <...> (*ipf* обваливать) что-н. (в чем-н.) einrollen, wenden (*in Mehl*); обвалять котлету в толченых сухарях *eine Bulette in Semmelmehl wälzen*: eine Bulette panieren.

²обваливать <...> *s.* обвалять.

²обваливание <...> *Abstr. zu* ¹обваливать.

Здесь между собой конкурируют принципы словарной экономии и системности, которые реализуются благодаря отсылке формально идентичных производных к производящим омонимам. Такая последовательность необходима не только ради системного отражения семантических и словообразовательных отношений, но и в целях электронной обработки словарных данных (например, для планируемой электронной версии РНС в Интернете) и для реализации поисковых функций в электронных словарях.

В данной статье были затронуты лишь немногие из большого круга вопросов, которые возникают в связи с учетом ПО производных заголовочных слов в толковых словарях. Практическая работа над РНС подтверждает, что учет закономерностей русского словообразования способствует раскрытию семантики заголовочных слов и подбору немецких эквивалентов. А это остается главной задачей и сложностью при составлении РНС как двуязычного словаря.

Литература

Аврамова Ц. Проблемът за словообразователната омонимия и полисемия при суфиксалните деривати в славянските езици // Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung / Hsg. H. Burkhardt, A. Nagórko. Hildesheim; Zürich; New-York, 2007.

- Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С.* Словарь паронимов современного русского языка. М., 1994.
- Кронгауз М. А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-88. СПб., 1996.
- Русская грамматика, Т. I. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. 1980.
- Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. М, 1985.
- Черепанов М. В.* Очерк словообразовательной типологии русского глагола. Саратов, 2004.
- Шмелев Д. Н.* О третьем измерении лексики // *Шмелев Д. Н.* Избранные труды по русскому языку. М., 2002.

Сокращения

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л., 1950.
- БАСРЯ — Большой Академический словарь русского языка. М.; СПб.; Т. 1 — 2004, Т. 2 — 2005, Т. 3 — 2005, Т. 4–6 — 2006, Т. 7, 8 — 2007, Т. 9 — 2008.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. М., 1998.
- МАС — Словарь русского языка. В 4 т. Изд. 2. М., 1981–1984.
- РННС — *Улханов И., Хебекер Х., Беленчиков В., Беленчикова Р.* Русско-немецкий словарь новых слов. М., 2007.
- РНС — Russisch-Deutsches Woerterbuch / Hrsg. von R. Belentschikow. Mainz; Wiesbaden. 1: А–Б–В — 2003; 2: Г–Д–Е — 2003; 3: Ж–З–И–Й — 2004; 4: К — 2005, 5: Л–М — 2006; 6: Н — 2007.

A. Nagórko (Berlin)

Motywacja słowotwórcza a ikoniczność

1. Co to jest ikoniczność? Ikoniczność i ikonizm

Uniwersalną własnością znaków i struktur językowych jest **ikoniczność** (ang. *iconicity*, niem. *Ikonizität*). Termin pochodzi jak wiemy z semiotyki, ukuł go Ch. W. Morris [Morris 1946], [Morris 1973]. Z kolei znaki ikoniczne — ikony (gr. *eikōn* ‘obraz’) — w teorii Peirce’a [Peirce 1931–1958], [Peirce 1967–1970] oznaczają rodzaj postrzeganych wzrokowo albo słuchowo znaków, które obrazowo naśladują cechy realnych obiektów — są to np. znaki drogowe, diagramy, wykresy, grafiki, mapy, piktogramy (z ich internetową odmianą o nazwie *smileys*) itp.

W lingwistyce tekstu i dyskursu rozwinęła się teoria tzw. **ikonizmu** (niem. *Ikonismus*). Opiera się ona na założeniu, że także struktura tekstu odwzorowuje obrazowo własności świata przedstawionego. W grę wchodzi tu przede wszystkim zasada sekwencyjności albo inaczej *ordo naturalis*. Na przykład instrukcja obsługi pralki opisuje kolejne kroki, jakie posługujący się nią ludzie w rzeczywistości wykonują; kronika wypadków odpowiada ich porządkowi chronologicznemu; podobnie przepisy kulinarne, opisy budowy konstrukcji z klocków itp (coraz częściej zresztą są to instrukcje obrazkowe, nawet jeśli ich adresatami są dorośli, a nie dzieci). Toteż ikonizm wykracza poza interakcje czysto werbalne. Godzi się przypomnieć, że G. P. Grice ilustrował swoją zasadę kooperacji przykładami różnego typu współdziałania. Uczestniczący w nim ludzie oczekują od swoich partnerów racjonalnych zachowań, toteż np. zasada stosunku może rządzić też działaniem w kuchni: «...jeśli mieszam składniki na ciasto, spodziewam się, że nie poda mi on (mój partner — A. N.) dobrej książki ani nawet rękawicy do wyjmowania formy z pieca (choć może to być udział stosowny w późniejszym stadium» [Grice 1977: 90].

Także kognitywistyka posługuje się terminem ikoniczność, jednak z charakterystycznym dla niej przesunięciem akcentu z relacji ‘znak : rzeczywistość’ na relację ‘pojęcie : znak’ albo po prostu ‘treść : forma’ (por. [Tabakowska 2006: 121]). Na pierwszy plan wysuwa się osoba obserwatora i takie operacje kognitywne w jego umyśle, jak dostrzeganie **podobieństwa** przez porównanie (czegoś nowego z czymś już znanym), zdolność do **abstrakcji**, tj. nieuwzględ-

niania wszystkich cech, do mentalnego przeniesienia, wreszcie porządkowanie doświadczenia świata, czyli **kategoryzacja**. Zgodnie z tendencją do ciągłego, a nie dyskretnego traktowania zjawisk, przyjmuje się, że ikoniczność ma charakter skalarny i obejmuje szerokie spektrum językowe.

2. Typy ikoniczności

2.1. Podobieństwo brzmieniowe

Podobieństwo brzmieniowe zachodzi jak wiadomo w wyrazach dźwiękonaśladowczych. W sporze pomiędzy zwolennikami i przeciwnikami naturalnego związku między znakiem a jego denotatem onomatopeje stanowią tradycyjny argument na rzecz ikoniczności języka. W polskim onomatopeikonie Bańki [Bańko 2008] znajdujemy ok. 800 wykrzykników o charakterze dźwiękonaśladowczym pochodzących głównie z literatury dla dzieci, z komiksów i stron internetowych. Autor interesuje się także derywacją onomatopei, wyróżniając siedem technik słotwórczych, m. in. takich jak sufikacja: *chap* > *chaps*¹, alternacja: *chrum* > *krum*, kontaminacja: *gruchu* + *groch* > *grochu*, reduplikacja: *gul-gul*, *gę gę*, *kra kra*. Naśladowane są dźwięki wywołane przez uderzenia (*buch*, *puk*), głosy zwierząt, ludzi (*chi-chi*, *a psik*), instrumentów (*umpa*), szybkie ruchy (*czmych*, *dyg*, *myk*) itp. Ich ikoniczność jest rzecz jasna umowna, zwłaszcza w sporej grupie onomatopei pochodnych od czasowników: *cho-du*, *myju*, *szoru*, *odkluk*, *zakluk*.

Pytaniem, które o ile wiem nie zaprzętało jak dotąd szczególnie uwagi badaczy, jest derywacja odonomatopeiczna. Chodzi tu przede wszystkim o czasowniki: *ćwierkać*, *chrumkać*, *krakać...*; *chichotać*, *chichrać się*, *jojrzeć*, *gulgotać...*; *pukać*, *stukać*, *terkotać*, *tupotać...* oraz rzeczowniki, które można uznać za ostatnie ogniwo łańcucha słotwórczego: *bul-bul* > *bulgotać* > *bulgot*, *tup tup* > *tupotać* > *tupot*. Pod kątem ikoniczności i symbolizmu dźwiękowego warto by było także przyjrzeć się serii czasowników (i rzeczowników²) z elementem *-ot-*, por. *chlubotać*, *chrobotać*, *chybotać się*, *druzgotać*, *dygotać*, *furgotać*, *grzechotać*, *jazgotać*, *klekotać*, *łaskotać*, *migotać*, *pluskotać*, *pyrkotać*, *rechotać*, *szczebiotać*, *szwargotać*, *świegotać*, *trajkotać*, *warkotać* (przykłady wybrane z [Indeks 1973]). Nie zawsze można znaleźć dla nich motywację poprzez onomatopeję, ale podejrzenie symbolizmu dźwiękowego jest tu uzasadnione.

Zainteresowanie tym zjawiskiem w morfologii dotyczy części afiksów ([Szymanek 1996], [Nagórko 2000]). Kodowanie emocji dokonuje się też już

¹ Biorące w niej udział sufiksy są z reguły jednostkowe, może poza wyspecjalizowanym *-u*.

² Ponieważ nie każdy czasownik ma swój odpowiednik w postaci rzeczownika, traktujemy drugie jako sekundarne (inaczej niż [Gramatyka 1998: 574n]).

w morfemach leksykalnych, a jego środkiem są nietypowe dla języka kombinacje dźwięków, ich cechy artykulacyjne i akustyczne, por. ekspresywne *bździągwa*, *dyrdymały*, *nabzdryngolony*, *nabzdyczony*. Badania nad rolą substancji brzmieniowej w derywacji są jak dotąd incydentalne³.

2.2. Porównanie, metafora i metonimia

Bardziej wysublimowana jest ikoniczność oparta na przeniesieniu. Wyróżnia się tu zwłaszcza porównanie, metonimię i (konwencjonalną) metaforę. Te klasyczne tropy definiowane są przez kognitywistów następująco:

«Metonimia jest tym szczególnym przypadkiem konwencjonalnego obrazowania struktury pojęciowej i semantycznej języka, w którym biorą udział dwa pojęcia A i B. B jest albo częścią A, albo jest bardzo blisko związane z A. W porównaniu z A pojęcie B jest łatwiejsze do zrozumienia, łatwiejsze do zapamiętania, łatwiejsze do rozpoznania i bardziej użyteczne dla określonych celów komunikacyjnych w określonym kontekście. W rezultacie właśnie B jest na mocy konwencjonalnego modelu metonimicznego w danym języku używane zamiast A» [Przybylska 2002: 42]. I dalej:

«Metafory, najogólniej rzecz biorąc, ujmują pewne dziedziny doświadczenia, na przykład natury psychologicznej lub abstrakcyjnej, przez odwołanie się do pojęć z zakresu bardziej podstawowych doświadczeń, na przykład fizycznych czy percepcyjnych. <...> Szeroko zakrojone badania nad metaforą dowodzą przy tym, że wiele metafor konwencjonalnych charakteryzuje się usystematyzowaną strukturą i wysokim stopniem regularności i powtarzalności, nawet wtedy, gdy porównuje się różne języki» [Przybylska 2002: 43].

Metafory i zbliżone do nich zjawiska językowe są zatem nie tylko narzędziem retoryki. Przypisuje się im ogromną rolę w percepcji, zapamiętywaniu i ogólnie wysiłku poznawczym umysłu. Wbrew pozorom odkrywa się je nie tylko w słownictwie potocznym i potocznym językowym obrazie świata, por. *chomikować* ‘gromadzić zapasy niczym *chomik*’, *rozwidlać się* ‘rozdzielać się na kształt *widel*’, lecz także w terminologii fachowej i naukowym obrazie świata. Spójrzmy na serię terminów biologicznych: *gronkowce* / *Staphylokokken* ‘kuliste bakterie tworzące skupienia w kształcie *gron*’, *paciorowce* / *Streptokokken* ‘bakterie układające się w *pacior*ki, jak koraliki’, *paleczkowce* / *Stäbchenbakterien* ‘bakterie o podłużnym kształcie, wyglądające jak *paleczki*’. Poza porównaniem kształtów tych niewidocznych gołym okiem drobin do rzeczy znanych z potocznego doświadczenia, co sygnalizują podstawy słowotwórcze, ikoniczna jest tu także gramatyczna liczba mnoga, w jakiej nazwy te są

³ W przygotowaniu znajduje się projekt badawczy *Lautsymbolismus als Codierung von Emotionen – biologisch oder kulturell bedingt? (am Beispiel von expressiven Suffixen slawisch-deutsch)*.

najczęściej używane. Bakterie występują wszak nie pojedynczo, lecz w ogromnych ilościach. Ponadto obecność cząstki *-k-* w tych nazwach nasuwa na myśl pojęcie małości: nie *grona* lecz *gronka*, *pacior-k-i*, nie *pałki* lecz *paleczki*.

2.3. Paralelizm formy i treści, czyli diagramatyczność

Przyjęte jest też bardziej ogólne ujęcie ikoniczności jako paralelizmu treści i formy w myśl prostej zasady: więcej treści to i więcej formy. Otóż wyrazy znaczeniowo bardziej złożone są też bogatsze formalnie. Podstawowym środkiem semantycznej derywacji słowotwórczej jest najczęściej dodawanie morfemów. Inne sposoby słowotwórstwa odznaczają się już bowiem nacechowaniem. Sam stopień pojęciowej bliskości różnych elementów treści wyraża się też ikonicznie bliskością przestrzenną ich wykładników, por.:

(1a) *On zabiegał uparcie o stały etat.*

(1b) *To jest uparty człowiek.*

(1c) *uparciuch*

W (1a) między cechą ‘uparcie’ a podmiotem zdania nie istnieje żadne linearne sąsiedztwo, ani też bezpośredni związek strukturalny. W istocie nie musi też chodzić o czyjąś stałą cechę. Mówiący daje do zrozumienia, że wspomniana cecha i jej nosiciel są ze sobą powiązane nie na trwałe, lecz incydentalnie. W (1b) znajdujemy już frazę nominalną *uparty człowiek*, która świadczy o ocenie samego podmiotu, a nie tylko jego zachowania. W (1c) maksymalnie związanej formie odpowiada konceptualnie wysunięcie na pierwszy plan cechy. Profil atrybutywny staje się na tyle dominujący, że unieważnia nawet osobowość subiekta. Określeniem *uparciuch* można też obdarzyć domowego zwierzaka: psa, kota, chomika itp.

Złożone pojęcia mają rzecz jasną swoją ukrytą nielinearną strukturę hierarchiczną. Ciekawe, że znajduje ona swój odpowiednik także w linearnym uporządkowaniu. Uważa się, że to, co najważniejsze, stoi na końcu konstrukcji. I rzeczywiście, morfemy gramatyczne pozwalające zaliczyć dane słowo do odpowiedniej klasy jako rzeczownik, czasownik itp. to końcówki (a nie «przodówki»). Na istnienie linearnych prawidłowości zwrócił uwagę już Otto Behagel [Behagel 1932]. Odkryte przez niego prawidłowości, chętnie nazywane prawami (Behagelsche Gesetze — ich twórca zalicza się jeszcze do szkoły młodogramatycznej) odnoszą się zarówno do struktury tekstu, jak i do znaku. Pierwsze z nich, znane jako zasada proksymalności: «dass das geistig eng Zusammengehörige auch eng zusammengestellt wird» [Behagel 1932: 4]⁴, odpo-

⁴ Pozostałe prawa to 2) «dass das Wichtigere später steht als das Unwichtige» [Behagel 1932: 4], oraz 3) «Gesetz der wachsenden Glieder <...> es besagt, dass von zwei Gliedern, soweit möglich, das kürzere vorausgeht, das längere nachsteht» [Behagel 1932: 6].

wiada temu, co już zauważyliśmy, mianowicie że bliskie sobie pojęciowo elementy umieszczane są w tekście jak najbliżej siebie. Zgodnie z drugą zasadą nadrzędnik konstrukcji znajduje się na jej końcu. Zatem w dwudzielnej formie wyrazowej będzie to jej prawy składnik.

Poza końcówkami w strukturze wyrazów podzielnich wydziela się jak wiadomo afiksy słowotwórcze. Ikoniczne derywaty to znowu twory sufiksalne. Prefiksy i inne środki naruszające zasadę prawostronności nie są już tak produktywne. Także w złożeniach opartych na grupie nominalnej typu N + N albo A + N formalny nadrzędnik stoi **zawsze** po stronie prawej, por. *pięknoduch*, *żywoplot*, *wodowstręt*. W złożeniach motywowanych przez grupę czasownikową nadrzędnik — którym jest wtedy człon czasownikowy — skłania się ku drugiemu miejscu, por. *matkobójca*, *rękopis*, *wiatrolap*. Struktury lewostronne, choć w polszczyźnie też jeszcze występują, mają charakter recesywny. Jako przestarzałe odczuwane są dziś takie lewostronne twory jak *golibroda*, *liczyrzepa*, *pasibrzuch*. Są to zarazem struktury metonimiczne (szerzej na ten temat patrz [Nagórko 2008]).

3. Metafory a słowotwórstwo kategoriałne

Tak ważne mechanizmy językowe nie mogły — nie powinny — ująć uwadze badaczy słowotwórstwa. Rzeczywistość jest jednak inna, przynajmniej jeśli sądzić o niej na podstawie wyrytkowych prób.

3.1. «Betriebsblindheit»?

— F. Daneš et al. w monografii poświęconej czeskim derywatom rzeczownikowym przewidują kategorię *Jména podle podobnosti* [Daneš, Dokulil, Kuchař 1967: 429–433], jak *koženka* ‘sztuczna skóra’, *lev* > *lvoun* ‘lew morskí’, *obvaz* ‘bandaż’ > *obvazek*. Autorzy uwzględnili szeroki wybór terminologii naukowej, zwłaszcza z biologii, a także liczne derywaty tautologiczne, jak *kahan* > *kahanec* ‘kaganek / kaganiec’, *pupen* ‘1. pączek’, ‘2. pryszcz’ > *pupenec*. Problemem jest oddzielenie nazw porównawczych od zdrobnień, por. *vidlice* > *vidlička* ‘widelczyk’, *pouto* > *poutko* ‘uszko, pętelka, wieszak’. Odnosi się wrażenie, że jest to kategoria niejednolita i podatna na procesy leksykalizacji.

— [Русская грамматика 1980: 205–206] wyodrębnia *существительные со значением подобия*, jak *голова* > *головка* (czego-л.), *рука* > *ручка* (*двери, чайника*), *кожа* > *кожура*, *горло* > *горлышко* / *горловина* itp. Są to na ogół nazwy przedmiotów lub ich części, a więc nieosobowe. Jeśli chodzi o ikonizację brzmieniową, wspomina się *глаголы со значением воспроизведения в звучании*, np. *бацать*, *акать*, *выкать*, *якать*, *окать* [Русская грамматика 1980: 394], derywowane od wykrzykników i zaimków. Obie te klasy zda-

ją się być peryferyjne w systemie słowotwórczym rosyjszczyzny, jeśli sędzić na podstawie ich opisu w gramatyce.

— W [Gramatyka 1998] znajdujemy wśród odrzeczownikowych nazw subiektów podklasę «nazw symilatywnych», jak *draǵal*, *mǵławica*, *mrowi-skowiec* [Gramatyka 1998: 444]. W rozdziale dotyczącym przymiotników uwzględniono «użycia porównawcze, zwane symilatywnymi». Część z nich reprezentuje przypadki polisemii, por. *kamienny* (~ *mur*, ~ *spokój*), *papierowy* (~ *torebka*, ~ *twarz*), *słomiany* (~ *chochoł*, ~ *włosy*). Ponadto jednak istnieją wyspecjalizowane przymiotnikowe typy słowotwórcze, np. *-owaty*: *lodowaty*, *-isty*: *jedwabisty* [Gramatyka 1998: 489n]. Wśród czasowników nie ma w ogóle mowy o relacji porównawczej. Ignorowany jest nawet fakt, że w przykładach cytowanych jako okazy transpozycji mamy w istocie do czynienia z porównaniem: *pietruskować* (tylko znaczenie przenośne od frazeologizmu *siać pietruszkę*), *raczkować*, *matkować* (nie powiemy o rodzonej matce, że *matkuje*). Wyjątkowo tylko dostrzega się w derywacie obecność struktury porównawczej ‘być jak coś’, np. w *perlić się*, *ślimaczyć się*. Nie przeszkadza to w zaszeregowaniu tych formacji do transpozycji [Gramatyka 1998: 575n]. Podobieństwo jako składnik struktury występuje przy tym w wielu analizowanych czasownikach, nie tylko tzw. transpozycyjnych, przynajmniej jako klucz do jednego z możliwych odczytań, por. np. *przepoczwarzyć się* / *sich verpuppen* (starsze *przepoczwarzyć się*), *przeanielić*, *scementować* / *zementieren*, *zusammenschließen*, *odsapnąć* / *sich verschnaufen*, *opancerzyć się* / *panzern*, *przygwoździć* / *annageln*, *wykorzenieć* / *entwurzeln*, *krzewić się* / *wuchern*, *sich verbreiten*...

— W tomie zbiorowym z materiałami słowotwórczej konferencji berlińskiej [Sprachliche Kategorien 2007]⁵ znajdujemy co prawda odniesienia do interesującej nas problematyki, są one jednak czynione mimochodem. I tak Kubrjakova stwierdza oparcie wewnętrznej organizacji kategorii słowotwórczej na Wittgensteinowskim ‘podobieństwie rodzinnym’, dodając: «что можно рассматривать как результат лингвокреативной деятельности человека в процессах концептуализации и категоризации мира, в частности, о метафорах и метонимиях при переходе от одного значения к другому» [Кубрякова 2007: 78]. Porównaniem jako punktem wyjścia w akcji nominacji interesują się Radeva [Радева 2007: 83–100] (przymiotniki kolorystyczne w językach słowiańskich) oraz Günther [Günther 2007: 379–391] (rosyjskie przymiotniki typu *чудаковатый*, przysłówki typu *по-братски*, rzeczowniki typu *головка* (*звезда*), czasowniki typu *советь*, *хлестаковствовать*...) Belentschikow wymienia funkcjonalno-semantyczne pole komparatywności,

⁵ Jest to jak na razie ostatni z serii tomów dokumentujących pracę Komisji Słowotwórczej MKS, pozwala więc sędzić, co się aktualnie dzieje w naszej dyscyplinie.

którego jądrem jest morfologiczna kategoria stopnia [Belentschikow 2007: 112]. Miloslavskij zwraca uwagę na nazwy typu *отчим, эллипсоид* jako jeden z przejawów obserwowanej przez siebie kategorii ‘*ненастоящее*’ «nieautentyczne, nieprawdziwe», a więc pozostające w metaforycznym związku z tym, co oznacza podstawa [Милославский 2007: 340]. Z kolei Raecke dostrzega relację podobieństwa w derywacji modyfikacyjnej: «Die generelle Formel für die Modifikation und damit ihre sprachliche Grundbedeutung ist also: *das im modifizierten Wort Bezeichnete ist weitgehend **ähnlich** (podkr. A. N.), aber nicht identisch*» [Raecke 2007: 327].

3.2. Metafora, metonimia: bliskość domen

Uważa się, że w kategoriach słowotwórczych zakodowane są pewne uniwersalne kategorie pojęciowe, z czym można się zgodzić. Dyskusyjne jest już jednak ich wewnętrzne powiązanie i układy hierarchiczne. Tymczasem wiele faktów przemawia za metaforyczną na swój sposób pochodnością jednych od drugich, tj. na przekraczaniu bliskich sobie domen pojęciowych. Z braku miejsca ograniczę się do zasygnalizowania kierunku przyszłych analiz.

3.2.1. Przesunięcia metaforyczne

‘Agens’, kategoria dyskusyjna sama w sobie, sąsiaduje z ‘narzędziem’ — n. instrumenti to

— m e t a f o r a d z i a ł a c z a. O tym, że tak są konceptualizowane, świadczą reinterpretacje słowotwórcze, por. *spinacz* ‘polityk o umiarkowanych poglądach, *spinający* przeciwne partyjne skrzydła’ (użyte najpierw w odniesieniu do Tadeusza Mazowieckiego jako przewodniczącego Unii Demokratycznej), *utrwalacz* jako nazwa działacza komunistycznego w wyrażeniu *utrwalacz władzy ludowej*, *zderzak* w odniesieniu do ludzi amortyzujących wstrząsy w starciach politycznych i zużywających się jak *zderzaki* w samochodzie (do języka polityki wprowadzone przez Wałęsę) itp.;

— Subiekt o s o b o w y i nieosobowy (z w i e r z ę). Pojęcie ‘osoby’ jest rzecz jasna centralne. Gramatyka czuwa, by nie dochodziło do nieporozumień, różnicując paradygmaty — por. pol. *mieszańc-e / mieszańc-y, członki / członkowie, szejki* (od *shake* ‘cocktail’) / *szejkowie, łączniki / łącznicy, przewodniki / przewodnicy, pływaki / pływacy, daniele / Danielowie* ‘Daniel z żoną’, *pasożyty / pasożyci, prusaki / Prusacy, szkodniki / szkodnicy, bliźniaki / bliźniacy, pampersy / pampersi, bieguny / bieguni*⁶ itp. Jednak nie przeszkadza

⁶ *Bieguni* — sekta w Rosji, która w ciągłym ruchu widziała obronę przed zagrażającym światu Antychrystem — por. powieść Olgi Tokarczuk «Bieguni» (Kraków, 2007) o współczesnych nomadach.

to w metaforycznych interpretacjach, por. *gluszec* ‘*gluchy człowiek*’⁷, *krwio-pijca* ‘*komar*’. Takie struktury słowotwórcze jak *wędrowiec*, *podopieczny* mogą mieć kontekstowe odniesienie i do zwierząt — tu: do ptaków, por. *Wędrowcy nie wytrzymują kondycyjnie, narażeni są także na gwałtowne zmiany pogody, na szlaku czyhają na nich drapieżniki i myśliwi; Hodowcy papug falitystych, wydawałoby się ciepłolubnych ptaków z Australii, doskonale wiedzą, że ich podopieczni świetnie czują się nawet przy minus 20 stopniach* (Polityka. 2007. № 39)⁸;

— metafora przestrzenna ‘mieszkaniec’ (przestrzeń geograficzna) > ‘wynawca’ (przestrzeń idealna), por. *Rosjanin*, ale *chrześcijanin*; *Palestyńczyk*, ale *pilsudeczyk*... Nie jest przypadkiem, że te same sufiksy obsługują nomina habitatoris i nomina adherentis.

3.2.2. Przesunięcia metonimiczne

— ‘*m i e j s c e*’ i ‘*z b i ó r*’, por. *buczyna* ‘*las bukowy*’ / ‘*drewno buku*’ (znaczenie materiałowe i kolektywne sąsiadują ze sobą), *dyrekcja*, *dziekanat* w znaczeniu zarówno lokatywnym jak i zbiorowym⁹; ‘*z b i ó r*’ i ‘*c e c h a*’, por. *obywatelstwo* w starszym zn. ‘*ziemiaństwo*’ i nowszym ‘*bycie obywatelem*’, podobnie *sąsiedztwo*, *inteligencja* itp.;

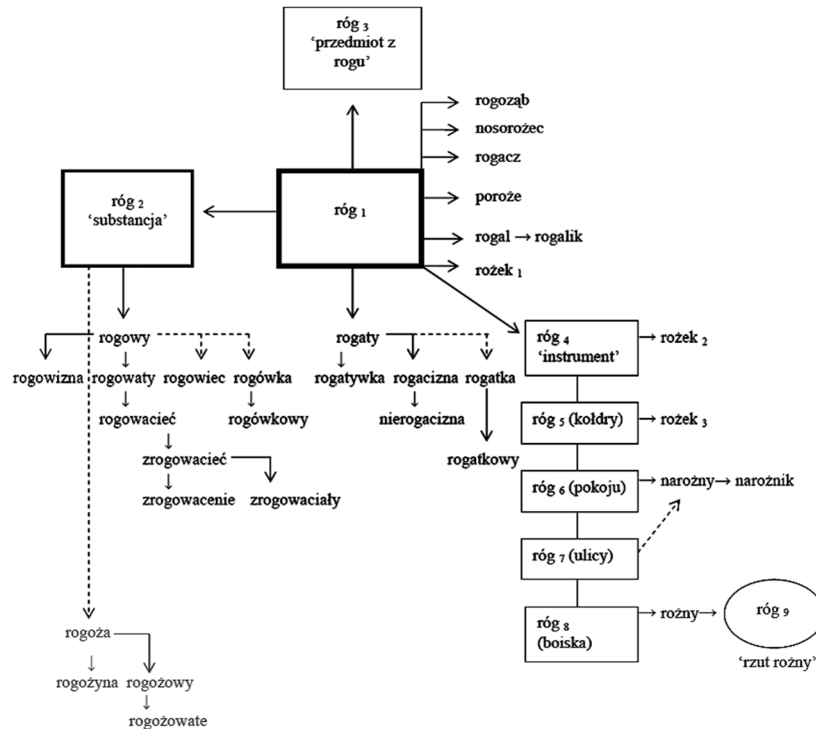
— ‘*m a ł y*’ a ‘*p o d o b n y*’ (tu seria symilatywów typu *nosek* (*buta*), *szyjka* (*butelki* / *macy*)) i ‘*m i ł y*’: kodowanie emocji w tzw. quasi-diminutiwach *złotóweczka*, *pomidorek*...;

— ‘*d u ż y*’ i ‘*o d p y c h a j ą c y*’ w odniesieniu do kulturowo utrwalonego postrzegania natury jako (nie)przyjaznej, por.: *krówsko*, *byczysko*... *komarzynsko* (ale raczej nie: **motylisko*, bo motyle stanowią symbol piękna).

⁷ Por. *Wiadomo: im większy krótkowidz, tym silniej chce mu się daleko patrzeć, im większy gluszec, tym subtelniej chce słyszeć* (J. Pilch. Tezy o głupocie, picu i umieraniu. Londyn, 1997. S. 219).

⁸ Trzymając się fleksyjnego rozróżnienia ‘osoba’ i ‘nie-osoba’, wypadałoby użyć form (*te*) *wędrowce*..., *narażone*..., *podopieczne*. Rzuca się przy tym w oczy, że kategoria osoby ma swoich prototypowych reprezentantów w postaci mężczyzn.

⁹ W klasyfikacji zbiorów w językach słowiańskich zachodzi potrzeba wydzielenia podklasy zbiorów charakteryzowanych przestrzennie, por. czes. *dubina*, *smrčina* / *smrčiči*, *březí* (szerzej na ten temat patrz [Nagórko 2009]).

4. Metafory w gnieździe słowotwórczym — *róg*

Poza poziomem makro, na który składają się kategorie słowotwórcze wraz z typami i podtypami, na uwagę zasługuje gniazdowy poziom mikro. Gniazda słowotwórcze przypominają kognitywne modele sieciowe i zapewne są nimi. W ich organizacji niepoślednia rola przypada znowu metaforze i metonimii — por. przykład gniazda z wyjściowym rzeczownikiem *róg*. Centralnym prototypem jest znaczenie anatomiczne *róg*₁, od którego odchodzą metonimiczne *róg*₂ — *róg*₃ i metaforyczne *róg*₄ — *róg*₈ w procesie derywacji czysto semantycznej. Nakłada się na nią derywacja słowotwórcza, głównie od *róg*₁ oraz *róg*₂. Ta zrealizowana potencja słowotwórcza stanowi potwierdzenie prototypowości obu znaczeń (mamy tu zatem model sieciowy z dwoma «słoneczkami», od których promieniście odchodzą derywaty). Znaczenie *róg*₃ jest kompletnie nieproduktywne, ale też i przedmioty wykonane z rogu widuje się dziś raczej tylko w muzeach. Brak zatem bazy doświadczeniowej, która jest bodźcem do kreowania słów. Z kolei w derywatach ujawnia się w dalszym ciągu obrazo-

we myślenie metaforyczne, por. *rożek* (w wielu możliwych znaczeniach), *rogal*, *rogatywka*, *rogowaty* i metonimiczne, por. *nosorożec*, *rogacz*. Przesunięć tego typu dostarcza nie tylko leksyka potoczna, lecz również terminologia specjalistyczna, por. *rogówka*, *(nie)rogaczna*, *rogożowate*.

Metoda gniazdowa pozwala też ukazać zjawiska słotwórcze jako continuum na osi czasu, bez sztucznego rozgraniczania synchronii i diachronii. Szarym kolorem zaznaczone zostało podgniazdo *rogożyna* wywodzące się etymologicznie od *róg* i zawierające terminy przyrodnicze. Dla specjalisty będą to struktury rozkładalne. Używane i przez niespecjalistów *rogówka*, *rogatka* mogą mieć dla niektórych osłabioną motywację, stąd linia przerywana łącząca je z podstawą. Z kolei *róg₉* jest przykładem współdziałania derywacji czysto semantycznej (metonimiczne przeniesienie znaczenia *róg₈*) i morfologicznej (od frazy *rzut rożny*). Metaforą wyłącznie semantyczną jest *rogacz* w zn. 'zdradzony mąż', choć oparciem dla niej jest frazeologizm *przyprawić rogi / jmd Hörner aufsetzen* a nie *rogacz₇*. Frazeologia polska i niemiecka pokrywają się w tym punkcie, podczas gdy polisemia polskiego rzeczownika okazuje się idiosynkretyczna (niem. *Rehbock, der Geweihte* 'jeleń' oraz *Hahnrei, der Gehörnte* 'zdradzony mąż'). Współdziałanie procesów semantycznych i morfologicznych (np. w łańcuchu *róg₄ — róg₈*) warunkuje metafora, która zasługuje na wnikliwszy opis niż to możliwe w tych ramach.

5. Résumé

5.1. Ikoniczność, zwłaszcza w swojej wysublimowanej postaci jaką jest metafora, nie przyciągała jak dotąd uwagi badaczy słotwórstwa. Chociaż chodzi o uniwersalne zapewne zjawisko językowe, to już pobieżny ogląd nakazuje spodziewać się różnic w opartych na metaforze sposobach nominacji w poszczególnych językach. Kryją się za tym a jakże różnice w konceptualizacji, w językowym obrazie świata. Nawet bliskie sobie języki czeski i polski stwarzają problemy związane z ekwiwalencją (derywat vs. nazwa analityczna, polisemia podstawy, por. czes. *pupen*, któremu odpowiadają różne leksemy w polszczyźnie), nie mówiąc o języku niemieckim (zapożyczenie vs. derywacja, por. *paciorowce / Streptokokken*, obrazowanie jako podstawa motywacji lub jego brak, por. *krzewić się i sich verbreiten*).

5.2. Warto wydobyć z zapomnienia symbolizm dźwiękowy i jego związek z emocjami. Ciekawe, że ekspresywne (quasi)zdrobnienia i wykrzykniki onomatopieczne są szczególnie częste w literaturze dla dzieci.

5.3. Ranga metafory w potocznym i naukowym obrazie świata. Nie tylko leksyka potoczna odwołuje się do obrazowych skojarzeń. Także terminologia specjalistyczna korzysta z metaforycznych i metonimicznych przesunięć, w tym z motywacji metaforycznej w słotwórstwie.

5.4. Kategorie słowotwórcze nie są magazynowane w umysłach mówiących w postaci listy (spisu), lecz tworzą hierarchiczny układ determinujących się nawzajem pojęć.

Literatura

- Bańko M.* Współczesny polski onomatopeikon. Ikoniczność w języku. Warszawa, 2008.
- Bańko M.* Opozycja samogłosek przednich i tylnych a znaczenie polskich onomatopei // *LingVaria*. 2008. № 2 (6).
- Daneš F., Dokulil M., Kuchař J. et al.* Tvoření slov v češtině 2: Odvozování podstatných jmen. Praha, 1967.
- Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Wyd. 2, zmienione / Red. R. Grzegorzczkova, R. Laskowski, H. Wróbl. Warszawa, 1998.
- Grice G. P.* Logika a konwersacja // *Przegląd Humanistyczny*. 1977. № 6.
- Günther E.* Способы словообразования и словообразовательные средства для выражения семантической категории 'сравнение' в русском языке // *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung* / Hsg. H. Burkhardt, A. Nagórko. Hildesheim; Zürich; New York, 2007.
- Indeks a tergo do Słownika języka polskiego pod redakcją Witolda Doroszewskiego. Warszawa, 1973.
- Morris Ch.* Sign, Language and Behavior. New York, 1946.
- Morris Ch.* Zeichen, Sprache und Verhalten. Düsseldorf, 1973.
- Nagórko A.* Słowotwórstwo a fonologia // *Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem — interdisziplinär als Forschungsgegenstand* / Hsg. I. Ohnheiser. Innsbruck, 2000.
- Nagórko A.* Wortstrukturen und die Ikonizität // *Die Welt der Slaven: Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008* / Hsg. S. Kempgen, K. Gutschmidt, U. Jekutsch, L. Udolph. München, 2008.
- Nagórko A.* Diminutiva / Augmentativa und Kollektiva // *HSK — Slavische Sprachen*. Mouton de Gruyter, 2009 (im Druck).
- Peirce Ch. S.* Collected papers. Boston, 1931–1958.
- Peirce Ch. S.* Schriften: Eine Auswahl. B. 1–2. Frankfurt, 1967–1970.
- Raecke J.* Das Wesen der Modifikation unter dem Gesichtspunkt der Wortarten // *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung* / Hsg. H. Burkhardt, A. Nagórko. Hildesheim; Zürich; New York, 2007.
- Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung* / Hsg. H. Burkhardt, A. Nagórko. Hildesheim; Zürich; New York, 2007.
- Szymanek B.* The Morphology of Phonological Strings: Polish /Vx/ A Festschrift for Edmund Gussmann. Lublin, 1996.

- Tabakowska E.* Ikoniczność znaków i struktur językowych jako typ podobieństwa // *Podobieństwo* (seria Kognitywistyka, tom 2) / Red. H. Kardela, Z. Muszyński, M. Rajewski. Lublin, 2006.
- Кубрякова Е. С.* Словообразовательные категории в разных моделях мира // *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung* / Hsg. H. Burkhardt, A. Nagórko. Hildesheim; Zürich; New York, 2007.
- Милославский И. Г.* Семантическая модификация и ее формальная типология ('*ненастоящее*' в русском языке) // *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung* / Hsg. H. Burkhardt, A. Nagórko. Hildesheim; Zürich; New York, 2007.
- Радева В.* Мир слов. Мир в словах // *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung* / Hsg. H. Burkhardt, A. Nagórko. Hildesheim; Zürich; New York, 2007.
- Русская грамматика. Т. I / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

Алиция Нагурко

Словообразовательная мотивация и иконичность

Иконичность — особенно одно из ее проявлений, метафора — до сих пор не привлекала внимания исследователей словообразования. Хотя речь идет, безусловно, об универсальном языковом явлении, уже беглый обзор дает основания предполагать, что существуют различия в метафорически мотивированных способах номинаций в разных языках. За этим скрываются различия в концептуализации, в языковой картине мира. Даже в близких друг другу чешском и польском языках возникают проблемы, связанные с эквивалентностью (дериват vs. аналитическое название, полисемичная основа, ср. чешск. *pipen*, которому соответствуют различные польские лексемы), не говоря уже о немецком языке (заимствование vs. дериват, ср. *paciorowce* / *Streptokokken*, представление о мотивированной основе или ее отсутствии, ср. *krzewić się* / *sich verbreiten*).

Имеет смысл снова обратиться к преданному забвению звуковому символизму и его связи с эмоциями. Интересно отметить, что экспрессивные (квази)деминутивы и звукоподражательные междометия особенно часто встречаются в детской литературе.

Роль метафоры в повседневной и научной картине мира. Не только разговорная лексика пользуется образными ассоциациями — метафорические и метонимические сдвиги в значении использует также специальная терминология, в словообразовании это касается метафорической мотивации.

Категории словообразования не хранятся в памяти говорящих в виде списков, а представлены там как иерархически организованная система взаимосвязанных понятий.

А. В. Никитевич (Гродно)

К сопоставлению словообразовательных подсистем близкородственных языков

При обращении к сопоставлению словообразовательных подсистем близкородственных языков чрезвычайную важность имеет определение того, что может быть выбрано в качестве объекта сопоставления.

Очевидно, что анализ комплексных единиц системы словообразования (словообразовательных парадигм, цепочек, категорий, гнезд) явился своеобразным этапом «ухода» от изолированного исследования производных слов, от изучения простейших объединений родственных единиц. При сопоставлении ряда родственных языков необходимо учитывать, что языковые системы, помимо свойств системности, могут также обнаруживать (в разной степени) признаки несистемности, некоторой асимметрии и характеризоваться наличием лакун [Широкова 1998: 13–14]. Когда за цепочками и парадигмами мы видим совокупность определенных отношений, находящихся формальное выражение на уровне системы словообразования, то, естественно, на следующем этапе логично увидеть факты «нереализации» тех или иных семантических позиций и обратиться к возможностям средств смежных уровней. Так, в качестве нового объекта исследования появляются деривационные цепочки, деривационные парадигмы в существенном терминологическом «уточнении». Деривационные структуры «берут за основу» словообразовательные, «дополняют» их словосочетаниями с той или иной степенью аналитизма, имеющими в своем составе родственные по корню слова. И это, безусловно, интересный объект исследования, который отражает свойства производных слов, коррелятивных им словосочетаний и связи, существующие между ними. Однако в какой-то момент становится понятно, что речь не может идти о *простом дополнении* цепочек и парадигм единицами более сложного уровня. Межуровневые связи и свойства наводят на мысль о существовании иных объединений единиц.

Системность языка может в большей степени обнаруживаться и проявлять себя не в пределах каких-то уровней, а в объединениях единиц разной структуры, причем в составе не деривационных цепочек и парадигм, гнезд, но в составе их фрагментов, своеобразно переплетенных и синте-

зированных. Это нечто иное, нежели хорошо нам известное только потому, что вполне очевидно и вытекало из логики исследования: сначала слова, производные и непроизводные, затем их объединения в виде цепочек и парадигм, гнезд. Поэтому вполне возможно обращение не к отдельным словообразовательным категориям (СК), словообразовательным парадигмам (СП) или даже к целым словообразовательным гнездам (СГ), а к некоторой совокупности деривационно связанных фактов — *комплексным деривационным фрагментам*, которые могут представлять фрагмент СГ, СП, словообразовательной цепочки (СЦ) или синтез этих единиц, каких-то их частей. При сопоставлении близкородственных языков могут оказаться ценными не «общие» категории (СК, СП, СГ), а более дробные, частные их компоненты.

Как определяется «некоторая совокупность деривационно связанных фактов»? Начнем с того, что сами факты языка заставляют обратить на себя внимание. Естественно, этому способствует и позиция исследователя, угол зрения... Но, в любом случае, отталкиваться приходится от того, что принято в традиции, в теории словообразования. Дериватолога всегда будут привлекать факты, свидетельствующие о системности того объекта, который он исследует! Системность всегда интересней отклонений, аномалий и т. п. Гармонию, логику, устроенность — именно эти характеристики мы стремимся увидеть и описать, анализируя те или иные стороны языка. Поэтому у нас принято говорить о языке как о *системе знаков*, в словообразовании — о комплексных единицах *системы* словообразования.

Далеко не секрет, что СП, СГ, СЦ — не только объекты исследования, но и **модели**, которые мы «выстроили», чтобы лучше понять устройство системы словообразования. Ономасиологический подход позволяет построить и увидеть иные модели — модели, с помощью которых становятся очевидными такие грани системности языка, которые приходится на его межуровневое пространство.

Следует пояснить, что мы имеем в виду, когда говорим о синтезе некоторых частей традиционно рассматриваемых комплексных единиц системы словообразования (СП, СЦ, СГ) как интересующем нас объекте исследования, а с учетом различных видов деривационных сочетаний — о *деривационных фрагментах* (структурах, являющихся уже результатом межуровневого взаимодействия). *Как формируется и чем в данном случае ограничивается «пространство» исследовательского интереса?* Известно, что ономасиология (путь «от значения к форме») вполне определена противопоставлена семасиологии (пути «от формы к значению»). Вместе с тем традиционно принимаемое большинством ученых положение

ние о двустороннем характере основных единиц языка часто приводит исследователя к необходимости двигаться в обоих направлениях (естественно, не одновременно!).

При рассмотрении сложных объединений родственных единиц (например, СП) мы в первую очередь обращаем внимание на потенциал исходной производящей единицы, на то, в какой мере реализован потенциал ее *формы* для создания всех возможных производных. Ср.: 1. *мягкий* — *мягчить*, *мягкий* — *мякнуть*; *твердый* — $\emptyset$, *твердый* — *твердеть*. 2. *мякнуть* — *измякнуть*, *намякнуть*, *обмякнуть*, *отмякнуть*, *подмякнуть*, *промякнуть*, *размякнуть*, *смякнуть*, *умякнуть* (9); *твердеть* — *затвердеть*, *отвердеть*, *потвердеть* (3). Беглый взгляд на «движения формы», разное количество «ближних» и «дальних» проекций в глагол признаков *мягкий* и *твердый* сразу позволяет увидеть «нереализованное» с помощью средств словообразования пространство и приступить к анализу конкретных семантических позиций. Но, самое главное, уже объектом исследования (из-за специфики попавших в поле зрения фактов) становятся не отдельные словообразовательные пары, не СЦ или СП по отдельности, но синтез СЦ и фрагмента отглагольной «составляющей» СП. Выделение данного *словообразовательного фрагмента* как самостоятельного объекта интереса исследователя никак не противоречит сложившимся представлениям о СЦ и СП как комплексных единицах системы словообразования. Однако обращение к семантике реализованных и в особенности нереализованных позиций средствами словообразования, анализ в связи с этим деривационно родственных средств и единиц иного (несловообразовательного) уровня (деривационных сочетаний) приводит к выделению в качестве объектов исследования таких объединений родственных единиц (деривационных фрагментов), которые по вполне понятным причинам выходят за пределы собственно словообразования и тех сложных, комплексных единиц, которые по традиции в нем рассматриваются. Специфика *деривационных фрагментов* состоит не только в дополнении единиц системы словообразования (в данных семантических пределах) системой единиц несловообразовательных (словосочетаний), которые способны представить свойственную производным словам семантику. Она состоит и в том, что данные единицы могут представить и такие значения, которые не доступны аффиксации.

СЦ, СП — не только единицы, но и **категории анализа**, категории общие, достаточно отвлеченные, категории, посредством которых мы познаем некие особенности устройства системы словообразования. Эти «общие» категории могут применяться и как инструмент сопоставительного анализа, к примеру, близкородственных языков. Об этом, в частности,

свидетельствуют исследования К. Бузашиовой. Ср. сформулированные ею задачи сопоставления СП в славянских языках: «При сопоставительном изучении словообразования славянских языков на уровне СП или типовых парадигм можно изучать:

— *меру соответствия деривационного потенциала эквивалентных исходных слов, присущих определенным классам;*

— *при помощи каких словообразовательных формантов образуются производные, представляющие семантические места, СЗ (словообразовательные значения), позиции в типовых парадигмах;*

— *меру вариантности выражения определенных категориальных значений не только с точки зрения формы, но и с точки зрения числа и характера частных СЗ»* [Бузашиова 1987: 18].

Однако сопоставительный анализ **целых** парадигм может оказаться менее продуктивным (с точки зрения выявления отличий, касающихся структуры и семантики близкородственных языков), чем **какой-либо ее части** в сочетании с фрагментом иной комплексной единицы. Общие категории как инструмент анализа «подталкивает» к обобщениям, общим выводам. Однако именно в подобных случаях можно не заметить ту или иную тонкость, пренебречь частными различиями, существенными для определения степени близости, «расстояния» между близкородственными языками. Данное обстоятельство дает нам основание выбирать в качестве объектов сопоставления именно фрагменты деривационно связанных единиц: производных слов, деривационных сочетаний. Они более конкретны, они — ткань языка, они позволяют увидеть такие различия между близкими по родству языками, которые, как правило, «скрыты» при проведении общих, фактически категориальных сопоставительных исследований.

Теперь постараемся проиллюстрировать данное положение. Формально однотипные глаголы (русск. *помягчеть* и белор. *памякчэць*) занимают совершенно различное положение в структуре СП русского и белорусского языков. Тожественные по образованию (*мякчэць* — *памякчэць* [Бардовіч 2000: 236]), внешне занимающие одну и ту же позицию в *составе* СП, данные глаголы кардинально различаются по семантической структуре. Русский глагол *помягчеть* является просторечным, коррелятивен деривационному сочетанию *сделаться несколько мягче* и, самое существенное, по данным Русско-белорусского словаря, семантически не соответствует белорусскому глаголу *памякчэць*. Ср.: *памякчэць* 1. ‘зробіцца больш мяккім, эластычным; пазбавіцца цвердасці’; 2. перан. ‘страціць суровасць, стаць больш лагодным’ // ‘стаць больш прыветлівым, сардэчным (пра твар, голас і пад.)’; 3. ‘стаць слабейшым, менш адчувальным;

паменшыцца (пра з’явы прыроды)’; 4. ‘стаць цяплейшым (пра надвор’е, клімат)’ [Тлумачальны слоўнік 1977–1984–3: 656]. Несложно заметить, что семантическая структура этого белорусского глагола практически полностью совпадает с семантической структурой русского глагола *смягчаться*, т. е. занимает одно из центральных мест в деривации признака *мяккі* в глагол. Об этом свидетельствует и система соответствующих номинативных рядов. Ср.: 1. *Зрабіцца больш мяккім, зрабіцца больш эластычным* — Ø; *пазбавіцца цвердасці* — Ø. 2. *Страціць суровасць* — Ø, *стаць больш лагодным* — Ø. // *Стаць больш прыветлівым* — Ø, *стаць больш сардэчным* — Ø. 3. *Стаць слабейшым, стаць менш адчувальным* — Ø. 4. *Стаць цяплейшым*. Таким образом, при внешне однотипном «наборе» производных глаголов в составе того или иного деривационного объединения (СП, деривационный фрагмент) возможны различия в семантическом содержании этих единиц.

Близость деривационных подсистем глагола в русском и белорусском языках, хорошо развитая префиксация, наличие синонимичных производных — все это не исключает некоторых различий. Так, помимо глагола *помягчить*, в белорусском языке отсутствуют эквиваленты русских глаголов *промякнуть*, *поотмякнуть*, *пересмякнуть*, *умякнуть*. Естественно, не обязательно заострять внимание на отсутствии эквивалента глагола *пересмякнуть* (с пометой «областное» и со значением ‘стать жестким, сухим (о губах, рте)’ [БАС–9: 896], так как последний находится на периферии языковой системы. Аналогично: русский глагол *промякнуть* отмечен лишь в словаре Д. Н. Ушакова, поэтому неудивительно, что он не принимается во внимание русско-белорусским словарем. Однако показательно отсутствие коррелята глаголу *умякнуть*, поскольку другим производным с префиксом *у-* (*умягчать*, *умягчить*) в белорусском языке наблюдаются соответствия, но с иными префиксами. Ср.: *змякчаць*, *памякчаць* и *змякчыць*, *памякчыць*. С другой стороны, интересно отсутствие эквивалента глаголу *поотмякнуть* при достаточно хорошей активности соответствующей модели в белорусском языке. Ср.: *пооткрываць* 1 (двери, окна) — *паадчыняць*, *пооткрываць* 2 (снять покрывало, крышку) — *паадкрываць*; *поотнимать* — *паадбіраць*; *поотрываць* — *паадрываць*; *пообтрясти* — *паабтрэсваць*. Любопытно, что словообразовательное значение ‘совершить действие с небольшой интенсивностью или неполностью’, представленное в русских глаголах *пообождавать*, *пообсохнуть*, *пообтереться*, *пообтрепаться*, *пообжиться*, в белорусском языке может быть представлено деривационными сочетаниями с компонентом *трохі*. Ср.: *трохі пачакаць* — Ø, *трохі абсохнуць*, *паабсыхаць*; *трохі абцверціся*, Ø; *трохі абтрапацца*, Ø; *трохі абжыцца*, Ø [РБС–2: 684–685]. В ряде слу-

чаев в словаре приводятся эквиваленты, не отражающие семантическую специфику русского глагола. Например: *пообноситься* — *абнасіцца*; *поослабнуть* — 1. *аслабець*, *аслабнуць*; 2. *наслабець*; *поотогреться* — *адагрэцца* [РБС–2: 684–685]. С другой стороны, в белорусском языке есть глаголы (*паабмякнуць*, *паразмякаць*), не имеющие зафиксированных в словарях синтетических коррелятов в русском языке.

Рассматривая группу производных глаголов, имеющих отношение к антонимичному признаку «твердый», можно и здесь обратить внимание на ряд различий. Так, в белорусском языке отсутствует эквивалент глаголу *потвердеть*, а также не отражается «морфемное варьирование» семантики несовершенного вида: для русских глаголов *твердеть* и *отвердевать* приводится один и тот же эквивалент (*цвярдзець*) [РБС–2:379]. Кроме того, заслуживают внимание различия в префиксальном оформлении русско-белорусской коррелятивной пары *измякнуть* [6] — *размякнуць*. Таким образом, два близкородственных языка могут различаться и общим количеством участвующих в процессе семантической дифференциации префиксов. Ономаσιологический подход в применении к фрагменту глагольной «составляющей» отвербативных парадигм позволяет увидеть вполне конкретные случаи «непредставления» деривационной семантики в одном близкородственном языке по сравнению с другим.

Для словообразования существенны отношения, связывающие родственные единицы, т. е. такие, основа выявления и отождествления которых представляется эксплицитно. Эти основополагающие свойства так или иначе отражаются на связях производного слова не только с другими словами, но и отношениях с единицами других уровней. Так, в некоторых случаях нельзя не обратить внимания на деривационно родственные словосочетания, так как на собственно словообразовательном уровне некоторые группы значений, их оппозиции могут быть представлены в менее систематическом виде. Поэтому сопоставительное исследование с привлечением единиц смежных уровней может оказаться более содержательным. Ср., например, следующие глаголы в белорусском языке и отсутствие аналогичных в русском: *павыразнець* ‘стать выразительнее’, *ачужэць* ‘стать чужим’, *бліжэць* ‘становиться ближе’, *большаць* ‘становиться больше’, *вузець* ‘становиться уже’, *вышэць* ‘становиться высоким, выше’, *глыбець* ‘становиться более глубоким’.

Сопоставительный анализ подобных фактов в составе значительных по количеству объединений (и оппозиций) родственных единиц позволяет увидеть как различия в лексических и словообразовательных подсистемах глагола двух языков, так и причины различной степени разветвленности тех или иных общих деривационных фрагментов.

Целый ряд фактов свидетельствует о большей степени синтетизма белорусского языка по сравнению с русским. Сравните: *злой* — *злеть*, *злиться*; *злостный* — $\emptyset$, *становиться злостным* (прогульщиком) и бел. *злосны* — *зласнець*, *становиться злым* (сердитым); *пазласнець*. Как известно, наличие префикса *не-* в обычном случае является морфонологическим барьером, и в русском языке нельзя, к примеру, образовать глаголы от слов типа *нелюбимый*, *нелюдимый*. Однако ср. в белор.: *знелюдзець* ‘стать нелюдимым от уединенной жизни’, *знелюбець* ‘стать кому-либо нелюбимым’. Ср. также *палюдскавацца* ‘почувствовать себя (пожить) достойными людьми’: *Вось каб Галонскі тут астаўся! За ім бы, брат, палюдскаваўся!* (Я. Колас). В последнем случае белорусский язык преодолевает достаточно сложный морфонологический барьер, образовав глагол от наречия (ср. выражение *жить по-людски*).

Следует обратить внимание и на большую легкость в освоении белорусским языком достаточно простых по структуре основ, лишенных очевидных морфонологических барьеров. Ср.: *день* — $\emptyset$, *дзень* — *днець* ‘займацца на дзень; світаць, развіднівацца’ (хотя в русском *день* — *дня*); *дно* — $\emptyset$; *дно* — *дніць* ‘устаўіць дно’.

Определенные, собственно деривационные факты достаточно зримо указывают на связь с лексикой, лексической подсистемой языка. В русском языке глагол *дробить* (*дробиться*) этимологически восходит к существительному *дробь*, с чем в сущности и связано семантическое своеобразие всех производных в данной глагольной части словообразовательного гнезда: *Дробить* 1. ‘ломать, разбивать целое на мелкие части; мельчить, крошить’. Белорусский язык не только повторяет данную особенность русского языка, но усложняет и, безусловно, обогащает семантику данного поля за счет прилагательного *дробны* (7 значений): 1. ‘невялікі па аб’ему, велічыні’, 3. ‘які складаецца з малых аднародных частачак’. Глаголы, образованные от данного прилагательного, не только увеличивают число синонимичных с русским языком единиц (*драбніць*, *драбніцца*), но и представляют значение, не имеющее в русском языке синтетического коррелята. Ср.: *драбнець* — *станавіцца драбнейшым* (ср.: Дождь *становился более редким*).

Всегда представляется заманчивым проследить сходства и различия в близкородственных языках — от изолированных слов, к объединениям родственных единиц разной степени сложности (словообразовательные пары, цепочки, парадигмы) и разных уровней (фрагменты деривационных гнезд). К примеру, богатый материал для выявления тождеств и различий в близкородственных языках может дать сопоставление словообразовательных парадигм и их фрагментов. Так, в белорусском языке есть слово

надвор'е, которое никак не может послужить «толчком» к организации глагольной семантики. Однако общее для русского и белорусского языков слово *погода* весьма своеобразно проецируется в систему глагольных дериватов, по-разному вычерчивая границы деривационного пространства. Так, в русском языке *погодить* обозначает «быть ненастной погоде», а в белорусском *пагодзіць* разг. «пра добрае, спрыяльнае надвор'е». Отсутствующее уже в русском языке *пагодзіцца* «рабіцца пагодлівым» мотивируется прилагательным *пагодлівы* в значении «добры, ясны, цеплы». Подобное прилагательное отмечается и в БАС: *погодливый*, однако с пометами «устар.» и «обл.» и с двумя значениями «1. ненастный, дождливый, холодный; 2. ясный, солнечный, теплый». Таким образом, совершенно очевидно, что в формально однотипных глаголах русского и белорусского языков «закрепились» диаметрально противоположные семантические линии (см. 1 и 2), мирно уживавшиеся в более раннем прилагательном *погодливый* (рус.). В белорусском языке прилагательное *пагодлівы* известно лишь в одном значении, с которым и связан производный глагол. Следует отметить, что в русском языке имеются прилагательные *погожий* «ясный, теплый» и *погодный* «1. относящийся к погоде; 2. устар. и обл. то же, что *погожий*», а также глаголы *распогодиться*, *распогоживаться* «1. становиться ясным, погожим; 2. о наступлении ясной, солнечной погоды». Ср.: *День окончательно распогодился*. В белорусском языке последним соответствуют по два эквивалента: *распагодзіцца*, *выпагодзіцца*; *распагоджвацца*, *выпагоджвацца*. Добавим к «полю» хорошей погоды глагол *опогодиться* «о наступлении ясной погоды (после дождя, снега и т. п.)»; в белорусском *апагодзіцца* «тое, што і распагодзіцца». Любопытно, что тема плохой, ненастной погоды в русской языковой картине мира получает достаточно неожиданное (с точки зрения морфемики) продолжение, не имеющее структурных соответствий в белорусском языке. Ср.: *занепогодить* «прост. о наступлении ненастной погоды» — Ø (хотя и в белорусском языке есть слова *непагода*, *непагадзь*, *непагодлівы*; ср. в русском: *непогода*, *непогодь*, *непогожий* (день); *размокропогодить*, *размокропогодиться* «сделаться дождливым, сырым (о погоде)». Ср. также: *мокропогодица*, *размокропогодье*. Правда, РБС приводит в качестве эквивалента русскому глаголу *размокропогодиться* (прост.) более конкретное *задажджыцца* «пра зацяжныя дажджы, дажджлівае надвор'е» — Ø. Ср.: *Задажджылася на цэлыя суткі*. При этом следует отметить, что в русском языке подобного производного глагола от слова *дождь* нет, хотя имеются глаголы *дождить* и *задождить* (в белорусском: *дажджыць*, *задажджыць*).

Когда близкородственные языки развиваются в условиях культурных, а следовательно, и языковых контактов, «развитие может идти путем па-

параллельного выравнивания сходных структур» [Будовичова 1983: 253]. Это в полной мере касается различных фрагментов словообразовательных парадигм и цепочек. При сопоставлении некоторых словообразовательных фрагментов в русском и белорусском языках можно обратить внимание на «дублирование», если можно так выразиться, структур более сложных, **морфемно более осложненных**, нежели простых. Например, в белорусском языке нет слов *пруд*, *прудить*, но уже есть *запруда*, *запрудиць*, *запруджваць*; нет слова *снежить* (ср. разг. *снежит* — Ø, *ідзе снег*), но есть *аснежыць*. Можно сказать так: два очень близких друг другу языка при наличии большого количества общих лексем и их производных, вполне могут каких-то не иметь. И связано это с тем, что в общем лексическом фонде двух языков есть своеобразное **перераспределение** тождественных значений по разным (и вместе с тем общим для двух языков!) лексемам. Например, глаголу *прудить* ‘устанавливать пруд’ в белорусском языке существует соответствие *гаціць*, семантика которого шире аналогичного глагола в русском (*гатить*) и включает не только значение 1. ‘рабіць гаць, пракладаць дарогу цераз балота’, но и 2. ‘перакрываць, запруджваць ваду ў рацэ плацінай’. Соответственно, производящее слово *гаць* в белорусском языке шире по семантике слова *гать* в русском и обозначает в том числе 2. ‘плаціна, якую ставяць, каб павысіць узровень вады ў рацэ; запруда’. С этим, вероятно, связаны как различия в лексических и словообразовательных подсистемах двух языков, так и причины неодинаковой разветвленности тех или иных общих деривационных фрагментов.

Таким образом, анализ подобных деривационных фрагментов в сопоставительном плане позволяет увидеть различия, которые были «скрыты» под «маской» внешне совпадающих или мало чем отличающихся друг от друга словообразовательных типов, словообразовательных категорий, иных традиционно рассматриваемых объединений родственных единиц.

Литература

- Бардовіч А. М., Круталевіч М. М., Лукашанец А. А. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 2000.
- Будовичова В. К проблематике сопоставительного изучения лексикологии родственных языков // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками / Под ред. А. Г. Широковой и В. Грабье. М., 1983.
- Бузашиова К. Возможности и границы моделирования на уровне словообразовательных парадигм // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / Отв. ред. Г. П. Нешименко. М., 1987.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1940.
Широкова А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой. М., 1998.

Сокращения

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М., 1950–1965.
РБС — Русско-белорусский словарь. Т. 1–3. Минск, 1993.
ТСБМ — Глумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–5. Мінск, 1977–1984.

Н. Д. Голев (Кемерово)

**Поисковые системы Интернета
как лингвистический источник
(на примере решения некоторых теоретических
и прикладных вопросов русского словообразования)**

Целью настоящей статьи является представление возможностей нового лингвистического источника — поисковых систем Интернета и его статистических данных. Говоря о последних, мы имеем в виду статистику слов, которая сопровождает результаты поиска. Например, сделав в «Яндексе» запрос на слово *статья*, получаем статистику — 409 млн. страниц, на которых в Интернете зафиксировано это слово, *представление* — 298 млн., *лингвистический* — 7 млн., *источник* — 189 млн. (Поисковая система «Яндекс», данные на 21 марта 2009). В статье будут проиллюстрированы возможности названного источника на примере решения лингвистических задач разного типа — поисковых, лексикографических, теоретических — преимущественно в сфере русского словообразования с привлечением данных из других сфер. Этим мы хотели бы подчеркнуть универсальность предлагаемого источника.

Далее назовем и охарактеризуем значимые лингвистическо-источниковедческие особенности данных Интернета и их исследовательские возможности.

1

Важнейшей характеристикой представляемого источника является его «**квантитативная мощь**», которая отчетливо видна на фоне известных частотных словарей. К примеру, для слов, охарактеризованных в словаре Л. Н. Засориной [Частотный словарь 1977: 837] частотностью 38 (на 1 млн. выборки), «Яндекс» дает такие результаты: *девица* — 5 млн., *дневник* — 148 млн., *дружественный* — 7 млн., *заведующий* — 5 млн., *исследователь* — 16 млн., *истинный* — 27 млн., *картинка* — 302 млн., *кланяться* — 984 тыс., *когда-нибудь* — 13 млн., *коса* — 8 млн., *кошка* — 180 млн., *кризис* — 33 млн., *крокодил* — 7 млн., *кусочек* — 12 млн., *лунный* — 12 млн., *механизатор* — 590 тыс., *милиция* — 37 млн., *молния* — 10 млн., *мышь* — 38 млн., *намерение* — 21 млн., *напечатать* — 81 млн., *натура* — 11 млн., *окончить* — 13 млн., *освещать* — 13 млн., *отчет* —

58 млн., *поворачиваться* — 20 млн., *повышенный* — 77 млн., *политик* — 213 млн. страниц. Наименьшее соотношение в данной группе слов, обнаруживаемое в частотностях слова *механизатор*, — 590 000 : 38, то есть в Интернете данное слово представлено в 16 тыс. раз чаще, наибольшее — в частотностях слова *картинка* — в Интернете это слово встречается примерно в 8 млн. раз чаще (302 000 000 : 38). Сказанное означает, что «квантитативная мощность» Интернета превосходит «мощность» частотного словаря на несколько порядков. Это важно подчеркнуть хотя бы для того, чтобы отчасти снять вопрос о возможных издержках стихийной статистики Интернета. На наш взгляд, ее неизбежные помехи, которые достаточно очевидны во многих случаях, чаще всего (разумеется, не всегда) перекрываются огромными количественными показателями, позволяющими выявлять и описывать **объективные** тенденции в языке и речи.

2

Сугубо количественная характеристика, которую дает слову «квантитативный коэффициент», извлеченный из поисковых систем Интернета, является одновременно **информативной**. Здесь возникает проблема квалификации содержания данных, эксплицируемая следующими вопросами: какое лингвистическое содержание слова стоит за количеством его фиксаций в поисковых системах Интернета, какие элементы (свойства, отношения) русского языка или языкового сознания оно характеризует, каким образом следует содержательно интерпретировать тот факт, что, скажем, предлог *в* **более частотен**, чем предлог *на*, глагол *входить*, чем *выходить*, *сделать*, чем *делать*, а имя *Александр* частотнее, чем *Владимир*, каково соотношение индивидуального и типового в этих отношениях?

Думается, что количественный индекс образуется вследствие пересечения действий многих факторов, определяющих бытие естественных языковых знаков. Для представления этих факторов, воспользуемся известной семиотической оппозицией синтактики, семантики и прагматики. Во-первых, это фактор синтактики, выдвигающий по частотности на первый план всевозможные служебные слова и связки, употребление которых носит универсальный характер, и внутренней, системной, «коммуникативистики», объясняющей, например, высокую частотность местоимений, частиц, модальных слов; во-вторых, фактор внутриязыковой семантики, в частности, определяющей зависимость частотности слов от простоты / сложности их семантики (слова-примитивы с одной коммуникативно значимой семой естественным образом частотнее более сложных, часто производных от них слов); в-третьих, фактор денотативной семантики, фиксирующей значимость денотатов лексем в реальной дей-

ствительности и тем самым коммуникативную потребность в данных лексемах; в-четвертых, фактор прагматики: в частотности слова отражается его культурно-психологическая значимость (например, «модность» лексем на протяжении определенного времени, их значимость в культурной жизни народа); в-пятых, коммуникативно-синергетический фактор, отражающий неизбежную конкуренцию лексем, каждая из которых стремится к бесконечной функционально-семантической валентности, в результате чего одни лексемы утрачивают свой потенциал, вытесняются в области узкого употребления, другие, напротив, усиливают его; параллельно этим процессам происходит дифференциация лексем по смыслу и сферам функционирования и стилистической окраске. Но в целом надо признать, что лингвистам еще нужно научиться «читать» частотные характеристики слов и словников, вырабатывать язык описания и интерпретации количественных данных лексем и их соотношений для их перевода в характеристики качественные. Несомненно, что важнейшим способом такого прочтения является сравнение лексем, образующих списки (парадигмы), формируемые по линии убывания / нарастания их частотности, и сравнение самих списков (парадигм) в плане их коррелятивности по частотности с дальнейшей качественной интерпретацией обнаруженных количественных соотношений.

3

Весьма значимой характеристикой представляемого источника, отличающего его от известных частотных словарей, является **полнота выборки** — одна из наиболее важных предпосылок качества количественных характеристик слова. Если, например, частотный словарь под редакцией Л. Н. Засориной строится на выборке из четырех типов текстов: газетно-журнальных, драматургических, научных и публицистических (объединенных в одну группу) и художественных, — то функциональные и семантические границы статистики Интернета фактически открыты. Проиллюстрируем сказанное примерами из лексики, не помещаемой в традиционные филологические словари. Критерием их лексикографической незафиксированности для нас в приводимых далее примерах служит «Сводный словарь современной русской лексики», обобщивший, как сказано в аннотации к нему, сведения 14 наиболее популярных словарей: толковых, энциклопедических, орфографических [Сводный словарь 1990–1991].

- В Интернете легко обнаруживаются все типы имен собственных и их производных, обычно не отмечаемых в популярных лингвистических словарях. Далее приведем список наиболее частотных русских имен в порядке убывания (данные «Яндекса» на 15 декабря 2004 г.).

Имя	Количество страниц	Количество сайтов	Количество слов
Сергей	7 252 609	19 723	16 697 775
Александр	6 987 114	20 860	16 695 774
Андрей	5 386 295	17 095	12 684 479
Дмитрий	4 419 535	14 027	9 362 431
Алексей	4 410 414	15 295	8 812 361
Михаил	3 818 039	13 445	7 351 635
Николай	2 898 521	11 953	6 517 950

• Дериватолог легко установит факт наличия и определит частотность производных слов от этих имен. Среди них модификационные дериваты разных типов (*Сергеевич* — 10 млн., *Сергеич* — 450 тыс., *Сергеевна* — 4 млн., *Сергеична* — 8, *Сережа* — 4 млн., *Сергуня* — 68 тыс., *Сереженька* — 315 тыс., *Сережечка* — 26 тыс., *Серж* — 8 млн., и производные от них (*сереженькин* — 786, *сережечкин* — 10 тыс.), топонимы и производные от них слова (*Сергеевка* — 192 тыс., *Сергеевское* — 80 тыс., *сергеевчанин* — 2), фамилии (*Сереженков* — 1 тыс., *Сереженкин* — 17 тыс., *Сережечкин* — 9 тыс., *Сережин* — 103 тыс., *Сережинский* — 897, *Сережичев* — 827, *Сережкин* — 108 тыс., *Сережников* — 25 тыс., *Сергунов* — 44 тыс. страниц) и т. п.

• Топонимы *Екатеринбург* — 39 млн., *Краснодар* — 57 млн., *Саратов* — 39 млн., *Воронеж* — 44 млн., *Владивосток* — 36 млн., *Ульяновск* — 15 млн., *Новосибирск* — 77 млн., *Красноярск* — 35 млн., *Челябинск* — 43 млн. страниц. Производные от них: *екатеринбургский* — 74 млн., *красноярский* — 26 млн., *владивостокский* — 35 млн., *екатеринбуржец* — 1 млн., *екатеринбуржска* — 1 тыс., *екатеринбуржчанин(е)* — 7.

• Термины узкого употребления, помещаемые лишь в специальные терминологические словари: *гетеронимия* — 367, *гетерорганый* — 4, *гетерофемия* — 50, *гингивальный* — 2242, *гиппалага* — 15, *гипербатон* — 1047 страниц; просторечная, жаргонная, диалектная лексика: *шморгать* — 9390, *шмыргать* — 708, *шмургать* — 182, *шмаргать* — 15,

шмурыгать — 7414, *шмызгать* — 6, *шмыздить* — 1, *шмыздать* — 1, *шмалить* — 7414, *шмакать* — 608, *шмакодявка* — 1508, *шмокодявка* — 204, *шмакодявка* — 179, *шмокодявка* — 32 страницы.

- Звукоподражания и междометия:

гы — 1 866 540 и его фонетико-графические варианты: *гыы* — 53 480, *гыыы* — 94 730, *гыыыы* — 43 710, *гыыыыы* — 2757, *гыыыыыы* — 16 660, *гыыыыыыы* — 12 248, *гыыыыыыыы* — 8 803, *гыыыыыыыыы* — 9 096, *гыыыыыыыыыы* — 5 113 страниц;

фрр — 93 тыс., *фырр* — 3 тыс., *фрыы* — 29, *фрры* — 49, *фрыыр* — 0, *фрырыры* — 4, *ффыр* — 121, *ффырр* — 17 страниц.

Для исследователей словообразования наибольший интерес представляют, конечно, возможность обнаружения в Интернете таких производных слов разных типов, которые в дериватологии квалифицируются как потенциальные и окказиональные слова и которые весьма нерегулярно и прихотливо фиксируются традиционными словарями. Приводимые далее группы слов (одноструктурных и однокоренных) не отмечены в «Сводном словаре», но представлены (в разной степени) в текстах Интернета: *недоболеть* — 175, *недоборотся* — 447, *недобросить* — 879, *недовалять* — 13, *недовести* — 7 986, *недовзорвать* — 188, *недовезти* — 2 090, *недовыбросить* — 384, *недовывести* — 76, *недовязать* — 2 353, *недогазывать* — 12, *недогасить* — 127, *недоглотать* — 5 132, *недоглушить* — 67, *недогнуть* — 836, *недоголотить* — 1, *недогреть* — 8 тыс. страниц;

- *словарек* — 707, *словарчик* — 1 646, *словарицк* — 259, *словарыч* — 2, *словаренок* — 119, *словарята* (мн. ч. от *словаренок*) — 15, *словарище* — 49 тыс., *словарист* — 48 тыс., *словаристка* — 5, *словаровед* — 4, *словарница* — 131, *словарить* — 49, *ословарить* — 20, *словарничать* — 3, *словарствовать* — 0, *словарский* — 111, *квасисловарь* — 2, *гиперсловарь* — 219, *суперсловарь* — 10 тыс., *словаролюб* — 2, *словаро-память* — 1, *эксловарь* — 81, *эго-словарь* — 86, *над-словарь* — 35, *прасловарь* — 12, *протословарь* — 16, *антисловарь* — 8 тыс., *несловарь* — 448, *словарно-учебный* — 444, *учебно-словарный* — 214, *справочно-словарный* — 180, *словарь-справочник* — 4 млн. страниц.

На этом фоне становится совершенно очевидной принципиальная нерешенность в теории словообразования проблемы дифференциации потенциальных и реальных слов. Во всяком случае, Интернет показывает несостоятельность для такой дифференциации часто используемого критерия лексикографической зафиксированности слова.

- Интернет может стать важным источником изучения деривационных явлений в письменной речи, в частности, в области аббревиации, письменных сокращений, графодеривации:

стройхоз — 4 тыс., *хозстрой* — 2 тыс., *стройком* — 137 тыс., *комстрой* — 17 тыс., *хозком* — 82, *комхоз* — 26 тыс., *комхозстрой* — 3, *стройкомхоз* — 43, *хозкомстрой* — 0, *горком* — 592 тыс., *горхоз* — 6 тыс., *комгорхоз* — 16, *хозгорком* — 0, *горхозком* — 0, *горкомхоз* — 16 тыс., *хозкомгор* — 0 страниц;

геог. — 30 тыс., *геогр.* — 429 тыс., *географич.* — 30 тыс. страниц;
сим-фония — 624, *сим-сим* — 5 млн., *ре:акция* — 5 млн., *ре:форма* — 9 млн., *ре:зидент* — 575, *ве4ер* — 16 тыс., *ме4та* — 22 тыс. страниц;
ресторан — 5, *ресторан* — 3, *ресторан* — 2, *рестоган* — 9, *ресторан* — 24 страницы;

рямой — 85, *cosmическая* — 244, *банкъ* — 198 млн., *про-новости* — 296 тыс., *саба* — 155 страниц;

четыре — 14 тыс., *бестъ* — 3004, *7емь* — 8135, *8осемь* — 2384, *9евять* — 103 страницы;

тиишишина — 1511, *тиишиина* — 245, *тиишиишина* — 6, *мммиллион* — 7, *р-р-р-екомендую* — 19, *нехочузнять* — 6 страниц.

• Сочетание букв и цифр, представляющее собой особую форму графодеривации (приведем примеры на фоне исходных слов-числительных):

два — 226 млн., *второй* — 268 млн., *2-ой* — 9 млн., *двухразовый* — 194 тыс., *2-разовый* — 37 тыс., *2-ухлетний* — 170 тыс. страниц;

три — 183 млн., *третий* — 139 млн., *3-ий* — 2 млн., *трехразовый* — 395 тыс., *3-разовый* — 185 тыс., *3-хлетний* — 5 млн., *3-ехлетний* — 557 страниц;

двенадцать — 3,5 млн., *двенадцатый* — 2 млн., *12-ый* — 128 тыс., *двенадцатиразовый* — 70, *12-разовый* — 957, *12-летний* — 3 млн. страниц;

семьдесят пять — 1 млн., *семьдесят пятый* — 583 тыс., *75-ый* — 41 тыс., *семидесятипятиразовый* — 0, *75-разовый* — 0, *75-летний* — 619 тыс. страниц.

4

Принципиальное методическое значение для решения многих лингвистических задач имеет такая особенность Интернета как источника языкового материала, как возможность поиска **заданного** слова. Для дериватологии здесь особенно значимо то обстоятельство, что заданное слово можно смоделировать по актуальным для исследователя свойствам. Тем самым осуществляется возможность проекции «модельных» слов в речевую реальность, перехода от иллюстративного поиска лексических реализаций к системному, от эвристического описания к прогностическому. Например, мы можем проверить на наличие и частотность производные слова из гнезда *асфальт*: *асфальтирование* (1 млн.) / *асфальтировка* (361 тыс.),

асфальтировщик — 4 тыс., *асфальтик* — 6 989, *асфальтчик* — 85, *асфальтищик* — 615 страниц, в том числе сконструированные нами и не зафиксированные в словарях, к примеру, *асфальтировщица* и *асфальтищица*, *асфальтник*, *асфальтница*, *асфальтовщик*, *асфальтовщица*. В «Яндексе» находим следующие их количественные показатели — соответственно 311, 3, 373, 10, 18, 0 страниц.

Из свойства моделируемости искомого материала, вытекает свойство, которое можно назвать **континуальностью**. Оно связано с возможностью извлечения и описания непрерывных лексических, словообразовательных, лексико-словообразовательных, лексико-грамматических пространств (полей, парадигм, цепей, гнезд) и представление их в виде матриц.

Так, например, для дериватологии, описывающей словообразовательную систему и ее реализацию «от мотивирующего слова», важно иметь дело с полными списками мотивирующих слов и их дериватов. Интернет легко предоставляет такую возможность.

Например, названия месяцев представлены в нем следующим образом: *январь* — 156 млн., *февраль* — 145 млн., *март* — 173 млн., *апрель* — 160 млн., *май* — 207 млн., *июнь* — 173 млн., *июль* — 205 млн., *август* — 235 млн., *сентябрь* — 263 млн., *октябрь* — 148 млн., *ноябрь* — 132 млн., *декабрь* — 143 млн. страниц; названия дней недели: *понедельник* — 77 млн., *вторник* — 57 млн., *среда* — 101 млн., *четверг* — 56 млн., *пятница* — 79 млн., *суббота* — 75 млн., *воскресенье* — 69 млн. страниц.

При необходимости исследователь может выстроить словообразовательную парадигму из производных от этих названий. Например, заполнить ячейки для прилагательных: *понедельничный* — 121 тыс., *вторниковый* — 1 477, *вторничный* — 106 тыс., *средовый* — 49 тыс., *четверговый* — 576 тыс., *пятничный* — 3 млн., *пятницевоый* — 10, *субботный* — 5 млн., *воскресный* — 5 млн.; модификатов: *понедельничек* — 31 тыс., *вторничек* — 17 тыс., *средушка* — 268, *четвержочек* — 129, *пятничка* — 27 тыс., *субботный* — 5 млн., *воскресный* — 5 млн.; модификатов: *понедельничек* — 31 тыс., *вторничек* — 17 тыс., *средушка* — 268, *четвержочек* — 129, *пятничка* — 27 тыс., *субботка* — 35 тыс., *воскресеньице* — 2 тыс. страниц; лексических дериватов: *понедельничник* — 88, *вторничник* — 110, *средник* — 47 тыс., *четверговник* — 242, *пятничник* — 959, *субботник* — 3 млн., *воскресник* — 58 тыс. страниц.

Не требует особых доказательств значимость свойства континуальности интернет-данных для лингвистической прогностики и системной лингвистики. В частности, на этой основе возможна квалификация лексической мощности словообразовательных типов, мотивирующего потенциала слова или групп слов, измерения расстояния между членами

мотивационных пар разных типов и др. Некоторые из перечисленных параметров дериватологических исследований будут проиллюстрированы далее.

Матричное сопоставление наиболее информативно для лингвистики. Оно дает возможность извлечения из Интернета не просто линейных тематических списков слов, организованных в рамках гипонимической оппозиции, но списков слов, организованных в более сложной системе координат, отражающей парадигматическое устройство языка и позволяющей сопоставлять данные по вертикальным и горизонтальным рядам, получая обобщающие для этих рядов результаты. Так, сопоставление частотностей числительных можно вести не просто по «возрастающему ряду» количественных числительных, но и — параллельно — по производным от них порядковым, собирательным, сложным прилагательным (типа *трехлетний*, *двадцатидвухлетний*, *двухсотсорокаметровый* или *девятиразовый* и т. д. и т. п.), наречиям (*однажды*, *дважды*...) , модальным словам (*во-первых*, *во-вторых*...) и др. Местоимения могут быть количественно представлены в матрице во всем разнообразии их семантических (личные, вопросительные, указательные, отрицательные и т. п. местоимения) и грамматических (местоимения-существительные, местоимения-прилагательные) оппозиций. Неопределенные местоимения далее возможно разделить на местоимения с префиксом *кое-* и суффиксами *-то*, *-либо*, *-нибудь*:

кто — 408 млн., *кто-то* — 50 млн., *кто-нибудь* — 26 млн., *кое-кто* — 3 млн., *кто-либо* — 2 млн. страниц;

что — 1104 млн., *что-то* — 115 млн., *что-нибудь* — 31 млн., *кое-что* — 12 млн., *что-либо* — 11 млн. страниц;

где — 424 млн., *где-то* — 43 млн., *где-нибудь* — 8 млн., *кое-где* — 3 млн. страниц; *где-либо* — 1 млн.,

сколько — 127 млн., *сколько-то* — 714 тыс., *сколько-нибудь* — 2 млн., *сколько-либо* — 29 тыс., *кое-сколько* — 603 страницы.

Нетрудно заметить, что Интернет достаточно однозначно расположил по частотности производные в определенном порядке (по убыванию): *-то*, *-нибудь*, *кое-*, *-либо*. Исключения находим лишь в ряду с вершиной *сколько*.

5

Данные поисковых систем Интернета позволяют системно решать многие теоретические проблемы, связанные с градуальными отношениями единиц лексико-словообразовательного пространства.

1. К таким относится, например, проблема взаимодействия словообразования и лексики, регулярно обнаруживаемая при рассмотрении ча-

стотности лексических реализаций внутри словообразовательных типов и парадигм. Опираясь на данные Интернета, исследователь, с одной стороны, имеет возможность выявить среднестатистическую характеристику реализации словообразовательного типа (члена парадигмы), с другой стороны — отклонения от нее в большую или меньшую сторону. Такие отклонения, как правило, обусловлены лексическими особенностями деривата, «восходящим» чаще всего к внеязыковым свойствам означаемого (его роли в жизни и сознании человека), или внутриязыковыми особенностями (функциональными, семантическими) и т. п. Например, заполняя лакуны в парадигме сложных прилагательных, образованных от словосочетаний «числительное плюс существительное», мы легко обнаруживаем закономерности, обуславливающие количественные корреляции: убывание частности числительных по линии от одного и далее (при всплесках «вверх» в значимых для десятичной системы счисления числах) и убывание частности названий мер длины по линии «метр — километр — сантиметр — миллиметр — дециметр», также обусловленной степенью используемости этих единиц в обыденной жизни:

двухметровый — 808 тыс., *трехметровый* — 441 тыс., *девятыметровый* — 30 тыс., *десятыметровый* — 157 тыс., *одинадцатиметровый* — 225 тыс., *тринадцатиметровый* — 91 тыс., *одинадцатикилометровый* — 1 742, *девятисантиметровый* — 3 тыс., *десятисантиметровый* — 30 тыс., *одинадцатисантиметровый* — 1 тыс., *двухдециметровый* — 290, *десятидециметровый* — 0, *одинадцатидециметровый* — 0, *двухмиллиметровый* — 40 тыс., *семимиллиметровый* — 1 973, *десятимиллиметровый* — 4 641, *одинадцатимиллиметровый* — 0, *семидесятипятимиллиметровый* — 881 страница. Отмеченную линию закономерного убывания частотности дериватов нарушают лексикализованные (в том числе субстантивированные) дериваты типа *одинадцатиметровый*, *стометровый*, *сорокадвухкилометровый*, фиксирующие популярные в мире спорта расстояния, и *семидесятипятимиллиметровый*, фиксирующий калибр пушки).

2. Сопоставление однокоренных слов по частотности дает возможность использовать количественный фактор для решения вопроса об их мотивационном статусе по отношению друг к другу (см. наши работы по квантитативной мотивологии [Голев 1990], [Голев 1997]). В данной сфере существуют нерешенные проблемы, на которые Интернет может помочь пролить свет. Так, В. В. Виноградов [Виноградов 1972: 345–346] высказывает мнение, что существительные типа *дело*, *работа*, *грохот*, *лепет*, *хохот*, *хлопоты*, к которым исторически восходят глаголы (*делать*, *работать* и т. д.), в современном русском языке сами восприни-

маются как производные. Подтверждает ли частотность это предположение? Сравним: *дело* — 345 млн., *делать* — 303 млн.; *работа* — 930 млн., *работать* — 939 млн.; *грохот* — 3 млн., *грохотать* — 882 тыс.; *летит* — 865 тыс., *лететь* — 436 тыс.; *хохот* — 2 млн., *хохотать* — 3 млн.; *хлопоты* — 5 млн., *хлопотать* — 705 тыс.; *труд* — 108 млн., *трудиться* — 14 млн.; *забота* — 19 млн., *заботиться* — 12 млн. Нетрудно убедиться, что многие существительные функционально сохраняют статус слов первичных; употребительное слово естественным образом воспринимается как исходное, обуславливающее генетическое и синхронное «бытие» менее употребительного слова. Ср. аналогичные данные в работе [Гинзбург 1977].

Вопрос об отношениях производности в видовых парах также остается открытым. Нередко высказывается мнение, что глаголы несовершенного вида занимают позицию немаркированного члена видовой оппозиции, а коррелятивный глагол совершенного вида — маркированного, что нередко обнаруживается в контекстах вроде *решил и, наконец, решил*. Рассмотрим видовые пары различного типа, приведенные В. В. Виноградовым [Виноградов 1972: 400–401], на шкале частотности поисковой системы «Google»: *благословить* — 129 тыс., *благословлять* — 54 тыс.; *бросить* — 3 млн., *бросать* — 1 млн.; *возвратить* — 731 тыс., *возвращать* — 1 млн.; *воскресить* — 204 тыс., *воскрешать* — 270 тыс.; *встретить* — 4 млн., *встречать* — 1 млн.; *выразить* — 3 млн., *выражать* — 1 млн.; *забросить* — 246 тыс., *забрасывать* — 153 тыс.; *разрешить* — 4 млн., *разрешать* — 614 тыс., *решить* — 11 млн., *решать* — 7 млн.; *разоблачить* — 167 тыс., *разоблачать* — 80 тыс., *охватить* — 660 тыс., *охватывать* — 209 тыс.; *вырубить* — 186 тыс., *вырубать* — 95 тыс., *освободить* — 2 млн., *освобождать* — 340 тыс. Как видим, только две пары *воскресить* — *воскрешать* и *возвратить* — *возвращать* иллюстрируют более высокую частотность глагола несовершенного вида, и на этом фоне определенно доказать деривационную первичность глаголов несовершенного вида в видовой паре представляется затруднительным.

3. Континуальность данных представляемого источника дает возможность системного описания потенциала варьирования (морфонологического, орфографического) и синонимии словообразовательного типа. Так, мы можем сделать запрос на варианты и синонимы словообразовательного гнезда *асфальт* и получить картину конкуренции словообразовательных вариантов *nomina agentis*: *асфальтчик* — 86, *асфальтищик* — 615, *асфальтовик* — 284, *асфальтовщик* — 18, *асфальтник* — 366, *асфальтовник* — 3, *асфальтировщик* — 4 тыс., *асфальтирищик* — 0, *асфальтист* — 29, *асфальтёр* — 311, *асфальтерист* — 0.

4. Частной областью такого рода исследований является диахроническое сопоставление конкурирующих словообразовательных вариантов и синонимов, позволяющее давать прогностические оценки их конкуренции. Такую возможность предоставляет, в частности, «Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» [Граудина 1976], в котором дается обобщенная количественная характеристика вариантов-конкурентов.

• Например, конкуренция вариантов типа *горьковец* / *горьковчанин* на основе выборки оценивается авторами названного словаря соотношением 57% / 43% [Граудина 1976: 285]. Рассмотрим, как представлено это соотношение в данных Интернета на апрель 2009 года; использованы слова из той же выборки, расположенной в алфавитном порядке (от Ф до Я): *фатежец* — 9, *фатежанин* — 294; *хабаровец* — 8921, *хабаровчанин* — 337 тыс.; *хилокцы* — 16, *хилокчане* — 316; *чебоксарец* — 144 тыс., *чебоксарянин* — 8; *чесменец* — 530, *чесмянин* — 6; *чудовец* — 2185, *чудовчанин* — 40; *шатровец* — 244, *шатровлянин* — 19; *ширингушец* — 8, *ширингушанин* — 0; *шумихинец* — 0; *шумишанин* — 3; *щелковец* — 0, *щелковчанин* — 2278; *яхромец* — 138, *яхромчанин* — 1277 страниц. Приведенные данные говорят о том, что конкуренция данных вариантов по-прежнему актуальна, хотя можно констатировать некоторый сдвиг в пользу модели на *-чанин*; количество подобных дериватов превышает количество дериватов на *-овец*.

• Конкуренция морфонологических вариантов типа *двусторонний* / *двухсторонний* по словарю Л. К. Граудиной и др. оценивается в соотношении 55% / 45%. Однако если рассмотреть это соотношение на «молодых» (еще не закрепившихся в узусе) дериватах, в том числе не зафиксированных в указанном словаре, то оно будет иным: *двуголомый* / *двухголовый* — 8 тыс. / 492 тыс., *двуклассный* / *двухклассный* — 4 тыс. / 36 тыс., *двукорпусный* / *двухкорпусный* — 720 / 41 тыс., *двумоторный* / *двухмоторный* — 516 / 173 тыс., *двухгольный* / *двухигольный* — 257 / 24 тыс., *двустраничный* / *двухстраничный* — 2 970 / 41 тыс., *двуслойный* / *двухслойный* — 206 тыс. / 1 млн., *двуполосный* / *двухполосный* — 6 193 / 583 тыс., *двуполочный* / *двухполочный* — 222 / 6 665, *двуколенный* / *двухколенный* — 84 / 26 тыс., *двукомнатный* / *двухкомнатный* — 11 тыс. / 6 млн. Хорошо заметно, что в «молодых» дериватах проявляется более сильная тенденция к использованию варианта *двух-*. Высокую частотность *дву-* поддерживают в основном давно образованные по этой модели и уже лексикализованные дериваты.

6

Важной особенностью данных Интернета как лингвистического источника является возможность непосредственного **обращения к контекстам**, в которых зафиксированы употребления искомого слова. Это важно для перехода от количественных характеристик к качественным, от абстрактного инварианта, представленного в количественном коэффициенте слова, к его семантическим, стилистическим и другим вариантам. Например, лексема *вболеться* представлена на 5 страницах. Откроем три из них: *Рискну в белизну страницы — седьмое небо, в чистый слог. **Вболеться**, вслышаться, вродиться. Вмолчаться. Как всему итог...* (персональный сайт поэта В. Петрова); *Понимаю тебя, я еще не сильно **вболелся** в Кими, а уже категорически против его возможного перехода в Феррари* (форум «Переход Монтойи»); *Нужно было добиться инвалидности 1-й группы, и я добилась, отказавшись ходить и есть, имитируя падучую. Я так **вболелась** в свою роль, что уже не могла из нее выйти.* (И. Лиснянская. Хвастунья).

7

Очевидна возможность использования Интернета в лексикографии. Его данные способны оказать серьезное влияние на все виды словарей. Для частотных словарей оно заключается прежде всего в многократном усилении их количественной мощности, позволяющей говорить о количественной лексикографии нового поколения. Для толковых (разных типов) и словообразовательных — в более значительном представлении лексики, а для первых к тому же — в обогащении и увеличении разнообразия иллюстративной части толкования и уточнения семантики периферийной лексики. Для словарей синонимов — в упорядочении синонимических рядов (квалификация слова-доминанты и порядке расположения последующих членов). Для словарей вариантов разного типа, особенно графических вариантов слова, помимо их полноты, значима перспектива оценки конкурентоспособности вариантов. Менее очевидна возможность привлечения данных Интернета для создания словарей концептов, ассоциативных словарей, словарей сочетаемости и др., однако имеется и она, см., например, наши наблюдения по этому поводу в статьях [Голев 2006], [Голев 2007]. Разработать последнюю тему более основательно мы намерены в отдельном исследовании.

Здесь остановимся на проблемах словарей, тем или иным образом связанных со словообразованием: гнездовых, словарей новых слов и значений и словарей словообразовательных вариантов.

1. Пополнение словарей гнездового типа, словарей новых слов.

Следующих слов нет в гнезде *бетон* «Словообразовательного словаря» [Тихонов 1985]:

бетончик — 2 534, *бетонишка* — 3, *бетонище* — 247, *бетонизировать* — 300, *бетонизация* — 206, *бетонизатор* — 4, *бетонировщик* — 80, *бетонировщица* — 1, *бетонатор* — 64, *бетонирователь* — 1, *бетонничать* — 24, *бетоноизделие* — 168, *бетонопроизводство* — 72, *бетностроительство* — 9, *бетоновод* — 36 тыс., *бетоновед* — 2 294, *бетоноформовочный* — 3 тыс. и т. д. Обращение к таким пополнениям, осуществляемое нами на всем протяжении данной статьи, позволяет сделать вывод: список пополняющих слов в **существенной** мере открыт.

2. Пополнение словарей вариантов (паронимов, синонимов), например: *автоматизация / автоматизирование* — 33 млн. / 11 млн., *акклиматизация / акклиматизирование* — 367 тыс. / 202, *активизация / активизирование* — 12 млн. / 8 млн., *аккумуляция / аккумуляирование* — 1 млн. / 278 тыс. страниц.

3. Возможность обращения к контекстам может оказаться весьма значимой для лексикографических и семантических штудий, необходимых для создания разных типов словарей, но в первую очередь — толковых. Например, для слова *асфальтница* находим контексты, свидетельствующие о разных смыслах его употребления: 1) *чувствую, что мой ребенок будет играть не в песочнице, а в асфальтнице...надо строить на даче дом и валить отседова... не иначе..* (предметное значение); 2) *Всегда любила просто кататься. Без всяких прыжков etc.. По хорошему покрытию. У меня практически шоссейник и я точно «асфальтница». Проежка — моя стихия, хотя после некоторых событий стараюсь ей теперь не злоупотреблять...* (значение лица). Разумеется, переход от уровня внеконтекстных лексем к уровню контекстных словоупотреблений предполагает исследовательскую работу «вручную», в ходе которой осуществляется сортировка и детализация материала и обобщение его уже на основе качественных параметров.

4. Особенности описания дериватов-регионализмов на основе данных Интернета представлены в нашей ранее опубликованной статье [Голев, Лебедева 2007]. Выделим из этой статьи наблюдение, значимое для диалектной дериватологии. В региональных словарях часто приводятся производные лексемы типа *сарайчик*, которые квалифицируются как диалектные, поскольку они не зафиксированы словарями русского литературного языка. На самом деле они являются весьма употребительными на разных территориях, что и подтверждает Интернет. Это еще одно следствие несовершенства критерия лексикографической незафиксированности для квалификации слова как потенциального.

Литература

- Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 2 М., 1972.
- Гинзбург Е. Л.* К разработке критериев направления производности // Грамматика и норма. М., 1977.
- Голев Н. Д.* Количественный аспект мотивационно-словообразовательных отношений (на материале отыменных образований русского языка) // Словосочетание, словосложение, аффиксация как способы словообразования. Владивосток, 1990.
- Голев Н. Д.* Некоторые проблемы лексической и словообразовательной мотивации (к построению теории квантитативной мотивологии) // Человек — коммуникации — текст. Вып. 1. Человек в свете его коммуникативного самосуществования / Под ред. А. А. Чувакина. Барнаул, 1997.
- Голев Н. Д.* О возможностях Интернета в количественном описании лексической семантики // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты: Материалы I Международной научной конференции (23–24 марта 2006 г.). Вып. 1. Кемерово, 2006.
- Голев Н. Д., Лебедева Н. Б.* Лексика регионального словаря в Интернете // Язык, литература и культура в региональном пространстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. И. А. Воробьевой / Под ред. Л. И. Шелеповой. Барнаул, 2007.
- Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская А. П.* Грамматическая правильность русской речи (опыт частотно-стилистического словаря вариантов). М., 1976.
- Сводный словарь современной русской лексики. Т. 1–2 / Под ред. Р. П. Рогожниковой. М., 1990–1991.
- Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. М., 1985.
- Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.

**Типология новых явлений
и тенденции изменений
в славянском словообразовании**

Е. А. Земская (Москва), Э. Рудник-Карватова (Варшава)

Новые явления в словообразовании русского и польского языков на рубеже XX–XXI веков

В словообразовании русского и польского языков на рубеже XX–XXI вв. наблюдается очевидная активизация серий структур типа русск. *рок-движение, рок-тусовка, тележизнь, теленаселение, телесезон, экспресс-курс, экспресс-опрос, экспресс-поставки*, польск. *cyberportret, cyberpowieść, euroentuzjasta, eurokonstytucja, wideoimpreza, wideowypożyczalnia* и т. п. Словообразовательный механизм связан с созданием сложных структур с серийно повторяемым компонентом по образцу интернациональных или заимствованных (преимущественно из английского языка) формаций. Структурной особенностью этих образований является безаффиксный способ их создания, причем в препозиции выступает определяющий член, определяемый — в постпозиции. Например, англ. структура *videoclip* (с компонентом *video* ‘способ записи и воспроизведения изображения’), адаптированная в виде русск. *видеоклип*, польск. *wideoklip*, послужила образцом для создания аналогичных структур в русском и польском языках (значительное число которых составляют кальки): русск. *видеоленка, видеоролик, видеомагнитофон*, польск. *wideokaseta, wideoimpreza, wideowypożyczalnia* и пр.

Следует отметить, что *video / wideo* в элементарном значении относится к электрическим сигналам, вызывающим изображение, а в дальнейшем связано с техникой записи визуальной информации (*видеотелефон, видеомагнитофон, видеоконтроль, видеосистема, видеотехника*). В многочисленных структурах компонент *video / wideo* приобретает значение ‘видеофильм’, характерное для сложной структуры, например, русск. *видеолюбитель* ‘любитель видеофильмов (фильмов, записанных на магнитную ленту и воспроизводимых средствами специальной техники)’, *видеопрокат* ‘прокат видеофильмов (фильмов, записанных на магнитную ленту и воспроизводимых средствами специальной техники)’, *видеопират* ‘тот, кто занимается незаконным тиражированием, прокатом или продажей (т. е. пират) видеофильмов (фильмов, записанных на магнитную ленту и воспроизводимых средствами специальной техники)’, польск. *wideokaseta, wideoimpreza, wideopirat, wideowypożyczalnia* и др.

Подобное явление сжатия сложного слова в один компонент, вбирающий в себя и опущенный элемент, наблюдается в сложных образованиях с интернациональным членом *евро-*, имеющим значение, относящееся к ‘европарламенту’, например, русск. *евродепутат* (ср. англ. *eurodeputy*), польск. *eurokampania*, *eurosondaż*, *eurowybory* и др.

Как уже упоминалось выше, структурной особенностью указанных сложных структур является безаффиксный способ их образования. Вторые члены образований склоняются. Структуры характеризуются одним главным ударением, однако препозитивные компоненты несут побочные ударения, могут отделяться от следующих за ними компонентов легкой паузой, причем гласный звук не подвергается редукции, ср. [*è*]евродепутáт (см. [Земская 1997: 189]).

Функциональное соотношение компонентов имеет детерминативный характер, точнее, характер относительной детерминации. Наблюдается большое разнообразие типов семантического соотношения между двумя компонентами, устанавливаемое нами в предикатно-аргументных структурах. Это заметно в возможности преобразования словообразовательной структуры в аналитическую форму. Для этого строится парафраза, позволяющая показать отношение определяющего компонента к определяемому. Определяемый компонент довольно часто выполняет функцию (номинализованного) предиката, а определяющий компонент — функцию **объекта**, например: русск. *видеопроизводство* ‘производство видеофильмов’: *Дирекция «Видеофильма», судя по всему, видит свою организацию монополистом и видеопроизводства, и проката, и показа.* (Литературная газета. 15.06.1988. [Толковый словарь 1998: 140]); русск. *видеопрокат* ‘прокат (демонстрация) видеофильмов’: *Запрещен видеопрокат порнографических фильмов;* польск. *narkoprzemysł*, *wideonagrywanie*; определяющий компонент — **инструмент**: русск. *видеонаблюдение* ‘наблюдение с использованием видеотехники’, польск. *wideokonferencja*; определяющий компонент — **место**: русск. *интернет-покупки* ‘покупки (купля) в Интернете’, польск. *cyberrandka*; определяющий компонент может включать в себя обобщающее, конденсированное значение предикатно-аргументной структуры, которое иногда трудно интерпретируется, например: русск. *секс-бизнес*, *секс-услуги*, польск. *seksmisja*, *seksafera*. Определяющий компонент соотносится также с определяемым компонентом, имеющим функцию агенса (русск. *видеопират*, польск. *wideo-mechanik*), экспериментатора (русск. *видеолюбитель*, польск. *wideoamator*), места (русск. *видеозал*, польск. *wideowypożyczalnia*), инструмента (русск. *видеокамера*, польск. *wideomagnetofon*), объекта (русск. *видеофильм*, польск. *widoreportaż*). В таких случаях он приобретает функции **места**,

например: русск. *интернет-адрес*, польск. *cybermiasto*; **инструмента**: русск. *видеорепортаж*, польск. *wideodokument*; **объекта**: русск. *видеозал*, польск. *wideourożyczalnia* и др.

Многokратное использование модели стимулируется коммуникативной потребностью. Этим объясняется, например, высокая продуктивность структур с компонентами *видео-*, *евро-*, *био-*, *эко-*, *cyber-*, *seks-*, являющимися ключевыми словами в разных областях жизни начиная с конца 1980-х годов. Они указывают на связь с новой техникой, внедрением новых информационных технологий, политическими, экономическими, общественными и культурными переменами.

Сначала образуются названия новых объектов, лиц, мест, понятий и другие. В дальнейшем активизируются иронические, шуточные и прочие окказионализмы, что является очень распространенным приемом в языке СМИ и в устной речи: русск. *еврожизнь*, *евросон*, польск. *eurognębiciele*, *narkogłód*, *pornominister*, *pornoprezydent* ('президент, который одобряет порнографию'; высказывание депутата в связи с вето, наложенным президентом Квасьневским на антипорнографический закон), *pornogrubas*. Внутренняя форма этих структур не всегда прозрачна; семантические отношения устанавливаются на высшем уровне абстракции, но конкретные реализации выявляются в контексте.

Модель с препозицией определяющего компонента довольно легко адаптируется в русском языке. В польском языке — в отличие от русского — структуры данного типа занимают маргинальное место. Они имеют аналоги в виде составных наименований, где определяющий компонент находится в постпозиции по отношению к определяемому. Этот порядок соответствует норме: в польском языке, в отличие от русского (в системе русского языка нормативна препозиция определения), относительное определение ставится после определяемого компонента: польск. *dostawa ekspresowa*, *muzyka jazzowa*, *taśma wideo*, русск. *экспресс-поставка*, *джазовая музыка* и *джаз-музыка*, *видеолента*. Отметим, что в русском языке еще в 1980-е гг. определения иностранного происхождения (в неизменяемой форме) выступали в постпозиции, например, *стиль модерн*, *картофель фри* и др., но сегодня узуальны и нормативны образования типа *видеозапись*, *видеокассета*; см. подробнее [Rudnik-Karwatowa 2007: 158].

Среди рассматриваемых активных структур на рубеже XX–XXI вв. можно выделить две группы образований: первый член одних оканчивается на гласный (русск. *биогель*, *экопродукты*, *теленаселение*, польск. *biopaliwo*, *ekożuwność*, *wideopirat*), других — на согласный (русск. *рок-тусовка*, *секс-меньшинство*, *экспресс-опрос*, польск. *cyberjęzyk*, *seksafera*).

Образования с первым членом, оканчивающимся на гласный, типа польск. *ekożuwność*, русск. *теленаселение*, огромный рост активности которых отмечается с конца 80-х годов XX в., образуются по закреплённой в истории европейских языков модели, создающей главным образом в области научной и технической терминологии структуры с морфемами греческого или латинского происхождения. Несомненно, фактором, поддерживающим активность структур, в которых определяющий компонент оканчивается на гласный, является внешнее, формальное сходство с традиционными сложными словами. Конечное *o* первого компонента имитирует интерфиксальную морфему, используемую при образовании сложных слов, типичных для славянских языков, см. об этом [Rudnik-Karwatowa 2003: 203]. **Новизна** происходящих процессов в том, что «неоклассические образования» выходят за рамки специальной лексики, распространяются благодаря СМИ по различным типам и сферам коммуникации, употребляются в официальной и неофициальной коммуникации.

Рассматриваемая модель более продуктивна в русском языке, чем в польском. Во многих случаях созданные по этой модели образования, функционирующие в русском языке и как термины, и как структуры нетерминологического характера, не имеют структурных аналогов в польском языке. Ср. цельнооформленные структуры в русском языке и их соответствия в польском: *автолюбитель* — *miłośnik samochodów*, *теленпрограмма* — *program telewizyjny*, *телеведущий* — *prowadzący program telewizyjny*, *презентер телевизионный* (неполные эквиваленты), *биозащита* — *obrona biologiczna (obrona organizmu)*, *экспресс-поставки* — *dostawy ekspresowe*.

В польском языке в случае конкуренции рассматриваемых нами сложных структур и составных выражений наблюдается **предпочтительность составных образований**, в которых определяющий компонент имеет статус самостоятельного слова (т. е. получает его и в польском языке): *aktor porno*, *sprzęt wideo*, *radio stereo*. Проявляется это в узусе (заметно во фреквенции) и в норме. Надо подчеркнуть, что в последних работах по культуре польской речи некоторые отдельные сложные структуры, типа узуальных *ekonawozy*, *ekorozwój*, *ekoturystyka*, *europoseł*, *eurowybory*, *telewizyjnia* считаются нормативными, но саму модель в системе польского языка авторы оценивают как модель *in statu nascendi* [Markowski 2005: 24–25].

Иногда — таких примеров немного — в одном и том же тексте употребляются обе конструкции, например, в рецензии выставки: *wideoinstalacja / instalacja wideo*, *wideoprojekt / projekt wideo*, что объясняется стилистическим намерением автора разнообразить текст. Чаще всего

рассматриваемые образования выступают в заголовках и зачинах статей, объявлений и других типов текстов, привлекая внимание читателей своей нетипичной структурой.

Итак, в большинстве примеров употребление рассматриваемой структуры и составного наименования четко распределяется **по типам коммуникативных ситуаций**. В образцовом употреблении, особенно в официальной коммуникации, выступают составные наименования типа *film wideo, nagranie wideo, sprzęt wideo, taśma wideo, aktor porno, radio stereo* и т. п., образования же, подобные *wideofilm, wideonagranie, videosprzęt, pornoaktor* и т. п. — в неофициальных регистрах, в профессиональной речи, масс-медиа, рекламе и др.

Подобные процессы активизации происходят в сериях образований с первым членом, оканчивающимся на согласный, типа русск. *интернет-версия*, польск. *cyberportret*, образцом для которых послужили английские структуры. В этом фрагменте словообразовательных изменений наблюдаются **межъязыковые отличия, свидетельствующие о предпочтениях, зависящих от языковых норм и словообразовательных традиций**. В польском языке эти структуры стали распространяться в СМИ только после 1989 года. Раньше, в более давней истории польского языка рассматриваемые структуры с первым компонентом, оканчивающимся на согласный, заимствовались и калькировались из немецкого языка и употреблялись главным образом в области торговли, ремесла, строительства и в других сферах, связанных с жизнью горожан, ср. *zegarmistrz, baletmistrz*. С течением времени многие из них лексикализировались, часть была заменена исконными непроизводными и производными словами, либо составными образованиями (напр. *dach otwierany* вместо *szyberdach* из нем. *Schiebedach*). Остальные не выходили за рамки технической терминологии, нередко оставаясь непонятными для носителей польского языка. Модель ощущалась как чуждая польскому языку, его системе. Ситуация не изменилась и в начале XX века, с появлением в польском языке заимствований из английского (до Второй мировой войны отмечалось небольшое количество таких составных образований, относящихся прежде всего к специальной лексике, например, *sparingpartner, jachtklub* [Рудник-Карватова 2008: 75]).

Вернемся к концу 1980-х годов. Количество подобных формаций заметно увеличилось, особенно в масс-медиа. И хотя число компонентов, участвующих в создании неологизмов, пока небольшое, некоторые из них отличаются чрезвычайно большой продуктивностью. Так, распространившаяся в Интернете серия *cyberportret, cyberpop* (род музыки) насчитывает ныне больше ста слов, см. [Ochmann 2000], [Waszakowa

2005: 147]. В качестве иллюстрации приведем пример употребления таких образований в заголовке и подзаголовках одной газетной статьи: *Cyberemeryci poskramiają piekielne maszyny. Cyberdziadek bez śniadania. Młodzieżowe oblicze cyberBarbary. Sekretne cyberrandki. Zimny wychów cyberbabci. Emeryckie cyberwymówki* (Gazeta Wyborcza. 20–21.01.2007). Обращает внимание возможность определяющего компонента *cyber-* выполнять разные функции в соотношении с определяемым компонентом: инструментом, местом и др.

Еще один пример продуктивных структур этого типа — образования с компонентом *seks-*. Продуктивности серии таких структур (ср. *seksafera*, *seksnowości*, *sekskandal*) способствует пропаганда массовой культуры.

Большую активизацию подобных структур мы наблюдаем в русском языке, где намного шире круг серийных компонентов. Назовем только некоторые: *рок-певица*, *интернет-версия*, *экспресс-опрос*. Очень продуктивен компонент *экспресс-*. В словаре неологизмов [Новые слова 1984: 786] отмечается одна структура с этим компонентом: *экспресс-диагностика* (датирована 1973 г.), в словарях неологизмов [Новое в русской лексике 1984: 263] и [Новое в русской лексике 1989: 370] зафиксировано уже 7 структур, в девяностые годы количество неологизмов с первым компонентом *экспресс-*, который интерпретируется нами как добавленный предикат в семантической структуре, возрастает до 20: *экспресс-издание*, *экспресс-информация*, *экспресс-курс*, *экспресс-опрос*, *экспресс-поставки*, *экспресс-сборка*, *экспресс-костюм* ‘костюм, который шьют очень быстро’, см. [Земская 1997: 191]. Эти образования являются предметом пристального интереса не только ученых-филологов, но и писателей. Можно сослаться на Татьяну Толстую, которая высказала мнение о восприятии этих структур носителями языка. Она считает, что массовая активность структур данного типа объясняется их сходством с типичными для русского языка т. н. сложносокращенными словами, но не надо их отождествлять, см. [Толстая 1992]. Действительно, наблюдается внешнее сходство тех и других. Однако не надо забывать, что происхождение их различно: сложносокращенные слова образовались с целью конденсации структуры. Чаще всего первый компонент сокращался до одного слога. Стоит подчеркнуть, что при сокращении составных номинативных единиц часто не учитывались морфологические границы и омонимичность возникающих компонентов (*запчасти*, *комсостав* = *командный состав*, *комячейка* = *коммунистическая ячейка*). Механизм образования структур типа *видеопрокат*, *экспресс-поставки* — другой. С точки зрения семантического соотношения между определяющим и определяемым компонентами они могут выполнять разные функции (примеры типов со-

отношений мы представили выше). В структурном отношении данные образования создаются из готовых компонентов, часто имеющих статус самостоятельных слов, путем соединения их в препозиции с различными определяемыми компонентам в постпозиции.

Однако несмотря на разное происхождение и разный механизм образования, оба типа моделей сближаются. В них проявляется тенденция к аналитизму и агглютинативности. Высокая продуктивность разного рода словосложений, прежде всего исторически малораспространенных или совсем не свойственных польскому и русскому языкам структур, а также сложносокращенных слов в русском языке, позволяет говорить о движении словообразования в рассматриваемых языках в сторону аналитизма, см. подробнее [Костомаров 1994: 159–160], [Земская 1992: 54–62, Земская 1997: 186–187]. Этот вопрос заслуживает более глубокого анализа.

В условиях расширения международных контактов имеют место процессы массового заимствования иноязычных элементов и интернационализации, однако это не единственный фактор, способствующий существенным изменениям в языке. Другим фактором оказалось заметное смягчение языковой нормы, модификация иерархии критериев нормативности (ослабление национального критерия, усвоение чужой модели), определенное нарушение системных правил (в частности, правила постпозиции определения в польском языке). Существенное воздействие на эти процессы оказывает также то, что для носителей польского и русского языков статус основного языкового авторитета приобретают средства массовой информации и распространяемые в них языковые образцы. Благодаря широкому употреблению в СМИ языковые средства закрепляются в узусе и создают основу для изменения языковой нормы.

Учитывая процессы, происходящие в русском и польском языке на рубеже XX–XXI веков, можно прогнозировать дальнейшую активизацию рассмотренных нами словообразовательных моделей.

Литература

- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
Земская Е. А. Активные тенденции словопроизводства // Русский язык. Red. nauk. E. Śirjaev. Opole, 1997.
Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
Рудник-Карватова Э. Смягчение языковой нормы в польских массмедиа (словообразовательные инновации конца XX века) // Славяноведение. 2008. № 5.

- Новое в русской лексике: Словарные материалы-80. М., 1984.
- Новое в русской лексике: Словарные материалы-84. М., 1989.
- Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М., 1984.
- Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения. СПб., 1998.
- Толстая Т.* Долбанем крутую попу! // Московские новости. 15 марта 1992.
- Markowski A.* Kultura języka polskiego: Teoria. Zagadnienia leksykalne. Warszawa, 2005.
- Ochmann D.* Złożenia z cyber- we współczesnym języku polskim // Język Polski. 2000. № 1–2.
- Rudnik-Karwatowa Z.* O najnowszych tendencjach w słowotwórstwie słowiańskim (na przykładzie języka polskiego i rosyjskiego) // Procesy innowacyjne w językach słowiańskich. Warszawa, 2003.
- Rudnik-Karwatowa Z.* Ekspansja struktur złożeniowych w językach słowiańskich: diagnoza i rokowania // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Z. 63. Kraków, 2007.
- Waszakowa K.* Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa, 2005.

Г. А. Николаев (Казань)

Активные процессы в русском словообразовании (на рубеже XX–XXI веков)

Словообразовательная система русского языка, имея достаточную функциональную стабильность, тем не менее постоянно эволюционирует. Ситуация в словообразовании дает четкое представление о взаимосвязи и взаимодействии языковой статики и динамики, о чем в конце XIX века писал в лингвистических афоризмах основатель Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963–I: 149].

Фактически в современном словопроизводстве используются все деривационные возможности русского языка. При этом они часто выступают во взаимодействии друг с другом, что затрудняет однозначную оценку этих процессов. Основным типом взаимодействия в современной системе словопроизводства, как и в предыдущие времена, остается взаимодействие морфемной и семантической деривации. Это, конечно, будет учтено в статье при рассмотрении языкового материала, хотя основное внимание будет уделено процессам в сфере морфемного словопроизводства.

Нас будут интересовать не только сами процессы, но и возможности их синхронической интерпретации, которые определяются как объективными обстоятельствами, так и субъективными предпочтениями интерпретаторов. К объективным обстоятельствам следует отнести ту исключительно сложную систему отношений, в которую попадает новообразование в пост-процессуальный период, когда укрепляется его непосредственная мотивированность на фоне множества опосредованных мотиваций однокоренными словами. Уже на этом этапе появляется возможность с разной степенью объективности интерпретировать вербоид в аспекте способа и средства его словопроизводства.

В авангард современных процессов словообразования выдвигается конфикация. Традиционно этот способ называют приставочно-суффиксальным. Однако для решения поставленных задач правильнее говорить о конфикальных формантах, имея в виду, что дело здесь не в терминологии, а в сущности понятия.

Конфикальный способ словопроизводства укрепляется, становится все более систематическим (т. е. продуктивным и регулярным) и все бо-

лее системным, по многим параметрам выравниваясь с префиксацией и суффиксацией. Развертывающиеся процессы дают результаты, заполняющие пока пустые клеточки словообразовательной системы на ее конфиксальном участке. Это позволяет представить конфиксацию как полноценный способ морфологического словопроизводства.

Остановимся на некоторых процессах, протекающих в этой сфере образования новых слов.

1. В современном словообразовании увеличивается число конфиксальных моделей. Может возникнуть вопрос, за счет чего это происходит: ведь число препозитивных и постпозитивных элементов конфиксации (или «приставок» и «суффиксов», в соответствии с традиционной точкой зрения) ограничено и известно специалистам? Но, во-первых, источником препозитивных элементов конфикса являются не приставки, а предлоги [Земская 1973: 267], состав которых в наши дни активно пополняется благодаря деривационным процессам на базе знаменательных частей речи. А во-вторых, в сфере конфиксации задействованы те заложенные в системе русского словообразования возможности, которые раньше не применялись при этом способе образования слов.

2. Так, например, в современном русском языке конфиксальные структуры часто возникают при чересступенчатом словообразовании, которое широко отмечается, как известно, прежде всего в сфере суффиксации: *гнездо* → *гнездование*, *дождь* → *дождевание*, *снег* → *снегование*, *шлак* → *шлакование*, *химия* → *химизация*, *трактор* → *тракторизация*, *этаж* → *этажность* и т. п. Чересступенчатое словообразование в сфере конфиксации — одна из новаций современного русского словопроизводства: *наука* → *обез-науч-ивание*, *альтернатива* → *без-альтернатив-ность*, *бетон* → *о-бетон-ирование* и *о-бетон-ированный*. В результате выделились ранее неизвестные конфиксальные структуры *обез-...-ивание*, *о-...-ирование*, *без-...-ность* и др.

3. Чересступенчатое словообразование осуществляется обычно при наличии пропущенного звена на уровне потенциального слова. Новое слово образуется как бы от этого потенциального звена, которое остается неэксплицированным и часто реализуется в речи после появления производного слова чересступенчатым путем. Происходит своего рода редеривация, или обратное словообразование. Таким образом, в языке наряду с известными процессами десуффиксации и депрефиксации формируется процесс деконфиксации. Появляются новообразования типа *обезнаучивать* и *безальтернативный*. В результате конфиксальные образования типа *обезнаучивание* и *безальтернативность* становятся суффиксальными: *обезнаучивать* → *обезнаучива-ние* и *безальтернативный*

→ *безальтернативн-ость*. Но число производных конфиксальных образований не уменьшается, так как появившиеся «производящие» сами выделяют конфиксальную структуру: *наука* → *обез-науч-ивать*, *альтернатива* → *без-альтернатив-ный*.

Некоторые ученые скептически относятся к выделению чересступенчатого словообразования, исходя именно из наличия потенциальных звеньев в соответствующей словообразовательной цепи. Но я использую этот термин, так как потенциальное звено появляется не раньше чересступенчатого новообразования, а по крайней мере вместе с ним. И пока «производящее» не эксплицируется, мы вправе видеть в факте появления нового деривата чересступенчатое словообразование. Слово *дождь* не предполагает появление звена *дождевать* до тех пор, пока не возникло слово *дождевание*. В то же время последнее не могло возникнуть, если бы не было соответствующей отглагольной модели в других (так сказать, «нормальных») случаях.

4. Значительная продуктивность конфиксации в современном языке вызывает формирование новых конфиксальных структур, в том числе и структур аффиксоидного характера. Формируется конфиксоидное словообразование. Имеются в виду случаи типа *тема* → *много-тем-ье*, *радуга* → *много-радуж-ье*, *тонна* → *много-тон-ье* и др. Здесь в результате регулярных сращений с повторяющимися элементами выделяется морфологическая структура *много-...-ье*, которая может быть интерпретирована как конфиксоидная структура. То же можно сказать и о словах типа *магазин* → *внутри-магазин-ный*, *площадка* → *внутри-площадоч-ный*, *фирма* → *внутри-фирм-енный* и т. п., в которых можно видеть конфиксоидные структуры *внутри-...-(ен)ный*. В системе аффиксоидов (суффиксоидов и префиксоидов) не была заполнена «клеточка» (матрица) с элементами конфиксоидного типа. Новейшие языковые факты позволяют ликвидировать и этот пробел в системе современного морфемного словопроизводства.

5. Широкую продуктивность приобретает в современном русском языке формирование конфиксации на базе интернациональных препозитивных элементов. Например: *а-мораль-ный*, *а-логич-ный*, *анти-грипп-ин*, *анти-народ-ный*, *де-идеолог-изация* и т. п.

Чаще, однако, эти интернациональные препозитивные элементы выступают как префиксы. В современном русском языке наблюдается рост продуктивности именной (субстантивной и адъективной) префиксации, в основном за счет интернациональных приставок: *анти-* (*антимир*, *антигерой*, *антиискусство*, *антироман*); *архи-* (*архимиллионер*, *архиважный*); *де(з)-* (*демонтаж*, *деэтимологизация*, *деактивация*, *дезинформа-*

ция); *контр-* (*контригра, контрмина, контрприем*); *суб-* (*субинспектор, субпродукт, субконтинент*); *супер-* (*супертанк, суперцемент, супермодный, суперсложный*); *транс-* (*трансураниевый, трансполярный*); *ультра-* (*ультрачастица, ультразвук, ультрамодный, ультраправый*) и др.

Важнее, однако, отметить рост новообразований с исконными русскими приставками: *над-* (*надзаголовок, надсистема, надсемейство*); *пере-* (*перевыборы, переследствие, перекомиссия*); *под-* (*подпрограмма, подгруппа*); *пред-* (*предпарламент, предфильтр, предромантизм*); *про-* (*профашист, проамериканский*); *сверх-* (*сверхприбыль, сверхпроводимость, сверхзадача, сверхдальний, сверхновый*) и др.

Это важно для сторонников префиксально-суффиксальных моделей в русском словообразовании. Чтобы доказать «однозначность» препозитивной части конфикса и приставки, им приходилось или обращаться к глагольным приставкам, или говорить, в нарушение всех законов исторической эволюции языковых категорий, об автоматическом превращении предлога в приставку.

Итак, приведенные языковые факты действительно свидетельствуют об особой активности конфиксального способа морфологического словопроизводства в современном русском языке.

6. Рост аффиксоидного словообразования давно отмечен учеными. В последние годы оно снова относится к числу активных словообразовательных процессов. Так, только с элементом *теле-* отмечено свыше ста новообразований: *телероман, телесценарий, телефильм, телесериал, телеинженер* и мн. др.

Требует некоторых пояснений способ образования таких слов. Здесь возможно чистое сращение (особенно с элементом *радио*), определенный тип аббревиации (*телевизионный роман* → *телероман*), наконец, аффиксоидность (префиксоидность): так, слова типа *фотообвинение* вряд ли можно трактовать как образованные путем аббревиации первого слова сочетания *фотографическое обвинение*. Значительная регулярность использования словоэлементов заставляет нас склоняться к признанию в новообразованиях такого типа аффиксоидного словопроизводства.

Известно, что исторически аффиксоиды развиваются от корневых морфем к аффиксальным. Признав это, мы должны согласиться с тем, что производные слова такого типа развиваются в сознании носителей языка от сложных слов к аффиксальным. Степень «аффиксальности» таких слов определяется характером их мотивационной базы. Учитывая, что сложные слова образуются на базе словосочетаний, а аффиксальные — на базе слова, следует считать, что образования типа *пушкиновед, языковед, животновод, садовод* являются аффиксальными словами,

а не композитами, так как они входят в продуктивные мотивационные ряды ‘название лица по принадлежности к научному направлению, сфере занятий и т. п.’ [Русская грамматика 1980–I: 189] и мотивируются соответственно словами *пушкиноведение, языковедение, животноводство, садоводство*.

7. В этом аспекте своеобразный тип слов представляют так называемые универбаты, образование которых весьма продуктивно в современном русском языке. Своеобразие их, как известно, заключается в том, что их словообразовательной базой являются словосочетания (как при словосложении), но результатом словопроизводства являются аффиксальные слова. Известно также, что наиболее адекватно эти процессы словопроизводства называются включением.

Собственно, включение является третьим способом образования слов, наряду с аффиксацией и словосложением. При этом выделяется морфологическое и семантическое включение. Например, на базе сочетания *передовая статья* (в газете) мы имеем два универбата — морфемный *передовица* и семантический *передовая*. То, что мы называем субстантивацией, часто представляет собой именно семантическое включение, когда происходит распад конкретного сочетания, а не образование слов по модели (*беременная* (женщина), *заказное, курьерский, гончая, борзая* и т. п.).

Включение — это древний способ образования слов в русском языке. Еще в древнерусскую эпоху мы имеем такие универбаты, как *вешница* и *вешня* (наряду с *вешня вода*), *масленица* и *масленая* (наряду с *масленая неделя*), *духовница* и *духовная* (наряду с *духовная грамота*) и т. п. [Николаев 1996: 264]. Как видим, уже в ту эпоху здесь были возможны и морфемные и семантические универбаты.

Современные примеры включения: *агитка, атомка* (электростанция), *двухдневка, двухходовка* (в шахматах), *изумрудка* (краска), *крепленка* (вино), *мультик, мультяшка, малометражка* (квартира), *сушняк* (вино), *русалка* (учительница русского языка). В последнем случае мы имеем дело с языковым каламбуром. Языковой каламбур (сознательное отношение носителя языка к языку) часто использует преднамеренное словообразование, что отражает современный языковой материал. При этом используются факты морфемного словообразования (наделение слова новой внутренней формой) и семантической деривации. Ср. *строитель* (от глагола *строить* — ‘выпить на троих’) или знаменитое огурцовское «Лектор *готов?*» (читать лекцию) — «*Готов* лектор. Давно *готов!*» — т. е. ‘сильно пьян’ (кинофильм «Карнавальная ночь»).

8. В каламбурах (как и в жаргонах, публицистике) часто используется так называемое контаминационное словообразование, очень продуктив-

ное в современном русском языке. Суть его заключается в том, что слово образуется на базе двух слов путем объединения усеченной начальной части первого слова и усеченной финальной части второго слова. Например, на базе сочетания *кассетный магнитофон* образовано слово *кассетофон*, *газовый автомобиль* — *газомобиль*, *магнитофон-радиола* — *магнитола*, *репей* и *лопух* — *репух*, *собака-космонавт* — *собаконавт* и т. п. Контаминационное словообразование представляет собой разновидность аббревиации. Но в отличие от «классической» аббревиации, при которой обычно объединяются начальные части слов (*коллективное хозяйство* — *колхоз*, *коммунистический союз молодежи* — *комсомол*), в контаминационном словообразовании объединяются начало одного слова и конец другого. В последнее время стали широко известны такие контаминационные образования, как *демократура*, *Евросима*, *катастройка* (*катастрофа* и *перестройка*), *прихватизация*, *обирализация* и др.

Контаминационное словообразование широко используется в современных каламбурах. Но этот тип словопроизводства был известен и в прежние годы — именно так образованы «народные» слова в произведениях Н. С. Лескова, где имитируется народная речь (случаи «ложной этимологии»): *мотать* и *нотариус* → *мотариус*, *пугать* и *пропаганда* → *пропуганда*, *бюсты* и *люстры* → *бюстры* и мн. др. Собственно говоря, и случаи действительно «народной этимологии» образованы по той же модели. Ср.: *спинжак*, *плитуар*, *трактор*, *окопаны*, *синель* и др.

Возникает вопрос: как квалифицировать этот способ словопроизводства? С нашей точки зрения, и контаминационное словообразование, и аббревиацию следует относить к особым случаям сращения (лексико-синтаксического словообразования) — сращению с усечением входящих в сращиваемое сочетание слов. Эти способы словообразования, как и включение, отражают активно развивающуюся тенденцию в современном русском литературном языке — тенденцию к компрессии, проявляющуюся не только в словообразовании.

9. Своеобразную разновидность сращения мы видим и в широко распространенном в современном русском языке способе образования слов типа *плац-палатка*, *кресло-кровать*, *альбом-выставка*, *аптека-музей*, *автобус-станция*, *ракета-носитель*, *полуклуб-полукабаре*, *полувервь-получеловек*, *полулюбовь-полуревность* и т. п. С нашей точки зрения, этот способ словообразования стоит в одном ряду с теми, которые составляют способ лексико-синтаксического сращения. До сих пор к этому способу относили образование слов путем сращения двух лексических единиц, принадлежащих к разным частям речи (слияние в одно слово подчинительного словосочетания): *долгоиграющий*, *быстрорастворимый*, *мно-*

гобещающий и т. п.; ср. более ранние *Новгород, сейчас, сегодня* и др. В именах типа *плащ-палатка* происходит сращение двух слов одной части речи — существительных.

При образовании слов типа *полузверь-получеловек* наблюдается регулярное объединение в композит двух слов, имеющих совпадающую начальную часть, представляющую словоэлемент, или аффиксоид. В этих случаях появляется возможность морфологизации соответствующей модели, в результате чего выделяется оригинальная часть *полу-... полу-...*. Она похожа на разновидность конфиксальной структуры, но скорее всего это новая разновидность прерывистого форманта. Так или иначе, здесь мы имеем дело с новыми словообразовательными процессами, которые пока необходимо интерпретировать в существующих понятиях и терминах. Вполне возможно, что в дальнейшем специфика этих явлений будет уточнена, а сами они будут перетерминологизированы.

10. Отмечается рост образований нулевой суффиксации как от префиксальных, так и беспрефиксных глаголов. Вот некоторые новообразования, характерные для профессиональной или разговорной речи: *всос, шмяк, врез, доскок, надгрыз, соскреб, хват, вис, вей, фырк, трах, сюсюк, вздрог, высверк, втык, треп, замот*.

Активный рост «бесприставочных» образований нулевой суффиксации свидетельствует об окончательном утверждении данного словообразовательного типа как единого типа производных слов. Известно, что исторически сюда входили как действительно отглагольные «приставочные» образования (например, *проход*), так и те, которые сами были производными для однокоренных глаголов (например, *ход*). Развитие глагольно-именных словообразовательных отношений поставило те и другие в одну группу слов, в пределах которой раньше всех проявилась обратная мотивированность словообразовательных форм. Это позволило «загладить» диахронические «швы» внутри типа имен нулевой суффиксации. Конечно, с современной точки зрения мы не должны говорить здесь о ремотивации. Но когда специалисты-дериватологи отрицают развитие ее в других словообразовательных типах (например, в именах на *-ство* типа *пьянство, ходатайство*, в именах на *-тель* типа *председатель, покровитель* и т. п.), они фактически становятся на позиции метафизического толкования фактов и тем самым не признают возможности исторических изменений в системе словообразования.

К продуктивному способу словообразования, особенно в разговорной речи, относится и так называемое усечение слов «под нуль». Среди подобных дериватов одни образованы путем своеобразного включения типа *демисезонное пальто* → *демисезон, микропористая подошва* → *микро-*

пор, термоядерный синтез → *термояд* и т. п. Здесь мы вправе выделять в возникших универбатах нулевой суффикс: *государственные экзамены* → *госы* и т. п. Другие образуются путем усечения субстантива (как при аббревиации): *специалист* → *спец*, *бухгалтер* → *бух*, *заместитель* → *зам*, *заведующий* → *зав*, *рок-н-рол* → *рок*, *магнитофон* → *маг*, *абитуриент* → *абитур* и т. п. [РЯиСО–3 1968: 283].

Здесь рассмотрены не все, а только наиболее распространенные процессы, активно протекающие в современном словообразовании. Все это говорит о том, что русский язык продолжает обогащать систему средств и способов производства новых слов, проявляя свою стойкую жизнеспособность и гибкую реакцию на те изменения, которые происходят в жизни его носителей.

Литература

- Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по языкознанию. В 2 т. М.; Л., 1963.
Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.
Николаев Г. А., Трошкина Т. П. Адъективы, субстантивы и субстантиваты в древнерусских текстах // *Das Adjektiv im Russischen / Beiträge zur Slavistik. Bd. XXIX.* Frankfurt am Main, 1996.
Русская грамматика. В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
Русский язык и советское общество. Т. 3. Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

Є. А. Карпіловська (Київ)

Семантико-прагматична диференціація словотворчих ресурсів української мови: своє і засвоєне

Сучасна українська мовна практика подає строкату картину тенденцій, способів, засобів поповнення й оновлення лексики, яка істотно змінює саме уявлення про національне «обличчя» української мови. Її відзначає пошук гармонії в розвитку мови, або такого співвідношення питомих і іншомовних ресурсів, яке забезпечувало б збереження національної специфіки української номінації, зокрема словотвірної, її типологічних рис, але водночас і відкривало мові шлях до процесів євроінтеграції та глобалізації в різних сферах суспільного життя. Словотворчі ресурси української мови, або ж сукупність усіх засобів, які беруть участь у словотворенні [Ковалик 2007: 92], за даними новітніх українських текстів і словників, переконливо демонструють не лише поповнення, а й розширення сфери дії вже наявних основ і формантів, їх дальшу семантико-прагматичну й функціонально-стилістичну диференціацію. У потоці нової лексики, засвідченої словниками останнього часу, на 1 непохідне слово припадають в середньому 2–3 деривати. Підвищену активність у творенні нових найменувань виявляють як уже наявні питомі та запозичені основні категоризатори *держ-* (*держмити, держпіар, ДержТБ, держчиновник*), *політ-* (*політбомонд, політпапараці, політреформа, політсила*), *кіно-* (*кінобізнес, кінодовідник, кіноконцерт, кінопам'ять*), *теле-* (*телебїржа, телебум, теледоступ, телеміло*), *арт-* у пре- і постпозиції (*арт-бізнес, арт-галерея, арт-простір, боді-арт*), так і нові *VIP-* / *vip-* / *ВІП-* / *віп-* (*VIP-сектор, vip-костюмчик, ВІП-ложа, віп-хворі і VIPар, віпівський*), *SMS-* / *sms-* / *смс-* (*SMS-/смс-повідомлення, SMS-довідка, sms-голосування і SMS'ка, смс-ка, есемеска, есемесочка*), *фешн-* (*фешн-вечірка, фешн-глянець, фешн-критик, фешн-простір*), *фітнес-* (*фітнес-клуб, фітнес-послуги, фітнес-тренер і фітнесовий*), *спа-* (*спа-догляд, спа-манікюр, спа-салон, спа-центр*) префікси *супер-* (*супергравець, супернизький, суперпартія, суперстилість*) і *над-* (*надвлада, надпатріот, надподаток, надшвидкий*), *де-* (*деінтелектуалізація, депровінціалізувати, дерегулювання, детінізація*) і *роз-* (*розбюрократизувати, роздержавлення, розколгоспнення, розмитнення*), суфікси *-іад(а)* (*виборада, коаліціада*,

комітетіада, прем'єріада), -ість (безгромадянськість, голлівудськість, зірковість, українськість), -ни(я) (акціонування, зомбування, лобіювання), -івець (банківець, бютівець, податківець, соборівець). Переважання у потоці нової лексики похідних доводить висновок учених про збереження провідної ролі словотворення у слов'янській номінації в цілому [Земская 2000], [Комрагасја 2003], [Аврамова 2003], [Карпіловська 2006б], [Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008].

Корпус інновацій в українській мові періоду незалежності (лексико-словотворчих, семантичних, граматичних, стилістичних, правописних), який колектив відділу структурно-математичної лінгвістики Інституту мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України формує за матеріалами українських засобів масової інформації, офіційно-діловим і професійним мовленням, мовою освіти і науки, художньою літературою і різноманітними ресурсами Укрнету (докладніше про нього див.: [Карпіловська 2004]), дає підстави виділити три основні типи співіснування своїх (українських) і засвоєних (іншомовних) словотворчих ресурсів у сучасній українській мовній практиці. Причому, як доводить матеріал, є сенс останні щодо їх активності поділити на **засвоєні**, тобто ті, які ввійшли до українського лексикону давно і виявили у ньому життєстійкість, та **засвоєювані**, або ті, що входять до лексикону на наших очах, виявляють певну мовну моду, а отже, їх життєстійкість можна лише з певною ймовірністю прогнозувати. Суть і мету вивчення живого слова як знаряддя «соціального спілкування і впливу» точно сформулював свого часу Г. О. Винокур: «Для кожної мети, — писав він, — свої засоби, таким має бути гасло лінгвістично-культурного суспільства» [Винокур 2006: 114]. На цьому шляху і слід шукати мовної гармонії. Український та іншомовний ресурси можуть перебувати в стані: 1) конкурування, наслідком якого стає перевага одного з них у певних концептуальних полях; 2) мирного співіснування в одному полі з різним водночас семантико-прагматичним статусом у ньому і 3) паралельного існування в мові завдяки розподілу за різними сферами її функціонування, різними зонами певного концептуального поля, а то й за різними полями. Вивчення таких типів взаємодії власних та іншомовних словотворчих ресурсів уможливило з'ясування причин вибору кожного з них, їх доцільності й відповідності чинним нормам української мови. Якщо конкурування і перевага того чи іншого ресурсу виявляють тиск мовної системи на засвоєння питомих і запозичених інновацій, вплив на їх життєстійкість мовної моди, мовних смаків, то їх паралельне співіснування і взаємодія засвідчують перспективний і гармонійний шлях розвитку українського лексикону за рахунок розширення бази деривації, способів і засобів словотворення ([Карпіловська 2007–2008], [Карпіловська 2008]).

Вивчення сукупності питомих і запозичених словотворчих засобів, технік їх використання, що діють у полі вербалізації певного концепта, на новому етапі розвитку української мови повертає нас до проблеми виділення системних одиниць, найпридатніших для вивчення процесів словотворення. І. І. Ковалик у своїй статті 1976 р. «Про основну мовну одиницю словотвірного рівня», а згодом і у своєму вступі до академічного «Словотвору сучасної української літературної мови» (Київ, 1979) запропонував розглядати як таку об'ємну системну одиницю словотвірного рівня мови *дериватему*. Доцільність і перспективність вивчення похідної лексики у межах дериватем І. І. Ковалик убачав у тому, що в такій «узагальненій абстрактній словотвірній мовній одиниці <...> повинні бути закладені всі спільні властивості дериватів, утворених різними способами словотворення» (Цит. за: [Ковалик 2007а: 318]). Отже, збирання питомих і запозичених словотворчих засобів «під дахом» дериватем дає змогу з'ясувати роль кожного з них у мовному втіленні того чи іншого концепта. При цьому І. І. Ковалик співвідношення дериватем і словотвірної категорії трактував як залежність між емічною та етичною одиницями. Залучення нового словотворчого ресурсу або розширення семантичного, прагматичного потенціалу чи сфери дії ресурсу, вже наявного, може спричинювати потреба мовців у поглибленні семантизації певного поняття, у наявненні певних його ознак. Дослідники слов'янських мов неодноразово звертали увагу на роль комунікативно-прагматичних чинників у вербалізації певних концептів і відповідний розподіл номінаційних, у тім числі, й словотворчих, ресурсів. Згадаймо хоча б опозиції лексем *товарищ* — *гражданин* — *господин* — *мусью*, про які в контексті мовного побуту непу писав Г. О. Винокур у своїй вже згаданій праці 1925 р. «Культура мови». Основним для витворення таких градуальних опозицій він уважав тип комунікативної ситуації, що актуалізує вибір із семантичної опозиції того чи іншого найменування (подаємо думку Г. О. Винокура мовою оригіналу для збереження змістового потенціалу російських вербалізаторів): «„Гражданином“ „чижик“ (пояснення Г. О. Винокура у виносці — „Представители чрезвычайной жилищной комиссии, функционировавшей в свое время для проверки жилищных норм“ — С. К.), обозначающий квартиру, назовет „непмана“. Если же вы служите, то будете поименованы тем же „чижиком“ — „товарищ“... Помимо гражданина, воскрес также „господин“. Так говорят в ресторане, в крупном гастрономическом магазине. Но в „Казино“ — игорном зале — и в кондитерской на Кузнецком говорят только „мусью“» [Винокур 2006: 125–126]. Яких істотних змін зазнали комунікативно-прагматичні установки сучасних російських мовців щодо подібних означень показала О. П. Єрмакова

на прикладі семантичних опозицій *человек — мужик — мужчина, человек — товарищ, человек — хозяин* та інших [Ермакова 2003: 52–58]. Розмірковуючи над необхідністю мовця вибирати, здійснювати «стилістичні зусилля в рамках „нормальної“, побутової, розмовної мови», спричинені «природним для революційної доби підвищеним емоційним ставленням до мовленнєвих варіантів», Г. О. Винокур робить важливий для нашої розвідки висновок, що «без свідомого зусилля, об'єднавчого імпульсу — з боку мовця — традиційна диференціація ця не могла б набути такого стійкого характеру, як це спостерігаємо в сучасному російському побутовому мовному спілкуванні. І вже повне право говорити про таке стилістичне усвідомлення дає **ініціатива преси**, яка осмислює і ретельно стилізує вказану мовну схему» [Винокур 2006: 125–126]. Для вироблення нового стандарту і субстандартів української літературної мови медії як «тигель», полігон для роботи зі словом, колективізована і динамічна модель мовної свідомості сучасного українця мають неоціненне значення. Складний процес переорганізації українського мовного ресурсу в сфері апеляції на прикладі опозиції *товариш — пан — добродій — колега — чоловік — хлопець — брат — юнак* у своїй монографії «Грамматика апеляції в українській мові» показав М. С. Скаб [Скаб 2002]. Залежності спектру дії своїх і засвоєних засобів словотворення від сфери їх функціонування, загальномовної чи професійної, на прикладі композитів з основами *водо- / гідро- / аква- / ватер-, аеро- / повітро-, астро- / зоре-, біо- / живо- / життє-* та іншими окрему розвідку присвятила Н. Ф. Клименко [Клименко 1990: 101–103]. Конкурування композитів з кінцевими основами *-bus* і *-wóz* в польській мові, а також співіснування в ній номінацій на взір *hotelbus, hotel na kólkach, czerwoniak, globotel* привернуло окрему увагу Б. Креї [Креї 1996]. Новий час дає в українській мові й нові конкурентні об'єднання, нові семантичні опозиції найменувань, які формують і нову картину розподілу питомих і запозичених ресурсів словотвірної номінації у певних концептуальних полях.

Прикладом диференціації номінацій з питомою та запозиченою основою за родо-видовим принципом можуть слугувати найменування вищого законодавчого органу незалежної України та його керівників: *Верховна Рада України — Верховна Рада — ВР — ВРУ — парламент*, а також перифрази на зразок *будинок під куполом* (за ознакою архітектури цієї споруди на вул. М. Грушевського в Києві) або й просто *під куполом вирішили (проголосували), об'єднати демократичні сили під куполом, печерський пагорб* і узагальнено про весь владний комплекс — Верховну Раду, Президента та його Адміністрацію і Кабінет Міністрів — *печерські пагорби* (де прозирає алюзія з пагорбами, на яких стоїть Рим), *Київ* або про Адмі-

ністрацію Президента — *Банкова*, про Кабінет Міністрів — *Грушевського* (від назв вулиць у Києві, на яких розташовані їх приміщення); *голова Верховної Ради / парламенту* — *спікер*, *заступник голови Верховної Ради / парламенту* — *віце-спікер*. Як еталон для порівняння сучасного стану українського лексикону з його станом на початок і середину ХХ століття використовуємо реєстри українських словників 1920–30-х років, зокрема, академічний «Російсько-український словник» за редакцією А. Кримського і С. Єфремова (три його томи на літери А — П побачили світ протягом 1924–1932 рр.; далі — РУС) та «Правописний словник» Г. Голоסקевича 1930 р., а також генеральний реєстр українських слів, створений колективом співробітників відділу структурно-математичної лінгвістики Інституту мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України за матеріалами різнотипних словників радянської доби, зокрема, академічного 11-томного тлумачного «Словника української мови» 1970–1980 рр. (далі — СУМ; про фонд і виконані на його основі праці див.: [Карпіловська 2006а: 96–104]). Родове найменування виборного законодавчого органу у двох варіантах написання і наголошування — *парлямент / парла́мент* — засвідчили і РУС, і словник Голоסקевича. В останньому подано й ширшу, ніж у РУСі, низку похідних від цього галіцизма: *парляментар*, *парляментаризм*, *парляментарний*, *парляментський*, *антипарляментський*. РУС уміщує лише безпрефіксні прикметники-абсолютні синоніми з такою основою (щоправда, перевагу віддає прикметнику *парламентарний*) й додає до них сталі словосполучення *парламентарна (парламентська) республіка*, *парламентарний (парламентський) устрій*. Крім цього, словник Г. Голоסקевича, на відміну від РУСу, запропонував диференціювати використання формантів для означення особи, що здійснює різні представницькі функції. Якщо РУС лексеми *парламентар* і *парламентер* подає як рівнозначні відповідники рос. *парламентер*, то в словнику Г. Голоסקевича перше означає особу, обрану до парламенту, а друге — особу, послану з пропозицією про переговори до противної сторони.

Понад 50 років потому, у 1974 р., «Словник іншомовних слів» за редакцією О. С. Мельничука ще подає лексему *парламент* в значенні найвищого представницького, виборного законодавчого органу країни із застереженнями «у ряді буржуазних держав» та «переносно». СУМ у відповідних своїх томах, що вийшли приблизно в цей же час (1973–1975 рр.), зафіксував такі нові похідні з цією основою, як *міжпарламентський*, *парламентарій* (подібно до *антикварій*, *карбонарій*, *пролетарій*), *передпарламент*, *позапарламентський*, хоча й не вмістив прикметника *антипарламентський*, зареєстрованого раніше у словнику Г. Голоסקевича. Сучасні словники української мови подають тлумачення цього слова

як означення реалії українського сьогодення, пор. в останньому, 3-ому, виданні «Великого тлумачного словника сучасної української мови» за редакцією В. Т. Бусела: 1) Законодавчий орган держави, побудований повністю або частково на виборних засадах; 2) Про найвищий законодавчий представницький орган конституційної держави. На значення зміни контекстів побутування запозичень-інтернаціоналізмів для їх словотворчого й прагматичного потенціалу слушно звернула увагу І. Онхайзер [Онхайзер 2002: 40]. Назва такого найвищого законодавчого виборного органу в Україні — *Верховна Рада* — у сучасній мовній практиці перебуває з лексемою *парламент* у гіпонімічних відношеннях, а отже, вони здатні до взаємозамін внаслідок метонімічних переносів. Різна словотворча активність запозиченої загальної і питомої власної назв доводять їх різні семантичні та прагматичні функції у процесах сучасної української комунікації. Визначальним для мовців в опрацьованні концепта «найвищий орган законодавчої влади», як засвідчують контексти вживання його вербалізаторів, стає саме його статус як складника державного управління, нові форми його роботи, ставлення до нього суспільства. Це й доводить ціла низка новотворів з основою *парламент*-на зразок оцінно заряджених іменників *парламентіада*, *парламентик*, *квазіпарламент*, *псевдопарламент*, *парламентство*, поява моції *парламентарка*, складних прикметників *внутрішньопарламентський*, *парламентсько-президентська* (республіка), *парламентсько-урядова* (влада). У складі лексико-семантичного гнізда від слова *парламент* з'явилася й ціла низка складених номінацій на зразок *маріонетковий парламент*, *парламентське телебачення*, *парламентський телеканал*, *парламентські слухання* тощо. Проте активізація основи *парламент*-аж ніяк не означає витіснення з лексики складеної питомої номінації — власної назви *Верховна Рада*, а лише окреслення певного спектру її функціонування. Численні контексти нейтралізують незбіг обсягу семантики найменувань *парламент* і *Верховна Рада*, що призводить до можливості їх взаємозаміни, пор.: *розпуск Верховної Ради* = *розпуск парламенту*, *фракція у Верховній Раді* = *фракція у парламенті*, *парламентські вибори* = *вибори до Верховної Ради*. Можливість нейтралізації гіперо-гіпонімічного протиставлення цих лексем доводить їх поява в одному висловленні, пор.: *...три місяці, що минули після 26 березня, хіба їх було недостатньо, щоб визначити структуру **Верховної Ради**, визначити кандидатури голови парламенту?* (Українська правда. 08.06.2006). Натомість заміна неможлива, коли йдеться про назви керівних посад у цьому законодавчому органі або його найменування в офіційно-ділових документах, пор.: *Уповноважений Верховної Ради України*

з прав людини (хоча паралельно у засобах масової інформації вживається останнім часом запозичене зі шведської через англійську *омбудсмен* (англ. *ombudsman* ‘чиновник, який розглядає претензії громадян до урядовців’) або *Голова Верховної Ради України, заступник Голови*, хоча нині активно вживані й англіцизми *спікер, віце-спікер* і низка нових похідних від них до експресивно-оцінних включно: *спікерка, спікерство, спікерів, спікерувати, спікерування, спікернути, віце-спікерство*. Крім контекстів уживання словосполучки *Верховна Рада*, підтриманих регламентом цього законодавчого органу, на її активну присутність у мовній свідомості і комунікації сучасних українців вказують поява аббревіатури *ВР* (*місця у ВР, представництво у ВР, дебати у ВР, регламент ВР*), яка може також мирно співіснувати з її базовою словосполучкою у межах одного висловлення, пор.: *Президент закликав фракції Верховної Ради негайно сісти за стіл переговорів й «розрулити» протистояння у ВР* (Україна молода. 01.07.2006). Крім того, з’явилася й аббревіатура *ВРУ* з провокативною формою для всіх, хто володіє російською мовою, а також похідні від неї на зразок *ВРУшник і ВРУшний*. Активне уживання номінації *Верховна Рада* в окреслених семантико-прагматичних координатах засвідчують і такі живомовні утворення, як *верховнорадівець, верховнорадіці і верховнорадівський* (промовець, кадровик, талон). Причому, проаналізовані нами контексти вживання таких лексем не засвідчили у похідних від сполучки *Верховна Рада* таких різко негативних конотацій, які О. А. Земська зафіксувала раніше для похідних від російського *Белый дом* — ініціальної аббревіатури *БД* та її каламбурно-зниженого звукового варіанта *БиДэ*, а також у прикметників *белодомовский* и *верховносветский* [Земская 2000: 94]. Здатність виражати певні прагматичні функції, здебільшого негативну оцінку, виявляють нині як онім *Верховна Рада*, так і апелятив *парламент*, причому, в наших матеріалах до цього більше надається саме останній, пор. *парламентик, парламентиада, псевдопарламент, квазіпарламент, маріонетковий парламент*. Це, до речі, виявляє і російський okazіоналізм *недопарламент*, поданий О. А. Земською в уже згаданій праці [Земская 2000: 116]. Звертає на себе увагу й активне освоєння основ *парламент-, спікер-, віце-спікер-* за допомогою питомих українських формантів, передусім суфіксів, що також засвідчує вплив національномовної системи словотворення на іншомовні одиниці, пропускання їх для перевірки придатності для виконання нових номінаційних функцій крізь систему фільтрів української дериваційної граматики. Отже, обидві номінації — власна і запозичена — мають свій семантико-прагматичний потенціал і спектр функціонування у мовній діяльності сучасного українського суспільства.

Інше співвідношення в семантичній опозиції родове : видове поняття демонструють лексема *інтернет* в різних її написаннях (*Інтернет*, *Internet*) з її редукованими варіантами — *інет* (*Інет*, *i-нет*), *нет* та українська лексема *мережа* (*Мережа*) з низкою похідних від неї: *інтермережа*, *Міжмережжя* (*міжмережжя*, *МіжМережжя*), *Всемережжя*. Номінацію *мережа* стосовно об'єднання комп'ютерів можна розглядати як певний неосемантизм, принаймні, як наслідок спеціалізації семантики цього слова, вже давно знайомого українській мові у широкому значенні «сукупність яких-небудь шляхів, ліній зв'язку, каналів і т.ін., розташованих на певній території» [Словник 1970–1980–IV: 674]. Саме в такому значенні СУМ зафіксував слово *мережа* в складі словосполук *високовольтна мережа*, *зрошувальна мережа*, *комунікаційна мережа*. Нове спеціалізоване значення 'об'єднання комп'ютерів, локальних і регіональних комп'ютерних мереж' розширило лексичну сполучуваність слова *мережа* і сприяло появі цілої низки нових номінацій з прикметниками, що виражають нові когнітивні ознаки такого об'єкта номінації: *Всесвітня мережа*, *глобальна мережа*, *комп'ютерна мережа*, *локальна мережа*, *міська мережа*, *обчислювальна мережа* (українська мова на відміну від польської або чеської не запозичила англіцизм *network* на її позначення), *регіональна мережа*, *корпоративна мережа* тощо. Неосемантизація питомої української лексеми сприяла її дериваційній активності й утворенню доти відсутніх в українському лексиконі прикметників-конкурентів *мережний* і *мережевий*. Переважає у вжитку перший з них, що доводить шерег складених номінацій за його участю — термінів або словосполук професійного розмовного мовлення на взір *мережна адреса*, *мережна безпека*, *мережний (мережевий) етикет*, *мережна пошта*, *мережні новини*, *мережний сервер*, *мережний серфінг*, *мережні служби (послуги)*, *мережна спільнота*, *мережна телефонія* та ін. Крім прикметників, з'явилися й такі іменники, як *мережани*, *мережник*, *Всемережжя*, *Міжмережжя* (*міжмережжя*, *МіжМережжя*), а також прикметники *домережний*, *міжмережевий*, *внутрішньомережний*. Узагальнена семантика базового слова *мережа* сприяє його функціонуванню в ролі як синоніма-конкурента до запозичених номінацій різних типів комп'ютерних мереж, так і гіпероніма до передусім слова *Інтернет* (*інтернет*) як найменування одного з найпоширеніших нині типів мереж. Таке його уживання підкреслює написання з великої літери (*мешканець*, *громадянин Мережі*), пор. з рос. *Сеть*, а також поява словосполук на взір *мережа Інтернет* та її згортки — композита *інтернет-мережа*, *мережа Живого Журналу*, *мережа суперкомп'ютерів GRID*. Так само іменник *мережани* об'єднує як гіперонім — родове найменування цілу низку інновацій — видових наймену-

вань користувачів окремих об'єктів, розміщених в Інтернеті, а саме: *форумчани, чатяни, інтернет-продавець, інтернет-репортер, інтернет-оператор* тощо. У такий спосіб розмовне утворення *мережани* синонімізується з нейтральними номінаціями *користувач, інтернет-користувач, інтернет-аудиторія, інтернет-спільнота, мережевий клієнт, інтернетник, інтернетівець, інетівець, УкрНетівець (укрнетівець)*, жаргонізмом *юзер* (англ. *user* 'користувач') та експресивно-оцінними розмовними означеннями *інтернет-фан, интернавт / интернаут, интернетоман, инетоман, интернетоголик, нетоман, нетофоб*. Крім того, на базі й старого значення слова *мережа* з'являються інновації — найменування нових типів некомп'ютерних мереж: *екомережа, мережа банкоматів, мережа супермаркетів, мережа мобільного зв'язку*. У цьому концептуальному полі паралельне існування двох ресурсів дає мовцю «простір для маневру», можливість нюансувати думку, вказуючи на належність позначуваного об'єкта до мережі як такої чи до певного її різновиду, вибудовуючи градуальні семантичні опозиції, пор.: *мережник, спеціаліст-мережник, мережанин — інтернетник, інтернетівець, интернавт / интернаут, интернетоман, интернетоголик, нетофоб, нетоман, нетизен, инетоман, мережні послуги : інтернет-послуги, мережні новини : інтернет-новини, мережна спільнота: інтернет-спільнота, мережна телефонія : інтернет-телефонія*. Утім, як переконає аналізований матеріал, у виробленні українських відповідників англійських означень певних типів комп'ютерних мереж суттєву роль відіграє внутрішня форма англійських прототипів і прагнення усунути небажану для спеціалізованої україномовної номінації двозначність. Так, в «Англо-українському тлумачному словнику з обчислювальної техніки, Інтернету і програмування» Е. М. Проїдакова та Л. А. Теплицького 2006 р. в окремому списку подано професіоналізми *товстий Ethernet* (англ. *thick Ethernet*) і *тонкий Ethernet* (англ. *thin Ethernet*) з назвою мережі — вкрапленням *Ethernet*. Образні означення *тонкий* і *товстий* указують на якість коаксіального кабелю (товстого чи тонкого), використовуваного для обладнання таких локальних обчислювальних мереж (ЛОМ). Відображення українською мовою першої основи цього англійського слова як *етер* або *ефір* (англ. *ether*) і поява номінацій на зразок **етер(ефір)нет, *етер(ефір)мережа* чи **етерна (етерова), ефірна (ефірова) мережа* тільки ускладнило б порозуміння між користувачами при вживанні цих термінів, оскільки означення з грецизмом *ефір* на кшталт *прямий ефір (у прямому ефірі), телеефір, ефірний канал (блок, відрізок), ефірний час* уже функціонують в українській мові стосовно мереж радіо- і телемовлення. З'явився і новотвір *інтернет-ефір*, але він стосується способу поширення інформації (в Інтернеті),

а не обладнання такого каналу зв'язку. Саме цим і спричинене у розмовному мовленні фахівців використання поки що вкраплення *Ethernet*. Не можна не погодитися у цьому випадку з твердженням В. Г. Гака, що в одиниць, які не мають жодних заздалегідь поданих асоціацій у мові-реципієнті, більше шансів утвердитися в ролі термінів, пор. його приклад з основою *-бус* [Гак 1966: 43]. Б. Крея щодо усталення одиниць з цим компонентом у польській мові слушно зауважував, що саме завдяки непрозорій внутрішній формі він, на відміну від питомої основи *-wóz*, сприяє виробленню у мовців загального уявлення про певні об'єкти зі спільною будовою чи функцією [Kreja 1996: 222–223]. Здатність основи *інтернет*-та її варіантів *інет*- і *нет*- виступати в препозиції до інших основ, властива атрибутивам, доводить їх функцію виражати ознаки об'єкта в базових концептуальних структурах на відміну від основи *мереж*-, що позначає самий такий об'єкт. Різний їх когнітивний статус увиразнюють паралельно уживані в текстах трансформи, пор.: *інтернет-опитування* і *опитування в Інтернеті*, *інтернет-реклама* — *реклама в Інтернеті* з *інтрамережа* — *внутрішньокорпоративна мережа*, *екомережа* — *екологічна мережа*. Водночас основа *-нет* у ряді новотворів і адаптованих запозичень, зокрема, калюк доменних імен в Інтернеті на зразок *Укрнет*, *Ру-нет*, *Євронет*, *Фринет*, *Хоумнет* або образних позначень типу *ботнет*, набуває в українському словотворенні статусу суфіксоїда з категорійним значенням 'різновид комп'ютерної мережі'. Подібно у професійному мовленні комп'ютерників виформовується суфіксоїд *-вер* зі значенням 'тип забезпечення комп'ютера', що походить від англ. *ware* 'вироби, товари, продукти', пор. *хардвер*, *софтвер* (і *софт*), *лінгвер*, *нетвер*. В українській мові суфіксоїд такої ж форми, але з категорійним значенням 'збройні сили' (від німецького *Wehr* 'захист') можна виокремити зі складу запозичених раніше з німецької мови композитів *бундесвер*, *ландвер*, *рейхсвер*, *хеймвер*. Отже, елемент *-вер* у нових англійських запозиченнях утворює з таким же елементом у давніших німецьких запозиченнях омонімічну опозицію. Такі нові англіцизми доводять залежність категорійного значення запозичень у мові-реципієнті від сфери їх функціонування у мові-донорі. Якщо в англійській мові композити з кінцевою основою *-ware* становлять первісно назви посуду (пор. *stoneware* 'керамічний посуд', *tableware* 'столовий посуд', *china-ware* / *chinaware* 'порцеляновий (букв. — китайський) посуд', *delftware* 'фаянсовий (букв. — дельфтський) посуд'), то в українську мову прийшли лише композити із суфіксоїдом *-вер* зі сфери інформатики й обчислювальної техніки. Утім, в англійській мові основа *-ware* виявляє і в цій сфері значно вищу активність, ніж в українській мові. Наприклад, такі англійські терміни, як *firmware* і

romware, wetware або *liveware*, в українській мові здобули відповідники *мережне програмне забезпечення* та *людський складник, людський чинник, люди як частина великої комп'ютерної системи* [Пройдаков, Теплицький 2006].

Якщо опозиції номінацій *парламент* — *Верховна Рада, мережа (Мережа)* — *Інтернет (інтернет)* засвідчують взаємодію питомих і засвоєних основ для дальшої семантизації спільних концептів, то основи *-мейкер* і *-роб* демонструють семантико-прагматичну й функціонально-стилістичну диференціацію словотворчих засобів оформлення процесуальних ознак таких концептів. Наприклад, в українській мові для позначення особи — виробника якогось продукту останні роки дедалі активніше у мові мас-медіа, реклами, у професійному мовленні використовуються англіцизми з кінцевою основою *-мейкер*: *вебмейкер* (але і *веб-дизайнер, веб-майстер*), *іміджмейкер, кліпмейкер, клонмейкер, реклам-мейкер* (але і *рекламник, рекламіст*), *фотомейкер* (утім, тип портативного фотоапарату, а не особа), *татумейкер, фестмейкер* та інші. Її серійність дає підстави для «розмонтування» основи таких запозичень і надання компоненту *-мейкер* статусу суфіксоїда, а навіть і спонукає шукати йому заміну в українському словотворчому ресурсі. Про такі пошуки свідчать пари конкурентів на кшталт *фільммейкер* — *фільмовиробник, фільмороб*. Наявні й прості суфіксальні похідні з такими основами на зразок *рекламіст, рекламник, клонувальник, татуювальник, фільмувальник*. За винятком слова *рекламіст*, такі деривати поки що не потрапили до нормативних словників. З цими англіцизмами паралельно побутують номінації-словосполучки, як, наприклад, *виробник кліпів* і *кліпмейкер, виробник клонів* і *клонмейкер, організатор фестивалів, видовищ, корпоративних вечірок* і *фестмейкер* (а останнім часом ще й *івентор* як представник нового для України бізнесу — *event-індустрії*). Як легко пересвідчитися, українські відповідники з'являються безперешкодно тоді, коли англійське запозичення має значення виготівника певного фізичного продукту, позначеного першою основою, яка, до того ж, здатна самотійно вживатися в українській мові. Образність, властива запозиченням на зразок *іміджмейкер, маркетмейкер* або *хітмейкер*, зв'язаний характер основи, до якої приєднується такий суфіксоїд, як у *телемейкер, фотомейкер, вебмейкер, вірмейкер*, стає на заваді утворення з цими основами суфіксальних дериватів, подібних до *клонувальник, татуювальник* чи *фільмувальник*. Щоправда, в деяких з таких відповідників спостерігаємо специфікацію, уточнення значення. Якщо *фільммейкер* і *фільмовиробник* стосуються особи (фізичної чи юридичної, яка продукує виробництво фільмів або керує цим процесом (пор. зі значенням англ. *film-*

maker), то *фільмувальник* позначає людину, яка працює з камерою, оператора чи взагалі будь-кого, хто знімає будь-що, не лише фільм. У такому значенні українські *фільмувати* і *фільмувальник* близькі до польських *filmować* і *filmowiec*. Однак український іменник *фільмувальник* на відміну від польського *filmowiec* не стосується знавця кінематографу. Для позначення різноманітного і дедалі більше розширюваного кола виготовлюваних продуктів (товарів і послуг) незамінними виявилися питомі українські засоби номінування — лексеми *виробник* / *розробник* / *переробник*, *виготовлювач*, *виготівник*, а також новий дериват *продукувальник*, що з'явився вже на українському мовному ґрунті й успішно конкурує із запозиченим *продуцент*. Строката шкала номінацій з цими лексемами переконує у семантичній і функціональній гнучкості українських словотворчих засобів, їх придатності як до узагальненого, так і до деталізованого, уточненого вираження певної концептуальної структури, чого не можна сказати про англіцизми з основою *-мейкер*, що здатні лише до загального позначення особи-виробника. пор.: *автовиробник*, *агровиробник*, *виновиробник*, *книговиробник*, *телевиробник*, *фармвиробник* і *виробник телевізійних програм*, *телевізійний виробник*, *фірмавиробник*, *країна-виробник*, *кінокомпанія-виробник*, а також лише описові номінації на взір *виробник рекламних роликів*, *виробник відеопродукції* — *відеограм* і *фонограм*, *виробник аромату*, *виробник антивірусної програми* як уточнення до вже наявного *програміст* 'розробник програмного забезпечення'. Українська мова для позначення осіб, що виробляють важливі для життя українців продукти, застосовує опозиції родових найменувань — простих афіксальних похідних, в структурі яких приховано конкретну процесуальну ознаку суб'єкта, названого їх твірною основою, і видових назв-комполітів, в яких кінцеві основи виражають таку сему узагальнено чи конкретизовано, вказуючи на спосіб вироблення продукту, певний процес. Таку деталізацію словотвірного номінування певних понять за допомогою питомих формантів (афіксів і основ) подають градуальні опозиції спільнокореневих простих і складних дериватів на кшталт: *винар*, *винник* : *винороб* (а також фіксоване останнім часом *виновиробник*) : *винокур* (а за відношенням до вина як об'єкта діяльності також *виноторгівець* і застаріле *виночерпій*); *скляр* / *шкляр* : *склороб* : *скловар*, *склодув* (і *склоріз*, *склоливарник*); *сукнар* : *сукнороб* : *сукновал* (і *сукномийник*); *смоляр* : *смоловар*, *смологон*, *смолокур*; *мідник*, *мідяр* : *міделиварник*, *міднеливарник*; *колісник* : *колесопрокатник* або нейтральні *віршар*, *віршівник*, *віршувальник* : *віршознавець* і експресивно-оцінні *віршороб*, *віршомаз* (пор. рос. *стихоплет*, пол. *wierszorób*, *wierszokleta*); *іконописець* (застаріле *образописець*) : *іконоборець*) й негативно-оцінне

богомаз, а також грецизм *ізограф / зограф*, знайомий сьогодні, напевне, лише історикам мови, мистецтвознавцям та любителям старовини. Як родо-видові кореляти здатні виступати й суфіксальні деривати, в яких таку опозицію змісту концептів виражають твірні основи, пор.: *зброяр* і *рушничник*, історизми *пушкар / гармаш* (але і *гарматник* 'той, хто обслуговує гармати'); *швець*, *взутьовик* і *чоботар*, *черевичник*, застаріле *постолляр* або *кравець* і *піджачник*, *рукавичник*, *свитник*, *хутровик*, *кушнір*; *шапкар* з дальшою його семантизацією *капелюшник*, *кашкетник*, *картузник*. У мові преси вже з'явилися не лише прості афіксальні українські відповідники обговорюваних англіцизмів на зразок *клонувальник*, *татуювальник*, *фільмувальник*, а й композити з кінцевою основою *-роб* типу *кліпороб*, *клонороб*, *фільмороб*. Усі вони мають поки що, через добре усвідомлювану носіями мови гібридність, експресивно-оцінний (переважно негативний) потенціал, вказівку на погану якість продукту. Можливість появи дериватів з українськими формантами від інших запозичень такого типу засвідчують уже створені дієслова *іміджувати*, *маркетувати*. За високопродуктивною моделлю творення в сучасній українській мові віддієслівних іменників із суфіксом *-льник* цілком очікуваними є новотвори на збір **іміджувальник*, **маркетувальник*. Втягування за-своєних і усталених запозичених основ в процес створення композитів з основою-категоризатором *-роб* доводить і історія української мови. Прикладом можуть слугувати подані вище композити *віршороб*, *віршомаз* з основою *вірш-*, що походить з латинського *versus* 'лінія, рядок', *бракороб*, в якому основа *брак-* пов'язана з готським *brak* 'вада, недолік', чи *склороб* з основою *скл-*, що своїм прототипом має також готське *stikls* 'келих'. Активне уживання перших основ англіцизмів з категоризатором *-мейкер*, безперечно, сприятиме їх дальшому входженню в словотвірну систему української мови та взаємодії з питомим словотворчим ресурсом. Цілком імовірно, що вони виявляться скороминущою мовною модою і згодом їх буде витіснено на периферію українського словотворення, як це сталося свого часу з композитами з основами *-майстер / -мейстер / -містр / -мистер*, запозиченими безпосередньо з німецької мови або через посередництво російської і польської мов. Про це свідчать поодинокі з них, що закріпилися в різних професійних сферах функціонування української мови, на зразок *балетмейстер*, *хормейстер*, *концертмейстер*, *италмейстер* і пор. застарілі *поштмейстер / поштмайстер* (сучасні *поштар*, *поштовик*), *брандмайстер*, *єгермайстер*, *цехмайстер*, а також історизми — найменування посад і військових звань на кшталт *капельмейстер*, *герольдмайстер*, *обер-гофмайстер*, *бургомістр* (*бурмістр*, *бурмистер*), *вахмістр*, *ротмістр*. У цікавому для нас значенні

‘виробник певного продукту, виготовлювач чогось’ в українській мові зберігся історизм *мюнцимайстер* (сучасне *монетник*). У складі композитів основа *-майстер* може також виражати значення ‘лагодільник, направник чогось’, пор. застарілі *дзитармайстер* і його синонім *дзитарник* (сучасне *годинникар*), а також недавній новотвір *телемайстер*. Зауважимо також, що з нейтральним значенням ‘виробник’ і піднесеним оцінним ‘фахівець високого класу’ в українській мові активно вживане й саме німецьке запозичення *майстер*. Отже, бурхливий приплив германізмів українська мова переживає не вперше, а тому аналіз історії цих давніших німецьких запозичень переконливо доводить її спроможність, пропустивши нові англійські запозичення крізь фільтри системних відношень уже наявних найменувань, залишити те, що є доцільним для нових потреб номінації, і разом з тим зберегти самобутні риси україномовної категоризації світу і української словотвірної номінації.

У розглядуваному полі вербалізації в українській мові концепта «виробник, виготовлювач чогось» активно функціонують й інші власні основи. Вони мають різний прагматичний і стилістичний потенціал, а отже, й різну продуктивність у мовній практиці, проте уможливають уточнення й урізноманітнення вербалізації такої процесуальної ознаки концептів. Це основа *-творець* (у вільному вжитку таке слово має інший наголос — *творéць*) у низці книжних лексем з урочисто-піднесеним стилістичним забарвленням на кшталт *добротворець*, *миротворець*, *міфотворець*, *мовотворець*, *піснетворець*, *світотворець*, *чудотворець* з новим її поповненням *гімнотворець*, *державотворець*, непродуктивна основа *-дій* у словах *добродій*, *злодій*, *лиходій*, *лицедій*, *чародій*, *чудодій* також з піднесеним стилістичним потенціалом, а також активно поповнюваний нині ряд композитів-назв професій з кінцевою основою *-будівник*: *вагонобудівник*, *верстатобудівник*, *суднобудівник*, *танкобудівник* тощо. Композити з основою *-роб*, що виражає узагальнене значення дії, спрямованої на виготовлення чогось, одержання певного продукту, можуть уточнюватися завдяки таким кінцевим основам, як *-ливарник*: *міделиварник*, *склоливарник*, *сталеливарник*, *чавуноливарник*, *шрифтоливарник* або *-прокатник*: *рейкопрокатник*, *залізопрокатник*, *колесопркатник*, *сталепрокатник*, *трубопркатник* та інші. Спектр основ, залучених до вираження різних дій, спрямованих на вироблення продукту зі спільного об’єкта дії, може бути досить широким, наприклад: *трубоволочильник*, *трубозварник*, *трубопркатник* за наявності загального їх позначення простим суфіксальним дериватом *трубник*. Навіть продуктивні запозичені суфіксоїди не здатні на відміну від питомих словотворчих засобів до участі в дальшій семантизації певного поняття через свою непрозору для українсько-

го мовця внутрішню форму. Доказом може бути активно поповнюваний в українській мові ряд назв любителів чогось з кінцевою основою *-ман* (від грецького *μανία* 'безумство, захоплення') на зразок *автоман* (і *автолюбитель*), *шопоман* (і *шопоголик*, *любитель шопінгу*), *кіноман* (*кінофан* і *кіноаматор*, щоправда, з іншим розрядним значенням 'непрофесіонал, що створює кінофільми'), *фольклороман*, *ігроман* (і жаргонне *геймер*), *інтернетоман* (і *інтернет-фан*), *інетоман*, *нетоман*. Питомі словотворчі засоби дають змогу передати широкий спектр способів вияву такого стану суб'єкта, ознак поведінки особи, якій він притаманний. Ось, приміром, який спектр похідних з питомим словотворчим ресурсом, основним і формантним, подає українська мова для найменування чоловіків, які виявляють надмірний інтерес до жіночої статі: *женолюб* і *жіноклюб*, *бабій* і *баболлюб*, *бабодур*, *бабич*, *дуридівчат*, *дівчачур* і *дівчур*, *баламут* (*баламута*), *волоцюга*, *гульвіса*, *джигун*, *залицяльник*, *зальотник*, *звідник*, *плотолубець*, *поцілуйко*, *спідничник*, *спокусник* тощо. Найвиразніше гнучкість питомих словотворчих засобів щодо семантизації певного поняття виявляють композити зі спільною першою основою, що вказує на предмет захоплення, наприклад: *сонцеллюб* 'той, хто любить сонце як явище природи, любить грітися в його променях' і *сонцепоклонник* 'той, хто поклоняється Сонцю як божеству'.

Аналіз співвідношення власних, українських, і запозичених, іншомовних ресурсів словотворення виявляє їх дедалі виразнішу семантико-прагматичну й функціонально-стилістичну диференціацію. Такі ресурси, набуваючи стійкості, не витісняють один одного з мовного арсеналу, а, навпаки, взаємодіють, доповнюючи, посилюючи й уточнюючи втілення певного поняття, формуючи широкі й різноманітні поля вербалізаторів певних активних у сучасній мовній свідомості концептів та їх ознак. Зрештою, наявність у мовця такого урізноманітненого інструментарію номінування дає змогу для поглиблення, нюансування думки, що забезпечує повноту і гнучкість ресурсів національної мови для комунікації в певних сферах суспільного життя. Завдання мовознавців — оцінити такі ресурси і подати мовцям надійні рекомендації щодо їх використання, сприяти формуванню в них належної мовної компетенції і чуття до слова, того, що український письменник і теоретик літератури Ігор Качуровський так влучно назвав *мовомисленням*, а російський мовознавець Г. О. Винокур вважав основним завданням лінгвістичного виховання суспільства.

Джерела ілюстративного матеріалу

- Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. Вид 3. Київ, 2007.
- Голоскевич Г.* Правописний словник. Вид 7. Харків, 1930.
- Пройдаков Е. М., Теплицький Л. А.* Англо-український тлумачний словник з обчислювальної техніки, Інтернету і програмування. Вид 2. Київ, 2006.
- Російсько-український словник за ред. А. Кримського та С. Єфремова. Т. 1–3. Київ, 1924–1932.
- Словник української мови. Т. I–XI. Київ, 1970–1980.

Література

- Аврамова Ц.* Словообразовательни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век. София, 2003.
- Винокур Г. О.* Язык «нэпа» // Винокур Г. О. Культура языка. Изд 3. М., 2006.
- Гак В. Г.* Беседы о французском слове. М., 1966.
- Ермакова О. П.* Семантические оппозиции как отражение жизни российского общества в последние десятилетия XX века // *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich.* Warszawa, 2003.
- Земская Е. А.* Активные процессы современного словопроизводства // *Русский язык в конце XX столетия (1985–1995)* / Под ред. Е. А. Земской. Изд 2. М., 2000.
- Карпіловська Є. А.* Динаміка сучасної української мови в словниках нового покоління (проект серії словників нової української лексики) // *Українська мова.* 2004. № 3.
- Карпіловська Є. А.* Вступ до прикладної лінгвістики: Комп'ютерна лінгвістика. Донецьк, 2006[a].
- Карпіловська Є. А.* Функціональний потенціал конкурентних моделей словотворення: параметри стабільності похідних // *Функциональные аспекты словаутварення: Доклады IX Міжнародної наукової конференції Камісії па славянскому словаутваренню пры Міжнарод. камітэце славістаў* / Нав. ред. А. А. Лукашанец. Мінск, 2006[b].
- Карпіловська Є. А.* Тенденції розвитку сучасного українського лексикону: чинники стабілізації інновацій // *Українська мова.* 2007. № 4. 2008. № 1.
- Карпіловська Є. А.* Вплив інновацій на стабільність мовної системи: регулятори системної рівноваги // *Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов: Зб. темат. блоку на XIV Міжнар. з'їзді славістів (Охрид, Македонія).* Київ, 2008.
- Клименко Н. Ф.* Аглютинативність в українському словотворенні // *Українське мовознавство.* Вип. 17. Київ, 1990.

- Клименко Н. Ф., Карпіловська Є. А., Кислюк Л. П.* Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі. Київ, 2008.
- Ковалик І. І.* Вчення про словотвір // Ковалик І. Вчення про словотвір: Вибрані праці. Ч. 1. Івано-Франківськ; Львів, 2007.
- Ковалик І. І.* Про основну мовну одиницю словотвірного рівня // Ковалик І. Вчення про словотвір: Вибрані праці. Ч. 1. Івано-Франківськ; Львів, 2007.
- Онхайзер И.* Влияние языковых контактов на комбинаторику, или Дети сорока VIP-персон кричали: «Вода кульно теплая!» // *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik* / Hrsg. S. Mengel. Münster, 2002.
- Скаб М. С.* Граматика апеляції в українській мові. Чернівці, 2002.
- Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja* / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Kreja B.* Autobus i inne formacje na *-bus* (też *-wóz*) // *Studia z polskiego słowotwórstwa*. Gdańsk, 1996.

Е. А. Карпиловская

**Семантико-прагматическая дифференциация
словообразовательных ресурсов украинского языка:
свое и усвоенное**

В статье на материале новой украинской лексики обсуждаются проблемы гармонического развития лексикона национального языка, взаимодействие в его пополнении и обновлении собственных и заимствованных из других языков словообразовательных ресурсов. Особое внимание уделено семантико-прагматической и функционально-стилистической дифференциации украинских и иноязычных основ и формантов.

В. Радева (София)

Словообразовательные инновации в славянских языках, обусловленные иноязычной лексикой

Заимствование иноязычной лексики, как и создание новых лексических единиц, непрерывно сопутствует развитию языка — с разной активностью и динамикой, выявляемыми в потоке времени. Этот процесс, исследованный в разных его аспектах, имеет отношение не только к лексической системе (с учетом ее обогащения), но и к деривационным процессам в языке.

Изучение инновационных процессов, характеризующих современное развитие славянских языков, дает возможность раскрыть роль заимствованных слов при их включении в деривацию как мотивирующих основ или посредством предоставления новых или активизации существующих словообразовательных средств и моделей. В общетеоретическом плане заимствование иноязычной лексики тесно связано с тенденциями развития, характеризующими словообразовательный процесс и его результаты. Исследование тенденции к интернационализации, например, раскрывает как общее, так и различное в ее проявлении в современных славянских языках [Комрагасја 2003], лексический состав которых испытывает активное воздействие англоязычной лексики.

В системном плане словообразовательные инновации, обусловленные иноязычной лексикой, определяют ее место в заимствующем языке. Заимствованные как готовые структуры или оформленные согласно деривационным возможностям заимствующего языка, неологизмы имеют характер производных слов, в парадигматические связи которых включаются и мотивационные отношения. Это дает возможность:

- облегчить адаптирование заимствованной лексики;
- структурировать новые системные отношения в лексике;
- создать связи между неологизмами, мотивированными употребительными заимствованными словами (*интернет, пиар, онлайн, шоу* и др.), оформленными по одной модели или с помощью одинаковых формантов.

В качестве внешнего фактора, который нарушает естественное развитие языка, «модифицируя» или активизируя его, иностранные слова приходят в заимствующий язык с собственной характеристикой

и структурой, будучи созданными в соответствии с «другими» закономерностями и нормами. Влияние иноязычной лексики проявляется еще и при ее включении в заимствующий язык, что делает необходимым ограничение процессов адаптации заимствованных слов от их участия в деривации. С другой стороны, поведение иноязычной лексики обусловлено осознанием ее членности и словообразовательной оформленности, в которой отражается действие «другой» деривационной системы. Почти во всех системных исследованиях производных слов, характеризующих относительно словообразовательных категорий, представлены и заимствованные слова, интерпретированные как словообразовательно оформленные. Это способствует их более легкому восприятию и употреблению, а также осознанию деривационной функции повторяющегося компонента. Обособленные в славянских языках субкатегории с глаголами на *-ира-/-изира-*, как и семантически соотносимые с ними абстрактные существительные с формантами *-ициj(a)/-ацициj(a)*, неслучайно являются предметом исследования в отдельных славянских языках и в сопоставительном плане [Комрагасја 2003]. В качестве иллюстрации активного использования структур с формантом *-ициjа* в сербском языке может служить заключение Б. Чорича об укреплении позиций т. н. гибридации, обусловленной экстралингвистическим контекстом, который характеризуется такими словами, как «глобализациjа, демократизациjа, евроинтеграциjа, транзициjа, приватизациjа и др.» [Торийћ 2008]. Инновации этого типа объясняются продуктивностью с точки зрения динамической синхронии как реализованный прогноз процесса, «определяющий не идентичное, но сходное поведение говорящих, когда они сталкиваются с задачей породить или распознать новую для них комбинацию единиц» [Коряковцева 2006: 155]. Осознание неологизмов как производных структур основывается на 1) выделении компонента, который функционирует как формант, и 2) наличии однокоренных слов, которые тоже употребляются в заимствующем языке. Таким образом, оформляются деривационные связи, но не создаются мотивационные пары с ясно определенным направлением мотивации и наличием производящего слова:

регулира — *регулациjа* — *регулационен* *регулира* — *регулатор* — *регулаторен*
регулиране
регулиран — *регулираност*
информира — *информациjа* — *информационен* *информира* — *информатор*
информирание *информаторски*
информиран — *информираност*

В случаях, когда возможно выделение мотивирующего слова, оно обычно тоже заимствованное:

мотив — *мотиви́ра* — *мотива́ция* — *мотивацио́нен*
мотиви́ране
мотиви́ран — *мотиви́раност*
мотивиро́вка

Активность заимствованных, одинаково структурированных лексических единиц, олицетворяющих интернационализацию славянских языков, создает между ними общность, которая дает возможность выделить различия в реализации инновационных процессов в словообразовании, связанных с местом и ролью заимствованной лексики.

С другой стороны, адаптация и «выживание» заимствованных слов зависят от их «допущения» в заимствующий язык, и существенная роль здесь принадлежит словообразованию. Нет необходимости доказывать, что однокоренные заимствованные слова при усвоении их заимствующим языком «помогают» друг другу, ср.:

документ *документи́ра* *документато́р* *документи́ране* *документаци́я*
стабил(ен) *стабили́зира* *стабилиза́тор* *стабили́зиране* *стабилиза́ция*
фали(ив) *фалии́фицира* *фалии́фикато́р* *фалии́фициране* *фалии́фика́ция*

Включение заимствованной лексики в деривационный процесс является проявлением противоположных тенденций к *стабильности* и *динамичности* в словообразовательной системе. Динамичность, выраженная в инновационной активизации соответствующих деривационных средств и моделей, совмещается со стабильностью, обусловленной построением одинаково структурированных словообразовательных парадигм, способствующих более легкому восприятию заимствованной лексики, ср. болг. *спонсор* — *спонсори́ра*, *спонсорски*, *спонсорка*, *спонсорство*, *спонсори́ране*; русск. *спонсор* — *спонсорство*, *спонсировать*, *спонсорский*, *копоспор*, *копоспорство* [Харитончик 2008: 121].

Усвоение иноязычной лексики, осознаваемой словообразовательно оформленной, ведет к выделению и осмыслению словообразовательных средств и моделей, вхождение которых в язык зависит не только от их соответствия или противопоставления традиционной деривационной системе, но и от количества одинаково оформленных слов. Их структуры представляют собой модели новообразований, при которых воспроизводится выраженное ими структурно-семантическое отношение. И если

посредством диахронного подхода выясняется происхождение и распространение новообразований в славянских языках, то в синхронном плане они интерпретируются с учетом продуктивности соответствующей модели и конкуренции неологизмов с уже использованными в славянских языках производными структурами.

Исследование инновационных процессов в словообразовании, связанных с развитием и изменениями в лексической системе [Коряковцева 2006: 151–158], имеет существенное значение для выяснения антиномии *диахрония / синхрония*, отраженной в дериватологических исследованиях посредством раскрытия функционирования неологизмов и архаизированных структур, определения продуктивных и непродуктивных формантов и моделей, активных и неактивных словообразовательных типов и т. д.

Своеобразным показателем протекающих инновационных процессов является продуктивность, относящаяся как к словообразовательному типу, так и к словообразовательным средствам, т. е. рассматриваемая через функционирование деривационных моделей, поскольку в соответствии с ними образуются новые слова. Новообразования — это та точка, в которой пересекаются *действие* системно заданных словообразовательных моделей, т. е. их порождающая способность, и проявление *нарушения* этих моделей / *отклонения* от них. Структурно-семантическое отношение, выраженное в мотивационной паре, характеризует как основу, так и формант, и дает возможность установить, до какой степени оно проявляется в значении уже утвердившихся в языке производных слов и новообразований в речи.

Наличие структур с формантом типа болг. *-ира/-изира-* в славянских языках, являющееся выражением тенденции к интернационализации, создает не только общность между ними. Функционирование этих лексем, заимствованных, адаптированных или новообразованных, подчиняется лексико-семантическим нормам отдельного языка, что создает своеобразие и специфику каждого языка относительно а) конкуренции с дериватами, содержащими другие словообразовательные средства, и б) расширения мотивационного отношения, обусловленного «деструктивными» последствиями продуктивности [Kleszczowa 2008].

В западнославянских языках конкурирующие глаголы оформляются посредством суффикса польск. *-owa(ć)*, чешск. *-ova(t)/-izova(t)*, слцк. *-ova(t')/-izova(t')*, а в белорусском и украинском — *-ава(ць)* и *-ува(ти)* соответственно, ср. белор. *абаніраваць* и укр. *абонувати* [Радева 2008].

Продуктивность словообразовательного типа, построенного с помощью формаций *-ира/-изира-*, ведет как к созданию структур, семантика которых «открывает» возможность для изменений, относящихся к вы-

бору мотивирующего признака, привнесенного производящим словом, так и к разнообразию мотивационного отношения. Например, в случаях типа *мафиот* — *мафиотизира*, *мутра* — *мутризира*, *психо* — *психира* выражается значение ‘превращение в указанную субстанцию’, а в *семпъл* (англ. *sample*) — *семплира*, *микс* (англ. *mix*) — *миксира*, *рап* — *рапира*, *сет* (англ. *set*) — *сетира* и др. выражается ‘создание того, что указано мотивирующим существительным’. Свидетельством продуктивности формаций с *-ира/-изира-* является множество глаголов, семантически соотносимых с существительными, значение которых довольно обобщенно мотивирует действие, но ономазиологическая связь остается не эксплицированной. Наряду с морфологически адаптированными глаголами в болгарском языке образованы гибридные глаголы типа *модерира*, *принтира*, *рециклира*, *сканира*, *африканизира*, *банкира*, *бюджетира*, *дизайнира*, *ембаргира*, *клипира*, *колажира*, *маркетинга*, *маршрутира*, *циганизира*, *чалганизира* и др. [Благоева 2008: 88], которые отражают изменения как во внеязыковой действительности, так и в ее современной концептуализации.

Высокая частотность некоторых заимствований, связанных с актуальными для современной жизни реалиями, обуславливает не только их свободное включение в словообразовательный процесс, но и появление семантически и структурно разнообразных неологизмов. Например, лексема *шоу* (англ. *show*) в болгарском языке является частью композиционных структур в качестве не только первого, детерминирующего компонента (*шоубизнес*, *шоудама*, *шоупрограма*, *шоуспектакъл*), но и второго, детерминированного (*кастингшоу*, *пийшоу*, *токишоу*, *шокшоу*). С помощью заимствованного названия *пънк* (англ. *punk*) оформлены не только сложные слова, типа *пънкгрупа*, *пънкрок*, *пънкмода*, *пънкмузика*, *пънкблекло*, *пънкприческа*, но и суффиксальные неологизмы *пънкар*, *пънкарка*, *пънкарски*, *пънкарство*.

В качестве иллюстрации объединения тематических групп вокруг часто употребляемых заимствованных слов, связанных с актуальными средствами коммуникации, Е. А. Карпиловская указывает на роль и место концепта ‘пространство’ в украинском языке, в котором намечены новообразования типа *интернет-простір*, *кібер-простір*, *медіа-простір* (*медіапростір*, *медійний простір*) и *мобільний простір*. [Карпіловська 2008: 7]. В болгарском языке наряду с *медійно пространство*, *културно пространство*, *политическо пространство* употребляется и сочетание *визуално пространство*, также *кібер-пространство*, в котором лексема *пространство* выступает со значением ‘сфера, охват деятельности и влияние’.

Кроме того, вокруг компонентов заимствованных композиционных структур типа *-art*, *-билдинг*, *боди-*, *борд-*, *шоу* и др. для выражения родово-видовых отношений формируются словообразовательные гнезда, гиперо-гипонимические ряды и субординационные парадигмы, в которых заимствованные слова функционируют как классификаторы, а иноязычная модель для использования двух существительных дает возможность отражать «результаты непрерывной и обусловленной потребностями жизнедеятельности классификационной активности человеческого сознания» [Харитончик 2008: 122].

Процесс усвоения иноязычных формантов при образовании гибридных названий создает как общность, так и различие между славянскими языками. Употребление англоязычных существительных, оформленных с помощью суффикса *-ing*, который осознается как словообразовательное средство, характерно для всех славянских языков. В болгарском языке, однако, он не связывается с основами домашних слов, в то время как в русском при его участии образованы девербальные и десубстантивные неологизмы типа *бабинг*, *вининг*, *водкинг*, *гулянинг*, *курилинг*, *шокинг* и др. [Коряковцева 2009]. В славянских языках употребляются заимствованные существительные с формантами *-ant*, *-ent*, но в белорусском, в отличие от болгарского, образуются гибридные названия *выступант*, *митингант*, *наступант* [Лукашанец 2009: 251]. Из употребляемых в славянских языках сочетаний с компонентом *мобилен*, ср. укр. *мобільний зв'язок*, *мобільне відео*, *мобільна компанія*, болг. *мобилен бизнес (интернет, оператор, сигнал, телефон)*, *мобилна връзка* и др., в украинском оформились универбы *мобільник*, *мобілка*, *мобілочка*, *мобіла* [Карпиловска 2008: 15], в то время как в болгарском, при наличии универба *мобилка*, отдается предпочтение номинациям *мобифон* и *джиесем* (англ. *GSM*).

Своей семантикой и структурой новые слова, мотивированные иноязычной лексикой, иллюстрируют проявления инновационности в деривационных процессах в ее отношении к установленным нормам. Исследование таких неологизмов охватывает и их функционирование в речи, выражающее тенденцию не только к интернационализации лексики, но и к интеллектуализации современных славянских языков.

Специального внимания заслуживают семантическое развитие и изменения, которые претерпевают заимствованные слова, обогащая номинационные и словообразовательные возможности заимствующего языка. Например, слово *промоция* (от лат. *promotio*) давно утвердилось в болгарском языке со значением ‘торжественное вручение диплома или официальное объявление научной степени или почетного звания’. Посредством значения ‘рекламное представление художественных про-

изведений или торгового товара' слово *промоция* — не без содействия рекламы в СМИ — получает широкое распространение и употребление. Этим значением оно мотивирует прилагательное *промоционален* (ср. *промоционални цени, промоционална отстъпка* и др.) и, кроме того, тем самым ограничивает употребление лексем *представяне, реклама*, а также *намаление (цены)*. Так появляются сочетания типа *промоционална лихва, промоция* при оплате налогов и платежей и т. п., а объявляемые *промоции*, в сущности, означают будущие 'продажи товаров по сниженным ценам'. В немецком языке *Promotion* 'промоция' и *Promotion* 'рекламная акция для представления нового товара' — это две лексические единицы, являющиеся омографами.

Разные употребления слова *промоция* в [Речник на новите думи 2001] представлены в двух значениях: 1) публичное представление новой книги, музыкального или другого произведения или какого-то товара; 2) представление какого-то товара, при котором он предлагается на более низкой цене. В своем первом значении слово синонимично лексеме *презентация* (англ. *presentation*), которая мотивирует глагол *презентира*.

Семантически связанные с *промоция*, глаголы *промоцира* и *промотира* функционируют как фонетические дублиеты, но второй относится и к заимствованному из английского существительному *промоутър (promoter)* со значением 'организатор и консультант на каком-либо мероприятии (концерте, спортивном соревновании и т. п.)'.

В качестве синонимов употребляются прилагательные *промоционален* и *промоционен*, например, *промоционална* и *промоционна цена (кампания, лихва)* и др.

Кроме того, слово *промоция* имеет и компонент *промо-*, с помощью которого оформлены номинации типа *промозапис, промокопие, промопарче, промплоча, промопродукция, промосингъл* и др.

Функционирование лексической единицы *промоция*, которая относится к интернациональной лексике, иллюстрирует не только ее включение в лексическую и деривационную систему болгарского языка, но и изменение, наступившее в ее семантическом развитии. В то время как ее основное значение связывается с компонентом 'повышение степени, звания' (лат. *promotio*), ее современное значение, проявляющееся в ее использовании в рекламе, содержит семантический компонент 'снижение цены, процента, налога'.

Образование новых слов, мотивированных заимствованной лексикой, прежде всего служит показателем продуктивности словообразовательных средств и пополнения словообразовательных типов, характерных для славянских языков. Их употребление, однако, моделирует отношения

в лексической системе заимствующего языка. Например, обусловленная внеязыковой действительностью необходимость в специальной охране жизни и имущества «обогастила» лексическую систему болгарского языка заимствованными названиями *бодигард* и *гард* / *гардове*, наряду с которыми вошло в употребление и существительное *охранител*, оформленное общеславянским формантом *-тел* и словообразовательно соотносимое с заимствованным из русского глаголом *охранять* — *охранява(м)*. Активно включились в речь неологизмы *охрана* и *охранителен* (объект, фирма, служба, функция и др.). Существительные *пазач* и *пазител* сузили свое употребление главным образом в силу своей стилистической маркированности.

Существительное *бранител*, оформленное согласно словообразовательному типу *брани* — *бранител*, по своему основному значению переходит в пассивную лексику, но со значением ‘защитник’ активно вписывается в лексику, связанную со спортом.

Таким образом, заимствованные названия *бодигард* и *гард* обогащают синонимический ряд *бранител*, *пазач*, *охранител* и др., в болгарском языке образуется и существительное *бодигардка*, а в русском *бодигард* создает синонимическую связь со словами *сторож*, *охранник*, *секьюрити* и др.; в украинском языке наряду с *бодигард* употребляются также номинации *охоронець*, *силови́к*, *правоохоронець*, *спецназівець*, *есбеушник*; *беркулята*, *соколята*, *тигри*, *кобри*, *сек'юриті* [Карпіловська 2009].

Своей структурой и семантикой название *бодигард* (англ. *bodyguard*), осознаваемое как композиционная формация, обуславливает самостоятельное употребление слова *гард*, которое не включается в словообразовательные отношения, в то время как компонент *боди* употребляется как самостоятельная номинация и идентифицируется в сложных формациях *бодиа́рт* (*body-art*), *бодибилди́нг* (*body-building*) — наряду с *таймбилди́нг*, *бодиборд* (*body-board*), *бодиборди́ст*, *бодилосьо́н* (*body-lotion*), *бодипирси́нг* (*body piercing*), *бодирепи́нг* (*body-wrapping*) и др. В английском языке названия пишутся полуслитно или раздельно, а в болгарском предлагается слитное написание, причем в [Речник на новите думи 2001] безосновательно отмечено одно ударение.

Приведенные примеры иллюстрируют существенные результаты инновационных процессов в словообразовании: 1) заполнение словообразовательных типов и моделей новыми структурами и 2) включение в словообразовательные отношения новых или обновленных моделей, активизированных заимствованными лексическими единицами.

Современные деривационные процессы, как и изменения в лексических системах славянских языков отражают не столько их интерна-

ционализацию (процесс, который не является инновационным), сколько американизацию этого процесса, которая ясно выражена в изменении фонетического облика заимствованных слов из других европейских языков (преимущественно французского и немецкого). Таким образом оформляются «разночтения», такие, как болг. *идол*, но *мюзик айдъл*, *криминален*, *крими*, но *фокс крайм*; *дансинг*, но *денсинг стар*; *фамилия*, но *диема фемили*, *кафе фемили*; *евросъюз*, *евро*, но *юробанк*, *юроспорт* и др.

Интеграция иноязычной лексики в славянские языки активизирует создание аппозитивных структур, модель которых «обогащается» путем появления англоязычных слов в качестве мотивирующих. Модель с именем существительным в атрибутивной функции (в функции несогласованного определения) семантически соответствует композиционным структурам германских языков, ср. нем. *Bierfest* или англ. *bodyguard*, но прежде всего под влиянием английского распространяются номинации типа *блек метал* (*black metal*), *бодиборд* (*body-board*), *боксофис* (*box office*), *паникбутон* (*panic button*), *пъбликрейшънс* (*public relation*), ср. также *бизнес клуб*, *кафе клуб*, *интернет център*, *бизнес център* и др. Тракуемые как аппозитивные структуры (или биномы), эти названия содержат компонент (имя существительное), который сохраняет свою самостоятельность номинативной единицы, но связь с детерминированным существительным обуславливает его функционирование в качестве производящей основы.

В болгарском языке биномиальными структурами замещаются предложные именные конструкции (*база данни*, *пакет мерки*), именные конструкции с согласованным определением (*офис мебели*, *офис техника*), а в русском — предложно или падежно связанные формации (*допинг-контроль*, *пицца-гриль* и др.). Их распространение с основанием определяется как инновационная тенденция, характерная для славянских языков, ср. белор. *бізнес-цэнтр*, *інтэрнет-кафэ*, *рок-тусоўка*, *шоу-бізнес*, при этом отмечается их предпочтение в языке СМИ [Лукашанец 2003: 67]. Роль средств массовой информации при утверждении инноваций в деривационных процессах выражается и в создании окказиональных лексем, являющихся индикаторами актуальности данной словообразовательной модели или средства. Биномиальные структуры, вопреки их непоследовательному отграничению от сложных названий, характеризуются высокой продуктивностью модели и частотностью употребления, иллюстрируя редуцирование формальных показателей при выражении не только синтаксических отношений между словами, но и словообразовательных связей [Радева 2008: 104].

Влияние заимствованной лексики при активизации сходных инновационных процессов в славянском словообразовании обуславливается

не только интернационализацией славянских языков и активной инвазией англоязычной лексики, но и наличием общности в славянском «лексико-семантическом ядре», с которым связано «огромное по своему потенциалу когнитивное пространство, детерминируемое знанием типичных для окружающей носителей языка среды, доступных для восприятия, известных и прагматически важных объектов и явлений, характеризуемых наличием салиентных характеристик, т. е. свойств ярких и особенных, выделяемых в процессе восприятия человеческим сознанием» [Харитончик 2008: 121]. Кроме того, переживаемые сходные социально-экономические, общественно-политические и культурно-исторические процессы, которые специфическим образом проявляются в отдельных славянских странах, обуславливают как сходства, так и различия в номинации посредством создания новых лексических единиц.

Инновационные процессы, которые характеризуют деривационные системы славянских языков, являются точкой пересечения в проявлении языковых антиномий, выражением стабильности и динамичности, инновационности и традиционности, показателем нормативно созданного равновесия и стремления к его нарушению. В общетеоретическом плане деривационные инновации в их отношении к сформированным деривационным нормам являются своеобразным выражением системности в словообразовании, в то же самое время они подают сигнал о «перестройке» существующей системы. Посредством осмысления и последовательного анализа влияния, которое иноязычная лексика оказывает на словообразовательные инновации, раскрывается специфически проявляемая общность славянских языков. Сходства и различия в современных деривационных процессах славянских языков в типологическом плане показывают и изменение соотношения в них синтетизма и аналитизма.

Литература

- Благоева Д.* Нова глаголна лексика в българския език // В търсене на смисъла и инвариантността: Сборник в чест на проф. Дина С. Станишева. София, 2008.
- Карпіловська Є. А.* Вплив інновацій на стабільність мовної системи: регулятори системної рівноваги // Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов. Тематичний блок: XIV Міжнародний з'їзд славістів 10.09.–16.09.2008, Охрид, Республіка Македонія. Київ, 2008.
- Карпіловська Є. А.* Роль словотвірних інновацій у стратифікації сучасного українського лексикону // Словообразуване и лексикология: Доклади от Десетата международна конференция по славянско словообразуване при Международния комитет на славистите. София, 1–6 октомври 2007. София, 2009.

- Коряковцева Е. И.* О динамической синхронии в словообразовании // Исследования по славянским языкам. 11. Сеул, 2006.
- Коряковцева Е. И.* Продуктивные словообразовательные модели nomina abstracta: социокультурная и системная детерминированность функции // Словообразуване и лексикология: Доклади от Десетата международна конференция по славянско словообразуване при Международния комитет на славистите. София, 1–6 октомври 2007. София, 2009.
- Лукашанец А. А.* Тэндэнцыя да нацыяналізацыі ў рускай, беларускай і ўкраінскай мовах // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Лукашанец А. А.* Лексічныя і словаўтваральныя процэсы ў сістэме сучаснаў беларускай мовы // Словообразуване и лексикология: Доклади от Десетата международна конференция по славянско словообразуване при Международния комитет на славистите. София, 1–6 октомври 2007. София, 2009.
- Радева В.* Заета лексика и словообразователни тенденции в славянските езици // Славянска филология. 24. София, 2008.
- Речник на новите думи и значения в българския език / Под общата ред. на Е. Пернишка. София, 2001.
- Харитончик З. А.* Роль инноваций в организации лексической системы языка // Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов. Тематичний блок: XIV Міжнародний з'їзд славістів 10.09.–16.09.2008, Охрид, Республіка Македонія. Київ, 2008.
- Ђорџ Б.* Творба именица у српском језику (одабране теме). Београд, 2008.
- Kleszczowa K.* Destrukcyjne skutki produktywności znaków i reguł słowotwórczych // Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов. Тематичний блок: XIV Міжнародний з'їзд славістів 10.09.–16.09.2008, Охрид, Республіка Македонія. Київ, 2008.
- Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.

Василка Радева

**Словообразователни иновации в славянските езици,
обусловени от чуждоезична лексика**

Чуждоезиковата лексика е обект на разглеждане с оглед на влиянието, което оказва върху съвременните словообразователни процеси в славянските езици. Общността и различието в мястото на заетите думи се разкриват не само чрез включването им в словника на отделните славянски езици и участието им в деривационния процес като мотивиращи. Осъзнаването им като словообразователно оформени дава възможност за обогатяване / активизиране на деривационните начини и модели.

I. Bozděchová (Praha)

Internacionalizační tendence a typ češtiny

Motto

Haló novinám lze vytknout právě ten jejich titulek, jejich hlavičku. Ta bude v pořádku věci češtině libých teprv tehdy, až se češtině bude líbit také *Derby krém* a *Elsa krém*. Tedy na svatého Nikdá.

(Eisner P. Čeština poklepem a poslechem. Praha 1948, s. 100)

1. Současný vývoj spisovných jazyků a všeobecná tendence k internacionalizaci slovní zásoby

Jak poměrně rozsáhlá a stále narůstající lingvistická literatura dokazuje, výrazný podnět k pohybu v oblasti pojmenování v současných spisovných jazycích představuje všeobecná tendence k internacionalizaci jejich slovní zásoby.¹ Přejímání a užívání cizích výrazů je totiž motivováno a vyžadováno každodenní komunikační praxí; přitom některá pojmenování ilustrují nejen mezijazykové, ale i kulturní kontakty či vlivy v různých oblastech, proto se někdy v širším kontextu mluví o přejímání nejen jazykovém, ale i o přejímání celých kulturních vzorů (modelů).

V současné etapě se internacionalizace u většiny jazyků projevuje internacionalismy především v médiích (publicistice), jejichž prostřednictvím se dostávají do povědomí lidí. Na rozdíl od odborné komunikace, v níž jsou internacionalismy nezbytnými prostředky pojmenování (a to tradičně, historicky, viz nejstarší mezinárodní terminologické soustavy vybudované na základě prvků z klasických jazyků v mnoha přírodních i humanitních oborech), slouží v publicistice především k rozšiřování, obohacování výrazových prostředků jazyka (navíc to bývají slova různé stylové platnosti) a k představení nového lexikonu širokému okruhu uživatelů. (Stylová neutralizace slov cizího původu se zároveň stává projevem internacionalizace). Přitom lze u uživatelů zaznamenat (pro češtinu a obdobně zřejmě pro jiné slovanské jazyky) posilování znalosti jak významu a forem internacionalismů, tak jejich kontextového zapojování. Důvodem je jednak obecně větší a běžnější (byť pasivní) znalost angličtiny (jazyka původu většiny nových internacionalismů), jednak s pro-

¹ Internacionalizace ve smyslu vlivu jedné skupiny jazyků na jiné, viz např. [Waszakowa 2005].

bíhající globalizací související četnější mezinárodní kontakty, komunikace a všeobecný rozhled.

Charakterizujeme-li nejnovější procesy vývoje slovní zásoby současných jazyků, značný počet konkrétních příkladů na jedné straně a relativně krátký časový úsek intenzivnějšího mezijazykového ovlivňování na druhé straně svědčí ve prospěch pojetí internacionalizace jako tendence spíše než stavu. V našem příspěvku se pokusíme tuto tendenci doložit pro současnou češtinu charakteristickými slovtvornými typy internacionalismů (především anglického původu) a připomenout některá teoretická pojetí, vymezení a označování jevů pro internacionalizaci charakteristických.

2. Typologie jazyka a cizí jazykové vlivy

Systémové jazykové tendence představující základ typologických změn jsou v současných slovanských jazycích rozvíjeny pronikáním typologicky cizích, zejména anglo-amerických prvků. V rovině lexikální a slovtvorné jsou dokladem těchto systémově-typologických procesů zejména analytické pojmenovací konstrukce, u flektivního jazyka zvyšující jeho aglutinačnost a analytičnost, popř. polysyntetičnost. Tyto konstrukce se tak jeví jako vhodný materiál k analýze faktorů ovlivňujících současnou internacionalizační a inovační procesy.

Konstrukce tohoto typu se vyskytují především v odborné komunikaci, v publicistice, ekonomii a politice. Pro ilustraci nejprve uvedeme příklady nových (neologických) a typologicky odlišných pojmenování v češtině podle těchto vybraných komunikačních oblastí, z nichž některé zároveň reprezentují nové, příp. inovované sféry společenského života. Značnou část těchto pojmenování tvoří víceslovné názvy (různé typy ustálených kolokací, pro odbornou oblast viz [Bozděchová 2009], tzv. kolokační termíny), jejichž celkový nárůst lze odůvodnit jednak komunikačními požadavky (explicitnost, jednoznačnost či přesnost vyjádření obsahu), jednak částečně u některých syntaktických typů možností neadaptovat (tj. zejména nesklouňovat) cizí prvky (viz pojmenování s anteponovaným atributem v podobě nesklonného výrazu).

2.1 Věda (oblast teoreticky-odborná)

V současné odborné české komunikaci lze zaznamenat zejména dva charakteristické jevy: 1. rostoucí počet odborných anglicismů lexikálních a slovtvorných, příp. syntaktických a textově-kompozičních (např. v letectví se většina odborných názvů z angličtiny nepřekládá); 2. zvyšování celkové hybridnosti, podporované zejména mechanickým přejímáním a citátovým užíváním cizích termínů, původem z klasických jazyků nebo nověji z angličtiny (blíže viz [Bozděchová 2009]):

intermediate B cell, bioavailability — biodostupnost, leukemia pre-B-cell chronic — leukémie pre-B-buněčná chronická, luteinizační hormon releasing faktoru, corticotropin-releasing hormon, MR-angiografie, GH-dependentní, regenerativní medicína, biotechnologie, biomateriály, biokompatibilní porezní hydrogely, personální monitorovací zařízení, umělé tkáňové implantáty, nanovlákná, superparamagnetické nanočástice, mononasyčené a polynasyčené tuky, spin-off firmy (= SOF), vědeckotechnický park, detektivně-voyeurská verze světa, informační systém datových schránek, flotila transportního letectva, transportní letoun, mediální globalizace, media linguistics;

v inervační zóně nervus safenus, komprese tepny při thoracic outlet syndromu, vznik typického blue toe syndromu

2.2 Masmédia a publicistika, reklama

Vedle zmíněného záměrného míšení pojmenování různého jazykového původu a stylové platnosti se v publicistice využívají lexikální a slovtvorné inovace také s funkcí upoutat, ozvláštnit nebo pobavit. Některé příklady však svou konfliktní povahou vzhledem k českému (morfologickému a syntaktickému) jazykovému systému hraničí s únosností (nebo dokonce i se srozumitelností):

losmánie, obamamánie, gamesmánie, Techmania science center, expoziční MáToHáček, hudební skladba Naokoland, Top ten týden, V. I. P.ky pipky, pseudocelebrity, billboard, mega akce roku, úspěšný come-back, supernabídka, dramatické snížení cen, dárkovna, televizní dancing, svět zábavy s O2 TV na dosah, Non-stop O2 Extra-liga, Česká pojišťovna play-off O2 extraligy, Nad pozemním parkovištěm Anděl City stojí dva multiplexy, supermarket a shopping galerie s food courtem (popis snímku v novinách).

Jazykově zvláštní a relativně nový fenomén představuje firemní řeč typická pro velké podniky, reklamu, firmy věnující se informačním technologiím (někdy označovaná jako *newspeak*). Slovní zásobu přejímá téměř výhradně z angličtiny, charakteristické jsou přitom anglické zkratky, užívané běžně např. v emailech, a to i mezi českými komunikanty. Pro rychlejší orientaci v odborných pojmech, zkratkách a anglicismech dokonce mnohé firmy připravují vlastní slovníky, které umísťují na svých intranetových stránkách (tzv. profesionální webhosting):²

(reklama) *Pod headline dáme bodycopy* (= Pod titulek umístíme text inzerátu);
IT-technik, FYI (= for your information), *ASAP* (= as soon as possible),
BRB (= be right back);
 agenturní pracovník — *contractor*, popis pozice — *job description*.

² Srov. obdobně tzv. *Eurospeak, Euro-English, EU-English*, česky též *eurojazyk*, tj. nová varianta angličtiny užívaná v orgánech Evropské unie, realizace pojmu angličtiny jako společného jazyka Evropy (blíže viz [Bozděchová 2006 / 2007]).

2.3 Ekonomika jako nadnárodní obor (finančnictví, bankovníctví, názvy profesí a povolání, profesní agentury):

S hospodářským rozvojem vznikají nové pracovní pozice, nabízené v inzerátech pracovních a personálních agentur.³ Jako prostředek jistého zlukrativnění mnoha pozic se běžně v pracovních inzerátech používají jejich anglické názvy, a tak se pracovní nabídky stávají pro běžné mluvčí srozumitelné ve velmi rozdílné míře. Navíc podoby v nich uváděné vykazují značnou formální rozkolísanost a nejednotnost (srov. např. pravopis, neustálenost pořadí a přejímání nesklonných atributů aj.):

obchodní manager; product manager; sales manager; manager zahraničního rozvoje; bankovní relationship manažer; ERP Consultant, software developer J2EE, Junior NET software developer; DWH developer, DWH analyst, DWH architect, PHP programátor; vývojář Oracle PL / SQL, software engineer Oracle, obchodník v IT, obchodní konzultant IT společnosti, programátor klientských aplikací MS Dynamics NAV, kreativní webdesigner-grafik, reprezentant úspěšného call centra, key account pro komplexní telekomunikační řešení, právník junior/koncipient, junior účetní/junior accountant, finanční účetní junior, senior VIP privátní bankéř.

2.4 Developerské firmy a reklama

V současném životě řady zemí zaznamenaly rozmach developerské společnosti; pro plnění jejich podnikatelských záměrů hrají důležitou roli vlastní názvy, a to hlavně při reklamních prezentacích (viz [David 2008]: tzv. jména prací či reklamní). Cílem je přilákat zájem o nově budované bytové komplexy a rezidence s důrazem na jejich novost, velkoměstský charakter či pozitivní hodnoty až exkluzivitu bydlení; její představu často umocňuje anglický název typu *city, centrum, hill, park, river, residence* apod.:

Nové Petřiny, Nové Zahradní Město, Neo Zličín, Neo Riviera, Neo-M-City, Chodovec City, Central Park (Praha), City Park Jihlava, Sun House, Zatlanka Hill, River Diamonds, Danube House, Prague Marina, River City Prague, stavebně obchodní společnost Happy Invest.

2.5 Elektrotechnika, telekomunikace

Internacionalismy anglického původu se již takřka tradičně uplatňují v pojmenováních v oblasti elektrotechniky a telekomunikace. Důvod je stále hlavně praktický: u příslušných produktů a služeb z anglo-amerických zemí zachovávat jejich původní názvy. Charakteristické je hybridní a zkratkově / značkově-verbální tvoření v rámci víceslovných pojmenování:

³ Viz např. Aditus: www.aditus.cz, Robert Half International: www.roberthalf.cz, www.jobs.cz aj.

dotykový displej, digitální kino, digitální technologie, digitální obraz, digitální anténa, digitální televize O₂ TV, 3D projekce, 3D snímky, 3D hřebenový filtr, Blue Ray disk, LCD televize, TV reklama, podpora Bluetooth handsfree, videosekvence s optickým zoomem, inteligentní detekce nastavení, full HD LCD televizor s integrovaným DVB-T a analogovým tunerem (rozlišení full HD), 4D kino s virtuální realitou, 2Mpix fotoaparát, 5Mpix fotoaparát s xenonovým bleskem.

2.6 Životní styl, sport, výživa

Proměny současné globalizující se reality velmi výrazně odrážejí nové, vesměs internacionální názvy týkající se moderního stylu života, názorů, postojů či hodnocení, přejímání jiných kulturních a společenských modelů, trendů apod.:

all inclusive, vizážista, showroom, fashion arena, hobby časopis, bowling, ski areál / skiareál, snowpark, park s halfpipe, boardercrossovými tratěmi, dlouhými skoky a raily, carvingové lyžování, Snowboard — Fun Park s boardcrossem, indoorový boot camp, bivač(ování), oldies, rapovat, gamesy, sitcom, infodeský, truck-centrum, elektromobil, bioaktivní Marin DIA, bioaktivní Selen + zinek, bioplyn, vibra belt + tukoměr, bageterie, whiskerie, creperie — palačinkárna, páje rajče — mozzarella (čína — kuře, mrkev — kuře), El-dům (sídlu pro podporu e-learningu), dům duševního zdraví, babyboxy, spotteři.

3. Procesy a pojetí adaptace cizích prvků v češtině

Závažnou teoretickou otázkou je samotná podstata adaptačních procesů; jde skutečně o adaptaci, nebo spíše o upravování, pozměňování cizích prvků? Podle některých názorů [Daneš 2002] je adaptace příliš slabé slovo, protože při ní jde o volné (někdy až libovolné) manipulování s cizími výrazy. Jazyky skutečně nepřijímají internacionalizační podněty pasivně, procesy adaptace cizích prvků jsou především v závislosti na typologické příslušnosti výchozího a přijímajícího jazyka rozdílně nutné a složité, a tedy u konkrétních přejímek a jejich (slovotvorných) typů realizované v nestejně míře: od přejímek zcela adaptovaných po citátová slova (u nichž k adaptaci směrem k přijímajícímu jazyku vlastně nedochází). Encyklopedický slovník češtiny rozlišuje *prejímky* jako lexikální výpůjčky a *kalky* jako výpůjčky onomaziologických modelů (při kalkování se výpůjčky slovotvorných, významových, syntaktických a pragmatických vzorů zdrojového jazyka naplňují lexikem přijímajícího jazyka) [Encyklopedický slovník češtiny 2002: 542]. F. Daneš řadí kalky mezi tzv. skryté xenismy ([Daneš 2002]; viz zde dále).⁴ Někdy se přejímky

⁴ Srov. též [Markowski 2000] (cit. podle [Dobrotová, 2004: 64]): přejímky evidentní a skryté (zapožyczenia jawne i ukryte).

a kalkování mohou uplatňovat vedle sebe (*Vánoce* — *Weihnachten*), v české lingvistice se mluví o hybridech. Adaptaci přejímek obecně znesnadňuje typologická odlišnost jazyků; tak je tomu v současné češtině především u anglicismů,⁵ a to právě vzhledem k odlišnosti analytické angličtiny a vysoce flektivní a slovtvorně produktivní češtiny. Neuspěje-li adaptace cizího prvku, naskýtá se [Kocourek 2001: 200] možnost slovtvorně kalkovat (a získat ekvivalent, a to někdy metaforický, někdy popisný apod.). Lze to ilustrovat na nových anglických pojmenováních *cyberbullying*, *electronic bullying*, *electronic harassment*, *e-bullying*, *SMS bullying*, *mobile bullying*, *online bullying*, *digital bullying* nebo *internet bullying* a jejich českých kalcích *kyberšikana*, *kybernetická šikana*, *počítačová šikana*.

Pro adekvátní popis kalkování v současné češtině vyvstává podle našeho názoru důležitá teoretická otázka a potřeba odlišení sémantického kalku od vývoje sémantiky u domácího slova. Srov. např. *bioavailability* — *biodostupnost*, *dream team* — *tým snů* oproti *přátelská cena* (= «příznivá», podle anglického adjektiva *user-friendly*), *EU Centrum buněčné terapie a tkáňových náhrad* a *Centrum excellence University Karlovy*, v.v.i. (*excellence* = knižně «výtečnost, vznešenost», jinak dnes běžné jen v titulech).

Kontakty mezi lidmi, jazyky a kulturami většinou podmiňují mezijazykové interference, jejichž výsledkem jsou v Danešově širším pojetí [Daneš 2002] tzv. *xenismy* (zjevné a skryté). Tento termín zavedl W. Moser ([Moser 1996], viz [Svobodová 2007]) pro jazykové (i nejazykové) prvky, které tím, že se odchylují od norem platných v daném prostředí, naznačují cizost (příp. pseudocizost); v užším smyslu jsou takto chápány pouze odchylky internacionální, vzniklé úmyslnou imitací cizosti, kdy jsou mluvčí i adresáti schopni rozpoznat odlišnost od normy a jsou si vědomi, že «chyba» vznikla převzetím z normy platné v jiném jazyce nebo jejím napodobením (proto se často využívají k jazykové komice).

Terminologicky rozlišuje či upřesňuje vymezení přejatých lexikálních jednotek neboli přejímek od výpůjček H. Srpová [Srpová 2001: 227], a to zohledňováním aspektu «vrácení» takové výpůjčky. Jinak problematiku výpůjček chápe Nevena (viz [Bozděchová 2006 / 2007]): vychází z předpokladu, že v tomto procesu hraje přejímající jazyk aktivní roli, tzn. má schopnost tvořit blízké lexikální kopie příslušných slovtvorných modelů přejímek. Protože tyto kopie zcela náležitě přijímajícímu jazyku, výpůjčky vlastně nikdy neopouštějí zdrojový jazyk.⁶ Proto také nelze očekávat, že v něm zachovají formální

⁵ Za anglicismy se zpravidla považují výpůjčky slov anglického původu v jiných jazycích.

⁶ K pojetí výpůjčky viz též [Oxford Companion 1998: 80]: «the term itself is a misnomer: ...the item borrowed never left the source language».

a sémantické vztahy z výchozího jazyka. Dochází tak ke ztrátě jejich transparentnosti, tj. vnitřní motivace. Volně se pak rozvíjejí, zejména sémanticky podle sociálně-kulturních potřeb nového jazykového společenství, viz v češtině např. neofrazeologismy *pozvat někoho na drink, dát si drink* (vedle domácích frazeologismů *pozvat někoho na skleničku, dát si skleničku*) — nikoliv však *pozvat někoho na nápoj, dát si nápoj*. Obdobně konstatuje např. N. Klimenkova [Клименко 2009], že internacionalizace slov a jejich částí má zvláštnosti podmíněné národními tradicemi osvojování cizojazyčného materiálu. Otázkou podle našeho názoru je, zda a příp. do jaké míry se tyto tradice v současné češtině neoslábují nebo v budoucnu neoslábí, jaké faktory to mohou ovlivnit apod.? V současnosti se totiž např. značně rozvíjejí a proměňují slovesné derivace a mezi neologismy narůstají slovesa s cizími základy a slovesa adaptovaná (viz např. *implementovat, designovat, predigovat, generovat, transferovat*).⁷ V každém případě by se během procesu adaptace měla především vyjasňovat funkčnost přejímek, tzn. vymezit jejich místo v domácím jazykovém systému (v jeho slovníku).

4. Typologie a změny v pojetí a rozsahu českého slova a flexe

Změny v pojetí a rozsahu slova a deklinace naznačují formálně zvláštní (nehomogenní) cizí, přejaté, příp. nově v češtině utvořené názvy, zejména v odborné oblasti, reklamě a publicistice (*časná pre-B akutní lymfoblastová leukémie, v neoplastických H-RS buňkách*); vzhledem k narůstající produktivitě i užívání těchto názvů (z hlediska systému dosud okrajových) se těmto inovacím věnuje stále větší pozornost a posuzují se především v kontextu profilování nových slovtvorných (nelexikálních) komponentů v neologické vrstvě současné slovní zásoby.

Některé adaptační změny při přejímání cizích prvků se dotýkají samotné typologie češtiny, a to jak ve flexi, tak ve slovtvorbě (derivaci). Dokonce naznačují jistou tendenci posilovat rysy charakteristické pro jazyky typologicky odlišné, zejména analytické. Právě analytický (izolační) typ jazyků je pro přejímání cizích prvků obecně nejotevřenější; v současné češtině tento typologický rys posilují anomální kombinace internacionálních a domácích prvků. Vyskytují se především čtyři typy: 1. víceslovná pojmenování s anteponovaným atributem v podobě nesklonného výrazu (*web server, SMS zpráva, IT specialista*), 2. hybridní složeniny s nezapojeným členem, zpravidla na prvním místě (*vitamin D-dependentní, koagulóza-negativní stafylokok*), 3. analytické derivace od zkratk

⁷ Jak zaznamenává D. Svobodová, v některých českých komunikátech s velkým zastoupením anglicismů se začínají objevovat jako jazykově velmi specifický prostředek i neohebné tvary sloves v původní anglické formě (*kick mě pls; try Google; vo co go*) [Svobodová 2008]. Viz též [Martincová 2005].

(*SMSkování, Djovat, V. I. P.ky, ódésné*), 4. nové slovtvorné komponenty včetně jednopísmenných a prvků nelexikální povahy (*3D animovaný snímek, H-RS buňky, H⁺/K⁺ ATPáza, CD8+lymfocyty, software engineer J2EE*). Společným rysem těchto pojmenování je syntaktická slovnědruhová (příp. morfologická) adaptace cizích prvků (jejich povaha, převážně adjektivní, vyplývá z kontextu), jde tedy o sdružená analytická pojmenování a o analytickou adjektivní funkci (srov. [Daneš 1985], «slovosledná adjektivizace» substantiv; [Sixtová 2003], adjektiva konvertovaná z přejatých substantiv). Protože jsou tedy do češtiny tyto slovnědruhově nevyhraněné cizí prvky přejímány pro funkci určitého (daného) slovního druhu (a s konkrétním významem), dochází k funkční změně jejich původního analytického charakteru v syntetický bez formálních (slovtvorných, derivačních) změn, viz např. *CNC obráběcí stroje* (*CNC* = Computer Numerical Control, číslicové řízení pomocí počítače), *DVD systém, senior VIP privátní bankéř*. V těchto spojeních dochází mnohdy k porušování valenčních vazeb, pro spisovný jazyk nepřijatelnému, viz např. *inzulindependentní, vitamin D-dependentní, koaguláza-negativní stafylokoky x dependentní na, negativní na* apod. K syntaktické adaptaci někdy dochází paralelně s derivací příslušných adjektiv, srov. *blog systém* (analytické adjektivum) — *blogovací systém, blogový příspěvek, infocentrum* — *informační centrum* apod.

Vzhledem ke složitosti a relativní novosti těchto jevů a procesů je obtížné přesněji vymezit jejich charakter a podstatu, neboť jak konstatuje J. Kořenský: «lze někdy stěží rozpoznat, zda se při využívání syntagmatických struktur pojmenování jedná o proces frekvenčně-quantitativních přesunů, nebo už o určité kvalitativní vývojové tendence» [Kořenský 2001: 70]. Dokládá to i značný zájem lingvistů o tato pojmenování, byť jsou dosud označována a vymezována různorodě, srov. názvy motivované formálně i funkčně: *pojmenování s morfologicky neztvárněným jménem (adjektivem) nebo jeho zkratkou v antepozici k determinovanému substantivu, pojmenovací útvary se slovem v úloze určovaného členu a morfologicky neztvárněným, nevyhraněným výrazem («kvazislovem»⁸), pojmenování s neshodným přívlastkem (různé morfologické povahy) nebo akronymem v postavení před rozvíjeným substantivem, sdružená analytická pojmenování, pojmenování s nezapojeným členem na prvním místě složenin, izafet / izafetové konstrukce* ([Костомаров 1996], cit. podle [Sixtová 2003: 105]), *amalgamáty* ([Waszakowa 2007], viz též *blending*), *kombinace slova a symbolu, simvoloslova* [Даниленко 1977], *anomální kombinace internacionálních a domácích prvků, víceslovná pojmenování se zkratkou, kolokace se zkratkou, iniciálová, příp. značková abreviační kompozita* aj. Četnost, relativní produktivnost i potenciální funkčnost těchto pojmenování vyvolává i přes zmíněnou složitost potřebu sjednotit lingvistickou terminologii pro jejich popis.

⁸ [Martincová 2005: 218].

5. Internacionalizace slovní zásoby a konfrontační slovtvorba

Paralelní procesy internacionalizace se v současných slovanských jazycích projevují vytvářením korelačních přejatých sémantických i slovtvorných systémů a podsystémů. Naznačují to výsledky studia internacionalizace v dílčích jazycích i konfrontačně (viz např. sborníky vydávané Komisí pro slovanskou slovtvorbu při Mezinárodním komitétu slavistů nebo internetový seminář Projevy internacionalizace ve slovanských jazycích, 27.2.2009). Užitečným se tak stává porovnávat procesy internacionalizace např. z hlediska: 1) profilování nových slovtvorných (i nelexikálních) komponentů (viz výrazné, především internacionální slovtvorné prostředky — afixoidy, členy kompozit, tj. prostředky typologicky na pomezí aglutinace a polysyntézy, srov. *eurotrojka*, *euorealismus*, *autoboom*, *autokosmetika*, *bioodpad*, *biozátež*); 2) analogičnosti tvoření (např. čeština nevyužívá konverze do takové míry jako méně flektivní polština, viz [Lotko 2002]), 3) síly existujících modelů (*meeting room* → *mítingáč*, srov. *zasedací síň* → *zasedačka*; *beerarium* («prezentace piva a jeho historie»), 4) derivačního potenciálu cizích slov (*velikonoční kyberpůst* — kampaň proti posílání SMS v Itálii), 5) značkovosti abreviatur a jejich funkčnosti (*opt-out* — «možnost vyvázání se plně či částečně ze státního důchodového systému»)⁹ apod.

6. Závěr

V procesu internacionalizace národní jazyky obohacují vlastní výrazové možnosti adaptací nebo napodobením cizích prostředků.¹⁰ V současné době se v češtině (a ve slovanských jazycích) potvrzuje posilování analytických rysů, tj. prosazují se syntaktické (analytické) prostředky pojmenování, které umožňují neskloňovat cizí prvky (šíře neadaptovat je, vyjma grafické a hláskové adaptace). V důsledku toho se celkově posiluje tendence k oslabování či ztrátě flexe. Výskyt, opakování a frekvence vesměs anomálních kombinací internacionálních a domácích prvků (včetně hybridních slov) v komunikaci podmiňuje jejich integraci, rozhodujícím však zůstává funkční potenciál těchto inovací. Pro teorii pojmenování a slovtvorbu vyvolávají současné internacionalizační procesy řadu otázek obecně typologických (např. pronikání cizích prvků a oslabování povědomí uživatelů o jazykových normách a jejich závaznosti, opakovaný výskyt a frekvence jako stupeň integrace cizích prvků) i dílčích (např. vázanost cizích prvků na jednotlivé slovní a slovnědruhové

⁹ Do slovanských jazyků se abreviatury dostávají v souvislosti s procesem internacionalizace hlavně z angličtiny, která více tíhne k značkovosti a monosylabismu. Viz dále též [Lotko 2002].

¹⁰ Jak zaznamenává D. Svobodová, některé jazyky tak nabyly vysloveně hybridní povahy, např. angličtina [Svobodová 2007: 8].

formy, jejich zapojování v pojmenováních podle volného slovosledu v textu a ve vztahu k narůstající hybridizaci apod.). Na některé souvislosti mezi typologií jazyka a jeho otevřeností vůči vlivu cizích jazyků jsme se pokusili v tomto příspěvku stručně poukázat.¹¹

Literatura

- Bozděchová I.* Vliv angličtiny na češtinu // Daneš F. a kol. Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997.
- Bozděchová I.* Konference o anglicismech v Evropě // Český jazyk a literatura. 2006/2007. Č. 4.
- Bozděchová I.* Současná terminologie (se zaměřením na kolokační termíny z lékařství). Praha, 2009.
- Daneš F.* Faktor Rh//Rh-faktor//Rh faktor // Naše řeč. 1985. Č. 4.
- Daneš F.* Xenizmy v dnešní češtině // Čeština — univerzália a specifika 4. Praha, 2002.
- Dobrotová I.* K problematice internacionalizace // Stałość i zmienność w języku i literaturze czeskiej XX wieku. Konstanty a proměny v českém jazyce a literatuře XX. století: Sborník referátů z mezinárodní konference konané 15.–16.5.2003 ve Wałbrzychu / Red. M. Balowski, J. Svoboda. Wałbrzych; Ostrava, 2004.
- Encyklopedický slovník češtiny / Eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha, 2002.
- Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. a kol.* Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava, 1989.
- Internacionalizmy v nové slovní zásobě: Sborník příspěvků z konference. Praha, 16.–18. června 2003. Praha, 2003.
- Kořenský J.* Čeština a čas // Čeština — univerzália a specifika 3. Brno, 2001.
- Lotko E.* O některých vývojových tendencích v současné slovní zásobě a jejich příčinách (na materiálu češtiny, slovenštiny a polštiny) // Slovanské studie. Studia Slavica V. Ostrava, 2002.
- Martincová O.* K popisu dynamiky slovtvorného systému // Rozumět jazyku: Sborník PF UK. Praha, 1995.
- Martincová O.* Nová slovesná pojmenování // Neologizmy v dnešní češtině / Eds. O. Martincová, A. Rangelova, J. Světlá. Praha, 2005.
- Mitter P.* Kompozice v kontextu současné češtiny. Ústí nad Labem, 2006.
- Mravinacová J.* K problematice neosémantizmů internacionální povahy // Varia XI: Zborník materiálů z XI. kolokvia mladých jazykovedcov (Spišská Nová Ves 28.–30.11.2001). Bratislava, 2004.
- Mravinacová J.* Problémové případy morfologické adaptace anglicizmů // Jazykovědné aktuality. 2001. Č. 3.

¹¹ Text vznikl v rámci grantového projektu VZ MSM 0021620825 «Jazyk jako lidská činnost, její produkt a faktor».

- Oxford Companion to the English Language. Oxford, 1998.
- Rusínová Z. Slovtvorná adaptace přejatých slov a její povaha // Čeština doma a ve světě. 2002. Č. 4.
- Sitová H. K otázce adjektiv ovlivněných angličtinou v češtině a bulharštině // Internacionalizmy v nové slovní zásobě. Sborník příspěvků z konference. Praha, 16.–18. června 2003 / Eds. Z. Tichá, A. Rangelova. Praha, 2003.
- Skalička V. Slovní zásoba a typologie. Výpůjčky a typologie // Skalička V. Souborné dílo. D. III. Praha, 2006.
- Srpová H. Impakt sociálních faktorů na vývoj českého lexika konce 20. století // Język i literatura czeska u schyłku XX wieku. Český jazyk a literatura na sklonku 20. století / Red. M. Balowski, J. Svoboda. Wałbrzych; Ostrava, 2001.
- Svobodová D. Internacionalizace současné české slovní zásoby. Ostrava, 2007.
- Svobodová D. Současná situace a proměny v oblasti cizojazyčných přejímek v českém jazyce se zaměřením na verbální derivace // Český jazyk a literatura v evropském kulturním kontextu. Język i literatura czeska w europejskim kontekście kulturowym / Red. M. Balowski, J. Svoboda. Racibórz, 2008.
- Waszakowa K. Przejawy tendencji do internacjonalizacji w systemach slowotwórczych języków zachodniosłowiańskich // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Slowotwórstwo / Nominacja. Red. nauk I. Ohnheiser. Universitat Innsbruck — Uniwersytet Opolski, Opole, 2003.
- Waszakowa K. Przejawy internacjonalizacji w slowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa, 2005.
- Даниленко В. П. Русская терминология. М., 1977.
- Клименко Н. Ф. Национально-языковые особенности освоения интернационализмов (на материале современного украинского и новогреческого языков) // Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich / Red. E. Koriakowcewa. Siedlce, 2009.
- Костомаров В. Г. «Изафет» в русском синтаксисе словосочетания? // Словарь. Грамматика. Текст / Отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. М., 1996.

Ивана Боздехова

Тенденция к интернационализации и тип чешского языка

1) Современное развитие литературных языков и всеобщая тенденция к интернационализации словарного состава

Интернационализация современных литературных языков как влияние одной языковой группы на другие (ср. [Waszakowa 2005]) являет собой значительный

динамический импульс в области номинации (см., например, увеличение композиционных образований и гибридность словарного состава). В нашей статье интернационализация современного чешского языка освещается в контексте синтаксических, словообразовательных, а также орфографических инноваций на примере характерных словообразовательных типов интернационализмов (прежде всего заимствованных из английского языка).

2) Типология языка и языковые влияния

Системные тенденции, представляющие основу типологических изменений современных славянских языков, развиваются в них путем проникновения типологически чуждых, инородных, в основном англо-американских элементов. На лексическом и словообразовательном уровнях проявлением этих системно-типологических процессов являются прежде всего аналитические номинативные конструкции, повышающие у флективного языка его агглютинативность и аналитичность, а также полисинтетичность. Таким образом, эти конструкции представляют собой выгодный материал для анализа факторов, оказывающих влияние на современные интернационализационные и инновационные процессы. Выбор разработанной нами темы — номинация в области науки — является свидетельством того, что аналитичность подкрепляет точность значения выражений и может вести (например, при заимствовании иноязычных номинаций) к устранению многозначности. Предпочтение и акцентация научных терминов (включая профессионализмы) проявляется в их экспансии не только в научной сфере, но также в публицистике, экономике, политике или рекламе.

3) Процессы и трактовка адаптации иноязычных элементов в чешском языке

Разный типологический статус английского (источник заимствований) и чешского (реципиент) языков, а именно высокая флективность и словообразовательная продуктивность последнего, осложняет адаптацию англицизмов в чешском языке. И действительно, идет ли речь об адаптационных процессах или скорее о коррекции, изменении инородных элементов? В нашей статье приводится краткий обзор основных лингвистических терминов и корреспондирующих с ними понятий (*адаптация, англицизмы, ксенизмы, гибридные образования, цитатные слова* и др.).

4) Типология и изменения понимания и границ чешского слова и флексии

Адаптационные изменения при заимствовании иноязычных элементов могут проявиться в типологии чешского языка (см. их отражения в окончаниях, деривации или же в тенденции к укреплению характерных для аналитических языков черт). Фиксация новых типов таких номинаций в разных коммуникативных сферах современной чешской речи (преимущественно в научной), дополнена обзором

ром и рассмотрением лингвистической терминологии, используемой при их выделении и определении.

5) Интернационализация словарного состава и сопоставительное словообразование

Интернационализация в современных славянских языках проявляется в образовании коррелятивных заимствованных семантических и словообразовательных систем. Полезным представляется и в будущем сравнивать, например, выделенные новые словообразовательные (не обязательно лексические) компоненты, аналогичность образования и активность существующих моделей, деривационный потенциал заимствованных слов, маркированность и функционирование аббревиатур и т. п.

Е. И. Коряковцева (Москва – Седльце)

Инновации в словообразовании русских, польских и чешских *nomina abstracta*

Одной из актуальных проблем славянской дериватологии является исследование закономерностей эволюции словообразовательных систем славянских языков, определение причин сходства или различия словопроизводственных процессов, развертывающихся в аналогичных микросистемах, выявление факторов, определяющих характер инноваций. В исследовании инновационных процессов особое место занимает абстрактная, «интеллектуальная» лексика, поскольку она быстрее и ярче других лексических пластов реагирует на качественные изменения этнического языка, а тенденции ее развития всегда отражали особенности эволюции национально-языкового сознания (ср.: [Тяпко 2003: 231], [Мальцева, Молотков, Петрова 1975: 10]). Выбирая в качестве объекта исследования русский, польский и чешский языковой материал, мы руководствовались замечаниями академика В. В. Виноградова по поводу основного словарного фонда славянских языков. Анализируя его состав, В. В. Виноградов, вслед за В. Кипарским, подчеркивал тесную связь русского, польского и чешского языков в сфере абстрактной лексики [Виноградов 1977: 45]. Исходя из того, что эта связь должна существовать и на уровне инноваций, мы решили сопоставить русские, польские и чешские *nomina abstracta* с изофонными суффиксами *-ость, -ość, -ost; -изация, -izacja, -izace; -овка, -лка, -ówka, -ka; -ovka*, которые появились в рамках динамично развивающихся общеславянских словообразовательных типов. Учитывая ограниченность объема статьи, рассмотрим следующие вопросы: 1) типы модальных абстрактных имен с изофонными суффиксами *-ость, -ość, -ost*; 2) особенности словопроизводства *nomina actionis* с финалями *-изация, -izacja, -izace*; 3) специфика новых существительных с суффиксами *-овк(а), -лк(а), -ówк(а), -к(а), -овк(а)*.

1. Именные модальные предикаты были обнаружены нами в результате синхронно-диахронического анализа в границах словообразовательного типа русских имен на *-ость* [Коряковцева 1998: 166–177]. Дальнейшее исследование показало, что классификация по признаку ‘характер устанавливаемой достоверности’ может быть применена не только

к глаголам и к русским именным предикатам с формантом *-ость*: в кругу польских *nomina abstracta* также противопоставлены друг другу реальные и модальные предикаты [Korjakowsewa 2007]. Выясняя степень распространения оппозиции «реальные — модальные производные *nomina abstracta*» в иных славянских языках, мы обратились к анализу *nomina abstracta* с изофонным суффиксом *-ost-*, появившихся в современном чешском языке.

О словообразовательных инновациях можно судить, на наш взгляд, только после проведения синхронно-диахронического анализа исследуемого класса дериватов¹. Такой анализ, учитывающий семантические, словообразовательные и грамматические особенности русских и польских *nomina abstracta* с суффиксами *-ость* и *-ość*, показал, что наряду с «чистыми» *nomina qualitatis* с древнейших времен существуют классы слов со значением состояния, действия, свойства-состояния, действия-качества (так проявляется взаимодействие категорий производных *nomina actionis* и *nomina qualitatis* в рамках макрокатегории *nomina abstracta*). Представим ниже в общих чертах результаты синхронно-диахронического исследования русских и польских *nomina abstracta* с изофонными суффиксами *-ость* / *-ość*, в кругу которых появились модальные предикаты. Данные словарей старочешского языка, которые позволили бы судить об истории *nomina abstracta* с изофонным формантом *-ost*, нам недоступны, поэтому в данной статье ограничимся рассмотрением их истории в период с XIX до начала XXI века.

1.1. Процессуальные значения действия и состояния отмечаются у русских существительных с финалями *-ость*, *-ность*, *-енность*, *-есть*, образованных от отглагольных прилагательных и страдательных причастий прошедшего и настоящего времени. *Nomina actionis* с суффиксом *-ость*, мотивированные отглагольными прилагательными, в русском языке XX века представлены весьма скромно, в основном окказионализмами и индивидуально-авторскими словами, ср.: *заскорузлость* (1989 г.), *захирелость* (1905 г.), *захудалость* (1984 г.), *остервенелость* (1933 г.), *пьяность* (нач. XX в., К. Бальмонт) [Jelitte 1990], [Jelitte 1991].

Пик продуктивности словообразовательного типа (СТ) «отглагольное прилагательное с суффиксом *-л-* + суффикс *-ость* со значением действия

¹ Ср. с высказыванием Н. Савицкого: «Мы, таким образом, приходим к несколько парадоксальному, но для людей, знакомых с диалектикой, отнюдь не неожиданному выводу, что для того, чтобы установить, что же в данном синхронном срезе реально существует как факт языка, мы должны выйти за пределы этого строго синхронного среза и посмотреть, что же все-таки в языке происходит, а не только, что в нем есть» [Савицкий 1987: 86].

(состояния)» пришелся на старорусский период, когда появились существительные типа *выгорѣлость* ‘выгорание’, *высохлость* ‘изнурение, сухость, высыхание’, *дозрьѣлость* ‘полное созревание, зрелость’, *загни-лость* ‘порча, гниение’, *засъхлость*, *затухлость*, *затѣхлость*, *зрьѣлость* ‘зрелость, созревание’, *поспѣлость* ‘созревание’, *унылость*.

В русском языке XVIII века СТ «отглагольное прилагательное + суффикс *-ость* с процессуальным значением» был малопродуктивным. В качестве мотиваторов выступают уже не только отглагольные прилагательные с суффиксом *-л-*, но и отглагольные прилагательные с суффиксами *-енн-*, *-н-*, *-тельн-*, *-чив-*, ср.: *вспыльчивость*, *дѣйственность*, *дѣятельность*, *задумчивость*, *застылость*, *надеятельность*, *обветшалость*, *обнадеженность*, *оцепенелость*, *подчинительность*, *смутность*, *сомнительность*, *улежалость* [Коряковцева 1998: 168–170].

В первой половине XIX века имена действия с суффиксом *-ость* образовывались от девербальных прилагательных в очень незначительном количестве. Новообразования этого времени (*замечательность*, *искательность*, *отражательность*, *повелительность*, *страдательность*) имели яркие глагольные значения отвлеченного действия, иногда полностью совпадающие со значениями имен на *-ние*; реже они обозначали способности или склонности к выполнению действия.

Во второй половине XIX века произошла смена словопроизводительной базы *nomina actionis* с суффиксом *-ость*: в качестве производящих слов в основном стали выступать окачественные и неокачественные страдательные причастия настоящего и прошедшего времени. В XIX веке по словообразовательному типу «страдательное причастие прош. вр. + суффикс *-ость* со значением состояния» образованы слова *вдуманность*, *взбудораженность*, *взвинченность*, *взволнованность*, *дозволенность*, *изнуренность*, *изолированность*, *оскорбленность*, *отчужденность*, *расслабленность*, *растерянность* [Jelitte 1987], [Jelitte 1988]. Эти существительные формально и семантически мотивированы страдательными причастиями прошедшего времени; мотивация глаголом характерна только для имени состояния *вдуманность* ‘состояние того, кто вдумался в суть происходящего’ (страдательное причастие прошедшего времени от глагола *вдуматься* не образуется).

Модальные предикаты с финалью *-мость*, обозначающие возможность проявить действие или способность произвести действие в отношении какого-либо объекта, стали регулярно появляться в русском языке с XIX века. Именно в этот период отмечены такие новообразования, как *видимость*, *возбудимость*, *заболеваемость*, *колеблемость*, *ожидаемость*, *осуществимость*, *осязаемость*, *пробываемость*, *проводимость*,

растворимость, растворяемость, растяжимость, расширяемость, решимость, совместимость, утомляемость и др. [Jelitte 1990].

В XX веке в язык вошли десятки новых дериватов на *-мость* со значением пассивной гипотетической процессуальности и активной потенциальной процессуальности: *адаптируемость, автоматизируемость, варьируемость, вживимость, возобновляемость, выделяемость, затопляемость, испаряемость, излучаемость, стираемость, караемость, контролируемость, моделируемость, наблюдаемость, обдумываемость, объединяемость* и др. [Jelitte 1991].

Существительные на *-мость* со значением потенциальной активной процессуальности образуются, как правило, от страдательных причастий настоящего времени, восходящих к возвратным глаголам, ср.: *адаптируемость* ‘способность *адаптироваться*’, *членимость* ‘способность *члениться*’. Существительные на *-мость* со значением гипотетической пассивной процессуальности образуются от страдательных причастий наст. вр., связанных с переходными глаголами: *автоматизируемость* ‘возможность быть *автоматизируемым*’, *наблюдаемость* ‘возможность быть *наблюдаемым*’. Имена на *-мость* со значением потенциальной активной и гипотетической пассивной процессуальности формально мотивируются причастиями (непосредственная мотивация), семантически — глаголами (опосредованная мотивация). В ряде случаев существительные на *-емость, -мость* образуются непосредственно от глагольных основ, ср.: *вживимость* < *вживить*, *выразимость* < *выразить*, *заболеваемость* < *заболеть*, *пребываемость* < *пребывать*, *приспособляемость* < *приспособлять*, *решимость* < *решиться*, *сопротивляемость* < *сопротивляться*, *успеваемость* < *успевать*, а также новообразования начала XXI века: *вработываемость* (< *вработываться*) ‘способность быстро включаться в работу’, *откликаемость* (< *откликаться*) ‘повышенная возбудимость как показатель эмоциональной неустойчивости индивида’. Однокоренные причастия страдательного залога настоящего времени типа **заболеваемый, *успеваемый, *вработываемый, *откликаемый* и т. п. не могут быть образованы, и, следовательно, в современном русском литературном языке сформировался новый продуктивный и активный СТ «глагол + *-емость / -мость* со значением способности к действию / состоянию».

1.2. В польском языке условия словопроизводства именных модальных предикатов с изофонным суффиксом *-ość* были сходными, но не идентичными условиям образования подобных *nomina actionis* в русском языке. В старопольском языке отмечены 40 имен действия с формантом *-ość*, образованных от прилагательных различной структуры и семантики: *kwapliwy* ‘попешный’ → *kwapliwość* ‘спешка’, *omierzliwy* ‘омерзительный’

→ *omierzliwość* ‘омерзение’, *pierzchliwy* ‘гневный’ → *pierzchliwość* ‘гнев’, *opuściaty* ‘опустевший’ → *opuścianość* ‘опустошение’, *szluzebny* ‘служащий’ → *szluzebność* ‘служба’ и др. [Słowotwórstwo 1996: 100–102]. Старопольские имена действия с формантом *-ość* вступали в синонимические отношения с существительными на *-nie* (ср.: *lekkoważność* — *lekceważenie* ‘пренебрежение’, *opuścianość* — *pustoszenie* ‘опустошение’), а затем, как правило, выходили из языка, не выдержав конкуренции с высокопродуктивным специализированным типом. В конце XIX века продуктивность форманта *-ość* резко возросла, что было вызвано интенсивным развитием науки, нуждавшейся в терминах — абстрактных существительных [Długosz-Kurczabowa 1999: 375]. В это время расширяется деривационная база имен на *-ość*: они начинают образовываться от прилагательных с суффиксом *-alny* [Czopek 1978], который возник в результате контаминации суффикса действительных причастий прошедшего времени *-al(y)* и суффикса *-n(y)*, служившего для образования т. н. predisпозиционных прилагательных со значением ‘такой, который мог быть подвергнут действию, названному однокоренным глаголом’ (*uleczny* ‘такой, которого можно вылечить’, *pitny* ‘такой, который можно пить’). К XX веку многозначный и полифункциональный суффикс *-n(y)* был вытеснен монофункциональным суффиксом *-aln(y)*, обладавшим более выразительной структурой [Rospond 2000: 111–112], в которой элемент *-al-* сохранял перфектное значение, присущее действительным причастиям прошедшего времени, ср.: *jadalny* < *jadać* ‘тот, который неоднократно ел и потому известно, что данный объект можно есть’.

В XX веке в польском языке окончательно сформировался класс особых отглагольных прилагательных с формантом *-alny*, обозначающих признак пассивного, вероятностного действия. Этот класс форм стал своеобразным субститутом категории страдательных причастий настоящего времени, утраченной еще в древности (малочисленные дериваты с формантом *-omy* типа *niewidomy* ‘незрячий’, *widomy* ‘зрячий’, *świadomy* ‘сознательный’, *znajomy* ‘знакомый’ обозначают статический признак). Predisпозиционные прилагательные с суффиксом *-alny*, называющие пассивные потенциальные признаки, регулярно образуются, как правило, от переходных глаголов несовершенного вида. По своему значению они очень близки русским страдательным причастиям настоящего времени, ср., например: *dopuszczalny* — *допускаемый*, *dostrzegalny* — *воспринимаемый*, *karalny* — *караемый*, *kontrolowalny* — *контролируемый*.

Регулярное образование во второй половине XX в. прилагательных с формантом *-alny* стимулировалось развитием научного прогнозирующего мышления, нуждающегося в семантически сложных обозначениях

вероятностных свойств. В [Komputerowy słownik 2001] зафиксировано 137 прилагательных на *-alny*. Значительная часть этих прилагательных — термины науки и техники, например, *spawalny* ‘dający się spawać’ (‘такой, который можно подвергнуть сварке’), *zniszczalny* ‘podlegający zniszczeniu, mogący być zniszczonym’ (‘такой, который можно уничтожить’) и др. На базе прилагательных с формантом *-alny* почти автоматически образуются транспозиционные дериваты на *-ość*, называющие состояния как возможность стать объектом действия. Более 100 прилагательных с суффиксом *-aln(y)* являются базой для образования абстрактных существительных с формантом *-ość*, имеющих значение активной потенциальной или пассивной гипотетической процессуальности. Эти существительные находятся в оппозиции к именам на *-nie* по признаку «достоверность / вероятность», ср.: *spawanie* ‘сваривание, сварка’ — *spawalność* ‘способность подвергаться сварке’, *zniszczenie* ‘уничтожение’ — *zniszczalność* ‘возможность быть уничтоженным’ (ср.: *kontrolowanie* — *kontrolowalność*, *ciągnięcie* — *ciągalność*). Семантическая реинтерпретация таких дериватов актуализировала глагольную мотивацию, в результате чего выделился вторичный протяженный суффикс *-alność*, с помощью которого в научно-техническом стиле и профессиональной речи образуются имена действия со значениями: 1) ‘состояние как способность к действию’ (активная потенциальная процессуальность): *dożywalność* ‘возможная способность дожить до определенного возраста’ (< *dożyć*), *plywalność* ‘возможная способность держаться на плаву’ (< *plywać*), *powtarzalność* ‘повторяемость’ (< *powtarzać się*), *zachorowalność* ‘заболеваемость’ (< *zachorować*), *zapadalność* ‘заболеваемость’ (< *zapadać*); 2) ‘возможность стать объектом действия’ (гипотетическая пассивная процессуальность): *obciążalność* ‘возможность быть нагруженным чем-л. — о строительных конструкциях’ (< *obciążać*), *oglądalność* ‘исследованная статистиками возможная способность быть просмотренным зрителями — о телевизионных программах’ (< *oglądać*), *używalność* ‘возможность чего-л. быть использованным’ (< *używać*) и др.

Направление эволюции польских имен действия на *-ość* таково: от отадективных имен действия, обозначающих синкретичное состояние-свойство, действие-качество, к именам действия (состояния) на *-ość*, образуемым от прилагательных со значением потенциальной пассивной процессуальности, передающим модальные значения, а затем, как и в русском языке, — к отглагольным именам действия со вторичными протяженными суффиксами.

1.3. Авторы «Исторической грамматики чешского языка» описывают абстрактные существительные с суффиксом *-ost* как *jména vlastnosti*

(*nomina qualitatis*) со значением отвлеченного качества или свойства [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 277–280]. Как экспликат исключительно категориального словообразовательного значения *nomina qualitatis* суффикс *-ost* рассматривается и в работах по словообразованию современного чешского языка (см. [Šmilauer 1971], [Rusínová 1993], [Hubáček 1996]). Однако выборка из словарей [Nová slova 1998] и [Nová slova 2004], а также базы словарных данных Института чешского языка АН ЧР, как и поиск с помощью интернет-системы «Google» подтвердили наше предположение о существовании в современном чешском языке модальных *nomina abstracta* на *-ost*. Большинство выявленных нами производных существительных на *-ost* со значением потенциальной пассивной процессуальности образованы от predisпозиционных прилагательных на *-telný*. Поиск в базе словарных данных показал, что модальные *nomina abstracta*-термины были известны чешскому языку еще в первой трети XIX века: *hojitelnost* ‘schopnost zahojiti se’ (1828 г.); *klíčitelnost* ‘biol. schopnost klíčiti, klíčivost’ (1848 г.); *smířitelnost* ‘ochota, sklon k smíření, smířlivost’ (1829 г.) Второй половиной XIX века датируются термины — модальные *nomina abstracta* со значением способности к действию *rozložitelnost* ‘schopnost býti rozložen’ (1878 г.), *žalovatelnost* ‘možnost žalovati někoho n. něco’ (1893 г.). В [Příruční slovník 1935–1957] отмечены также *kvasitelnost* ‘schopnost zkvašovati rychle a hluboko’, *naříkatelnost* ‘práv. možnost býti právně napadán’, *nenaučitelnost* ‘nemogućnost býti učením osvojen’, *plavitelnost* ‘schopnost k plavení’, *porušitelnost* ‘možnost býti porušen’ и др.

Словарями [Nová slova 1998] и [Nová slova 2004] зафиксированы еще 12 неологизмов — модальных имен действия на *-telnost*. Это преимущественно технические, компьютерные термины с категориальным значением ‘возможность подвергнуть(ся) действию, названному глаголом, от которого было образовано производящее прилагательное’, например: *aplikovatelnost* ‘возможность быть примененным’ (< *aplikovatelný* < *aplikovat*), *diskutabilnost* ‘возможность быть предметом дискуссии’ (< *diskutabilní* < *diskutovat*), *kontrolovatelnost* ‘возможность контролировать’ (< *kontrolovatelný* < *kontrolovat*), *manipulativnost* ‘способность манипулировать’ (< *manipulativní* < *manipulovat*), *modifikovatelnost* ‘возможность модифицировать’ (< *modifikovatelný* < *modifikovat*), *pakovatelnost* ‘возможность архивировать текст html’ (< *pakovatelný* < *pakovat*), *poznatelnost* ‘возможность познать’ (< *poznatelný* < *poznat*), *programovatelnost* ‘возможность создать компьютерную программу’ (от *programovatelný* < *programovat*), *servisovatelnost* ‘возможность быть обслуженным в сервисе’ (*servisovatelný* < *servisovat*), *stihnutelnost* ‘возможность успеть сделать что-л. за определенное время’ (< *stihnutelný* < *stihnout*), *udržovatelnost* ‘способность удерживать

код' (< *udržovatelný* < *udržovat*), *zapatovatelnost* 'способность системы компьютера запоминать знаки' (< *zapatovatelný* < *zapatovat si*) и др.

В качестве производящих для модальных именных предикатов с финалью *-ost*, как правило, выступают прилагательные с формантом *-telný*. Таким образом, при словопроизводстве модальных nomina abstracta в современном чешском языке используется словообразовательная модель «прилагательное на *-telný* + суффикс *-ost*», подобная русской модели «прилагательное на *-тельный* + суффикс *-ость*», по которой в XVIII веке были образованы nomina actionis *деятельность* 'осуществление целенаправленных действий', *надеятельность* 'состояние человека, который надеется' и др. При формальном сходстве русская и чешская модели значительно отличаются семантически. Русские существительные на *-тельность* со значением действия (состояния), образованные от девербальных прилагательных, — это реальные именные предикаты. Формально они мотивируются производящими отглагольными прилагательными, семантически — однокоренными глаголами (основная, опосредованная мотивация). Чешские nomina abstracta с финалью *-telnost* — это модальные предикаты, которые и формально, и семантически мотивированы производящими отглагольными прилагательными, так как семантического компонента 'возможность' нет в значениях однокоренных глаголов (глагольная мотивация является сопровождающей, опосредованной), ср.: *pakovatelnost* 'возможность сконденсировать, архивировать текст html' — *pakovatelný* 'такой, который можно сконденсировать, архивировать' — *pakovat* 'сконденсировать, архивизировать (о тексте html)'; *servisovatelnost* 'возможность быть обслуженным в сервисе' — *servisovatelný* 'такой, который может быть обслуженным в сервисе' — *servisovat* 'обслуживать в сервисе'.

Чешские модальные предикаты с финалью *-telnost* противопоставлены реальным предикатам с формантом *-ní*, ср.: *pakování* 'архивирование' и *pakovatelnost* 'возможность архивировать текст html', *kritizování* 'критикование' — *kritizovatelnost* 'возможность критиковать кого-л., что-л.', *poznání* 'познание' — *poznatelnost* 'возможность познать' и др.

Глагольная мотивация существительных с финалью *-telnost* актуализируется в определенных контекстах, что создает предпосылки для формирования вторичного, протяженного суффикса *-telnost*. Так, с его помощью от глагола *plavat* образовано абстрактное существительное — спортивный термин *plavatelnost* 'способность тела плавать': в чешском языке нет прилагательного *plavatelný* (ср. с польск. *plywać* → *plywalność* 'способность тела плавать'). Образование вторичного, протяженного суффикса *-telnost*, как и появление протяженных суффиксов *-емость* / *-мость*, *-alność* в русском и польском языках, отвечает общеславянской тенден-

ции к фонетическому наращению суффиксов, оказавшихся в позиции максимальной продуктивности (ср. [Мейе 1951: 217]).

1.4. Итак, отмечая конвергентность развития аналогичных моделей отыменных модальных *nomina actionis* с изофонными формантами *-ость*, *-ość*, *-ost* в русском, польском и чешском языках, необходимо подчеркнуть, что эти модели обладают разной активностью и продуктивностью, а условия словопроизводства модальных предикатов с суффиксами *-ость*, *-ość*, *-ost* похожи, но не идентичны.

В русском языке существительные на *-ость* со значениями гипотетической пассивной процессуальности и активной потенциальной процессуальности, начиная с XIX века, образуются от страдательных причастий настоящего времени. В польском и чешском языках эта категория была утрачена еще в древности. Своеобразным ее субститутом в обоих языках является класс predisпозиционных отглагольных прилагательных с суффиксами *-aln-* и *-teln-*, функционально близкими суффиксам русских страдательных причастий настоящего времени *-им-* / *-ем-*. На базе этих predisпозиционных прилагательных уже в конце XX — нач. XXI в. образуются польские и чешские модальные имена действия на *-ość*, *-ost*. Во всех трех языках вследствие семантической реинтерпретации модальных имен действия с финалями *-ость*, *-ość*, *-ost* сформировались новые отглагольные словообразовательные типы модальных имен действия с протяженными вторичными суффиксами *-емость* / *-мость*, *-alność*, *-telnost*.

Nomina actionis с формантами *-ость*, *-ość*, *-ost* — предикаты инактивной версии действий — противопоставлены реальным именным предикатам — именам действия на *-ние*, *-nie*, *-ní*. В образовании модальных *nomina abstracta* на *-ость*, *-ość*, *-ost*, которое стимулируется развитием научного прогнозирующего мышления, нуждающегося в семантически сложных обозначениях вероятностных свойств, находит свое отражение тенденция к интеллектуализации русского, польского и чешского языков.

2. Появление *nomina actionis* с финалями *-изация*, *-izacja*, *-izace* в русском, польском и чешском языках обусловлено развитием науки и вхождением в терминологические системы этих языков большого числа интернациональных терминов греко-латинского происхождения².

2.1. Существительные с финалью *-изация* известны русскому языку с XVIII века. Диахронический анализ показывает, что ведущими тенденциями в группе имен действия на *-ация*, *-изация* на протяжении всей

² Компоненты форманта *-изация(a)* / *-izacja* / *-izace* — разного происхождения: суффиксальный элемент *-из-* / *-iz-* заимствован из греческого языка латинским в составе суффиксов глаголов [Порецкий 1977: 37], *-ация-* / *-acz-* / *-ac-* — это видоизмененный на славянской почве именной суффикс *-atio*.

истории их существования в русском литературном языке были: 1) опережающее появление этих имен по сравнению с однокоренными глаголами на *-ировать*; 2) наличие в языке непроемких, немотивированных, изолированных имен действия на *-ация / -изация*; 3) наличие имен действия, соотносительных только с существительными или прилагательными [Коряковцева 1998: 177–180]. В зависимости от типа словообразовательных связей в современном русском языке могут быть выделены группы имен на *-ция* с процессуальным значением: 1) имена на *-ция* с непроемкой основой, нечленимые, немотивированные (элемент *-циj-* входит в состав корня): *обструкция, люминесценция, даменизация*. Эта группа существительных регулярно пополняется новыми заимствованными словами-терминами: *левитация, омологация, премедикация, сеникация, стагфляция* ([Новые слова 1971], [Новые слова... 70-х годов]); 2) имена на *-ция*, соотносящиеся только с именами существительными и прилагательными: *брудерация, гарлемизация, визуализация* и др. По данным «Банка русских неологизмов», около 60 % всех новообразований, отмеченных словарями новых слов, не имеет соотносительных глаголов: *бантустанизация, бионизация, бутонизация, гарлемизация, дизелизация, идиотизация, контейнеризация, космизация, метризация, новеллизация, плюрализация, профилизация, саунизация, сионизация, стереотипизация, терминологизация, технологизация, экологизация* и др. Очевидно, что в тех случаях, когда имена на *-ция* соотносятся только с однокоренными существительными и прилагательными, их следует рассматривать как мотивированные этими именами формально и семантически.

Круг именных основ, с которыми сочетается суффикс *-изациj(a)*, очень широк. Это: 1) конкретно-предметные существительные (*контейнер, сауна...*); 2) вещественные существительные (*десикант...*); 3) названия наук (*биология, бионика, кибернетика...*); 4) характеризующие названия лиц (*мусульманин, христианин...*); 5) названия стран (*Канада, Финляндия...*); 6) названия болезней (*шизофрения...*); 7) отыменные относительные прилагательные, формальные признаки которых сохраняются в структуре ряда существительных на *-изация* (ср. *африканский* — *африканизация, монументальный* — *монументализация*)³. В языке общероссийских газет с начала 90-х гг. XX в. регулярно появляются отыменные *nomina actionis*, окказионализмы типа *артизация* (Труд. 16.01.1992), *ваучеризация* (Известия. 01.02.1992), *долларизация* (Комсомольская правда.

³ Интересно, что имена действия на *-tio / -sio* образовывались от существительных и прилагательных в позднелатинском языке [Синица 1985: 10]. В современном итальянском языке имена действия могут образовываться от прилагательных с помощью суффикса *-zione* [Муравьева 1992: 48].

21.04.1997), ср. также неологизмы конца XX — начала XXI века: *алкоголизация, бандитизация, бартеризация, витринизация, гайдаризация, дебилизация, западнизация, интернетизация, китаизация, макдональдизация, маргинализация, мауглизация, медиатизация, монетизация, матернизация, мультисферизация, наркотизация, параноизация, патриотизация, пейджеризация, пиджинизация, поганизация, политизация, попсовизация, проституизация, серверизация, хамизация, чеченизация, чубайсизация, шизоизация, эстрадизация* и др.

В структуре лексического значения имен, от которых образуются имена действия на *-ация, -изация*, процессуальная сема либо отсутствует, либо является периферийной. Очевидно, что процессуальное значение отыменных *nomina actionis* на *-изациj(a)* определяется семантикой не производящих, мотивирующих слов, а суффикса, вошедшего в русский язык в качестве терминоэлемента, имеющего строго определенное значение и «узаконенную» интернациональным употреблением форму.

2.2. В польском языке существительные с финалями *-acja, -izacja / -yzacja*, заимствованные, как правило, из латыни, появляются в конце XV — начале XVI века. В этот период финали *-acja, -izacja/-yzacja* еще не являются формантами с диахронической точки зрения, поскольку с их помощью не образуются дериваты от исконных основ. В польском языке XVI века существительные с финалями *-acja, -izacja / -yzacja*, соотносительные с однокоренными словами, являются членимыми, но непроизводными [Długosz-Kurczabowa 2001: 368–369]. Образование имен действия типа *pielegnacja* от исконных глагольных основ с помощью суффикса *-acj(a)* началось в XX веке, однако процесс этот не отличается активностью. По данным Х. Ядацкой, в период с 1945 по 2000 г. появилось менее 10 дериватов с суффиксом *-acj(a)* [Jadacka 2001: 43, 77]. Значительно активнее идет образование имен действия с помощью суффикса *-izacj(a) / -yzacj(a)*. Анализируя имена действия, новообразования второй половины XX века, Т. Смулкова отмечает, что более половины из 620 лексем — это существительные на *-acja*, причем наиболее многочисленной является группа с финалью *-izacja / -yzacja* [Smółkowa 1976: 85]. Большинство имен действия на *-izacja / -yzacja* — полимотивированные слова, формально и семантически соотносительные как с глаголами, так и с именами — существительными и прилагательными: *aktualizacja, amerykanizacja, aromatyzacja, biurokratyzacja, finalizacja, harmonizacja, humanitaryzacja, prymitywizacja, radykalizacja, rejonizacja, stabilizacja, symbolizacja, synchronizacja, wulgaryzacja* и др. Множественность мотивации у этих имен сопровождается множественностью структуры: в составе одного и того же слова можно выделить два форманта — *-izacja / -yzacja*

(при мотивации именами) и *-acja* (при глагольной мотивации). Несколько десятков имен действия на *-izacja / -yzacja* соотносятся либо только с существительными (например, *estetyzacja, hitleryzacja, hormonizacja, judaizacja, mitologizacja, spirytualizacja, stygmatyzacja, substancywizacja*), либо только с прилагательными (*jarowizacja, komunalizacja, politechnizacja*) [Nowe słownictwo polskie 2004–2006]. В составе отыменных имен действия выделяется формант *-izacja / -yzacja*. Интересно отметить, что польские имена действия на *-izacja / -yzacja* имеют те же процессуальные значения, что и русские nomina actionis на *-изация*: 1) ‘процесс превращения в то, что названо мотивирующим существительным’ (*biurokratyzacja, symbolizacja*); 2) ‘процесс создания, образования того, что названо мотивирующим существительным’ (*mitologizacja, rejonizacja, stygmatyzacja, substancywizacja*); 3) ‘процесс внедрения того, что названо мотивирующим существительным’ (*estetyzacja, hormonizacja, judaizacja, spirytualizacja*); 4) ‘процесс осуществления действия по способу (методу) лица, названного мотивирующим существительным’ (*hitleryzacja*); 5) ‘процесс наделения свойством, названным мотивирующим прилагательным’ (*aktualizacja, amerykanizacja, humanitaryzacja, jarowizacja, komunalizacja, politechnizacja, prymitywizacja, radykalizacja, wulgaryzacja*).

2.3. В лексикографической базе данных Института чешского языка АН ЧР зарегистрировано 244 существительных с финалью *-izace*: *absurdizace, albanizace, bananizace, blairizace, bruselizace, bulvarizace, bunkerizace, dolarizace, ekologizace, eurizace, globalizacje, hamburgerizace, hollywoodizace, izraelizace, jelcinizace, kanibalizace, komputerizace, kriminalizace, lepenizace, macdonaldizace, planetarizace, regionalizacje, satanizace, tabloidizace, vietnamizace, virtualizace, wapizace* и др. [Databáze 2005–2009]. Подавляющее большинство этих существительных соотносится не только с глаголами на *-ovat*, но и с именами — существительными и прилагательными. Автор основополагающей монографии по неологии чешского языка, О. Мартинцова отмечает, что существительные типа *alkoholizace, tabuizace, etapizace* с формантами греко-латинского происхождения, уже вошедшими в словообразовательную систему чешского языка, «могут образовываться непосредственно от существительных без посредства реально существующего глагола» [Martincová 1983: 78].

Чешские имена действия на *-izace* имеют те же процессуальные значения, что и русские, а также польские nomina actionis на *-изация, -izacja / -yzacja*: 1) ‘процесс превращения в то (того), что (кто) назван(о) мотивирующим существительным’ (*debilizace, дебилизация, debilizacja, satanizace, саманизация, szatanizacja*); 2) ‘процесс создания, образования того, что названо мотивирующим существительным’ (*tabloidizace, таблоу-*

дизация, *tabloidyzacja*); 3) ‘процесс внедрения того, что названо мотивирующим существительным’ (*medikalizace, медиализация, medykalizacja*); 4) ‘процесс осуществления действия по способу (методу) лица, названного мотивирующим существительным’ (*zemanizace, ельцинизация, lepperyzacja*); 5) ‘процесс наделения свойством, названным мотивирующим прилагательным’ (*virtualizace, виртуализация, wirtualizacja*). Во всех трех языках существуют отглагольная, отсубстантивная и отаггективная модели образования *nomina actionis* на *-изация, -izacja, -izace*, однако в современном русском языке отглагольная модель неактивна.

Словопроизводство отыменных *nomina actionis*, в котором участвуют продуктивные специализированные модели с суффиксальными терминологическими элементами *-изация, -izacja, -izace*, обусловлено интеллектуализацией, интернационализацией и усилением тенденции к речевой экономии в русском, польском и чешском языках. Эти изофонные терминологические элементы с «автономным» процессуальным значением обладают способностью соединяться с основами производящих слов различной семантики, при этом в производных *nomina actionis* устанавливаются (как и в терминах) предельно четкие смысловые отношения между компонентами структуры.

3. Как известно, в современных славянских языках наблюдается усиление закона речевой экономии, обусловленное ускорением темпа современной жизни и ответным прагматическим стремлением говорящего сообщества как можно быстрее и в оптимально сжатом виде передать максимальное количество информации, объем которой постоянно растет. Действием этого закона объясняется появление новых типов универбатов. Так, например, до второй половины XX века русскому, польскому и чешскому языкам были известны универбаты с формантами *-ка / -овка, -ка / -ówka, -ка / -ovka*, возникшие в результате «свертки» адъективно-субстантивных словосочетаний, которые входят в идентичные тематические группы: 1) названия транспортных средств (русск. *самходка, электричка*; польск. *damka* ← *damski rower*; *wyścigówka* ← *łódź wyścigowa*; чешск. *osmiveslovka* ← *sport. loď pro osm veslařů*); 2) названия учебных заведений (русск. *мореходка*; польск. *filmówka* ← *Wyższa Szkoła Filmowa, podstawówka* ← *szkoła podstawowa, zawodówka* ← *szkoła zawodowa*; чешск. *základka* ← *základní škola, mistrovka* ← *mistrovská škola průmyslová, Karlovka* ← *Univerzita Karlova*); 3) названия одежды (русск. *кожанка, дубленка, тенниска, штормовка*; польск. *biodrówki, cyklistówka, sztormówka*; чешск. *juchtovka* ← *bota z juchtoviny, kokardovka* ← *čepice s kokardou*); 4) названия напитков, кушаний (русск. *газировка, запеканка, тушенка*; польск. *cytrynowka, grochówka, wiśniówka*; чешск. *anýzovka* ← *anýzový*

likér; minerálka ← *minerální voda*, *bramborovka* ← *bramborová polévka*); 5) названия болезней (русск. *ветрянка* ← *ветряная оспа*; польск. *wiatrówka* ← *ospa wietrzna*; чешск. *cukrovka* ← *lék. úplavice cukrová, diabetes*).

В современном польском и чешском языках суффиксы *-k(a) / -ówk(a)*, *-k(a) / -ovk(a)* более продуктивны, чем русские *-к(a) / -овк(a)*, а универбаты с этими формантами пополняют еще и следующие тематические группы: а) названия отделений в больницах — в польском языке (*porodówka* ← *oddział porodowy* ‘родильное отделение’, *urazówka* ← *oddział urazowy* ‘травматологическое отделение’, *odwykówka* ← *oddział odwykowy* ‘наркологическое отделение’), реже в чешском (*úrazovka* ← *úrazová ambulance*); б) названия предприятий, фабрик, отраслей промышленности — в польском и чешском языках: польск. *odzieżówka* ← *przemysł odzieżowy* ‘легкая промышленность; швейная фабрика’, *przemysłówka* ← *budownictwo przemysłowe* ‘промышленное строительство’, *zbrojeniówka* ‘военная промышленность’, чешск. *akciówka* ← *akciová továrna*, *automobilka* ← *závod na automobily*; в) названия людей, занятых определенным видом деятельности (*nomina collectiva*) — в польском языке: *budżetówka* ← *sfera budżetowa* ‘работники бюджетной сферы’, *drogówka* ← *policja drogowa* ‘дорожная полиция’. В чешском языке существительные на *-ovka* — это также а) названия жанров фильмов (*bondovka* ← *film s agentem 007 Jamesem Bondem* ‘сериал о Джейсе Бонде’, *disneyovka* ← *film vytvořený americkým umělcem W. Disneyem* ‘фильм, снятый на студии Уолта Диснея’); б) песенных жанров (*festivalovka* ← *festival* ‘песня, написанная специально для фестиваля’, *hitovka* ← *hit* ‘песня, ставшая хитом’, *kytarovka* ← *kytar* ‘песня, исполняемая под гитару’, *rockovka* ← *rock* ‘песня в стиле рок’); в) виды тканей (*bavlnovka* ← *druh tkanin bavlněných*); г) названия посуды (*čajovka* ← *nádoba na čaj*; *jogurtovka* ← *lahvička na jogurt, se širokým hrdlem*); д) названия растений (*cukrovka* ← *řepa cukrová*).

Словообразовательной инновацией постсоциалистического периода во всех трех языках являются универбаты, возникшие в результате «свертки» мультивербизмов, обозначающих отвлеченные действия и состояния. В русском языке *nomina abstracta* — названия компьютерных игр — серийно образуются на базе прилагательных и действительных причастий настоящего времени с помощью суф. *-к(a)* и его алломорфов *-яшк(a)*, *-лк(a)*, ср.: *полезняшка* ‘компьютерная игра, полезная для развития детей’, *бродилка* ‘компьютерная игра, где игрок вынужден бродить в лабиринтах’, *искалка* ‘компьютерная игра, где игроку приходится что-то искать’, *ломалка* ‘программа, взламывающая антивирусную защиту’, *обучалка* ‘обучающая игра’, *развивалка* ‘развивающая игра’, *рисовалка* ‘рисующая программа, графический редактор’. Эти универбаты появились

в компьютерном жаргоне, затем в специализированной прессе, а впоследствии «перекочевали» на страницы общетематических газет и в т. н. общий жаргон.

В польском языке *nomina abstracta* — универбаты также являются преимущественно названиями компьютерных игр и образуются либо от основ прилагательных с помощью суффикса *-k(a)*, либо от основ существительных с помощью суффикса *-ówk(a)*: *platformówka* ← *gra platformowa* ‘игра, персонажи которой перемещаются по платформам’, *przygodówka* ← *gra przygodowa* ‘игра, содержанием которой являются многочисленные приключения’, *wyścigówka* ← *gra z wyścigami* ‘игра, содержанием которой являются гонки’, *zręcznościówka* ← *gra zręcznościowa* ‘игра, развивающая ловкость’ (Komputer-świat: gry. 2005. № 7).

В чешском языке сворачиванию в универбат подвергаются устойчивые адъективно-субстантивные словосочетания, в состав которых входят имена действия или состояния, ср.: *individuálka* ← *individuální výuka* ‘индивидуальное обучение’, *komunálky* ← *komunální volby* ‘коммунальные выборы’, *rozvojovka* ← *rozvojová spolupráce* ‘развивающее сотрудничество’, *stresovka* ← *stresová situace* ‘состояние стресса, стрессовая ситуация’.

Появление универбатов — *nomina abstracta* типа *бродилка*, *развивалка*, *platformówka*, *przygodówka*, *komunálky*, *rozvojovka* — обусловлено не только стремлением говорящего сообщества упорядочить практический опыт, сделать его передачу быстрой и удобной. Образование таких разговорных квазитерминов обусловлено также тенденцией к «национализации» лексической семантики, которая проявляется в кодировании значения мультивербизма, «свертываемого» в семантически нерегулярный универбат, понятный вне широкого внешнего контекста лишь носителям языка, ср., например, чешск. *komunálky* ‘коммунальные выборы’ и русск. *коммуналка* ‘коммунальная квартира’, чешск. *dráhovky* ‘специальные велосипедные колеса для труднопроходимых дорог’ и польск. *drogówka* ‘дорожная полиция’, польск. *obrazówka* ‘кинкет для подсветки картин’ и чешск. *obrazovka* ‘электронная трубка, преобразующая электрический сигнал в зрительный образ; монитор’, польск. *rozwojówka* ‘развивающая игра’ и чешск. *rozvojovka* ‘развивающее сотрудничество’.

Литература

- Виноградов В. В.* Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Коряковцева Е. И.* Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика. М., 1998.
- Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII века. Л., 1975.
- Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Муравьева Г. Д.* Формальные словообразовательные различия имен действия как выражение системы семантических оппозиций // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1992. № 4.
- Порецкий Я. И.* Элементы латинского словообразования и современные языки. Минск, 1979.
- Савицкий Н. П.* Словообразовательная структура глагольных неологизмов в русском и чешском языках и некоторые вопросы теории словообразования // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / Отв. ред. Г. П. Нецименко. М., 1987.
- Синица В. Г.* Латинские термины с именным суффиксом *-tio / -sio*: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1985.
- Тяпко Г. Г.* Источники обновления абстрактной лексики в сербском и хорватском языках на современном этапе // Procesy innowacyjne w językach słowiańskich / Red. Z. Rudnik-Karwatowa. Warszawa, 2003.
- Czopek B.* Przymiotniki na *-alny, -arny* w historii języka polskiego na tle słowiańskim // Polonica. 1978. Rocznik IV.
- Długosz-Kureczabowa K., Dubisz S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 2001.
- Hubáček J.* Tvoření slov v češtině. Ostrava, 1996.
- Jadacka H.* System słowotwórczy polszczyzny (1945–2000). Warszawa, 2001.
- Koriatkowcewa E.* Modalne nomina abstracta w języku polskim i rosyjskim (aspekt diachroniczny) // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Z. LXIII. Kraków, 2007.
- Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J.* Historická mluvnice češtiny. Praha, 1986.
- Rospond S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 2000.
- Rusínová Z.* Tvoření slov v současné češtině. Brno, 1993.
- Smólkowa T.* Nowe słownictwo polskie: Badania rzeczowników. Wrocław, 1976.
- Šmilauer V.* Novočeské tvoření slov. Praha, 1971.
- Словотвірство мови доби старопольської: Прегляд формації речовникових / Red. K. Kleszczowa. Katowice, 1996.

Словари

- Новые слова и значения: Словарь-справочник. М., 1971.
- Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М., 1984
- Databáze heslářů slovníků Ústavu pro jazyk český Akademie věd České republiky. 2005–2009. — <http://lexiko.ujc.cas.cz/heslare/search.php>.
- Jelitte H.* Die russischen Nomina abstracta des 19. Jahrhunderts. Teil 2: Der lexikalische Bestand der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. (Beiträge zur Slavistik. Bd. IX). Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris, 1988.
- Jelitte H.* Die russischen Nomina abstracta des 20. Jahrhunderts. Teil 1: Der lexikalische Bestand der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. (Beiträge zur Slavistik. Bd. XIII). Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris, 1990.
- Jelitte H.* Die russische Nomina abstracta der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts. (Beiträge zur Slavistik. Bd. XV). Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris, 1991.
- Komputerowy słownik języka polskiego. Warszawa, 2001.
- Nová slova v češtině: Slovník neologizmů. D. 1. Praha, 1998.
- Nová slova v češtině: Slovník neologizmů. D. 2. Praha, 2004.
- Nowe słownictwo polskie: Materiały z prasy lat 1993–2000. Cz. I–II, III, IV / Pod red. T. Smólkowej. Kraków, 2004, 2005, 2006.
- Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957.

Л. В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Словообразовательные инновации как отражение социальных изменений в современной России

В наиболее динамичные периоды жизни общества, связанные с существенными преобразованиями в разных сферах жизнедеятельности, возрастает влияние социального фактора на изменения в языке. Возросшие темпы языковой динамики в России на рубеже веков ученые связывают с меняющимся составом и обликом русского общества, сменой социальных, политических, экономических, а также психологических установок [Валгина 2001: 8].

Активизация деривационных процессов в последние десятилетия привела к появлению большого количества новообразований, широко представленных в текстах современных средств массовой информации, которые отражают различные стороны жизни российского общества, являются инструментом распространения массовой культуры и средством идеологического воздействия на членов социума. Новообразования в СМИ показывают, как деривационный механизм, словообразовательная система реагируют на актуальные социополитические процессы. По мнению ученых, на данном этапе развития русского языка прежде всего факторы социокультурного характера определяют рост продуктивности одних словообразовательных типов и моделей и способствуют снижению активности других [Коряковцева 2008]. Новые номинации — это возникающие в речи и зафиксированные в определенной своей части в языке фрагменты национально-культурной памяти современной России. Они отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным историческим периодом в жизни людей и их культурной и социальной принадлежностью. Они составляют содержание национального самосознания, являются знаковыми элементами национального менталитета.

По наблюдениям ученых, в эпоху активной экономической, политической и культурной глобализации на современные деривационные процессы оказывают влияние прежде всего «западнизация» и либерализация жизни российского общества рубежа веков. Мы являемся свидетелями либерализации языка, речевых норм в печати, возникновения принципов

ально иных стилистических стандартов в новых масс-медиа, участниками информационной революции. «Все это происходит на фоне цивилизационного слома, грандиозной социальной мобильности, социальной динамики...» [Бушев 2007: 625].

В конце XX века глобальным источником интернационализмов становится английский язык. Тенденция к интернационализации в современном русском словообразовании проявляется в использовании в деривационных процессах иноязычных аффиксов и основ, и в частности греко-латинских и собственно английских словообразовательных элементов.

В последние десятилетия активизировались процессы именной префиксации с участием заимствованных префиксов. Новообразования с префиксами *анти-*, *контр-* отражают противостояние социальных сил в современной России: *В Москве пройдут «антинатовские» акции* (REN TV. 08.04.2008); *Но снять антиглянцевое кино, оставаясь в рамках глянцевой эстетики, — затея столь же безнадежная, как и разводить воровство в антикоррупционном комитете* (Собеседник. 2007. № 33); *Это движение было яро «антиэлекторальным», «антивыборным»* (Московские новости. 21–23.12.2007); *На фоне очередной антиманьячной кампании...* (ТВ Волга. 03.05.2008); *Как избежать наезда «антирейдеров»?* (Наша версия. 11–17.08.2008); *Тут же уменьшился антирейтинг женской аудитории* (REN TV. 18.12.2008); *Одномесечный теленок по кличке «Антикризис»* (ТВ. 5-й канал. 31.12.2008); *Но общество может со временем выдвинуть контрэлиту* (Литературная газета. 30.01–05.02.2008); *Тактика прямого контрпрограммирования имеет, в сущности, одну задачу: не дать конкуренту обскакать себя по рейтингу* (Известия. 26.12.2008); *Немецкие неонацисты начали собираться на контрдемонстрацию* (ТВ. Россия. 01.05.2009).

Происходящие в обществе преобразования, а также деструктивные явления нередко обозначаются новообразованиями с префиксом *де-*: *Об ужасах 90-х говорят члены ельцинского Президентского совета, ключевые журналисты, воспевавшие ельцинизм и звавшие народ в ельцинский рай. <...> Если такая де-ельцинизация — это дежавю на тему о хрущевской де-сталинизации, то приходится признать, что при Хрущеве была хоть какая-то идеологическая внятность* (Завтра. 2008. № 1); *Шоу-капитал вываливает на жителей провинции отрыжку за отрыжкой — и готовы это делать, пока регионы во всем этом не захлебнутся или не поставят дамбы на пути форсированной декультуризации* (Литературная газета. 25.02–03.03.2009). Характерно, что префикс *де-* присоединяется к основам имен существительных вместе с иноязычным суффиксом *-изаци(я)*.

В современную эпоху смены прежних ценностных ориентиров, когда наша жизнь наполнилась огромным количеством мнимых ценностей, ложных авторитетов и фальшивых вещей, активизировались префиксы *псевдо-* и *квази-* со значением неистинности, ложности (*псевдо-*), «ненастоящести» (*квази-*): *Народ предлагает разные методы борьбы с псевдодиетологами и издателями, цинично паразитирующими на здоровье нации* (Комсомольская правда. 25.05–01.06.2006); ...*псевдонароды, которые отличаются друг от друга только степенью и глубиной своей* (Завтра. 02.05.2007); *Псевдороссиян теперь ждет депортация* (ТВ. 1-й канал. 08.04.2008); *Каковы главные признаки современных российских псевдоэлитариев?* (Экономическая и философская газета. 2008. № 39); *Но есть так называемые псевдохолостяки* (ТВ. 1-й канал. 18.12.2008); *псевдоопекуны* (НТВ. 01.03.2009); *Псевдопедагогу грозит 10 лет тюрьмы* (ТВ. 1-й канал. 18.12.2008); *Псевдополицейский оказался старым знакомым* (ТВ. Россия. 20.01.2009); *Компания отозвала партии псевдомилдроната из торговли* (REN TV. 11.04.2009); ...*с приставкой «псевдо», от которой, говоря о современном кино, не отмахнешься, — псевдоигра, псевдоматематика, псевдочувства...* (Завтра. 2007. № 42); *Но тогда наш псевдолиберализм должен реабилитировать эту схему* (Завтра. 2008. № 3); *псевдотарковщина* (ТВ. 1-й канал. 28.11.2008); *Когда-нибудь о Тимошенко обязательно снимут фильм. Да не дешевое псевдопорно, созданное экс-депутатом ГД Митрофановым* (Собеседник. 2008. № 42); *Псевдорусские фэнтези нравятся не всем* (ТВ. СТС. 01.05.2008); ...*Я выбираю тех (в конечном итоге ту одну), которые из стадии квазипартий и протопартий эволюционируют в сторону, так сказать, партийной полноценности* (Московские новости. 30.11–06.12.2007); *У нас ведь сейчас, строго говоря, не тоталитарное государство. У нас режим, который я обозначила бы как «квазитоталитаризм»* (Собеседник. 2008. № 45); ...*чтобы не попасть под влияние России — богатой страны с квазисоциалистической полугосударственной экономикой* (Московские новости. 22–28.06.2007); *Нормальный человек, соприкоснувшись с такими квазимасонскими организациями...* (Завтра. 2007. № 48).

Для номинации и оценки актуальных социальных реалий используются новообразования с префиксами высокой степени (качества предмета, признака) *супер-*, *гипер-*, *ультра-*: *А тот военный суперарсенал, что готовится сегодня в Соединенных Штатах, потребует масштабной атаки. РФ для этого — слишком удобный полигон* (Независимая газета. 20.01.2007); *Это значит, что она по-прежнему может распоряжаться голосами делегатов, которые ее до последнего момента поддерживали. А также бороться за изменчивую благосклонность суперделегатов*

(крупных функционеров партии, вольных голосовать самостоятельно) (Комсомольская правда. 09.06.2008); *Природа ответит на это* (генную модификацию — Л. Р.) появлением **суперсорняков и супервредителей** (ТВ. Россия. 07.04.2009); *Говорят, что это дело рук строителей, возводящих здесь суперроскошные дворцы для налоговиков области* (Советская Россия: Голос народа. 04.10.2007); *Хотели сделать из нижегородского Кремля суперреальное пати* (ТВ. Волга. 03.05.2008); **Супертитлованным** чемпионам Евгению Плющенко, Антону Сихарулидзе, Алине Кабаевой и Светлане Хоркиной можно тоже в академики премии «Лауреас» (Российская газета. 21.02.2008); *Я был воспитан в супероптимистическом духе...* (Литературная газета, 23–29.07.2008); *Пока сериал идет, есть гиперпопулярность* (ТВ. ТНТ. 08.10.2007); *Волшебное слово «сейл» говорит, что с товара сняли гипернакрутку* (ТВ. ТНТ. 29.03.2008); *Памятник советскому воину-освободителю в эстонской столице вновь атаковали местные ультрапатриоты* (Комсомольская правда. 01.08.2006); *Сегодня ИД «КП» приветствует у себя в гостях заместителя председателя Государственной думы РФ Владимира Вольфовича Жириновского. Тема пресс-конференции «Кризис власти на Украине» — новый вариант ультраколониальной политики* (Комсомольская правда. 12.07.2006).

В последнее время возросла словообразовательная активность префикса экс- с семей 'бывший', что, по-видимому, отражает динамику современной жизни и соответствует тенденции к экономии языковых средств: *В результате теракта, совершенного недалеко от автомобиля, на котором среди громадной толпы встречающих ехала экс-глава правительства...* (Российская газета. 25.10.2007); *...должности вице-спикеров достанутся <...> Надежде Герасимовой (экс-заместителю главы МЧС)...* (Комсомольская правда. 20–27.12.2007); *экс-депутат ГД Митрофанов* (Собеседник. 2008. № 42); *экс-лидер оппозиции* (ТВ. СТС. 29.11.2008); *Несколько часов экс-нижегородец нес его на себе по пустыне* (Комсомольская правда в Нижнем Новгороде. 16–23.06.2005); *Избитого и ограбленного белоруса приютил бывший инженер. <...> У экс-инженера есть дочь* (ТВ. СТС. 07.02.2008); *экс-владелец «Евросети»* (ТВ. 5-й канал. 23.01.2009); *экс-бизнесмен Евгений Чичваркин* (ТВ. 1-й канал. 23.01.2009); *Вместо Примадонны владельцем «Инфанта» стал ее экс-зять Руслан Байсаров* (Комсомольская правда. 26.05–02.06.2005); *...экс-жена миллионера покончила с собой* (Дуэль. 02.10.2007); *...разговоры о жестокости экс-мужа певицы Валерии оказались правдой* (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 30.08–06.09.2007); *Экс-супругу Аллы Пугачевой Евгению Болдину приятно выходить в свет и с другой*

(Собеседник. 2008. № 4). В сочетании с терминами родства префикс *экс-* нередко выражает негативную оценку.

Активизация иноязычных префиксов сопровождается расширением их синтагматических возможностей. Так, префикс *анти-* может сочетаться не только с нарицательными, но и с собственными именами: *анти-Шредер*; *Я хочу быть антиСтаниславским и скажу: «Верю!»* (ТВ. 1-й канал. 20.01.2008). Префикс *квази-* сочетается не только с существительными (*квазипартии, квазитоталитаризм*), но и с прилагательными (*квазисоциалистический, квазимасонский*). Проявляющий большую активность префикс *псевдо-*, сочетаясь с именами существительными, содержит субъективную оценку не только лица (*псевдомилдронат*). Префикс *супер-* сочетается не только с качественными, но и с относительными прилагательными (*супертитулованный*), а также с именами собственными: *Суперулику против заговорщиков губернатор спрятал в вазу, а за этой Супервазой охотится российский Супер-Джеймс Бонд* (Новая газета. 15.11.2007). Префикс *экс-* встречается в сочетании не только с одушевленными, но и с неодушевленными существительными (*экс-привычки*), а также с числительными (*экс-первая*): *Даже президенты с приставкой «экс» от своих «экс-привычек не скоро избавляются* (Комсомольская правда. 06–13.12.2007); *Экс-первую леди Франции Сесиль Саркози явно не слишком расстроила женитьба бывшего мужа* (Российская газета. 07.02.2008). Возможно сочетание в одном слове нескольких префиксальных частей: *супергипермагазин, ср. ...привезли в какой-то супергипермагазин, типа самый крутой в городе* (Комсомольская правда. 17.12.2007); *ультрамегахолдинг, ср. Раньше как было — министерство. Скучно! В «Крокодиле» писали повеселее — мини-стерство. А теперь — ультрамегахолдинг!* (Московские новости. 22–28.06.2007).

При характеристике современных российских реалий нередко используются отыменные новообразования с заимствованными суффиксами *-изм, -изаци(я)*: *Врачи стараются делать деньги на всем. <...> Они, конечно, не виноваты, система в стране такая. Качают деньги все и отовсюду. Полный западнизм* (Дуэль. 05.02.2008); *Книга прогрессивная и нужная. Поскольку успешно излечивает от запущенных форм сексизма* (Итоги. 2007. № 40); *...Россия задолго до Петра привыкла ревностно сравнивать свое развитие с Европой. Периоды самоизоляции настолько регулярно переплетались с «интергационизмом», что кажется разумным предположение: и те и другие органически необходимы России для развития* (Новая газета. 06.06–12.06.2008); *«Экстремизм» и «экспертизм»* (Завтра. 2008. № 11); *Владельцы кабака чутко уловили модную тенденцию — повальную «бандеризацию» Западной Украины от мала*

до велика (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 29.07.2008); *Общаться через Сеть, создавая принципиально новый вид массовой коммуникации. Попутно это и серьезные рекламные деньги, и во многом передовая версия «СМИ будущего», и новая субкультура, и новый стиль жизни «адептов виртуализации»* (Завтра. 2007. № 50); *...не всякие схемы «коллапсизации» предполагают наличие кризисов в преддверии коллапса?* (Завтра. 2008. № 1); *Мы не раз писали о рождении на разных конкурирующих каналах шоу-дублеров, об одних и тех же «экспертах», которые кочуют с канала на канал уже много лет, о ползучей макдоналдизации ТВ* (Литературная газета. 02–08.07.2008); *В студии первого канала Владимир Жириновский в бирюзовом пиджаке поднимается с Надеждой Бабкиной и говорит, что теперь начнется «сочинизация всей страны»* (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 06.07.2007); *Поддержка отечественных производителей компьютеров или интернетизация всей страны?* (Итоги. 2008. № 12); *Телевизоризация всего. Инвесторы хотят вложить деньги в кино, а прибыль получить на «ТВ»* (Русский репортер. 22–27.03.2008); *Кроме того, несмотря на глобальную e-mailизацию всей страны, по-прежнему актуальным остается вопрос факс-связи* (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 21.04.2006); *В год 15-летия Рунета началась web-ализация чиновников* (Известия. 08.04.2009); *Именно против румынизации выступило в свое время русскоязычное Приднестровье* (ТВ. Россия. 11.04.2009); *«Эстонизация» всей страны. Правительство Эстонии упростило процедуру «эстонизации» фамилий* (Московский комсомолец. 27.03.2009). При этом указанные суффиксы могут присоединяться не только к исконным и заимствованным, но и неадаптированным иноязычным основам (*e-mailизация, web-ализация*), а также к личным именам собственным (*бандеризация*).

Суффикс *-изм*, образующий существительные, называющие общественно-политические направления, системы, качества, склонности, расширяет свои синтагматические возможности, сочетаясь с исконными и заимствованными основами не только существительных и прилагательных, но и наречий: *Вот потенциальные призывники и смекнули, что лучше сейчас «по-иустрому» сходить в армию, чем защищать родное Отечество без малого три года. В кругу работников военкоматов вошли в обиход термины «поиустризм» и «поиустристы»* (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 07.07.2008). Активно образуются имена существительные с суффиксом *-изм*, называющие элементы языка, речи, от имен собственных: *И. О. премьера не сыпал, как обычно, своими «фрадкизмами»* (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 14.07.2007); *Очень заметно, что у авторов сценария весьма ограничен-*

ный запас «одессизмов»: синонимов они не знают (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 14.12.2007).

Новообразования, созданные по продуктивной модели отсубстантивных существительных с данными формантами, называют актуальные, в том числе негативные явления и катаклизмы, общественно важные события. Взаимодействуя с основами слов, номинирующих отрицательные стороны общественной жизни, суффиксы *-изм*, *-изаци(я)* приобретают негативную оценочность, которая проявляется даже в сочетании с «нейтральными» основами (*западнизм*, *экспертизм*; *телевизоризация*, *виртуализация*).

Усиление личностного начала в СМИ проявляется в активизации иноязычного суффикса *-ист*, с помощью которого на базе имен создаются имена лиц, называющих сторонников тех или иных общественно-политических деятелей (*грабовист*) и течений (*демократист*, *локалист*, *продуктивист*): *Посмеявшись над очередным проявлением форменного идиотизма «грабовистов»* (сторонников Г. Грабового — Л. Р.), *я через минуту о нем забыл* (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 30.08.2006); *Если кто-то хочет обсуждать нынешний текущий грузино-осетинский момент в отрыве от основной причины, от разрушения демократами Советского Союза, то обсуждение это ничего не прояснит и запутает все окончательно* (Советская Россия: Голос народа. 04.09.2008); *Да, класс российских миллионеров («локалисты», «продуктивисты» — называйте их, как вам удобнее)...* (Московские новости. 08–14.06.2007). При этом суффикс *-ист* приобретает отрицательную оценочность.

Социальные пристрастия и антипатии отражаются в словах на *-мания*, *-филия*, *-фобия*: *Мир охвачен обамаманией* (Аргументы и факты. 21.01.2009); *Шузомания <...> охватила весь мир после выступления Джорджа Буша* (ТВ. 1-й канал. 25.12.2008); *...гусомания — вот оно, проявление загадочной русской души* (REN TV. 28.06.2008); *«Барбимании» повториться уже не суждено, но эта игрушка стала такой же традиционной, как плюшевый мишка или желтая резиновая уточка для купания* (Ленинская смена. 12–18.03.2009); *Спортивная мода лучше, чем «хиппомания» прежних лет* (Литературная газета. 25.02–03.03.2009); *Нижегородцы заболели лекарствоманией* (ТВ. Россия. 07.03.2009); *Тем более, что российские буржуи еще и основательно больны <...> американофилией* (Дуэль. 05.02.2008); *Журналисту демократичной ориентации полагается в этом месте статьи нанести удар «глаголом» по страдающей «диктаторофилией» российской власти* (МК в Нижнем Новгороде. 25.02–04.03.2009); *...у нас в принципе банкофобия как болезнь*

присутствует, и у нас очень любят всё, что касается банковской системы, преподносить в отрицательном свете (Московские новости. 30.03–05.04.2007); *Нам американофобия* свойственна и на уровне массового сознания (ТВ. Россия. 01.02.2009); *С древних времен элита на Руси страдала быдлофобией* и пониманием своего кастового единства (Комсомольская правда. 25.12.2008–01.01.2009).

Иноязычные основы активно участвуют в образовании сложных слов, называющих и характеризующих знаковые общественные явления: *Афганопровод*. <...> *Но на днях МИД РФ заявил, что Россия готова дать разрешение на транзит через свою территорию грузов для войск НАТО в Афганистане* (Наша Версия. 16–22.02.2009); *Банкомат*. *Вливания в банки продолжатся, но деньги дойдут слишком поздно* (Наша Версия. 09–15.02.2009). В последнем случае новообразование можно рассматривать и как результат субституции — замены второй корневой части в сложном слове *банкомат*. Среди слов, образованных способом чистого сложения, встречаются сложные новообразования с сокращенной первой частью: *Бензобакс*. *Почему бензин в России дороже, чем в Америке?* (Новое дело. 15–21.01.2009); *Кримпасьянс* *раскладывала Р. Охотная* (Саров. 11.03.2009); *Интелпираты*. <...> *И это еще не все признаки внезапного обострения чувства защиты интеллектуальной собственности у нашей власти* (Наша Версия. 23.02–01.03.2009). Степень экспрессивности подобных новообразований возрастает в тех случаях, когда нарушаются условия стилистической синтагматики, и в частности основа заимствованного слова сочетается с основой жаргонизма (*бензобакс*).

Высокой степенью экспрессивности обладают разного рода контаминированные новообразования, созданные с участием иноязычных основ: *Маршизм* (*марш* + *фашизм*) *против фашизма*. *В минувший вторник в Нижнем Новгороде несколько сот человек прошли Маршем интернационального равенства* (Newsweek. 06.03–12.03.2006); *Диагноз: «таксикоз»* (*такси* + *токсикоз*) *Будем лечить? Ситуация почти анекдотическая: сотрудница «Литературной газеты», вымотанная командировочным перелетом, приземлившись в Домодедове, решила воспользоваться такси. И за поездку в Москву (54 километра) заплатила... 3200 рублей!* (Литературная газета. 12–18.11.2008); *Сегодня единой картины литературного процесса не существует. Групповщина, привластные завсегда-таи, каждое крыло кует собственных гениев текущего десятилетия, которых через дюжину лет и в микроскоп не разглядишь, «большие смыслы» не в почете, бал правит «менталитет»* (*ментальный* + *менталитет*), *на смену классовому подходу пришел кассовый расчет* (Литературная газета. 12–18.11.2008); *Кризанутые* (*кризис* + *шизанутые*).

Финансовые катаклизмы могут подорвать душевное здоровье россиян (Версия. 23.02–01.03.2009).

Широкое распространение контаминированных окказиональных новообразований в СМИ свидетельствует о возрастании личностного начала в современных деривационных процессах, о демократических тенденциях в словообразовании.

Тенденция к демократизации в деривационных процессах проявляется в активном использовании словообразовательных средств и моделей, характерных для разговорной речи. Современная речь масс-медиа характеризуется активизацией процесса универбации. В этом, по словам Е. А. Земской, «обнаруживается общая особенность языка нашего времени: перемещение явлений периферийных, маргинальных в центр системы, что свидетельствует о высокой динамичности системы в функциональном аспекте» [Земская 1996: 118].

Словообразовательные модели универбатов имеют свои особенности. Особенно продуктивна модель универбатов с суффиксом *-к(а)*: Вся *«заречка»* осталась без холодной воды (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 14.08.2001); *Владельцам однушек ремонт не светит* (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 14.02.2003); *Вот когда опубликовали прослушку моего разговора...* (Комсомольская правда — Нижний Новгород, 19.10.2004); *«Упрощенка» в обмен на патент* (Дзержинец. 24.05.2006); *Но разве «предпродажка» не входит в стоимость автомобиля?* (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 15.09.2006); *Видятся два реальных выхода из ситуации с отравлениями «паленкой»* (Дзержинец. 25.11.2006); *Нагрузки в школах, особенно в гимназиях с разной «углубленкой», большие* (Нижегородские новости. 13.10.2007). Данные универбаты образуются на базе словосочетаний *заречная часть (города), однокомнатная квартира, запись прослушивания, упрощенная система налогообложения, предпродажная подготовка (автомобиля), «паленая» водка, углубленное изучение (предмета)*. См. также: *Даже работу с инвесторами, особенно с иностранными, можно трактовать как внешнеполитическую. А «внутрянка» переходит к Иванову* (Ленинская смена. 08.01.2009); *Нижегородцы отравились «незамерзайкой». Нижегородские милиционеры изъяли более сотни бутылок с фальсифицированной незамерзающей жидкостью для автомобилей* (Нижегородский рабочий. 02.03.2009).

Достаточно продуктивными при универбации являются словообразовательные модели с суффиксами *-щик, -ик*: *И все-таки у чрезвычайщиков больше половины всех вызовов не шутка* (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 01.09.2001); *...они стали самыми заядлыми «сувереничками»* (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 01.03.2003); *... виртуальная*

реальность поможет решить проблему бессмертия... Такова мифология современных **виртуальщиков** (Приключения. Тайны. Чудеса. 04.2003); Они не показывают рекламные ролики, а нанимают **креативщиков**, которые придумывают персонажей для детских передач (Литературная газета. 25.02–03.03.2009); «**Сырьевиков**», как никого другого, касаются планы правительства по реформированию естественных монополий (МК в Нижнем Новгороде. 29.11–06.12.2001); ...если **жителиникам** не поднимут зарплату... (МК в Нижнем Новгороде. 25.10–01.11.2001); ...невидимые белые шары фиксировались только пленочными фотоаппаратами, нам же впервые удалось поймать фантом на «**цифровик**» (цифровой фотоаппарат) (Аргументы и факты — Нижний Новгород. 28.12.2005); ...учимся на мастер-классах, которые проводят «**ролевики**» (поклонники фэнтезийной литературы, проводящие ролевые игры по книгам) (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 26.05–02.06.2005). Такие наименования обычно функционируют в разговорной речи как эквиваленты официальных развернутых наименований: *сырьевик* — ‘представитель естественных *сырьевых* монополий’.

Экономия средств выражения, отражающая ускорение темпов жизни и характерная для разговорной речи в целом, достигается и путем усечения слов, которые становятся стилистически сниженными коррелятами соответствующих номинаций: ...зачем Вы так обошлись с антиглобалистами в своей инвективе в их адрес...? <...> Российским **антиглобам** теперь... (Дуэль. 28.08.2007). Усечением сопровождается и образование существительных отвлеченной и предметно-личной семантики с нулевым суффиксом: *Извините, что утренняя программа, а я на **серьез** перехожу... Ну а если серьезно...* (ТВ. 1-й канал. 14.10.2007); *Из «сююминутных» книг на твердую четверку оценю «Шарманщика» Алексея Беляева — про жизнь модного журнала и прочую **гламурь*** (Биржа плюс карьера. 22.08.2007); *Всякого **интерактива** в спектакле предостаточно* (ТВ. 5-й канал. 31.12.2008); *Я — чистый **аудиал**: очень хорошо слышу нюансы интонации, музыки, голоса...* (Комсомольская правда. 01–08.04.2005).

По словам исследователей, «ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей» [Валгина 2001: 131].

«В суффиксальном словообразовании имен существительных заметно усилилось явление стилистической модификации, когда новые образования, не отличаясь семантически от мотивирующих существительных, оказываются стилистически окрашенными, причем в большинстве

случаев эти вторичные наименования оседают в разряде сниженной лексики» [Валгина 2001: 150]: *киношка, компашка, шизик, сотик* ‘сотовый телефон’, *дезик*, ср.: — *Думаешь, я совсем не пользую дезики?! — если б мне сказал это кто-то другой, кроме Нади, я бы обиделась. — Знаешь, сколько я их уже перепробовала, толку никакого. Ну и что выбрать? — А я уже нашла свой дезодорант, — довольно улыбнулась подружка* (Комсомольская правда. 26.07–02.08.2007); *фотик*, ср.: *Мурат больше всего был увлечен фотографией и очень часто спрашивал у меня совета. В последнее время он накопал себе фотиков — от зеркалок до мыльниц, снимал много и всегда* (Комсомольская правда. 25.01–01.02.2007).

В СМИ активно используются размерно-оценочные суффиксы нередко разговорного характера (-ик, -ишк-, -ц(о), -онок и др.): *Такая достойная дама <...> срамилась с жалким миллиардишком* (Завтра. 2008. № 12); *университетский фашистик* (Дуэль. 05.02.2008); *...вот какое-то кинцо — и вся страна рыдает* (Комсомольская правда. 31.01.2007); *Толкиенист, увидев соседа, ожесточенно крутящего пальцем у виска, замахнется мечом, скинёнок грозно проблеет!* (Завтра. 2007. № 42). Пейоративизмы нередко используются как эффективное средство психологической манипуляции, помогающее журналистам создать дружески-непринужденный тон беседы с читателем и сделать его своим единомышленником.

Экспрессивным характером обладают и продуктивные в разговорной речи модели глаголов с суффиксом -и(ть) от именных производящих основ (иногда иноязычных) со значением действия, создающего то, что названо мотивирующим существительным, или свойственного тому, кто назван мотивирующим существительным: *Дозорить, наверное, раньше надо было* (Дзержинец. 07.06.2006); *Вы были такая же, когда выходили замуж? — Нет, я тогда моделила* (ТВ. СТС. 01.04.2007); *В 22-й школе французят не хуже французов* (Дзержинец. 07.02.2006); *Где-то всем можно «креативить», а где-то при виде начальника все прячутся в свои кабинеты* (Русский репортер. 22–29.05.2008); *Это случится, если вы будете «флудить» — от англ. flood — ‘многократное повторение одной и той же фразы’* (Комсомольская правда — Нижний Новгород. 09.08.2002); *В Европе вообще ди-джеят почти старики* (Дзержинец. 18.11.2006); *Сдаю пока экзамены удачно, за акробатику пять с плюсом получил. А папа эсэмэсит: «Я тобой горжусь!»* (Телесемь. 02–08.07.2007). Активно образуются также глаголы с суффиксом -ну(ть) со значением однократности: *Во время предыдущего кризиса очередная попытка Думы «импичнуть» куда более слабого Ельцина провалилась...* (Собеседник. 2009. № 7); *Новогодний праздник — это уникальная возможность проявить внимание к окружающим. Можно обойтись ма-*

лой кровью, вывесив пожелания на своем сайте, можно *е-мейльнуть* или *эсмэснуть* (Литературная газета. 24–31.12.2008). Обогащение словарного состава СМИ новыми глаголами с суффиксальными элементами происходит на базе основного словарного фонда языка с использованием в основном уже имеющихся деривационных элементов и продуктивных моделей образования слов. Однако в то же время возможно появление в словах новой производящей основы аббревиатуры или неосвоенной лексемы другого языка (*эсмэсить*, *флудить* и др.).

Демократизация языка позволила человеку говорящему раскрепоститься, увеличила долю спонтанной публичной речи. Победа экспрессивного над стандартным раздвинула границы выразительных возможностей языка [Вепова 2006: 141]. Экспрессивный и оценочный характер текстов современных СМИ связан с актуализацией журналистского «Я», с поиском ярких, нестандартных, способных привлечь читательское внимание средств и способов словотворчества. Многие новообразования обладают мощной экспрессией и служат действенным средством оценки. Экспрессия может создаваться маркированными словообразовательными средствами, в частности суффиксом *-цин(а)*, который участвует в номинации социальных явлений, негативно характеризуя их: *Надо приучать народ к процедуре правосудия. Советщину искоренять* (Русский репортер. 20–27.11.2008); *Творческий метод движения «Наши» можно определить как политическая цетелиевщина* (Известия. 06.11.2008); *«Закрытый показ», в рамках которого был представлен этот фильм, я бы назвал «интеллигентным» продолжением малаховщины* (Собеседник. 2008. № 44).

Оценочный характер новообразований может быть связан с семантикой исходного слова и отношением автора к его денотату: *И не видно конца этому СеСеСеРу, а значит, и собственной бесконечной чердачности, провинциальности, оттесненности искусства от мировых путей* (Новая газета. 10.10–16.10.2008); *...по книге толстым слоем разлита такая литературная «дамскость»* (Литературная газета. 16–22.04.2008); *Основная причина наших страданий — в «дутости» капиталов многих компаний* (Аргументы и факты. 08.08.2008); *Это уже не «зюгонада», это уже не забавные оговорки и привиралки вождя — это откровенный «слив» всего левого движения в стране* (Дуэль. 12.02.2008); *...чем больше путинюды добьются желаемого от мирового сообщества, чем больше утвердят свой личный авторитет, тем хуже для России* (Дуэль. 19.08.2008). В подобных новообразованиях нейтральные словообразовательные средства (суффиксы отвлеченной семантики *-ость*, *-ад(а)*, суффикс со значением подобия *-оид*) также приобретают негативную оценочность.

Яркая экспрессия сложных новообразований обусловлена семантикой и/или синтагматикой основ исходных слов и является ситуативно мотивированной: *Москва считается самым альфонсоемким регионом России. Ведь здесь так много богатых женщин* (Телесемь. 26.01–01.02.2009); *Решение о его отставке в США уже принято, только им непонятно, «вытянет» ли Бурджанадзе и куда пристроить галстукоеда* (Собеседник. 2008. № 45); *На фоне растущей безработицы, снижения доходов и всего того, что называют ужасным словом «кризис», одна профессия остается привлекательной для жизни. Это чиновники России (чинороссы)* (Аргументы и факты. 21.01.2009). В последнем случае экспрессивность новообразования усиливается благодаря его переключке с узуальным *единороссы*.

В новообразованиях СМИ, таким образом, «с одной стороны, отражаются тенденции к экономии языковых средств, к примитивизации средств выражения, свойственной периоду глобализации, к гибридизации понятий и форм их представления... С другой стороны, в этих примерах ярко проявляются креативные возможности языка, позволяющие отразить многообразие понятий, возникающих в новой российской коммуникации» [Шаховский 2007: 763].

В современном коммуникативном пространстве «наиболее активно порождают новообразования социально значимые и этические понятия, актуализирующие оценочные валентности привычных нам слов» [Шаховский 2007: 765]. «Источником мотивации для изобретения новообразований представителями СМИ являются ежедневные негативные события в стране и мире, природные катаклизмы, тяжелое положение во всех сферах социальной жизни, для обозначения которых часто не хватает существующих узуальных обозначений» [Шаховский 2007: 763].

Семантика новообразований, демонстрирующих продуктивность тех или иных словообразовательных типов или моделей, отражает политические и социально-экономические изменения в России, в частности расслоение населения в материальном и социальном плане, развитие рыночных отношений, изменение ценностной ориентации, расширение сферы бизнеса, информатики, массовой культуры и др. Как отмечают ученые, язык не только, как зеркало, пассивно отражает окружающую жизнь, но и вмешивается в нашу картину мира, в формирование языковой личности, соответственно меняет личность, а следовательно, опосредованно и общественную жизнь.

Литература

- Бушев А. Б.* Языковая динамика и социодинамика в современном русском языке // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Волгоград, 2007.
- Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
- Вепрева И. Т., Мустайоки А.* Детабуизация в современном русском языке и тревожная лексика // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург, 2006.
- Земская Е. А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е. А. Земской. М., 1996.
- Коряковцева Е. И.* Nomina abstracta в современном русском языке: социокультурные факторы роста продуктивности словообразовательных моделей // Активные процессы в современном русском языке. Нижний Новгород, 2008.
- Шаховский В. И.* Новые контекстуальные понятия российских СМИ // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Волгоград, 2007.

Н. Е. Ананьева (Москва)

Новая отонимическая лексика в современных славянских языках

В статье образование новой отонимической лексики в современных литературных славянских языках (в первую очередь в языке СМИ) сопоставляется с соответствующими явлениями в традиционных народных говорах. В центре нашего внимания находится материал польского языка. Данные других славянских языков (чешского, украинского, русского, белорусского) привлекаются в качестве дополнительных, но тем не менее позволяют констатировать общеславянский характер анализируемых процессов и явлений.

Апеллятивация проприальных имен представляет собой один из источников пополнения лексического состава того или иного языка. Чистую апеллятивацию (переход имени собственного — далее ИС — в нарицательное без использования каких-либо словообразовательных средств) можно рассматривать как своеобразный вид лексико-семантической деривации. В отличие от внутриапеллятивного семантического словообразования, при котором тот же по форме апеллятив приобретает новое лексическое значение, вступая в отношение омонимии с производящей базой, чистая апеллятивизация сопровождается не сменой одного лексического значения другим, а вообще появлением лексического значения как такового, отсутствующего в прототипических ИС.

Апеллятивация, осложненная теми или иными словообразовательными средствами, относится к области формальной деривации и осуществляется с использованием тех же продуктивных словообразовательных морфем, что и деривация от апеллятивных основ. С точки зрения теории номинации, при лексико-семантической деривации мы имеем дело с номинацией-выбором, а при использовании формальных словообразовательных средств, присоединяемых к базовой (в нашем случае проприальной) основе, — с номинацией-имятворчеством.

С давних времен апеллятивация известна народным говорам: в частности, в славянских языках широко употребляются имена лиц для номинации реальных растительного и животного мира. Ср. русск. *василек*, *маргаритка*, *иван-да-марья*, русск. диал. *нюрка* 'ширица хвостатая', *ав-*

дотки 'купальница азиатская', аленка 'бальзамин султанский', анютки / анюточки 'анютины глазки' [Арьянова 2006]; польск. *miczałki* 'маленькие астры', укр. диал. *васильчик, василечок, грицик, грицики, грицики, іванок, іванчик, івасик, катеринка, миколайки, миколайці, миколайчик, парасочка* [Закревская 1976: 123]; русск. *мартын* 'чайка', белор. *пятрук* 'божья коровка', польск. диал. *zofija* 'иволга', *tasiek* 'кот', *filip* 'заяц' и др.

По образцу подобных диалектных номинаций образованы знаменитые «ковализмы» Ю. Ковалю в повести «Самая легкая лодка в мире» *макарка* и *Кондратка*. При этом *Кондратка* не выходит из ономастической сферы, поскольку употребляется для номинации реки и постоянно пишется с заглавной буквы (примеры: *Развеселила нас Кондратка-речка; Плыть по Кондратке; А Кондратка вон там, за полем; Вместе с Кондраткой вылетел «Одуванчик» в поле, и течение в Кондратке оказалось куда быстрее* [Коваль 2008: 411, 412, 414]. Иначе говоря, здесь представлена трансонимизация. *Макарка* же употребляется как апеллятивная номинация (пишется всегда со строчной буквы), обозначающая 'вид течения'. Ср.: *Мы медленно плыли по макарке — черному коридору среди болот, заросших таволгой и вехом; Сразу же за мостом вела в глубину заболоченного леса узенькая струя черной воды — та самая макарка* [Коваль 2008: 361, 378].

Надо сказать, что номинация *макарка* известна русскому диалектному языку, но в другом значении (ср.: *макарка* 1. сибир. простак; 2. шутч. комар, подпустить макарку 'сплутовать' [Даль 1955–II: 290]).

В ряде случаев возможно установить для народных отпроприальных наименований мотивационный признак. Например, русск. диал. *фролки / фролы* 'сорная трава, заглушающая посе́вы' мотивировано именем св. Флора (Фрола). После дня свв. Флора и Лавра (18 августа) посеянные озимые заглушались сорняками, растущими быстрее хлебных злаков [Коновалова 2000: 198]. Так же хронологически обусловлено определение от имени *Петро* в украинской диалектной номинации дикого цикория — *петр'іу бат'іг, петр'іу бат'іжок, петрови батоги, петрові батоги*, поскольку время интенсивного цветения этого растения приходится на середину июля (день свв. Петра и Павла — 12 июля) [Москаленко 2008: 22].

ИС может быть также компонентом номинации. Так, одним из наиболее частотных личных имен в русских диалектных названиях растений является помен *rgorgium иван* (модификации: *ванька, ваня*), которое сопровождается разнообразными определителями (*иван-чай, ванька болотный, ванька-чай, иван красный, мокрый ванька* и мн. др.) [Арьянова 2006].

Растения часто называются и совпадающими с этнонимами или производными от этнонимов номинациями: русск. диал. *татарин* ‘чертополох курчавый’, *татарник*, *татарник* колючий ‘чертополох поникший’, *татарский* цвет ‘цикорий обыкновенный’ [Арьянова 2008], польск. *tatarak* ‘аир’. О включенности народных номинаций растений в оппозицию ‘свой — чужой’ см. [Березович 2008: 44–67].

Эвфемистически ИС могут также называть части тела: польск. *maciek* ‘большой живот’, *grześ* ‘мужской половой орган’, *dorka / dorota* (по А. Брюкнеру, в XVI в. означало ‘кишка’ [Brückner 1970: 94, 317]).

В народной фразеологии и просторечии отмечается также такой феномен, как образование от апеллятивных основ номинаций, совпадающих по форме с ИС (личными именами, фамилиями, топонимами), ср.: кашуб. *Pón Mrozevsk'i jaxał na vojna* — Пан Мрозевский уехал на войну (об ослаблении мороза); *jaxac do muravsk'ego / ožen'ic są z Muravskō* — Идти к Муравскому / жениться на Муравской (т. е. умереть, от *murawa* ‘трава’), сибирск. диал. *податься в Сонино* ‘заснуть’, польск. устар. шутил. *Pani Piasecka* (‘смерть’, от *piasek* ‘песок’). Ср. также употребление квазипроприальных имен *Софья Власьевна* ‘Советская власть’, омского просторечного *Вера / Вера Михайловна* ‘вермут’ [Юнаковская 2004: 18] или сленговых псевдофамилий на *-дзе* и *-ович* для названия этого же напитка — *вермутидзе* и *вермутович* [Васильева 2008: 188]. В работе Н. В. Васильевой приведен целый ряд квазионимов, характерных для русского сленга / жаргона [Васильева 2008: 183–190].

Часто в разговорной речи или сленге псевдооним возникает на основе звукового подобия ИС и соответствующего апеллятива, получающего «онимическое одеяние». Например, польск. разг. *marycha* — уменьш. *maryśka* в значении ‘марихуана’ (ср. ИС *Maria*, *Marysia*, *Maryśka*) или русск. *клава* как номинация клавиатуры компьютера. В подобных названиях, принадлежащих к сфере вторичной номинации (в отличие от традиционных народных названий объектов фауны и флоры), помимо *номинативной* языковой функции, реализуются также такие функции языка, как *экспрессивно-людическая* (игровая) и *корпоративная* (особенно в социальных и профессиональных жаргонах). При использовании подобных псевдоонимов в сфере обслуживания, торговле происходит реализация еще одной специфической функции языка — *рекламной*. Например, типично русская модель — наличие у лица не только имени, но и отчества — легла в основу наименования товарной номенклатуры конфет, выпускаемых кондитерским комбинатом «Озерский сувенир»: серия «*Фруктовичи*», в которую входят пока два сорта — «*Чернослив Михайлович*» и «*Курага Петровна*».

Иную природу имеют функционирующие в первую очередь в литературных языках апеллятивизировавшиеся ИС, с которыми связано происхождение номинируемых этими словами реалий (от мифологических персонажей до создателей-изобретателей тех или иных артефактов или географических названий, откуда происходят номинируемые этими топонимами реалии).

Во многие языки (в том числе славянские) вошли целые группы подобных лексем: названия продуктов и напитков (ср. русск. *оливье*, *сэндвич*, *пломбир*, польск. *szampan* и т. д.), тканей и одежды (русск. *галифе*, *боливар*, *макинтош* и т. д.), оружия (русск. *винчестер*, *кольт*, *наган* и т. д.), пород камня (русск. *лабрадор* и т. д.), пород животных (русск. *сенбернар*, польск. *pers* и т. д.), единиц измерения (русск. *вольт*, *ом*, *ампер* и т. д.), марок машин (русск. *мерседес*, польск. *mercedes* и т. д.), устройств и приборов (русск. *мартен*, *пульман* и т. д.), имен литературных персонажей, ставших обозначениями определенных свойств и явлений (русск. *альфонс*, *ловелас* или популярное в 20-е гг. XX в. *вампука* ‘бездарная театральная постановка’ от известной оперы «Вампука, невеста африканская») и др. Этот ряд слов пополняется и в настоящее время: русск. *джакузи*, *калашников*, польск. *kalasznikow*, *bond* ‘шпионский фильм’ (если пишется с большой буквы — *Bond*, то речь идет не о любом шпионском фильме, а только с участием агента 007), русск. *гаджеты* и польск. *gadżety* ‘технические новинки, устройства, не особенно нужные, но демонстрирующие высокий жизненный уровень в коммерциализованном обществе’ (от фамилии *Gaget* → фирма *Gaget, Gauthier & Cie*), польск. *harlequin* ‘любовный роман, чтиво’ (от названия издательства *Harlequin*, выпускающего соответствующую литературу), *gargamel* ‘особняк с безвкусными архитектурными украшениями’ (от имени несимпатичного героя детского фильма, по всей видимости, отличающегося большими размером и аппетитом, поскольку Гаргамель — говорящее имя матери Гаргантюа, означающее ‘глотка’); таким образом, процесс номинации особняка представляет собой результат целой цепочки актов вторичной номинации: *gargamel* ‘глотка’ *онимизация* → *Gargamel* (героиня романа Ф. Рабле) *трансонимизация* → *Gargamel* (герой детского фильма) *апеллятивация*, *gargamel* (особняк).

В польском языке в последнее время активизировались апеллятивизированные образования от фамилий мастеров изобразительного искусства (художников, скульпторов) в значении ‘произведение’: *kossaki* ‘картины художников из известной семьи польских исторических живописцев — *Kossak*’ (ср.: *w latach 80. była moda na kossaki; ktoś tam kupił kossaka*), *picassy* ‘произведения П. Пикассо’, ср. вторичное деминутивное образо-

вание от апеллятива *weisy* ('произведение Weiss'a') — *weisiki*¹, *abakany* 'скульптуры Магдалены Абаканович'. Для последней лексемы возможна двойная мотивация:

1) чистая апеллятивация модифицированной (усеченной) базовой проприальной основы: *Abakanowicz* → *abakan* (ср. функционирование таких усеченных основ в разговорной речи (*Klemens* ← *Klemensiewicz*, *Dorsz* ← *Doroszewski*, *Kisiel* ← *Kisielewski* и т. п.); 2) универбизация словосочетания *utwór Abakanowicz* (или *utwory Abakanowicz*) → *abakan(y)*.

Впрочем, некоторые исследователи и совпадающие с ИС апеллятивы *pikassy* и *kossak* считают также результатом универбизации, или формальной конденсацией смысла словосочетаний 'произведение/-я X-а'. О деонимизации (= апеллятивации) слов типа *pikassy*, *kossak* свидетельствует употребление их в им.-вин. мн. с окончаниями неличных существительных (ср. в ИС *Pikasso*, *Kossak* → им. мн. *Pikassowie*, *Kossakowie*). Ср. обобщенно-символическое употребление (как правило, в форме плюратива) топонима и антропонимов в нижеследующих польском и украинском текстах, свидетельствующее также об апеллятивации этих онимов:

1) польск. *beneluksy* 'хорошо живущие западные страны' (топоним *Бенилюкс* охватывает только 3 определенные страны — Бельгию, Нидерланды и Люксембург): *...okazaliśmy nie dojrzałsi niż wszystkie beneluksy: tak jesteśmy postrzegani* (Przegląd. 02.01.2005);

2) укр. *шустеры* 'политические телекомментаторы' (от фамилии Савика Шустера): *У нас зароджується нова політична еліта. Її ще не видно, а ті «лідери», яких зранку до ночі крутять «шустери», це вже колишніе.* (Високий замок. 03.03.2009);

3) укр. *фритцлі* 'насилники, маньяки' (наряду с ед. ч. *фритцль* 'насилник, маньяк') (от фамилии австрийского маньяка Йозефа Фритцля): *Іще два «фритцлі»: в Італії та Колумбії; У неділю перед судом постав іще один «фритцль»* (Газета по-львівськи. 12.04.2009).

Однако более активными в современных литературных славянских языках являются процессы образования от проприальных основ производной лексики с помощью словообразовательных средств. Nomina propria в славянских языках активно участвуют в деривационных процессах в качестве словообразовательной основы, присоединяя как продуктивные славянские форманты, так и усилившие свою активность в последние десятилетия иноязычные аффиксы (суффиксы, префиксы, суффиксоиды, префиксоиды и т. д.).

¹ Информация об активизации подобных дериватов и конкретные примеры названий картин любезно предоставлены нам в устной беседе З. Рудник-Карватовой.

Присоединение словообразовательного форманта может сопровождаться переходом ИС в разряд апеллятивов, а может оставлять дериват в ономастическом пространстве, но переводить его в другой онимический класс. Например, присоединение к онимической основе, являющейся эргонимом (название объединений людей по какому-либо признаку: профессиональному, партийному и т. д.) или антропонимом, продуктивных суффиксов польск. *-owiec*, укр. *-івець* или чешск. *-ovec* переводит эргоним или антропоним в апеллятив со значением ‘сторонник / член / участник данного объединения, приверженец доктрины, провозглашаемой данной партией’, ‘сторонник / приверженец данного политика’. При этом суффикс присоединяется к эргониму, обычно функционирующему в виде аббревиатуры.

Примеры: польск. *eseldowiec* ← *SLD* ‘член партии SLD (Sojusz Lewicy Demokratycznej)’, *michnikowiec* ← *Michnik* ‘сторонник политика Адама Михника, редактора «Газеты выборчей», *walęsowiec* ← *Wałęsa* ‘приверженец Леха Валенсы’; укр. *НУНС’івець* ‘член / приверженец парламентской коалиции НУНС’, *бютівець* ‘член / приверженец БЮТ — Блока Юлии Тимошенко’, *самооборонівець* ‘член / сторонник движения «Народна самооборона»’, чешск. *zemanovci* ‘сторонники бывшего премьера Милоша Земана’ и мн. др.

Присоединение *-gate* (по типу *Watergate*) к ИС (антропониму, реже эргониму) переводит антропоним или эргоним в другой класс ИС — номинаций политических или хозяйственно-экономических событий, имеющих характер афер, спекуляций и т. п. Ср. польск. *Rywingate*, *Szaron-gate*, *Orlengate*, *Monicagate*, *Clintongate*, *Lapińskigate*, *Kuleczykgate* и т. п. При этом неизменяемые лексемы на *-gate* осознаются как слова ж. р., поскольку заменимы словосочетанием с существительным ж. р. «афера X’а»: *Tak rozwijała się Rywingate* (Polityka. 18.X.2008) ‘афера Рывина’.

Если *-land* (реже *-landia*) присоединяется к *nomen proprium*, называющему астионим, героя детского произведения или представителя шоу-бизнеса, то дериват обозначает топоним, являющийся местом / парком развлечений (прототип — *Disneyland*). Примеры: чешск. *Beckiland* — ‘детский парк развлечений’ (Dnes. 02.10.2008), *Becki* — имя героини дилогии М. Твена; польск. *Jacksonlandia* ‘парк развлечений, который должен был финансировать известный певец Майкл Джексон’; *Rabkoland* — ‘семейный парк развлечений в г. Рабка-Здруй’ (Przegląd. 19.12.2004).

Если *-land* присоединяется к антропониму, называющему политического деятеля, то дериват обозначает страну (административный хороним), причем обычно с пейоративной окраской (*Rywinland* ‘Польша определенного исторического периода, так называемая III Республика Польша’, то же *Kwaśnioland* — от фамилии А. Квасьневского, бывшего пре-

зидента Польши, *Millerland* — от Лешека Миллера — премьер-министра III Республики Польши, *Putinland* ‘современная Россия’). Пример контекста: *Jeśli będzie podtrzymywał tezę o 15 latach Rywinlandu...* (Przeгляд. 25.01.2005). Сочетание двух продуктивных в последнее время иноязычных формантов *euro-* (хотя статус этого сегмента спорен) и *-land* образует своеобразный оним ‘страны Европейского союза’: *Euroland*. Страну (в частности, Польшу определенного исторического периода) может называть и основа *stan-* (по типу *bantustan*), добавляемая к проприальной основе (ИС — имя политика или организации, определяющих в данный момент лицо страны): *Lechistan* (Польша времен Леха Валенсы), *Uzbekistan* (от *Ubeke* — разговорная номинация польского аналога КГБ — *Urząd Bezpieczeństwa* и одновременно аллюзия с *Uzbekistan*).

Рассмотрим, какие еще продуктивные иноязычные аффиксы или основы присоединяются к основам ИС (полным или усеченным) и какого рода дериваты образуются вследствие этих процессов.

1. «Постформанты» (находящиеся в постпозиции по отношению к проприальной основе):

а) основы:

— польск. *-mania*, русск. *-мания*, чешск. *-máníe* и т. п., обозначающие ‘преувеличенный интерес к кому-л. или чему-л., увлечение, зависимость от чего-л., кого-л.’.

В большинстве случаев ИС — фамилия известного политика (чаще всего), представителя шоу-бизнеса, популярного спортсмена, героя нашумевшего кинофильма или бестселлера. ИС — фамилия политика: польск. *jelcynomania*, русск. *ельциномания*, польск. *gorbomania* (с усечением от *Gorbaczew*), *golotomania* (от *Golota*); ИС — фамилия представителя шоу-бизнеса: польск. *presleyomania* (от *Presley*); ИС — фамилия известного спортсмена: чешск. *bauermáníe* (от лыжника Лукаша Бауэра), *jágrmáníe* (от хоккеиста Яромира Ягра), польск. *małyszomania* (от горнолыжника Адама Малыша); ИС — имя героя бестселлера или кинофильма: польск. *potteromania* (от Гарри Поттера — героя книг Дж. Роулинг и фильмов, снятых по этим книгам); *bondomania* / *Bondomania* (от супер-агента Джеймса Бонда).

Редко отмечаются дериваты от эргонимов-аббревиатур: польск. *NATO-mania* (конечный гласный основы *o* выполняет формальную «коннектирующую» функцию интерфикса). В отличие от основы *-gate*, не требующей предшествующего ей интерфикса, польск. *-mania* и русск. *-мания* требуют интерфикса *o*, чешские же примеры типа *bauermáníe*, *jágrmáníe* показывают, что в чешском языке интерфиксация не столь обязательна;

— польск. *-maniak* ‘маньяк’ (*bondomaniak*). Впрочем, здесь возможно и образование с помощью суффикса *-ak* от *bondomania*;

— польск. *-logia* ‘изучение, наука’ (*tuskologia* — от фамилии премьер-министра Польши Д. Туска);

— польск., чешск. *-fest*, русск. *-фест* ‘праздник, фестиваль’. Ср. *Аксенов-фест* (название фестиваля, проводимого в честь В. Аксенова в Казани), чешск. *Eurofest* (*Festival Eurofest*);

— русск., укр. *-навт* ‘плавающий’ (возможно, хотя данный элемент и образован от самостоятельного греческого слова *nautes* ‘(море)плаватель’, его отнесение к суффиксам): ср. укр. *кучмонавт* (по типу *астро-навт, космонавт*): *Та це й не дивно, бо ж багацько з них — колишні комуністи, колишні члени провладних партій і кучмонавти* (Поступ. 2008. № 11);

— русск., укр. *-лайф* ‘жизнь’ (укр. *Шустерлайф* — от фамилии телеведущего С. Шустера): *Навіть засідання парламенту перетворилося на Шустерлайф* (Поступ. 2008. № 11);

— польск., чешск. *-show*, русск., укр. *-шоу* ‘показ’ (польск. *Ziobrashow*, от фамилии бывшего министра юстиции Зёбры);

б) суффиксы:

— польск. *-izacj(a)* / *-uzacj(a)*, укр. *-изація* / *-изация* и т. п., обозначающие ‘процесс приобретения свойств, связанных с базовым ИС’.

ИС — антропоним (обычно фамилия политика): русск. *ельцинизация*, укр. *кучмизация*, польск. *breźniewizacja* (от *Breźniew* — Брежнев), *falandyzacja prawa* (от фамилии бывшего министра юстиции Польши Л. Фаландыша), *heideryzacja* (от фамилии австрийского политика Й. Хайдера), *arafatyzacja* (от фамилии Я. Арафата), *farfalizacja* (от фамилии председателя Комитета по телевидению и радиовещанию Польши П. Фарфала), *kaczoryzacja* (от прозвища братьев-близнецов Я. и Л. Качиньских *Kaczory*), *milleryzacja* (от фамилии Л. Миллера), *labudyzacja* (от фамилии Б. Лабуды) и мн. др. Дериваты, образованные от фамилий политиков, обозначают явление, с которым ассоциируется данный политик, и обычно негативно маркированы. Ср. польск. *falandyzacja (prawa)* ‘манипулирование правом по мере необходимости’, *heideryzacja* ‘фашизация’ и т. п. Лексема *falandyzacja* настолько укоренилась в польском языке, что выступает уже в качестве производящей базы нового слова — агента *falandyzator*.

ИС — административный хороним: польск. *brytanizacja* (от второго члена топонима *Wielka Brytania*), *watykanizacja* (от *Watykan*), *jordanizacja* (от *Jordania*), *libanizacja* (от *Liban*), *irakizacja* (от *Irak*), *rumunizacja* (от *Rumunia*) и мн. др. Как правило, дериваты, образованные от номинаций стран, также обозначают скорее негативные явления, характерные

для того или иного государства. Ср. *mongolizacja* ‘упадок’, *finlandyzacja* ‘превращение в зависимую страну’, ср. ***Finlandyzacja energetyczna Europy Zachodniej za pomocą rosyjskiego gazu i kapitału*** (Polityka. 18.10.2008).

ИС — эргоним: *makdonaldyzacja* (от названия фирмы *McDonald's*) ‘охват сетью этой фирмы многих стран в мире’. Известен создатель этого понятия, Джордж Ритцер. По образцу лексемы *makdonaldyzacja* образуется лексема *makdisneizacja*, означающая распространение «диснейлендов», посещение которых представляет собой определенное направление в туризме, связанное с предоставлением «искусственных развлечений». Ср.: *...turystyka uległa makdisneizacji, a tym, czego ludzie szukają, są właśnie sztuczne atrakcje* (Polityka. 01.09.2007);

— к проприальным основам присоединяются также такие сохраняющие свою продуктивность «интернациональные» суффиксы, как польск. *-izm / -yzm* (название явления / течения / направления и т. п.), *-ist- / -yst-* (агентивный суффикс со значением ‘сторонник, приверженец какого-л. течения, учения и т. п.’), *-it- / -yt-* ‘то же значение’. Примеры: *glempizm* (от Юзефа Глемпа), *thatcheryzm / taczeryzm* (от М. Тэтчер), *kuronizm* (от Яцека Куроня), *labudyzm* (от Б. Лабуды), *lepperyzm* (от лидера «Samobrony» А. Леппера), варианты *michnicyzm* и *michnikizm* (от А. Михника),okkaзионализм *belkizm* (от Марека Бельки — бывшего премьер-министра Польши) ‘явление отправления в заграничные представительства Польши бывших членов правительства’ (Przegląd. 19.12.2004) и мн. др. Новые слова на *-ist- / -yst-*, *-it- / -yt-* демонстрируют вовлеченность в процесс номинации тех же проприальных основ, свидетельствующую о популярности или особой непопулярности определенного круга политиков: *glempista*, *korwinista* (от Януша Корвина-Микке), *labudysta*, *milerysta*, *lechista = wałęsista* и т. п. Ср. русск. *толкинист* — новое слово, расширяющее круг старых агентивов на *-ист-* (*шовинист*, *троцкист*, *марксист* и т. п.);

— новые агентивы могут образовываться также путем присоединения к проприальной основе иноязычных суффиксов *-ator* и *-ant*. Например, новое образование со вторым суффиксом отмечено от названия премии *Busole*: *busolant* ‘получивший ежегодную премию журнала «Przegląd» *Busole*’ (в свою очередь, оним *Busole* — результат онимизации апеллятива *busole* ‘компасы’). Ср.: *ubiegłoroczny busolant* (Przegląd. 02.01.2005). Суффикс *-oid* ‘подобный’ также может присоединяться к онимическим основам: русск. *ельциноид*, польск. *balceroid* (от фамилии политика Лешека Бальцеровича — *Balcerowicz*, с усечением патронимического показателя *-owicz*), *urbanoid* (от фамилии редактора антиклерикального журнала «Nie» Ежи Урбана);

— словообразовательную активность сохраняют старые «иноформанты» *-(i)ada* и *-(i)ana*. При этом значение деривата зависит от характера проприальной основы (лицо или топоним, политик или деятель культуры). Так, существительные на *-(i)ada*, мотивированные ИС выдающегося деятеля культуры, имеют значение ‘название культурного мероприятия, фестиваля и т. п.’: польск. *Felliniada* ‘фестиваль независимого искусства, соотносящегося с эстетикой и стилистикой Ф. Феллини’ (при этом функционируют и аббревиатуры *FF* — *male FF* и *duże FF* — называющие две части этого мероприятия).

Если ИС представлено именем, прозвищем или фамилией политика, то дериват на *-(i)ada* называет ‘политическую деятельность этого политика или наиболее яркие события, связанные с ним’, ‘эпопею’: *clinton(i)ada*, *belwederiada* (от прозвища Л. Валенсы *Belweder*, мотивированного названием его резиденции), синоним *walęsiada*. Образования на *-(i)ana* могут означать или ‘собрание материалов, документов, литературы и предметов, относящихся к лицу или месту, названному базовой проприальной основой’ (*Kresowiana* от топонима *Kresy* — восточные районы бывшей Речи Посполитой), или ‘мероприятие в честь лица, названного основой, или как-то связанное с его деятельностью’ (*Albertiana* — от агнионима *św. Albert* ‘Общепольский театрально-музыкальный фестиваль лиц с недостатками умственного развития’).

Если русск. *Шопениана* ‘название балета’ — весьма давнее образование (с момента постановки этого балета М. Фокиным), то польск. *Chopiniana* в значении ‘фестиваль в Варшаве’ — новое слово (Polityka. 22.09.2007). В некоторых случаях одна и та же лексема может обозначать и ‘собрание документов’ (*чеховиана*) и ‘мероприятие’ (*Чеховиана* в новом значении ‘фестиваль чеховской драматургии’).

2. Префиксы, префиксоиды и другие форманты, предшествующие базисной проприальной основе:

— польск. *anty-*, русск. *анти-*. Старый грецизм (ср. древнейшие образования *Antychryst*, *Антихрист*), не утративший своей продуктивности. Ср. польск. *Anty Rotfeld* (*Rotfeld* — бывший министр иностранных дел Польши), *Anty Miller*. Присоединяется как непосредственно к проприальной основе (ср. *Anty Rotfeld*, *Anty Miller*), так и к деривату от ИС (польск. *antylepperiada*);

— польск. *post-*, русск. *пост-*. Обычно присоединяется к деривату от ИС (например, русск. *постельцинизм*, *постельцинский* и т. п.);

— *de-*, как и *post-*, добавляется к деривату от ИС (обычно с суффиксом *-izacja* / *-yzacja*: польск. *dewalęsyzacja*, *demilleryzacja* и т. п.);

— *pro-*. Выступает в качестве первого члена конфикса, представляющего собой контаминацию генетически иноязычной и славянской морфем: польск. *pro-...-owsk(i)*, укр. *pro-...-івськ(ий)*, чешск. *pro-...ovsk(ý)* и т. д. Примеры: чешск. *prozemanovský*, ср. *rozjezd prozemanovského sdružení* (Dnes. 25.09.2008), укр. *протимошенківський* (от фамилии премьер-министра Ю. Тимошенко) и т. п.;

— *super-*. Чрезвычайно продуктивный формант, часто употребляющийся как самостоятельное слово, продемонстрировал свою словообразовательную активность при присоединении к польскому идеониму: *super-Skrzypek na dachu* ‘супер-Скрипач на крыше’ (речь идет о постановке мюзикла, который представляет собой *super-widowisko* — ‘супер-зрелище’).

Иноязычный оним (например, эргоним *Hollywood*) может стать образцом для образования нового эргонима, относящегося к тому же типу референта, что и образец: *Bollywood* ‘индийская киноиндустрия’ → польск. *bollywoodzki* (*bollywoodzka wersja* чего-л.). Как и *Hollywood*, в польском *Bollywood* остается неизменным, но приобретает средний род: *Klasyczne Bollywood to właśnie «Czasem słońce, czasem deszcz»* (Przeгляд. 02.01.2005).

Из собственно славянских формантов остается продуктивным и в сфере отонимической деривации суффикс «опредмечивания» *-k(a)*, осложненный разными сегментами: русск. *-ов-* (*-овка*), польск. *-ów-* (*-ówka*), укр. *-ів-* (*-івка*) и т. п. Пример нового отонимического апеллятива с *-k(a)*: польск. *warszawka* (от астионима *Warszawa*) — пренебр. ‘правлящая элита, подбор в которую осуществляется не по деловым качествам, а на основе личных связей, при этом стирается граница между частными и служебными отношениями’: *W tym czasie nakręcił film* (речь идет о режиссере Мариуше Трелинском — *H. A.*) «*Egoiści*» — *rodzaj rozliczenia środowiskowego ze światem warszawki artystyczno-biznesowej* (Polityka. 18.10.2008).

Возможно, что *warszawka* непосредственно и не мотивирована топонимом, а является универбом словосочетания *układ warszawski*. Во всяком случае, именно в синонимичном слову *warszawka* значении это словосочетание употребляется в последнее время в польской прессе. Ср.: *Warto zatrzymać się nad jeszcze jednym sukcesem — rozbiciem tak zwanego układu warszawskiego, który oczywiście zgłoszono z wielką pompą na konferencji prasowej ministra Ziobry* (Polityka. 22.09.2007).

Кстати, в данном случае мы имеем дело с наполнением новым содержанием словосочетания *układ warszawski*, которое ранее (при написании обоих членов с буквы — *Układ Warszawski*) было эргонимом, называю-

щим определенный военно-политический союз — *Варшавский договор*. Среди отонимических образований встречается немало таких неосемантизмов: *unita* — член «Unii Wolności» или «Unii Demokratycznej» (старое значение ‘униат’), *maryjny* — относится не только к культу Девы Марии, но и к радиостанции. Т. Рыдыка «Maryja», *legionista* (старые значения — ‘член легионов Писудского’ или ‘член легионов времен Наполеона’) — член футбольной команды «Legia», русск. и укр. *фабрикант* — неосемантизм в значении ‘участник передачи «Фабрика звезд» / «Фабрика зірок»’, ср. укр. *Зіркова наставниця «фабрикантів» і надалі опікуватиметься тими, хто вийшов з її зірок; Наставниця «фабрикантів» Наталія Могилевська* (Високий замок. 02.04.2009), *регионал*, мн. *регионали* — ‘члены «Партии регионов» (сокращенно «Регіони»)» и др.

Жители Украины как в своей русской речи, так и в украинской употребляют существительное *кравчучка* ‘сумка на колесиках’, образованное от фамилии первого президента Украины Леонида Кравчука.

Пример польского существительного, образованного от ИС с суффиксом *-ówka*: *kuroniówka* (от фамилии Яцека Куроня, бывшего министра труда Польши), имеющее два значения: 1. суп, выдаваемый бесплатно малоимущим и безработным; 2. пособие по безработице.

О суффиксах типа польск. *-owiec*, укр. *-ивець* и т. п., обозначающих члена партии, группы, приверженца какого-либо политика, мы упоминали выше.

От проприальных основ, представленных эргонимами (сложносокращенными или однословными) или антропонимами, активно образуются новые прилагательные с суффиксами типа польск. *-owski*-, чешск. *-ovsk-*, укр. *-івськ-* и т. д. Надо сказать, что в польском и чешском языках эти образования наиболее активны: нередко польскому отэргонимическому образованию в русском соответствует лакуна или предпочтительнее употребление падежной субстантивной формы или прилагательного с другим суффиксом (ср. *KGB* → польск. *kąbełowski*, русск. *кэзэбешный*). Наличие кавычек в ряде украинских депроприальных адъективов свидетельствует также об их окказиональном характере. Примеры:

а) ИС = эргоним: польск. *Orlen* → *orlenowski* (*orlenowska komisja śledcza* ‘Следственная комиссия по делу фирмы «Орлен»’), *PIS* (аббревиатура названия партии «Prawo i Sprawiedliwość» — «Право и справедливость») → *pisowski* (*diagnoza pisowska* ‘диагноз ПиСу’), *SLD* → *SLD-owski* (*SLD-owski poseł Zbyszek Zaborowski*); укр. *Рух* → *рухівський* («Рух» — сокращенное название партии «Народний Рух України»), ср.: *Ми випускали «рухівську» газету* (Високий замок. 02.04.2009).

б) ИС = антропоним: польск. *Balcerowicz* → *balcerowiczowski*

(*balcerowiczowska transformacja*), *Miller* → *millerowski* (*układ millerowski*), ср. в контексте: *To ludzie, którzy nie byli w układzie millerowskim* (Przegląd. 02.01.2005), чешск. *Dylan* → *dylanovský* (*dylanovská kliše*), *Fellini* → *fellinovsky* (*fellinovské pasáže* ‘в стиле Феллини’), укр. *тимошенківському крилі державлади*, *рябчуківський* (от фамилии политика Рябчука): *історик знову повернувся до «рябчуківської» теми двох Україн* (Поступ. 12.2008).

Если аббревиатура-эргоним оканчивается на гласный (кроме *o*), то прилагательное со значением ‘относящийся к данному эргониму’ образуется не от аббревиатуры, а от субстантивного члена номинации. Ср. польск. *NATO* → *wski*, русск. *натовский*, но от польск. *UE* (‘Unia Europejska’ — Европейский союз) → *unijny*.

В польском языке возможны новые депроприальные лексемы с суффиксом *-ak*, обозначающим ‘место’ (по типу *zieleniak*, *deptak*). Например, образование от названия известной парижской площади, где собираются «ночные бабочки», *pigalak*: *Nowy oddział PKO BP przy ul. Szlak w Krakowie otwarto na pigalaku — skarżą się Krakowianie. Jak mówią, aby wejść do banku, trzeba się przebić przez szpaler prostytutek* (Przegląd. 19.12.2004).

В ряде случаев возможно двойное объяснение образования апеллятива от онима. Так, пренебр. *uwol* ‘член партии «Unia Wolności»’ можно рассматривать: 1) как дериват от аббревиатуры *UW* с суффиксом пейоративной окраски *-ol* (→ *uwol*) или 2) как результат усечения двух компонентов словосочетания «Unia Wolności»: первого до вокала *u*, второго до слога *wol* (→ *uwol*).

Уникальные композиты, состоящие из двух антропонимов, также демонстрируют словообразовательные потенции системы. Например, польск. *KunoŻagiel* (о двух бизнесменах с фамилиями *Kuno* и *Żagiel*, похожих друг на друга). Своеобразный композит образовал фельетонист «Политики» от часто повторяемых в эпоху ПНР фамилий двух председателей землячеств немцев, высланных из Польши после 1945 г., *Czaja* и *Hupka*: *czajaihupka*, *hupkaiczaja* (Polityka. 01.09.2007). Последние два примера — яркий образец «игры со словом» и авторского словотворчества.

Анализ депроприальной лексики, функционирующей в языке СМИ, показал, что базовыми онимическими основами в современных славянских литературных языках являются личные имена (чаще всего политиков), а также названия стран и эргонимы. Ср. огромное число формаций как с собственно польскими, так и иноязычными словообразовательными маркерами от фамилии, имени и даже прозвища первого посткоммунистического президента Польши. От *Wałęsa* — *walęsizm*, *walęsiada*,

walęsowszczyzna, walęsówka ‘политика Л. Валенсы’; *walęsiak, walęsowiec, walęsista, walęsowicz* ‘сторонник Л. Валенсы’; *dewalęszyzacja*; от имени *Lech* — *lechista* ‘сторонник Л. Валенсы’, *Lechistan* ‘Польша периода правления Л. Валенсы’; от прозвища *Belweder* — *belwederiada* ‘деятельность Л. Валенсы’.

Таким образом, мы видим, что между народными говорами и современными литературными славянскими языками, представленными в масс-медиа, существуют огромные различия в образовании отонимической лексики. Если в говорах это апеллятивы от укоренившихся в славянских языках после принятия христианства личных имен (причем часто представленных разговорными модификациями с древнейшим суффиксом *-k-*), то в языке славянских СМИ это проприальные основы, номинирующие чаще всего политиков, спортсменов, представителей шоу-бизнеса, героев популярных кинофильмов. Реже это прецедентные имена деятелей мировой культуры (в польском языке: *Chopin, Mozart, Fellini, Wajda*). Если по народным номинациям (растений, животных и т. д.) в случае возможности определить мотивационный признак, по которому тот или иной оним стал названием представителя фауны или флоры, мы можем изучать языковую картину мира, отраженную в этих именах (ср. русск. диал. название гриба *дунька*, мотивированное его «раздутым» видом, т. е. формой гриба, или приведенные в статье *фролы* или *петровы батоги*, соотносящиеся со временем произрастания растений), то новая отонимическая лексика литературных славянских языков демонстрирует словообразовательные потенции системы и отражает определенную социально-политическую ситуацию в обществе, формируемую при активном воздействии СМИ: высокую значимость политической жизни и политиков (причем активно используются антропонимы как популярных, так и непопулярных политиков: многие дериваты отрицательно маркированы), спорта и шоу-бизнеса. Справедливы полные пессимизма слова Т. Ружевица из его последней книги «Wyjście» по поводу современного духовного состояния общества: *Zresztą filozofia, podobnie jak teologia, mało kogo dzisiaj obchodzą. Zastąpiły je media i sport* (здесь и далее выделено нами — Н. А.) — *filozofia piłki nożnej / zastąpiła teologię fundamentalną / w Argentynie ludzie modlą się do świętej maradonny* — цит. по: Przegląd. 02.07.2005.

Кроме антропонимов (причем обычно фамилий), в качестве деривационной базы используются имена только сверхизвестных политиков (ср. польск. *Lech* — имя Л. Валенсы и *Aleksander* — имя А. Квасьневского), это названия стран и эргонимы. Демонстрируя словообразовательные потенции системы, а в ряде случаев проявление глобализационных про-

цессов в сфере славянской деривации (в частности, при участии в образовании отонимических формаций интернациональных словообразовательных средств), новая депроприальная лексика, номинируя актуальные и быстро меняющиеся реалии окружающей нас действительности, обладает тем самым высокой степенью нестабильности и подвижности, свойством сравнительно быстро переходить в разряд историзмов. Так, особой подвижностью обладают эргонимы (в том числе номинации партий и общественных объединений) и, соответственно, дериваты от этих слов. Как справедливо пишет польский журналист С. Тым, *naszym dzisiejszym pisem* (PiS — «Prawo i Sprawiedliwość» — одна из двух активных партий в современной Польше — *H. A.*) *był wszechwładny AWS* (Акція Wyborcza Solidarność — *H. A.*) *Mariana Krzaklewskiego. Wszechwładny? Kto dziś pamięta AWS Mariana Krzaklewskiego. I to jest optymistyczne, że nikt* (Polityka. 01.09.2007).

С уходом с политической сцены очередного политика, а со спортивной или эстрадной — прежнего кумира публики в языковой архив (или пассив) отправляются и номинации, образованные от их имен. В отличие от депроприальной лексики литературных славянских языков, манифестирующей прежде всего словообразовательные потенции и тенденции развития деривационной системы (что проявляется, в частности, в значительном количестве окказионализмов среди этих номинаций), в эпонимах народных говоров, называющих постоянные фрагменты окружающего нас мира природы, важна их номинативная функция, закодированная в них этнокультурная информация. В образованных по типу онимов «квазионимах», функционирующих в сленге и разговорной речи (типа *клава* ‘клавиатура компьютера’ и т. п.) находят проявление экспрессивная, людическая и корпоративная функции языка.

Литература

- Арьянова В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1–3. Томск, 2006–2008.
- Березович Е. Л. Славянская ксенонимия и типология мотивационных параллелей // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г.: Доклады российской делегации. М., 2008.
- Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М., 2008.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. И–О. М., 1955.
- Закревская Я. В. Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті. Київ, 1976.
- Коваль Ю. Суер-Вьер. М., 2008.
- Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.

Москаленко Л. А. Гносеологічні корені димотивованих і полімотивованих фітономенів (на матеріалі ботанічної лексики Миколаївської області) // *Мовознавство*. 2008. № 6.

Юнаковская А. А. Омское городское просторечие: фразеология: Словарь. Омск, 2004.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.

K. Kleszczowa (Katowice)

Błąd z perspektywy dynamiki języka

Dynamika języka, na każdym etapie jego rozwoju, to fakt ogólnie znany i akceptowany także przez tych lingwistów, którzy skupiają uwagę na opisie współczesności, a nie na zmianach. Najczęściej wnioskowanie opiera się na elementach nowych, na bazie innowacji. Rzadziej patrzymy na to, co w języku starzeje się bądź na to, co całkowicie jest już wycofane, chyba że innowacja zajmuje miejsce właśnie tego elementu. Jednak olbrzymia redundancja, na każdym poziomie języka, sprawia, że to, co wycofuje się z języka, jest słabo postrzegane i na ogół pomijane w opisach. Nie dziwi to, bo przecież przy opisie języka skupiamy uwagę na tym, co jest, a nie na tym, czego nie ma bądź co rzadko jest używane. Pełnym ruchem, zarówno w obserwacji innowacji, jak i wycofywania się znaków i reguł językowych, zajmuje się lingwistyka historyczna. Autorka niniejszego tekstu reprezentuje tę właśnie gałąź językoznawstwa, choć w niniejszym artykule rozważania zamierza przeprowadzać na współczesnym języku polskim.

Gdy w studiach historycznojęzykowych mowa o zmianach językowych, zazwyczaj skupiamy uwagę na przebiegu wybranego procesu, starając się dotrzeć do jego początków. Jak chodzi o koniec, zatem efekt procesu, mamy go dany. Taki ogląd dynamiki współczesnego nam języka nie jest możliwy. Można mówić o początku, można pokazać przebieg, choćby w perspektywie dziesięcioleci, a nawet kilku lat, ale jaki będzie efekt tego, co się aktualnie dzieje, tego nie wiemy. Możemy co najwyżej prognozować, przewidywać, jednak przypuszczeń nie da się zweryfikować. Czasami lingwiści na dowód przywołują fakty z przeszłości bądź z innych języków, doszukując się analogii, szukając w czasie i przestrzeni prawidłowości, ale, mocno to podkreśla się we współczesnej historiografii, jest to dość zawodny sposób wnioskowania.

Unikanie prognoz wynika nie tylko z «nędzy historyzmu»¹, ale też z samych podstaw metodologicznych. Autorka tego artykułu wpisuje się w nurt chaologii, teorii powstałej wprawdzie w naukach przyrodniczych, ale coraz

---

¹ Zdaniem K. Poppera wskazanie tendencji rozwojowej jest jedynie stwierdzeniem faktu. Nie znaczy to, że o ile znowu zaistnieją określone warunki, fakt powtórzy się ([Popper 1957 / 1992], [Popper 1999]).

częściej aplikowanej do humanistyki, w tym do lingwistyki². Przyjmuję, że u podstaw zmiany językowej jest nadmierne złamanie reguły językowej, tak duże, że rodzą się siły porządkujące «stan chaosu». Moim zadaniem jest pokazywanie, jak doszło do złamania reguły językowej [Kleszczowa 2008]. Sięgam zatem wstecz w trójkę ‘początek — przebieg — koniec procesu językowego’. W takim układzie to, co aktualnie dzieje się w języku jest w równym stopniu ważne, jak obserwacja burzenia reguły w wiekach przeszłych.

Obserwację aktualnych zjawisk języka utrudnia norma językowa. Narzucana oświata i wzorami medialnymi konwencja każe szukać pośrednich dróg wnioskowania. Jedną z takich dróg są błędy językowe bądź wahania w doborze właściwego środka językowego. Tym zajmuje się głównie lingwistyka normatywna, ale rzadko wyciąga się z działalności poprawnościowej wnioski ogólne, w każdym razie, nie są to konstatacje natury ewolucyjnej. Inny odłam lingwistów obserwujących «błędy» to nurt socjolingwistyczny, upatrujący w tym zjawisku mieszania odmian języka i rodzenia się nowych. Dla mnie błędy i wątpliwości w doborze środków językowych są przejawem rozchwiania kompetencji językowej, zatem pośrednim dowodem burzenia reguły. Dlatego też warto przejrzeć materiały, jakie mieszczą poradnie językowe. Ludzie pytają, bo mają wątpliwości, czy dana forma jest zła, czy dobra. Chodzi tu zazwyczaj o formy, które napotkali u innych, a nie są w stanie z całą stanowczością ocenić ich poprawność. Mają wątpliwości, czy to w ogóle błędy, bo być może jest to innowacja językowa. Warto dodać, że pytania o poprawność zadają ludzie o wyższej świadomości językowej, ludzie, którzy wprawdzie nie zajmują się językiem profesjonalnie, ale przejawiają wrażliwość, nie jest im obojętny kształt języka ojczystego (ci mniej wrażliwi w ogóle nie pytają!). Kompetencja tych ludzi zderza się z kompetencją lingwistów. Ci formułują odpowiedź na podstawie znajomości zasad systemowych języka, ale nie zawsze są w stanie ukryć wahania, bo, po pierwsze, system często oferuje rozwiązania wariantywne, po drugie — nawet podanie kilku możliwości nie satysfakcjonuje udzielającego porady językowej i nieraz radzi, aby «ominać» problem³.

Zachwiana kompetencja zdradza te sfery języka, które są słabsze, wnioskować zatem można, że te obszary wycofują się z języka. Są w odwrocie nawet wtedy, gdy nadal działa reguła, ale jej funkcja ogranicza się raczej do rozpoznawania; nie tworzymy za jej pomocą nowych znaków czy konstrukcji językowych. Jak chodzi o słowotwórstwo, to można tu mówić o dwóch zjawiskach:

² W Polsce po raz pierwszy problemy chaologii w naukach humanistycznych podnieszone były na konferencji nt. «Efekt motyla» (27–28 maja 2004 r., na Uniwersytecie Wrocławskim). Płonem tej konferencji jest tom [Efekt motyla 2006].

³ I np. na pytanie, czy lepiej powiedzieć *badania aprobacyjne*, a może: *badania aprobacyjne* (od *aprobata*), kończąc poradę, językoznawca pisze: «Wydaje mi się, że badania *kwalifikacyjne* byłyby właściwym określeniem».

żywołności oraz produktywności typów słowotwórczych [Kleszczowa 1994]. Produktywnością lingwiści często się zajmują, o wiele rzadziej — żywołnością. Tę wprawdzie opisuje się, ale się jej nie bada, w każdym razie — nie bada się tak, jak ja to zamierzam uczynić.

W rozważaniach wykorzystuję materiał językowy czterech poradni językowych: warszawskiego PWN (www.poradnia.pwn.pl), wrocławskiej (www.poradnia-jezykowa.uni.wroc.pl), krakowskiej (www.poradnia.polonistyka.uj.edu.pl) i katowickiej (www.poradniajezykowa.us.edu.pl; tu sama też jestem autorką porad). Lingwistę, który na bazie materiałów z poradni językowych zamierza wnioskować o dynamice współczesnego języka, zdumiewa, że pytania skupiają się wokół podobnych problemów, mianowicie: nazw mieszkańców, nazw żeńskich oraz tworzenia przymiotników. W dalszej kolejności użytkownicy polszczyzny pytają o nazwy wykonawców czynności, przy czym zazwyczaj chodzi o adaptację zapożyczeń. Do ostatniej klasy częstych pytań o poprawną formę deminutywów, głównie rzeczownikowych, ale też przymiotnikowych.

Nazwy mieszkańców

Żywołność, a nie produktywność reguł słowotwórczych szczególnie wyraźnie widać w nazwach mieszkańców oraz przymiotnikach tworzonych na bazie nazw miejscowości. Rzecz ciekawa tym bardziej, że o poprawność pytają osoby mieszkające w danej miejscowości, co wyraźnie świadczy o tym, że te nazwy nie są w częstym użyciu. Ja sama mieszkam w Sosnowcu, ale nie mówię o sobie *sosnowiczanka*. Z odnotowanych pytań przykładowo wymienić można: jak nazywa się mieszkaniec Żor (*zorzaniin*), Bornego-Sulinowa (*bornianin*), Ostrowca Świętokrzyskiego (*ostrowczaniin*⁴), Bielsko-Białej (*bielszczaniin*), Łomży (*lomżaniin*⁵), Kartuz (tu pytający podał trzy warianty: *kartuzjaniin*, *kartuzianiin*, *kartuziaki*). Padło nawet pytanie o mieszkańca znanego wszystkim Polakom miasta Zakopanego (*zakopianin*). Pytano też, jak nazwać osobę, która mieszka w stolicy, z zaznaczeniem, że «odpowiedź *warszawiak* bądź *warszawianin* mnie nie zadowoli» — warto zwrócić tu uwagę na fakt, że mieszkaniec Warszawy przywołuje tu dwie nazwy (!)⁶, zatem nawet mocno utrwalone w tradycji nazwy budzą wątpliwości. Skoro padają pytania o oczywiste nazwy, znane Polakom od dawna, to co powiedzieć o nazwach nowych państw bądź tych nazw, z którymi Polacy wcześniej się nie stykali.

⁴ Dodaje prosząca o poradę: «Pytam, ponieważ jeszcze do niedawna używano powszechnie formy: *ostrowianin*, *ostrowianka*».

⁵ Pytający wahał się, czy może powinno się mówić *Lomżan*?

⁶ Oczywiście z trzech propozycji: *stoliczaniin*, *stoliczczaniin*, *stoliczczaniin* lingwista wybrał pierwszą.

Niepodległość Kosowa u niektórych obudziła chęć nazwania mieszkańca, a problem był w tym, że obok nazwy *kosowianin* w mediach pojawiła się konkurencyjna nazwa *kosowar* (z angielskiego *Kosovar*). Na pytanie: «Kto mieszka na Plutonie?» lingwista odpowiada: «Może Plutonianin (jak Marsjanin i Wenusjanin), a może Plutończyk (jak Kameruńczyk, bostończyk i pekińczyk — mieszkaniec Pekinu).» Pytają ludzie: Jak brzmi nazwa mieszkanki wyspy Kreta? Jak nazwać mieszkańca Togo?

Częstość wątpliwości w posługiwaniu się nazwami mieszkańców rodzi podejrzenie, że to kategoria cofająca się z polszczyzny. Potwierdzają to wyniki wyszukiwania w Internecie. Oto kilka danych:

<i>mieszkaniec Warszawy</i> 356 000	<i>warszawiak</i> 179 000 <i>warszawianin</i> 10 000
<i>mieszkaniec Gdańska</i> 966 000	<i>gdańszczanin</i> 60 400
<i>mieszkaniec Katowic</i> 164 000	<i>katowiczanie</i> 10 100
<i>mieszkaniec Sosnowca</i> 40 000	<i>sosnowiczanie</i> 14 300
<i>mieszkaniec Zakopanego</i> 47 800	<i>zakopiańczyk</i> 5 640 <i>zakopianin</i> 223
<i>mieszkaniec Żor</i> 14 200	<i>żorzanie</i> 210
<i>mieszkaniec Moskwy</i> 33 400	<i>moskwiczanie</i> 400
<i>mieszkaniec Pragi</i> 36 800	<i>prażanie</i> 1 760

Oceniając proporcje między słotwórczym a syntaktycznym sposobem mówienia o mieszkańcu, podawałam tylko schemat *mieszkaniec* + *miasto*, a przecież są jeszcze inne konstrukcje, jak np. *człowiek z Warszawy*, *osoba z Warszawy*, *osobistość ówczesnej Warszawy*, *ktoś z Warszawy*. Gdyby te brać pod uwagę, stosowalność nazw mieszkańców byłaby jeszcze skromniejsza.

Okazuje się, że zdecydowanie częściej Polacy posługują się wyrażeniem *mieszkaniec* + *nazwa miasta* niż derywatem będącym nazwą mieszkańca. Warto dodać, że w tabeli znajdują się miasta większe. Bo jak spytać o mieszkańców małych miejscowości, to ja sama, mimo iż jestem więcej niż przeciętnym użytkownikiem języka, nie odpowiem bez zastanowienia się, jak nazywa się mieszkaniec Szopienic, Jaworzna, Łaz czy Bukowna. Wymieniłam nazwy miejscowości bliskich mojego miejsca zamieszkania, a mimo to nie używam nazw ich mieszkańców. Widać zatem wyraźnie, że mówimy o kategorii słotwórczej, która jest w odwrocie, że język «preferuje» dwuwyrzowy wariant, wprawdzie mniej ekonomiczny, jak chodzi o liczbę sylab, ale łatwiejszy w tworzeniu.

Nazwy żeńskie

Jak chodzi o nazwy żeńskie, w poradnictwie obserwuje się dwie ścierające się ze sobą tendencje. Z jednej strony opory budzą żeńskie postaci prestiżo-

wych zawodów, por. *wójt, burmistrz, starościna* (lepiej *Pani wójt, burmistrz, starosta*), *kosmonauta, wykładowca, pirotechnik, muzyk*, z drugiej zaś strony w środowiskach feministycznych rodzą się pomysły szerzenia żeńskich odpowiedników dla przyjętych przez normę postaci męskich z uzupełnieniem: *pani* (*minister, premier, rektor*), np. *ta ministra, ta profesora*, także *naukowczyni, teoretyczka, praktyczka, psycholożka, filolożka, ekolożka, polityczka, antropolożka, archeolożka, astrolożka, teolożka*. Jak rzecz ma się z perspektywy historycznej? Okazuje się, że fala rugowania rzeczowników z żeńskimi wykładnikami słowotwórczymi (*-ka, -ica, -ina, -ini / -yni*) ma swój początek już w XIV wieku (!)⁷. Wiele przykładów na użycie męskiej postaci rzeczownika na osobę płci żeńskiej znajdujemy w *Słowniku Lindego*, np. *Pani i wódz rzymskiej czystości Lukrecyja*. Warg. Wal. 187; *Palas była wynalazcą przedziwa*. Otw. Ow. 139. Nie jest zatem nowością w polskim języku stosowanie rzeczowników męskich dla nazywania kobiet. Czy walka feministek odwróci kierunek przemian w języku? W moim przekonaniu nie, ale, pisałam o tym wcześniej, prognozy lingwistyczne mogą być zawodne, wyraziłam tu raczej swoją wiarę, a nie sąd naukowy. Bo według Marka Łazińskiego, pytanego o poprawność derywatu *piłkarka* ‘kobieta piłkarz’, «Nazwy żeńskie osobowe tworzy się dziś łatwiej niż przed dwudziestu laty. Nawet jeśli nazwy urzędów czy tytułów nadal blokują derywację żeńską, to nazwy przedstawicieli dyscyplin sportowych od dawna tworzą takie formy bez ograniczeń. Konsekwentnie pisałbym też: *obrończyni, królowa strzelców i sędzia liniowa* (a nie *sędzia liniowy*)» [Łaziński 2006].

Warto w tym miejscu dodać, że rzecz toczy się nie tylko o nazwy zawodowe kobiet, ale w ogóle o żeńskość. Brak w polszczyźnie odpowiednika dla rzeczowników *jeźdźca, chojrak, śmiałek, barbarzyńca, pielgrzym, wagabunda, kloszard, ludożerca*. Jest też problem tworzenia nazw dla zwierząt-samic. I tak np. jeden z pytających stawia problem: «Czy poprawna jest nazwa *pudlica* czy *pudliczka*?» Pada pytanie, mimo iż mocno osadzonym przyrostkiem dla nazw samic jest *-ica*, por. *łosica, kanarzyca, żółwica, gorylica, kangurzyca, królicza, bawolica, szympanśca, kocica*, zatem też może być *pudlica*. Ale nawet właściciele psów wolą mówić *samica ratlera, buldoga, yorka* (ang. *yorkshire terrier*), a nie: **buldożyca, *ratlerzyca, *yoreczyca* czy — *pudlica*. Problem szczególnie trudny, gdy mamy do czynienia z rasą wcześniej nieznaną. Pada zatem pytanie: «Mam problem z żeńską formą pewnej fantastycznej rasy. Chodzi o rasę *mremów*. Jaka będzie żeńska forma tej rasy: *mremka, mremijka*, a może *mremianka*, gdy męska to *mrem*?»

⁷ M. Kucała przytacza przykład z roku 1394: *Jachna, powod de Solcza, habet terminum cum Michaele et cum Stephano...* [Kucała 1978: 47].

Przymiotniki

W pytaniach kierowanych do poradni językowych często pojawia problem poprawności przymiotników. W tym zakresie daje się wydzielić dwie wielkie klasy, mianowicie 1) problem adaptacji obcych przymiotników oraz 2) tworzenie przymiotników odrzeczownikowych, od podstaw rodzimych i obcych.

1) Problemy adaptacyjne dotyczą głównie języka nauki, łatwo domyślić się, że impulsem tworzenia jest literatura w języku angielskim. Funkcję elementu włączającego obcy przymiotnik (nie tylko angielski) do klasy polskich przymiotników pełni przyrostek *-ny*, czasami z rozszerzeniem *-yczny / -iczny*, zatem: *ambivalent* — *ambiwalent-* + *-ny*, *indolent* — *indolent-* + *-ny*, *relevant* — *relewant-* + *-ny*, ang. *evident*, fr. *évident* — *ewident-* + *-ny*, *equipollent* — *ekwipolent-* + *-ny*, *circular* — *cyrkular-* + *-ny*, *circulant* — *cyrkulant-* + *-ny*, *dissiparative* — *dysypatyw-* + *-ny* (*struktura dysypatywna, układ dysypatywny*). Problem o tyle jest interesujący z punktu widzenia historii polszczyzny, że ciągle aktywnym formantem adaptacyjnym jest przyrostek *-ny*, mimo powtarzanej od dziesięcioleci prognozy o wypieraniu go przez ekspansywny formant *-owy* [Satkiewicz 1969].

2) Formant *-owy* pojawia się częściej w klasie przymiotników odrzeczownikowych, por. *modułowy, ubraniowy, murowy*. I w tym miejscu należy postawić pytanie: Czy wątpliwości poprawnościowe budzi formant, czy może w ogóle tworzenie przymiotników na bazie np. nazw zwierząt. Historia uczy nas, że klasa przymiotników odrzeczownikowych kurczy się w historii polszczyzny, że od *mysz*, to nie tylko *myszy* (dziś: *mysi*), ale i *myszowy, myszaty*, prócz *barani* było *barańczy* i *baranowy*.

Nie formant jest problemem w budowaniu takich słowoforn, a w ogóle zasadność tworzenia przymiotnika. Tak więc, mimo iż funkcjonują przymiotniki od rzeczowników nijakich na *-ę*, np. *zwierzęcy, dziecięcy, cielęcy (kotlet)*, opory budzi wyrażenie *pierś kurczęca*, według udzielającego porady językowej lepiej powiedzieć: *pierś z kurczaka*; zamiast *kawowa przerwa* lingwiści radzą, aby mówić *przerwa na kawę, paziowa szata* ich zdaniem brzmi niezręcznie, lepiej powiedzieć: *szata pazia*, a zamiast *sklep nurkowy* — *sklep dla nurka*, zamiast *usługi przewodnickie* — *usługi przewodników* itd. Problem o tyle interesujący, że obecny stan wpisuje się w przebieg procesu, który obserwowałam kilka lat wcześniej na materiale historycznym [Kleszczowa 2003].

Już dawno w polskiej literaturze sygnalizuje się zastępowanie słotwórczego sposobu sygnalizowania relacji dzierżawczości sposobem składniowym [Szlifarszteinowa 1960]. Relacja dzierżawczości, charakterystyczna dla piśmiennej polszczyzny pierwszych wieków, została wprowadzona, ale nie jest już tak silnie specyfikowana przez system słotwórczy. Okazuje się jednak, że nie tylko ta relacja jest w odwrocie. Bardzo wiele staropolskich przymiotni-

ków wyrażamy dziś w sposób składniowy, za pomocą przydawki kazualnej bądź przyimkowej. Nie znaczy to jednak, że wszystkie użycia zostały wycofane z języka. Najczęściej mamy sytuację, że staropolski przymiotnik nadal funkcjonuje, ale w ograniczonym zakresie. Oto garść przykładów:

staropolskie: *cesarski gniew* — dziś: *gniew cesarza*, choć mówi się: *cesarski tron, rozkaz, dwór*;

staropolskie: *cisowy pień* — dziś: *pień cisu* (ale nadal mówi się: *cisowy gaj, drzewo, stół*);

staropolskie: *cyprysowa szyszka* — dziś: *szyszka cyprysu* (ale nadal się mówi: *cyprysowe drzewo, cyprysowy żywopłot*);

staropolskie: *dziecięce imienie* — dziś: *majątek dziecka* (ale nadal: *dziecięcy wózek, dziecięcy szpital*);

staropolskie: *lipowy pień* — dziś: *pień lipy* (ale mówi się: *aleja lipowa, drzewo lipowe*);

staropolskie: *piaskowa góra* — dziś: *góra piasku* (ale nadal: *burza piaskowa, babka piaskowa*).

Jak wyżej sygnalizowałam, dalej w polszczyźnie rywalizują formanty *-ny* i *-owy*, wypierając inne, przy czym najwyraźniej zgromadzony materiał pokazuje odsuwanie w cień przymiotnikowej derywacji paradygmatycznej. Bo choć we współczesnej polszczyźnie mamy wiele przymiotników typu paradygmatycznego, powstałych na bazie nazwy zwierzęcia: *koci, wilczy, psi, orli*, opory poprawnościowe budzą już: **nosorożcy, *oceloci, *dziecioli, *ośmiorniczy* czy **raczy* (od *rak*). Wgląd w historię polszczyzny ujawnia, że zakres derywacji paradygmatycznej wśród przymiotników systematycznie uszczupla się. Z badań Iwony Kaproń wynika, że podstawami takich derywatów są głównie rzeczowniki konkretne, zwłaszcza żywotne, do wyjątków (archaizmów?) należą przymiotniki powstałe na bazie abstraktów (*uroczy, tajemniczy, ochoczy*) [Kaproń 1998: 82]. Konwersja w klasie przymiotników uległa najpierw specjalizacji, a teraz — cofa się nawet z tak wąskiego pola, bo częściej mówimy *kość psa* niż *psia kość*, częściej *dziura myszy* niż *mysia dziura*, *krzyk pawia* niż *pawi krzyk*⁸.

Jeśli wziąć pod uwagę sygnalizowaną tu linię ewolucyjną, nie dziwi, że także przymiotniki od nazw miejscowości bądź państw sprawiają Polakom sporo kłopotów. Wymienię tylko przykładowo: od *Lublin*: *lubliński* czy *lubelski*, od *Liechtenstein*: *liechtensteiński* lub *lichtensztajński*; od *Kreta* — *kretski, kreteński*.

Mam nadzieję, że udało mi się choć w części zrealizować cel, jaki postawiłam sobie we wstępie — pokazując kierunki rozwojowe, należy zwracać

⁸ Dyskusję pełną dezaprobaty obudził pomysł, aby np. *wiejskie jaja* nazwać *wsie jaja* (www.poradniajezykowa.pl. 2007).

uwagę nie tylko na elementy nowe, ale także na regresywne sfery języka. Istnieją bowiem kategorie i typy słowotwórcze, które mimo iż nadal w funkcjonują, są dziedzictwem przeszłości. Przejawów cofania się niektórych reguł słowotwórczych szukałam w poradnictwie językowym. Powtarzające się pytania odsłaniają słabość kompetencji użytkowników języka, co niejednokrotnie potwierdza wahanie odpowiadającego na pytanie, z reguły doświadczonego lingwisty. Nie wątpię, że rozchwianie kompetencji można badać innymi sposobami. Moje rozważania są zaproszeniem do oglądu języka z uwzględnieniem wygasających obszarów.

Literatura

- Efekt motyla / Red. D. Heck, K. Bakula. Wrocław 2006.
- Kaproń I.* Polskie przymiotniki z formantem paradygmatycznym // *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Filologia Polska* 50. Toruń, 1998.
- Kleszczowa K.* Staropolskie rzeczowniki derywowane. Cele i zasady opisu // *Poradnik Językowy*. 1994. № 5–6.
- Kleszczowa K.* Staropolskie derywaty przymiotnikowe i ich perspektywiczna ewolucja. Katowice, 2003.
- Kleszczowa K.* Destrukcyjne skutki produktywności znaków i reguł słowotwórczych // *Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов: Тематичний блок. XIV Міжнародний з'їзд славістів. 10.09.–16.09.2008, Охрид, Республіка Македонія. Організатор тематичного блоку Є. А. Карпіловська. Київ, 2008.*
- Kucala M.* Rodzaj gramatyczny w historii polszczyzny. Wrocław, 1978.
- Łaziński M.* O panach i paniach: polskie rzeczowniki tytułowe i ich asymetria rodzajowo-płciowa. Warszawa, 2006.
- Popper K. R.* *The Poverty of Historicism*. London; New York, 1992. (1st ed. — 1957).
- Popper K.* *Nędza historyzmu*. Warszawa, 1999
- Satkiewicz H.* Produktywne typy słowotwórcze współczesnego języka polskiego. Warszawa, 1969.
- Szlifyrsztejnowa S.* Przymiotniki dzierzawcze w języku polskim. Wrocław, 1960.

Кристина Клещова

Ошибка в перспективе динамики языка

Цель предлагаемого исследования состояла в том, чтобы показать, какие словообразовательные модели утрачивают или уже утратили свою продуктивность. Ошибки определяются как то, посредством чего осуществляется нарушение имеющегося языкового правила. Многократное нарушение этого правила приводит в конечном итоге к его разрушению, замене другим, самопроизвольному упорядочению на новых основах, т. е. к возникновению нового правила (необязательно словообразовательного). О динамике языка больше говорят ошибки, чем образуемые по имеющимся моделям новые лексические единицы.

Рассуждения опираются на материалы четырех языковых консультаций в Интернете — варшавской, вроцлавской, краковской и катовицкой. Если появляются сомнения, и носители языка спрашивают, что считать правильным, можно говорить о существующих колебаниях, о нестабильности их языковой компетенции.

Б. Б. Ћорић (Београд)

Универбизација у српском језику на фону хомонимије

1. Крајем прошлог и почетком овог века извесну популарност међу неким лингвистима у Србији стекла су истраживања разних супстандардних појава на готово свим нивоима језичке структуре, укључујући ту и творбу речи ([Савић, Половина 1989], [Ћорић 1995], [Ћорић 1997], [Бугарски 2003]). Та су истраживања изнела на видело, поред осталог, и једну групуацију супстандардних творбених неологизама који се одликују првенствено тиме што су мотивисани семантички еквивалентним двочланим синтагматским називима и представљају њихове компресоване дублете. Праћење шире славистичке литературе указало је на то да је ова појава не само присутна и у другим словенским језицима, већ и на то да је она у неким славистичким центрима (посебно севернословенским) била од раније предмет опсежних научних истраживања. Процес творбе таквих формација називан је тамо на различите начине, што у српској верзији гласи: *универбација, универбизација, универбирање, сажимање, синтетичко сажимање, семантичка кондензација, компресија, формално сажимање, елипса* и сл. Одатле се у србистику раширио термин *универбација*, односно његова варијанта *универбизација*¹, а, у складу са таквим избором, за продукт овог начина творбе узет је назив *универб*, односно *универбат*.

2. У овом раду ће се под *универбизацијом* разумевати поступак трансформације сложене номинативне јединице у једну реч (*универб*) суфиксалним творбеним начином². У овој творби у српском језику учествује неколико суфикса неједнаке продуктивности. Већина де-

¹ Додуше, још крајем седамдесетих година прошлог века у једном раду контрастивне природе анализирани су изведене именице «*pered kojih se u govoru kao randań upotrebljavaju odgovarajuće sintagme, npr. dokumenatarac – dokumentarni film, teretnjak – teretni automobil i sl. ili u ruskom jeziku: mahovik – mahovoje koleso, električka – električeskij pojezd itd.*» [Ančić 1968/69: 242]. Ауторка, иначе русисткиња, користи у раду изразе као *укључивање значења, семантичка кондензација* и *универбација*. Овај њен рад, међутим, није инспирисао србисте да се већ тада почну бавити оваквом тематиком.

² Земска ову појаву именује *суфиксалном универбацијом* (у оквиру компресивне творбе речи) [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 120].

ривата ове врсте изведена је суфиксима *-ка*,³ *-ац* и *-(j)ак*, а мањи број помоћу *-анер*, *-аш*, *-ић*, *-аћ*, *-ица*. Сложену номинативну јединицу, којом је мотивисано секундарно образовање, најчешће представља *придевско-именичка синтагма*, што илуструју следећи примери: *анонимка* ← анонимна достава, *моторка* ← моторна тестера, *нуклеарка* ← нуклеарна електрана, *саобраћајка* ← саобраћајна несрећа, *снајперка* ← снајперска пушка, *тоталка* ← тотална штета; *бензинац* ← бензински мотор, *даљинац* ← даљински управљач, *дигиталац* ← дигитални сат, *каубојац* ← каубојски филм, *персоналац* ← персонални рачунар; *бувљак* ← бувља пијаца, *кварњак* ← кваран поступак, *кожњак* ← кожни капут, *културњак* ← културни радник, *лажњак* ← лажан поступак; *пластиканер* ← пластични тањир,⁴ *авлијанер* ← авлијски пас; *насловница* ← насловна страна; *плућаш* ← плућни болесник, *љубић* ← љубавни роман, *цртаћ* ← цртани филм, и сл.

3. Оваква лексика обично се карактерише као супстандардна, уз мање или више јасно разврставање на оказионализме, жаргонизме, индивидуализме и сл.⁵ Таквих речи, по правилу, нема у нормативним речницима. У том смислу изгледа сасвим очекиван предлог Кубрјакове [Кубрјакова 2006: 142] да треба преиспитати традиционални одговор на питање *чему служи творба речи*. Наиме, готово да је аксиоматског карактера била тврдња да творба речи служи — *стварању нових лексичких јединица*, односно — *попуњавању речника*. Међутим, огроман број нових речи гради се *ad hoc* [исто], за једнократну употребу, и већина их се никада неће наћи у речницима књижевног језика. Таквој лексици припадају и универби. Па ипак, кад се неки универб чешће и дуже употребљава у разговорној сфери, кад се прошири на публицистички и друге функционалне стилове, кад постане препознатљив свим корисницима језика, онда постоји велика вероватноћа да ће га лексикографи унети у своје (наредно) дело. У том смислу лексикографска литература се може, грубо гледано, поделити на старију, где универбалних деривата готово да нема,⁶ и млађу, која их ипак има у одређеном броју. Овде се као параметри узимају РМС и РСЈ. Овај други, једнотомни речник, садржи, наравно, оне уни-

³ Овај суфикс је продуктиван и у другим словенским језицима, рецимо у руском и пољском [Коряковцева 2006: 126], чешком и бугарском [Аврамова 2003: 130–133], и сл.

⁴ А тако и: *пластични ауто*, *пластични сто*, *пластични телефон*, *пластична боца*, *пластични венац* и сл.

⁵ Исп. и назив *реч-једнодневка* [Кубрјакова 2006: 142].

⁶ РМС и РСАНУ имају одредницу *масовка*, али се она, за то време, може узети као импорт са стране, из руског.

вербе који су били у језику фреквентни до његовог публикавања. Отуда у њему одреднице типа: *снајпѐрка/снајпѐрка* (← снајперска пушка), *нуклеа̀рка* (← нуклеарна централа), *саобраћа̀јка* (← саобраћајна несрећа), *генѐра̀лка* (← генерална поправка) итд. И не само то: он садржи и нова значења већ регистрованих лексичких јединица у старијем речнику. Нпр. и један и други речник имају одредницу *слободња̀к*, али РСЈ има, између осталог, именицу *слободња̀к* и као универбизовани неологизам мотивисан синтагмом *слободан ударац* (у фудбалу), што указује не појаву хомонимије између старих образовања и овог неологизма. Оба речника имају и одредницу **Швајцѐрац** (припадник народа који живи у Швајцарској, становник Швајцарске), али РСЈ има и као посебну одредницу универб **швајцѐрац** (← *швајцарски франак*)⁷ као његов хомоним (односно хомофон).

4. Хомонимија у сфери универбизације сасвим је очекивана појава. Само је питање времена кад ће се универбизована формација гласовно поклопити са семантички различитим лексичким јединицама. Таква хомонимна веза може се остварити како (а) према неунивербизованим, тако и (б) према универбизованим структурама. За први тип хомонимије у русистици су навођени примери типа: *комсомолка* (‘девушка’ и ‘Комсомольская правда’), *санитарка* (‘женщина-санитар’ и ‘санитарная машина’), *вегетарианка* (‘лицо женского пола’ и ‘вегетарианская столовая’) и сл. Стварање другог типа хомонимије логична је последица универбизације синтагматских назива са истим одредбеним, а различитим управним члановима, што каткада доводи до стварања читаве серије гласовно идентичних, а семантички различитих лексичких јединица, што је, за руски, илустровано примерима типа: *районка* (‘районная поликлиника’ и ‘районная больница’), *стационарка* (‘стационарная школа’, ‘стационарная больница’, ‘стационарная киноустановка’) и сл. [Јанко-Триницкаја 2001: 380]⁸, те *минералка* (← *минеральная вода / минеральные удобрения*), *массовка* (← *массовая экскурсия / массовая газета / массовая сцена* и сл.) [Виноградова 1984: 38–44]⁹. И новији истраживачи на сличан начин коментаришу хомонимне везе у којима се као актери јављају универбизоване структуре, указујући при том и на две могуће позиције универба

⁷ Уз њу нема никакве ознаке о стилској обојености, мада је она део разговорне лексике.

⁸ О овоме Јанко-Триницка пише још седамдесетих година прошлог века, а ми смо имали у рукама њена сабрана дела публикована почетком овог века.

⁹ Наравно, реч је само о могућности. Да је то тако, показује група синтагми са придевом *нуклеарни* у одредбеној функцији: *нуклеарна бомба*, *нуклеарна централа*, *нуклеарна подморница*. Засад, у српском језику постоји само универб од синтагме *нуклеарна централа*. Ствари се могу изменити уколико се јаве потврде и за универбизацију назива *нуклеарна подморница*.

у таквим везама. Једна је према дериватима друкчије творбене структуре, што се потврђује примерима типа чеш. «*ekološka* ‘ekologická jízdenka’ (универбат), към *ekološka* ‘žena ekolog’ (дериват)», а друга према самим универбима, за шта се наводе потврде из бугарског — «*пиратка* — ‘пиратско (= незаконно) копие, издание’ и *пиратка* — ‘пиратска (= самоделна) бомбичка» [Аврамова 2003: 131].

5. О феномену хомонимије постоји у лингвистици огромна литература, а у њој и одговарајуће дефиниције. Овде ћемо цитирати једну од најкраћих: «**ОМОНИМИЈА**. Звуковое совпадение двух или нескольких языковых единиц, различных по значению» [Розенталь, Теленкова 2003]. Иако кратка, она је свеобухватна: тиче се хомонимије на свим нивоима језичке структуре, дакле примењива је и на творбу речи, па онда и на универбизоване структуре.

5.1. Већ је показано да се универби могу наћи у хомонимном односу са јединицама различитог значења унутар универбизације, али и са дериватима изван ње. Видели смо напред да једнотомни РСЈ има две одреднице истог гласовног састава, што јасно указује на хомонимну везу: *Швајцарац* (етноним) и *швајцарац* (универб). Међутим, универб *швајцарац* може бити мотивисан и другим синтагматским називима: потврђени су универби типа *швајцарац* ← *швајцарски нож* и *швајцарац* ← *швајцарски пас*, а потенцијално их може бити и више. Тиме се јавља читава лепеза хомонимних универба.

5.2. Лексема *слободњак* је једним делом дефинисана у оба речника на сличан начин: **слободњак**, -ака м 1. а. *онај који воли слободу и бори се за њу, слободар*; б. *члан, припадник либералне политичке странке*. 2. *ист. кмет који је стекао слободу, ослобођеник*. 3. *осуђеник који се слободно креће ван затвора*. Међутим, РСЈ има и нови део дефиниције: 4. *разг. а. шах. пешак пред којим нема противничког пешака*. б. *слободан ударац (у фудбалу)*. Заправо, творбено гледано, у овом додатку имамо два универба: *слободњак* ← *слободни пешак* (у шаху) и *слободњак* ← *слободни ударац* (у фудбалу).

5.3. Оба речника лексему **масовка** (масовка) дефинишу на сличан начин: *ж рус. позоришна или филмска сцена у којој учествује велики број лица, масовна сцена*. Чини се да савремени говорници ову лексему не осећају као русизам, већ као домаћи дериват (универб од *масовна сцена*). Првобитно је она припадала филмском и позоришном жаргону, али су се у новије време, у одређеним круговима, јавили неологизми (оказионализми) мотивисани синтагмама *масовна туча*, *масовна гробница* и сл.

5.4. У РМС-у налазимо одредницу **машинца**, -нца м разг. 1. *машинаста, стројар*; *онај који је запослен, који ради у машинској индустрији,*

машиноградњи. 2. студент машинског факултета; машински инжењер. Слична значења има и РСЈ, али без квалификатора «разг.». Са овом лексемом гласовно се поклопио казионализам *машинац* (← *машински језик*).

5.5. И РМС и РСЈ имају одредницу *персоналац*, са сличном дефиницијом.¹⁰ У савременом језику постоји потврда за неологизам *персоналац* (← *персонални компјутер*).

5.6. РСЈ региструје неологизам: **саобраћајка** у два значења: ж 1. разг. *саобраћајна несрећа. 2. жена саобраћајца*. Иако су наведене у оквиру истог лексикографског чланка, ипак је очито да се овде ради о две лексичке јединице у хомонимном односу: једна је *универб*, а друга *мовирани фемининум*.

5.7. Међу неологизмима у РСЈ-у нашао се и универб **генералка**¹¹ дефинисан као: ж разг. *генерална, потпуна поправка (обично аутомобила, односно аутомобилског мотора)*. Одавно је, међутим, створен и универб мотивисан синтагмом *генерална проба* (позоришне представе, спортске и сл. приредбе), али су га лексикографи овог пута заобишли. У новије време потврђен је универб *генералка* мотивисан синтагматским називима *генерално чишћење* (просторија у кући, војсци и сл.), *генерална реформа* (у образовању, школству и сл.).

6. Наравно, изван РСЈ-а остало је доста универба, како оних старих, тако, из разумљивих разлога, и оних створених у најновије време, а и једни и други стварају хомонимне везе унутар универбизованих структура, а и изван њих.

6.1. Универб *Панчевац* (← *Панчевачки мост*), специфичан углавном за говор грађана Београда и околине, хомониман је са етнонимом *Панчевац*.

6.2. Првобитно је универб **половњак** био мотивисан само синтагмом *половни аутомобил*, и у том значењу широко познат, а у новије време подстакнуо је генерисање читаве серије хомонимних универба од синтагми у чијем другом делу је назив каквог уређаја, апарата и сл., као нпр. *половни компјутер, половни монитор, половни бицикл*, итд.

6.3. Казионализам **јавњак** (← *јавна кућа*) добио је своје млађе хомонимне еквиваленте универбизацијом синтагми *јавни тоалет* ('WC'), *јавни сервис* ('телевизија') и сл.

¹⁰ Исп. РМС: **персоналац**, -лица м *службеник који се брине за попуњавање установе или предузећа персоналом и води све податке о персоналу*. Исп. и РСЈ: **персоналац**, -лица м *службеник, референт који се бави административним пословима у вези са запосленим особљем, запошљавањем*.

¹¹ У пракси није ретка ни друкчија прозодијска слика: *генералка*.

6.4. У савременом језику веома је раширен универб *специјалка* са читавом серијом синтагматских мотиватора типа *специјална изложба*, *специјална емисија* (на телевизији), *специјална пљескавица*, *специјална вештина* (у спорту) итд. Тако настали универби долазе у хомониман однос са «свежим» мовираним фемининумом *специјалка* (← *специјалац*).¹²

6.5. Синтагматски називи који у првом делу имају придев *пластичан* универбизацијом дају читаву серију хомонимних универба, с обзиром на велику примену пластике у производњи разних артикала широке потрошње. Отуда у разговорној сфери назив *пластичњак* / *пластичњак* мотивисан синтагмама типа *пластични експлозив*, *пластични накит*, *пластични прстен*, *пластични ауто*, *пластични фотоапарат* итд.

6.6. Сличне разуђене хомонимне везе имаће и универби добијени компресијом синтагматских назива са придевом *хавајски* у функцији одредбеног члана, што показују примери као што су: *хавајка* ← *хавајска гитара* / *кошуља* / *фотелја* и сл.

7. Напред наведени примери показују да се у процесу универбизације развија двосмерна хомонимија. Један је смер присутан унутар саме универбизације, настао као последица компресије синтагматских назива идентичног одредбеног, а различитог управног члана синтагме. Такву хомонимију називамо *интерна хомонимија*, а број таквих хомонима директно је сразмеран степену валентности придева у функцији одредбеног члана синтагме. Отуда се у оквиру интерне хомонимије јављају понекад читави низови (интерних) хомонимних веза. (Исп. *швајцарац* ‘монета’ : *швајцарац* ‘пас’ : *швајцарац* ‘нож’; *генералка* ‘централа’ : *генералка* ‘проба’ : *генералка* ‘чишћење’ : *генералка* ‘реформа’; *специјалка* ‘изложба’ : *специјалка* ‘емисија’ : *специјалка* ‘вештина’ : *специјалка* ‘пљескавица’ : *специјалка* ‘аутомобил’; *пластичњак* ‘тањир’ : *пластичњак* ‘експлозив’ : *пластичњак* ‘накит’ : *пластичњак* ‘прстен’ : *пластичњак* ‘аутомобил’ : *пластичњак* ‘фотоапарат’, итд. Неки универби, међутим, бивају хомонимни са лексичким једницама насталим друкчијим творбеним процесима, што именујемо *екстерном хомонимијом*. Исп. *Швајцарац* (етноним) : *швајцарац* (универб), *саобраћајка* (мовирани фемининум) : *саобраћајка* (универб), *специјалка* (мовирани фемининум) : *специјалка* (универб) итд. Има универбалних формација чија је хомонимија двострана: и екстерна и интерна.

¹² У питању је припадник специјалне војне или полицијске јединице. Међутим, у најновије време створен је казационализам *специјалка* као мовирани фемининум од универба *специјалац* мотивисаног синтагмом *специјални ученик* (најбољи у генерацији).

8. Међу разним врстама хомонимије у науци се, каткад, спомиње и *творбена хомонимија*. Говори се о томе како творбени хомоними настају онда кад се поклопе оба дела изведенице — творбена основа и творбени афикс [Тихонов 1985: 32], те да лексичке хомониме настале творбом речи треба звати творбеним хомонимима [Самарџија 1995: 28]. Овакве интерпретације хомонимије немају, заправо, никакву потпору у дериватологији, с обзиром на традиционално схватање да је основни смисао творбе речи *стварање нових лексичких јединица*, а оне, потенцијално, могу ући у хомониман однос са неком другом лексичком јединицом, што значи да се увек ради о лексичкој хомонимији. И сви наши напред наведени примери интерне и екстерне хомонимије јесу потврде лексичке хомонимије јер деривати аутоматски улазе у лексички систем језика. Може ли се, ипак, говорити и о хомонимији уз коју би стајао атрибут *творбен*? Има научника који су се још осамдесетих година прошлог века снажно залагали за самосвојност *творбене хомонимије*, о чему сведочи и следећи цитат: «Вместе с тем, если мы признаем словообразовательный уровень языка как некоторый самостоятельный ярус языковой структуры, то и словообразование должно иметь право на свою собственную омонимию. А у словообразовательной омонимии должен быть свой собственный объект, отличный как от морфологической и синтаксической омонимии, так и от лексической омонимии» [Соболева 1980: 90].¹³ Овај, помало искључив, став следе у одређеном смислу и неки млађи дериватолози, предлажући при том и одговарајућу дефиницију: «Словообразовательные омонимы — это те однокорневые производные единицы, которые членятся на одинаковые составляющие — производная основа (базис) и формант, но относятся к разным словообразовательным категориям. Другими словами, словообразовательные омонимы — это единицы, принадлежащие к одному и тому же словообразовательному гнезду. В тех случаях, когда одну словообразовательную единицу можно включить в два (или более) словообразовательных типа определенной словообразовательной категории, это единица рассматривается как полисемическая» [Аврамова 2004: 223–224]¹⁴. Дакле, припадност деривата истој творбеној категорији искључује појаву хомонимије, а укључује га у полисемију, или обратно — припадност двома творбеним категоријама, уз исту творбену основу и формант, укључује дериват у хомонимију, а искључује га из полисемије. Овакав став се демонстрира На примеру лексема *рибар* I (‘човек који

¹³ Цит. према [Аврамова 2007: 13–14].

¹⁴ Постоји и краћа дефиниција на бугарском, а гласи: «Словообразователни омоними са онези единици, които се делят на еднакви съставни части — производна основа и формант, но се включват в различни СК» [Аврамова 2003: 32; 2007: 12].

лови, воли, продаје рибу’) и *рибар* II (‘птица која лови рибу’): оне нису творбени хомоними у бугарском (а у складу с тим ни и у српском) будући да припадају истој творбеној категорији — *nomina agentis* [Аврамова 2003: 32].¹⁵ Једнако тако, по овој дефиницији, и *проповедник* I (‘онај који држи проповед’) и *проповедник* II (‘пропагатор каквих учења, идеја, погледа’) припадају истој творбеној категорији па нису хомоними.

Уколико бисмо наведену дефиницију творбене хомонимије применили на наш материјал, онда би се добила следећа слика: сви примери интерне хомонимије универба, као лексичких јединица, били би полисемичне структуре јер припадају истој творбеној категорији — *nomina attributiva*, док би сви примери екстерне хомонимије универба били *творбени хомоними* јер припадају различитим творбени категоријама.

Литература

- Аврамова Ц. Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век. София, 2003.
- Аврамова Ц. О словообразовательной омонимии и полисемии суффиксальных дериватов в славянских языках // *Linguistique balkanique*. 2004. № 2–3.
- Аврамова Ц. Проблемът за словообразователната омонимия и полисемия при суфиксалните деривати в славянските езици // *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung*. Olms, 2007.
- Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.
- Драгићевић Р. Творбени и семантички статус једног значења именица типа *ручица* // Српски језик. 2008. № 1–2.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь, М., 1981.
- Коряковцева Е. И. О словообразовательной компресии (на материале русского и польского языков) // *Функциональные аспекты словаутварення: Доклады IX Міжнароднай науковай канферэнцыі Камісії па славянскаму словаутварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў* / Нав. рэд. А. А. Лукашанец. Мінск, 2006.
- Кубрякова Е. С. О новых задачах в изучении функций словообразования // *Функциональные аспекты словаутварення: Доклады IX Міжнароднай науковай канферэнцыі Камісії па славянскаму словаутварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў* / Нав. рэд. А. А. Лукашанец. Мінск, 2006.
- Оташевић Ђ. Универбација // *Наш језик*. 1997. № 1–2.
- Радева В. В света на думите (Структура и значение на произведните думи). София, 2007.

¹⁵ Има, међутим, научника који *рибар* I и *рибар* II сматрају хомонимима (исп. [Радева 2007: 278]).

- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Справочник по русскому языку — Словарь лингвистических терминов, М. 2003.
- Савић С., Половина В.* Разговорни српскохрватски језик, Нови Сад 1989.
- Соболева П. А.* Словообразовательная полисемия и омонимия, М. 1980.
- Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. М. 1985.
- Ђорић Б.* О неким специфичностима суфиксалне деривације именица у српском разговорном језику, Књижевност и језик XLII, 1–2, Београд 1995.
- Ђорић Б.* О деривацији именица у разговорном језику // Обшћност и многообразије на славјанските езици (Сборник в чест на проф. Иван Леков), Софија, 1997.
- Јанко-Трилицкаја Н. А.* Словообразование в современном русском языке, М. 2001.
- Адамс Р.* Homonymie vět v současné češtině // Přednášky z XXXIV. a XXXV. běhu Letní školy slovanských studií. Praha, 1995.
- Анčić О. М.* Izvedene imenice — I. Uključivanje značenja ili semantička kondenzacija // Radovi Filozofskog fakulteta V. Sarajevo, 1968/1969.
- Бугарски Р. Ђаргон.* Београд, 2003.
- Радовановић М.* Dekompozicija i univerbizacija // Zbornik Matice Srpske za filologiju i lingvistiku XLVII / 1–2. Novi Sad, 2004.
- Самардџија М.* Лексикологија с повјећу хрватскога језика. Загреб, 1995.

Скраћенице

- РМС — Речник српскохрватскога књижевног језика. I–VI: I–II. Нови Сад; Загреб, 1967. III. Нови Сад; Загреб, 1969. IV Нови Сад, 1971. V. Нови Сад, 1973. VI. Нови Сад, 1976.
- РСАНУ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1–17. Београд, 1959–2006.
- РСЈ — Речник српскога језика. Нови Сад, 2007.

Божо Чорич

Универбација в сербском језике на фоне омонимиј

Среди различних типова омонимиј в лингвистичкој литератури упомињається и словообразователна омонимија, причем наблюдається различно тълкованье этого феномена (одни понимают ее более узко, другие более широко). В некоторых трудах приводится даже и типология словообразовательной омонимиј [Тихонов 1985]. В первую очередь можно говорить о том, что словообразование является важнейшим источником омонимичных лексических единиц (дериват как продукт словообразования появляется в форме лексических омонимов). Сре-

ди их довољно активних изворних налази се и универбизација. Об овом спо- собе словообразовања, карактерном для разговорног функционалног стила, в сербистике начали писати лиш в конце прошлого столетия, под влиянием дис- куссий в других славистических средах, в которых это явление уже было пред- метом научных исследований (русистика, богемистика, полонистика). Оказалось, что и сербский язык обладает целым рядом словообразовательных типов, на осно- ве которых порождаются универбальные конструкции. Более старая лексикогра- фическая литература их почти не регистрирует, но в новейшем однотомном сло- варе сербского языка их довольно много. Некоторые из них сопровождаются по- метой «разг.», рядом с другими она отсутствует. Такая неупорядоченность свиде- тельствует о различном толковании лексических единиц такого типа различными составителями словаря. Универбы вносились в словарь в статусе многозначных слов, а не омонимов, хотя более оправданным, на наш взгляд, является противо- положный подход (по крайней мере, в большинстве случаев). Во время составле- ния словаря и после его выхода из печати в языке появлялись новые универбы, разумеется, отсутствующие в словаре, а здесь рассматривающиеся как лексемы, омонимичные единицам, зафиксированным в нем. Данную картину иллюстриру- ют следующие примеры (в скобках находятся новые универбы):

Швајцарац, -рца м *припадник народа који живи у Швајцарској, становник Швајцарске*.

швајцарац, -рца м *швајцарски франак*. [Оказионализам: *швајцарац* ← *швајцарски нож; швајцарски пас*];

мљсџка ж рус. *позоришна или филмска сцена у којој учествује велики број лица, масовна сцена*. [Оказионализам: *масовка* ← *масовна туча; масовна гроб- ница* и сл.].

машинац, -нца м разг. 1. *машиниста, стројар; онај који је запослен, који ради у машинској индустрији, машиноградњи*. 2. *студент машинског факултета; ма- шински инжењер*. [Оказионализам: *машинац* ← *машински језик*].

персоналац, -лца м *службеник, референт који се бави административним пословима у вези са запосленим особљем, запошљавањем*. [Оказионализам: *пер- соналац* ← *персонални компјутер*].

саобраћајка ж 1. разг. *саобраћајна несрећа*. 2. жена саобраћајац.

генералка ж 1. разг. *генерална, потпуна поправка* (обично аутомобила, одно- сно аутомобилског мотора). 2. в. *генерална карта*. [Оказионализми: *генералка* ← *генерална проба* (позориште, спорт и сл.); *генералка* ← *генерално чишћење* (просторија у кући, војсци и сл.); *генералка* ← *генерална реформа* (у образовању, школству и сл.)].

За рамками однотомног словаря, разумеется, остались многие имеющие омонимичные пары универбы типа *Панчевац* ← *житель Панчева / Панчевац* ← *Панчевачки мост; половњак* ← *половни аутомобил / половњак* ← *половони би-*

цикл; јавњак ← јавна кућа / јавњак ← јавни тоалет; хавајка ← хавајска гитара / хавајка ← хавајска кошуља / хавајка ← хавајска фотелја; анонимка ← анонимна достава (порука, писмо) / анонимка ← анонимна ж. особа, и т. д.

Учитывая широту универбальной омонимии, можно условно, различать внутреннюю и внешнюю омонимию: первая находится в рамках универбизации (*специјалка ← специјална емисија / специјалка ← специјална изложба / специјалка ← специјална способност / специјалка ← специјални бицикл / специјалка ← специјална пљескавица*), вторая же — омонимия универбального деривата и другого словообразовательного типа (например, все приведенные здесь образования и *специјалка* ‘жена специјалац’).

N. Janočková (Bratislava)

Lexikálne inovácie vyvolané gramatickými, štruktúrnymi a pragmatickými činiteľmi (na materiáli prefixálnych slovies)¹

1. Dynamika slovnej zásoby, resp. «systém slovnej zásoby v jeho dynamike» [Buzássyová, Bosák 1984: 107] vyplýva z permanentného spoločenského vývinu a vedecko-technického rozvoja, ktoré zvyšujú nároky na kvalitu životného štýlu a vyžadujú si nové prístupy aj v komunikačnej oblasti. Lexikálne inovácie sa dotýkajú okrem kvantitatívneho nárastu nominálnych jednotiek (na ktorom sa môže zúčastňovať slovotvorba, prevzatia z iných jazykov a pod.) aj kvalitatívneho prehodnocovania existujúcej materiálnej bázy, t. j. sémantickej reštruktúracie, readaptácie a prevrstvovania jednotiek, alebo nové možnosti vznikajú v syntaktickej spájateľnosti lexém, napr. *napáliť hudbu na cédečko (CD)*.

V našom príspevku sa pozrieme na lexikálne inovácie v podsysteme prefixálnych slovies a na činitele, ktoré sa na týchto inováciách podieľajú. Keďže predponové slovesá vnímame ako slovotvorne motivované jednotky a slovotvorná motivácia je «hybnou silou lexikálnej dynamiky» [Furdík 1984: 144], postavíme našu analýzu na štyroch základných funkciách slovotvornej motivácie, ktoré vyčlenil J. Furdík ([Furdík 1984: 144–149], [Furdík 2004: 117–122]; porov. aj [Horecký, Buzássyová, Bosák a kolektív 1989: 28–36]), a to na systemizačnej, integračnej, adaptačnej a kondenzačnej funkcii. V našom prípade ide o rozširovanie pomenovacích a komunikačných možností hlavne z interných zdrojov jazyka (intraverbálna slovotvorba). Za motiváciu vzniku neosémantizmov môžeme považovať jednak mimojazykové faktory (napr. vedecko-technický a spoločenský vývin) a jednak vnútrojazykové faktory (prejav jazykovej ekonómie — priradenie nového významu k už existujúcej forme, snaha o uplatnenie tvorivých postupov a pod.).

2. **Systemizačná funkcia** slovotvornej motivácie sa prejavuje v kategorizácii nových slovies do slovotvorných typov prostredníctvom slovotvorných formantov — prefixov (*odtabuizovať*, *oddémonizovať*, *oddramatizovať*,

¹ Ďakujem mojej kolegyni Mgr. Ľubici Balážovej za pomoc pri preklade prezentácie príspevku a resumé.

odoperovať; *naskenovať*, *naklonovať*), slovesá slovotvornými základmi vytvárajú slovotvorné hniezda (*klonovať* ↔ *klon* → *klonový*; *klonovať* → *klonovanie*; *klonovať* → *vyklonovať* → *vyklonovaný*; *klonovať* → *naklonovať*), resp. vidovo-slovotvorné hniezda (*dramatizovať* → *oddramatizovať* → *oddramatizúvať*; *dramatizovať* → *zdramatizovať*) a celkovo spadajú do konkrétnych typov onomaziologických kategórií, napr. do modifikačnej kategórie deverbatív — perfektivizácie — temporálnosti (*oddramatizovať*). Z hľadiska dynamiky v lexikálnej zásobe sa sleduje napr. produktivita, konkurencia či oslabovanie jednotlivých slovotvorných typov v rámci onomaziologickej kategórie.

Systemizačná funkcia slovotvornej motivácie je dobre viditeľná práve pri narušení systémovosti v rámci okazionálnej slovotvorby, keď sa vytvárajú deriváty nezodpovedajúce formálne a významovo produktívnym slovotvorným typom alebo sa kombinujú nesystémové prvky slovotvornej štruktúry, napr. *vzbabiť sa* ('vzchopiť sa, vzmužiť sa'), *odbyť sa* ('odhlásiť sa z ubytovania v hoteli'), *zaúsmevať sa* ('usmiať sa'), *zgalantnieť* ('stať sa galantným') — porov. [Liptáková 2000], [Buzássyová, Martincová 2003: 264].

3. Integrovaná funkcia slovotvornej motivácie pri prefixálnych slovesách súvisí s ich zapájaním do systému lexikálnej zásoby na paradigmatickej osi (vzťahy synonymie, homonymie, antonymie, hyperonymie, hyponymie, kohyponymie a pod.) aj syntagmatickej osi (formálno-sémantická spájateľnosť jednotky), čím sa vytvára mnohodoménová sieť vzťahov v lexike, napr. synonymický rad *zazipovať*, *zozipovať*, *spakovať*, *skomprimovať*, *zbalit' súbor*; antonymická dvojica *zazipovať* — *odzipovať* (*zazipovať* výp. tech. 'previesť počítačové dáta do zhusteného tvaru pomocou komprimačného programu (zn. PKZip, WinZip a i.), *skomprimovať*') [Slovník cudzích slov 2005: 1033].

Ako uvádza J. Furdík, s integrovanou funkciou slovotvornej motivácie súvisí aj jej protiklad — **dezintegrácia**, ktorú pri prefixálnych slovesách nachádzame napr. pri sémantickej dekorelácii polysémickej jednotky, čo môže viesť k vzniku **kosémie** — vzájomnej nezávislosti, paralelnosti významov (porov. [Dolník 1989], [Janočková 2002]), napr. *pretelefonovať* 1. stráviť čas telefonovaním: *p. hodinu s priateľkou*, 2. telefonovaním minúť isté množstvo finančných prostriedkov: *p. svoj mesačný paušál* (jednotka ešte nie je zachytená vo výkladových slovníkoch slovenčiny); alebo k vzniku **enantiosémie**, napr. *prehliadnuť* 1. dôkladne preskúmať, prezrieť: *p. batožinu*, 2. ... 3. nezbadat', nespozorovať, nevšimnúť si: *p. hroziace nebezpečenstvo* [Krátky slovník slovenského jazyka 2003: 558].

4. V slovenčine a iných slovanských jazykoch sa dlhší čas ukazuje tendencia prefixáciou zdokonavovať obojvidové slovesá hlavne cudzieho pôvodu typu

fixovať — *zafixovať*, *publikovať* — *opublikovať* (porov. napr. [Smiešková 1961]); podobne aj v češtine: *konfigurovať* — *nakonfigurovať* (porov. [Lebeďová 1980], [Jindra 2008], [Veselý 2008]); a poľštine: *klonować* — *s- / wyklonować* (porov. [Waszakowa 2003: 79 — 80]). Vplyvom tohto lexikálno-gramatického činiteľa sa prefixácia zúčastňuje na rozčlenení vonkajšej formy lexémy. Formálna rozčlenenosť pomáha explicitne naznačiť, zvýrazniť obsah, v danom prípade všeobecný význam perfektívnosti deja. V tomto procese vidíme **adaptačnú funkciu** slovtvornej motivácie, pretože zdokonavujúci prefix tak začleňuje dané jednotky do formálno-aspektuálnej paradigmy domáceho jazykového systému a zároveň odstraňuje jeden typ asymetrického dualizmu: jedna forma — dva významy [Buzássyová, Waszakowa 2003: 55].

Homonymia imperfektívnej a perfektívnej paradigmy jedného slovesa často spôsobuje problém identifikovať aktuálne použitý vid alebo dochádza k zamieňaniu imperfektíva tantum s obojvidovým slovesom. V češtine sa pokúsil vypracovať algoritmus na zistenie vidovej hodnoty slovesa L. Veselý [Veselý 2008]. Autor hľadal tvary, ktorými by sa perfektívna paradigma odlišovala od imperfektívnej (nie naopak), ďalej vplyv vidovosti na časovú súslednosť deja v časovom súvetí a spájateľnosť perfektíva s časovými výrazmi.

Homonymia imperfektívnej a perfektívnej paradigmy sa najvýraznejšie prejavuje v präterite (imperfektívum: *absolvoval koncertné turné, keď sa dozvedel nečakanú novinu*; perfektívum: *absolvoval koncertné turné*). Proces formálnej perfektivizácie obojvidových slovies prebieha postupne a pri niektorých slovesách nemusí vôbec nastať, resp. niektorý z významov polysémickej jednotky môže zostať imperfektívum tantum, napr. *elektrizovať* v statickom hovorovom význame ‘byť nabitý elektrinou (v dôsledku trenia), čo sa prejavuje vzájomným priťahovaním al. odpudzovaním’ (*vlasy elektrizujú*); *fixovať* v hovorovom význame ‘sústredene, uprene hľadiť na niekoho’ (*fixovať niekoho pohľadom*) [Slovník súčasného slovenského jazyka 2006: 875, 984].

Podľa M. Sokolovej [Sokolová 2009] adaptačný proces pri slovesách cudzieho pôvodu sa uskutočňuje stupňovito: imperfektíva tantum → obojvidové jednotky → obojvidové jednotky s perfektívnou formou → prehodnotené obojvidové sloveso na imperfektívum a k nemu vytvorené prefixálne perfektívum. Teda obojvidové slovesá považuje autorka za adaptačný medzistupeň medzi imperfektívami tantum a prehodnotenými vidovými dvojicami. Signálom na odlišenie imperfektíva tantum od obojvidového slovesa sa autorke ukazuje pasívne participium, ktoré tvoria väčšinou obojvidové slovesá (*film je dabovaný*; *bol graduovaný na magistra farmácie*). Tieto pasívne tvary však umožňujú dvojakú interpretáciu: pasívum aj rezultatívnu konštrukciu.

Na perfektivizáciu vidovo homonymných slovies sa zväčša využívajú **desémantizované prefixy**, napr. *z(o)-*, *za-* (*zaktualizovať*, *zakódovať*), aby čo

najmenej narušili sémantiku slovesa, resp. **subsumpčné prefixy** typu *vy-*, *o-* (*vyextrahovať*, *očipovať*), ktoré sémanticky korelujú so základovým slovesom [Poldauf 1954], [Poldauf 1956], [Kopečný 1962]. Často sa aplikuje **analogia s domácim synonymom**, napr. *devastovať* — *zdevastovať* podľa *ničiť* — *zničiť*, zriedkavo sa uplatňuje aj **sufixácia**, napr. *enterovať* — *enternúť*. Obojvidové slovesá sa voľnejšie spájajú aj s cudzími lexikálnymi prefixmi, napr. *re-*, *de-* (*reštartovať*; *deblokovať* popri *odblokovať*; *dekódovať* popri *odkódovať*). Slovesá cudzieho pôvodu s cudzím prefixom možno vnímať ako polymotivačné: *štart* → *re-štart* ↔ ***reštart-ovať*** (sufixácia z prefixálneho substantíva) alebo *štart* ↔ *štart-ovať* → ***re-štartovať*** ↔ *reštart* (prefixácia zo základového slovesa).

Proces novej dokonavosti vidovo homonymných slovies reflektujú aj niektoré výkladové slovníky, napr. [Slovník súčasného slovenského jazyka 2006], ktorý pri obojvidovom slovese explicitne odkazuje na jeho prefixálny perfektívny korelát:

akumulovať *-luje -lujú -luj!* *-loval -lujúc -lujúci -lovaný -lovanie* nedok. i dok. <lat.> (čo) hromadiť, nahromadiť niečo vo väčšom množstve (obyč. na jednom mieste): *a. zisk*; *a. bohatstvo*; *a. slnečnú energiu*; *a. prívalovú vodu*; *schopnosť lesa a. zrážky*; *a. výsledky výskumu*; *akumulované finančné zdroje*; dok. i → **naakumulovať**

bankrotovať *-tuje -tujú -tuj!* *-toval -tujúc -tujúci -tovanie* nedok. i dok. dostávať sa, dostať sa do finančného úpadku, do bankrotu: *stúpa nezamestnanosť, firmy bankrotujú*; *Nové účastnícke spoločnosti neskôr masovo bankrotovali*. [P. Rapoš]; *Najväčší pokles zamestnancov nastal v intenzívnom hospodárstve, kde bankrotovalo 9 % fariem zameraných na chov ošípaných*. [Pt 2000]; dok. i → **zbankrotovať**

O afixoch s adaptačnou funkciou sa konštatuje, že strácajú derivačnú funkciu a nadobúdajú systemizačnú funkciu — zatriedujú dané slovo do príslušnej paradigmy, v našom prípade prefix zaraďuje obojvidové sloveso do vidovej paradigmy, pričom pôvodná neprefigovaná podoba buď funguje ako obojvidová, alebo sa prehodnocuje na čisto imperfektívnu [Jindra 2008].

Novoutvorené dokonavé koreláty sa v procese adaptácie vyznačujú rozličnou mierou stylistickej príznakovosti, ktorá sa vníma v závislosti od rozličných vekových a sociálnych skupín (porov. v češtine [Lebed'ová 1980], [Jindra 2008], napr. prefixálne perfektívum *zrealizovať* sa v 80. rokoch 20. storočia pociťovalo príznakovo, v súčasnosti sa vníma neutrálne.

Prefixálne slovesá cudzieho pôvodu s takto zvýraznenou dokonavosťou nachádzajú svoje uplatnenie v komunikačných sférach, ktoré pokrývajú širo-

ký okruh komunikantov, napr. masová informácia (tlačová, televízna i rozhlasová publicistika, internetové stránky), organizovaná výučba (predovšetkým na nižšom školskom stupni). Domnievame sa, že status obojvidových slovies si zachovávajú hlavne špecifické odborné oblasti (veda, vyšší stupeň školstva) v rámci svojej ustálenej terminológie, v ktorých by prefixáciou týchto slovies došlo k rozkolísaniu normovaných nomenklatúrnych pomenovaní, napr. *nuansovať* (dačo) /franc./ kniž. 'jemne rozlišovať, rozlíšiť', *podávať*, *podat'* v nuan-sách; *vystihovať*, *vystihnúť* 'nuansy'; *desémantizovať* (dačo) /lat. + gréc./ lingv. 'zbavovať, zbaviť' vecného, lexikálneho významu (napr. pri gramatikalizácii)' [Veľký slovník cudzích slov 2003: 876, 265].

5. Význam prefixálnych slovies možno slovotvorne rozložiť pomocou slovotvornej parafrázy, ktorá má explikatívnu aj komunikatívnu funkciu (porov. [Horecký 1981], [Buzássyová 1984]). Pri prefixálnych slovesách sa nahrádza prefix ako nesamostatný segment samostatnou lexémou, napr. *doblokovať* 'dodatočne nablokovať', *prevoňať* 'dôkladne navoňať', *odprezentovať* 'prezentovaním zrealizovať'. Medzi prefixálnou jednotkou a slovotvornou parafrázou sa tým vytvorí istý typ ekvivalencie, J. Horecký [Horecký 1981] pri deriváte a jeho slovotvornej parafráze hovorí o vzťahu tolerancie, keďže sa v parafráze odráža väčšia miera explicitnosti.

V tejto súvislosti možno spomenúť ešte jeden pojem, a to substitúciu. Metódu substitúcie uplatnila napr. E. Sekaninová [Sekaninová 1980] pri vidovej analýze prefixálnych slovies v ruštine a slovenčine. Substitúciou prefixu sa vytvorila slovotvorná parafráza, ktorá pomohla autorke zaradiť prefixálne slovesá do jednotlivých sém spôsobu slovesného deja, napr. *doletieť* 'priletieť k niečomu' (lokalizovanosť), *rozkričať sa* 'začať kričať' (temporalnosť), *pre-moknúť* 'zmoknúť úplne' (modalnosť).

5.1 Vo vzťahu k slovotvornej parafráze sa demonštruje **kondenzačná funkcia** slovotvornej motivácie. Podobný prípad kondenzácie predstavujú slovesné multiverbizované spojenia a ich jednoslovné ekvivalenty, pričom na kondenzácii sa v tomto prípade nepodieľajú prefixy, ale zväčša sufíxy. Jednoslovné ekvivalenty môžu mať slovotvornú povahu, napr. *dať signál* — *signalizovať*; *byť na osoh* — *osožiť*; *robiť / spriadať / snovať* *intrigy* — *intrigovať*; *držať diétu* — *dietovať*, alebo lexikálnu povahu s rozličnou mierou obraznosti, napr. *robiť / strúhať komplimenty* — *lichotiť*; *chytať bronz* — *opaľovať sa*; fraz. *byť pri kormidle* — *kormidlovať*. Univerbizované ekvivalenty sú v danom prípade syntakticky, resp. aj frazeologicky motivované [Furdík 2008]. Samozrejme, nie všetky multiverbizované spojenia majú svoj jednoslovný ekvivalent (*robiť / urobiť kariéru*) a ak ho majú, nemusia tvoriť absolútnu

synonymickú dvojicu. Istou komunikatívnou nevýhodou je, že v slovotvorne utvorenom ekvivalente (univerbáte) splyývajú niektoré dôležité sémantické alebo gramatické prvky, ktoré by sme mohli zaradiť do onomaziologického spoja syntakticky motivovaného slovesa, napr. *konzultovať* '[poskytovať] konzultácie / [byť na] konzultáciách' (konverzívnosť), *avizovať* 'dávať / dať avízo', *inventarizovať* 'robiť / urobiť inventarizáciu' (slovesný vid), *inštruovať* 'dávať / dať inštrukciu / inštrukcie' (slovesný vid, číslo) (porov. aj [Horecký, Buzássyová, Bosák a kol. 1989: 251–259]). Ale to je už iná problematika.

5.2 O kondenzačnej funkcii slovotvornej motivácie sa nepochybuje napr. ani pri okazionálnych jednotkách, ktoré sa vnímajú ako výrazná komunikačná a tvorivá skratka (*ošálit' sa* 'dať si šál'). Okazionalizmy (príležitostné slová) sa charakterizujú cez triádu systém — norma — úzus (porov. napr. [Buzássyová 1979], [Buzássyová 1990], [Buzássyová 1993], [Buzássyová 1999], [Buzássyová, Martincová 2003]; [Liptáková 2000]), dichotómiu langue — parole a usúvzťažňujú sa s pojmi potenciálne slovo — neologizmus.

Okazionalizmy (príležitostné, neuzuálne slová) «vznikajú príležitostne v momente reči, pre jeden konkrétny prípad podmienený kontextom, kým všetky ostatné slová jazyka sa v momente reči iba reprodukovujú ako hotové jazykové jednotky» [Buzássyová 1979: 124]. Okazionalizmy nemôžu zastarávať, novosť je ich trvalou vlastnosťou. K okazionalizmom sa zaraďujú slová, ktoré sa odlišujú formálne aj významovo od slov patriacich k produktívnym slovotvorným typom, ďalej slová tvorené podľa neproduktívnych slovotvorných typov a tie, ktoré vznikajú podľa konkrétneho slova, ktoré sa uplatnilo ako model pre ich utvorenie, alebo tie, ktoré sú tvorené špecifickými «okazionálnymi» slovotvornými postupmi [Buzássyová, Martincová 2003: 264]. K. Buzássyová ([Buzássyová 1990: 71], [Buzássyová 1999: 133]) za ich absolútne vlastnosti považuje utvorenosť v texte (nereprodukovanosť) a nominačnú fakultatívnosť, k vlastnostiam s graduálnym charakterom zaraďuje (ne)normatívnosť, expresívnosť, viazanosť na kontext a príslušnosť k individuálnemu autorovi. E. Liptáková [Liptáková 2000: 103] na základe výskumu okazionalizmov v hovorenej slovenčine vyčlenila ako absolútne vlastnosti príslušnosť k reči, neuzuálnosť a nereprodukovanosť. Ostatné vlastnosti — nominačná fakultatívnosť, slovotvorná odvodenosť, nenormatívnosť, viazanosť na kontext, funkčná jednorazovosť, individuálna príslušnosť, expresívnosť a neprediktabilitosť — majú podľa autorky čiastkový charakter, lebo autorka k okazionalizmom radila aj potenciálne slová. V užšom chápaní sa medzi neuzuálnymi a potenciálnymi slovami rozlišuje.

Okazionálne slová zvyčajne zámerne prekračujú hranice existujúcich slovotvorných typov, ich tvorba otvára nové možnosti jazykovej nominácie,

poskytuje obraz o kreatívnosti aktívnych používateľov jazyka (detskí používatelia, mládež, autori umeleckých, esejistických, publicistických textov a pod.). Tvorivé narušenie gramatických zákonitostí v prospech zvýraznenia určitej významovej črty nachádzame napr. v zdanlivej nadbytočnosti formantu (prefixu) v okazionalizme *zosústrediť sa*: *Ja nie som krásna, ale keď sa zosústredím, tak si taká budem pripadať* (Maxim E. Matkin. Polnočný denník. 2002), v ktorom sa zdôrazňuje obsahová závažnosť — rezultatívnosť, zavŕšenosť deja základového slovesa, ktoré je už v podstate samo osebe rezultatívne, no celkový efekt zaiste upúta. Potreba zvýrazniť implicitnú dokonavosť jednotky *sústrediť sa* pomocou prefixu *zo-* pravdepodobne súvisela so zastretím morfe-
matickej hranice medzi prefixom *sú-* a koreňovou morférou *-stred-*.

Zdvojenú rezultatívnosť môžeme pozorovať aj v prefixálnom deriváte *privydať sa*: *Keby sa do našej rodiny privydala Rómka alebo priženil Róm?* (Internet. 2005), ktoré napodobnilo štruktúru sémantického opozita *priženiť sa* a zvýraznilo lokálny význam ‘smerovanie deja k niečomu’. Vzhľadom na obľúbené použitie daného slovesa postupne stráca okazionálny charakter (na internetovom vyhľadávачi Google sme našli 105 výskytov).

Deadjektívne slovesá typu *zoškarediť*, *znenápadniť*, *rozosmutniť* vykazujú okazionálny charakter svojím kauzativným významom ‘urobiť takým, ako vyjadruje základ slovesa’ (‘urobiť *škaredým*, *nenápadným*, *smutným* niekoho’), ktorý pre ne nie je typický. Uvedené motivujúce adjektíva sa v slovenčine využívajú skôr na tvorenie stavových slovies (*zoškaredieť*, *znenápadniť*, *rozosmutniť*). Naopak, prostredníctvom imitovanej deadjektívnej formy s charakterom stavového slovesa vzniká humorný efekt v desubstantívach, ako napr. *zbabštieť* ‘stať sa (akoby) babou, nadobudnúť vlastnosti baby’: *Keď sa napiješ, jazyk ti zbabštie* (Slovenská televízia. Nevera po slovensky); *strubičkovať* ‘stať sa trubičkou, premeniť sa na trubičku’: *Prejedla sa špenátu, celá ozelenela a deti ju začali volať Teta Zelienska. O Melovi ani nehovorme. Ten celý strubičkovať* (J. Satinský. Rozprávky uja Klobásu. 1996).

5.3 Ako sme naznačili, k okazionalizmom sa v širšom zmysle zaraďujú **potenciálne slová**, ktoré sú možnosťou vzniku rečového faktu zadanou jazykovým systémom [Ханнира 1972]. Potenciálne slová sú akousi skrytou rezervou v jazykovom systéme, štruktúrne tvorené zvyčajne podľa produktívnych slovtvorných typov. Teda medzi produktívnymi slovtvornými typmi sa skrývajú slová, ktoré sú «čakateľmi» na svoju príležitosť, keď sa budú môcť v reči uplatniť.

Za potenciálne slovesá v slovenčine možno považovať takmer neobmedzené tvorenie slovies prefixálno-reflexivizačným slovtvorným postupom z imperfektív pomocou formantov *na-* *sa*, ktoré vyjadrujú ‘veľkú mieru deja’

spoločne so sémami 'často' a 'do vôle' (podľa vzoru uzuálnych sloviess typu *nahl'adiet' sa, napremýš'lat' sa, naobdivovat' sa, napočúvat' sa*), napr. *O tom, v akom stave je súčasný slovenský futbal, sme sa už dost' napočúvali* (Internet. 2004); *Čo som sa nakreslil deťom snehuliakov!* (úzus); alebo pomocou *pre-sa* s významom 'opakovaným vykonávaním deja alebo dlhým trvaním deja vyjadreného v základe dôjsť k neželateľným dôsledkom' so záväznou väzbou «k čomu», napr. *predrogovat' sa heroínom; Namiesto toho, aby som si uvedomila, že naše manželstvo stráca vôňu a chuť, behala som po byte ako blázon s vysávačom v ruke a všetkých som ustavične buzerovala. A takmer som sa preupratovala k rozvodu* (Emma. 2004. Február); či 'k želateľným výsledkom', napr. *Japonskí vedci tvrdia, že už onedlho sa ľudia budú môcť doslova preňuchat' k štihlej figúre. Objavili totiž určité vône, ktoré v mozgu stimulujú tvorbu látok rozkladajúcich tuk* (Internet. 2004).

Podľa nášho názoru potenciálne slová majú prostredníctvom systémovo korektnej slovtvornej štruktúry a analógie s uzuálnymi jednotkami bližšie k neologizmom ako k okazionalizmom (porov. *preupratovat' sa* analogicky podľa napr. *predrat' sa*).

5.4 Prefixácia patrí k frekventovaným neologizačným slovtvorným postupom pri slovesách. **Neologizmy** sú jednotkami jazykového systému s celospoločenskou platnosťou ([Лопатин 1973: 63], [Buzássyová 1979: 124], [Buzássyová 1990: 63]), tvorené podľa produktívnych slovtvorných typov, «sú novými výrazmi rôzneho stupňa stabilizácie v lexikálnej norme» [Buzássyová, Martincová 2003: 264]. Vznik neologizmu je podmienený existujúcimi (a hlavne produktívnymi) slovtvornými prostriedkami jazyka (systém), z čoho potom vyplýva jeho kodifikovanie do normy a využívanie v rečovej praxi (úzus). Kodifikácia neologizmu závisí do istej miery od aktivity používateľov jazyka. Neologizmy podložené systémom (langue) sa teda overujú v praxi (parole).

Na základe existujúcich slovtvorných typov sa v rámci prefixálnych sloviess rozširujú modifikácie v rámci spôsobu slovesného deja o ďalšie jednotky, napr. obohacuje sa rezultatívnosť či definitívna realizácia deja (*odčiarknut' posledný odsek zákona, odignorovat' všetky koncerty*). Prefixom sa v týchto prípadoch nevyjadruje iba časový príznak realizovaného slovesného deja, ale môže sa označovať aj miera alebo spôsob (okolnosti) jeho realizácie, keď sa sloveso spája s kvantitatívnymi alebo okolnostnými údajmi, napr. *odrodit' štyri pôrody, odoperovat' desiatky pacientov, odmoderovat' večerný program celkom sám*. O. Martincová [Martincová 2005: 122], tvrdí, že v češtine sa v týchto prípadoch stráca príznak «ledabylosti», teda povrchnosti realizácie deja.

Od slovíes intelektového, abstraktného charakteru sa prefixom *od-* tvoria aj deriváty s významom 'odstrániť to / zbaviť sa toho, čo pomenúva motívant', napr. *odpsychologizovať*, *oddémonizovať*. Tento význam je typický hlavne pre desubstantívne deriváty typu *odkôstkovat' ← kôstka*; *odhmyziť ← hmyz*; *odhrdziť ← hrdza*. V prípade uvedených neologizmov ide o deverbatíva pôvodom z abstraktných substantív: *psychologizácia ↔ psychologizovať → odpsychologizovať* (*autorovi sa podarilo hlavnú postavu odpsychologizovať*); *démonizácia ↔ démonizovať → oddémonizovať* — porov. *Som za každú možnosť oddémonizovať pojem milosrdná smrť a iniciovať v ľud'och najnútornejšiu diskusiu o všetkých za a proti* (Sme. 01.12.2000).

Analogicky podľa domáceho ekvivalentu *vyhľadať (si)* je v slovenčine v internetovej komunikácii (napr. pri blogovaní) veľmi frekventovaným prefixálne sloveso *vygooglovať / vygoogliť (si)* motivované logonymom, vo význame 'nájsť požadovanú informáciu prostredníctvom internetového vyhľadávača Google', napr. *Ak o tom chcete niečo seriózne vedieť, vygoogľujte si to*.

Napodobnenie formálnej aj sémantickej štruktúry slovíes vyjadrujúcich prírodné javy (*zmrákať sa*, *stmievať sa*) a ich prenášanie na spoločenské javy patrí k produktívnym slovo tvorným typom, ktorý sa uplatňuje hlavne v publicistike, napr. *zvolebnieva sa* 'schyľuje sa k voľbám', *znedelieva sa* 'prichádza, nastáva nedeľa', *zoskúšobnieva sa* 'približuje sa skúškové obdobie'. Vzhľadom na obľúbenosť tvorenia tohto typu desubstantívnych slovíes sa prehodnocujú z neuzuálnych pomenovaní na neologické. «Používaním neosobných tvarov slovíes tvorených predponami *s-* / *z-* a príponami *-ievať*, *-úvať* dosahujú autori v prostriedkoch komunikácie dynamický príznak časovej dimenzie motivujúceho slova» [Jacko 1994: 355–357].

6. Gramatickým činiteľom, ktorý vplýva na zapájanie sa nových slovíes do lexikálnej zásoby, je popri slovesnom vide (obojvidové slovesá) aj **trpné pasívum**. Nemáme na mysli prípady, keď sa trpné prídavné slovo lexikalizovalo na adjektívum (*dehydrovaný*, *frustrovaný*, *infikovaný*), ale práve naopak, keď prefixálne sloveso existuje hlavne v pasívnej podobe, napr. vo význame 'veľká miera toho, čo vyjadruje motívant, a to sa hodnotí ako neprimerané': *presexualizovaný zábavný priemysel*; *Menej je niekedy viac a možno by tento projekt dosiahol ešte viac, keby nebol až tak živelné premedializovaný* (Slovo. 2002); *preúverovaná spoločnosť* 'zaťažená úvermi' (v aktívnom tvare iný význam: *preúverovať stavbu* znamená 'poskytnúť úver na realizáciu stavby, prefinancovať stavbu'), podobne v češtine je *převeletrhováno* 'je (niekde) priveľa veľtrhov', *být přebankován / je přebankováno* 'mať priveľa bánk' ([Martincová 2005: 130–132]; autorka to hodnotí ako anglický kalk *overbanked*).

Podobným spôsobom fungujú v slovenčine domáce jednotky typu *opočúvaná, obohratá pieseň, opozeraný film*, ale tieto sa vyskytujú aj v podobe určitých slovesných tvarov (*pieseň sa opočúvala, film sa opozeral*).

K pasívu nemusí príslušné sloveso existovať, resp. ak existuje, ide o významovo odlišnú lexému, napr. *napočúvaný* vo význame ‘realizovaný časovo vopred a vzťahujúci sa na isté množstvo objektov’ (*Mám napočúvané množstvo hudby a pri budovaní vlastného hudobného priestoru sa to odráža*) je inou lexémou ako sloveso *napočúvať sa* ‘počúvať veľa, do vôle; počúvaním sa unaviť; sluchom prijať veľa podnetov z vonkajšieho prostredia, čo pôsobí unavujúco a skôr negatívne ako pozitívne’ (*tých rečí sa človek napočúva*).

Pozorujeme tu opačnú tendenciu, ako je lexikalizácia gramatického tvaru — dodatočné prítváranie prefixálneho slovesa k primárnemu pasívnemu tvaru.

7. Pod lexikálnymi inováciami vyvolanými **štruktúrnymi faktormi** rozumieme vznik neosémantizmov, t. j. modifikáciu významovej štruktúry slovies smerom ku **generalizácii** alebo **špecifikácii nového významu** (významové posuny) a lexikalizáciu **metaforických** a **metonymických významov** (významové prenosy). Ako podotýka A. Rangelova [Rangelova 2005: 168–171], špecifikácia neosémantizmu súvisí s terminologizáciou, generalizácia zasa s determinologizáciou, napr.

špecifikácia: pri slovese *vyhoriieť* 1. zhorieť do základov: *dedina vyhorela*; 2. utrpieť škodu požiarom: *podpora tým, čo vyhoreli*; 3. vyhasnúť, dohoriieť: *žiarovka vyhorela*; 4. hovor. expr. doplatiť na niečo, odniesť niečo: *nevinne vyhoriieť za niečo*, sa ustaľuje význam psych. ‘fyzicky, emočne a mentálne sa vyčerpať v dôsledku (veľkej) psychickej a fyzickej záťaže pri výkone povolania; vyhasnúť’ [Nová slova 2004: 527]. Tento prípad možno vnímať ako neosémantizmus stimulovaný cudzím jazykom — anglické *burnout / burn-out* [Mravinacová 2004: 18–21];

generalizácia: popri gramatickom význame slovesa *skloňovať* ‘meniť tvary slova pádovými príponami, ohýbať slovo’ pozorujeme aj význam, ktorý sa vyskytuje hlavne v publicistike ‘často hovoriť o niečom, čo je potrebné naliehavo riešiť, spomínať niečo’, napr. *Popri financovaní nárastu študentov budeme vo vzťahu k vysokým školám viac skloňovať aj slovo kvalita* (Profit. 1998); tento význam ešte nie je zachytený lexikograficky.

7.1 Metaforizácia významu vyplýva z ekvivalencie napr. medzi konkrétnym a abstraktným, zvieracím a ľudským (*vyhmatať zdureninu na tele* — *vyhmatať súperove slabosti*; *nahmatať pulz* — *nahmatať magiku čiernej hudby*; *uhladiť vlasy* — *uhladiť problém* = vyriešiť; *privoňať k vrecúšku*

s bylinkami — privoňat' k modelingu = vyskúšať prácu v modelingu). Vo všeobecnosti je ekvivalencia ako princíp dôležitá pri dorozumievaní: expedient produkuje komunikát s istým komunikačným obsahom a zámerom a percipient dokáže na základe interpretačných pravidiel dekódovať obsah a zámer tohto komunikátu. J. Dolník [Dolník, Bajzíkova, Mlacek, Tomajková, Žigo 1999] rozlišuje niekoľko typov ekvivalencií. Základným typom je ontologická ekvivalencia, pri ktorej ide o triedu entít so zhodnými relevantnými vlastnosťami, entity sú teda medzi sebou ekvivalentné na základe danej vlastnosti. Schopnosť rozpoznať ekvivalenty vyplýva z našej abstrakčnej schopnosti pri poznávaní. Metaforizácia významu spadá pod fiktívnu ekvivalenciu, ktorej podstata spočíva v tom, že k entite sa pristupuje na podklade fikcie, akoby patrila do triedy, do ktorej nepatrí ani reálne a nevčleňuje sa do nej ani imaginárne. Entita sa zaraďuje do danej triedy prostredníctvom similačnej vlastnosti. Fiktívna ekvivalencia sa navrstvuje na ontologickú ekvivalenciu a umožňuje nepravé rozšírenie extenzie jestvujúceho výrazu. V prípade prefixálnych slovies môžeme uvažovať o rozšírení slovotvorného formantu — prefixu, napr. *vyhmatat' zdureninu na tele — vyhmatat' súperove slabosti* (mentálna činnosť pri istom stupni abstrakcie je ekvivalentná fyzickej činnosti), *dom vyhorel — učiteľ po dvadsiatich rokoch praxe vyhorel* (psychický stav človeka sa vníma ako ekvivalentný fyzickému stavu veci po deštrukcii).

Prirodzene, v niektorých prípadoch ide o metaforizáciu na úrovni parole, v individuálnom použití (*uhladit' dieťaťu vlasy — úsmevom uhladit' každý problém*). Ak sa fiktívna ekvivalencia realizuje vo viacerých analogických prípadoch, vtedy daný význam býva kandidátom na lexikalizáciu, resp. metaforický význam môže prekryť základný význam, napr. *vytunelovať banku, investičné fondy* 'podvodnou finančnou operáciou získať niečo' je motivované bezpredponovým slovesom *tunelovať* 1. raziť tunel, 2. pejor. vykonávať podvodné finančné operácie [Krátky slovník slovenského jazyka 2003: 789].

7.2 Významové prenosy bývajú usúvzťažnené s pragmatickým hodnotením skutočnosti, ktoré pôsobí práve prostredníctvom fiktívnej ekvivalencie zjemňujúco voči hodnotenej skutočnosti. Hodnotenie skutočnosti sa buď prenáša zo základného významu — **symetria pragmatických príznakov v základnom a prenesenom význame**, napr. prefixálne sloveso *presolit' polievku* vníma hovoriaci ako nedobrá, negatívne hodnotiteľnú a hodnotenú vec 'osoliť viac, ako pripúšťa štandard, posoliť vyše miery'. Negatívne hodnotenie je prítomné aj v metaforickom použití *presolit' volebnú kampaň*, pri ktorom sa však neutralizuje motivačný prvok slovotvorného základu (*sol'*), aktualizuje sa fiktívna ekvivalencia fyzickej a abstraktnej činnosti.

Pragmatické príznaky sa môžu aktivizovať sekundárne, až v prenesenom význame, resp. môžu byť priam antonymické k existujúceho významu — **asymetria pragmatických príznakov v základnom a prenesenom význame**, napr. *prehriaty motor* (negatívne hodnotenie) — *tvár prehriata úsmevom* (pozitívne hodnotenie), *vyhladiť bielizeň* (neutrálne, resp. pozitívne hodnotenie) — *vyhladiť náletom mesto* (negatívne hodnotenie), *zapáliť dom* (‘podpáliť’; negatívne hodnotenie) — *zapáliť masy* (‘nadchnúť’; pozitívne hodnotenie), *primraziť zeleninu* (‘trochu, v malej miere’; bez hodnotenia) — *zvest o nešťastí ich primrazil* (‘veľmi citovo zasiahla, vo veľkej miere’; negatívne hodnotenie). Pragmatické príznaky vyplývajú z kontextu, ale nie natoľko bezprostredne jazykového ako celkovo kultúrneho. Ako uvádza J. Dolník [Dolník 1999: 159], «tzv. čisté hodnotiace výrazy vyjadrujú hodnotiace príznaky objektov na základe štandardizácie týchto príznakov, pričom na rozličné typy objektov sa viažu odlišné štandardy: napr. výraz „dobré pero“ interpretujeme ako „pero, ktoré dobré píše“.»

8. Na záver si pripomenieme povedané: lexikálnou, čiastočne gramatickou inováciou podmienenou lexikálno-gramatickou kategóriou slovesného vidu je perfektivizácia obojvidových slovies, ktorá sa realizuje slovotvorným spôsobom — prefixáciou. Tým sa potvrdzuje adaptačná aj systemizačná funkcia slovotvornej motivácie — adaptácia cudzej jednotky do domáceho aspektového systému, formálna aj významová stránka obojvidového slovesa sa stáva explicitnejšou, priezračnejšou. Gramaticky motivovanou inováciou je prednostné používanie pasívneho tvaru slovesa a až sekundárne dotváranie určitého slovesného tvaru (*presexualizovaný zábavný priemysel*).

V tvorení univerbizovaných pomenovaní, okazionalizmov a neologizmov sa výraznejšie prejavuje kondenzačná funkcia slovotvornej motivácie, ale tiež aj tendencia k tvorivosti a prekračovaniu uzuálnych hraníc slovotvorby (pri okazionalizmoch). Potenciálne slová s neologizmami spája slovotvorná štruktúra rešpektujúca systémové zákonitosti jazyka, v širšom chápaní sa však potenciálne slová ako jednotky utvorené modelovo podľa istého typu pričleňujú k okazionalizmom.

Dynamike podlieha aj významová štruktúra slova, v ktorej sa realizujú intenzno-extenzné preskupovania sémantických príznakov či metaforické a metonymické operácie spojené niekedy s pragmatickým hodnotením skutočnosti (*pohladať psa* — *pohladať verejnú mienku*).

Literatúra

- Buzássyová K.* O vzťahu potenciálnych a príležitostných odvodených slov k jazykovej norme // *Z teórie spisovného jazyka: Zborník referátov a diskusných príspevkov* / Red. J. Ružička. Bratislava, 1979.
- Buzássyová K.* Gnozeologický a ontologický aspekt lingvistických operácií (transformácie a parafrázy) // *Jazykovedný časopis*. 1984. Č. 2.
- Buzássyová K.* Okazionálna slovtvorba ako indikátor synchronnej a diachronnej dynamiky // *Metódy výskumu a opisu lexiky slovanských jazykov* / Red. J. Kačala. Bratislava, 1990.
- Buzássyová K.* Aspekty vzťahu slovtvorby a textu // *Text a kontext: Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie v Prešove 18.–19. novembra 1993*. Prešov, 1993.
- Buzássyová K.* Tvorivosť a reprodukovanosť v jazyku // *Pange lingua: Zborník na počesť Viktora Krupu* / Ed. J. Genzor, S. Ondrejovič. Bratislava, 1999.
- Buzássyová K., Bosák J.* Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny // *Obsah a forma v slovnej zásobe: Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovnej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983)* / Red. J. Kačala. Bratislava, 1984.
- Buzássyová K., Martincová O.* Neuzuáľní slovtvorba v západoslovanských jazycích // *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja* / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Buzássyová K., Waszakowa K.* Tendencia k internacionalizácii (s ohľadom na funkčnú diferenciáciu internacionalizácie v rozličných sférach komunikácie) // *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja* / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Dolník J.* Mnohovýznamovosť a sémantické odvodzovanie // *Kultúra slova*. 1989. Č. 10.
- Dolník J.* *Základy lingvistiky*. Bratislava, 1999.
- Dolník J., Bajzíkova E., Mlacek J., Tomajková E., Žigo P.* Princípy stavby, vývinu a fungovania slovenčiny. Bratislava, 1999.
- Furdík J.* Slovtvorba — hybná sila lexikálnej dynamiky // *Obsah a forma v slovnej zásobe: Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovnej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983)* / Red. J. Kačala. Bratislava, 1984.
- Furdík J.* Slovenská slovtvorba. (Teória, opis, cvičenia) / Ed. M. Ološtiak. Prešov, 2004.
- Furdík J.* Teória motivácie v lexikálnej zásobe / Ed. M. Ološtiak. Prešov, 2008.
- Horecký J.* Slovtvorná parafráza // *Jazykovedný časopis*. 1981. Č. 1.
- Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. a kol.* Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava, 1989.
- Jacko J.* Predponovo-príponové neosobné slovesá // *Kultúra slova*. 1994. Č. 6.
- Janočková N.* O kosémii predponových sloviess // *Slovenská reč*. 2002. Č. 6.

- Jindra V.* Vývojová dynamika obouvidových sloves cizího původu na základě korpusových dat // Slovo a slovesnost. 2008. Č. 3.
- Kopečný F.* Slovesný vid v češtině. Praha, 1962.
- Krátký slovník slovenského jazyka / Red. J. Kačala, M. Pisárčiková. Bratislava, 2003.
- Lebedová S.* K ztrátě obouvidovosti u sloves cizího původu v současné češtině // Slovo a slovesnost. 1980. Č. 4.
- Liptáková L.* Okazionalizmy v hovorenej slovenčine. Prešov, 2000.
- Martincová O.* Nová slovesná pojmenování // Neologizmy v dnešní češtině / Eds. O. Martincová, A. Rangelova, J. Světká. Praha, 2005.
- Mravinacová J.* K problematice neosémantizmů internacionální povahy // VARIA XI: Zborník materiálov z XI. kolokvia mladých jazykovedcov (Spišská Nová Ves 28.–30.11.2001). Bratislava, 2004.
- Nová slova v češtině: Slovník neologizmů. D. 2. Praha, 2004.
- Poldauf I.* Spojování s předponami při tvoření dokonavých sloves v češtině // Slovo a slovesnost. 1954. Č. 1.
- Poldauf I.* Ještě k «prostě vidovým předponám» v češtině // Slovo a slovesnost. 1956.
- Rangelova A.* Neosémantizmy a neosémantizační procesy // Neologizmy v dnešní češtině. Praha, 2005.
- Sekaninová E.* Sémantická analýza predponového slovesa v ruštině a slovenčine. Bratislava, 1980.
- Slovník cudzích slov / E. Balážová, J. Bosák, J. Genzor, I. Ripka, J. Skladaná (Preklad) Bratislava, 2005.
- Slovník súčasného slovenského jazyka. A — G. / Red. K. Buzássyová, A. Jarošová. Bratislava, 2006.
- Smiešková E.* Dvojvidové slovesá cudzieho pôvodu v slovenčine // Slovenská reč. 1961. Č. 4.
- Sokolová M.* Verbálny aspekt a adaptácia prevzatých slovies v slovenčine // Slovo — Tvorba — Dynamickosť. Bratislava, 2009 (v tlači).
- Velký slovník cudzích slov / Red. S. Šaling, M. Šalingová, Z. Maniková. Bratislava; Prešov, 2003.
- Veselý L.* Testy pro zjišťování vidové hodnoty vidového paradigmatu slovesa (indikátory slovesného vidu) // Slovo a slovesnost. 2008. Č. 3.
- Waszakowa K.* Prejawy tendencji do internacionalizacji w systemach słowotwórczych języków zachodniosłowiańskich // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Лопатин В. В.* Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования. М., 1976.
- Хантура Е. И.* Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования / Ред. В. Д. Левин. М., 1972.

Никол Яночкова

Лексические инновации, вызванные грамматическими, структурными и прагматическими факторами (на материале префиксальных глаголов)

В статье рассматриваются функции систематизации, интеграции, конденсации и адаптации (по Ю. Фурдику [Furdík 1984], [Furdík 2004]) словообразовательной мотивированности (новых) префиксальных глаголов. Функция систематизации классифицирует неологизмы по словообразовательным типам, типам ономаσιологических категорий, словообразовательным и аспектуально-словообразовательным гнездам. Функция интеграции помогает вовлечь новые единицы в структурные связи словарного состава. Префиксы выполняют функцию адаптации в том случае, когда новый перфектив образуется от двувидовых глаголов (слцк. *akumulovať* — *naakumulovať*; русск. *аккумулировать* — *нааккумулировать*). В этих случаях словообразовательная структура двувидового глагола расчленяется и формально, и содержательно — таким образом сигнализируется перфективность глагольного действия. Функция конденсации проявляется при образовании единиц посредством универбизации (используется прежде всего суффиксация: слцк. *inštruovať* ‘*dávať / dať inštrukciu / inštrukcie*’ — русск. *инструктировать*), при образовании окказионализмов (слцк. **zosústrediť sa* — русск. *сосредоточиться*) и неологизмов (слцк. *vygooglovať* — русск. *выгуглить*).

Грамматически мотивированным является абсолютное или преимущественное использование форм страдательного залога, а не форм действительного залога (*preúverovaná spoločnosť*). В роли структурного фактора выступает семантическая переоценка уже существующих лексем — спецификация, например, термин в психологии (слцк. *učiteľ vyhorel* — русск. *учитель сгорел*), генерализация значения (слцк. *skloňovať istú tému* — русск. *много, со всех сторон обсуждать что-нибудь*), метонимические и метафорические операции. Мы понимаем метафоризацию как фиктивную эквивалентность [Dolník 1999] между животным и человеческим, конкретным и абстрактным. Метафоризация часто соединяется с прагматической оценкой действительности (слцк. *presoliť polievku / volebnú kampaň* — русск. *пересолить суп / избирательную кампанию*).

*I. Stramljič Breznik (Maribor)***Besedotvorne lastnosti slovenskih okazionalizmov****0. Uvod**

Slovenski jezik je na prelomu 20. v 21. stoletje doživel velike spremembe, ki so odraz aktualnih tako domačih kot svetovnih družbenih in političnih dogajanj. Novi jezikovni pojavi sicer vznikajo v različnih časovnih presledkih na vseh ravninah, toda najočitnejše so prav leksikalne novosti, kjer se jezikovna živost, tvornost in prožnost kažejo kot odziv na potrebo po ubeseditvah novih spoznanj ali novoporajajoči se predmetnosti. Včasih pa nove besede nastajajo kot rezultat užitka in zadovoljstva nad lastno jezikovno ustvarjalnostjo, ko se na novo, izvorno oblikuje vzporedno poimenovanje ob že obstoječem, pa čeprav le redkokateri tak domislek kljub jezikovni iskrivosti postane del splošnega leksikona.

Novemu besedju je danes posvečene veliko pozornosti, saj se zanj zanima tako slovenistična stroka, ki zbira novejšje besedje slovenskega jezika zaradi aktualizacije obstoječih slovarjev [Gložančev, Kostanjevec 2006], kot tudi širša javnost. Temeljno vlogo imajo pri tem različni mediji ne samo kot posredovalci novih informacij, za katere je treba prevzeti ali celo ustvariti novi jezikovni izraz, ampak celo kot spodbujevalci jezikovne ustvarjalnosti svojih poslušalcev, gledalcev ali bralcev. V obliki različnih natečajev jih namreč pozivajo, naj pošiljajo nove besede in najuspelejše v obliki slovarčkov tudi objavljajo. Tako je bil npr. v slovenski reviji *Jana* (31. 12. 2007) objavljen *Slovarček lepih novink*, s skupno sto eno besedo.

1. Neologija, neologizmi, okazionalizmi

1.0. Nastajanje novih besed je v prvi vrsti zanimivo za stroko, in to zlasti za leksikologijo in leksikografijo. Novi izrazi so namreč odraz jezikovne kreativnosti in s tem sredstvo regeneracije, rekonstrukcije in stabilizacije besedja slehernega jezika. Njihovo raziskovanje pa pomaga presojsati in reševati vprašanja jezikovne prakse, politike in tudi jezikovne kulture [Neologizmy 2005: 7].

1.1. Tako lahko neologijo definiramo kot skup procesov, ki določajo nastajanje novih besed v leksikonu določenega jezika [Muhvič-Dimanovski 2005: 2]. Njihovo nastajanje je lahko spodbujeno z zunaj- in znotrajjezikovnimi dejavniki. Med zunajjezikovnimi dejavniki so zagotovo gospodarske, politične

in kulturne spremembe, ki z novo predmetnostjo in pojmovnostjo spodbujajo potrebe po novih poimenovanjih. Sodobna globalna povezanost sveta pa vpliva na povečan pretok informacij in s tem tudi jezikovnih vplivov, še zlasti angleščine kot globalnega jezika. Znotrajjezikovni dejavniki pa so povezani z odnosom nosilcev do maternega jezika in vsega v njem že obstoječega. Ti pojavi so bili v monografiji *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja* [Komparacja 2003] podrobneje predstavljeni [Stramljič Breznik 2005: 237–243].

1.2. S terminom neologizem so bile najpogosteje poimenovane besede, ki so bile nove. Na vprašanje, kaj je nova beseda, se sicer ponuja preprost odgovor, da je to beseda, ki doslej v določenem jeziku še ni obstajala [Babič 1998], vendar to preprosto velja le za primere, ko gre za odnos nov pojem — novo poimenovanje, le-to pa je lahko po nastanku prevzeta beseda (npr. *mobbing*), hibridna (npr. *telopedija* ‘enciklopedija telesa’) ali v celoti domača novotvorjenka (npr. *slikalnik* ‘fotoaparát’). Toda s tem ne zajamemo celotne problematike, kajti med neologizme je mogoče šteti tudi besede iz samega jedra (npr. *strahopetka* ‘ženska, ki se boji visokih pet’) ali pa besede z obrobja leksikalnega sistema, kot so na primer pogovorni izrazi (*lojtra* ‘funkcijska tipka na mobilnem telefonu’), arhaizmi (npr. *batina* star. ‘palica’, novi pomen ‘spolni ud’), dialektizmi (*bavh* nar. koroško ‘belkast vol’, novi pomen ‘velik trebuch ali oseba, ki ga ima’) in slengizmi (npr. *model* ‘lepa ženska’), ki pridobijo novi pomen. Tako se izkaže, da niti vrednotenje uporabnikov nekega izraza kot novega niti časovnost niti zabeleženost niso zadovoljivi kot jasna in enoumna merila za razvrščanje konkretnih leksemov med neologizme. Zato je definicija neologizmov, izhajajoča iz opredelitve mesta novih leksemov v obstoječem leksikalnem sestavu, še najustrenejša. Neologizmi so torej vse tiste besede, ki imajo potencialno možnost postati enota langue, tj. imajo potencialno možnost vstopa v leksikalni sistem jezika [Martincová 1972], raziskujemo pa jih lahko glede na nastanek in vlogo, ki jo opravljajo [Martincová 1983].

1.3. Neologizmi se s stališča poimenovalne potrebnosti delijo na poimenovalno potrebne in stilistične. Prvi [Muhvič-Dimanovski 2005: 6–7] nastajajo kot novi izrazi za novo predmetnost ali pojavnost, drugi so enkratne, samo za določeno priložnost narejene besede. So torej stilistični, ker so vzporednica že obstoječemu izrazu in so največkrat sobesedilno aktualizirani ter zato ekspresivni. Posebej pogosto se pojavljajo kot poročevalski aktualizmi [Korošec 1998], nekateri jih imenujejo tudi hapaksi, okazionalizmi ali priložnostnice.

Priložnostnice so besede, ki jih govoreči delajo po običajnih besedotvornih vzorcih, zato jih naslovniki tudi razumejo [Toporišič 2000: 130], vendar ne postanejo splošna last jezika, niso podružabljene, ker so omejene na določen govorni ali besedilni položaj [Toporišič 1992: 222].

Prispevek se osredinja zgolj na slednje, tj. take priložnostnice, ki imajo v slovenskem referenčnem korpusu Fidaplus, ki vključuje pretežno pisana besedila, največkrat od nič do največ pet pojavitev v različnih virih. Izjemoma so bile vključene tudi besede z višjim številom pojavitev, če so bile vezane na isti vir, ker so znak omejene rabe, npr. istega avtorja v isti publikaciji.

2. Komunikacijski vidik priložnostnic

2.0. Gradivo je bilo paberkovalno zbrano na spletu od decembra 2007 do januarja 2008, in sicer v dveh sklopih: 1) iz različnih blogov in klepetalnic ter 2) po tiskanih ali e-časnikih in revijah (*Mladina, Delo, Večer, Joker, Jana, Blogorola*).

2.1. Razmah posebne medvrstniške komunikacije je poleg mobilne telefonije omogočil nov množični medij, tj. internet, ki se je razširil sredi devetdesetih let. Splet je tako pridobil pomembne razsežnosti kot družbeni in kulturni fenomen. Dostop do spleta je postal celo eden izmed najpomembnejših kazalcev sodobnega družbenega razvoja. Glede na podatke drugih članic EU se Slovenija s sedemintridesetodstotnim deležem prebivalstva, ki redno uporablja internet, uvršča v sredino te lestvice.

Privlačnost spletnega komuniciranja se skriva v prisvajanju različnih identitet in ohranjanje posameznikove anonimnosti. V zadnjem času je zelo aktualna oblika spletnega komuniciranja pisanje blogov. Beseda *blog* je krajšava za *weblog* in pomeni spletno publikacijo, ki prinaša redne objave v obratnem kronološkem zaporedju. Vključujejo besedilo, risbe, fotografije pa tudi seznam povezav na druge spletne strani. Blogi so posvečeni specifični temi in lahko imajo enega avtorja ali več, če več avtorjev zanima podobna tema. Pri blogih imajo bralci možnost, da se neposredno odzovejo na temo in objavijo komentarje.

Drugo pomembno obliko sočasne in množične komunikacije predstavljajo še spletni forumi ali klepetalnice. Vsaka klepetalnica vsebuje večje število različnih tem in sporočil. Uporabnik ima možnost, da na vsako od sporočil odgovori. Celoten pogovor je niz sporočilnih odzivov na prvotno sporočilo.

Prvi vir je primeren za opazovanje spletnega jezika, ki se približuje govorenemu, saj imajo strukturno gledano obliko pogovora. Tako zasebna medvrstniška komunikacija, zlasti mladih, zaradi narave medija postaja javna. Pri tem gre namreč za neformalno varianto občevalnega jezika, ki jo označuje poseben slovar, sestojč bodisi iz novih izrazov ali pa iz starih z novim ali drugače zaobrnjenim pomenom. Za mladostniški sleng je tipična ekspresivnost ali celo afektacija [Gjurin 1974: 65–66]. Vse izraženo je pogosto hipertrofirano, objestno, včasih pa tudi litotizirano, pritišano. To, kar je »in«, pa se zelo hitro menjava, saj je treba ves čas biti čim manj odvisen tudi od svojega lastnega izročila ([Toporišič 1992: 278], [Toporišič 2000: 25–26]). Za sleng je zna-

čilna tudi velika egocentričnost, izrazito čustveno vrednotenje, velika subjektivnost, kar se na jezikovni ravni kaže v hoteni in zavestni releksikalizaciji, tj. pomenskem prevrednotenju, izjemni pomenski širini ali delni sinonimiji s tradicionalnimi pomeni besed, v vključevanju tujejezičnih prvin in prvin različnih zvrsti znotraj istega jezika [Skubic 2005: 213–232].

2.2. Drugi vir omogoča opazovanje poročevalskih aktualizmov, tj. enkratnih za določeno priložnost narejenih besed. Njihov aktualizacijski učinek izhaja tako iz sobesedila kot iz uporabe besedotvornih vzorcev in sestavin. Pojavljajo se pogosteje v vesteh, reportažah, prigradnih intervjujih ali v sicer močno avtorsko zasnovanih poročilih. Kot navaja Korošec [Korošec 1998: 27–28] je zanje tipična npr. ironična raba sicer terminologiziranih podstav in priponskih obrazil (*dopustologija*, *zrakofikacija*), nenavadnih zloženk (*glavobolnik*, *redkoprdeč*), novi glagoli na *-ariti* (*cvičkariti*), po besedotvornem vzorcu izpeljane besede, običajne v pogovornem jeziku, (*vzburljivka*), poenobesednje sicer običajnejših besednih zvez (*oblečenec* ‘oblečen človek’), pogosta izraba obrazila *-ež* (*razvnetež*), ironična raba besed z obrazilom *-ar* (*gotovinar* ‘kdor kupuje z gotovino’), širjenje novih besed z novim pomenom (*gozdina* ‘pristojbina’), t. i. antisupletivizem (*človeki*, *človekinja*) in akronimične besede (*dipling* < *dipl* + *ing*).

3. Semantični vidik priložnostnic

3.0. Nastanek neologizmov in okazionalizmov je v veliki meri povezan s hitro razvijajočimi se tehnologijami in tistimi temeljnimi področji življenja, ki tako ali drugače prizadevajo čim širši krog ljudi. Med njimi so zlasti politika, šport, oglaševanje, marketing, kulinarika, novi trendi na različnih področjih umetnosti, informatika, mobilna telefonija [Stramljič Breznik 2003] in elektronska komunikacija. Za pretok informacij in s tem tudi novega besedja pa skrbijo množični mediji, to so tisk, radio, televizija in splet.

3.1. Zbrane priložnostnice glede na besedotvorni pomen kažejo nekaj tipičnih skupin. Zaradi prostorske omejenosti so tu podrobno predstavljene le samostalniške. Za lažje razumevanje je pri bolj nenavadnih primerih dodan tudi pomen.

3.2. Samostalniki

3.2.1. Poimenovanja moških oseb: *rasturač*, *zmajenožec*, *tešitelj*, *izbruhovec*, *erešovec*, *Evropijan*, *ruparjanec*, *popovičar*, *zlodejnik*, *mamilopapek*, *vrženček*, *žuržverca*, *vladavec*, *darilonosec*, *pobasovalec*, *zvenečnik*, *Ljubljanceljn*, *zlobosilnež*, *šahopirec*, *frutkar*, *prelomničar*, *podmanik* ‘oseba, ki je podrejena’, *mrkoglednik*, *poševnoočnik*, *kavač*, *tipson*, *itakovec*, *bunkorilec*, *drobnopik* ‘pikolovec’, *zvitoliznik*, *burkohahljač*, ‘humorist’, *domovec* ‘izseljenec, ki se vrača domov’, *golovidnež* ‘nudist’, *hlastnojedec* ‘požeruh’,

kihonosec 'prehlajen človek', *plamenohotnež* 'piroman', *samotrpin* 'asket', *sončnosrčnež* 'dobrotnik', *srakoprstnež* 'tat', *važnoglavec* 'bahač', *zloboustnež* 'obrekljivec'.

3.2.2. Feminativi: *poptevejevke* 'novinarke, sodelavke televizije POP TV', *tipica*, *tipinja*, *ljubimčica*, *Jezusinja*, *anglica*, *betmenka*, *ubrisanka*, *regljača* 'klepetulja'.

3.2.3. Poimenovanja ženskih oseb, ki niso vzporednice moškimi: *šiviljomagistra* 'šivilja z magisterijem', *sponzoruša* 'ženska, ki se prodaja za denar', *prepevalka* 'pevka zelo slabe kvalitete', *slaciševka*, *nosečka* 'noseča ženska', *plačivka* 'sprevodnica; ženska, ki pobira denar', *sotašča*.

3.2.4. Maskulinativi: *primadonec* 'moška oblika za primadono', *šiviljak* 'moška oblika za šiviljo', *osak* 'moška oblika za oso'.

3.2.5. Predmeti: *čaronilnica* 'naročilnica', *gibljivka*, *nepomembnik*, *kazaljko*, *uvodnjak*, *novaskop*, *slobikini*, *sloleštica*, *kreslinčica*, *podsmeseček*, *žalostko*, *arafatka* 'ruta', *srhošpil*, *siseruzak*, *izmislica*, *njamka*, *česelj*, *česalnik* 'glavnik', *bodeljčki* 'vilice', *bradan* 'uhan na bradi', *gnevnik*, 'časopis, poln gneva', *gnusljivka*, 'umetniška zvrst; film, poln gnusnih prizorov', *halon* 'telefon', *hodalo* 'stopalo, noga', *jezikan* 'uhan na jeziku', *mižama* 'pižama', *natikarice*, *natiponke* 'japonke, natikači', *popkan* 'uhan na popku', *slikalnik* 'fotoaparatus', *sluško* 'slušni aparat', *srkalčica* 'slamica za pitje', *šipovka* 'zavesa', *toplogrelec* 'radiator', *ustan* 'uhan v ustih', *vetropih* 'ventilator', *vržec* 'žeton', *zapotrebec* 'zobotrebec', *zelenjača* 'brokoli'.

3.2.6. Jezik: *živalščina*, *vesoljščina*, *družinščina*, *slogleščina*, *nevtralščina*, *grimščina*, *nogometaščina*, *žogobrcavščina*, *menedžerščina*, *plesavščina*, *grozljivščina*, *ljubščina*, *najljubščina* 'materinščina'.

3.2.7. Različne vrste plačil ali denarnih izdatkov: *vozičkovina*, *vohunina*, *piratnina*, *miklavževina*.

3.2.8. Dejanje, lastnost: *hofermanija*, *angliciziranje*, *medvrstičenje*, *jelinčičizacija*, *gorolazenje*, *polkanje*, *dogajancija*, *dijakonorija*, *pisunjenje*, *mislarija*, *pipiranje*, *zlobosilje*, *potemkinizacija*, *prestarševanje*, *piknikiranje*, *prekodiravanje*, *bazenanje*, *prigizanje*, *užitkovanje*, *idejalizem*, *srečkolov*, *srce-lom*, *smučarjenje*, *istež*, *leporečenje*, *dolpoteg*, *blablonija*, *odraslarije*, *maratonanje*, *nakitkanje*, *hruškanje* 'grizlanje slastne hruške', *sočutenje* 'vživljanje v drugega', *zlobosilje*, *žarkoumnost* 'optimizem', *lenoritis*, *gonitis*.

3.2.9. Prireditve, praznovanje: *akcijada*, *pivovijada*, *druganje* 'dogajanje na Drugi gimnaziji', *slaninijada*, *zdravkovanje*, *bazenjenje*.

3.2.10. Rezultat dejanja, popredmetena lastnost: *smsflirt*, *izhlevitev*, *sprdljajček*, *zaštek*, *zarib*, *konjepis*, *levjepis*, *zamotljaj*, *grizitek*, *tiskič* 'objem', *zaplavek* 'zamah z rokami in nogami, osnovni element plavanja', *zdrža* 'forma, telesna pripravljenost'.

3.2.11. Kraj: *hihitalnica, zbiraboks, zbiradejnica, šipkrepčevalnica, zrezkarnica, Seganebranim, otročnjak, odžejevalnica, preoblačnica* 'garderoba'.

3.2.12. Čas: *šestek* 'šesti dan, sobota'.

3.2.13. Manjšalnice: *evrček, hobotničica, zverjašček, tepihček, tajkunič, centič, sedežek, pegožganček* 'otrok s pegami', *picolinček* 'otrok, ki ima rad pice'.

3.2.14. Skupna imena: *pankrtovej, kletvicovje, mulčad* 'večja otročad'.

4. Besedotvorni vidik priložnostnic

4.1 Med zbranimi priložnostnicami prevladujejo izpeljanke, sledijo zloženke, sestavljenke in sklopi, predstavljeni z natipičnejšimi primeri.

4.1.1. Izpeljanke

Delež samostalniških in pridevniških izpeljank je največji (*zvenceč-nik, prelomnič-ar, frutk-ar, kav-ač, gnusljiv-ka, sluš-ko, hod-alo, prigriz-anje, istež, vohun-ina, vesoljšč-ina, akcij-ada; podočnjak-ast, slovensk-ast, jošk-at*), izjemnejše so tvorjenke iz predložne zveze (*pod-man-ik; čez-les-en*). Tudi pri glagolih so pogoste izpeljanke (*šport-ati, petk-ovati, komolč-ariti, balet-ati*), opazni so primeri s samostalniškimi manjšalnicami v podstavi (*cigaretk-ati, kofetk-ati, živčk-ati*).

4.1.2. Zloženke

Med zbranimi priložnostnicami so opazne zloženke tako pri samostalniku (*daril-o-nos-ec, zlob-o-siln-ež, poševn-o-oč-nik, vetr-o-pih-0, dol-0-poteg-0, dijak-o-norija, šivilj-o-magistra*) in pridevniku (*zgužvan-o-fris-en, rib-o-jeben, ljublj-an-o-ljub-eč*), medtem ko jih pri glagolu ni zaslediti. Tudi sicer je zlaganje glagolov manj pogost tvorbeni postopek tudi v knjižnem jeziku.

4.1.3. Sestavljenke

Sestavljenke so sicer manj pogoste, v zbranem korpusu tipične zlasti za pridevnike (*proti-kučanovski*) in glagole (*s-konzumirati, pri-pujsati, iz-hleviti, s-parodirati, so-smejati se, za-hlačati*).

4.1.4. Sklopi

So tipični zlasti za imenske besedne vrste (*Se-ga-ne-branim, daj-medol, Maribor-je-ful-bomba, prov-mi-je-kva-pa-spim, ko-bi-me-le ne-zeblo-n* 'kombinezon'; *temno-modra-skoraj-rdeča*).

5. Vidik zazanamovanosti priložnostnic

5.1. Podstavne lastnosti nastalih priložnostnic so pogosti vzrok za njihovo stilno zazanamovanost. Ker so bile prevzete leksemske prvine in njihova besedotvorna zmožnosti v slovenščini predmet samostojne raziskave [Stramljič Breznik 2008], tokratni zbrani korpus temelji zlasti na izboru takih priložnostnic, ki nastajajo iz podstavnih prvin, obstoječih že dalj časa v slovenski leksiki,

vendar njihova nenavadnost izhaja bodisi zaradi lastnoimenskega ali občnoimenskega izvora besed, ki so časovno, ekspresivno, funkcijsko- ali socialnozvrstno zaznamovane že v obstoječih slovarskih priročnikih.

5.1.1. Pogost vzrok za nastanek priložnostnic so lastnoimenske podstave, iz katerih se tvorijo poimenovanja oseb, ki so kakor koli povezane:

a) s poimenovanji društev, organizacij s celimi (*izbruhovec* < član KD Izbruh, *itakovec* ‘naročnik mobilnega paketa Itak’) ali le kratičnimi imeni (*erešovec* < član RŠ ‘član Radia Študent’, *poptevejevka* ‘novinarka televizije POP TV’);

b) z imeni bivših ali aktualnih slovenskih politikov in družbenopomembnih osebnosti: *ruparjanec* ‘pristaš poslanca Ruparja’, *popovičar* ‘pristaš koprškega župana Popoviča’, *jelinčičizacija* ‘početje poslanca Jelinčiča’; *titoizirati* ‘delati kot Tito’; *protikučanovski* ‘naperjen proti bivšemu predsedniku Kučanu’, *pahorjanski* ‘povezan s predsednikom vlade Pahorjem’, *peterletovski* ‘povezan s poslancem Peterletom’;

c) z imeni estradnikov: *kreslinčica* ‘pesem popevkarja Kreslina’;

č) z imeni svetnikov: *zdravkovanje* ‘praznovanje sv. Valentina’, slovenska ustreznica imenu Valentin je namreč Zdravko;

d) z imeni veletrgovskih centrov: *hofermanija* ‘manija v trgovskem velecentru Hofer’;

e) z imeni junakov iz risank: *tomindžerijevski* ‘po risanki Tom in Džeri’, zapis je po izgovoru.

5.1.2. Med občnoimenskimi podstavami pa je mnogo takih, ki so že same zaznamovane, saj v Slovarju slovenskega knjižnega jezika (SSKJ) nosijo katerega izmed kvalifikatorjev: *mamilopapek* ‘narkoman’ < *papati* otr. ‘jesti’; *žuržverca* ‘kdor intenzivno žurira’ < *žur* žarg. ‘domača zabava; *žverca* ekspr. ‘zelo živahen, nemiren človek’; *pobasovalec* ‘kdor jemlje’ < *pobasati* pog., ekspr. ‘dati, stlačiti’; *srhošpil* ‘srhljiva igra’ < *špilati* nižje pog. ‘igrati’; *žogobrcavščina* ‘jezik nogometašev’ < *žogobrc* šalj. ‘nogomet, igravec nogometa’; *sprdljajček* < *prdec* vulg. ‘glas, ki nastane pri izločitvi plina iz črevesja’; *pankrtovje* < *pankrt* slabš. ‘nezakonski otrok’; *mulčad* < *mulc* pog. ‘razposajen, objesten deček’; *pisunjenje* < *pisun* slabš. ‘pisatelj, pisec’; *nenadjebljiv* < *jebati* vulg. ‘spolno občevati’; *zgužvanofisen* < *zgužvan* ‘zmečkan’, *fris* nižje pog., nav. slabš. ‘obraz’; *kravalarski* < *kraval* ekspr. ‘hrup, trušč, vpitje’; *pošpegati* < *špegati* nižje pog. ‘gledati’; *ogvanatati se* < *gvant* nižje pog. ‘obleka’.

Neredko podstavne prvine priložnostnic zaradi omejene rabe niti niso sprejete v SSKJ: *siseruzak* ‘nedrček’ < *sise* ‘vulgarno poimenovanje za prsi’, *ruzak* < *Rucksack* ‘nemška izposojenka za nahrbtnik’; *joškat* < *joški* ‘vulgarno poimenovanje za prsi’; *zaštek* < *zaštekati* < *stecken* ‘nemška izposojenka za glagol zataktniti se’; *šniclarski* < *šnicl* < *Schnitzel* ‘nemška izposojenka za zrezek’.

Zaznamovane so tudi vse podstave medmetnega izvora: *njamka* < *njam* 'posnemovalni medmet, ki izraža ugodje ob uživanju hrane'; *zvrniti* < *zvrce* 'posnemovalni medmet, ki posnema oglašanje telefona'.

Pogost pojav je tudi druženje kratične in še kakšne podstave: *slobikini* 'slovenski bikini'; *slo-lestvica* 'slovenska lestvica'.

Ustvarjanje novih tvorjenk z nenavdno podstavo: *izmislica* običajno *domislica*; *bradan*, *jezikan*, *popkan*, *ustan* so tvorjenke po analogiji *uhan*; *mižama* za *pižama*, motivirano z glagolom *mižati*; *slastovit* po analogiji *čudovit*.

5.2. Vir zaznamovanosti so lahko tudi nevadna, manj običajna obrazila. Opazujemo lahko več pojavov:

a) uporaba arhaičnega obrazila za vršilca dejanja: *teš-itelj*; obrazilo *-itelj* velja v sodobnem knjižnem jeziku za manj rodno [Stramljič Breznik 1999: 139];

b) uporaba razvrstitevno zelo omejenega obrazila: *vlad-avec* 'član vlade', običajnejše so tvorjenka na *-(a / i)lec* [Stramljič Breznik 1999: 139];

c) uporaba neobičajnega variantnega obrazila (*noseč-ka* proti običajnejšemu *noseč-nica*, *natik-arica* proti *natik-ač*) lahko tudi ob višjestopenjski tvorjenki (*ljubimč-ica* proti *ljubimka*);

č) uporaba zaznamovanih obrazil s slabšalnim (*sponzor-uša*, *reglj-ača*, *prepev-alka*), ironičnim (*Ljublj-an-celj*) ali ljubkovalnim pomenom (*kazalj-ko* 'kazalo', *žalost-ko* 'emotikon z žalostnim obrazom', *tisk-ič* 'objemček');

d) uporaba popolnoma novega obrazilo: *tip-son* 'tip', *plač-ivka*;

e) ustvarjanje žensko- ali moškospolskih oblik iz podstav, ki tega ne predvidevajo, ker zanje ni potreb: *Jesus-inja*, *angl-ica*; *primadon-ec*, *šivilj-ak*, *os-ak*;

f) pogosta uporaba ekspresivne pripone *-ež* v izpeljankah iz pridevniških zloženek [Stramljič Breznik 1999: 16]: *zlobosiln-ež*, *golovidn-ež*, *plameno-hotn-ež*.

5.3. Stilna zaznamovanost priložnostnic pa lahko izvira tako iz podstavnega kot tudi obrazilnega dela tvorjenke, ker je njuna kombinacija glede na tvorbenosistemsko kombinatoriko neobičajna: *šank-ističen*, pridevnik od *šank* 'sploh ni običajen'; *ikoni-čast* proti *ikon-ski*; *kav-ač* 'strastni pivec kave'; *so-tašča* 'sočasna tašča z drugo taščo'; *nepomembn-ik* 'govorna jezikovna mašila tipa *čuj*, *te*, *ne*, tipična za štajerska narečja', medtem ko je *nepomembn-ež* zelo običajna kombinacija za pomen 'nepomembna oseba'; *uvodn-jak* proti *uvodn-ik* 'članek o dnevno pomembni temi'; *pod-smešek* 'privoščljiv smehljaj'; *dogajjan-cija* proti *dogaj-anje*; *misl-arija* 'misel, razmišljanje'; *otročn-jak* 'prostor za otroke', običajno *vrtec*; *akci-jada*, *pivov-ijada*, *slanin-ijada* 'prireditve, povezane z *akcijami*, *pivom*, *slanino*'.

5.4. Oblikovanje vzporednih poimenovanj je tipičen pojav pri nastajanju priložnostnic, saj se tvorci trudijo na izviren način poimenovati že poimenovano. Pri tem iščejo novi, izvirni vidik motivacije. Pogosto tako, da:

a) se za že ustaljeno prevzeto besedo skuša najti domača ustreznica, ki je zelo pogosto zloženka (*burkohahljač* = *humorist*, *golovidnež* = *nudist*, *plamenohotnež* = *piroman*, *samotrp* = *asket*, *toplogrelec* = *radiator*, *vetropih* = *ventilator*), lahko tudi izpeljanka (*vržec* < *vreči* = *žeton*, *zelenjača* < *zelen* = *brokoli*, *slikalnik* = *fotoaparat*);

b) za že ustaljeno domačo besedo se poišče nova zloženka, ki na izvirni način skuša zajeti pomensko bistvo (*hlastnojedec* < *tisti, ki hlavno je* = *požeruh*), ali pa je iz take zloženke narejena višjestopenjska tvorjenka (*sončnosrčn-ež* < *tisti, ki je sončnosrčen* < *tak, ki ima sončno srce* = *dobrotnik*, *žarkoumnež* < *tisti, ki je žarkoumen* = *optimist*);

c) ustvari se nova izpeljanka (*šipovka* < *šipa* = *zavesa*, *bodeljčki* < *bosti* = *vilice*, *srkalčica* < *srkati* = *slamica*) ali zloženka za že obstoječo domačo besedo (*srakoprstnež* < *tisti, ki ima prste kot sraka* = *tat*, *važnoglavec* < *tisti, ki ima važno glavo* = *bahač*);

č) ustvari se novo enobesedno poimenovanje za doslej običajno besedno zvezno izrazitev (*kihonosec* = *prehlajen človek*).

5.5. V doslej obravnavanih priložnostnicah je bilo mogoče opaziti t. i. jezikovnosistemsko besedotvorno vzorčenje, tj. ustvarjanje novih tvorjenk na podlagi tipičnih tvorbenih vzorcev slovenskega knjižnega jezika. Precejšen delež novih priložnostnic pa izkorišča načelo hotene tvorbene inovacije in izvirnosti s pomočjo morfemske igre in dvoumnosti tako nastlih tvorjenk. V tem primeru nastajajo po jezikovnosistemsko nepredvedljivih vzorcih. Koriakovceva je tovrstne pojave obravnavala pod terminom besedotvorna kompresija [Коряковцева 2006: 122–131]. Rezultat so:

a) t. i. sklopi iz krnov, ki so lahko pogosto tudi t. i. dvozačetnice, sicer ustaljene v nazivih blagovnih znamk ali korporacij (npr. *McDonald's*, *MasterCard*, njihov izvor pa je zagotovo v angleščini): *DokMa* < *dokumentarci* + *Maribor*; *natiponke* < *natikači* + *japonke*, *tulifon* < *tuliti* + *telefon*, *grizitek* < *prigrizek* + *napitek*, *slastovit* < *slasten* + *čudovit*;

b) prekrivanke: *gnevnik* < *gnevni dnevnik*, *LiteRadio* < *literatura na radiu*;

c) menjavanke, pri katerih se v sicer običajni tvorjenki občnoimenski del zamenja z lastnoimenskim: *Drugajanje* < *Druga gimnazija* + *dogajanje*, *strelovito* < tako, kot to počne maratonski plavalec *Strel* + *bliskovito*; *čudoVito* < *čudovito*, iz oglasa za avtomobil *Vito*, znamke Mercedes; *prekrašno* < *prekrasno* + *Kraš* 'podjetje, ki izdeluje peciva';

č) ponavljanke z dvakratno ponovitvijo: *klepeklepetati* 'dolgo klepetati po mobilnem telefonu zaradi ugodne cene', *eseemesati* 'pošiljati veliko SMS-ov zaradi ugodne cene';

d) izkoriščanje dobeseidnega pomena *strahopetka* 'boječa ženska': *strahopetka* 'ženska, ki se boji visokih pet';

e) izkoriščanje slovensko-angleških homofonov za besedne igre, npr. *slovinjen* ‘angleško Slovenci’ opomenjeno v ‘vinjen od Slovenije’, toda odkar so Slovenci v Evropski uniji, so *Evropijani*, tj. opomenjeno v ‘pijani od Evrope’.

6. Sklep

V prispevku predstavljeni primeri priložnostnic opozarjajo na aktualne besedotvorne procese, ki jih sproža nova, izvorna morfemska kombinatorika jeziku lastnih ali pa v njem že ustaljenih in prilagojenih prevzetih prvin. Dogajanje sicer poteka na periferiji slovenskega leksikona, vendar pomembno opozarja, da je slovenski jezik sposoben črpati regenerativno moč iz lastnih, ne samo internacionalnih tvorbenih prvin in vzorcev.

Literatura

- Babić S.* Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Zagreb, 1986.
- Gjurin V.* Interesne govornice sleng, žargon, argo // Slavistična revija. 1974. № 1.
- Gložančev A., Kostanjevec P.* Novejše besedje slovenskega knjižnega jezika — seznam (A–O) // Jezikoslovni zapiski. 2006. № 2.
- Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja / Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Korošec T.* Stilistika slovenskega poročevalstva. Ljubljana, 1998.
- Martincová O.* K problematice lexikálních neologismů // Slovo a slovesnost. 1972. № 4.
- Martincová O.* Problematika neologismů v současné spisovné češtině. Praha, 1983.
- Muhvič-Dimanovski V.* Neologizmi. Problemi teorije i primjene. Zagreb, 2005.
- Neologizmy v dnešní češtině / Eds. O. Martincová, A. Rangelova, J. Světlá. Praha, 2005.
- Skubic A.* Obrazi jezika. Ljubljana, 2005.
- Stramljič Breznik I.* Prispevki iz slovenskega besedoslovja. Maribor, 1999.
- Stramljič Breznik I.* Pomembna monografija o besedotvornih spremembah v slovanskih jezikih // Slavistična revija. 2005. № 2.
- Stramljič Breznik I.* Besedotvorna tipologija novonastalega besedja s področja mobilne telefonije // Slavistična revija. 2003. Posebna št.
- Stramljič Breznik I.* Prevzete leksemske prvine in njihova besedotvorna zmožnost v slovenščini // Slavistična revija. 2008. № 2.
- Toporišič J.* Enciklopedija slovenskega jezika. Ljubljana, 1992.
- Toporišič J.* Slovenska slovnica. Četrta, prenovljena in razširjena izdaja. Maribor, 2000.
- Kоряковцева Е. И.* О словообразовательной компрессии (на материале русского и польского языков // Функциональные аспекты слова́тварення: Доклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісії па славянскаму слова́тварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў / Нав. рэд. А. А. Лукашанец. Мінск, 2006.

Viri

Korpus Fidaplus: www.fidaplus.net.

Slovar slovenskega knjižnega jezika z Odzadnjim slovarjem slovenskega jezika in Besediščem slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki: Elektronska izdaja na plošči CD-ROM, Ljubljana 1998.

Ирена Страмлич-Брезник

**Словообразовательные особенности
словенских окказионализмов**

В работе рассматривается проблема словообразовательной типологии окказионализмов, т. е. новообразований, не встречающихся в словенском национальном корпусе *Fidaplus* или встречающихся, но не более пяти раз. Окказионализмы извлекались методом сплошной выборки из словенского Интернета (блоги, электронные журналы и газеты).

Особое внимание в работе уделяется окказионализмам, образованным от производящих основ, давно существующих в словенском языке. Новообразования, созданные для одноразового употребления в определенном контексте, обладающие огромной экспрессивностью и стилистической окрашенностью, получают в работе разностороннее описание.

С коммуникативной точки зрения речь идет о словах, характерных для молодежной речи в Интернете (*dolpoteg* ‘скачать из Интернета, англ. *download*), а также о публицистических актуализмах (*jelinčičizacija* ‘характерные действия депутата Елинчича’).

С семантической точки зрения большую часть новообразований-существительных составляют наименования лиц мужского (*kavač* ‘страстный любитель кофе’, *hlastnojedec* ‘обжора’) или женского пола (*nosečka* ‘беременная женщина’), названия предметов (*vetropih* ‘вентилятор’), действий или признаков (*polkanje* ‘играние польки’, *lenoritis* ‘лень’). Значительную группу образуют уменьшительно-ласкательные слова (*evrček* — от *evro* ‘евро’). Из прилагательных в основном преобладают относительные (*povprečnjakarski* ‘характерен для заурядного человека’) и качественные (*slovenskast* ‘характерный словенский’); глаголы представляют собой отыменные (десубстантивные) образования (*športati* ‘заниматься спортом’, *kofetkati* ‘пить кофе’).

Словообразовательный обзор включает в себя рассмотрение наиболее продуктивных способов образования окказионализмов в словенском языке. Наиболее распространенными являются суффиксальный способ (68,5 %), словосло-

жение (21,5 %), префиксальный (7 %) и лексико-синтаксический (3 %) способы словообразования.

Далее следует классификация окказионализмов с точки зрения стилистической окрашенности, которая является следствием: а) окрашенности производящего слова, например, имени собственного (*kreslinčica* ‘песня певца Креслина’), стилистических свойств мотивирующего имени нарицательного (*srhošpil* ‘ужасная игра’ < *špilati* прот. ‘играть’); б) окрашенности аффиксов, связанной, например, с их ограниченностью (*teši-telj* ‘утешитель’), новизной (*tip-son* ‘хороший человек’) или же экспрессивностью (*plamenohotn-ež* ‘пироман’); в) комбинации производящей основы и аффикса (*slaninijada* ‘мероприятие, которое связано с салом’); д) того, что окказионализм является синонимом уже известного употребляемого слова (*golovidnež* = *nudist* ‘нудист’, *vržec* = *žeton* ‘жетон’, *bodeljčki* = *vilice* ‘вилка’); е) комбинации морфем по аналогии с уже существующими словами благодаря семантической близости (*šahopirec* ‘страстный шахматист’ по аналогии с *kvartopirec* ‘тот, кто играет в карты на деньги, картежник’).

Если в вышеуказанных окказионализмах четко проявляются т. н. стандартные способы словообразования, т. е. образование новых слов осуществляется на основе характерных словообразовательных моделей словенского литературного языка, то другая группа окказионализмов образуется по нестандартному пути, с использованием игры слов и морфем, а также двусмысленности образованных подобным способом лексем. Среди моделей можно выделить: а) лексико-семантические образования из сокращений, речевое новшество — слова с двумя прописными буквами (*DokMa* < *dokumentarci* + *Maribor* ‘документальные фильмы + Марибор’, *natiponke* < *natikači* + *japonke* ‘шлепанцы + сланцы’, *grizitek* < *prigrizek* + *napitek* ‘закуска + напиток’, *slastovit* < *slasten* + *čudovit* ‘вкусный + чудесный’); б) новообразования, созданные слиянием двух слов (*gnevnik* < *gnevni* *dnevnik* ‘сердитый дневник’); в) слова, созданные путем замены имени нарицательного именем собственным (*Drugajanje* < *Druga gimnazija* + *dogajanje* ‘Вторая гимназия + событие’, *čudoVito* < *čudo* + *Vito* ‘чудо + Vito’ — из рекламы автомобиля «Vito»); д) производные, созданные с помощью двойного повтора (*klepeklepetati* ‘очень долго разговаривать по мобильному телефону по выгодной цене’); е) использование буквального значения слова (*strahopetka* ‘трусливая женщина’: *strahopetka* ‘женщина, которая боится высоких каблучков’); е) использование словенско-английских омофонов для языковой игры (*slovinjen* англ. ‘словенцы’, новое значение — ‘опьянен Словенией’, хотя со времени вхождения Словении в Евросоюз словенцы *Evropijani* — англ. ‘европейцы’, новое значение — ‘опьянены Европой’).

В образовании словенских окказионализмов можно, таким образом, выделить два принципа: образование традиционным стандартным способом и нестандартным способом, путем свободной языковой игры.

М. А. Кронгауз (Москва)

Игровой механизм образования слов

Сравнение двух механизмов образования вторичной номинации

В настоящей статье речь пойдет об одном игровом механизме образования слов в русском языке, распространенном прежде всего в жаргонах. Само существование этого механизма порождает целый ряд теоретических вопросов, связанных с тем, как именно должно быть квалифицировано данное явление. Оно в разной степени связано с такими далекими друг от друга понятиями, как омонимия, личная сфера говорящего, языковая игра, заимствование, имя собственное. Таким образом, искать подходы к его исследованию можно исходя из весьма разных проблемных областей. В этой статье будет также поднят еще один вопрос: можно и нужно ли относить рассматриваемый механизм к сфере словообразования?

Чтобы сразу показать суть проблемы, имеет смысл сравнить его со смежными механизмами, безусловно относящимися к словообразованию. Для этого следует обратиться к лексической области, в которой активно проходят различные по своей природе процессы образования новых номинаций. Такой областью являются названия учреждений и институций, причем в первую очередь стоит обратиться к названиям высших учебных заведений, точнее, к их вторичным наименованиям, которые характерны, в частности, для студенческого жаргона (хотя самые известные из них распространены и шире). В русскоязычной части интернет-энциклопедии «Википедия» (<http://ru.wikipedia.org>) существовала отдельная статья, посвященная этой проблеме, которая называлась «Прозвища российских вузов». Образование таких вторичных неофициальных наименований довольно разнообразно. Одним из самых частых приемов оказывается словообразовательная модель с суффиксом *-к(а)*. Источником мотивации становится не все официальное название, а его часть, как правило (но не обязательно), фамилия человека, в честь которого назван данный вуз: МВТУ (ныне МГТУ) им. Н. Э. Баумана неофициально называется *Бауманка* (см., например, неофициальный студенческий сайт www.baumanka.ru). Этот ряд легко продолжить:

Тимирязевка — РГАУ Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева;

Строгановка — Московский государственный художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова;
Гнесинка — Российская академия музыки им. Гнесиных;
Плехановка — Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова и др.

По этой же модели образуются неофициальные названия больниц, библиотек, музеев:

Третьяковка — Государственная Третьяковская галерея;
Филатовка — Детская городская клиническая больница № 13 им. Н. Ф. Филатова;
Морозовка — Детская городская больница им. В. Е. Морозова;
Ленинка — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека) и др.

Однако наряду с этой словообразовательной моделью, по крайней мере для вузов, действует и интересующая нас модель вторичного наименования с помощью уже существующего слова. Так, для *Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова* наряду с *Плехановка* существует и другое, более жаргонное и, возможно, более популярное название *Плешка* (см., например, сайт www.pleshka.ru). В этом слове также используется суффикс *-к(а)*, но едва ли его следует считать регулярным словообразовательным коррелятом к фамилии *Плеханов*. Таким образом, здесь важен не суффикс, а тот факт, что новая номинация совпадает с уже существующим русским словом. Так же устроены и вторичные названия некоторых других вузов:

Щепка — Высшее театральное училище им. М. С. Щепкина;
Щука — Высшее театральное училище им. Б. В. Щукина;
Муха — Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица (бывш. Высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной);
Репка — Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

К этому ряду примыкает и неофициальное название *Губка* для *Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина*, существующее наряду со словом *Керосинка*, появившимся в результате действия принципиально другого, а именно семантического механизма.

К любому из двух описанных выше способов можно отнести название *Вышка* для *Государственного университета — Высшей школы экономики*, источником для которого служит не фамилия, а прилагательное. Здесь можно усматривать и живую словообразовательную модель (с суффиксом *-ка*), и отсылку к уже существующему слову (*вышка*).

Кроме названий вузов можно вспомнить и знаменитую московскую *Птичку*, ныне ликвидированный *Птичий рынок*.

Из рассмотренных примеров видно, что непосредственно рядом, то есть в одной лексической области, сосуществуют, иногда смешиваясь, два различных механизма вторичной номинации, один из которых, безусловно, следует считать словообразовательным. По поводу аналогичной квалификации второго механизма, а именно он станет предметом рассмотрения в данной статье, возникают определенные сомнения. Но прежде чем принимать то или иное решение, нужно обратиться к другим лексическим областям, где обнаруживаются сходные явления.

Компьютерный жаргон

В статьях [Кронгауз 2003] и [Кронгауз 2007] я писал об особом типе заимствования, в основе которого лежит своего рода языковая игра с фонетическими обликами слов. В частности, в этих статьях были упомянуты такие слова, как *хомяк*, *аська*, *мыло* и *емелить*, которые относятся к компьютерному жаргону.

Рассмотрим возникающие проблемы на примере слова *хомяк*. В английском языке существует устойчивое словосочетание *home page* (возможно и слитное написание *homepage*), которое может быть переведено на русский язык как «домашняя страница». В английском языке оно имеет значение «первая и главная страница сайта, содержащая отсылки на другие страницы». В русском языке у словосочетания *домашняя страница* существует, по-видимому, и другое значение — «персональный сайт», то есть сайт, посвященный конкретному человеку (жизни, творчеству, увлечениям), который сам его и ведет. Однако в данном случае многозначностью можно пренебречь, поскольку нас интересует не развитие семантики, а механизм появления в русском языке новых слов. Наряду со словосочетанием *домашняя страница* в русском языке, точнее в интернет-жаргоне, появляется слово с тем же значением — *хомяк*. Хотя оба эти слова относятся к лексике интернета, сферы их употребления все же различаются. *Домашняя страница* — вполне нейтральная номинация для данного явления (независимо от того, какое из значений имеется в виду), а *хомяк* — стилистически маркированная, характерная прежде всего для устной речи и для «разговорных» текстов в интернете (чаты, форумы, блоги и т. п.). Показателен, например, тот факт, что в Национальном корпусе русского языка слово *хомяк* в этом значении не встречается, а примеры с *домашней страницей* присутствуют, в частности, из нескольких научных статей:

Внесение изменений в системные области или реестр, которые могут приводить, например, к постоянной подмене домашней страницы,

загружаемой браузером по умолчанию, на какой-либо определенный сайт (так называемый *hoterage ware* — подтип программного обеспечения класса *adware*).

Однако примеры с *хомяком* легко находятся в интернете с помощью поисковой системы¹: *Хомяк формируется из новостей, которые Вы присылаете!*

Как уже было сказано выше, *домашняя страница* представляет собой перевод английского выражения, а если определять точнее, то буквальный перевод, а именно кальку. В отличие от *домашней страницы*, *хомяк*, строго говоря, не является ни просто переводом, ни калькой, ни даже заимствованием. Механизм его появления достаточно прост. В английском языке имеется некое слово (или словосочетание) со значением, в лексическом выражении которого нуждается русский язык, однако вместо заимствования подбирается близкое по звучанию русское слово и ему присваивается соответствующее значение. Хотя это и не заимствование, и не калька, некоторые общие черты с этими явлениями имеются. С заимствованием этот процесс сближается тем, что «исходным моментом», или «точкой запуска» механизма является некое иноязычное слово, причем существенным оказывается его фонетический облик. С калькой же данный механизм роднит тот факт, что в результате его действия в русском языке не появляется нового слова, зато у уже существующего слова возникает новое значение.

Впрочем, последнее как раз не вполне очевидно. Все упирается в следующий вопрос: надо ли считать, что появление у слова *хомяк* соответствующего «компьютерного» значения приводит к полисемии, или же речь идет об омонимии? Действительно, если рассматривать этот процесс строго с синхронной (и семантической) точки зрения, то мы имеем дело с омонимией. В отличие от, скажем, слова *мышь*, где «животное» и «компьютерное» значения связаны между собой метафорическим переносом (хотя он и был осуществлен первоначально в английском языке). В случае *хомяка* ни о метафорическом, ни о метонимическом переносе говорить не приходится, а общей нетривиальной части у двух значений просто нет. С другой стороны, нельзя не признать, что связь данного значения именно с этой формой (с этим фонетическим и с этим графическим

¹ В настоящей статье использовались примеры, найденные в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorgora.ru) и в Интернете. Для поиска в Интернете использовалась поисковая система «Яндекс» (www.yandex.ru). Ссылки на соответствующие сайты и тексты не приводятся из-за их малозначительности. Примеры из интернета приводятся с соблюдением орфографии и пунктуации источника.

обликом) не случайна. Соответствующее русское слово — *хомяк* — похоже на английское — *homepage*, только не семантически², как при калькировании, а фонетически.

Необходимо отметить большую распространенность рассматриваемого механизма в компьютерном жаргоне. Это легко подтвердить, обратившись к статье «Компьютерный сленг» в Википедии: «В компьютерном сленге присутствуют слова, не имеющие семантической мотивировки. Они находятся в отношении частичной омонимии с некоторыми общенародными словами: *лазарь* — лазерный принтер; *вакса* — операционная система VAX; *пентюх* — микропроцессор Pentium; *квак*, *квака* — игра Quake» [Компьютерный сленг 2009]. Можно также обратиться к «Примерам сленговых слов» — словарiku, сопровождающему цитируемую статью:

Батон — (англ. button) кнопка.

Дрова (англ. driver) — драйверы

Жаба — язык программирования Java.

Ирка — система он-лайнového общения IRC (Internet Relay Chat).

Кеды — распространенное название KDE.

Ось — OS (Operation System), операционная система.

Перловка — язык программирования Perl.

Пурга (англ. purge) — массовое удаление к.-л. объектов³.

Этот ряд можно продолжить, что, безусловно, доказывает регулярность данного игрового механизма заимствования или образования вторичной номинации в компьютерном жаргоне.

Каламбур и каламбурное словообразование

Учитывая все сказанное, можно констатировать, что несмотря на понятность самого механизма, квалифицировать результаты его действия, используя традиционный терминологический аппарат, оказывается затруднительным. Все же, характеризуя этот механизм, можно с уверенностью сказать о его игровом характере. В этом случае следует говорить о калам-

² Поясню на примере, что означает утверждение о семантическом сходстве при калькировании. Появление нового значения у английского слова *mouse* и потребность в лексическом выражении этого значения в русском языке приводят к запуску переводного механизма. Поскольку в русском языке слова с таким или похожим значением не существует, выбор слова осуществляется по семантическому сходству других значений (прежде всего, главного). Таким образом, поскольку в первом значении английское *mouse* переводится русским *мышь* (то есть их значения тождественны или близки), то и в новом значении оно переводится так же.

³ Цитаты оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящей статье: примеры выделены курсивом, а не полужирным шрифтом, сняты подчеркивания, гиперссылки и ударения.

буре или явлении, чрезвычайно близком к каламбуру. Так, В. З. Санников определяет понятие «каламбур» следующим образом: «шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию» [Санников 1999: 490]. В интернет-энциклопедии «Кругосвет» (www.krugosvet.ru) приводится по существу то же определение, но с некоторым уточнением: «вид языковой игры, основанный на объединении в одном тексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию»⁴.

Фактически в разобранный выше примере, касающемся появления компьютерного жаргонизма *хламяк*, происходит объединение (а точнее говоря — сознательное смешение) сходных по звучанию английского и русского слов. Английское слово фонетически русифицируется и превращается — в зависимости от описания (то есть в зависимости от взглядов исследователя) — либо в новое значение русского слова, либо в его омоним. Однако в лингвистических работах, исследующих каламбур (например, [Санников 1999] или [Земская 2007]), данное явление не рассматривается. Е. А. Земская упоминает лишь единичный пример, сближающийся с материалом настоящей статьи: *полкан* как название *полковника* в армейском жаргоне [Земская 2007: 187]. Определенные аналогии можно провести и с явлением, называемым народной этимологией, которое обсуждает В. З. Санников, приводя примеры из произведений Н. Лескова, А. Чехова и др. [Санников 1999: 167, 492–493]. Здесь также происходит осмысление чужого и непонятного через свое и понятное, правда, важную роль играет семантика «своего» слова.

Наиболее близко к исследуемой проблематике подходит Н. В. Васильева в книге, посвященной именам собственным [Васильева 2005]. В одном из разделов главы «Личная сфера говорящего и употребление антропонимов» рассматривается функционирование имен собственных в жаргоне⁵. Н. В. Васильева пишет о переименованиях и переделках существующих названий, маркирующих присутствие соответствующих объектов в личной сфере говорящего. Приводимые автором примеры демонстрируют своего рода «перетекание» имен собственных в нарицательные и наоборот. Среди жаргонных топонимов Москвы упоминаются такие, как *Труба*, *Пушка*, *Щетка*, *Щука*, *Калина*, *Маяк* и др. К некоторым из них я еще обращусь в рамках этой статьи. Не менее интересны и об-

⁴ Хотя материалы в энциклопедии «Кругосвет» не подписаны, из текста статьи о каламбуре можно сделать вывод, что ее автором является В. З. Санников.

⁵ Речь идет о разделе 7.7. «Претерпевания имени в жаргоне» [Васильева 2005: 183–190].

ратные процессы: например, придание обычным словам формы фамилии (с помощью типичных суффиксов и иных стандартных компонентов фамилий): *вермутидзе*, *вермутович*, *картохин*, *шуткевич*, *выкинитейн* и т. п. Другой ряд примеров демонстрирует использование уже не искусственных, а, напротив, известных фамилий по фонетической ассоциации: *чайковский*⁶, *белинский* и *чернышевский* в качестве номинации чая, белого и черного хлеба соответственно. Н. В. Васильева также отмечает игровой характер подобных преобразований и употреблений.

Еще о жаргонах

Для решения теоретических проблем следует вернуться к рассматриваемой выше компьютерной лексике. Особую проблему представляет выбор русского слова. Как правило, это слова с конкретным предметным значением (*хмяк*, *мыло*), часто с уменьшительным суффиксом (это будет видно из дальнейшего рассмотрения). Важную роль играют и личные имена, представленные в уменьшительной форме. Среди упомянутой выше компьютерной лексики можно отметить такие слова, как *аська*⁷ и *емелить*. Слово *аська* — жаргонное название ICQ, коммуникативного сервиса, точнее, системы мгновенного обмена сообщениями. Здесь также можно говорить о созвучии *аськи* и произношения аббревиатуры — *ай-си-кью*, причем *аська* является уменьшительной формой женского имени. Слова *мыло* и *емелить* созвучны английскому *e-mail*. Первое из них — существительное — встречается чаще и отмечено в Национальном корпусе русского языка: *Можешь на **мыло** мне линк скинуть?* Второе, глагол, встречается существенно реже, происходит от личного имени *Емеля* и означает ‘посылать письмо по электронной почте’: *Можете емелить прям кому захотите* или *Я теперь, когда буду емелить в Эстонию на всякий случай везде буду двойные буквы втыкать* (примеры из Интернета).

В этом же ряду, на первый взгляд, находится и слово *клава*, жаргонное название компьютерной клавиатуры, которое совпадает с уменьшительным женским именем, образованным от *Клавдия*: *Сегодня нет сил стучать по **клаве***. Отличие данного случая, однако, состоит в том, что здесь нет речи о новом заимствовании. Английское *keyboard* не было заимствовано русским языком. Его перевели с помощью слова *клавиатура*,

⁶ Фонетическое сходство используется и в названии торговой марки «ЧайКофский», относящейся, как легко догадаться, к чаю и кофе.

⁷ Слова, совпадающие с личными именами, в принципе могут писаться и со строчной, и с прописной буквы. В этой статье данная проблема обсуждаться не будет. В выборе написания я следовал собственной интуиции, а при цитировании — источнику.

заимствованного либо из немецкого (как указывает СИС или СРЯ), либо из итальянского (как указывает ТСРЯ) языков. Таким образом, здесь имеет место новая номинация, но ее источником оказывается не иностранный язык, а русский.

Если с этой позиции посмотреть на уже обсужденные слова, то мы увидим, что единственным строгим примером заимствования оказывается слово *хомяк*, поскольку английское *homepage* заимствовано не было⁸. Для остальных слов можно говорить не только о заимствовании, но и о внутриязыковом процессе появления вторичной номинации. Так, слово *и-мейл* присутствует в ТСРЯ, изданном в 2003 году. *ICQ* постоянно встречается в русских текстах, прежде всего именно в таком виде, но также и как *айсикью*, *АйСиКью* или *ай-си-кью* и т. п. В русской речи соответствующее название (все варианты написания произносятся одинаково) встречается наряду с *аськой*.

Чтобы не создалось ложного впечатления, нужно сказать, что подобное явление встречается и за пределами компьютерного жаргона. Пожалуй, одним из самых ярких примеров, может считаться появление в русском языке слов *эльчка*, *эльочка*, *элька* и *эмочка* для названий соответствующих размеров одежды: *L (large)* и *M (middle)*. Все они, по крайней мере на фонетическом уровне, совпадают с уменьшительными именами. Существуют, правда, и *эска*, и *эсочка* (от *S — small*), не совпадающие ни с каким именем, но здесь, возможно, следует говорить об аналогии⁹. В этом случае важно отметить, что исходной точкой послужили не английские слова *large* и *middle*, а их аббревиатуры *L* и *M*, которые написаны на ярлыках одежды. Не случайно соответствующие русские слова появились прежде всего в речи продавцов одежды. Таким образом, приходится говорить не только и не столько о каламбурном заимствовании, сколько об освоении или даже «одомашнивании» слова путем сближения его с именами собственными или словами с конкретным значением.

Еще одна игра такого рода связана со словом *евро* в его английском произношении. Как правило, в игровых контекстах и ситуациях встре-

⁸ Хотя и тут приходится делать определенные оговорки. В Интернете все же встречается и заимствование *хоумпейдж*: *Добро пожаловать на мой хоумпейдж*. Однако, как мне кажется, этим фактом можно пренебречь, так как слово *хомяк* значительно более распространено и включено в некоторые справочные тексты, например, в «интернетско-русский разговорник» на сайте «Яндекс». Это слово фигурирует там в статье о *домашней странице* с пометой *разг.* [Завалишин, Завалишина, Колмановская 2001: 24].

⁹ Впрочем, это только предположение, поскольку проследить, какие из этих слов появились раньше, а какие позже, не представляется возможным. В любом случае важно, что большая часть слов из этого ряда вписывается в обсуждаемое правило.

чается слово *юрик* (от личного мужского имени *Юрий*). Впрочем, это достаточно редкое явление, и чаще та же форма употребляется в жаргоне по отношению к студентам-юристам, или юридическим лицам (*юрики* и *физики* 'юридические и физические лица').

Наконец, более регулярно этот механизм реализуется в жаргоне автомобилистов. Вместо названий марок или моделей используются русские слова с конкретным значением. Наиболее известный пример — слово *мерин*, используемый для обозначения *мерседеса*. Этот пример интересен еще и тем, что сближение двух слов происходит не только на фонетической основе, хотя она, безусловно, тоже присутствует. Но это к тому же еще и метафора, которая подчеркивает связь автомобиля и лошади, их общую «транспортную» функцию. Вот, например, вполне типичные зачины анекдотов: *Врезается Запорожец в Мерин* или *Ночь, дождь, загородная дорога. По ней несется 600-й Мерин, за рулем — новый русский* (цитируется по сайту www.anekdot.ru). Кроме *мерседеса*, вторичные номинации встречаются и для других моделей. Так, *пежо* на форумах любителей иногда называют *пыжиком* (часто это касается 206-й модели, но не только ее): *Вот хочу стать обладателем пыжика 206* или *У сестры пежо 307, у меня X-trail, я бы не сказал, что существенная разница в материалах, на пыжике даже приятнее*. Также на автомобильных форумах по отношению к конкретной модели — *Mitsubishi Pajero* — по созвучию используется слово *поджарый*. Последний пример можно найти в словаре жаргона на сайте www.jargon.ru, где встретятся также менее известные жаргонизмы: *авоська* и *авдюха* (Audi), *хорёк* (Toyota Harrier) и др.

Для оценки описываемого явления, пожалуй, самым принципиальным становится его появление вне сферы взаимодействия с иностранными языками. Москвичи уже давно «одомашнивают» и «одушевляют» названия маршрутов общественного транспорта: отсюда знаменитая *Аннушка* — трамвай маршрута «А» — и менее известная *букашка* — название трамвая, а потом и троллейбуса «Б». В Национальном корпусе русского языка зафиксированы, в частности, такие два примера:

Обо многом мог бы еще поведать — и, надеюсь, поведает в этом сочинении — перекресток Мясницкой и Бульварного кольца, по которому, рассыпая из-под колес искры, катились провинциальные вагончики трамвая буквы А, в просторечии «Аннушки» (Вал. Катаев).

С улицы привычно несет гнилью, за окном скрежещет и дребезжит трамвай «Букашка» (Д. Маркиш).

Из всего этого видно, во-первых, что механизм «вторичной номинации по созвучию» может быть вообще никак не связан с заимствованием, во-вторых, что он появился достаточно давно.

Не только отдельные буквы — номера маршрутов, «одомашниваются» с помощью вторичной номинации. То же самое происходит и с некоторыми именами собственными. Так, в речи московских таксистов, но также и шире, аэропорт *Шереметьево* ласково называется *Шарик*, а *Внуково* — *Внучка*: *В богатой Америке вас из аэропорта в город отвезут в минивэне за 13 баксов (из Шарика — за 30) или Домодедово — маленький и тесноватый, но быстрый и ловкий рай по сравнению с Шариком и Внучкой*. В Интернете встречаются и другие менее известные жаргонизмы — наименования аэропортов, например, *Домик* или *Дедушка* — для *Домодедово*. Оставаясь в рамках авиационной темы, можно вспомнить и жаргонную номинацию *тушка* для различных моделей самолетов *Ту*: *Ту-154*, *Ту-204* и т. д. Ср. название статьи о *Ту-204*: *Облегченная «тушка»*. Последний пример, впрочем, ближе к «одомашниванию» маршрутов городского транспорта, поскольку исходной точкой является не полноценное имя собственное (*Шереметьево*, *Внуково* и т. д.), а некая номенклатура — «буквенный номер», хотя в случае самолета он и образован усечением фамилии авиаконструктора А. Н. Туполева.

Заключение

Таким образом, можно подвести определенный итог и на основании всех приведенных примеров дать описание интересующему нас явлению.

Перед нами механизм вторичной номинации, характерный для жаргонов и разговорной речи. Иначе говоря, имеются две номинации некоей вещи или явления, причем первичная может существовать как в русском языке, так и в каком-либо другом (для всех рассмотренных иноязычных примеров это английский). Первичная номинация обладает свойством «семантической непрозрачности»: это либо непонятное слово иностранного языка, либо имя собственное (топоним, фамилия), либо своего рода «буквенный номер» (буква, обозначающая маршрут, или аббревиатура). Иначе говоря, статус первичной номинации как слова в русском языке неполноценен. Вторичная номинация семантически чрезвычайно конкретна, часто эмоционально окрашена. В этой роли могут выступать названия животных, уменьшительные личные имена, то есть слова освоенные, привычные, относящиеся к разговорному стилю речи. Между первичной и вторичной номинацией существует определенное фонетическое сходство. Что же касается семантического сходства, то оно, как правило, отсутствует, хотя это и не обязательно (ср. метафорическое отношение, связывающее *мерседес* и *мерин*). Говоря не вполне строго, можно определить этот механизм как замену чужой, непривычной, абстрактной, непонятной номинации на номинацию

привычную, свойскую, конкретную. Таким способом обозначаемое понятие включается в личную сферу не только говорящего (о чем писала Н. В. Васильева), но и адресата. Именно в этом смысле можно говорить об освоении, «одомашнивании» и «чужого» слова (по существу, замены его на «свое»), и понятия, за ним стоящего. Важными оказываются и принадлежность к жаргону, и игровая природа вторичной номинации, которые создают особую фамильярность как по отношению к предмету речи, так и к собеседнику.

После всего сказанного остается только вернуться к вопросу, сформулированному в самом начале статьи: можно и нужно ли относить рассматриваемый механизм к сфере словообразования? К сожалению, на него нет однозначного ответа. Очевидно, что речь идет об образовании слов. Однако если обратиться к дефиниции словообразования в Лингвистическом энциклопедическом словаре («образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения, конверсии и др. формальных средств» [Кубрякова 1990: 467]), то станет ясно, что проблема заключается в способе образования (то есть в формальных средствах и в формальных моделях). Повидимому, считать рассмотренный каламбурный механизм формальным средством нельзя, поскольку предсказать результаты его действия невозможно. Скажем, от *Audi* возникают и *авдюха*, и *авоська*, хотя последний вариант фонетически настолько удален от прототипа, что едва ли его следовало ожидать. Отсутствие формальных способов и, соответственно, формальной производности (мотивированности) не позволяет нам в данном случае говорить о словообразовании в строгом смысле слова. Но все же связь между двумя словами (первичной и вторичной номинацией) на фонетическом уровне очевидна, и совсем отказываться от идеи словообразования интуитивно не хочется. Видимо, здесь возможен компромиссный вариант, при котором мы будем говорить о периферии словообразования или, вслед за Е. А. Земской, об игровом или каламбурном словообразовании.

Литература

- Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М., 2005.
Завалишин Д., Завалишина Е., Колмановская Е. Интернетско-русский разговорник. М., 2001.
Земская Е. А. Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. М., 2007.

- Компьютерный сленг // Интернет-энциклопедия «Википедия». 1 октября 2009. — http://ru.wikipedia.org/wiki/Компьютерный_сленг.
- Кронгауз М. А.* Изменения в русском языке: лексика, семантика и прагматика // *Revue russe*. 2003, 23.
- Кронгауз М. А.* Новые слова и новые значения: механизмы возникновения // *Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова*. М., 2007.
- Кубрякова Е. С.* Словообразование // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990.
- Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- [*Санников В. З.*] Каламбур // Интернет-энциклопедия «Кругосвет». 2001–2009. — http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KALAMBUR.html.

Сокращения

- СИС — Словарь иностранных слов. Изд. 14. М., 1987.
- СРЯ — Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2. М., 1981–1984.
- СТСРЯ — Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2003.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

В. В. Химик (Санкт-Петербург)

Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования

I. В славянских языках есть удивительное и в некотором роде уникальное явление: оценочное преобразование слов без изменения их лексико-номинативного значения (см. [Русская грамматика 1979: 601], [Русская грамматика 1980: 299]). Так, национальный русский лексикон в действительности включает в свой состав не только, например, слово *нога*, но и уменьшительное позитивно-оценочное *ножка*, усилительно-ласкательное *ноженька* / *ножечка*, уменьшительно-пренебрежительное *ножонка*, уменьшительно-ласкательное *ножоночка*, увеличительное *ножища* / *ножище*. С помощью размерно-параметрических представлений типа «малый — большой» в русском языке регулярно репрезентируется и оценка «хороший — плохой». Так, слово *ножка* на фоне нейтрального *нога* изначально окрашено положительной оценочностью: «Малому свойственно быть милым», — писал К. С. Аксаков [Аксаков 1860: 63]. В то же время словоупотребление *ножища* легко допускает негативную оценочность: *Расставил ножищи — пройти невозможно!* И в том и в другом случае качественная оценка по шкале «хороший — плохой» реализуется через размерно-параметрическое преобразование слова, а оно окрашивает авторским отношением уже и все высказывание, как, например, в знаменитых пушкинских строках: *Скинь мантилью, ангел милый, / И явись как яркий день! / Сквозь чугунные перилы / Ножку дивную продень!* (1824).

II. Выбор размерно-параметрического модификата обусловлен в русской речевой культуре типизированными интенциями говорящего, из которых наиболее заметными являются три главные, три мотива субъективно-оценочного преобразования слов и высказываний: детский, профессиональный и креативный.

1) **Детский** мотив — выражение преимущественно положительной оценки, умалительность детского восприятия или взрослого в расчете на детское. Ребенку в окружающем его мире все представляется огромным: мебель, квартира, улицы, дома, люди. И взрослые, возможно, в качестве психологической компенсации, используют в общении с ребенком

«перевернутое» представление мира, тотальную уменьшительность и положительную оценочность, или так называемый «нянюшкин язык» ([Olmsted 1994], [Протасова 1999]): *головка, ручки, носик, молочко, тетенька, дяденька... Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, придет серенький волчок, схватит Машу за бочок...* Но в детском восприятии актуальны и увеличительные модификационные преобразования: номинации враждебного мира легко приобретают аугментативный, то есть увеличительно-неодобрительный характер: *серый волчище, огромные ножищи, острые зубищи, глазищи горят, страшный голосина* и т. п. И когда у слова с деминутивным суффиксом не оказывается в языковом стандарте эмотивного увеличительного антонима, то ребенок нередко придумывает его сам, достраивая недостающую ему парадигму: *гребенка* — большая *гребеха, *сыроежка* — огромная *сыроега, а также *лошадка* — *лошада, *одуванчик* — *одуван, *подушка* — *подуха... (примеры К. И. Чуковского [Чуковский 1968: 20–31]).

2) **Профессиональный** мотив обращения к субъективно-оценочным модификациям, возможно, перенесенный из детской умалительности, предполагает социокультурное использование уменьшительно-ласкательных слов в сфере обслуживания по отношению к клиенту / пациенту. В русской речевой культуре этот сервильный мотив широко распространен, например, среди поваров (*Котлетка с пюрешкой, пирожочки с капусткой*), продавцов (*Кому сосисочки в тесточке, только что из печечки?!*), милиционеров (*Документики предъявим, протокольчик подпишем...*), а также среди парикмахеров, фотографов и даже медицинских работников, особенно среди стоматологов, в профессиональной речи которых параметрическая уменьшительность предстает как модус положительной оценки и предполагает своеобразный терапевтический эффект «обезболивания» в разговоре даже со взрослым пациентом: *Десенка припухла, верхний зубик у вас плохой, язычок расслабьте... Головка не болит?*

3) Третий мотив субъективно-оценочных преобразований — **креативный**, наиболее распространенный и самый многообразный, поскольку предполагает не только творческое преуменьшение, но и преувеличение, усиление для выражения отношения говорящего к объекту оценки, а также к окружающей действительности и к самому себе в этой действительности. В большинстве случаев это еще и мелиоративная или пейоративная оценка с выражением широкого спектра различных эмоций субъекта речи с помощью модифицированных форм слов и изменения их коннотативного содержания как уменьшительного или увеличительного, смягченного или усилительного, почтительного или неодобрительного, ласкательного

или уничижительного. В соответствии с этой интенцией идея размерности объекта («маленький» или «большой») переносится в сферу оценок и приобретает для говорящего по-русски привычное коммуникативное удобство эмоционального самовыражения: *домик* — ‘маленький дом’, а значит — ‘уютный, милый, приятный’; *домишко* — ‘маленький дом’ и поэтому, возможно, ‘неказистый, неприятзательный, нередко жалкий’; *домище* — ‘большой дом’, то есть ‘огромный, высокий, подавляющий’ и, следовательно, «неприятный», либо, в иных интенциональных условиях, напротив, вызывающий своими огромными размерами положительные эмоции: *Где вам уютнее: в деревенском домике или на маленькой кухне? — В деревенском домике на огромной кухне* (www.ddt.ru/25/action/fuzz.html. 2008).

Однако такое соотношение параметрической и качественной оценок не является регулярным. Деминутив в составе восклицания *Ничего себе домик!* по поводу огромного небоскреба служит для контрастного усиления эмоции удивления или восхищения не малым, а уже большим размером, хотя для этого и используется контрастная модель умаления объекта. И напротив, фраза «*Эк, вражина, домике какой сгрохал*», — *подумал дед Фишка, подходя к лавке...* (Г. Марков. Строговы) может выражать негативно окрашенную оценку небольшого объекта путем его параметрического увеличения, эмоционально-экспрессивного усиления.

Другой пример. Слово *книга* имеет не меньше десяти модификационных производных: РАЗГ. или УМЕНЬШ. *книжка* и УМЕНЬШ. или ЛАСК. *книжечка*; УМЕНЬШ.-ПРЕНЕБР. *книжонка* и ПРЕНЕБР., СМЯГЧ. *книжоночка*; ЛАСК. *книжуля* и ФАМ.-ЛАСК. *книжулька*, УСИЛ.-ЛАСК. *книжулечка / книжуленька*, а также УМЕНЬШ. и ОДОБР. *книжица*, УВЕЛИЧ. *книжища*, ШУТЛ. *книженция*, УВЕЛИЧ.-УСИЛ., ОДОБР. *суперкнига*. Заметим, что в толковых словарях фиксируется лишь малая часть таких модификаций. Например, из десяти производных слова *книга* в «Большом толковом словаре русского языка» приводится только три (*книжка*, *книжечка*, *книженция*), а из производных прилагательного *светлый*, числом более десяти, фиксируются только *светловатый* [Большой толковый словарь 1998].

Максим Мошков, создатель электронного собрания художественных и публицистических текстов в Интернете («Библиотека Мошкова», www.lib.ru), отвечая в телепередаче «Школа злословия» на вопросы ведущих, настойчиво употребляет модусное слово *книжка* вместо ожидаемого диктумного *книга* (речь идет о серьезных и больших текстах): *Мы помещаем на сайтах полезные книжки... Книжки известных авторов... Мы не получаем и не платим за книжки никаких денег* и т. п. (НТВ. 05.03.2007).

И это не параметрическое уменьшение, не пренебрежительная оценка объекта, а своеобразная речевая манера, специфически выражаемое в речи скромного человека «умаление» собственной роли, скрытая форма самооценки деятельности подвижника. М. И. Стеблин-Каменский, известный петербургский ученый-скандинавист, автор заслуженных научных трудов, никогда не говорил о своих работах «мои книги», а только и почти исключительно *мои книжки*, *посмотрите в моей последней книжке*. Ю. С. Сорокин, другой известный лингвист, применительно к своим замечательным статьям предпочитал слово *статейка*: *Вот я написал статейку*... Формальное умаление предмета номинации должно было бы во всех подобных случаях привести к выражению уничижительности, пренебрежения к объекту, однако фактически субъективно-оценочный дериват служит здесь средством «ксеноденотатной переадресованности», по определению В. Д. Девкина, то есть переноса параметрического умаления с предмета на авторскую оценку, что интерпретируется чутким к языку слушателем / читателем как выражение скромности и строгой самооценки, свойственной настоящему ученому.

III. Субъективно-оценочные преобразования — продуктивная и развивающаяся **парадигматическая система**, которая постоянно пополняется новыми производящими и производными словами, как в нормативной речи, так и в нелитературной. По нашим подсчетам, способность к размерной экспрессивно-оценочной модификации обнаруживают около 7 тысяч русских слов, а они, в свою очередь, образуют в совокупности более 25 тысяч субъективных дериватов, или производных лексических единиц с прагматическими наращениями к исходным значениям. При этом субъективно-оценочное словообразование охватывает все основные части речи русского языка. Как известно, экспрессивно-оценочные производные активно образуются не только от конкретных имен существительных (*нога* → *ножка* → *ножечка*...), но и от абстрактных (*поручение* → *порученьице*, *сонм* → *сонмище*, *аппетит* → *аппетитец*, *чертовщина* → *чертовщинка*), не только от качественных прилагательных (*светлый* → *светленький*, *светлехонький* / *светлешенький*, *светловатый*, *суперсветлый* — всего 12 производных), но даже и от некоторых относительных (*деревянный* → *деревянненький*, *кирпичный* → *кирпичненький*), от многих наречий (*поздно* → *поздненько*, *позднехонько*, *поздновато*, *позднопрепоздно*; *едва* → *едва-едва*). Субъективно-оценочные прагматические модификации есть не только у нарицательных имен, но и у некоторых собственных. Так, традиционные личные имена имеют в русском языке феноменальное, достигающее в ряде случаев уровня избыточности [Васильева 2003: 7–11], количество так называемых гипокористических

и даже гиперкористических преобразований с разными прагматическими вариациями и наслоениями смысла, например: *Дмитрий* → *Дима, Димка, Димочка, Димушка, Димуля* и т. п. — более 40 дериватов; имя *Александр* в живой русской речи образует около 60 производных. То же можно сказать и многих женских именах: *Ирина* — около 30 производных, *Елена* — более 20. При этом число модификаций многих исходных имен легко может быть увеличено, как пишет А. В. Суперанская, за счет окказиональных преобразований [Суперанская 2001: 85–89].

Образуют модификационные субъективно-оценочные производные количественно-параметрической природы и глаголы: *толкнуть* — усиленное *толкануть*; *задуматься* — смягченное *призадуматься*; *надоесть* — смягченное *поднадоесть*; *прижать* — уменьшительное *поприжать*, а также усилительные вариации типа *возносить* → *превозносить*; *бахнуть* → *бабахнуть*. Возможны эмоционально-оценочные модификации даже у отдельных местоимений (*сколько* → *сколечко*; *ничего* → *ничегошеньки*), частиц (*нет* → *нетушки*; *ни* → *ни-ни*) и междометий (*ай* → *аюшки*; *бах* → *бабах*; *ох* → *охохоньки*, *окей* → *океюшки*).

Субъективно-оценочные преобразования русских слов находятся в определенных системных отношениях, образуя парадигмы прагматических вариаций, которые могут состоять из двух членов (*сортировка* → *сортировочка*; *стеклянный* → *стеклянненький*; *крутнуть* → *крутануть*), из трех (*живо* → *живенько*, *живехонько*; *ум* → *умишко*, *умище*), а иногда и до десятка или нескольких десятков преобразований. Другая особенность модификационных лексических парадигм — своеобразные синонимические и антонимические связи внутри парадигматических подсистем. Так, модификаты *дождик*, *дождичек*, *дождишко* можно рассматривать как своеобразные экспрессивные синонимы, а *дождик*, *дождичек* по отношению к *дождина*, *дождище* — как модификационные антонимы (*Ничего себе дождичек — дождище настоящий!*). И в такие соотношения вступают многие субъективно-оценочные преобразования слов.

IV. К системе экспрессивной оценочной модификации тяготеет и такое чрезвычайно продуктивное явление современной разговорной, сниженной и жаргонизированной речи, как **универбация**: *социальная сфера* → *социалка*; *заочное обучение* → *заочка*; *заграничная поездка* → *загранка*. Как и во всех других случаях, исходное номинативное содержание здесь сохраняется, меняется форма выражения: аналитическое представление сменяется синтетическим. Однако это не только явление экономии средств языкового выражения. Подобно другим модификационным преобразованиям — деминутивам с переносным значением, универбация

представляют собой эмоционально-экспрессивное «умаление» объекта, субъективно-оценочное снижение и коммуникативную фамильяризацию означаемого. Так, существительное *социалка* утрачивает по сравнению с производящим *социальная сфера / служба* понятийную масштабность номинации и становится обозначением корпоративно ограниченного, суженного объекта, притом со сниженной пренебрежительной окраской, характерной деловому жаргону чиновников, ср.: *Зато на социалке, по подсчетам рабочей группы, в ближайшие два года можно сэкономить порядка 100 млрд. рублей.* (Газета. 2003. НКРЯ). Популярное в обиходной речи петербургской молодежи словцо *Дворцовка* содержит образ, который в субъективно-оценочном представлении «меньше» образа *Дворцовая площадь*, во всяком случае, уступает ему по прагматической значимости (эпитеты *торжественная, нарядная, огромная* едва ли применимы к «умаленной» и приниженной номинации *Дворцовка*). Аналогично можно прокомментировать «параметрическое умаление» и, как следствие, семантико-стилистическое снижение, фамильяризацию и ряда других подобных модификатов, все чаще встречающихся в СМИ нового времени, ср.: *заблаговременная оплата* → *заблаговременка*; *Нобелевская премия* → *нобелевка*; *пищевая промышленность* → *пищёвка*; *отечественная промышленность* (вариант — *литература*) → *отечка*; *духовная литература* → *духовка*.

Возможно, активизировавшаяся в последнее время тенденция языка СМИ к фамильярному умалению и снижению объектов номинации стимулируется и массовым спросом «снизу»: в живой обиходной речи постоянно образуются и широко распространяются многочисленные бытовые универбаты: *мультипликационный фильм* → *мультишка*; *родильный дом* → *родилка*; *пивной бар* → *пивняк*; *губная помада* → *губнушка*, *ночная рубашка* → *ночнушка*, *вкусная еда* → *вкусняшка*, *нечто непонятное* → *непонятка* и т. п.

V. От параметрического уменьшения, умаления, ослабления перейдем к другому полюсу парадигмы оценочного модификационного словообразования — к параметрическому увеличению, усилению, гиперболизации оценки объектов, окружающей действительности и позиции говорящего в ней. **Параметрическое увеличение / усиление** могут выражать разностилевые глагольные модификаты: от общеупотребительных до сниженных: *возвысить* → *превозвысить*; *умножить* → *преумножить*; *лупить* → *лупцевать, лупасить*; *бахнуть* → *бабахнуть*; *трахнуть* → *тарарахнуть, шандарахнуть*. Увеличение / усиление признака допускают имена прилагательные: *злой* → *злющий*; *веселый* → *развеселый*; *прекрасный* → *распрекрасный, прекраснейший*; *добрый* → *предобрый, наидобрейший*;

важный → *суперважный*. Но особенно активны и многообразны в этом отношении субстантивные модификаты с наращениями увеличительного или усилительного субъективно-оценочного значения, ср.: *нос* → *носище*, *дом* → *домица*, *кот* → *котяра*, *тепло* → *тепльнь*, *здоровяк* → *здоровила*, *нахал* → *нахалюга*, *бред* → *брediaтина*. В живой русской речи, в нижних ее сферах, образуются и активно функционируют целые ряды экспрессивно-оценочных словообразовательных модификаций — типизированных, уникальных и окказиональных: *дурак* → *дурачище*, *дурачина*, *дурила*, *дурьё*, *дурень*, *дурьнда*; *баба* → *бабица*, *бабина*, *бабец*, *бабенция*; *алкоголик* → *алкаш*, *алкушник*, *алкарь*, *алкан*, *алкота*, *алкофан*, *алконавт* и т. п. (см. [Химик 2004]).

Большинство таких экспрессивно-оценочных модификаций тяготеет к усилительно-увеличительным преобразованиям, или аугментативам, которые естественно противопоставляются уменьшительным оценочным преобразованиям, деминутивам. Как и уменьшительная, увеличительно-усилительная модификация сопровождается коллоквиализацией преобразованного слова, однако аугментативы гораздо более часто и последовательно развивают или усиливают **отрицательную оценочность**: *дождь* → *дождица*, *суд* → *судилище*, *шофер* → *шоферюга*. Очевидно, по этой причине аугментативы и тяготеющие к ним прагматические модификаты практически всегда характеризуются стилистическим снижением и оценочным огрублением номинации, ср.: *нос* → *носяра*; *шофер* → *шоферюга*; *жизнь* → *житуха*. И тут возникает соблазн интерпретировать приведенное выше наблюдение К. С. Аксакова об уменьшительности [Аксаков 1861: 63] следующим образом: если «милому свойственно быть малым», то «немилое, неприятное склонно быть большим, усиленным, преувеличенным». Во всяком случае, замечено, что оценочной гиперболизации, увеличению и усилению особенно часто и легко поддаются объекты изначально негативной семантики [Земская 1973: 246]: *враг* → *вражина*, *волк* → *волчара*, *дура* → *дурица*, *пыль* → *пылюга*, *хам* → *хамила* и т. п.

Руководствуясь таким ментальным обобщением и далее, можно вспомнить, что зло, негативные явления и отрицательные оценки традиционно представлены в массовом языковом сознании гораздо разнообразнее и красочнее, чем интерпретации добра и положительных качеств. В этом легко убедиться, если взглянуть на перечень сокращенных названий эмоциональных оценок, используемых в толковых словарях: число негативных помет (БРАННО, ВУЛЬГ., ГРУБО, НЕОДОБР., ОТРИЦАТ., ПРЕЗРИТ., ПРЕНЕБР., УНИЧИЖ.) заметно превосходит число позитивных (ЛАСК., ОДОБР., ПОЧТИТ.) [Большой толковый словарь 1998: 20–21]. Косвенно это обстоятельство подтверждает и словообразовательный потенциал оценочной

модификации. Трудно сказать, чего больше в русском языке по общему количеству — деминутивов или аугментативов, но, несомненно, аффиксальных средств оценочного увеличения и усиления (а значит, и пейоративности) больше, чем формантов уменьшительности. Более того, число морфем со значением субъективной усилительной оценки постоянно растет. По данным академической грамматики русского языка, так называемых уменьшительных суффиксов существительных всего около 10 (с алломорфными вариантами), в то время как увеличительно-усилительных и тяготеющих к ним негативно-снижающих аффиксов — более 20, если не считать алломорфов [Русская грамматика 1980: 216–218]. Это преобладание наблюдается в разных частях речи [Шейдаева 1997: 113–227], их много среди прилагательных, наречий, глаголов, но более всего их среди имен существительных.

VI. Все множество оценочных существительных-аугментативов условно можно разделить на две группы: увеличительные и усилительные дериваты, или, иначе, квантификаторы и квалификаторы. Первые выражают собственно параметрическую, размерную оценку объекта — увеличение (*яма* → *ямина*, *рука* → *ручища*), вторые — трансформированную, метафорическую размерность, то есть интенсификацию оценки, усиление качества (*дурак* → *дурачина*, *вор* → *ворюга*).

Собственно **увеличительных** субстантивных дериватов, квантификаторов, в русском лексиконе не так уж и много, они образуются от конкретных, предметных существительных с помощью суффиксов: *-ищ(a/e)*: *нога* → *ножища*, *волк* → *волчище*; *-ин(a)*: *дом* → *доми́на*, *колода* → *колоди́на*; *-ар/-яр(a)*: *кот* → *котяра*, *волк* → *волчара*; *-уг/-юг(a)*: *речь* → *речуга*, *камень* → *каменюга* и других формантов. Например: *Всего домов было штук двадцать. Венчал все огромный ярко-сиреневый домина. Был он не слишком изящный, но мощный, крепкий, кряжистый.* (Д. Новиков. Строить!); *Объявляется она через год... Расфуфыренная — мама дорогая, пух и перья из хвоста. Жилетка, замечу, песцовая. На пальце перстенюга в полкило и ключики вертит автомобильные.* (Д. Сучков. Палатошные рассказы).

Преобразования такого рода выражают увеличение размера объекта, параметрическую оценку, которая реализуется в минимальном контексте и проявляется в деривационных парах: «огромный дом» — *доми́на*; «очень большой перстень» — *перстенюга*. Аналогично: «крупная рука» — *ручища*; «крупный кот» — *котяра*. Однако это не только размерное увеличение. Гиперболизация размера всегда сопровождается и дополнительным приращением, уточнением смысла, конкретизацией значения. Аугментативы — это как бы слова «с определенным артиклем»: *дом* — «любой»,

а *доми́на* — «этот»; *перстень* — «всякий», а *перстенью́га* — «конкретный». Модификационное увеличение (как и уменьшение) размера непременно связано с коллоквиализацией, то есть со стилистическим снижением, с некоторой экспрессией, эмоциональностью, выражением субъективной оценочности, которая, впрочем, становится очевидной и определенной только в тексте, в условиях прагматической конкретизации, как, например, в рассказе А. Боссарт «Хем и шалашовка»: *Андрей Петрович был примечателен уже тем, что носил усы. Не так чтобы уж гусарские какие-нибудь там усищи, нет — довольно тощие усишки под курносым носиком, но у местного народа и таких не было.*

Один и тот же объект получает в тексте разные параметрические оценки: объективно это — *усы*, при этом «не так чтобы усищи» (то есть не очень большие), а по стороннему наблюдению рассказчика даже *усишки* (небольшого размера). Выбор субъективно-оценочной модификации слова (оценки размера) зависит от некоей нормы, социальной или художественной, от оценивающей позиции, точки зрения говорящего.

Вторая группа оценочных слов-аугментативов — **усилительные** субстантивные дериваты-квалификаторы. Обычно они образуются от непредметных имен, семантика которых допускает оценочную гиперболизацию не размера объекта, а степени выражаемого им качества. В некотором смысле переходный случай — аугментативные дериваты с формантом *-ынь*, которые образуются от исходных существительных со значением качественного состояния среды: *жара* → *жарынь*, *тепло* → *теплынь*, *светло* → *светлынь*, то есть результаты параметрического увеличения («много, обилие» *жары*, *тепла*, *света*) приводят к субъективному усилению, к оценочной гиперболизации говорящим степени интенсивности. В аналогичной функции усиления интенсивности одного из базовых компонентов в структуре производящего слова выступают и многие другие суффиксальные форманты, например, *-аг-/-яг-* или *-ак-/-як-*, при этом усилению и экспрессивации могут подвергаться как позитивные, так и негативные по исходному значению номинации. Соответственно, производные усилительные модификаты тоже оказываются позитивными, одобрительными (*молодец* → *молодчага*, *спирт* → *спиртяга*, *конь* → *коняга*), либо, напротив, отрицательными, неодобрительными (*тюрьма* → *тюряга*, *писатель* → *писака*, *воин* → *войка*).

Впрочем, гораздо чаще усилительной модификации подвергаются имена существительные негативной оценочной семантики («неприятное склонно быть большим»), и тогда усилению, гиперболизации подвергается именно это отрицательное содержание, например: «большая дура» — *дурища*, «изрядная скука» — *скучища*, «густая, неприятная пыль» — *пылища*.

Аналогично формируются и оценочно-усилительные аугментативы с формантом *-ин(а)*: *жмот* → *жмотина*; *враг* → *вражина*, *идиот* → *идиотина*. Здесь тоже как будто бы реализуется некоторое представление о количестве, об увеличении объема негативной составляющей объекта номинации, но параметрическое представление трансформируется в качественное, в выражение интенсивности, оценочной гиперболизации объекта.

Иногда, впрочем, негативная окраска в производящем оказывается не языковой, а возникает, актуализируется в речи, и тогда эта негативная составляющая усиливается в производном модификате вместе с ситуативной речевой экспрессией и стилистическим снижением: *табак* → *табачище* («и это плохо», согласно приему выявления оценочности по Н. А. Лукьяновой [Лукьянова 1986: 51–52]). Аналогично: *вино* → *винище*, *суд* → *судилище*, а также сниженные: *общежитие* → *общага*, *тюрьма* → *тюряга*, *училище* → *учага*. Вместе со стилистическим снижением актуализируется и негативная оценка: осуждение (*винище*, *судилище*), пренебрежение (*общага*, *тюряга*), фамильяризация (*учага*), и происходит это на фоне некоторого увеличения, усиления интенсивности негативного качества объекта. Вполне закономерно, что квалификационное модификационное усиление с отрицательной оценкой особенно популярно в низких слоях речи, в грубой и сниженной коммуникации (*хам* → *хамила*, *вор* → *ворюга*, *подлец* → *подлюка*, *стерва* → *стервога*; *дура* → *дурында*), в жаргонизированной речи (*жлоб* → *жлобьяра*, *муть* → *мутяра*, *лох* → *лошара*, *сука* → *сучара*).

В сферу увеличительно-усилительной модификации вовлекаются и суффиксальные форманты, у которых прежде могло быть другое словообразовательное значение, например, слова на *-ага* — первоначально отглагольные личные имена (*бродить* → *бродяга*), которые затем стали осознаваться еще и как сниженные усилительные модификаты (*парень* → *парняга*, *скромник* → *скромняга*, *шустряк* → *шустряга*).

Субъективно-оценочная гиперболизация выражается множеством формантов, популярных в разговорной речи, городском просторечии и особенно в жаргонах. Отсюда и функциональное разнообразие выражения субъективных увеличительно-усилительных оценок, по преимуществу негативных, например: *жадина* → *жадѣба* — гиперболизация оценки качественного признака; *стыд* → *стыдоба*, *похмелье* → *похмелюга* — усиление оценки качественного состояния; *речь* → *речуга* — функциональная конкретизация и размерно-оценочная гиперболизация (*речь* произносят, *речугу* — «толкают»); *пыль* → *пылюга*, *ветер* → *ветрюга* — оценка интенсивности. Во всех случаях наблюдается, с одной стороны, стилистический сдвиг, снижение, а с другой — прагматическое смещение.

ние, развитие оценочного смысла, обычно негативного, достигаемое **концентрацией**, усилением основного номинационного содержания.

Все эти свойства — усиление, концентрация негативного, оценочная гиперболизация, уход от нормы ради повышения коммуникативной значимости произносимого слова — делают аугментативы чрезвычайно привлекательными для массового речевого использования. Можно сказать, что оценочная гиперболизация оказывается своеобразным художественным приемом доступного и массового самовыражения. Рядовой носитель обиходной речи постоянно ищет, находит или изобретает все новые и новые варианты преодоления, разрушения нормы, и не только литературной нормы, но даже и ненормативного, но уже известного, привычного образования со стертой от частого употребления экспрессией: не *скука*, а *скукотища*, а далее — *скукота* и даже *скукотень*... Так возникают, распространяются, быстро стираются и снова создаются многие усилительно-оценочные преобразования в сниженном обиходно-разговорном дискурсе: не *спирт*, а *спиртяга* и *спиртуган*; не *кепка*, а *кепарь* или *кепон*; не *финка*, а *финяга*, *финарь* и проч. (примеры см. в [Химик 2004]).

Экспрессивная оценочная гиперболизация достигается и разного рода словообразовательными переносами. В одних случаях это может быть имитация собирательности: *сволочь* → *сволота* (*Ну и сволота же ты, Петрович!*); *босяк* → *босота* (*Ванька — босота!*); *бормотуха* → *бормота* (*бутылка бормоты*). В других случаях модификационное усиление достигается имитацией отвлеченного признака: *хрень* → *хренота* → *хрентень*; *муть* → *мутота* → *мутотень*. Продуктивное и очень распространенное средство нормативной деструкции и повышения коммуникативной силы означаемого — суффиксальный формант *-ень*, с помощью которого в сниженной речи достигается эффект концентрации признака и его оценочного усиления: *Где такую куртень отхватил? Наел себе мордень! Пузень — нагнуться не может. Ерундень* *какая-то, а не музыка.*

Особым потенциалом оценочной экспрессии обладают модификационные форманты с элементом *-х-* — типичные маркеры сниженной и грубой разговорности: *дева* → *деваха*, *рюмка* → *рюмаха*, *стыд* → *стыдуха*, *вид* → *видуха*, *джинсы* → *джинсуха*, *кирза* → *кирзуха*, *жизнь* → *житуха*. Большая часть подобных преобразований (а их в городской речи немало), хотя и представляется собственно стилистической, однако тоже тяготеет к аугментативам, поскольку вместе с коммуникативным упрощением, грубостью и фамильярностью выражает субъективно-оценочное усиление. Например: *Однажды Гмыря посадил к себе в машину Нелю Донченко, красивую деваху с экономического факультета; Неля тоже изображала из себя современную девицу, курила и пила...* (М. Панин. Труп твоего вра-

га); — *Давай*. — *Ага*. Ты слышал про нас с Веркой-то? — *Неа*. — Ты чё, такой скандал был в баре... **стыдуха!** (Е. Эдин. Ладони мироздания); *Старлей, враз переключившись на ты, ринулся горячо растолковывать мне, что **жситуха** у него закручена будь-будь, почти Шукшин...* (А. Мелихов. Роман с простатитом).

И, наконец, еще одна чрезвычайно продуктивная и разностилевая группа усилительно-оценочных квалификаторов, образуемых с помощью алломорфов коллоквиального суффикса *-ан- / -бан- / -фан- / -он- / -бон-*. Среди них встречаются разговорные преобразования: *старик* → *старикан*, *мальчик* → *мальчуган*; разговорно-сниженные: *пальто* → *пальтуган*, *пальтешон*; *закус* → *закусон*, *прическа* → *причесон*; жаргонные *друг* → *друган*, *другбан*; *кореш* → *корешан*; *кепка* → *кепон*; *загиб* → *загибон*; *музыка* → *музон*; *салага* → *салабон* и т. п.

Субъективно-оценочная модификация исходного слова заметно меняет его прагматическую окраску: в одних случаях это выражение коммуникативной предрасположенности к объекту (*мальчуган*), в других — шутливая фамильяризация (*старикан*, *пальтуган*), в третьих — шутивно-ироническая игра или подростково-молодежная претенциозность (*закусон*, *кепон*, *музон*, *причесон*).

Столь значительное число и многообразие усилительных модификаторов-преобразований кажется проявлением обиходно-речевой избыточности и чрезмерности, однако почти каждое из таких преобразований отличается собственным образом, индивидуальным прагматическим ореолом, мерой оценочности. Это почувствовал и интересно продемонстрировал в своих воспоминаниях о минувшем писатель Е. Белодубровский, использовавший разностилевые и разновременные номинации артефакта «пальто» для характерных социокультурных и художественных представлений: *Эх! **Пальто-пальтишки-пальтуганы-пальты**. Вот они рядышком с нами, смиренно меняя друг друга на вырост, бодрствуя на фотках и семейных фотографиях, болтаясь кто где и как на хилых проволочных плечиках в шкапу или в шифоньерах, в нафталине <...> на антресолях (где они еще все ж сохранились от старых коммунальных времен), а некоторые экземпляры <...> просто висят в прихожих на ржавых гвоздиках, крючках, у обшарпанной холодной стенки...* (Е. Белодубровский. Пальто, или Три эм: Повесть-воспоминание).

Итак, субъективно-оценочные модификаты, особенно усилительные, сниженные и тем более жаргонные, оказываются сильным экспрессивным средством коммуникации, обладающим значительным потенциалом самовыражения и воздействия. И как всякое сильное средство, такие образования требуют осторожного обращения, чувства меры, особого

языкового вкуса. Многие из экспрессивно-оценочных модификаторов являются маргинальными средствами, исключительными, нежелательными для употребления, особенно публичного. Прозрачность формальной и содержательной структуры, доступность образования и восприятия, эксплицитная оценочность и, очень часто, стилистическая сниженность, порой до грубости и вульгарности, делает многие модификационные образования, особенно усилительные, популярными в живой речи, позволяющими, подобно обценным словам и выражениям, реализовать избыточную коммуникативную энергию говорящего. Массовый и особенно молодой носитель русского языка пользуется такими единицами без ограничений, широко, часто с некоторым эпатажем и даже вызовом ревнителям языка. К сожалению, современные средства массовой информации нередко подыгрывают ему в этом.

Однако нельзя не отметить, что субъективно-оценочные преобразования слов — это значительный и довольно яркий фрагмент национального русского лексикона, обширная система многоаспектных и функционально разнообразных средств выражения экспрессивной оценки не только отдельных понятий и явлений, представленных в словах, но и разного рода прагматических характеристик целых высказываний и текстов. Деминутивные и аугментативные (в широком их понимании) образования представляют особую и весьма продуктивную сферу русского словообразования, которую не следует выносить за скобки национального словаря. Как знать, не станут ли некоторые из сегодняшних модификаторов-коллоквиализмов (в том числе и сниженных образований) самостоятельными и нейтральными номинациями завтра? Уменьшительно-смягчающие и увеличительно-усилительные преобразования слов при всей их этической и эстетической неоднозначности — значительный и важный лексико-семантический резерв русского лексикона, постоянно пополняющий и расширяющий его состав экспрессивными эмоционально-оценочными вариациями, а в некоторых случаях и дополнительными сигнификативными наращениями смыслов, что, несомненно, является свидетельством жизненности и богатства национального русского словаря.

Литература

- Аксаков К.* Опыт русской грамматики. Ч. 1. Вып. 1. М., 1860.
Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
Васильева В. Ф. Семантическая характерология в контексте сопоставительного изучения языков (на материале чешского и русского языков) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.

- Земская Е. А.* Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.
- Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск, 1986.
- Протасова Е. Ю.* Роль диминутивов в детском дискурсе // Проблемы детской речи / Под ред. С. Н. Цейтлин. СПб., 1999.
- Русская грамматика.* Т. 1 / Barnetová V., Věličová H., Leška O. a kol. Praha, 1979.
- Русская грамматика.* Т. 1 / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
- Суперанская А. В.* Неофициальные формы русских личных имен // Русская речь. 2001. № 1.
- Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- Химик В. В.* Экспрессия русского производного слова: избыточность или богатство? // Мир русского слова. 2006. № 1.
- Чуковский К.* От двух до пяти. Живой как жизнь. М., 1968.
- Шейдаева С. Г.* Категория субъективной оценки в русском языке. Ижевск, 1997.
- Olmsted H.* Diminutive morphology of Russian children: A simplified subset of nominal declension in language acquisition // Alexander Lipson: In memoriam. Columbus, 1994.

Н. Б. Лебедева (Кемерово)

**Экспериментальное исследование
производного слова: соотношение выводимости
как словообразовательного признака и узуальности
как лексического признака**

Настоящая статья посвящена проблеме взаимодействия лексического и словообразовательного планов производного слова, отраженных в языковом сознании носителей языка. Такой предмет соответствует сегодняшней научной парадигме, так как «для современной лингвистики характерен подход к языку как онтологически единому объекту, рассматриваемому во взаимодействии с другими когнитивными системами» [Петрухина 1998: 71].

Одним из нерешенных вопросов словообразования является выяснение «расхождения между потенциями системы словообразования и тем, как их реализует норма языка» [Земская 1973: 204], т. е. между словообразовательной моделью и ее лексической реализацией. При этом «должны быть изучены и факты «необразований», «нереализаций» [Земская 1973: 204] того, что допускается словообразовательной системой, но не вошло в лексическую норму.

Для решения этих вопросов весьма продуктивным методом может быть эксперимент, который «направлен на выяснение внутриязыковых факторов, влияющих на продуктивность типа» [Улуханов 1977: 236]. Именно этот метод может дать материал для анализа «необразований», «нереализаций», тогда как другой, традиционный, способ исследования продуктивности — «учесть образования по данному типу, возникшие и возникающие „на глазах“ исследователя» [Улуханов 1977: 236], — ведет «к выявлению в первую очередь внеязыковых факторов, стимулирующих их образование» [Улуханов 1977: 236], и, к тому же, свидетельствует только о том, что уже реализовалось, почти ничего не сообщая о нереализованных потенциях, поскольку всегда имеется вероятность, что данное морфемное образование произведено «где-то кем-то» в речи.

Для выяснения реализации / нереализации системных потенций может быть выбран путь, когда исследователь конструирует производное слово, предлагаемое для оценки информантам. Это конструируемое

им морфемное образование обладает особым, специфическим статусом. Оно, подобно щербовским «глокой куздре», «курдячит», «штеко», не является собственно словом — ни языковым, поскольку не входит в лексическую систему, ни речевым (потенциальным или окказиональным), так как не создано ни в спонтанной речевой ситуации с определенным коммуникативным заданием, ни в художественном произведении со своими специфическими целями. Нельзя его, по-видимому, назвать и «словом-манекеном» [Журавлев 1991: 34], под которым понимается образованное исследователем бессодержательное звуко сочетание. Его можно назвать «лабораторным словом», созданным в метаусловиях в металингвистических целях. Ценность использования в эксперименте этих «лабораторных слов» заключается в их диагностирующих возможностях.

«Лабораторное слово» может быть узуальным, потенциальным или окказиональным, но может быть и вообще несуществующим (и невозможным), неприятие которого указывается большинством информантов. Таким образом, мы выделяем четыре степени узуальности / незузуальности. Назовем это лексическим аспектом эксперимента, а информацию, полученную от испытуемых (ответы на вопросник № 1, «лексический»), соответственно, — лексической информацией.

Что касается словообразовательного аспекта, то предъявляемые «лабораторные слова» могут быть образованы по более и менее продуктивным словообразовательным моделям, но могут оказаться недопустимыми, нарушающими семантические правила морфемного сочетания, противоречащими потенциальной словообразовательной системе, что также должны указать информанты. Для получения словообразовательной информации мы опираемся на такой признак производного слова, как «выводимость» значения слова из морфемной структуры — мы выделяем также четыре степени выводимости (в вопроснике № 2, «словообразовательном»), признак выводимости маркирован словом «понятность»).

Объектом экспериментального анализа в данной статье является аффиксальная сочетаемость русских глаголов (словообразовательный аспект) и слова, образованные в результате такой сочетаемости (лексический аспект). Выбор именно глаголов для экспериментальной проверки гипотезы обусловлен тем, что префиксальное и конфиксальное словообразование русских глаголов относится к модификационному и аддитивному типу. Следовательно, значение такого производного глагола как цельной единицы в принципе равно сумме составляющих его частей (семантика мотивирующего глагола плюс семантика словообразовательного форманта). Благодаря прозрачности словообразовательной структуры префиксального глагола он обладает признаком выводимости, «понятности»;

степень прозрачности структуры мы расцениваем как свидетельство степени системной обусловленности модели. Поэтому степень выводимости, «понятности» слова, которая выясняется из ответов информантов, интерпретируется нами как степень словообразовательно-системной обусловленности созданного исследователем производного глагола, предложенного для оценки информантам, то есть обусловленности словообразовательной системой (о разной степени системной обусловленности производных слов см. [Земская 1973: 238], [Улуханов 1991: 291]).

Таким образом, ответы на два вопроса дают возможность сопоставить словообразовательную и лексическую норму, выяснить, в какой степени образованное слово соответствует словообразовательной системе и в какой — лексической норме. Предполагается, что между первым и вторым есть определенная, но не жесткая корреляция.

Вторая задача этого эксперимента — получить информацию о роли контекста в восприятии производного слова и, в частности, проверить гипотезу о том, что неузуальное слово, помещенное в контекст и тем более в контекст, включающий одноструктурное образование, легче понимается и воспринимается.

В данной статье представлены результаты лингвистического эксперимента, которому подверглись произвольно выбранные возвратные глаголы поведения — *хвастаться*, *бодриться*, *храбриться*. Информантам были предъявлены для оценки четыре «лабораторных» производных глагола — *нахвастаться*, **перехвастаться*, **забодриться*, **нахрабриваться*. Они, кроме первого, созданы самим исследователем (поэтому отмечены звездочкой) и расположены по принципу убывающей узуальности: первый глагол (*нахвастаться*) — узуальный, отмечен в словаре, последний (**нахрабриваться*), по мнению исследователя, может оцениваться как «невозможный», находящийся за гранью узуальности. Остальные два слова располагаются между ними.

Выскажем исследовательские гипотезы по отношению к подвергшимся экспериментальному исследованию «лабораторным словам».

Первый глагол — *нахвастаться* (вдоволь похвастаться) — узуальный (т. е. отмеченный в словаре), является своего рода контрольным словом, определяющим соответствие языкового сознания (чувства) информантов показаниям словаря, образован по продуктивной модели. Второй глагол — **перехвастаться* (похвастаться сверх меры) — узуальный (но не отмеченный в словаре), по гипотезе исследователя — глагол, образованный по продуктивной модели, т. е. в соответствии со словообразовательной системой; он входит в «ближнюю» потенцию, но не принадлежит лексической норме (за нее мы принимаем отмеченность в словаре).

Встретившись в речи, он мог бы быть оценен как потенциальное слово. Третий глагол — **забодриться* (начать бодриться) — неузуальный, созданный с некоторыми деформациями словообразовательной системы; он входит в «дальнюю» потенцию, лексической норме не соответствует. Если бы он встретился в речи, то мог бы быть оценен как среднее между потенциальным и окказиональным словом. Четвертый глагол — **нахрабриваться* (длительно, интенсивно совершать действие *храбриться*; одноструктурные образцы — *названивать*, *нахвастывать*) — неузуальное слово, созданное со значительными деформациями словообразовательной нормы (избыточность суффикса *-ива-*, присоединяемого к глаголу несовершенного вида, и слабая потенциальная результативность глагола *храбриться*, не предполагающая его сочетания с формантом *на-...-ся*), возможно, составляет «сверхдальнюю» потенцию, лексической норме не соответствует: маловероятно появление его в речи, оно находится на грани окказионального и невозможного.

Представим методику проведения эксперимента.

Каждый глагол дается информанту трижды, на трех карточках, открывать которые разрешается в строгой последовательности, не позволяется возвращаться к предыдущим для корректировки ответа. На первой карточке исследуемый глагол дан вне контекста, например, «*перехвастался*». На второй карточке — в «минимальном» контексте (К1), задача которого — снять полисемию и определить аспект — результативный или характеризующий, например: «*Ну ты сегодня **перехвастался!***» На третьей карточке лабораторное слово предьявляется в «максимальном» контексте (К2), содержащем одноструктурный образец: «*Ну ты вчера и **перепил**, и **перехвастался!***» На каждую карточку получаем ответ по общим вопросам. На первый (лексический) вопрос «Можно ли так сказать?» предлагается дать один из ответов (отмечен прописными буквами А, Б, В, Г): А) да; Б) скорее да, чем нет; В) скорее нет, чем да; Г) нет. Ответы на этот вопросник дают информацию о лексико-системной допустимости данного морфемного образования, это сведения о лексической системности и нормативности, то есть о степени допустимости «лабораторного слова» лексической системой в ее потенциальной и реализованной (нормативной) ипостаси.

На второй (словообразовательный) вопрос надо выделить один из ответов (отмечаем строчными буквами а, б, в, г): а) понятно; б) понятно, но как-то непривычно; в) понятно, но режет слух; г) непонятно. Таким образом, на каждой карточке — по 2 ответа, каждый глагол оценивается трижды (внеконтекстное и два контекстных предьявления), а в целом он получает 6 оценок.

Представим результаты опроса 100 информантов, в качестве которых выступили студенты филологического факультета. Так как каждый глагол дан на трех карточках, то мы исходим из 300 ответов по каждому глаголу (пока отвлечемся от сопоставления внеконтекстного и контекстного предъявления). Число процентов несколько округлено, выделено полужирным. Представим результаты в таблице 1.

Ответ	Лексическая информация (ответ на вопрос: «Можно ли так сказать?»)							Словообразовательная информация («понятно – непонятно»)				
	А	Б	А+Б	В	Б+В	Г	В+Г	а	б	в	б+в	г
Глагол												
нахва- статься	202	70	272	20	90	8	28	201	71	28	99	0
	70%		90%		30%	2,6%	10%	70%		9%	33%	0%
*перехва- статься	146	103	249	38	141	13	51	132	11	55	166	2
	49%		83%		47%	4%	17%	44%		18%	55%	0,6%
*забо- дриться	37	75	112	113	188	75	188	31	10	136	241	28
	12%		37%		63%	25%	63%	10%		35%	80%	9%
*нахра- бриваться	29	60	89	85	145	126	211	24	61	157	218	58
	10%		30%		48%	42%	70%	8%		52%	73%	19%

Табл. 1

Первый глагол — *нахвастаться* — отмечен в словаре, и информантами он воспринимается как узуальный: на «лексический» вопрос «Можно ли так сказать?» 70 % ответили «да» (А) и 20 % — «скорее да, чем нет» (Б), итого 90 % «позитивных» ответов, только 8 % ответили «нет» (Г). Как видим, данные эксперимента в целом не разошлись со словарем, из чего следует, что языковое чутье информантов в отношении лексической нормы соответствуют данным словаря. Ответы на второй — «словообразовательный» — вопрос также показательны: 70 % ответов — «понятно» (а), 30 % — с сомнением в отношении узуальности: «как-то непривычно» (б), «режет слух» (в). Но, заметим, никто не отметил «непонятно» (г). Так как все 100 % ответов — «понятно» (а, б, в), то делаем вывод, что словообразовательная норма не нарушена — слово, кроме того что узуально, обладает полной выводимостью.

Второй глагол — **перехвастаться* — в плане соответствия лексической и словообразовательной норм имеет уже более низкие показатели:

по первому вопроснику 49 % ответов — безусловное «да» (А; против 70 % у первого глагола) и 17 % — «скорее нет» и «нет» (против 10 %). Расхождения по сравнению с узуальным глаголом — небольшие, и, видимо, можно считать, что эксперимент подтвердил гипотезу исследователя — слово находится между узуальностью и потенциальностью. Ответ на второй вопрос (44 % — «понятно» и 55 % — «понятно», но с сомнением) говорит о том, что словообразовательная норма не имеет грубых нарушений, следовательно, слово близко к потенциальным образованиям, входит в «ближнюю» потенцию.

Третий глагол — **забодриться* — имеет еще более низкие показатели: только 12 % ответов — безусловное «да», 25 % — безусловное «нет», 63 % — с сомнением, причем большинство из ответов — «скорее нет, чем да». Вывод — слово не узуальное. Ответы на второй вопросник (10 % — «понятно», 80 % — «понятно», но с сомнением, 10 % — «непонятно») свидетельствуют о том, что слово обладает пониженной выводимостью; видимо, оно образовано с некоторым нарушением словообразовательной нормы, находится между потенциальностью и окказиональностью, составляет «дальнюю» потенцию. В целом рабочая гипотеза исследователя в отношении этого префиксального образования также подтверждается.

Четвертый глагол — **нахрабриваться* — по результатам эксперимента стоит за гранью лексической нормы: только 10 % ответов — безусловное «да» (А), 42 % — безусловное «нет» (Г), вместе с ответом «скорее нет, чем да» (В + Г) — 70 %. Второй вопросник: «понятно» (а) — 8 % ответов, «непонятно» (г) — 19 %, «понятно, но непривычно» (б) — 19 % и «понятно, но режет слух» (в) — 73 %. Таким образом, ответы «понятно» с разной степенью уверенности (а, б, в) составляют 81 %, что свидетельствует о довольно высокой степени выводимости этого, с нормативно-лексической точки зрения почти невозможного (70 % «нет» и «скорее нет, чем да») аффиксального образования. Эти результаты позволяют сделать вывод, что лабораторное слово **нахрабриваться* создано с более значительными нарушениями словообразовательной нормы, чем предыдущие, но все же степень выводимости значения из морфемной структуры слова имеется, что позволяет предположить определенную степень обусловленности этого морфемного образования словообразовательной системой (но не нормой) и отнести его к «сверхдальной» потенции.

На примере этого глагола, по исследовательской гипотезе — незуального, созданного со значительными деформациями словообразовательной нормы, мы видим большую степень расхождения между лексической

и словообразовательной системностью и нормативностью, что свидетельствует об их нетождественности, внутренней противоречивости и подтверждает мнение об аддитивном характере аффиксального глагольного словообразования.

Вырисовывается интересное сопоставление показателей по аспекту лексической нормативности первого глагола (*нахвастаться*) и последнего (**нахрабриваться*) — см. таблицу 2.

	А («да»)	В + Г («скорее нет, чем да» и «нет»)
нахвастаться	70 %	10 %
*нахрабриваться	10 %	70 %

Табл. 2

Как видим из таблицы, они имеют прямо противоположные — симметричные — ответы: 70 % — безусловное «да» (А), и 10 % — «нет» (Б) и «скорее нет, чем да» (В) в отношении узуального глагола и прямо наоборот (10 % «да» и 70 % «нет» и «скорее нет, чем да») — по отношению к неузуальному глаголу. Эти два глагола — как два полюса, между которыми расположились остальные лабораторные слова, но ни один из них не дал 100 %-го (только «да» или только «нет») ответа на первый вопрос «Можно ли так сказать?». Это наблюдение наводит на мысль, что аддитивные аффиксальные образования всегда имеют оттенок потенциальности, что как бы «роняет тень» на восприятие лексической нормативности. Видимо, воспринимающие такое слово имеют легкие сомнения: то ли можно так сказать, то ли нельзя. Но это соображение требует специальной проверки.

Интересно сопоставить ответы на последние пункты двух вопросников — «нет» (Г) и «непонятно» (г).

	Лексическая нормативность (узуальность) Г («нет»)	Словообразовательная нормативность (выводимость) г («непонятно»)	Разница
нахвастаться	2,6 %	0 %	2,6
*перехвастаться	4 %	0,6 %	3,4
*забодриться	25 %	10 %	15
*нахрабриваться	42 %	19 %	23

Табл. 3

Во-первых, у каждого слова отрицательных ответов по первому вопросу больше, чем по второму: первый глагол — 2,6 % против нуля, второй — 4 % против 0,6 %, третий — 25 % против 9 %, четвертый — 42 % против 19 %. Во-вторых, разрыв между числом ответов Г) и г) возрастает по мере ослабления узуальности: у первого глагола — 2,6 %, у второго — 3,4 %, у третьего — 15 %, у четвертого — 23 %. Следовательно, лексическая норма искажается в большей степени, чем словообразовательная, ощущение узуальности, лексической допустимости «лабораторного слова» в большей степени «травмируется», чем ощущение понятности, выводимости. Семантика же словообразовательной структуры довольно устойчива и автономна в производных словах аддитивного типа.

Перейдем ко второй задаче эксперимента — выяснению роли контекста в восприятии производного слова и проверке гипотезы о том, что неузуальное слово, помещенное в минимальный контекст (К1) и тем более в контекст с одноструктурным образованием (К2), легче понимается и воспринимается, что ощущение его лексической и словообразовательной нормативности усиливаются.

В таблице 4 представлены результаты сопоставления трех предъявлений лабораторного слова: а) внеконтекстного, б) контекстного минимального (К1) и в) контекстного максимального — с одноструктурным образцом (К2). По каждому глаголу получены неоднозначные результаты — проявляющие как усиление (помечены знаком «+»), так и ослабление (помечены знаком «-») ощущения нормативности (узуальности и понятности) в результате включения «лабораторного слова» в контексты. Путем сложения этих показаний получена суммарная цифра (выделена полужирным шрифтом).

Тип контекста Глагол	Контекст усиливает (+) / ослабляет (-) ощущение нормативности	
	К1	К2
нахвастаться	+22 % -11 % = +11	+9 % -21 % = -12
*перехвастаться	+20 % -16 % = +4	+28 % -9 % = +19
*забодриться	+41 % -17 % = +24	+37 % -16 % = +21
*нахрабиваться	+40 % -8 % = +32	+28 % -25 % = +3

Табл. 4

Результаты сопоставления внеконтекстного и контекстного предъявления лабораторных слов оказались для нас несколько неожиданными, неоднозначными, требующими тонкого интерпретационного анализа.

Видимо, факторов воздействия на восприятие глаголов и контекстов оказалось больше, чем предполагалось: сказались не только степень узуальности и выводимости производного глагола, но и семантика префиксов и корней, а также семантика контекста и одноструктурных образцов и их взаимодействие.

В целом исследовательская гипотеза не подтвердилась полностью. Не замечено, чтобы К2, содержащий одноструктурный образец, усиливал ощущение узуальности и понятности по сравнению с К1. Только у второго глагола — **перехвастаться* — К2 заметно повысил показатель узуальности и выводимости. У остальных, и особенно у самого «проблемного» глагола — **нахрабриваться*, он резко падает (3 % против 32 %). Видимо, на фоне нормативного слова (одноструктурного образца) усиливается ощущение ненормативности, неестественности лабораторного слова, оно в большей степени «режет слух». Интересно, что соотношение ролей двух контекстов у первого — узуального — и последнего — самого «неузуального» — совпадают. Максимальный контекст в меньшей степени усиливает и в большей степени ослабляет ощущение правильности, чем минимальный. У этих слов и разница между ролью двух контекстов более заметная, чем у второго и третьего, где перепады не столь значительны. Но в целом контексты в большей степени усиливают, чем ослабляют восприятие лабораторного слова как «нормативного», за исключением первого слова, и это воспринимается исследователем на первый взгляд как парадоксальное. К2 (*Ну ты вчера и напился, и нахвастался*) заметно ослабил ощущение нормативности узуального слова. Объяснение этому кроется, видимо, в аспектологическом характере одноструктурного образца (*напился*), который содержит результативный компонент в большей степени, чем исследуемый глагол (*нахвастался*), и к тому же имеет специализированную семантику. Подтверждается общий вывод: присутствие более узуального и нормативного, более частотного и специализированного глагола в качестве фона вызывает определенный «дискомфорт» при восприятии слова, обладающего этими характеристиками в меньшей степени.

Подведем некоторые итоги. Проведенное исследование показало, что, во-первых, взаимодействие словообразовательного и лексического планов функционально-семантического содержания производного слова имеет сложный, антиномический характер. Диалектичность их сосуществования заключается в разных синхронных функциях, что проявляется в различной реакции языкового сознания носителей русского языка на их узуальность (синхронно-лексический аспект) и выводимость (синхронно-словообразовательный аспект). Во-вторых, лингвистический

эксперимент в предложенном варианте дает много ценной информации для изучения потенциальности / реализованности системных возможностей языка, может быть использован для решения данной проблемы, но его результаты требуют глубокой, тонкой и тщательной интерпретации. В-третьих, полученные результаты могут быть верифицированы с помощью других методических приемов, в частности привлечения данных Интернета, что позволит поставить еще одну проблему — историко-лингвистическую: соотнести и оценить данные, полученные «при разных условиях опыта».

Литература

- Журавлев А. П.* Звук и смысл. М., 1991.
- Земская Е. А.* Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.
- Петрухина Е. В.* Грамматическая и лексическая категоризация действия и их параметров в славянских языках (сопоставительное исследование русского, западнославянских и болгарского языков) // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 3. М., 1998.
- Улуханов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
- Улуханов И. С.* О причинах, влияющих на степень системности и нормативности языковых единиц // Известия АН СССР. Серия литературы и языка 1991. № 4.

J. Sierociuk (Poznań)

Rozwój słowotwórstwa gwarowego na tle słowotwórstwa języka ogólnego (zarys problematyki)

Podjmując problem opisu swoistości słowotwórstwa gwarowego musimy mieć na uwadze uwarunkowania, jakim podlegały w przeszłości prowadzone na tym polu badania. Dla dialektologa staje się coraz bardziej oczywiste, że gwarowe słowotwórstwo nie może być opisywane przy zastosowaniu narzędzi i pojęć wypracowanych przez badaczy języka ogólnego. Przekonanie takie wynika po części z konfrontacji samego materiału badawczego, po części też z uwarunkowań metodologicznych ([Sierociuk 2001a], [Sierociuk 2003b], [Sierociuk 2007a]). Potrzeba innego spojrzenia na słowotwórstwo gwarowe jest pochodną przyjmowania przez dialektologię — co jest niejako jej definicyjnym wyróżnikiem spośród innych subdyscyplin lingwistycznych — dwu parametrów nieobecnych w dociekaniach nad złożonością języka ogólnego: lokalizacji terenowej i umiejscowienia w czasie. Jeżeli do tego dodamy właściwości wynikające ze sposobu funkcjonowania obu tych odmian języka narodowego — tradycja pisma właściwa językowi ogólnemu oraz tradycja ustna charakteryzująca gwary — to potrzeba poszukiwania adekwatnych narzędzi opisu słowotwórstwa gwarowego stanie się oczywista.

Na przyczyny zawężenia pola badawczego do tekstów «pisanych» zwracała swego czasu uwagę Z. Topolińska pisząc: «Wszyscy ponosimy konsekwencje faktu, że lingwistyka, uniwersytecka lingwistyka jest dzieckiem filologii, tj. dyscypliny zorientowanej na egzegezę i interpretację tekstów pisanych, umożliwiających na dalszym etapie badań analizę i ocenę tych tekstów jako dokumentów piśmiennictwa i kultury narodowej» [Topolińska 1992: 249].

Dla naszych rozważań istotna będzie też dalsza konstatacja:

«Zawsze dynamiczna relacja dialekt miejscowy ~ standard w każdym przekroju historycznym stwarza całą gamę twórców przejściowych, które trudno nieraz zdefiniować teoretycznie, a czasem wręcz nie sposób empirycznie wyodrębnić i opisać. W tej sytuacji wydaje mi się celowe przeprowadzić linię podziału tu, gdzie przeprowadzić można i zamiast opozycji: dialekt ~ standard, mówić o opozycji: rozwój (i produkt rozwoju) niekontrolowany ~ kontrolowany. Przy czym mówiąc o rozwoju i systemie kontrolowanym mam na myśli nie samo-regulującą normę uzualną, tj. spontaniczną kontrolę

wspólnoty, która się danym systemem posługuje, lecz narzuconą przez politykę językową lokalnych władz (najczęściej władz państwowych) administracyjnie egzekwowaną normę preskryptywną» [Topolińska 1992: 251].

Jest oczywiste, że niezależnie od przyjętych założeń metodologicznych o ostatecznym wyniku badań w zdecydowanym stopniu przesądza poddawany analizie materiał. To właśnie różnica podstawy materiałowej determinuje także potrzebę innego spojrzenia na słowotwórstwo gwarowe, które z racji reprezentowania codziennej mowy mieszkańców wsi rządzi się innymi prawami.

Przystępując do szkicowania swoistości gwarowego słowotwórstwa na tle języka ogólnego należy zwrócić też uwagę na okoliczności determinujące zachowania językowe użytkowników tych dwu wariantów języka narodowego. Istotnym czynnikiem różnicującym jest tu stosunek do standaryzacji znajdującej swój przejaw w rozstrzygnięciach normalizujących, które to w znacznej części są konsekwencją czynnika pozajęzykowego — gremiów rozstrzygających w kwestii poprawności gramatycznej. Język ogólny jest strukturą skodyfikowaną, gwary takowej regulacji nie posiadają.

Przeciwstawianie tu gwar językowi ogólnemu jest zatem pochodną przyjęcia założenia, że mamy tu do czynienia z podstawową opozycją: *język mówiony*: *język pisany*. Dla dalszych rozważań istotne będzie doprecyzowanie obu tych określeń: gwary uznawane są za tradycję komunikacyjną opartą na regule oralności — z wszelkimi tego konsekwencjami. Przyjmując, że istota kultury oralnej jest jej trwanie na drodze przekazu ustnego, przyjmujemy jednocześnie istnienie określonych mechanizmów to «trwanie» ułatwiających. Jest oczywiste, że dominują tu inne «techniki» zapamiętywania oraz przekazywania informacji. Język ogólny — odwołujący się do tradycji pisma — wykorzystuje tu zgoła odmienne mechanizmy. Zagadnieniom tym poświęcona jest praca W. J. Onga, *Oralność i piśmienność* ([Ong 1982], [Ong 1992]).

Przywołajmy tu kilka istotnych dla dalszych naszych rozważań konstatacji tego badacza.

Analizując głównie twórczość słowną kultur oralnych pisze on między innymi: «Ludzie oralni, szczególnie w języku oficjalnym, wolą nie żołnierza, lecz dzielnego żołnierza; nie księżniczkę, lecz piękną księżniczkę; nie dąb, lecz twardy dąb. Wyrażenie oralne niesie zatem ładunek epitetów oraz inny bagaż formułowy, odrzucany przez wysoką piśmienność jako niepotrzebny i męcząco redundantny z uwagi na ciężar nagromadzeń» [Ong 1992: 64].

Nieco dalej czytamy też:

«Redundancja, powtarzanie tego, co dopiero powiedziano, gwarantuje nadawcy i odbiorcy porozumienie.

Redundancja cechująca myśl i mowę oralną jest w głębokim sensie bardziej naturalna dla myśli i mowy aniżeli rozrzedzona (*sparse*) linearność. Myśl

i nowa rozrzedzona linearnie, inaczej — analityczna, jest tworem sztucznym, stworzonym dzięki technologii pisma. Eliminacja redundancji na większą skalę wymaga technologii „zawieszającej” czas, wymaga pisma, które zmuszając psychikę do swoistego wysiłku, chroni przed uleganiem bardziej naturalnym sposobom wyrażania się» [Ong 1992: 65–66].

Akceptacja powyższych zastrzeżeń ma dla opisu gwarowego słowotwórstwa — i nie tylko, chociaż tu tylko o tym mówimy — zasadnicze konsekwencje objawiające się między innymi w doborze stosowanych środków i technik derywacyjnych. W rezultacie mamy do czynienia z odmiennym wykorzystywaniem dostępnych środków językowych (leksykalnych, morfologicznych, itp.).

Wprawdzie nawet w środowisku dialektologów brak w tej kwestii jednomyślności, to niemniej bliższy rzeczywistości wydaje się sąd K. Dejny, przyjmującego, że język «ogólny w swej potocznej i literackiej postaci jest bezsprzecznie bogatszy w synonimy niż gwara. <...> język ogólnonarodowy kumuluje w sobie wielkie ilości zapożyczeń, archaizmów, bogatą terminologię zawodową, regionalizmy i dialektyzmy, neologizmy itd., które obok obiegowego słownictwa występują lub mogą występować jako synonimy.

Gwara natomiast danej wsi czy okolicy jako system porozumiewania się ludzi środowiska wiejskiego, nie regulowana tradycją pisma, do niedawna konserwatywnie zachowująca swe odrębne słownictwo i odcięta w zasadzie od innojęzycznych wpływów, a przez swój charakter języka potocznego w nieporównywalnie mniejszym stopniu wykazuje tendencje do tworzenia neologizmów i do stylizacji wypowiedzi — była **bezsprzecznie mniej bogata w synonimy** (podkr.: *J. S.*)» [Dejna 1963: 5].

Możliwości, jakie daje metodologia dialektologiczna — przestrzenna i czasowa lokalizacja każdego poświadczenia — pozwalają ujmować tę kwestię bardziej szczegółowo: od synonimii (i wariantowości) zaświadczonej na określonym terytorium do rozpatrywania tych zależności w strukturze idiolektalnej [Sierociuk 2001b].

Kreślona wyżej charakterystyka determinantów komunikacji właściwej obu środowiskom — użytkownikom języka ogólnego i użytkowników gwar (w warunkach współczesnych należy raczej mówić o języku mieszkańców wsi) — w moim przekonaniu wydaje się niezbędna dla właściwego zrozumienia opisywanego zjawiska. Odrębności metodologiczne — warunkujące między innymi sposoby pozyskiwania poddawanego analizie materiału — przesądają o całościowym ujęciu przedstawianego tu problemu.

Zasadniczą jednak różnicą — wynikającą właśnie przesłanek metodologicznych — jest dostępna w badaniach dialektologicznych możliwość dysponowania poświadczeniami negatywnymi [Sierociuk 1992]. Wprawdzie identyfikowana z tradycją dialektologiczną metoda kartograficznego przedstawiania

zasięgów poszczególnych zjawisk koncentruje się na zakreśleniu obszarów występowania konkretnych form, tym samym niejako wskazując obszary ich nieobecności. Szersze wykorzystanie możliwości pozyskiwania poświadczeń negatywnych — rozumianych najszerszej jako potwierdzenie przez indagowanego rozmówcę braku żywotności konkretnej jednostki językowej (określonego słowa czy też oczekiwanej konstrukcji słowotwórczej) stwarza możliwość co najmniej dwustronnej charakterystyki analizowanych procesów językowych — w tym wypadku gwarowego słowotwórstwa. Dysponując tak pozyskiwanym materiałem możemy nie tylko opisywać mechanizmy pozwalające tworzyć konkretne konstrukcje słowotwórcze, ale — co jest chyba nie mniej istotne — możemy także obserwować mechanizmy te procesy blokujące.

Możliwość pozyskiwania w trakcie badań terenowych wspomnianych tu poświadczeń negatywnych daje jednoznaczną odpowiedź na pytanie: czy nieobecność jakiejś formy w analizowanym korpusie przykładów dowodzi rzeczywistego braku jej żywotności na danym terenie, czy też jedynie nie było to celem eksploracji (dana forma nie została zanotowana). Jeżeli chcemy mówić o rozwoju gwarowego słowotwórstwa — czy też o jego ewolucji — dysponowanie tego typu danymi jest szczególnie cenne.

Z drugiej strony — podejmując próbę szkicowania dynamiki zmian zachodzących w słowotwórstwie gwarowym, podobnie jak i w całym zasobie leksykalnym — musimy także mieć na uwadze stan dokumentacji materiałowej. Badacze języka ogólnego dysponują zestawami słownictwa odnotowywanego w ostatnim czasie; najnowszy zasób polszczyzny zawarty jest chociażby w czterech tomach *Nowego słownictwa polskiego* [Nowe słownictwo 2004–2006], inne języki też doczekały się podobnych leksykonów (por. [Уласевич, Даўгулевіч 2009], [Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008]). Analogicznych zestawów nie mają do dyspozycji badacze języka mieszkańców wsi. O ile więc w odniesieniu do języka ogólnego są podstawy do charakteryzowania neologizmów, okazjonalizmów i tym podobnych konstrukcji, o tyle dialektolog podstawę materiałową do wysnuwania stosownych wniosków ma zdecydowanie ograniczoną. Podejmowanie problematyki podnoszonej w niniejszym szkicu determinowane jest też w znacznym stopniu specyficznymi uwarunkowaniami metodologicznymi dominującymi wśród badaczy obu tych odmian językowych. O ile bowiem praktycznie każde pojawiające się w tekstach pisanych nowe słowo zostaje odnotowane (i stosownie potraktowane) w zestawianych korpusach, o tyle w środowisku dialektologicznym zauważany jest problem wyznaczenia limitu poświadczeń, powyżej którego to dany wyraz uznawany jest za jednostkę leksykalną konkretnej gwary. W badaniach dialektologicznych stosunkowo niedawno pojawiły się ujęcia zwracające uwagę na wyrazy zapisywane rzadko lub sporadycznie ([Sierociuk 1996],

[Kowalska 2006], [Wyderka 2007]), nie ma jednak stosownych rejestrów obejmujących poszczególne gwary. W tej sytuacji materiał pozwalający podejmować problem dynamiki zmian leksyki gwarowej (w jej obrębie także zjawisk słowotwórczych) pozyskiwany może być między innymi przy uwzględnianiu zróżnicowania pokoleniowego mieszkańców wsi [Sierociuk 2006b].

Skoro podnoszony jest tu problem różnic metodologicznych należy jeszcze zwrócić uwagę na mające wieloletnią tradycję przekonanie o potrzebie koncentrowania uwagi na zjawiskach dyferencyjnych, specyficznych tylko dla gwar. Dla zagadnień podnoszonych w niniejszym szkicu ma to konsekwencje zasadnicze. Pomijanie — zgodnie z podnoszonymi przesłankami — w leksykonach gwarowych wyrazów wspólnych z zasobem języka ogólnego także ogranicza możliwości całościowego oglądu dynamiki i kierunków rozwoju gwarowego słowotwórstwa.

W powyższej sytuacji prezentowane uwagi oparte będą — z konieczności — w znacznej mierze na własnym (ponad trzydziestoletnim) doświadczeniu badawczym. W świetle tego, co napisane zostało wyżej, zastrzeżenie niniejsze wydaje się ze wszech miar uzasadnione.

Należy jednocześnie mieć na uwadze konstatacje K. Kleszczowej po analizie materiału historycznego: «ani stałość, ani zmienność nie są pojęciami ostrymi i nie da się wyznaczyć między nimi ostrej granicy. To, co wydawało się stałe, przy głębszym oglądzie jawi się jako odmienne, to zaś, co wyglądało na zmianę językową, jest jedynie etapem wcześniej zapoczątkowanego procesu, którego waga jest zazwyczaj dla ewolucji języka znikoma» [Kleszczowa 2007: 123].

Zwracając uwagę na specyfikę środków słowotwórczych spotykanych w języku ogólnym i w gwarach — mimo powyżej sygnalizowanych ograniczeń w dostępie do stosownych korpusów materiałowych, także uwarunkowań metodologicznych — należy wskazać na brak w języku mieszkańców wsi wszelkiego typu skrótów. Pojawiające się w tym środowisku «mówione» formy skrótów typu *gees* 'GS — Gminna Spółdzielnia', *pekaes* 'PKS — Państwowa Komunikacja Samochodowa' dostały się tu niewątpliwie z języka ogólnego. Nie są mi znane skróty powstałe — i funkcjonujące — tylko w środowisku gwarowym. Podobnie jest i ze stosownymi derywatami — w zdecydowanym stopniu też są to przejścia z języka ogólnego.

Analizując słowotwórstwo gwarowe pod kątem jego procesów rozwojowych zauważa się wyraźny brak w tym środowisku językowym wszelkiego typu nowych zapożyczeń. Przyznać należy, że jest to chyba najistotniejsza właściwość gwarowego leksykonu. Użytkownicy gwar nie wykazują potrzeby uzupełniania znanego sobie zasobu wyrazowego elementami obcymi. Wkra-

czająca na wieś nowa technologia — np. informatyczna — przynosi wprawdzie nowe słownictwo, jest ono jednakże słownictwem najpierw przejmowanym przez język ogólny. Towarzyszące przeobrażeniom ekonomicznym wsi (m. in. rozwój gospodarstw wielkotowarowych) nowe narzędzia — i ich nazwy — są jednym z przejawów procesów globalizacyjnych, te zaś wraz z nowymi technologiami upowszechniają właściwe im — zazwyczaj międzynarodowe, angielskie — nazewnictwo. Biorąc pod uwagę jednak rozwój zjawisk charakteryzujących wyłącznie język ogólny i gwary zjawisko to nie może być w naszych rozważaniach uwzględniane. Mieszkaniec wsi — będący przecież także w pewnym stopniu użytkownikiem języka ogólnego — nie może takich zjawisk nie akceptować. Trudno sobie wyobrazić nieobecność w środowisku wiejskim słownictwa związanego z komputerem i jego oprogramowaniem (i «osprzętowaniem»). Jeżeli mielibyśmy tego typu słownictwo poddawać analizie, to jedynie w kontekście bezpośredniego oddziaływania języka ogólnego na język mieszkańców wsi, nie zaś jako przejaw jego wewnętrznej ewolucji.

Przegląd korpusów słownictwa gwarowego — także terenowe próby określenia stopnia znajomości (i używania) słownictwa pochodzenia obcego — jednoznacznie wykazują, że środowisku gwarowemu obce są chociażby zyskujące coraz większą żywotność w polszczyźnie ogólnej formanty typu *-izm / -yzm* [Waszakowa 1994].

Obserwowane w terenie zniekształcenia struktury fonologicznej niektórych typów wyrazów zapożyczonych pozwalają przyjmować, że są to twory obce środowisku gwarowemu. Tym samym potwierdza to, że użytkownicy gwar nie są odpowiednio przygotowani na ich przyjęcie do swego systemu językowego. Wymownym przykładem jest chociażby *reumatyzm* powszechnie wymawiany jako *romatys*¹ (z ubezdźwięcznieniem wygłosu). Badacz terenowy często spotyka się z takimi zniekształceniami, będącymi próbą adaptacji do lokalnego systemu jednostek całkowicie mu obcych. Stąd często nawet współcześnie zniekształcane są m.in. nazwy specjalistów medycznych typu *laryngolog*, *kardiolog* itp. Mieszkańcy wsi — zwłaszcza ich starsi przedstawiciele — mając trudności z zapamiętaniem tych nazw albo je zniekształcają, albo też stosują nazewnictwo «swojskie», lokalne. Nie dziwi zatem, że nawet przejrzysty pod względem budowy słowotwórczej *okulista* bywa nazywany *ocznikiem*, zaś inne specjalności mają nazwy typu: *sercowy*, *plucny* będące w gruncie rzeczy pochodną od wyrażen typu *lekarz sercowy*, *lekarz płucny*.

Przeszukiwanie leksykonów gwarowych pod kątem obecności w nich wyrazów zawierających w swej strukturze elementy obce, zwłaszcza coraz

¹ Przytaczane wyrazy gwarowe pochodzą z Wielkopolski; ponieważ ich lokalizacja terenowa dla podnoszonej tu problematyki nie ma znaczenia świadomie ją tu pomijam.

częściej notowane w korpusach różnych języków słowiańskich ([Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008], [Ћорић 2008], [Waszakowa 2005]) dowodzi nieobecności struktur zawierających m. in. *a-* (*aspoleczny, asympatyczny*), *anty-* (*antypartyjny, antyludzki*), *-acja* (*pauperyzacja, popularyzacja, transformacja*), *-izm / -yzm* (*subiektywizm, auientyzm, ludyzm*) itp. Wprawdzie notowane są w tym środowisku formy typu *biurokracja, alkoholizm*, lecz są to wyrazy ewidentnie przejęte z języka ogólnego (głównie za sprawą medialnych dyskusji).

Prześledźmy jeszcze podobieństwa w zakresie tworzenia compositów. Tu między innymi spotykamy następującą konstatację: «Gwarowe wyrazy złożone pod względem budowy zasadniczo nie odbiegają od struktur znanych z języka ogólnopolskiego. Możliwość współwystępowania poszczególnych części mowy w roli członów jest podobna jak w języku literackim. <...> Warto zwrócić uwagę na typy kombinacji, których nie spotyka się w języku ogólnym: rzeczownikowo-przymiotnikowe (*kuroślep, zimzielon*), rzeczownikowo-liczebnikowe (*samoczwart, samojeden*), liczebnikowo-czasownikowe (*dwaśpiący*), liczebnikowo-przymiotnikowe (*półgłupiec*), czasownikowo-czasownikowe (*chwalipyta*), przysłówkowo-rzeczownikowe (*darmochlebiec*)» [Grochola-Szczepanek 2002: 146].

Analizy materiału słowiańskiego wykazują, że współcześnie spotykane w różnych językach composita niewiele różnią się swym charakterem od całej warstwy internacjonalizmów słowotwórczych. Niemniej jednak i tu daje się zauważyć określone preferencje. «Struktury złożeniowe tworzone są w celu nominacji **głównie jako nazwy nowych i ważnych zjawisk w życiu politycznym, społecznym i kulturalnym** (podkr. *J. S.*). Często jednak ich tworzeniu przyświeca cel inny — pragmatyczny. Ich nietypowa budowa, a także wyraziste, emocjonalne (przeważnie ujemne) nacechowanie są wykorzystywane do wpływania na emocje i działania odbiorcy (np. *specilustrator, lumpeninteligent, picprezydent, pornominister*). Łatwość tworzenia tych struktur oraz możliwość szerokiego wykorzystania w funkcji nominacyjnej i pragmatycznej sprzyja ich dużej aktywności w językach słowiańskich na przełomie XX i XXI wieku» [Rudnik-Karwatowa 2007: 166].

Wobec sygnalizowanego wcześniej braku odpowiednich korpusów, pozwalających właściwie ocenić tempo i charakter ewolucji gwarowego słowotwórstwa, musimy wykorzystywać możliwości stwarzane przez uwzględnianie w badaniach terenowych pokoleniowego zróżnicowania osób, od których pozyskiwany jest materiał badawczy. W dotychczasowej praktyce dialektologicznej właściwie nie przeprowadzono powtórnych badań mających na celu uchwycenie dynamiki zmian. Szczególnie odnosi się to do leksyki i słowotwórstwa. W tej sytuacji poddanie obserwacji osoby reprezentujące różne po-

kolenia wydaje się jedynym — i możliwym do przeprowadzenia — sposobem zestawiania odpowiednich, porównywalnych zestawów przykładów pozwalających wyciągać wnioski dotyczące podejmowanego tu zagadnienia ([Sierociuk 2003a], [Sierociuk 2006b], [Sierociuk 2007b]).

Tym sposobem uzyskujemy podstawy do mówienia o czynniku pokoleniowym jako jednym z parametrów pozwalających porządkować gwarowy zasób środków słowotwórczych. Wprowadzane na wieś nowe sposoby gospodarowania upowszechniają także niektóre typy słowotwórcze; tak więc w obrębie nazw lokatycznych obok starej nazwy *chlew* określającej zazwyczaj pomieszczenia dla różnych zwierząt (nie tylko dla trzody) zaczynają dominować wyspecjalizowane znaczeniowo *świniarnia*, *cielęciarnia* czy też *chlewnia*. Jest oczywiste, że nazwy te przedostają się na wieś z języka ogólnego. Ich budowa słowotwórcza jest jednak do zaakceptowania przez mieszkańców współczesnej wsi. Oba elementy składowe są bowiem dawno już przez to środowisko «oswojone». Współczesna wieś używa obu typów nazw, jednak preferowanie jednego z nich w znacznym stopniu jest wskaźnikiem przynależności pokoleniowej osoby tych określeń używającej ([Sierociuk 2006b] — zob. także przytoczone tam przykłady użycia podobnych form). Z drugiej strony pojawianie się nowych określeń pociąga za sobą przeobrażenia natury semantycznej; konstrukcje z *-arnia* mają wyspecjalizowane znaczenie (‘pomieszczenie dla konkretnych zwierząt’), podobnie *chlewnia* jest zazwyczaj większa niż *chlew* — przy dodatkowym zawężeniu znaczenia, jest to bowiem pomieszczenie raczej dla świń.

Ta niewielka grupa przykładów dowodzi, że zmiany przyzwyczajęń de rywacyjnych w środowisku wiejskim mogą pociągać za sobą nieco inne uporządkowanie dotychczasowej przestrzeni semantycznej. Nie jest to więc tylko zwykle zastępowanie jednej struktury drugą. Widoczna «niechęć» środowiska gwarowego do przejmowania najnowszych elementów obcych wskazuje jednocześnie, że mamy tu chyba do czynienia — przy czym bardziej dotyczy to języka ogólnego — z wysoką (a w każdym bądź razie — z dość wysoką) hermetycznością gwarowego systemu słowotwórczego. Nie dziwi zatem, że obserwujemy tu większą zachowawczość językową. Nie dziwi też, że najczęściej zauważalne są różnice pokoleniowe w używaniu wyrazów nacechowanych emocjonalnie; ekspresja wymaga bowiem systematycznego «aktualizowania». To, co było ekspresywne dla dziadków, nie ma już takiego zabarwienia dla wnuków (czy nawet dzieci).

Szczególne pozycja gwarowych ekspresywizmów może w znacznej mierze charakteryzować poszczególne idiolekty, co nie jest zjawiskiem określającym gwary polskie. Odnotujmy tu też zdanie badaczki rosyjskich gwar okolic Archangielska: «Склонность к словотворчеству является одним из самых

сильных способов проявления индивидуальности языковой личности и ее экспрессивного потенциала» [Нефедова 2008: 415].

Wydaje się, że sygnalizowana wyżej «swojskość» (w każdym bądź razie nie obcość) niektórych elementów systemu słotwórczego ułatwia także swoiste wypełnianie luk w owym (lokalnym) systemie. W tradycyjnych gwarach wielkopolskich zasadniczo nie ma derywatu dla ‘kobiety, która wykopuje ziemniaki (pyry)’; rzadko też notowana była — znana z polszczyzny ogólnej — *dojarka* ‘kobieta, która doi krowy’. Wydaje się też, że dopiero coraz większe osvajanie się mieszkańców wsi z polszczyzną ogólną pozwoliło zaakceptować (wprawdzie jeszcze nie powszechnie) typ *koparka / kopaczka*, podobnie jak i typ *dojarka*.

Mimo że współczesna dialektologia dysponuje już licznymi zbiorami gwarowego słownictwa, brak jest korpusów zadawalających badacza chcącego obserwować konkretne procesy; w dostępnych leksykonach rzadko mamy bowiem poświadczone obok siebie (z jednej miejscowości) derywaty i wyrazy mogące być dla nich punktem wyjścia procesu derywacyjnego [Sierociuk 2003b]. Ograniczenie to nie pozwala w tej sytuacji jednoznacznie ustosunkować się do istotnego w naszym wypadku pytania: czy konkretny przykład dokumentuje żywotność lokalnego (z synchronicznego punktu widzenia) zjawiska słotwórczego, czy też jest to przejaw zapożyczenia wewnętrznego, zapożyczenia z języka ogólnego. W odniesieniu do kilku przykładów należy jednoznacznie opowiadać się za drugim rozwiązaniem; tak jest z wielkopolskimi nazwami typu *kosiarz*, *kośnik*, *kosinier* w sytuacji braku na przeważającym obszarze czasownika *kosić* (jego miejsce zajmuje *siec*). Podobne «niezgodności» obserwujemy i przy typie *kołyska*, która definiowana jest jako «to, w czym *kolebie się* dziecko» (przy braku potwierdzeń znajomości czasownika *kołysać*). Analiza wybranych map atlasowych — obrazujących rozprzestrzenienie nazw mogących tworzyć «pary derywacyjne» typu: *szmata* — *szmaciarz*) — jednoznacznie ukazuje geograficznie uwarunkowany szerszy zasięg braku takich zależności [Sierociuk 2007a]. W tej sytuacji należy chyba zgodzić się, że mamy tu «do czynienia z derywatem importowanym z innego dialektu» [Górniewicz 1967: 15].

Na aktualnym etapie badań gwarowego systemu słotwórczego można chyba zaryzykować twierdzenie, że dokonująca się ewolucja tegoż systemu ograniczona jest ramami rodzimości; nie obserwujemy tu — typowego dla języka ogólnego — przejmowania elementów obcych. W warstwie słotwórczej (pośrednio także i leksykalnej) język mieszkańców wsi nie podlega internacjonalizacji. Zestawienie słotwórstwa gwarowego z odpowiednim materiałem języka ogólnego jednoznacznie wskazuje na jego przywiązanie do tradycji ustnej — z wynikającymi z tego różnymi konsekwencjami.

Literatura

- Dejna K.* Synonimy na mapach dialektologicznych // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. T. IX. Łódź, 1963.
- Górniewicz H.* Formanty przyrostkowe w gwarach malborskich (Cz. I) // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. T. XIII. Łódź, 1967.
- Grochola-Szczepanek H.* Rzeczowniki złożone w gwarach polskich. Kraków, 2002.
- Kleszczowa K.* Na straży niezmienności modeli słowotwórczych // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Z. LXIII. Kraków, 2007.
- Kowalska A.* Apelatywne nazwy miejsc z formantami występującymi w tej funkcji rzadko lub sporadycznie // Gwary dziś. 3. Wewnętrzne zróżnicowanie języka wsi / Red. J. Sierociuk. Poznań, 2006.
- Nowe słownictwo polskie: Materiały z prasy lat 1993–2000 / Pod red. T. Smólkowej. Cz. I, II, III, IV. Kraków, 2004; 2005; 2006.
- Ong W. J.* Orality and Literacy. The Technologizing of the Word. Methuen; London; New York, 1982.
- Ong W. J.* Oralność i piśmienność. Słowo poddane technologii. Lublin, 1992.
- Pawłowski E.* Problem normy językowej w gwarach ludowych i w języku ogólnonarodowym // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Z. XXV. Kraków, 1967.
- Rudnik-Karwatowa Z.* Ekspansja struktur złożeniowych w językach słowiańskich: diagnoza i rokowania // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Z. LXIII. Kraków, 2007.
- Sierociuk J.* Obecność podstaw słowotwórczych i poświadczenia negatywne w badaniach słowotwórstwa gwarowego // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. T. XXXVI. Wrocław, 1992.
- Sierociuk J.* Budowa wybranych formacji rzeczownikowych — szczególnie nazw miejsc — w gwarach między Wisłą a Wieprzem. Lublin, 1996.
- Sierociuk J.* Założenia metodologiczne badań słowotwórstwa gwarowego // Gwary dziś. 1. Metodologia badań / Red. J. Sierociuk. Poznań, 2001[a].
- Sierociuk J.* W sprawie synonimii w polszczyźnie ogólnej i w gwarach // Leksyka a gramatyka w tekście językowym / Red. K. Wojtczuk. Siedlce, 2001[b].
- Sierociuk J.* Założenia metodologiczne badań języka wsi // Poznańskie Spotkania Językoznawcze. T. XI / Red. Z. Krążyńska, Z. Zagórski. Poznań, 2003[a].
- Sierociuk J.* Słowniki gwarowe a możliwości opisu gwarowego słowotwórstwa // Gwary dziś. 2. Regionalne słowniki i atlasy gwarowe / Red. J. Sierociuk. Poznań, 2003[b].
- Sierociuk J.* Specyfika wariantywności słowotwórczej w gwarach // Gwary dziś. 3. Wewnętrzne zróżnicowanie języka wsi / Red. J. Sierociuk. Poznań, 2006[a].

- Sierociuk J.* Pokoleniowość — jeden z czynników różnicujący słowotwórstwo języka mieszkańców wsi // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння: Доклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў / Нав. рэд. А. А. Лукашанец. Мінск, 2006[b].
- Sierociuk J.* Swoistość słowotwórstwa gwarowego (wybrane problemy) // *LingVaria*. 2007[a]. № 1(3).
- Sierociuk J.* Aspekt diachroniczny w synchronicznych badaniach języka mieszkańców wsi (problemy metodologiczne) // *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*. T. LII. Łódź, 2007[b].
- Sierociuk J.* Wariantywność słowotwórcza a problem ewolucji języka mieszkańców wsi // *Współczesna polszczyzna — stan, perspektywy, zagrożenia* / Red. Z. Cygał-Krupa. Kraków; Tarnów, 2008.
- Topolińska Z.* Miejsce dialektologii wśród innych dyscyplin slawistycznych // *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria 8. Językoznawstwo. Warszawa, 1992.
- Waszakowa K.* Derywaty z sufiksem *-izm* // *-yzm* we współczesnej polszczyźnie ogólnej // *Prace Filologiczne*. T. XXXIX. Warszawa, 1994.
- Waszakowa K.* Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa, 2005.
- Wyderka B.* O synonimii w gwarach i problemach jej opisu // *Gwary dziś*. 3. Wewnętrzne zróżnicowanie języka wsi / Red. J. Sierociuk, Poznań, 2006.
- Wyderka B.* O gwarowym słownictwie rzadkim // *Gwary dziś*. 4. Konteksty dialektologii / Red. J. Sierociuk. Poznań, 2007.
- Клименко Н. Ф., Карпіловська Е. А., Кислюк Л. П.* Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі. Київ, 2008.
- Нефедова Е. А.* Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008.
- Уласевіч В. І., Даўгулевіч Н. М.* Слоўнік новых слоў беларысай мовы. Мінск, 2009.
- Ђорџић Б.* Творба именица у српском језику (одабране теме). Београд, 2008.

Ежи Сероцук

**Эволюция диалектного словообразования
на фоне словообразования в литературном языке
(введение в проблематику)**

В статье рассматривается возможность сравнения эволюции диалектной словообразовательной системы на фоне аналогичных изменений в литературном языке. Предпринимаемая попытка непосредственного сравнения эволюционных процессов в упомянутых разновидностях языка осложняется нехватка соответ-

ствующего, охватывающего четко очерченные временные интервалы, исследования диалектной лексики (ср. изданные в различные периоды словари литературного языка). Диалектная лексикография не располагает такой документацией, при попытке определить темп эволюции словообразования (и лексики) остается сослаться на ситуацию, господствующую в настоящее время в сельской среде, учитывая при этом возрастную дифференциацию ее представителей. Это возможно сделать, соблюдая принципы синхронных исследований.

На данном этапе проводимых исследований системы диалектного словообразования можно рискнуть и выдвинуть тезис, что происходящая эволюция вышеупомянутой системы ограничивается рамками родственных связей; мы не наблюдаем здесь типичного для литературного языка заимствования посторонних элементов. На словообразовательном (косвенно также лексическом) уровне язык жителей деревни не подчиняется интернационализации. Сопоставление диалектного словообразования с соответствующим материалом литературного языка однозначно указывает на привязанность первого к устной традиции — с различными вытекающими из этого последствиями.

Е. Г. Лукашанец (Минск)

**Системность социолектного словообразования:
остранение как основа дупольности
деривационной системы аргю**

В 1962 г. в своей статье «К семиотическому анализу тайных языков» Исаак Иосифович Ревзин писал: «...прием остранения используется в качестве основного конституирующего фактора при формировании воровского жаргона» [Ревзин 1962: 33]. Что это такое — остранение как основная характерная черта криминального жаргона? Прежде всего, сам термин заимствован из литературоведения, где он означает «художественный принцип изображения любого явления или предмета как впервые увиденного, выпавшего из привычного контекста, представленного в новой, неожиданной перспективе» [Остранение 2007], это «представление привычного предмета в качестве незнакомого, необычного, странного, что позволяет нам воспринимать его заново, как бы впервые» [Эпштейн 2001]. Прием остранения «является одним из средств преодоления стереотипов обыденной речи» [Культура русской речи 2003: 398]. В прошлом веке термин «остранение» («остраннение») стал широко употребляться не только в литературоведении, но и в искусствоведении, а также в философии: «Хорошо известно, сколь мощный отзвук идея „остранения“ получила в искусстве и литературной теории XX века» [Гинзбург 2006]. Неудивительно, что при этом слово «остранение» в достаточной степени расширило свое значение: «Термины должны допускать известную долю „метафоричности“ их использования. В противном случае ограничиваются возможности их плодотворного использования» [Тульчинский 1980].

В отношении социолектов, прежде всего воровского аргю, этот термин используется в особом смысле. Как видно из работы И. И. Ревзина, он понимал остранение как отталкивание от норм литературного языка (ЛЯ) при создании арготизмов: «В общем виде прием остранения сводится к отталкиванию от общенародного языка, в частности к такому разрыву скрытого или стертого отношения между означаемым и означающим, который воспринимается именно на фоне этого отношения» [Ревзин 1962: 33]. Тем самым главной особенностью арготизмов становится их непо-

хожесть на слова ЛЯ — непохожесть как формальная, проявляющаяся, например, в отличии заимствованных арготизмов от слов ЛЯ по фонологической структуре, так и семантическая, находящая свое выражение, в частности, в приобретении словами ЛЯ противоположного значения: *подлость* ‘перестать воровать, работать’, *черт* ‘человек, хорошо работающий’, *бацильное* ‘съестное’ и др.

Впоследствии идея И. И. Ревзина использовалась советскими лингвистами несколько в ином плане, см., например: «Условно-профессиональные языки могли доставлять известное „удовольствие“ их носителям в первую очередь своей необычностью, резким отличием от языка повседневного общения, своей „остраненностью“» [Бондалетов 1974: 18]; ср. также: «Сленг — это как бы способ расцветить унылую действительность, где произносимые нами слова затерлись от долгого употребления, как медные деньги („остранение“ слова по Шкловскому)» [Радзиховский, Мазурова 1989: 131], далее: «сленг построен так (и для того), чтобы создать эффект „двойного остранения“ — не только описанная на сленге реальность кажется остраненной, но и сами носители сленга воспринимаются окружающим миром также как нечто необычное, т. е. „остраненно“» [Радзиховский, Мазурова 1989: 136].

Таким образом, из семиотической, структурной сферы понятие остранения переместилось в сферу функциональную, а в центр внимания лингвистов выдвинулась экспрессивная функция процесса остранения — создание нового, оригинального, экспрессивного, «незатертого» слова.

Между тем И. И. Ревзин говорил в основном о тайных языках, а значит, во главу угла им ставилась эзотерическая функция остранения (непонятность создаваемых жаргонизмов для неносителей арго), а экспрессивный характер остранения при этом, напротив, затемнялся, оставался в тени.

На наш взгляд, и тот, и другой аспекты остранения имели место в криминальном арго. Остранение выполняет в нем обе функции, так же как и само криминальное арго имеет не только эзотерическую, но и экспрессивную функцию. Однако в современном криминальном арго тайность явно идет на убыль, постепенно заменяясь функцией профессиональной номинации: в арго создаются слова, называющие такие предметы и явления, которые отражают «профессиональные» интересы представителя преступного мира и которые, как правило, не получили наименования в ЛЯ. Поэтому далее мы будем говорить в основном о проявлении этих двух функций. Целью нашей работы является разграничение действия этих двух аспектов остранения — или, как чаще говорят

в настоящее время, отталкивания — в деривационной системе современного русского криминального арго¹.

Отталкивание криминального арго от системы общелитературного языка проявляется **на уровне самой системы мотивированной лексики арго** — в таком ее свойстве, как двуполюсный характер. Двуполюсность словообразования арго выявляется по нескольким направлениям: 1) противопоставление профессиональной лексики экспрессивной; 2) противопоставление центра (небольшого числа высокопродуктивных аффиксов ЛЯ, используемых в арго) и периферии (значительного количества непродуктивных собственно арготических формантов); 3) оппозиция внутриарготических и внеарготических дериватов; 4) двунаправленное смещение семантики литературных суффиксов при их использовании в арго.

1. Противопоставление профессиональной лексики экспрессивной

Профессиональный или, напротив, экспрессивный характер мотивированных слов в арго, так же как и в ЛЯ, связан в основном с разграничением т. н. мутационных и модификационных словообразовательных типов. Так, именно в сфере мутационного словообразования сосредоточены профессионально ориентированные арготизмы — и, наоборот, сфера модификационного образования арготизмов отражает экспрессивную направленность арго. Однако если мутационное словообразование в целом достаточно однородно с этой точки зрения, модификационное, в свою очередь, распадается на две противопоставленные подсферы: т. н. неноминативную модификацию, объединяющую словообразовательные типы женскости, незрелости, собирательности и единичности, и номинативную модификацию — все остальные типы, включая типы с субъективно-оценочными значениями и стилистическую модификацию. Именно эта последняя подсфера связана с отражением экспрессивности, в то время как первая обслуживает номинативные области арготического словообразования.

Сравнение суффиксального словообразования существительных в арго с суффиксальным словообразованием слов этой же части речи в ЛЯ² позволяет выявить в обеих подсистемах преобладание мутационных словообразовательных типов над всеми другими. Однако если в ЛЯ их число намного превышает число всех других словообразователь-

¹ Материалом исследования послужили мотивированные слова русского криминального арго, зафиксированные в основных арготических словарях: [Балдаев 1997], [Бурик, Шелестюк 1979], [Быков 1994], [Грачев 1992], [Словарь воровского жаргона 1991], [Дубягин 1991].

² В качестве основания для сравнения в ЛЯ было взято описание словообразования, представленное в таком авторитетном источнике, как [Русская грамматика 1980].

ных типов, в арго складывается другая картина: здесь достаточно развита также сфера неноминативной модификации.

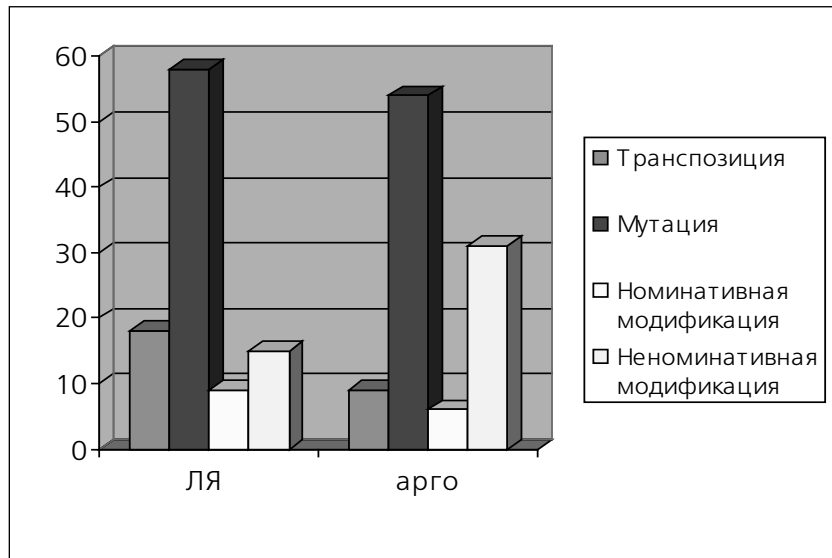

Рис. 1. Распределение суффиксальных типов по семантическим сферам суффиксации

На диаграмме (рис. 1) отчетливо видна двуполюсность словообразовательной системы арго. В мутационных словообразовательных типах, как уже было сказано, проявляется профессиональная направленность арготического словообразования. Эта сфера объединяет названия лиц (типов преступников или заключенных, работников правоохранительных органов и др.), предметов (в основном необходимых для преступных действий или важных для жизни в местах заключения) и др. Таковы, например, *кидать* 'мошенничать' → *кидала* 'мошенник', *кимарить* 'спать' → *кимарка* 'место для сна в бараке', *сблочить* 'снять одежду' → *сблочник* 'грабитель, раздевающий жертву', *курсить* 'есть (принимать пищу)' → *курсальник* 'столовая', *парадный* (вход) → *парадник* 'вор, совершающий кражи верхней одежды с парадного входа', *майдан* 'вокзал; поезд' → *майданник* 'вор, совершающий кражи на вокзалах и в поездах', *кабур* 'подкоп' → *кабурицик* 'взломщик, использующий подкоп'. Сфера неноминативной модификации, которая в арго представлена примерно в два раза большим, чем в ЛЯ, процентом суффиксов, отражает экспрессивную составляющую арго, ср.: *гетера* → *гетерка* 'женщина, расторгнувшая брак', *дура* → *дурок* 'телевизор'.

2. Противопоставление центра и периферии

Тенденция к отталкиванию системы словообразования арго от словообразовательной системы общенародного языка проявляется в различном характере деривационного потенциала русских аффиксов ЛЯ и собственно арготических средств в арго. Так, если процент высокопродуктивных и продуктивных суффиксов существительных ЛЯ, которые используются в арго, составляет 56, а непродуктивных, используемых в небольших группах и единичных — 44, то собственно арготических суффиксов существительных имеется 418, из них высокопродуктивных и продуктивных — 8, непродуктивных, используемых в небольших группах и единичных — 410, в процентах соответственно — 2 и 98 (рис. 2).

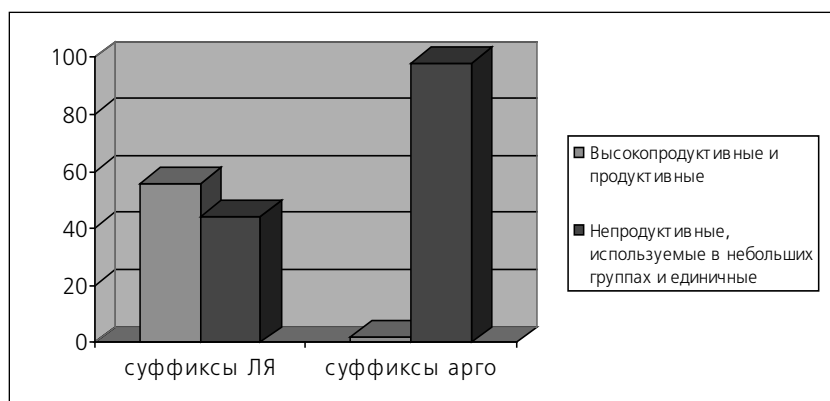

Рис. 2. Продуктивность суффиксов ЛЯ, используемых в арго, и собственно суффиксов арго

Такой характер использования суффиксов в определенной степени проявляется даже в распределении мотивированных слов. Так, если соотношение числа дериватов, образованных с помощью суффиксов ЛЯ, равно для вышеуказанных групп суффиксов соответственно 86 % и 14 % (из 2293 мотивированных), то подобное же соотношение для дериватов, образованных с помощью суффиксов арго, иное: 19 % и 81 % (всего 831 мотивированное слово). См. рис. 3.

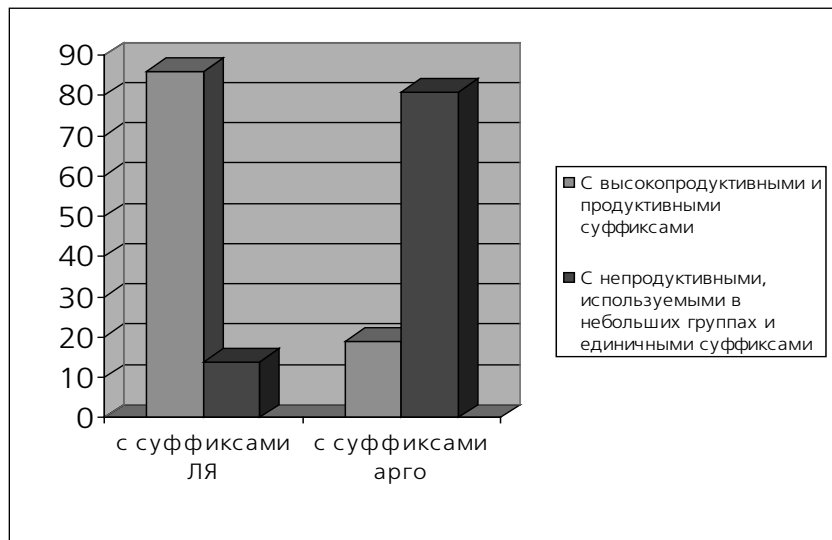

Рис. 3. Доля дериватов с суффиксами ЛЯ и арго в соответствии с продуктивностью суффиксов

Своеобразный центр словообразовательной системы арго (для суффиксального образования существительных) составляют дериваты, содержащие высокопродуктивные и продуктивные суффиксы ЛЯ, такие, как *-ак, -арь, -ач, -ик, -иц(а), -к(а), -лк(а), -льник, -ник, -ок, -ух(а), -чик, -щик*. Другой полюс системы формируют дериваты, включающие в свой состав непродуктивные или единичные собственно арготические суффиксы типа *-авр(а), -аган, -адей, -ажник, -алик, -альн(я), -альщик, -анашик(а), -анд(а), -аничик, -арк(а), -ат(а), -ашик, -бон, -ван, -дрос, -дяк(а), -елл(о), -ерь(я), -ех(а), -ив(а), -ильник, -ирей, -ирник, -лд(а), -мон, -ован, -одырь, -ольщик, -ом(а), -ос, -оск(а), -ох, -очник, -ошник, -пан, -тон, -ужник, -ум(а), -ус, -уч, -фан, -ыжник, -ынд(а)*.

Таким образом, в арго наиболее активно используются либо очень продуктивные суффиксы ЛЯ (но лишь небольшое число), либо малопродуктивные, даже единичные собственно арготические суффиксы, но зато в большом количестве. Подобной двуполюсности не наблюдается в ЛЯ, где число единичных суффиксов более чем в два раза ниже числа высокопродуктивных и продуктивных суффиксов существительных: 103 по сравнению с 265.

3. Оппозиция внутриарготических и внеарготических дериватов

Поскольку арго является вторичной по отношению к ЛЯ системой, слова в нем могут мотивироваться единицами двух лексических подсистем: либо словами ЛЯ, либо другими социолектизмами. В первом случае можно говорить о внеарготической мотивации, во втором — о внутриарготической.

Мысль о том, что в социолекте имеются дериваты этих двух типов, высказывали исследователи русских условных языков [Бондалетов 1974: 36–37]. По нашему мнению, это разделение имеет принципиальное значение. Создание двух типов арготизмов — результат проявления двух конкурирующих тенденций развития криминального арго. Первая тенденция — центростремительная — проявляется в возникновении внеарготических мотивированных слов, т. е. в создании арготизмов на базе общенародных, литературных слов. Вторая — центробежная — имеет своим результатом внутриарготическую мотивацию.

Внеарготические и внутриарготические мотивированные слова различаются и в семантическом отношении. Когда арготизм мотивируется словом ЛЯ, основа мотивирующего слова нередко получает переосмысление, используется в метафорическом значении. Таковы, например, арготизмы *бестолковка* ‘голова’, *брехаловка* ‘газета’, *верещалка* ‘свисток’, *вишивики* ‘деньги’, *гнидник* ‘белье нижнее’, *гуталинщик* ‘И. В. Сталин’, *цикадыльник* ‘радиоприемник’. Существование таких образных социолектизмов отмечается многими исследователями. В ЛЯ такие слова относят к области ассоциативной мотивации, метафорическому словообразованию и др. В арго они принадлежат в основном к сфере мутации.

Другая группа внеарготических дериватов, напротив, полностью совпадает по значению со своими мотивирующими, так что единственная функция десемантизированного суффикса здесь — создание арготической номинации: *бедраж* ‘бедро’, *годяра* ‘год’, *гречуха* ‘гречка, гречневая каша’. Эти асемантические дериваты представляют собой противоположный предыдущему тип. Если в словах первого типа вся экспрессия заключалась в корне, основе слова, а роль суффикса заключалась в том, чтобы выразить свойственное ему в ЛЯ мутационное значение (*гнидник* = то, что имеет отношение к гнидам, *брехаловка* = то, что «брешет», лжет), то в асемантических дериватах, напротив, корень, основа не маркированы — экспрессивны суффиксы, оформляющие арготизмы.

Наконец, третья группа внеарготических номинаций не выделяется экспрессией ни основы, ни суффикса. Это слова типа *балконщик* ‘вор, совершающий кражи путем проникновения через балкон’, *беспартийщик* ‘беспартийный’, *долгосрочник* ‘осужденный на длительный срок’, *долгост*

‘сообщник, получающий долю’, *кошелешник* ‘вор, совершающий кражи путем подброшенного кошелька’. Эти мотивированные слова представляют собой, как правило, своеобразные «термины» криминальной жизни и имеют мутационные значения. Отметим, что первые две группы численно преобладают над последней.

Таким образом, в результате внеарготической деривации образуются достаточно разные по своей сути номинации, большая часть из которых обладает яркой экспрессией.

Во внутриарготической деривации, наоборот, основное место занимают криминальные «термины». Эти мотивированные слова по степени экспрессивности не отличаются от мотивирующих. Это значит, что в результате процесса деривации не происходит «прироста» экспрессивности. Так, на наш взгляд, одинаковой степенью экспрессивности, созданной изначальным семантическим переносом в мотивирующем слове, обладают *грузить* ‘сваливать вину на другого’ и образованное от него *грузчик* ‘вор, который берет на себя чужое преступление’, *резина* ‘автомобиль’ и его дериват *резинчик* ‘угонщик автотранспорта’, *зверь* ‘азиат’ и *звереныш* ‘ребенок-азиат’ и т. д. Одинаково экспрессивны и заимствования *фрайер* ‘неопытный человек’, *шкары* ‘брюки’, и образованные от них слова *фрайерша* ‘женщина, не принадлежащая к преступному миру’ и *шкарник* ‘карманы брюк’.

Другая группа внутриарготических арготизмов — дериваты с асемантическими аффиксами. В отношении их также вряд ли можно говорить о «приращении» экспрессии, ср. *бич* и *бичина* ‘бродяга’, *птюха* и *птюшка* ‘кусочек хлеба’, *тахта* и *тахтарка* ‘пачка бумаги’.

Таким образом, внеарготическая деривация в целом более экспрессивна и более диффузна с семантической точки зрения, чем внутриарготическая, которая, напротив, связана с выполнением скорее номинативной, чем экспрессивной, функции словообразования. Выделение внеарготической и внутриарготической деривации позволяет сравнить разные способы и сферы словообразования с точки зрения их большей экспрессивности или, напротив, номинативности, «терминологичности».

В криминальном арготе среди всех суффиксальных существительных обнаружено 1858 слов, созданных на базе других арготизмов. Таким образом, доля внутриарготических дериватов составила здесь 59%, что в целом свидетельствует о достаточно высоком уровне проявления центробежной тенденции в криминальном арготе.

Соотношение внеарготических и внутриарготических дериватов разнится по семантическим сферам суффиксации (табл. 1).

Семантические сферы суффиксации	Число внутриарготических дериватов (в % к общему числу дериватов данной сферы)
Транспозиция	73
Мутация	46
Номинативная модификация	91
Неноминативная модификация	72

Табл. 1. Доля внутриарготических дериватов

Как видно, доля внутриарготических мотивированных слов является наибольшей в сфере номинативной модификации, что вполне объяснимо. Ведь образование названий лиц женского пола и детенышей, собирательных и единичных существительных в наибольшей степени регулярно, неэкспрессивно, «грамматично»; появление метафорических дериватов, которые обычно характерны для внеарготических мотивированных, здесь маловероятно. На другом полюсе — мутация: в ней довольно большую роль играют метафорические дериваты, а доля внутриарготических дериватов наименьшая.

Поскольку, как было сказано выше, внеарготическая деривация с семантической точки зрения более экспрессивна и более диффузна, чем внутриарготическая, внеарготических мотивированных глаголов больше в тех сферах словообразования, которые являются менее грамматичными и более лексичными. Таковым является, в частности, отыменное суффиксальное словообразование глаголов: здесь 21 % внеарготических мотивированных, в то время как в отглагольном — всего 15 %.

4. Двунправленное смещение семантики литературных суффиксов при их использовании в арго

Тенденция к семантическому отталкиванию системы словообразования арго от системы словообразования литературного языка проявляется как на самом низшем, конкретном уровне — уровне лексических значений мотивированных слов, так и на более абстрактных уровнях — в частных и общих словообразовательных значениях. В этом последнем случае остранение проявляется в т. н. семантическом смещении — изменении семантики суффиксов ЛЯ при их использовании в арго.

Семантическое смещение как яркая черта измененной, по сравнению с литературным языком, семантики арготизмов-дериватов экспли-

цирует двуполюсность аргю, его профессиональную и экспрессивную составляющие. Так, для словообразования существительных наиболее характерны два типа семантического смещения: от мутации к транспозиции и от мутации к модификации. Например, для суффиксов сферы отглагольной транспозиции в аргю характерно смещение следующего типа: «носитель процессуального или непроцессуального признака» (ЛЯ) → «отвлеченный процессуальный признак» (аргю). Так, в ЛЯ *-лк(а)* и *-ловк(а)* используются для образования существительных от прилагательных (*учредилка, сопроводилка*) и от глаголов (*зажигалка, забежалка*). В криминальном аргю омонимичные им суффиксы приобретают большую продуктивность, обозначая отвлеченные действия и состояния: *хворать* → *хворалка* 'болезнь', *холодить* → *холодилка* 'мороз'; *бухать* 'пить' → *бухаловка* 'пьянка', *крутить* 'задерживать' → *крутиловка* 'операция по задержанию преступников', *махаться* 'драться' → *махаловка* 'драка', *месить* 'избивать' → *месиловка* 'избиение', *ширяться* 'принимать наркотики внутривенно' → *ширяловка* 'инъекция наркотика'. Наличие такого семантического смещения подтверждает известное положение о большей степени конкретности лексики аргю: широкое использование в транспозиционном словообразовании мутационных суффиксов способствует конкретизации, «овеществлению» этой подсистемы аргюических мотивированных слов.

В неноминативной модификации аргю также использует суффиксы, омонимичные мутационным суффиксам ЛЯ: *-арник, -арь, -атник, -ил(а), -ин, -ист, -ич, -ман, -ович, -ор, -ун, -щик, -ыга, -ырь*. Приведем примеры: *порода* → *породарь* 'ничтожный человек', *чума* → *чумарь* 'опустившийся, спившийся человек' (в ЛЯ *сухой* → *сухарь*, *бунт* → *бунтарь*, *звонить* → *звонарь*); *кодла* → *кодлятник* 'группа преступников-приятелей', *крыса* → *крысятник* 'вор, совершающий кражи в исправительно-трудовом учреждении' (в ЛЯ *перепел* → *перепелятник*); *порч* → *порчила* 'преступник, не принятый в воровскую группировку' (в ЛЯ *здоровый* → *здоровила*); *боба* → *бобич* 'рубашка', *гаврила* → *гаврилыч* 'галстук' (в ЛЯ *Кострома* → *костромич*); *кожа* → *кожевич* 'кошелек женский' (в ЛЯ *Петр* → *Петрович*); *магазин* → *магун* 'магазин большой' (в ЛЯ *слепой* → *слепун*, *горб* → *горбун*, *хрипеть* → *хрипун*); *халдей* → *халдыга* 'официант', *фуфло* → *фуфлыга* 'ложь' (в ЛЯ *торопиться* → *торопыга*); *балда* → *балдырь* 'бестолковый человек' (в ЛЯ *насти* → *настырь*, *пустой* → *пустырь*). Тем самым мутационные суффиксы ЛЯ приобретают несвойственную им в литературном языке экспрессивность или, вернее, актуализируют экспрессивные тенденции, заложенные в этих суффиксах русского языка, но не проявляющиеся в нормативном языке.

Таким образом, первая функция остранения — отражение преимущественно профессиональной направленности — проявляется в криминальном арго в развитости мутационного словообразования, в сокращении числа используемых арго высокопродуктивных и продуктивных средств ЛЯ, в наличии внутриарготических дериватов и в смещении словообразовательного значения используемых арго суффиксов ЛЯ от мутации к транспозиции. Эта функция создает в криминальном арго один полюс лексики — относительно высокорегулярные «терминологические» дериваты. Вторая функция остранения — отражение экспрессивности — проявляется в развитости модификационной сферы словообразования, в использовании большого числа собственно арготических средств, в существовании достаточно экспрессивных внеарготических дериватов и смещении словообразовательного значения используемых арго суффиксов ЛЯ от мутации к модификации. Эта функция ведет к созданию в арго другого полюса лексики — нерегулярных, но многочисленных, достаточно «индивидуализированных» экспрессивных дериватов. Наличие двух полюсов — важная типологическая черта современного криминального арго, в отличие от арго деклассированных старого времени, имевших в основном тайный или, во всяком случае, профессиональный характер и реализующих первую функцию остранения.

Литература

- Балдаев Д. С.* Словарь блатного воровского жаргона. В 2 т. М., 1997.
- Бондалетов В. Д.* Условные языки русских ремесленников и торговцев. Рязань, 1974.
- Бурик В. И., Шелестюк В. Г.* Жаргон преступников. Киев, 1979.
- Быков В.* Русская феня: Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1994.
- Гинзбург К.* Остранение: предыстория одного литературного приема // Новое литературное обозрение. 2006. № 80. <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/80/gi2.html>.
- Грачев М. А.* Язык из мрака: блатная музыка и феня: Словарь. Нижний Новгород, 1992.
- Дубягин Ю. П.* Толковый словарь уголовных жаргонов. М., 1991.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
- Остранение // Литература и язык: Энциклопедия / Современная иллюстрированная энциклопедия. М., 2006.
- Радзиховский Л. А., Мазурова А. И.* Сленг как инструмент остранения // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.
- Ревзин И. И.* К семиотическому анализу «тайных языков» // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М., 1962.

Русская грамматика. В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

Словарь воровского языка: Слова, выражения, жесты, татуировки. Тюмень, 1991.

Тульчинский Г. Л. К упорядочению междисциплинарной терминологии // Психология процессов художественного творчества. Л., 1980.

Эпштейн М. Эрос острания // Интернет-портал «Грани.Ру». 14.11.2001. — <http://grani.ru/Society/Neuro/Erotology/m.2595.html>.

Е. В. Петрухина (Москва)

Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке

1. Новые явления в русском словопроизводстве. Среди основных тенденций развития морфологии и словообразования современного русского языка называют стабильный рост аналитизма на некоторых участках морфологической системы (прежде всего в именных категориях), сочетающийся с активностью словообразовательных процессов — синтетических способов выражения значений при помощи словообразовательных средств и агглютинативной техники присоединения морфем. Синхронная динамика русского словообразования проявляется в темпах пополнения лексической системы при помощи словообразовательных производных, в соотношении своего и заимствованного, узуса и языкового творчества, в конкуренции, семантической и стилистической дифференциации сосуществующих словообразовательных единиц. Динамические процессы в русском словообразовании связаны с общими языковыми изменениями, вызванными социально-экономическими и политическими преобразованиями в российском обществе в конце XX и начале XXI вв. К таким изменениям, которые усиливаются бурным развитием электронных средств массовой информации и коммуникации, относят ослабление нормативных правил образования и употребления языковых единиц, расширение сферы употребления разговорно-сниженных языковых элементов и жаргонизацию современного русского языка, расцвет языковой игры, резкое увеличение потока английских заимствований.

В этих условиях в последние два десятилетия, несмотря на большие потенциальные возможности русской деривационной системы и всплеск неузального словообразования, удельный вес производных слов с незаимствованными корнями среди неологизмов постепенно уменьшается, а число лексических заимствований растет. При этом в мощном потоке заимствований русские словообразовательные категории и типы не только не разрушаются, не модифицируются и практически не пополняются заимствованными деривационными моделями, но и легко перерабатывают иностранные инновации, адаптируя их к русской словообразовательной системе. В нее входят новые деривационные гнезда с иноязыч-

ными неологизмами, образованными как по имеющимся продуктивным словообразовательным моделям, так и по моделям композитов, которые активизировались лишь в последние годы. Ср.: *демпинг* — *демпинговый*, *антидемпинговый*, *демпинговать*, *демпингование*, *демпинговость*; *бренд* — *брендировать*, *брендироваться*, *брендированный*, *брендирование*, *забрендировать*, *брендовый*, *мультибрендовый*; *демпинг-политика*, *демпинг-стратегия*, *бренд-коммуникационный*, *бренд-арт*.

Новые производные слова образуются и входят в речевое употребление не постепенно, а стремительно, одномоментно, «когда в соответствии с потребностями языкового коллектива, в связи с актуализацией того или иного понятия, в речевой обиход обрушивается сразу громоздкое словообразовательное гнездо» [Скляревская 2001: 180]. Соответственно, активной тенденцией в русском языке начала XXI века, так же как и в других славянских языках (см. статьи настоящего сборника об инновациях в болгарском, сербском, украинском, чешском и других славянских языках), является образование абсолютно новых словообразовательных гнезд от многочисленных английских заимствований и усиление адаптивной функции словообразовательных типов.

Система аффиксальных словообразовательных типов столь прочна, что она легко перерабатывает заимствованные корни, образуя производные с русскими аффиксами. В последнее десятилетие, так же как и в конце 1990-х годов, от иноязычных основ активно образуются имена существительные с суффиксами *-ник*, *-чик* / *-щик*, *-ец* / *-овец*, *-ист*, *-изм*, употребление которых характерно для текстов СМИ и Интернета (ср. *оффиорник*, *интернетчик*, *спамщик*, *пиаровец*). Продуктивны модели с суффиксами *-ств(о)* и *-ость*: *клипмейкерство*, *антикиллерство*, *брокерство*, *премьерство* и др.; *мультимедийность*, *суицидальность*, *рейтинговость* и др. Растет число процессуальных существительных, образованных с помощью суффикса *-ация(a)* / *-изация(a)*, минуя глагольную ступень, например, *вестерн* — *вестернизация* ('процесс изменения чего-либо по образу вестерна'); *кластер* — *кластеризация* ('процесс разделения на кластеры'), *буфер* — *буферизация* ('процесс передачи данных в буфер обмена'). В сфере образования имен прилагательных наибольшую активность проявляют суффиксы *-ск-*, *-ов-* / *-овск-*, *-н-*: *шенгенский*, *фолковый*, *онлайновый*, *пиаровский*, *интернетовский*, *гламурный*. Активизировалось взаимодействие с заимствованными основами и глагольных суффиксов, кроме *-ирова-*, также *-ова-*, *-и-* (преимущественно в текстах Интернета и СМИ): *брендировать*, *продюсировать*, *демпинговать*, *роуминговать*, *кастинговать*, *оффиорить*, *мониторить*.

Что же касается заимствования из английского языка структурных элементов — аффиксов, то кардинальных изменений здесь не происходит и их корпус в русском языке пополняется очень медленно, хотя в нем существует целый класс словообразовательных аффиксов иноязычного, прежде всего греко-латинского, происхождения. В настоящее время, по всей видимости, можно говорить о первых признаках появления нового отрицательного префикса *нон-*, заимствованного из английского языка, хотя он встречается в немногочисленных словах с иностранными корнями, таких как *нон-стоп*, *нон-фикшн*, *нонконформизм*, *нонфактор*, *нонфакт*, *нонстандарт*, *нонфигуративный*. Этот процесс поддерживается, во-первых, четким отрицательным значением данного форманта, во-вторых, вошедшими ранее в лексическую систему иноязычными словами без данного префикса (*стоп*, *конформизм*, *фактор*, *факт*), при отсутствии таких однокоренных слов элемент *нон* не воспринимается как префикс (ср. *нонсенс*), в-третьих, появлением стилистически нейтральных неологизмов на русской почве (*нонфигуративный*). Суффиксу *-инг* уже давно пророчили вхождение в русскую словообразовательную систему, для этого имеются и условия — целый ряд однотипных неологизмов в рекламно-экономической сфере: *шопинг*, *кастинг*, *маркетинг*, *демпинг*, *роуминг*, *факторинг*, *франчайзинг*, *толлинг*, *консалтинг*, *мониторинг*, *ребрендинг*, *джипинг*, и наличие у многих заимствований родственных слов без этого суффикса, ср. пары *монитор* — *мониторинг*, *бренд* — *ребрендинг*, *супермаркет* — *маркетинг*, *фактор* — *факторинг*, *джип* — *джипинг*. Но тем не менее элемент *-инг*, чуждый русской морфонологической системе, не становится деривационным формантом, способным образовать новое слово в русской словообразовательной системе вне игровой функции. Ироничные и анекдотичные производные типа «*объегоринг*» и «*свалинг*» подтверждают это (примеры таких каламбурных производных в иронично-игровой функции см. в [Коряковцева 2009: 192]).

В связи с активным образованием сложных единиц номинации русская словообразовательная система пополняется новыми словообразовательными формантами радикального типа (*медиа-*, *арт-*, *бренд-*, *топ-* и под.), которые анализируются в следующем разделе.

2. Статус сложных неологизмов (типа *арт-студия*, *медиа-бизнес*, *кофе-пауза*). В словообразовательное гнездо встраиваются как неологизмы, образованные от заимствованных корней по продуктивным русским словообразовательным моделям, так и полные заимствования, производные в английском языке и сохраняющие

свою производность на русской почве, а также сложные дериваты (компози́ты) разного типа. Это открывает путь в русскую словообразовательную систему новым словообразовательным формантам, преимущественно радикасноидного и аффиксноидного¹ типа. Например, появляются условия для адаптации форманта **-мейкер** (иногда встречается также в графическом варианте *-мэйкер*), не употребляющегося в русском языке как самостоятельная лексема. В современных словарях иностранных слов отмечено лишь несколько заимствований с формантом *-мейкер* (со слитным или дефисным написанием), восходящих к английским свободным словосочетаниям (которые могут писаться также слитно) — *маркет.мейкер* или *маркет-мейкер* (*market taker*), *имидж.мейкер* или *имидж-мейкер* (*image taker*), *клип.мейкер* или *клип-мейкер* (*clip taker, clipmaker*). В текстах СМИ и Интернета за последние 5 лет появились десятки новых производных — *суши-мейкер*; *пицца-мейкер*, *топик-мейкер*, *матч-мейкер*, *файл.мейкер*, *шоу.мейкер*, *климат-мэйкеры*. Первую часть сложных производных занимают, как правило, лексемы, заимствованные ранее (*клип, суши, пицца, топик, файл, шоу, видео*). Это укрепляет членимость подобных слов и их восприятие как производных уже на русской почве, где эти словосочетания приобретают характер композитов, а лексема из английского словосочетания по семантике сближается с аффиксами и аффиксноидами со значением деятеля (ср. *сушист, шоумен*). Появление производных с русскими корнями и элементом *-мейкер* под-

¹ К аффиксноидам относят морфемы переходного типа, которые обладают лексическим значением, сходным со значением корневых морфем (этимологически аффиксноиды являются корневыми морфемами, преимущественно заимствованными), но отличаются от последних не только связанностью, но и функциональным сходством с аффиксами – типовым характером значения и употребления, регулярностью соединения с целым рядом корней. Префиксноиды, выражающие разнообразные отношения и оценку (*квази-, макро-, мини-, мега-*), и суффиксноиды, соотносимые с типовыми значениями суффиксов или формирующие новые типовые значения (*-вод, -ман, -фоб*), способны пополнять класс префиксов и суффиксов. Есть все основания рассматривать в современном русском языке заимствованные препозитивные элементы типа *анти-, вице-, экс-, гипер-, гипо-* как префиксы, а постпозитивные элементы типа *-тека, -лог, -фил, -оид* как суффиксы. Радикасноидами называют связанные корни с более конкретным и предметным, по сравнению с аффиксноидами, лексическим значением: *теле-, био-, аква-, техно-, гидро-* и др. Радикасноиды могут соединяться и со свободными, и со связанными корнями в составе композитов, а также с аффиксноидами, тогда как префиксноиды и суффиксноиды между собою не соединяются. Но все же границы между новыми заимствованными словообразовательными формантами «оидного» типа (между аффиксноидами и радикасноидами) выражены нечетко. О переходных морфемах см. [Немченко 1994], [Лопатин 1997], [Клобуков, Гудилова 2001].

держивает его статус как словообразовательного форманта, который занимает промежуточное положение между радикасоидом и суффиксоидом (хотя по функции ближе к суффиксоиду). Число подобных неологизмов в средствах массовой информации и рекламе в последнее время стремительно растет. Ср. сочетание данного элемента с русскими основами в рекламных и газетных текстах: *платье-мейкер*, *праздник-мейкеры*, *сериал-мэйкер*, *ТВ-мейкеры*, *тур-мейкер*, *слухмейкер* (при этом отмечаются колебания в орфографическом оформлении таких слов: через дефис или слитно). Заимствованный неологизм *маск-мейкер* (*mask maker*), имеющий формально-семантические связи с лексемой *маска* (а также ироничный окказионализм *колбас-мейкер*) вызывает ассоциации со сложносокращенными русскими словами типа *стенгазета*.

Следующие примеры (из текстов электронных СМИ) иллюстрируют свободное сочетание элемента **топ-** (который иногда употребляется и как самостоятельная лексема) в функции префиксоида-радикасоида с разнообразными русскими существительными, обозначающими лиц или учреждения, к которым приложимо определение 'один из лучших, занимающих высокое положение в рейтинге': **Топ-специалист по управленческому учету и бюджетированию. Ежедневно мы осуществляем поиск и подбор топ-специалистов, топ-менеджеров для крупнейших горнодобывающих компаний России и СНГ. Не обойтись без продвинутого топ-финансиста и тем предприятиям, которые замыслили выход на международные биржи или привлечение иностранного капитала. Список топ-консультантов по развитию лидерских качеств. Второе полугодие они проведут в стенах зарубежного топ-университета, специализирующегося на вопросах госуправления. Книжный интернет-магазин ТОП-КНИГА. Главы топ-банков РФ уверены, что большинство выйдут из кризиса с прибылью.** Некоторые производные, прежде всего в текстах рекламы, демонстрируют стирание значения, связанного с конкуренцией и рейтингом, и демонстрируют развитие значения 'высокое качество'. Ср.: **Топ-объявления — это новая услуга для повышения эффективности ваших объявлений. Топ-услуги: перманентный макияж, самая широкая гамма гипоаллергенных пигментов.**

Проанализируем также открытый ряд неологизмов с радикасоидами *медиа-* и *арт-*, где есть и производные заимствования, и кальки, и дериваты, созданные при помощи сочетания данных элементов со многими русскими корнями (что подтверждает статус этих элементов как словообразовательных формантов особого типа — радикасоидов):

медиа- (фиксируется двоякое написание — слитное и через дефис): *медиабизнес, медиаактивы, медиа-менеджер, медиа-брокер, медиамаркет, медиахолдинг, медиа-группа, медиаимперия, медиакратия, медиамагнат, медиартнерство, медиапокупка, медиапространство, медиапрофсоюз, медиарынок, медиасеть, медиа-среда, медиа-художник;*

арт- (закрепилось правописание через дефис): *арт-менеджер, арт-менеджмент, арт-шоу, арт-гламур, арт-группа, арт-галерея, арт-группировка, арт-данные, арт-диктатор, арт-дилер, арт-директор, арт-жизнь, арт-журналист, арт-заказник, арт-звезда, арт-инсталляция, арт-каталог, арт-кино, арт-клуб, арт-колледж, арт-конверсия, арт-критика, арт-критик, арт-лицей, арт-место, арт-объект, арт-проект, арт-работа, арт-рынок, арт-событие, арт-сообщество, арт-столица, арт-студия, арт-сцена, арт-театр, арт-терапия, арт-туризм, арт-тусовка, арт-фильм, арт-фотография, арт-хит, арт-центр, арт-экспозиция, арт-элита, арт-ярмарка, арт-дуэт, арт-искусство, арт-азбука.* Элемент *арт* может занимать и второе место в сложном производном, ср.: *боди-арт, фото-арт, поп-арт, соц-арт, топ-арт, модерн-арт, данц-арт, тех-арт, дизайн-арт, ОРФО-арт.* Среди приведенных примеров немало неологизмов, создание которых по данной модели на русской почве не вызывает сомнений. По сути дела, характер другой части композита (заимствованный или исконный) уже не столь важен — элемент *арт* занял место в ряду других радикалидов.

В современной русистике и славистике остается дискуссионным вопрос о статусе единиц номинации типа *арт-проект, демпинг-стратегия, бизнес-система, кофе-пауза.* Во-первых, они рассматриваются как словосочетания с аналитическими прилагательными. Эта точка зрения поддерживается известной работой М. В. Панова об аналитических прилагательных в русском языке, которые он выделял даже в таких исконно русских языковых единицах, как *горе-изобретатель, чудо-молот* [Панов 1971]. Во-вторых, подобные единицы в русском, а также в других славянских языках трактуются как сложные слова ([Русская грамматика 1980: 245], [Gutschmidt 2003], [Аврамова 2003]). Как представляется, последняя трактовка имеет более веские основания, чем первая.

Подобные номинативные единицы образуются по аналогии с несколькими типами русских сложных слов. В русском языке имеется продуктивная модель их образования сложением прилагательного и существительного без соединительной гласной, но при сокращении мотивирующего прилагательного: *танцевальная площадка → танцплощадка, стенная газета → стенгазета, политическое бюро → политбюро.*

Мотивирующей базой сложного имени могут выступить два существительных, первое из которых выполняет функцию атрибута, при этом от первого существительного (обычно давнего и неизменяемого заимствования) прилагательное не образуется: *радио* → *радиоприемник*, *радиовещание*; *кино* → *кинофильм*, *кинотеатр*. Сложные существительные могут быть образованы сложением самостоятельных незаимствованных имен, в которых первая часть также служит определением второй: *сон-трава*, *меч-рыба*, *царь-пушка*, *царь-колокол*. Имеются и другие разновидности сложных слов этого типа: роль определителя может играть вторая часть (*город-герой*, *ракета-носитель*), между составными частями возможны равноправные отношения (*диван-кровать*, *юбка-брюки*, *плащ-палатка*).

Новые композиты отличаются от сложносокращенных слов и сложных слов, образованных словосложением, высокой продуктивностью и практически свободной сочетаемостью первой части с соответствующими по смыслу существительными, как заимствованными, так и исконными. Слитное написание характерно для связанных элементов, дефисное — для свободных корней, способных и к самостоятельному употреблению. Влияет на написание и формальное сходство с русскими моделями сложных слов типа *стенгазета*, *радиоприемник* или *телефон-автомат*.

Лексемы типа *макромир*, *аквапарк*, *аквааэробика*, *автомобиль*, *автопробег*, *луномобиль*, в которых один корень связанный, иногда рассматриваются как квазикомпозиты, т. е. сложные и членимые, но непроизводные слова, ввиду того, что форманты *микро-*, *аква-*, *авто-*, *-мобиль* не имеют соответствий среди производящих основ современного русского языка [Клобуков, Гудилова 2001]. Развитие данной модели сложных слов в последнее десятилетие свидетельствует о ее модификации: ее продуктивность, прозрачность семантической структуры, многочисленные словообразовательные ряды, включающие подобные связанные элементы, позволяют определить статус данных неологизмов как производных композитов (о деривации по аналогии и модели см. [Кубрякова 1987], а также статью Е. С. Кубряковой в данном сборнике).

Таким образом, среди неологизмов-композитов встречаются и чистые заимствования (типа *клипмейкер*), и кальки (ср. *кофе-пауза* — *coffee break*), и образованные в русском языке из заимствованных элементов, причем как новых, так и более ранних (ср. *курорт-отель*), а также дериваты, в которых иноязычные части сочетаются с исконно русскими (см. примеры, приведенные выше), что свидетельствует о росте продуктивности самой модели, составные части которой могут быть как связанными, так и свободными.

Быстрый рост сложных неологизмов с заимствованными элементами и их переход в разряд узусальной лексики объясняется не только растущими номинативными потребностями социума и влиянием английского языка, но и опорой на имеющиеся собственно русские модели сложных существительных. При этом стремительное увеличение количества сложных имен влияет на словообразовательную систему русского языка, пополняя ее новыми формантами радикального и аффиксального типа и изменяя продуктивность и статус самой модели. Кроме того, большая активность словосложения оказывает типологическое воздействие на русский язык, развивая инкорпорационные способы выражения атрибутивных синтаксических отношений в именной группе. В сложном производном имени с атрибутивной функцией интегрируется с другим именем (инкорпорируется в другое имя), имеющим морфологическое оформление, при этом атрибутивная функция первого имени морфологически никак не выражается. От аналитического сочетания двух имен, первое из которых выполняет функцию атрибута, подобная именная интеграция отличается морфологической непроницаемостью и подчиненным положением первого имени, которое само не может получать определение (ср. такую возможность в английском аналитическом сочетании, например *film maker — action film maker*).

Возникают сложные номинативные единицы, нетождественные словосочетанию, так как обладают морфологической цельностью (и этим отличаются от свободных аналитических сочетаний английского языка). При этом они имеют особенности и в сравнении с обычными сложными лексемами, так как легко образуются в речи, почти как свободные словосочетания, и образуют ряды дериватов с одним и тем же формантом. В нечеткой границе между словосочетанием и сложным словом для русского языка тоже нет ничего нового, если принять во внимание соотношение сложных слов и сочетаний самостоятельных слов, в которых одно выступает в функции приложения (ср. *летчик-испытатель* и *летчик-герой*; *генерал-майор* и *генерал-артиллерист*). Поэтому до сих пор и не утихает дискуссия о статусе таких единиц в русском и других славянских языках (об этой дискуссии, помимо уже упоминавшейся литературы, см. статьи Ю. Балтовой и Ц. Аврамовой в данном сборнике).

Подчеркнем, что новые композиты не противоречат словообразовательной и грамматической системе русского языка, о чем свидетельствуют исконно русские и отнюдь не новые номинации типа *царь-девица*, *сон-трава*. Но экспансия подобных композитов с заимствованными частями поддерживает появление чуждых русскому языку аналитических

многочленных конструкций, встречающихся пока лишь в рекламных и, как правило, переводных текстах, с грамматически невыраженными атрибутивными отношениями между составляющими их словами (что типично для английского языка). Ср.: *пемолюкс гель сода эффект, комет чистящий порошок антиржавчина, комет чистящий порошок лимон* [Левонтина 2006]. Подобные многочленные словосочетания с невыраженными синтаксическими отношениями между словами не соответствуют строю русского языка, в котором инкорпорация возможна лишь в пределах сочетания двух лексем. Многосложность таких конструкций снимает вопрос о композитах, их употребление преимущественно в именительном падеже и пунктуационная неоформленность в рекламных текстах отличает их от ряда обычных приложений. В подобные сочетания, наряду с заимствованиями, втягиваются и русские слова, подчиняясь навязываемым антиграмматическим отношениям. И. Левонтина отметила влияние таких конструкций и «на язык пропаганды», в частности на формулировку телевизионного проекта «Имя Россия» [Левонтина 2008]. Такое название, по всей видимости в целях краткости и звучности, игнорирует грамматические правила построения описательных номинаций. Проект предполагал выбор наиболее значительной исторической личности, символизирующей Россию, т. е. «главное имя России». Сочетание «Имя России» в качестве названия проекта при этом не подходило ввиду возможного понимания этого сочетания как «имя для России».

Таким образом, увеличение числа рассмотренных выше сложных композитов, рост активности данной словообразовательной модели, с одной стороны, соответствует активизации в современном русском языке таких способов словообразования, как сложение и сращение, отмеченной многими исследователями (ср. [Улуханов 1996: 59–72]), и усиливает тенденцию к синтетизму в словообразовании. С другой стороны, поток таких композитов способствует появлению словосочетаний с невыраженными грамматическими отношениями между входящими в них именами, что свидетельствует о давлении на русский язык аналитических структур².

3. Степень словообразовательной активности русских корней. Как следует из вышеизложенного, при сохранении и развитии процес-

² Проблеме соотношения синтетизма и аналитизма в сложных и описательных номинациях в современных славянских языках посвящена статья Ц. Аврамовой в данном сборнике, в которой автор пересматривает свою прежнюю точку зрения о композитах как показателях тенденции к аналитизму, считая теперь, что их образование является проявлением полисинтетизма в славянских языках.

сов, проявившихся в русском словообразовании в конце XX в., в последнее десятилетие наметились и новые тенденции. Опора на более ранние заимствования способствует развитию парадигматических связей иностранных неологизмов и формированию словообразовательных гнезд, в которые вступают и иноязычные форманты, соотносимые с лексемой в английском словосочетании и получившие в русском языке статус радикаидов или аффиксоидов (с нечеткой границей между ними). Гнездовое воздействие иноязычной лексики на русскую словообразовательную систему открывает ее для новых заимствований. При этом производные неологизмы с заимствованными корнями быстро утрачивают налет необычности и стилистической маркированности в текстах СМИ, рекламы, Интернета. Это новое явление объясняется тем, что иностранные элементы, свободные от ассоциативно-семантических и формальных связей в русской лексической и словообразовательной системах, имеют незанятые словообразовательные валентности, в отличие от русских корней, связанных формальными и семантико-ассоциативными отношениями с единицами русского словообразования. Поэтому в производстве неологизмов в текстах масс-медиа русские корни уступают заимствованным. А так как речь идет о текстах массовой коммуникации, то за счет этой массовости в целом можно констатировать, что в производстве новых слов, которые быстро встраиваются в словообразовательную систему русского языка, в современном русском языке более активны заимствованные корни.

М. Эпштейн вообще считает, что «корни русского языка перестали расти и плодоносить», что утрачивается «словопорождающая мощь родного языка» [Эпштейн 2008]. Об обеднении русского языка, особенно на протяжении двадцатого века, трагического для России, много писал и А. И. Солженицын, изучавший «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в сопоставлении с лексиконом современного русского языка. Для своего исследования и создания «Русского словаря языкового расширения» он привлекал также и «словный запас других русских авторов», т. е. те слова, которые «мы все незаслуженно отбросили по поспешности нашего века, по небрежности словоупотребления и по холостяцкому советскому обычаю» [Солженицын 1990: 5]. По мнению А. И. Солженицына, «лучший способ обогащения языка — это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств» [Солженицын 1990: 5]. М. Эпштейн предлагает другой путь пополнения словарного состава русского языка и оживления словотворчества от русских корней — целенаправленное индивидуальное производство новых слов в рамках проекта творческого развития русского языка и создания словаря таких новообразований,

при этом особое значение придается Интернету в закреплении и распространении искусственно созданных неологизмов [Эпштейн 2006]³.

Оба способа пополнения лексического состава русского языка, несомненно, заслуживают внимательного лингвистического изучения, но они не отражают реальное состояние словопроизводства от русских корней в современном языке, игнорируя уже созданные по продуктивным моделям и употребленные в реальных художественных, публицистических и разговорных текстах новые лексемы, не зафиксированные в словарях. Мы можем констатировать, что на фоне возрастания общей словообразовательной активности увеличивается и образование новых слов от русских корней — прежде всего за счет лакунарности русской словообразовательной системы и заполнения «пустых клеток» потенциально возможными производными ([Улуханов 1996], [Петрухина 2006]). Русские корни проявляют свою наибольшую словообразовательную активность в художественной литературе, публицистике и разговорной речи, образуя многочисленные потенциальные дериваты. Порожденные потребностями конкретного дискурса, они, как правило, не фиксируются словарями новых слов, ориентированными на средства массовой коммуникации. Игнорирование подобной лексики словарями связано также с тем, что установить степень новизны неологизма, образованного от русского корня, значительно сложнее, чем неологизма с иностранным элементом. Приведем примеры не отмеченных словарями, но достаточно обычных и нейтральных производных, заполняющих пустые клетки русской словообразовательной системы и образованных от русских корней разными способами:

— при помощи обратного словообразования — депрефиксации и депостфиксации. В глагольной системе при образовании деадъективных

³ «Существует предубеждение, что творение новых знаков, новых единиц языка — это процесс коллективный, безымянный, соборный, что субъектом словотворчества может выступать только целый народ. Это мифологическое представление: ведь у народа нет одного рта, чтобы в один голос изрекать новое слово. Всегда кто-то произносит его первым, а потом оно подхватывается, распространяется — или угасает. <...> Интернет делает возможным и мгновенное распространение нового слова среди огромного количества читателей. Новообразование может быть подхвачено на лету, и его успешность легко проследить по растущему из года в год и даже из месяца в месяц числу употреблений. Именно прозрачность Интернета в плане чтения и проницаемость в плане писания делает его идеальной средой для отслеживания и распространения новых словесных, да и графических, изобразительных знаков. Интернет делает с языком то, что когда-то письменность сделала с литературой: подрывает его фольклорные основания, переводит в область индивидуального творчества» [Эпштейн 2006].

глаголов со значением приобретения какого-либо признака выражается прежде всего результат (приставочно-суффиксальным способом), сам же процесс приобретения или становления признака может быть выражен депрефиксацией, ср. *посерьезнеть* — *серьезнеть*: *Вообще тенденция во всем «цивилизованном» мире такова — взростеть, **серьезнеть** и в Новый год дарить не какие-нибудь танцующие цветки, а косметику и часы. Так живут взрослые люди* (Огонек. 2003. № 44). Депрефиксация позволяет заполнить «клеточку» производного каузатива: *раскошелиться* — *раскошелить*: *Только забудь об эмоциях, потому что ты имеешь дело с компаниями или людьми, которых хочешь **раскошелить** на покупку* (Б. Левин. Блуждающие огни. НКРЯ);

— по продуктивным моделям префиксального и суффиксального словообразования, в том числе с помощью префиксации, при которой происходит мена префиксов: *закавычить* — *раскавычить*: *Любопытно, что «автор» у Добычина становится книгой и заключается в кавычки, а заглавия, напротив, **раскавычиваются**, и персонажи рассказов превращаются в реальных людей* (И. Сухих. У прозрачной стены // Звезда. 2003. № 8); *утончить* — *перетончить*: *Если я говорил, что стихотворение неудачно, он с комическим постоянством повторял: — Опять **перетончил!** Главный признак провинциализма в литературе — стремление быть модным* (Ф. Искандер. Поэт // Новый Мир. 1998. № 4); суффиксации (при помощи суффикса *-лив-* по модели *крикливый, шумливый*): ***Гремливая** цивилизация совершенно лишила нас сосредоточенной внутренней жизни, вытащила наши души на базар — партийный или коммерческий* (А. Солженицын). Потенциальные слова образуются как по продуктивным моделям, так и по аналогии с отдельными производными, ср. (образец *междуречье*): *Помимо «рабочих» маршрутов существуют и «**междугородие**» с указанием мест предполагаемого пребывания и дат путешествия* (*subscribe.ru*); (образец дан в тексте: *самоограничение*): *Разумное **самостеснение** и самоограничение во имя здоровья души и достойного существования будущих поколений* (Ю. Кублановский. Спасение через слово // Новый мир. 1996. № 6).

Потенциальные слова, образованные по продуктивным словообразовательным моделям, — типичное явление для многих современных художественных произведений. В качестве примера приведем некоторые производные из романа И. Лиснянской «Хвастунья», опубликованном в том же номере журнала «Знамя» (2006. №1), что и цитированная выше статья М. Эпштейна. Это автобиографический роман, как бы устный рассказ, поэтому все неузуальные производные, не зафиксированные ни в одном словаре, характеризуются разговорностью и при этом

не производят впечатления необычных окказионализмов. Преобладают модификационные глагольные дериваты (например, *доподумать, обшутить, донумеровывать, развспоминаться, урезониться, оттелефонить, прифантазировать*), синтаксические дериваты — отвлеченные существительные (ср.: *оборонительность, милота, беспризорничество; невыношение сору из избы, необсуждение на общей кухне политики*) и наречия (ср. *воспоминательно, сухо-календарно*), а также композиты, образованные при помощи сращения / сложения и суффиксации (*пестровитринные лавочки, внутримагазинная толпа, разнотематические лекции, домотворческий кинозал, судьбоопределившее, первоэтажное окно, околосценическая среда, бескопеечный, телевещательный ящик*). Встречаются также имена лиц мужского (*изобретенец*) и женского пола, как модификационные (*прозаичка*), так и мутационные, не имеющие парных существительных со значением лиц мужского пола (*комплиментница, балетница, складчица*), относительные имена прилагательные (*воспоминательный рассказик, комплиментарный восторг, комаровский июнь, безрежимный*) и разнообразные оценочные модификации (*сверхлюбить, сверхлюбимые люди, пренеобходимое, одетьские*).

Все примеры из романа И. Лиснянской представляют собой произведенные в речи потенциальные дериваты, характеризующиеся комбинацией номинативной с другими функциями словообразования, но в основном созданные с целью языковой экономии и экспрессии, с ясной семантикой — их понимание не требует обязательной опоры на контекст. Многие из приведенных производных находятся на границе потенциальных и узуальных слов. Эта граница в русском языке нечеткая, традиционно она основывается на зафиксированности слова в толковых словарях русского языка, что не может служить надежным критерием определения узуальности / потенциальности слова. Мы согласны с А. Богуславским, который считает, что неотмеченность того или иного деривата в классических толковых словарях (типа академического 17-томного словаря русского языка), основанных на обширных картотеках, фиксирующих употребление лексем в текстах, не всегда может служить показателем его отсутствия в языке, так как актуальное употребление деривата, образованного по продуктивной модели, в конкретном тексте носит случайный характер и часто зависит от неязыковых факторов [Bogusławski 1988: 67].

Соответственно в словарях русского языка разного типа не отмечены многие узуальные слова, образованные по продуктивным моделям и реально существующие в русском языке, которые нельзя считать потенциальными. Например, наше исследование выявило непоследовательность фиксации в толковых словарях современного русского языка ограничи-

тельных глагольных модификаций с приставкой *по-*. Ни в одном словаре, включая БАС, не зафиксирован ряд делимитативных глаголов, которые производят впечатление узуальных лексем. Это глаголы со значением как конкретной, так и обобщенной деятельности: *позаседать*, *потерзать*, *порегулировать*, *побастовать*, *посопротивляться*, *поконкурировать*, *пожонглировать*, *поаккомпанировать* и др. Ср.: *Ольга Давыдовна мечтает именно хорошенько **позаседать*** (В. Ходасевич); *Я попал в офицеры не прямо студентом ..., но перед тем прошел полгода угнетенной солдатской службы... А потом еще полгода **потерзали** в училище* (А. Солженицын); *Пошумели, покричали, **побастовали** — ничего не добились и разошлись по домам* (радио). *Я вдоволь пострелял на своем веку и вдоволь поблаженствовал, слыша победные трубы, и я вдоволь **позадыхался**, спасаясь бегством от преследователей, и заплакал при виде хладных тел вчера еще живых, но и вдоволь **позлословил** над плачущими* (Б. Окуджава).

Аналогично не зафиксированы многие другие дериваты, образованные по продуктивным моделям: глаголы с формантами *про-*, *от-*, *до-*, *на-* *-ся*, *до-* *-ся*; имена признака с суффиксом *-ость* (*представленность*, *лакунарность*, *дырчатость*, *имплицитность*, *аналитичность*, *отмеченность*, *зафиксированность*, *богемность*, *дезорганизованность*, *атомизированность*); прилагательные с приставками *около-* (*околоправительственные*, *околomosковские*, *околоуниверситетские круги* и др.), *внутри-* (*внутриправительственный*, *внутриуниверситетский* и др.), *пред-* (*предмосковский*, *предпитерское волнение*), *про-* (*промонархический*, *прокапиталистический*). Уменьшительные существительные фиксируются также далеко не всегда, ср. не отмеченные в словарях производные из романа И. Шмелева «Пути небесные»: *примерчик*, *храмик*, *придельчик*, *изломчик*. Так что реально существующих слов в русском языке намного больше, чем зафиксировано в лексикографических изданиях, так как даже многотомные толковые словари включают далеко не все узуальные дериваты⁴.

Вопрос о разграничении узуальных и потенциальных дериватов, а также о статусе ряда модификационных производных, имеющих грамматическую значимость, непосредственно связан с определением количества слов в русском языке. Традиционная отечественная лексикогра-

⁴ В авторском тексте и в библиографии (не в примерах) данной статьи, написанной сухим научным языком, также встретилось более 12 слов, не отмеченных словарями, из них 4 слова образованы от общеупотребительных лексем — *ворчалки* (из названия серии лингвистических заметок И. Левонтиной), *одномоментно*, *системообразующий*, *недоопределенность*. Несколько лингвистических терминов образованы от иностранных слов (*актуализационный*, *аффиксоидный*, *радикалоидный*, *грамматикализация*, *карнавализация*, *эвфемизация* и др.).

фия включает в качестве самостоятельных лексем и отдельных словарных статей парные по виду глаголы, возвратные глаголы с пассивным значением типа *обсуждаться*, *асфальтироваться*, уменьшительные и увеличительные производные имена, все глагольные модификационные производные с разнообразными приставками, наречия на *-о*, *-е*, образованные от качественных прилагательных, отвлеченные существительные, образованные от глаголов и прилагательных. По мнению некоторых исследователей, производные, образованные по продуктивным моделям в речи, не подлежат внесению в словарь, т. к. речь идет «о потенциальных схемах для образования лексем, еще не существующих в данном языке» [Мельчук 1995: 477–478]. К таким потенциальным схемам, для которых нет места в словаре, И. А. Мельчук относит прежде всего сложные прилагательные (это соответствует и отечественной лексикографической практике), сложные слова, образованные от числительных (типа *трехметровый*, *семимесячный*), а также глагольные модели с аффиксами *по-*, *до-* *-ся*, что расходится с лексикографической практикой [Мельчук 1995: 479–485]. М. Эпштейн считает, что не подлежат внесению в словарь в качестве отдельных словарных статей парные по виду глаголы, возвратные глаголы с пассивным значением, а также уменьшительные и увеличительные имена [Эпштейн 2006].

Вопрос о лексикографическом представлении парных по виду и залогу глаголов заслуживает отдельного рассмотрения. Он связан с особенностями взаимодействия словообразовательных и грамматических категорий в русском языке, в котором словообразовательный механизм деривации используется для грамматического формообразования (подробнее см. [Петрухина, Соколова 2009]), а также со степенью регулярности и предсказуемости видового и залогового формообразования. Что же касается модификационных производных, не имеющих грамматического статуса, то, по нашему мнению, не может быть иного решения, как представление данных производных лексем в словаре в виде отдельных словарных статей. Модификационное словообразование — важная часть русского словопроизводства. Стилистические, актуализационные, конструктивные и экспрессивные функции словообразовательных модификаций тесным образом взаимодействуют с их номинативной функцией. Выполнение данных функций не является регулярным, характеризуется лексической и аффиксальной избирательностью, что также не дает возможности переместить фиксацию модификационных дериватов из словаря в грамматику.

Итак, русские корни активно участвуют в потенциальном словообразовании — производстве новых слов по продуктивным моделям, заполняющим пустые «клеточки» в словообразовательной системе. Мно-

гие из таких производных не зафиксированы словарями русского языка, но тем не менее лишены налета необычности и воспринимаются как узловые образования. В целом же необходимо подчеркнуть, что потенциальные дериваты, легко образующиеся в разных типах дискурса по продуктивным моделям, представляют важное системообразующее свойство русского словообразования, что необходимо учитывать при анализе словопроизводства от русских корней.

Однако, несмотря на обилие примеров, показывающих словообразовательную активность русских корней в производстве новых слов (прежде всего в разговорной речи и художественной литературе), в финансовой, социально-политической, экономической, компьютерной терминологии, в рекламе, публицистике и вообще в средствах массовой коммуникации предпочтение отдается иноязычным заимствованиям и производным от них. Об этом свидетельствует языковой материал, приведенный в начале статьи. Другие примеры: *препейдный план* используется вместо *предоплатный план*; *аллокировать* вместо *отнести расходы на статью*; в компьютерной терминологии, при отсутствии номинации *оказатель услуг* употребляется заимствование *провайдер*; *юзер*, *юзерский* все чаще заменяет *пользователь*, *пользовательский*, а *креатив*, *креативный* — *творчество*, *творческий* и т. д.

Возникает вопрос о причине этого явления, которое не соответствует большому потенциалу русской словообразовательной системы. Как представляется, ее не стоит искать только в «словообразовательной робости» русистов, устранившихся от образования необходимых терминов для обозначения новых реалий, как считают некоторые переводчики экономических и юридических текстов, испытывающие недостаток русских терминов, эквивалентных английским. Причины глубже и отражают общие тенденции в речевой практике современного российского общества (а значит, в его настроениях и предпочтениях), когда и при наличии употребительных русских слов в названных типах дискурса появляются и активно употребляются синонимичные заимствования. Ср. пары заимствованных и русских лексем: *сертификат* — *свидетельство*, *сервис* — *обслуживание*, *социум* — *общество*, *бренд* — *торговая марка*, *дайвинг* — *погружение*, *суицид* — *самоубийство*, *инсталляция* — *установка*, *демо-версия* — *пробная версия*, *бонус* — *дополнительное вознаграждение*, *секьюрити* — *охранник*, *дилер* — *посредник*.

В качестве причин активного употребления иноязычной лексики исследователи указывают на семантическую спецификацию заимствований (*дайвинг* — не просто погружение, а спорт и целая развлекательная индустрия) и языковую экономию, когда заимствование заменяет описательную номинацию (ср. *либерализация цен* — повышение цен как результат

отказа от их государственного регулирования). Важную роль играет также речевая мода, стремление казаться современным и «посвященным» ([Крысин 2008: 18–36], [Кронгауз 2008]).

Называется и другая причина, которая нам представляется очень важной, — стремление к иносказанию, к эвфемизмам, неопределенности, т. е. таким средствам номинации, которые маскируют суть явления, часто отрицательного, оказываются для него камуфляжем, делая его вполне респектабельным [Крысин 2009: 51]. Ср. классические примеры, наглядно показывающие эффект употребления иноязычных лексем: *киллер* — наемный убийца, *мизантроп* — человеконенавистник, *атеизм* — безбожие. Эвфимизация такого типа демонстрирует «отрыв слова (имени) от вещи и скрытого в вещи смысла». Заимствования в русском (как и в любом другом славянском) языке нередко приобретают «размытую универсальность», «сокращают огромное поле смыслов до одного общего знаменателя» и тем самым скрывают суть явления. Поэтому такими словами удобно пользоваться, когда эту суть надо скрыть [Кара-Мурза 2005]. Так, по мнению ряда экономистов и социологов, свою отрицательную роль в процессе приватизации в России сыграл неологизм *ваучер*, прикрывший расхищение государственных богатств. Можно привести целый ряд подобных примеров. «Недостаток **ликвидности**» — из того же ряда. Означает этот псевдонаучный термин очень простую ситуацию ... это недостаток денег. <...> Для того и нужны непонятные термины, чтобы прикрыть ими суть происходящих событий, чтобы лишние вопросы не возникали» [Стариков 2010: 7].

И в повседневной жизни, когда мы употребляем такие малоинформативные фразы, как, например, *У него свой бизнес* или *Он менеджер*, то с помощью иностранных слов «мы размываем нашу реальность, наше социальное положение, предпочитая весомую и многозначительную неопределенность или, точнее, недоопределенность» [Кронгауз 2008: 38]. Конечно, без многих заимствований, обозначающих новые явления, невозможно обойтись, важен большой терминологический потенциал заимствований (ср. примечание 4), которые обогащают лексику русского и других славянских языков. Мы остановились подробнее на эффекте неопределенности и затемнения содержания при употреблении некоторых заимствований только потому, что в лингвистической литературе, в серьезных и обстоятельных исследованиях иноязычной лексики славянских языков и процесса интернационализации эта сторона данного процесса, как правило, не рассматривается (ср. [Komparacja 2003: 47–127], [Przejawy internacjonalizacji 2009]). Проявлением этой же тенденции — стремления уйти от реальности и сути явления — является и «карнавализация» [Бах-

тин 1990] языка, усиление игровой функции языковых средств, в том числе и словообразовательных (об игровой функции словообразования см. [Санников 1999: 143–178], [Попова 2005: 46–47], [Ермакова 2005: 138–147]).

Таким образом, вопрос о возможностях, функциях и конкурентах словопроизводства в современном русском языке связан с целым комплексом процессов, отражающих тенденции в настроениях и предпочтениях российского общества.

Литература

- Аврамова Ц., Осенова П.* Отново по въпроса за границата между сложна дума и словосъчетание (през призмата на най-новата българска лексика) // Български език. 2003. № 1.
- Балтова Ю.* Двусъставни субстантивни конструкции в съвременния български книжовен език // Известия на Института за български език. Т. XXVI. София, 1985.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М, 1990.
- Ермакова О. П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга, 2005.
- Земская Е. А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е. А. Земской. М., 1996.
- Земская Е. А.* Функции словообразования в языке русского зарубежья // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów / Red. K. Kleszczowa, L. Selimski. Katowice 2000.
- Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М., 2005.
- Клобуков Е. В., Гудилова С. В.* Языковая специфика непроемных сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 20. М., 2001.
- Коряковцева Е. И.* Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе (к постановке вопроса) // Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich. / Red. E. Koriakowcewa. Siedlce Wydawnictwo Akademii Podlaskiej w Siedlcach, 2009.
- Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
- Крысин Л. П.* Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008.
- Кубрякова Е. С.* Размышления об аналогии // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987.
- Кубрякова Е. С.* Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 3. М., 1998.

- Левонтина И.* Ворчалки о языке. Syntaxisu.net: О грамматике потребления // Интернет-портал «Стенгазета». 18.01. 2006. — <http://www.stengazeta.net/article.html?article=916>.
- Левонтина И.* Ворчалки о языке. Номиналисты: Хоть розой назови ее, хоть нет // <http://www.stengazeta.net/article.html?article=4885>
- Лопатин В. В.* Аффиксоид // Русский язык: Энциклопедия. — М., 1997.
- Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл-текст». М.; Вена, 1995.
- Немченко В. Н.* Современный русский язык: Морфемика и словообразование. Нижний Новгород, 1994.
- Панов М. В.* Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К семидесятилетию А. А. Реформатского. М., 1971.
- Петрухина Е. В.* Актуальные вопросы системного словообразования // Славистика. Синхрония и диахрония: Сборник статей к 70-летию И. С. Улуханова. М., 2006.
- Петрухина Е. В. Соколова С. В.* Проблемы грамматикализации в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Языковая категоризация. СПб., 2009.
- Попова Т. В.* Русская неология и неография. Екатеринбург, 2005.
- Русская грамматика. Т. I / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
- Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Скляревская Г. Н.* Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул, 2001.
- Солженицын А. И.* Русский словарь языкового расширения. М, 1990.
- Стариков Н.* Кризис\$. Как это делается. М., 2010.
- Улуханов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация М., 1996.
- Эпштейн М.* Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. № 1.
- Эпштейн М.* Русский язык: система и свобода // Новый журнал. 2008. № 250. <http://magazines.russ.ru/nj/2008/250/ep10.html>
- Bogusławski A.* Język w słowniku. Wrocław, 1988.
- Gutshmidt K.* Типологични тенденции // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja. / Red. I. Ohnheiser. Opole, 2003.
- Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich / Red. E. Koriakowcewa. Siedlce, 2009.

Сокращения

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>).

